ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ-СПРАВОЧНИК

Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты

Под ред. А.П. Сковородникова

3-е издание, стереотипное

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2011

УДК 811.161.1(038)
ББК 81.2Рус-4
Э68

Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты [Электронный ресурс] / под ред. А.П. Сковородникова. – 3-е изд., стереотип. – М. : ФЛИНТА, 2011. – 480 с.

Э68

ISBN 978-5-89349-502-7

Предлагаемый словарь-справочник энциклопедического типа дает достаточно полное описание выразительных средств и речевых погрешностей современной массовой русскоязычной коммуникации. Словарные статьи, кроме необходимых теоретических сведений, содержат богатый иллюстративный материал и библиографию.

Словарь рассчитан на самый широкий круг пользователей: учителей и учащихся старших классов общеобразовательных школ, гимназий и лицеев; студентов и преподавателей высших и средних специальных учебных заведений; журналистов, работников редакций и издательств; аспирантов и научных работников, вообще на всех, кто интересуется проблемами речевой культуры.

УДК 811.161.1(038)
ББК 81.2Рус-4

ISBN 978-5-89349-502-7 © Издательство «ФЛИНТА», 2011

К читателю

В современной России, взявшей курс на развитие демократических институтов, интерес к проблемам выразительной, действенной речи чрезвычайно высок. Это выражается, в частности, в изменении образовательной парадигмы: в учебных заведениях разных уровней и типов все большую роль начинают играть коммуникативные дисциплины (в том числе стилистика и риторика), провозглашен принцип обучения на коммуникативной основе, а понятие коммуникативной компетенции стало одним из ведущих в теоретической и практической педагогике.

Совершенно очевидно, что одной из составляющих коммуникативной компетенции развитой языковой личности являются не только знания и умения, необходимые для построения **правильной речи** (речи без нарушений литературно-языковых норм), но и знания и умения, позволяющие создавать **речь выразительную** (т. е. речь, способную воздействовать определенным образом на слушателя или читателя). Между тем если вопросы правильной (нормативной) речи достаточно подробно освещены в учебной литературе, толковых и других словарях и справочниках, то этого никак нельзя сказать о проблемах выразительной речи. Сведения о выразительных средствах русского литературного языка представлены в очень небольшом количестве словарей и справочников. Такими справочными пособиями для массового читателя являются, например, следующие книги: *Квятковский А.П.* Поэтический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1966; *Квятковский А.П.* Школьный поэтический словарь. М.: Дрофа, 1998; Литературный энциклопедический словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1987; *Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.* Общая риторика: Курс лекций и словарь риторических фигур. Ростов н/Д: Феникс, 1994 (второе издание вышло там же в 1999 г. под несколько измененным названием), а также некоторые лингвистические и литературоведческие терминологические и энциклопедические словари (они представлены в библиографической части словарных статей). Однако эти словари и справочники, будучи весьма ценными пособиями, тем не менее представляют выразительные средства русского языка (прежде всего — стилистические фигуры и тропы) в достаточно ограниченном наборе, а иллюстративный материал (который присутствует не всегда) берется в основном только из художественной литературы (преимущественно из поэзии). Кроме того, нельзя не отметить, что в существующих словарях и справочниках (как и в другой научной и учебной литературе, посвященной проблемам языковой и речевой выразительности) имеют место противоречия в трактовке многих понятий и дублирование терминов, что не способствует их системному представлению.

Поэтому создание справочного пособия, в котором толкуемые явления и соответствующие им термины были бы представлены с возможно большей полнотой, охарактеризованы адекватно современному состоянию элокутивной теории и продемонстрированы в их реальном функционировании, было основной целью авторов данного словаря.

При написании словарных статей, посвященных выразительным средствам русского языка/речи, авторы старались придерживаться следующей композиционной схемы:

— заголовочное слово (термин);

— дефиниция соответствующего понятия;

— характеристика функционирования данного выразительного средства;

— библиография (основная литература).

Принципиальными для авторов словарных статей были следующие положения:

— допущение выражать свою исследовательскую точку зрения по дискуссионным или недостаточно разработанным вопросам;

— ориентация на системное предъявление элокутивных терминопонятий;

— приведение такого количества иллюстраций, которое было бы достаточным для показа употребления данного выразительного средства в основных сферах его функционирования.

В нашей концепции многие выразительные средства являются результатом прагматически мотивированных (целесообразных) отклонений от языковых норм, а также от норм логических, этологических и онтологических — отклонений, получающих выражение в речи; соответственно прагматически не мотивированные отклонения рассматриваются как речевые ошибки. И поскольку, с точки зрения культуры речи, важно, с одной стороны, владеть инструментарием выразительных средств языка/речи, с другой стороны, уметь избегать речевых ошибок, а при необходимости распознавать и исправлять их, мы посчитали целесообразным включить в наш словарь раздел, посвященный речевым ошибкам и недочетам.

Итак, словарь состоит из двух частей. В первой части представлены выразительные средства современного русского литературного языка, во второй — наиболее типичные для современной массовой речи ошибки и недочеты.

В обеих частях словарные статьи расположены в алфавитном порядке.

Если название статьи состоит из прилагательного и существительного, то на прилагательное оно дается в том случае, когда это прилагательное образует с существительным единое понятие (например: *риторический вопрос, лексические ошибки* и т.п.).

Название статьи (заголовочное слово) в ряде случаев дается в виде перечня синонимов или вариантов данного термина. Например: *риторический вопрос,* или *эротема; анафора,* или *единоначатие; оксюморон,* или *оксиморон; эвфемизм,* или *эвфимизм* и т.п.

В конце словаря даны два предметных указателя — соответственно для каждой части. Если представленное в словаре понятие обозначается двумя или несколькими тождественными по значению терминами, то в обоих указателях один из этих терминов берется в качестве заголовочного слова, а от другого термина (терминов) делается отсылка к первому. Например: *Апострóф. То же, что Риторическое обращение*. Если толкование частного, видового понятия осуще-

ствляется не в отдельной словарной статье, а включено в словарную статью, объясняющую более широкое, родовое понятие, то в обоих указателях отсылка делается к этой статье. Например: *Именительный темы. См. Сегментированная синтаксическая конструкция*.

Если вам нужно решить, как наиболее выразительно построить какой-либо устный или письменный текст, если вы хотите оживить свою речь каким-либо стилистическим приемом, обратитесь к первому предметному указателю, изучите его содержание, затем обращайтесь к соответствующим статьям словаря.

Если вы хотите грамотно отредактировать какой-либо текст, квалифицированно исправить ошибки в устной или письменной речи, ознакомьтесь с содержанием второго предметного указателя, а затем с содержанием нужных вам словарных статей.

Если вы изучаете в вузе, среднем специальном учебном заведении или в школе культуру речи, стилистику или риторику и готовитесь к испытаниям по этим предметам, сначала ознакомьтесь с учебной программой соответствующей дисциплины и контрольными или экзаменационными вопросами, выделите нужные вам понятия в словаре, затем читайте соответствующие словарные статьи.

Надеемся, что словарь поможет вам в решении ваших проблем.

Авторский коллектив — сотрудники кафедры общего языкознания и риторики Красноярского государственного университета — продолжит работу над совершенствованием словаря и будет признателен читателям за любые конструктивные замечания и советы.

А.П. Сковородников

Список условных сокращений

Периодические издания

АиФ — «Аргументы и факты»
ВК — «Вечерний Красноярск»
ВМ — «Вечерняя Москва»
ВС — «Вокруг смеха»
ВЯ — «Вопросы языкознания»
ГН — «Городские новости»
Зав. — «Завтра»
ЗС — «Знание — сила»
Изв. — «Известия»
КГ — «Красноярская газета»
КК — «Красноярский комсомолец»
КО — «Книжное обозрение»
Ком. — «Комок»
КП — «Комсомольская правда»
КР — «Красноярский рабочий»
Крас. — «Красноярск»
ЛГ — «Литературная газета»
ЛР — «Литературная Россия»
МК — «Московский комсомолец»
МКК — «Московский комсомолец в Красноярске»
МН — «Московские новости»
НВ — «Новое время»
НГ — «Новая газета»
Нед. — «Неделя»
НзГ — «Независимая газета»
ПГ — «Парламентская газета»
Прав. — «Правда»
РВ — «Русский вестник»
РГ — «Российская газета»
РР — «Русская речь»
РЯЗР — «Русский язык за рубежом»
РЯНШ — «Русский язык в национальной школе»
РЯШ — «Русский язык в школе»
СвГ — «Свой голос»
СГ — «Сегодняшняя газета»
СК — «Советская культура»
СР — «Советская Россия»
СС — «Советский спорт»
Тр — «Труд»
ТД — «Твой Додыр»
УГ — «Учительская газета»
УЖ — «Университетская жизнь»
ФН — «Филологические науки»
Хак. — «Хакасия»
ЦТ — «Центральное телевидение»
ЧиР — «Честь и Родина»
ЭГ — «Экспресс-газета»
ЮСВ — «Южно-Сибирский вестник»

Прочие сокращения

акад. — академик
АН — Академия наук
БТСРЯ — Большой толковый словарь русского языка
БСЭ — Большая советская энциклопедия
буд. время — будущее время
букв. — буквально
в., вв. — век, века
в т.ч. — в том числе
вин. п. — винительный падеж
вып. — выпуск
гг. — годы
газ. — газета
гл. — глава
гл. обр. — главным образом
гл. ред. — главный редактор
греч. — греческий
дат. п. — дательный падеж
др. — древне-
д-р — доктор
ед. ч. — единственное число
жен. род — женский род
зав. — заведующий
зап. — западный, западно-
и др. — и другие
изд. — издано, издание
илл. — иллюстрация
им. п. — именительный падеж
ин-т — институт
к.-л. — какой-либо
к.- н. — какой-нибудь
книжн. — книжное
лит. — литературный, литература
млн. — миллион
мн. ч. — множественное число
муж. род — мужской род
н. э. — наша эра
напр. — например
нареч. — наречие
наст. вр. — настоящее время
нач. — начало
нейтр. — нейтральное
обл. — область
ок. — около
опубл. — опубликовано
пол. — половина
прост. — просторечный
проф. — профессор
прош. вр. — прошедшее время
разг. — разговорный
РАН — Российская академия наук
РГБ — Российская государственная библиотека
ред. — редактор, редакция
р-н — район
род. п. — родительный падеж
рус. — русский
РФ — Российская Федерация
сб. — сборник
сер. — середина
сл. ст. — словарная статья
след. — следующий
см. — смотри
сов. — советский
совр. — современный
ср. — сравни
ср. род. — средний род
ст. — статья
ст.-слав. — старославянский
сущ. — существительное
т. — том
тез. — тезисы
т.е. — то есть
т.к. — так как
т.н. — так называемый
т.о. — таким образом
т.п. — тому подобное
тыс. — тысяча, тысячелетие
ун-т — университет
устар. — устарелое
церк.-слав. — церковнославянское
чел. — человек
чл. — член
чл.-корр. — член-корреспондент
ч.н. — что-нибудь
ч.л. — что-либо

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА И РЕЧИ

А

АВЕ́РСИЯ — сравнительно малоупотребительный термин, обозначающий такую разновидность Риторического обращения (см.), когда объектом (адресатом) обращения служит олицетворяемый предмет или заведомо отсутствующее (умершее, воображаемое) лицо. Напр.:

1) ***Тучки небесные, вечные странники!***
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную.
(М. Лермонтов)

2) ***Сын роскоши, прохлад и нег,***
*Куда, **Мещерский!** Ты сокрылся?*
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился <...>
(Г. Державин)

3) ***Дездемона, Дездемона!***
Далека тревог земных,
К нам из тучи с небосклона
Ты дрожишь звездой любви.
(И. Козлов)

Функция А. заключается не столько в названии адресата, сколько в привлечении внимания к этому адресату со стороны других лиц (читателей, слушателей) и его оценочной характеристике. (Подробнее см.: «Риторическое обращение»).

Лит.: см. при ст. Риторическое обращение.

А.П. Сковородников

АВТОЛО́ГИЯ (от греч. avtos — сам и logos — слово; букв. — «самословие») — способ построения художественного текста без употребления в нем слов и выражений в переносном значении (тропов): языковые единицы автологичных текстов используются в своих прямых семантических реализациях. В этой связи А. противостоит Металогии (см.) своей предметной точностью. Автологичны многие рассказы А. Чехова, А. Куприна, И. Бунина. Напр.:

В новогоднее утро учитель военной гимназии Лев Пустяков пришёл к своему другу поручику Леденцову. «Видишь ли, в чём дело, Гриша, — сказал он поручику

после обычного поздравления с Новым годом, — есть у меня к тебе одна просьба. Одолжи мне, милый, на сегодня твой орден. Сегодня, видишь ли, я обедаю у купца Спичкина. А ты знаешь Спичкина: он страшно любит ордена и не считает людьми тех, у кого их нет. А дочери его... Надя и Зина... Такие девушки... Ты меня понимаешь, мой милый. Дай, сделай милость!» (А. Чехов. Орден); *Маленькая девочка нездорова. Каждый день к ней ходит доктор Михаил Петрович, которого она знает уже давным-давно. А иногда он приводит с собой ещё двух докторов, незнакомых. Они переворачивают девочку на спину и на живот, слушают что-то, приложив ухо к телу, лица у них строгие, и говорят они между собой на незнакомом языке* [А. Куприн. Слон.]; *Некто Ивлев ехал однажды в начале июня в дальний край своего уезда. Тарантас с кривым пыльным верхом дал ему шурин, в имении которого он проводил лето. Тройку лошадей, мелких, но справных, с густыми сбитыми гривами, нанял он на деревне у богатого мужика* [И. Бунин. Грамматика любви].

Автологичны некоторые описания А.С. Пушкина в «Графе Нулине», «Евгении Онегине»:

Мой дядя самых честных правил,
Когда не в шутку занемог,
Он уважать себя заставил
И лучше выдумать не мог.
Его пример другим наука;
Но, боже мой, какая скука
С больным сидеть и день, и ночь,
Не отходя ни шагу прочь!
Какое низкое коварство
Полуживого забавлять,
Ему подушки поправлять,
Печально подносить лекарство,
Вздыхать и думать про себя:
Когда же чёрт возьмёт тебя!

[Евгений Онегин]

А. связана с «безóбразной образностью», создающейся без использования специальных образных средств — тропов. Вместе с тем автологичные тексты могут содержать в себе стилистические фигуры, которые не создают образа, а лишь усиливают экспрессию высказывания, подчёркивая в нём наиболее значимую информацию. Например, в приведённой иллюстрации из «Евгения Онегина» А.С. Пушкиным использована такая фигура, как Инверсия (см.).

Традиция автологического стиля в России восходит к фольклору. Мастерски пользовались автологией А. Грибоедов, А. Герцен, Н. Некрасов, А. Блок, Д. Бедный, В. Маяковский, А. Твардовский, К. Симонов и др. Однако целый ряд русских художников слова избегали А.: Ф. Тютчев, А. Фет, символисты, футуристы, имажинисты и др.

Не исключена возможность введения в автологические тексты металогий (образных отрезков), т.е. многие тексты представляют собой смешанный тип — автологично-металогичный. Таковы произведения А.С. Грибоедова («Горе от ума»), многие произведения А.С. Пушкина, Н.В. Гоголя («Мёртвые души»), А. Блока («В северном море»), М. Булгакова («Мастер и Маргарита») и др.

Ярко и целесообразно сочетаются автологический и металогический стили в детской литературе. См., например, произведения К. Чуковского, С. Маршака, Б. Заходера, Р. Сефа, Я. Акима, А. Барто, Э. Мошковской, Д. Хармса и др.

Лит.: **Горшков А.И.** Русская словесность. От слова к словесности. М., 1996; **Михайлов М.М.** Образность как одно из качеств хорошей речи // РЯШ. 1991. № 1; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. I. Абакан, 2000; **Потебня А.А.** Из записок по теории словесности. Харьков, 1905.

Е.В. Пекарская

АВТОРСКАЯ РЕЧЬ — внутритекстовое воплощение автора (образа автора), ответственного за сказанное им. Последнее важно, поскольку, например, «в устном коллективном народном творчестве (фольклоре) категория автора лишена статуса персональной ответственности за поэтическое высказывание. Место автора текста заступает там *исполнитель* текста — певец, сказитель, рассказчик и т.п.» (Прозоров В.В. Автор // Введение в литературоведение. М., 1999. С. 12).

Термин А.Р. применим прежде всего к художественной речи, поскольку именно в художественном тексте мы встречаем множество «точек зрения» (Б. Успенский), «чужую речь» (см.) как речь персонажей или кого-либо, отличного от самого автора текста. В художественном тексте автор может быть представлен как собственно автор, автор-повествователь, лирический герой, лирическое «Я» и герой ролевой лирики (см. об этом: Корман Б.О. Литературоведческие термины по проблеме автора, Ижевск, 1982).

Речь идет о субъективной структуре текста. «Если представить себе субъективную сторону [текста] как некую целостность, двумя полюсами которой являются авторский и «геройный» планы, то ближе к авторскому будут располагаться автор-повествователь и «собственно автор», ближе к геройному (почти совпадая с ним) — герой ролевой лирики; промежуточное положение займут лирическое «я» и лирический герой» (Бройтман С.Н. Лирический субъект // Введение в литературоведение. Москва, 1999. С. 144).

Все разнообразные формы присутствия автора в тексте зависят от родовой и жанровой принадлежности текста (произведения).

Как отмечают исследователи, более всего автор проявляется в рамочных компонентах текста (заглавии, эпиграфе, начале и концовке текста, псевдониме), а также в метатексте, составляющем целое с основным текстом: посвящения, авторские примечания и ремарки, предисловия, послесловия, отступления и под.

Повествование (эпическое или же лирическое) всегда ведется от чьего-то лица; в нем прямо или косвенно присутствует повествователь — посредник между изображаемым в тексте (содержанием) и слушателем / читателем. В А.Р. повествование ведется объективно от автора; автор сообщает все от своего лица.

Участие автора сказывается в употреблении эгоцентрических слов (иногда их называют «дейктическими словами», например, Е.В. Падучева): местоимений (*я, ты, этот*), наречий (*здесь, сейчас, тут, там*), частиц (*вон, тот*), а также пока-

зателей субъективной модальности (по В.В. Виноградову) — вводных слов, высказываний, модальных слов и др., которые подразумевают говорящего.

А.Р. обладает не только изобразительностью, но и выразительностью и характеризует не только объект высказывания, но и самого говорящего.

Лит.: **Бройтман С.Н.** Лирический субъект // Введение в литературоведение. М., 1999; **Нечаева О.А.** Речь автора-наблюдателя в художественном тексте // Нечаева О.А. Очерки по синтаксической семантике и стилистике функционально-смысловых типов речи. Улан-Удэ, 1999; **Падучева Е.Р.** Говорящий как наблюдатель. Об одной возможности применения лингвистики в поэтике // Известия АН. Серия лит-ры и языка. 1993. № 3. Т. 52; **Прозоров В.В.** Автор // Введение в литературоведение. М., 1999; **Эр. Хан-Пира**. О творческом характере авторских ремарок Ф.М. Достоевского // РР. 1999. №1.

О.Н. Емельянова

АВТОРСКОЕ ОБНОВЛЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ. В обычной речи фразеологизмы в той или иной мере утрачивают свою образность, становятся привычными. Поэтому писатели стараются вернуть фразеологизмам образность, освежить их, используя для этого разные приемы:

1) Изменение лексического состава при сохранении общего значения фразеологизма:

А) Сокращение количества слов фразеологизма. Автор считает, что достаточно дать часть слов, чтобы читатель восстановил в памяти весь фразеологизм. Например, П. Антокольский вместо фразеологизма «не сразу и Москва строилась» дает только его часть:

Мы слышим трезвые слова,
Что труден всякий путь к успеху,
К тому же дело и не к спеху:
***Не сразу**, дескать, **и Москва**...*

Б) «Расщепление» фразеологизма, когда автор вводит в его состав лексические распространители, дополнительные слова. Например: *В литературе все понимают* — ***хоть сто прудов пруди** знатоками* (Р. Рождественский) вместо *хоть пруд пруди*.

В) Замена слов во фразеологизме (частичная или полная). Пример частичной замены: в поэме А. Твардовского «Василий Теркин» вместо фразеологизма *дух вон* — встречаем *печенки вон* с тем же значением. Или: *А это **проще всем известной репы*** (Р. Рождественский) вместо *пареной репы*; *Критика **почтила роман молчанием*** (Ср. *Почтить чью-либо память вставанием*).

Пример полной замены слов в составе фразеологизма: по образцу фразеологизма *за тридевять земель* поэт Л. Ошанин создает выражения *за пять выстрелов, за десять песен*:

Кто придумал, что мир очень тесен?
Побывайте в таежной глуши, —
За пять выстрелов, за десять песен
Здесь живая душа от души.

Таким образом, при полной замене слов в составе фразеологизма новое выражение образуется как бы по его модели.

2) Изменение значения фразеологизма при сохранении лексического состава, но при использовании фразеологизма в необычном для него окружении, сочетание с такими словами, с которыми он обычно не сочетается в речи. При этом смысл фразеологизма изменяется. Такое обновление фразеологизмов может быть двух видов:

А) Замена закрепленного в языке значения на новое. Например, у Твардовского: *хоть глаз коли = недвижимо, без признаков жизни*, тогда как в общепринятом употреблении — *темно*:

...Но смолкнул Теркин.
Как там хочешь, так зови.
Он лежит с лицом землистым.
Не моргнет. ***Хоть глаз коли.***

Сюда же относятся случаи употребления фразеологизма как свободного сочетания слов, например: *Яйца учат курицу терпению* (В. Ветров).

Б) Двусмысленное использование фразеологизма: и как фразеологизма, и как свободного сочетания слов, например: ***Сматывай удочки*** *сейчас же, — обратился Сухарько к Павке. — Ну, быстрей, быстрей, — говорил он, видя, что тот спокойно продолжает удить* (Н. Островский). *Сматывай удочки* здесь означает одновременно и *убирайся* и *собирай, скручивай свою рыболовную снасть.*

3) Изменение лексического состава и значения фразеологизма. Такому изменению довольно часто подвергаются разложимые по смыслу фразеологизмы.

А) В этом случае слово со свободным значением расширяет свою сочетаемость, а замена слова со свободным значением изменяет общее значение фразеологизма. Например, выражение *малиновый звон* означает *приятный, очень мягкий по тембру звон.* Поэт В. Казин, сохраняя это значение слова ***малиновый***, создает с ним новое сочетание:

Звени, звени, гуди, гуди,
Малиновое сердцебиение!

Б) Сюда же можно отнести случаи умышленного смешения двух фразеологизмов: *Работа не Алитет, в горы не уйдет* (С. Антонов). Ср.: *Работа не волк, в лес не убежит* и *Алитет уходит в горы.* Другой пример: *Кто потерпел победу?* (название статьи в газете — из *одержать победу* и *потерпеть поражение.*

4) Инверсия (см.) компонентов фразеологических единиц с целью логического выделения одного из них в соответствии с коммуникативной целью авторского сообщения: *Что бюрократизм есть* ***вопрос больной****, — это мы все признаем* (В. Ленин. ПСС. Т. 43. С. 47). Встречаются Хиазмы (см.) фразеологических единиц:

А) С одинаковыми компонентами: *Хочет* ***рот заткнуть*** *другим, сам еще* ***не разинув рта!*** (В. Ленин. ПСС. Т. 47. С. 151).

Б) По отношению к разнокомпонентным фразеологизмам: *...богатый и бедный мужик вместе* ***связаны по рукам и ногам*** *и помещику* ***с головой выданы*** (В. Ленин. ПСС. Т. 7. С. 85).

А.о.ф. обозначают также терминами «обновление фразеологизма» и «разложение фразеологизма» (См. Обновление, или Разложение фразеологизма).

Лит.: **Бакина М.А.** Структурно-семантические преобразования фразеологических единиц в современной поэзии // РЯШ. 1980. № 3; **Бакина М.А.** Фразеологизмы в современ поэзии // РР. 1980. № 2.

О.Н. Емельянова

АДИНА́ТА. То же, что Импоссибилия.

АККУМУЛЯ́ЦИЯ (от лат. akkumulare — нагромождать, собирать) — разновидность амплификации (в первом значении), близкая Плеоназму (см.); стилистический прием, состоящий во множественном перечислении, нагнетании синтаксически однородных, но содержательно (предметно, понятийно) не всегда однородных членов или частей предложения с целью представить некое сложное целое (явление, процесс, ситуацию и т.д.) перечнем отдельных его аспектов, частей или деталей. Напр.:

1) Путь Чехова — это путь русской свободы <...> Вы попробуйте, охватите всех его героев. Может быть, один лишь Бальзак ввел в общественное сознание такие огромные массы людей. Да и то нет! Подумайте: врачи, инженеры, адвокаты, учителя, профессора, помещики, лавочники, фабриканты, гувернантки, лакеи, студенты, чиновники всех классов, прасолы, кондуктора, свахи, дьячки, архиереи, крестьяне, рабочие, сановники, натурщицы, садоводы, зоологи, хозяева постоялых дворов, егеря, проститутки, рыбаки, поручики, унтера, художники, кухарки, писатели, дворники, монахини, солдаты, акушерки, сахалинские каторжники... (В. Гроссман); 2) *Он мог говорить о ловле хариуса и птицах, об автомобилях и самолетах, о водных богатствах и недрах края, о проблемах БАМа и новейших технических достижениях, о мировой науке и декабристах в Сибири, что было его любимой темой. О том же, чего он не знал или знал плохо, Путя помалкивал* (Ю. Нагибин); 3) *Обожали, переполняли, ломились, аплодировали, освистывали, балдели, рыдали, пестрели, молились, раздевались, швырялись, мяукали, кайфовали, колотились, надирались, отдавались, затихали, благоухали, смердели, лорнировали, блевали, шокировались, не секли, не понимали, не фурыкали, не волокли, не контачили, не догоняли, не врубались, трубили, кускусничали, акулевали, клялись, грозили, обожали, вышвыривали, не дышали, стонали, учились, революционизировались, поняли, скандировали: «Ом, ом, оом, ооммм!» Овации расшатывали Альберт-холл.* (А. Вознесенский); 4) *...Но сожжением трупа мужика Григория, так разобидевшего всю Россию, заботы восставшего народа отнюдь не ограничивались. Забот этих было буквально миллион: нужно было производить обыски, нужно было арестовывать, нужно было убивать, нужно было обсудить условия демократического мира с Германией, нужно было решить судьбу царя и его семьи, разрешить вопрос земельный, переместить Керенского с одного высокого поста на другой, высочайший, нужно было бороться с реакцией, нужно было бороться с большевиками, нужно было подтянуть трухлявых кадетов, нужно было содрать золотых орлов с аптек и замазать на всех вывесках страшные слова «поставщик двора», нужно было ввести в оглобли лукавящий Викжель, нужно обуздать порывы могущественного Совета рабочих депутатов, нужно было уговорить рабочих граждан республики православного вероисповедания не громить граждан республики вероисповедания иудейского, нужно было добыть бумаги газетам и на прокламацию, — буквально нельзя перечислить всего, что было нужно сделать!* (И. Наживин); 5) *Как зима беспредельна! У льда одного — сколько ликов! Кувыркающихся, составляющихся из бликов... С убегающим взглядом, вертящихся, как на шарнирах, акварельных, игрушечных, радужных, линзоообразных... Сколько ликов и видов! То сыростью нежных и сирых, то по-царски алмазных, то нищенски — бедных и грязных... Сколько ликов у льда! Он бывает пустым, облегченным, серым, сетчатым,*

перистым, мокрым, весенним, сеченым, черным, пильчатым, ржавым, дыханьем тепла омраченным, мутным, грозным, слепым... С чем-то красным, внутри запеченным... (Н. Матвеева).

А. преимущественно используется в художественной прозе и поэзии, причем в малых жанрах последней может составить конструктивно-стилистическую основу целого текста, как, например, в следующем стихотворении А.А. Фета:

6) *Это утро, радость эта,*
Эта мощь и дня и света,
Этот синий свод,
Этот крик и вереницы,
Эти стаи, эти птицы,
Этот говор вод,
Эти ивы и березы,
Эти капли — эти слезы,
Этот пух — не лист,
Эти горы, эти долы,
Эти мошки, эти пчелы,
Этот зык и свист,
Эти зори без затменья,
Этот вздох ночной селенья,
Эта ночь без сна,
Эта мгла и жар постели,
Эта дробь и эти трели,
Это все — весна.

А. встречается также и в других стилистических сферах, не чуждых экспрессивности, например, в публицистике, в сценических произведениях, в ораторской речи: 7) *О трудоспособности Ильи Глазунова ходят легенды. Мало ему писать свои знаменитые «Мистерии», писать портреты королей, принцев и премьеров. Мало ему практически в одиночку воссоздать Академию живописи, ваяния и зодчества. Мало устраивать выставки свои и своих студентов, вывозить студентов в Италию. Мало — бороться с авангардистами всего мира, собирать русские иконы, быть одним из инициаторов восстановления Храма Христа Спасителя... Илья Глазунов — самый известный художник России, и от этого факта никто никуда не денется* (Зав., № 28. 1997); 8) *Смех бывает: идейный — безыдейный, оптимистический — пессимистический, нужный — ненужный, наш — не наш, иронический, саркастический, злопыхательский, заушательский, утробный, злобный и... от щекотки* (В. Масс, М. Червинский); 9) *Не всякий нищий блажен. Блажен не просто обездоленный, потому что от обездоленности нищенства духовного не обретешь; обездоленный, который только жаждет доли потерянной, в Царствие Божие не входит; а блажен тот, кто познал, что ничего у него нет; даже то, что кажется его собственностью, — не его. Жизнь, тело, ум, сердце и все, чем богата наша жизнь: любовь людей, солидарность людей, братство, жалость, милосердие — столько можно было бы еще назвать таких богатств, — все это от Бога* (Митрополит Антоний Сурожский).

Анализ приведенных примеров показывает, что, кроме основной функции многоаспектной характеристики сложного объекта, А., в зависимости от содержания микро- и макроконтекста, может выполнять дополнительные функции:

усиливать эмоционально-оценочный компонент высказывания (1, 2, 3, 5, 6, 7), включаться в аргументацию (9), участвовать в создании юмористического эффекта (8). Эти же примеры позволяют заметить, что А., как правило, употребляется во взаимодействии с другими стилистическими приемами (тропами и фигурами): асиндетоном (1, 3), полисиндетоном (2), антифразисом, лексическим и синтаксическим повтором (4), эпитетами (5), синтаксическим параллелизмом и анафорой (6, 7), антитезой и силлепсисом (8), инверсией (9).

В большинстве случаев А. совмещается с Плеоназмом.

Лит.: **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АКТУАЛИЗА́ЦИЯ (от позднелат. actualis — действенный) — понятие, имеющее в лингвистике различные определения. Одни исследователи под А. понимают такое использование языковых средств, которое воспринимается как необычное и поэтому привлекает к себе внимание (Ахманова О.С., 1966. С. 37; Гавранек Б., 1967. С.355; Григорьев В.П., 1987. С. 17; Сеничкина Е.А., 1988. С. 7 и др.), другие считают, что А. — это «реализация потенциальных свойств языковых элементов в речи, приспособление их к требованиям данной речевой ситуации» (напр., Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976. С. 18), третьи приравнивают понятие А. к понятию Выдвижение (см.).

В.П. Григорьев отмечает, что «термин А. употреблялся в ОПОЯЗе; в Пражском лингвистическом кружке явление А. соотносили с «автоматизацией» как фоном, на к-ром воспринимается А.; позднейшие исследователи чаще говорят об «обоснованных отступлениях» (Л.В. Щерба) от норм лит. языка и о преобразовании его элементов в худож. текстах» (Григорьев В.П., 1987. С. 17).

А., по мнению некоторых исследователей, не обязательно связана с отклонением от нормы. В художественной речи «решающим фактором актуализации очень часто оказывается специфическая комплексная целенаправленность взаимодействия речевых элементов безотносительно к отклонениям от языковых норм» (Васильева А.Н., 1983. С. 168).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Васильева А.Н.** Художественная речь: Курс лекций по стилистике для филологов. М., 1983; **Гавранек Б.** Задачи литературного языка и его культура // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; **Григорьев В.П.** Актуализация // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Киселева Л.А.** Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Сеничкина Е.А.** Актуализация высказывания в тексте: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1988; **Хэллидей М.А.К.** Лингвистическая функция и литературный стиль // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980.

Г.А. Копнина

АЛЛЕГО́РИЯ (от греч. allēgoria — иносказание): 1) В искусстве выражение отвлеченной идеи, отвлеченного понятия в конкретном художественном образе. Например, образ женщины с завязанными глазами и весами в руках — А. правосудия; две скрещенные пушки — А. артиллерии и т.д. Такое образное представление абстрактных понятий и взаимоотношений вещей появилось впервые в изобразительном искусстве. Известны картины Натуара Шарля «Аллегория лета», «Аллегория осени» (сер. 18 в.); Т. Роде «Аллегория на чесменскую победу» (1771 г.); В.Л. Боровиковского «Аллегория зимы» и др.

2) Термин для обозначения Тропа (см.) — иносказательного образа, основанного на сходстве явлений жизни: связь между значением и образом устанавливается по аналогии или смежности. Так, в баснях под видом животных аллегорически изображаются определенные лица или социальные явления, т.е. животные замещают человека и их отношения и действия соотносятся с «моралью», выводами уже из области человеческих отношений.

Понятие А. очень тесно связано с понятием Метафоры (см.). Б.В. Томашевский называет аллегориями «метафоры, происходящие от условного связывания явлений, выражающегося не только в словесном употреблении. Так, сердце выражает любовь в ряде условных изображений (вера — крест, надежда — якорь) <...>. В аллегории (иносказании) слова имеют свое первоначальное значение, и лишь явление, ими означаемое, в свою очередь, означает то, к чему в конечном итоге направлена мысль говорящего. Таковы аллегорические апологи (басни), где под видом условной темы «подразумевается» нечто иное» (Томашевский Б.В., 2001. С. 61).

По мнению Б.В. Томашевского, А. почти всегда пространна, развернута и поэтому очень близка развернутой метафоре. И в том и в другом случае «слова сочетаются по их прямому значению, благодаря чему создается контекст, осмысленный и в своем прямом значении, и лишь отдельные слова, вводимые в контекст, равно как и общее значение связной речи, показывают, что мы имеем дело с речью переносного значения. Так как контекст поддерживает понимание слов в их основном, прямом значении, то в сознании проходят параллельно два ряда понятий и представлений — по прямому и по переносному значению слов, между которыми устанавливается некоторая связь» (Томашевский Б.В., 2001. С. 62). Ср. А. (развернутая метафора) у Маяковского:

Небывалей не было у истории в аннале
факта:
вчера,
сквозь иней,
звеня в интернационале,
Смольный
ринулся
к рабочим в Берлине.
И вдруг
увидели
деятели сыска —
все эти завсегдатаи баров и опер —
триэтажный
призрак

со стороны Российской:
Поднялся.
Шагает по Европе...

Здесь А. (революция — призрак) заимствована из первых строк Коммунистического Манифеста: *«Призрак бродит по Европе, призрак коммунизма»*.

Тесно связано понятие А. и с понятием символа. А. возникают из символов, ставших понятными и привычными для всех в своем иносказательном значении. Это своеобразная модификация символа. Если в символе иносказательность, условность не имеет определенного прикрепления, устойчивости, то в А. такое прикрепление обязательно. Например, образы древних сказок, обобщающих нравы животных, сначала становились символами свойств и отношений людей, а уже позднее (в баснях) превращались в А.: за волком закрепились такие качества, как жадность и глупость, за лисой — хитрость, за зайцем — трусость и т.д. Однако точное отличие символа от А., по мнению некоторых ученых, вряд ли осуществимо на практике.

А. существует в литературе со времени Гомера (Гесиод, Архилох, Алкей). Особенно часто А. встречались у римских поэтов Вергилия, Горация, Овидия. Первым полностью аллегорическим произведением является «Психомахия» («Psychomachie») Пруденция, заимствования из которой были широко распространены в средние века. А. очень характерна для средневекового искусства, Возрождения, маньеризма, барокко, классицизма. Образы А. питали творчество Эзопа и Федра, Лафонтена, Хемницера, Крылова, Салтыкова-Щедрина и многих других.

Чаще всего аллегорические образы встречаются в сатирических произведениях (в баснях), в притчах, моралите, но не только в них — встречаются они и в лирической поэзии.

Лит.: **Голуб И.Б**. Аллегория // Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Тимофеев Л.И., Тураев С.В.** Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1978; **Томашевский Б.В.** Теория литературы. Поэтика. М., 2001.

О.Н. Емельянова

АЛЛИТЕРА́ЦИЯ (от лат. ad — к, при и littera — буква) — один из видов Звукописи (см.), заключающийся в симметричном повторении одинаковых или однородных согласных звуков или звукосочетаний для придания тексту (особенно и чаще всего — поэтическому, т.е. ритмически организованному) особой выразительности — звуковой и интонационной. Напр.:

***П*е*н*ится *п*е*н*ье.**
***П*ья*н*ит тол*п*у.**
***Пл*ощади *пл*ещут.**
(В. Маяковский)

А. как способ звуковой организации речи восходит к звуковым повторам (см.) и применяется с давних времен. Богато аллитерациями, например, «Слово о полку Игореве»: ***Тр*уб*ы тр*уб*ят в Новго*р*оде, ст*оя*т ст*язи в Пу*т*ивле...; *С зарания в *п*я*т*и *п*о*т*о*пт*аша *п*оганыя *п*ьлкы *п*оловецкыя...**

На А. построены многие пословицы и поговорки, например: *Ти**ш**е е**д**е**ш**ь, **д**аль**ш**е бу**д**е**ш**ь; **К**о**с**и, **к**о**с**а, по**к**а **р**о**с**а, **р**о**с**а **д**олой — и ты **д**омой; **К**о**л**о**с** от **к**о**л**о**с**а — не **сл**ыхать и **г**о**л**о**с**а* и т.д.

На А. построены и скороговорки, например: ***Ш**ла **С**а**ш**а по **ш**о**сс**е и **с**о**с**ала **с**у**ш**ку.*

В русской поэзии А. активно используется с 18 в., после создания В. Тредиаковским и М. Ломоносовым основ новой метрики.

В поэтических течениях и школах, возводивших в принцип прежде всего поэтическую форму (например, у русских символистов), А. нередко использовалась самоцельно.

На А. строится так называемая поэтическая этимология — звуковой параллелизм, при котором для сопоставления подбираются фонетически близкие слова и тем самым подчеркивается единство звуковой структуры, например: ***Он вне себя**. **Он внес с собой** дворцовый шум — и делать нечего!* (Б. Пастернак).

А. близка ассонансу (см.) и нередко с ним сочетается:

*По К**ра**сному мо**р**ю плывут ка**то**р**ж**ане,*
*Т**р**удом вы**гр**еба**я** **га**ле**р**у,*
***р**ы**к**ом по**кр**ыв **ка**нд**а**льное **р**ж**а**нье,*
***ор**у**т** **о** **р**о**д**ине **Пер**у.*
***О** **р**ае **Пер**у **ор**у**т** **Перуа**нцы.*

(В. Маяковский)

Поэты пользуются аллитерацией в зависимости от потребностей смыслового звучания стиха. Например, в следующих строчках стихотворений Пушкина, Бальмонта и Маяковского согласные помогают передать «звучание» описываемых авторами событий:

***Ш**и**п**е**н**ье **п**е**н**истых бокалов*
*И **п**у**нш**а **п**ламе**н**ь голубой.*

(А. Пушкин)

***Ч**уть слы**ш**но, бес**ш**умно*
***Ш**ур**ш**ат камы**ш**и.*

(К. Бальмонт)

***Ск**рип **с**одрагае**т** у**ст**ои и **ск**репы,*
***Ст**и**с**нули**с**ь.*

(В. Маяковский)

По справедливому замечанию В. Хлебникова, наиболее сильной позицией в слове для создания аллитерационного эффекта является начальная позиция, поскольку начальный звук имеет особую природу, отличную от природы своих спутников. «Первый звук в слове, — писал В. Хлебников, — приказывает остальным. Слова, начатые одной согласной, имеют общее направление, как рои падающих звезд».

Р. Якобсон также писал, что согласные более валентны, чем гласные, и это можно считать отличительной чертой современной Эвфонии (см.).

Лит.: **Брик О.М.** Звуковые повторы // Поэтика. П., 1919; **Брюсов В.Я.** Звукопись Пушкина // Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1955; **Григорьев В.П.** Поэтика слова. М., 1979; **Журавлев А.П.** Фонетическое значение. Л., 1974; **Журавлев А.П.** Звук и смысл. М., 1981; **Кожевникова В.В.** Словесная инструментовка // Слово и образ. М., 1964; **Левицкий В.В.** Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // ФН. 1974. № 4; **Леонтьев А.А.** Звукопись // БСЭ. М., 1972. Т. 9; **Лотман Ю.М.** Анализ поэтического текста. Л., 1972; **Томашевский Б.В.**

Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М., 2001; **Филатов В.А.** Фонетическая выразительность стихотворной речи // РР. 1983. № 3.

О.Н. Емельянова

АЛЛОЙО́ЗА, или **АЛЛОЙО́ЗИС (**греч. alloiōsis — изменение) — разновидность Антитезы (см.), заключающаяся в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета (в широком смысле) и подчеркивании несхожего в том, что предварительно определено как сходное. А. реализуется либо в рамках сложного предложения, либо в рамках сложного синтаксического целого, либо в рамках целого текста. Напр.:

*1. Впрочем, «**рыба-кит**» все же **не рыба**. Кит рожает **одного** китенка — рыба мечет **тысячи и даже миллионы** икринок; кит **вынужден время от времени всплывать**, превращаясь в удобную мишень для гарпунной пушки, — **рыба может уйти на глубину**, недосягаемую для современных орудий лова* (К. Константинов); 2. *В конце февраля вновь увидел Державин места знакомые — Малыковку и колонии. Но какая разница! **Год назад он приехал сюда любимцем Бибикова — теперь чуть не ссыльным; тогда манили его честолюбивые замыслы — теперь от них ничего не осталось; тогда он был в упоении властью — теперь обречен унизительному бездействию*** (В. Ходасевич); 3. *Мы поняли, что нельзя говорить о какой-то единой культуре и преклоняться перед нею, **разумея под ней одинаково и творчество Данте и Шекспира, и количество потребляемого мыла или распространенность крахмальных воротничков, подвиги человеколюбия и усовершенствование орудий человекоубийства, силу творческой мысли и удобное устройство ватерклозетов, внутреннюю духовную мощь человечества и мощность его динамомашин и радиостанций*** (С. Франк); 4. *<...> Нет ничего более гнусного и вредного, чем распространившаяся в последнее время среди нашей интеллигенции мода на самооплевание. **Насколько важна и нужна самокритика, настолько вредно и тлетворно самооплевание. Здоровая самокритика есть прежде всего мужественная борьба за будущее; самооплевание — трусливое отречение от прошлого. Критика — наступление, самооплевание — бегство. Но между самокритикой и самооплеванием есть еще и другая, и быть может более важная, разница. Здоровая положительная критика возможна всегда только на почве твердой веры в идеалы, путь и долг, самооплевание же есть всегда утрата всякой веры в объективный идеал, в обязательный путь и в ответственный долг*** (Ф. Степун).

А. характерна для описательных прозаических текстов, но встречается и в поэзии:

*5. Ты **богат**, я очень **беден**;*
*Ты **прозаик**, я **поэт**;*
*Ты **румян, как маков цвет**,*
*Я **как смерть и тощ, и бледен**.*
(А. Пушкин)

Лит.: **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996.

А.П. Сковородников

АЛЛЮ́ЗИЯ (от лат. allusio — намек, шутка) — риторический прием, используемый для создания подтекста, состоящий в намеке на какой-либо широко известный исторический, политический, культурный или бытовой факт. Намек осуществляется, как правило, с помощью слов или сочетаний слов, значение которых ассоциируется с определенным событием или/и лицом. Напр.:

1) *Мы не плохо ведем облаву, —*
Много немцев
У нас в плену.
Если кто позабыл Полтаву,
Пусть хоть помнит Березину.
(Н. Ушаков)

В этой строфе стихотворения Н. Ушакова «Ария Паулюса» содержится намек на поражение шведов под Полтавой в 1709 г. и разгром русскими войсками армии Наполеона в 1812 г. при переправе через реку Березину. Намек используется как предупреждение любым врагам, которые попытаются посягнуть на свободу нашего народа.

2) *Онегин, добрый мой приятель,*
Родился на брегах Невы,
Где, может быть, родились вы,
Или блистали, мой читатель!
Там некогда гулял и я:
Но вреден север для меня.
(А. Пушкин)

В последней строке этого отрывка из «Евгения Онегина» содержится намек на то, что Пушкин был выслан из Петербурга на юг. А. придает этому косвенному сообщению изящество остроты.

3) *Своей тоски — навеки одинокой,*
Как зыбь морей пустынной и широкой, —
Он не отдаст. Кто оцет жаждал — тот
И в самый миг последнего страданья
Не мирный путь блаженства изберет,
А темные восторги расставанья.
(М. Волошин)

В этом фрагменте из цикла «Киммерийские сумерки» содержится намек на крестные страдания Иисуса Христа, аналогия с которыми помогает М. Волошину выразить свою философскую идею и одновременно придать ей торжественное звучание. Торжественная тональность достигается совокупностью использованных автором стилистических средств, среди которых — церковнославянское слово «оцет» — уксус (по евангельской легенде один из римских воинов, присутствовавших при казни Иисуса Христа, поднес к Его устам насаженную на пику губку, смоченную уксусом).

4) *Бывшая пассия Билла Клинтона освоила новую профессию — занялась вязанием дамских ридикюлей <...> Объяснила Моника и то, почему она решила заняться именно вязанием: оказывается, ей всегда не хватало главного, на ее взгляд, атрибута женского туалета — вязаной сумочки... А ведь если бы кто-нибудь подарил ей в свое время желанный ридикюль и руки практикантки были бы заняты, глядишь, одним громким скандалом в Америке было бы меньше* (КП, 30 янв. 2001 г.).

В этой газетной публикации содержится едкий намек на сексуальное «приключение» Моники Левински и Билла Клинтона в Белом доме, наделавшее много шуму в США.

Как видно из примеров, А. используется в художественной и публицистической речи, выполняя в рамках своей главной функции создания подтекста различные частные функции, обусловленные контекстом ее употребления. А. может употребляться как элемент Эзопова языка (см.); А. может выполнять текстообразующую функцию — быть смысловым центром небольшого литературного произведения. Напр., на А. построены такие басни И.А. Крылова, как «Булат» (намек на судьбу генерала А.П. Ермолова, попавшего в опалу у Николая I) и «Волк на псарне» (намек на противоборство фельдмаршала М.И. Кутузова и Наполеона).

К А. восходят некоторые крылатые выражения, например, «Пиррова победа» (победа, доставшаяся слишком дорогой ценой), «перейти Рубикон» (принять бесповоротное решение), «кануть в Лету» (быть совершенно забытым) и др.

А. как стилистическое явление не имеет однозначной трактовки ни со стороны своего лингвистического статуса (прием? фигура? троп?), ни со стороны своего понятийного содержания (намек на что?) и часто не разграничивается с более или менее близкими явлениями: Умолчанием (см.), Реминисценцией (см.), Цитированием (см. Цитата).

Анализ конкретного речевого материала показывает, что А., с одной стороны, и реминисценция и «безадресная» цитата (цитата без указания на источник и автора), с другой стороны, отличаются по своей основной функции: А. **намекает** на какой-либо факт (событие, обстоятельство, деятеля), реминисценция и «безадресная» цитата **отсылают** к какому-либо тексту. Не вполне совпадают эти явления и по своим вторичным (определяемым контекстом) стилистическим функциям.

С обозначенным содержательным различием между указанными явлениями связано и некоторое их формальное различие. В составе реминисценции и «безадресной» цитаты всегда есть относительно устойчивое и «узнаваемое» сочетание слов (иногда таким сочетанием слов является целиком весь текст реминисценции или «безадресной» цитаты), играющее роль «представителя» прецедентного литературного источника. Напр.: 5) [О встрече Доренко и Сванидзе с президентом] *...И ежели Доренко, давно уже окончательно вжившийся в роль Хлестакова, не удержался от самых общих комментариев <...>, то Николай Сванидзе держал глухую оборону от назойливых репортеров:* ***ни звука из его груди, хоть бич свистал, играя...*** (Изв., 8 июля 2000 г.) Выделенный нами словесный комплекс отсылает читателя к строке стихотворения Н.А.Некрасова «Вчерашний день, часу в шестом...» («Ни звука из ее груди, /Лишь бич свистал играя...»).

В составе А. нет таких фразеологизированных фрагментов — «представителей» прецедентного текста, но есть слова или сочетания слов, значения которых ассоциируются с определенным событием и/или лицом, косвенно указывают, «наводят» на него (них). Напр.: 6) *Их* (имеются в виду диссиденты. — *А.С.*) *роль в судьбе России на протяжении нескольких столетий — один из сложнейших вопросов отечественной истории. Трудно ведь давать однозначные оценки, когда историческая личность* ***одной ногой стоит на бронемашине, а другой на опломбированном вагоне*** (КП, 15 дек. 1992 г.). Здесь благодаря упоминанию бронемашины и опломбированного вагона в исторической личности угадывается В.И. Ленин.

А., которая обычно определяется как намек **на широко известный исторический, политический, культурный факт** (выделено нами. — *А.С.*), следует отличать от риторического приема Умолчания (см.), состоящего в намеке **на любой факт или обстоятельство**, в том числе сугубо частного порядка, который (намек) предполагает изображение предмета, действия, события посредством «косвенного, побочного описания», стилистическая сущность которого «состоит в изображении предмета, действия посредством называния сопутствующих явлений, или сразу результатов событий» (Виноградов В.В., 1999. С. 76). Напр.: 7) *«С полицеймейстером и прокурором Ноздрев тоже был на «ты» и обращался по-дружески; но когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил»* (Н.В. Гоголь. Мертвые души). В этом тексте описание поведения полицеймейстера и прокурора во время карточной игры («называние сопутствующих явлений», по В.В. Виноградову) содержит намек на то, что Ноздрев имел репутацию нечестного игрока. 8) Пример из газеты: А. Тулеев: *«Если заработают фабрики, заводы, задымят трубы, тогда появятся деньги — зеленые, российские. Вот единственный выход».*

Если Вам вдруг покажется, что заводы заработали, фабрики задымили, а рубли позеленели — не просыпайтесь. Вот единственный выход. (АиФ. № 31. 2000 г.). — В шутливом комментарии высказывания А. Тулеева фраза *«Не просыпайтесь. Вот единственный выход»* («называние сразу результата событий», по В.В. Виноградову) содержит намек на нереальность прогнозов А. Тулеева.

Таким образом, в современной русской литературной речи используются риторические приемы, основанные на **принципе намека**, в том числе — аллюзия, умолчание, и риторические приемы, основанные на **принципе отсылки**, в том числе — реминисценция, «безадресная» цитата. Эти приемы могут служить идейно-тематическим центром или стилистической доминантой целого небольшого текста не только в поэтической речи, но и в газетно-публицистической (8).

Лит.: **Виноградов В.В.** Стиль Пушкина. М., 1999; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т.1. М., 1962; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. 2. Абакан, 2000; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Сковородников А.П.** Аллюзия // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998; **Он же**. Об аллюзии и смежных с нею явлениях (на материале газетно-публицистических и художественных текстов) // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тезисы докл. Международной конференции (Москва, филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 25—27 окт. 2001 г.). М., 2001; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АЛОГИ́ЗМ — термин, значение которого в культуре речи, стилистике и риторике не имеет общепринятого определения. В публикациях по вопросам культуры речи А. называют Логические ошибки (см.). Как термин экспрессивной стилистики и риторики А. толкуется неоднозначно.

Узкое понимание А. как экспрессивно значимого явления приписывает ему статус стилистического приема, близкого к оксюморону, представляющего собой «умышленное нарушение в литературном произведении логических связей с целью подчеркнуть внутреннюю противоречивость данного положения (драматического или комического)» (Квятковский А.П., 1998. С. 23—24; ср.: Граудина Л.К., Кочеткова Г.И., 2001. С. 656; Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 38). Причем не разъясняется, что следует понимать под логическими связями. Кроме нарушения логических связей, в определение А. включаются иногда признаки «непредсказуемого совмещения понятий» (Песков А.М., 1987. С. 20); «сочетания противоречивых понятий» (Словарь литературоведческих терминов, 1974. С. 13); «соединения в форме перечисления логически неоднородных понятий» (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1985. С. 14); «противоречия предмета или события с нашими обычными представлениями» (Энциклопедический словарь юного литературоведа. 1998. С. 13). Последний признак А. некоторыми авторами разъясняется так: «А. особенно ощутим, когда он нарушает «естественное» представление о предмете, явлении («арбуз — в семьсот рублей», «суп... из Парижа», о к-рых рассказывает Хлестаков в «Ревизоре» Н.В. Гоголя) и возникает внутри логически мотивированного отрезка текста (ср. сопоставит. характеристику Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича в повести Гоголя «Как поссорились...» <...>» (Песков А.М., 1987. С. 20). Такая трактовка А. выводит его за пределы нарушения чисто логических связей в область нарушений связей онтологических. Это объясняет существенные различия в иллюстрациях А., приводимых разными авторами. Ср. напр.:

Лев Савич Турманов, дюжинный обыватель, имеющий капиталец, молодую жену и солидную плешь, как-то играл на именинах у приятеля в винт (Чехов). Этот пример А., приводимый Д.Э. Розенталем и М.А. Теленковой, демонстрирует нарушение логической однородности перечисления (в ряд однородных членов предложения поставлены несравнимые понятия, т. е. такие далекие друг от друга понятия, в содержании которых нет общих признаков).

Ехала деревня / мимо мужика.
Вдруг из подворотни / Лают ворота.
— Тпр! — сказала лошадь, / А мужик заржал.
Лощадь пошла в гости, / А мужик стоял... (фольклор).

В этом примере, приводимом А.П. Квятковским, имеет место нарушение онтологических связей (нормальной «картины мира», онтологической нормы), в силу чего приемы такого рода, с нашей точки зрения, корректнее определять как параонтологические. (См.: Сковородников А.П., Копнина Г.А., 2002. С. 77—79; Сковородников А.П., 2002. С. 64—66.) Это утверждение будет справедливым и тогда, когда логика понимается широко — как «усмотрение связей не только мышления, но и бытия», как «логика вещей, логика событий, связь времен», поскольку такое понимание логики сближает ее с онтологией (Кемеров В.Е., 1998. С. 450).

Предельно широкое понимание А. как общего закона построения тропов и фигур представлено, например, в «Риторике» Е.В. Клюева, по мнению которого, «у паралогики, «неправильно эксплуатирующей логику», были все основания

стать почвой для элокуции» (Клюев Е.В., 1999. С. 169). «Следует, видимо, еще раз напомнить, — пишет Е.В. Клюев, — что *фигуры в данном пособии рассматриваются как позитивные аналоги логических ошибок* (курсив автора цитаты. — *А.С.*) (Клюев Е.В., Указ. соч. С. 147). И далее: «...Заманчиво было бы предположить, что построение сообщения в соответствии с логическими законами и построение сообщения в соответствии с теорией фигур, в сущности, *один и тот же процесс*» (курсив автора цитаты. — *А.С.*) (Клюев Е.В., Указ. соч. С. 168). Такое расширительное понимание паралогичности приводит во многих случаях к сомнительности трактовок сущности (механизма) приемов и/или неубедительности иллюстраций. Рассмотрим несколько таких трактовок и иллюстраций, взятых из цитированной работы Е.В. Клюева.

Трудно, например, усмотреть паралогический климакс в таких высказываниях: 1) *Увы, существует и такая прогрессия: сигарета, болезнь, смерть;* 2) *Сначала становятся мэром, потом миллионером, потом заключенным.* Ни один закон логики в первом примере не нарушен, а стилистический эффект достигается благодаря градационному построению перечислительного ряда, усиленному асиндетоном (см. Градация; Асиндетон). Во втором примере — можно усмотреть паралогику, но она возникает не в результате использования климакса (которого здесь нет), а является следствием приема обманутого ожидания (который можно интерпретировать как намеренное нарушение закона достаточного основания), усиленного Парономазией (см.).

Еще труднее признать парологической фигурой изоколон (например: *Жизнь дорожает, работы не найти, деньги на исходе, жена беременна... бедные мои современники!*) на том основании, что в нем, якобы, «нарушение логического правила — не группировать однотипные предложения — оборачивается соблюдением паралогического правила, в соответствии с которым группа однотипных предложений воспринимается как заслуживающая особого внимания» (Клюев Е.В., Указ. соч. С. 240). Мы полагаем, что экспрессивность изоколона (способность привлекать внимание) объясняется не нарушением логического правила (в данном случае надуманного), а тем, что он (изоколон) представляет собой стилистически значимое отклонение от речевой нормы (среднестатистического, стандартного уровня упорядоченности речи-текста) (см. Изоколон).

Расширительное понимание паралогики (алогизма), в частности, связано с признанием синтаксиса «репрезентантом логики на уровне структурирования сообщения» (Клюев Е.В. Указ. соч. С. 179). Отсюда признание паралогичными в своей основе всех синтаксических фигур, к примеру, полисиндетона («*И художник, и богатые заказчики, и друзья богатых заказчиков, и супруга художника — все довольны*»). Между тем, с нашей точки зрения, в полисиндетоне имеет место не логическая аномалия, а стилистически значимое отклонение от нейтрального варианта («нулевой ступени») синтаксической нормы (см.: Полисиндетон). Можно сказать, что безоговорочное признание синтаксиса репрезентантом логики на уровне структуры предложения и текста ведет к неразличению логического и грамматического.

Иной взгляд на А. связан с признанием его осознанным и целесообразным отступлением от «коммуникативной нормы логичности речи» (Лелекина А.Н., 2002. С. 139; ср. Пекарская И.В., 2000. С. 139). В таком качестве А. выступает, по мнению И.В. Пекарской и А.Н. Лелёкиной, как парадигматический принцип организации изобразительного средства (тропа, фигуры) или выразительного средства (текстовой фигуры)» (Пекарская И.В., 2000. С. 139; Ср.: Лелёкина А.Н.,

2002. С. 141). Причем указывается, что «все типы фигур, традиционно называемых алогизмом <...>, необходимо изучать в соотношении с законами логики (тождества, непротиворечия, исключенного третьего, достаточного основания)» (Пекарская И.В., 2000. С. 143).

Эта точка зрения близка нашему пониманию А. как принципа, лежащего в основе группы риторических приемов. Этот принцип состоит в намеренном и прагматически мотивированном отклонении от логических норм, под которыми понимаются основные законы формальной логики и вытекающие из них частные правила, например, правила деления понятий. Такое понимание А. коррелирует с определением А. в научной логике: «Алогизм (от греч. a — частица отрицания и logismos — разум, рассудок) — рассуждение, игнорирующее законы и правила логики» (Логич. словарь, 1994. С. 15). Приемы, основанные на принципе А., в нашей классификации названы паралогическими риторическими приемами (Сковородников А.П., Копнина Г.А., 2002. С. 77—79; Сковородников А.П., 2002. С. 64—66). Круг этих приемов в настоящее время еще не определен с достаточной четкостью. Тем не менее можно сказать, что он довольно обширен. По крайней мере к приемам, в организации которых участвует А. (иногда в сочетании с другими конструктивными принципами), могут быть отнесены Амфиболия (см.), Антифразис (см.), Астеизм (см.), Гипаллага (см.), Диафора (см.), Зевгма (см.), Катахреза (см.), Оксюморон (см.), Плока (см.), Силлепсис (см.), Фрактата (см.), Перкурсия (см.).

Все эти и другие (в том числе и не имеющие общепринятых терминологических обозначений) приемы паралогического типа могут быть сгруппированы в подтипы в зависимости от того, на отклонении от какой логической нормы (логического закона) основан данный прием. Заметим, что, по нашим наблюдениям, наиболее частотны в художественной и публицистической речи паралогические приемы на базе отклонений от закона противоречия. Напр. (паралогизмы в текстах выделены нами. — *А.С.*):

1) *Череповец, уездный город,*
Над Ягоброй расположён.
И в нем, среди косматых бород,
Среди его лохматых жен,
Я прожил три зимы, в Реальном,
Всегда считавшемся опальным
За убиение царя
Воспитанником заведенья,
Учась всему и ничему.
(И. Северянин)

2) *Герой известен, и не нов предмет;*
Тем лучше: ***устарело все, что ново!***
(М. Лермонтов)

3) *Это было в провинции, в страшной глуши.*
Я имел для души
Дантистку
С телом белее известки и мела,
А для тела —
Модистку
С удивительно нежной душой.
(Саша Черный)

4) *Но вот мы изгнаны из России в ту самую Европу, о которой в последние годы так страстно мечтали, и что же? Непонятно, и все-таки так****: изгнанием в Европу мы оказались изгнанными и из Европы*** (Ф. Степун).

5) *И только тогда, когда мы чувствуем, что ничто не наше, можем мы сказать с апостолом:* ***Мы нищи, но многих обогащаем; мы ничего не имеем, но всем обладаем****, потому что это Царствие Божие внутри нас...* (Митрополит Антоний Сурожский)

6) *Чтобы у нас болеть, надо иметь лошадиное здоровье* (Л. Измайлов)

7) *Меж тем как век — невечный — мечется*
И знаньями кичится век,
В неисчислимом человечестве
Большая редкость — Человек.
(И. Северянин)

На втором месте по частотности — паралогические приемы на базе отклонений от закона тождества. Напр.:

8) *Лейтенант Петров отдал приказ рыть канаву* ***от забора до обеда*** (Ю. Борев)

9) *На стене упорный труд —*
Вдохновенье и бездарность...
.....
Умирающий больной.
Фиолетовые свиньи.
Стая галок над копной.
Блюдо раков. Пьяный Ной.
Бюст молочницы Аксиньи,
И кобыла под сосной.
(Саша Черный)

10) ***Жена и муза***
Ничего не ***изменить***
В прочном их союзе:
Он не может ***изменить***
Ни жене, ни Музе.
Он к обеим постоянный —
Двоеженец окаянный!
(В. Васин)

11) *Во рту горчит.*
Луна торчит
Там, где положено по чину.
— Вам ветчину или дивчину?
— Спасибо, сыт.
(В. Тепляков)

На третьем месте по частотности — паралогические приемы на базе отклонений от закона достаточного основания. Напр.:

12) *Он (незнакомец. — А.С.) думал, что жизнь дорожает;* ***рабочему люду жить трудно; оттуда вонзается Петербург и проспектными стрелами и ватагою каменных великанов.*** *<...> Все то незнакомец подумал;* ***зажал он в кармане кулак; и он вспомнил, что падали листья*** (А. Белый);

13) **Сообщение ТАСС**

Сегодня в 9.00, не приходя в сознание после тяжелой и продолжительной болезни, генеральный секретарь ЦК КПСС Константин Устинович Черненко приступил к руководству страной (Ю. Бореев).

14) *Струятся струи.*
Пиво.
Понедельник.
Базар. Вокзал.
Базаров — нигилист.
Когда сойдутся шельма и отшельник —
Тушите звезды...
Грязен.
Снова чист.
(В. Тепляков)

Приведенные нами примеры паралогических риторических приемов позволяют заметить следующее:

1. Не все приемы паралогического типа укладываются в существующие типологии и номенклатуры фигуральных средств (см. илл. 1—7).

2. Паралогические приемы полифункциональны. Так, например, они могут служить обнажению противоречий в поступках и мировосприятии людей (илл. 1, 2, 3); дискретности и непоследовательности их мышления (илл. 12); выражать антиномичность социальных процессов или философских идей в виде парадоксов (илл. 4, 5, 7); быть средством создания разных видов комических контекстов (илл. 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14).

3. Паралогические приемы могут включаться в конвергенцию с приемами других типов, например, с гиперболой (илл. 3), гиперболизированным эпитетом (илл. 6), диафорой (илл. 10), амфиболией (илл. 11), метафорой и олицетворением (илл. 12), корневым повтором и тавтологией (илл. 7), корневым повтором и парономазией (илл. 14).

4. Паралогические приемы могут быть стилистической основой малоформатных вторичных (по М.М. Бахтину) речевых жанров (илл. 6, 8, 10, 11, 13, 14).

Следует также отметить, что когда точно не определено содержание понятия «логическая норма», возникает проблема разграничения паралогических приемов и приемов других типов (приемов, в основе которых лежат другие приемообразующие принципы). Так, например, Ю.Б. Бореев к типу риторических фигур, образуемых на основе отклонений от логической нормы (которая им не определяется), относит, кроме наложения (употребления слова одновременно в прямом и переносном значениях) и антифразиса (что не вызывает возражений), такие фигуры (точнее было бы сказать — приемы), как гипербола, литота, обрыв речи, аллегория, олицетворение, эвфемизм, отрицание (характеристика явления «от обратного», путем сообщения, чем оно не является) (Бореев Ю.Б., 1988. С. 250—253)[1]. Такое расширение круга паралогических риторических приемов, в аспекте сформулированного нами понимания логической нормы, представляется неправомерным.

---

[1] Прием отрицания Ю.Б. Бореев иллюстрирует таким текстом М.Ю. Лермонтова:

Нет, я не Байрон, я другой,
Еще неведомый избранник,
Как он, гонимый миром странник,
Но только с русскою душой.

Лит.: **Борев Ю.Б.** Эстетика. М., 1988; М., **Граудина Л.К., Кочеткова Г.И.** Русская риторика. М., 2001; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Кемеров В.Е.** Логика // Современный философский словарь. Лондон: Панпринт, 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Лелёкина А.Н.** Алогизм как принцип организации экспрессивных средств русского языка // Актуальные проблемы изучения языка и литературы / Материалы Всероссийской научной конференции, 25—27 ноября 2002 г. Абакан, 2002; Логический словарь: Дефорт. М., 1994; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Часть II. Абакан, 2000; **Песков А.М.** Алогизм // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Сковородников А.П.** О системном описании понятия «стилистическая фигура» // РР. № 4. 2002; **Сковородников А.П., Копнина Г.А.** Об определении понятия «риторический прием» // ФН. № 2. 2002; Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И. Новиков, Е.А. Шкловский. М., 1998.

А.П. Сковородников

АМПЛИФИКА́ЦИЯ (от лат. amplificatio — увеличение, распространение) — термин, употребляющийся в нескольких значениях:

1) Общее название для совокупности «различных изобразительных средств, связанных с увеличением протяженности текста» [Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 197]. К А. в указанном значении можно отнести Плеоназм (см.), Аккумуляцию (см.), Гипофору (см.), Эксплецию (см.), Конкатенацию (см.), Экзергасию (см.) — т.е. стилистические фигуры, в которых протяженность текста представляется избыточной по сравнению с нейтральной, нефигурированной синтаксической конструкцией.

2) При расширительном понимании речевой избыточности (избыточно все, что находится за пределами понятийно-логического минимума в отражении объективной реальности) амплифицированным оказывается любое предложение, включающее в свой состав наглядно-образные конкретизаторы его понятийно-логического каркаса. Напр., А. усматривается в предложении «Над океаном и землей висел туман, густо смешанный с дымом, мелкий дождь лениво падал на темные здания города и мутную воду рейда» (М. Горький. Город Желтого дьявола) по сравнению с предложением «Над океаном висел туман, дождь падал на здания города и воду рейда» (это пример А. атрибутивной, т.е. связанной с наличием «избыточных» определений) [Ширина Л.С., 1987. С. 88]. Выделяются два типа А.: уточняющий и контрастный. «Уточняющая А. в свою очередь подразделяется на два вида: атрибутивный и гипонимический. Атрибутивный вид может быть простым и развернутым. В последнем случае мы имеем дело с особой стилистической фигурой, называемой эпанодом, или регрессией. Контрастная амплификация представлена антитезой (акротеза, амфитеза, диатеза, парадиастола), антанакласисом (диафорой) и градацией» [Там же. С. 88] (см.: Антитеза; Диафора; Градация; Эпанод).

«Сущность гипонимической амплификации раскрывается характером отношений родовых (более широких) и видовых (более узких) понятий; первые — гиперонимы, вторые — гипонимы. Экспрессивная направленность текста проявляется в том, что вслед за гиперонимом обязательно появится гипоним, и в этом случае общее, абстрактное конкретизируется частным понятием, при этом усиливается изобразительно-выразительная оформленность текста:

*...**Мелькнула тень**, и двух огней*
Промчались искры... и потом
***Какой-то зверь** одним прыжком*
Из чащи выскочил и лег,
Играя, навзничь на песок.
То был пустыни вечный гость —
***Могучий барс** ...*

(М. Лермонтов)

Гипонимический ряд выражен здесь тремя компонентами: 1) мелькнула тень; 2) какой-то зверь; 3) могучий барс. Здесь хорошо прослеживается процесс конкретизации: постепенное узнавание от совершенной неопределенности к частичной (зверь), а затем и точной конкретности (барс). Гипонимы характерны как для художественного, так и для публицистического стиля» <...> (Там же. С. 89).

«Контрастная амплификация создает экспрессивное и информативное усиление при помощи контраста, противопоставления. Наиболее эффективный прием — антитеза и ее разновидности» (Там же. С. 90).

3) Стилистический прием, у которого в отличие от Тропа (см.) названы оба сопоставляемых компонента [Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 197]. По сути дела это общее название для ряда стилистических приемов, к которым можно отнести Сравнение (см.), Антитезу (см.), Диафору (см.), Плоку (см.), Оксюморон (см.).

4) «...В риторике: усиление довода путем (а) «нагромождения» равнозначных выражений, (б) «укрепления» их гиперболами, градацией и пр., (в) аналогий и контрастов, (г) рассуждений и умозаключений; в поэзии и прозе используется для усиления выразительности речи: «Ты жива, ты во мне, ты в груди. Как опора, как друг и как случай» (Б.Л. Пастернак). В переносном смысле — всякое многословие, излишество названных средств» [Гаспаров М.Л., 1987. С. 22].

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1966; **Бернацкая А.А.** Прием перечисления в стилистике и риторике // Риторика и синтаксические структуры: Тезисы краев. науч.-практ. конф. 1—3 февр. 1989 г. Красноярск, 1988; **Браудэ Н.В.** Текстовая амплификация как прием создания экспрессивности произведения (на материале рассказа К.Г. Паустовского) // Риторика и перспективы ее изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990; **Гаспаров М.Л**. Амплификация // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Клюев Е.В**. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция.): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.Л.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Ширина Л.С.** Амплификация в системе экспрессивных средств // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987.

А.П. Сковородников

АМФИБОЛИ́Я$_1$ (от греч. amphibolia — двусмысленность), или **АДИАНОЭТА** (греч. adianoētos — непостижимый) — риторический прием двусмысленности, конструктивным принципом которого является нарушение тождества семантики слова посредством постановки его в такой контекст, в котором это слово одновременно реализует два разных значения. Например: 1) *Человек может* ***вынести все****, если его не остановить* (ТД. № 18. 2001 г.). В этом амфиболическом каламбуре глагол «вынести» имеет одновременно два значения: 1. *Неся, удалить откуда-л., доставить куда-л.,* 2. *вытерпеть, выдержать* (БТСРЯ. СПб., 1998. С.176). В $А_1$ происходит отклонение от двух норм: логической (нарушается закон тождества) и речевой (нарушается семантическая однозначность слова в контексте). Таким образом, $А_1$ представляет собой синкретичный риторический прием. Применительно к $А_1$ в указанном выше значении используется также термин **адианоэта** [Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 193]. Следует иметь в виду, что $А_1$ как стилистический прием имеет и другие трактовки [Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 198].

В функции создания комического $А_1$ широко используется в современных газетах, в частности, в каламбурах, шутливых афоризмах, анекдотах и других речевых жанрах. Напр.: 2) *Жили-были Часы, которые постоянно отставали. — Ненадежный народ, эти люди, — говорили они, — постоянно нас* ***подводят*** (СГ, 14 февраля 2001 г.); 3) *Если вы взглянули в зеркало, но никого там не обнаружили, вы* ***неотразимы*** (ТД. № 18. 2001 г.); 4) *В мире моды Анна* ***имеет немалый вес*** (КП, 19 февр. 2000 г., подпись под фотографией знаменитой топ-модели, отличающейся пышными формами); 5) *Питерцы вообще горазды на выдумку. Еще одно тамошнее ООО «Претендент», даром что* ***ограниченное*** *общество, сообразило, что благодаря недавней амнистии на волю вырвется этак тысяч сто потребителей, готовых* ***потреблять*** *направо и налево!* (КП, 4 авг. 2000 г.); 6) *— Как вам удается так потрясающе выглядеть в свои 63 года? —* ***Пить*** *надо много. Ключевой или минеральной воды* (АиФ, № 31. 1999).

Последний пример говорит о том, что в механизме $А_1$ может быть задействована парцелляция, благодаря которой возникает дополнительный эффект обманутого ожидания. Такие парцеллированные амфиболические конструкции широко используются в газетных заголовках в рекламной функции (функции привлечения читательского внимания к тексту): 7) *Японцы научили робота* ***строить****. Рожи* (КП, 16 июля 1997 г.); 8) *СНГ сохраняет любовь к* ***ближнему****. Зарубежью* (КП, 22 янв. 1993 г.); 9) *Путин распрощался с эпохой* ***нищеты****. Нравственной* (КП, 17 янв. 2001 г.).

$А_1$ в газетных заголовках может и не сопровождаться парцелляцией: 10) *Лехе* ***нечего было терять****, кроме памяти об убитой им любимой* (КП, 29 янв. 2001 г.); 11) *И помнит* ***«Мир»*** *спасенный* (НГ, 6—9 апр. 2000 г.) («Мир» — космическая станция и мир — население Земли).

Функция создания комического эффекта является для $А_1$ в газетном тексте преобладающей, но не единственной, о чем свидетельствуют приведенные выше примеры (илл. 9, 10, 11). Что касается художественных текстов, то, кроме выполнения функции средства создания комического эффекта, $А_1$ участвует в конструировании метафорических образов и многозначных определений (эпитетов). Напр.: 12) *Прошка всем им пожал руки и еще с лестницы, весело оборачиваясь, помахивал им. И уверенно* ***спускался****. К смерти.* (А. Солженицын); 13) *Едят сначала молча. Под лаской сала и масла лбы разглаживаются, глаза увлажняются. После грабежа —* ***дележ****: впечатлениями* (М. Цветаева);

14) *Вершина горных кряжей Врубель,*
Кем падший ангел уловим,
Ты заплатил умом своим
За дерзость! Необъятна убыль
С твоею смертью, и сама
С тех пор Россия ***без ума****...*
(И. Северянин)

Кроме $А_1$ на лексической основе, выделяют А. синтаксическую — двусмысленность предложения или его части, возникающую вследствие синтаксической омонимии, как, напр., в следующих стихотворных строках.

Брега Арагвы и Куры
Узрели русские шатры
(А.С. Пушкин)

(неясно, кто кого «узрел»). Или в таком высказывании, как «Тебе звонила Эмма из Праги» (пример С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой), где неясно, с чем мы имеем дело — с детерминантом или атрибутом. Такая синтаксическая А. рассматривается большинством исследователей как стилистический промах (авторский недосмотр).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Боженкова Н.А.** Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: Дис. канд. филол. наук. М., 1998; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительности образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В**. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Хазагеров Т.Г.**, **Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АНАДИПЛО́ЗИС, или **АНАДИПЛО́СИС, АНАДИ́ПЛОСИС** (от греч. anadiplōsis — повторение, сдваивание) — стилистическая фигура, заключающаяся в повторении конечного элемента (звука, слога, слова или сочетания слов) какого-либо отрезка речи (предложения, стихотворной строки и т.д.) в начале следующего за ним соответствующего отрезка речи. Напр.:

Но когда коварны ***оч****и*
Оч*аруют вдруг тебя...*
(А. Пушкин)

Серпилин ***молчал. Молчал*** *и думал не о раздельном обучении и не о сыновьях этой, все сильней нравившейся ему женщины, а о собственной жизни и о собственном сыне...* (К. Симонов).

Эта фигура широко используется в произведениях устного народного творчества (в фольклоре):

Голова болит, ***мало можется;***
Мало можется, *нездоровится.*

Ой, да не вечер, да не вечер, ***мне малым-мало спалось****.*
Мне малым-мало спалось*, ой, да во сне привиделось.*

В философской, критической, научной и деловой литературе А. используется как средство цепной связи предложений, выражающее связь суждений, средство развития мысли: *Что такое* ***гармония****?* ***Гармония*** *есть согласие мировых сил, порядок мировой жизни* (А. Блок); *Защита родины в войне требует всенародного* ***подвига. Подвиг*** *требует единой мысли, единого чувства, общего порыва* (В. Короленко). Это придает речи точность, ясность, строгость.

Этот прием часто используется в стихотворной речи как средство выделения ключевых слов (в подчеркнутом повторении конца стиха, строфы в начале следующего стиха, строфы):

Нежнее нежного
Лицо твое,
Белее белого
Твоя рука,
От мира целого
Ты далека,
И все твое —
От неизбежного.

От неизбежного
Твоя печаль,
И пальцы рук
Неостывающих,
И тихий звук
Неунывающих
Речей
И даль
Твоих очей

(О. Мандельштам)

В поэтической речи распространен звуковой А. — повторение в начале последующего отрезка речи звуков или звукосочетаний, имеющихся в конце предыдущего отрезка речи:

Иль зачем судьбою ***Т****ай****Н****ой*
Т*ы* ***Н****а казнь осуждена.*

(А. Пушкин)

А. передает нарастание эмоционального настроя:

Повалился он ***на холодный снег****,*
На холодный снег, будто сосенка*,*
Будто сосенка *во сыром бору...*

(М. Лермонтов)

А. может являться одним из средств актуализации иронии: *Он выбежал проворно <...> и повел проворно господина вверх по всей деревянной галдарее показывать ниспосланный ему Богом* ***покой****.* ***Покой*** *был известного рода, ибо гостиница была тоже известного рода...* (Н. Гоголь).

Лексический А. часто усиливается парцелляцией:

А это ***неправильно. Неправильно****, и все. Потому, что отвечать за себя, отвечать за страну* ***каждый должен лично. Каждый должен лично*** *делать* выбор (МКК, 16 дек. 1999 г.).

Иногда А. становится композиционным средством организации всего художественного текста. Так, в романе М. Булгакова «Мастер и Маргарита» конец той или иной главы часто становится началом главы следующей. Например, глава 1 заканчивается словами: *— И доказательств никаких не требуется, — ответил профессор и заговорил негромко, причем его акцент почему-то пропал: — Все просто: в белом плаще...* Глава 2 начинается со слов: *В белом плаще с кровавым подбоем, шаркающей кавалерийской походкой, ранним утром четырнадцатого числа*

весеннего месяца нисана в крытую колоннаду между двумя крыльями дворца Ирода Великого вышел прокуратор Иудеи Понтий Пилат.

Глава 2 заканчивается словами: *Было около десяти часов утра.* Глава 3 начинается со слов: *— Да, было около десяти часов утра, досточтимый Иван Николаевич, — сказал профессор.*

Глава 15 заканчивается словами: *...солнце уже снижалось над лысой Горой, и была эта гора оцеплена двойным оцеплением...* Глава 16 начинается со слов: *Солнце уже снижалось над лысой Горой, и была эта гора оцеплена двойным оцеплением.* Глава 26 заканчивается словами: *Так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат.* А Глава 27 начинается со слов: *Korga Маргарита дошла до последних слов главы «...так встретил рассвет пятнадцатого нисана пятый прокуратор Иудеи Понтий Пилат», — наступило утро.* И т.д.

В данном случае А. соединяет воедино три разных мира романа — древний ершалаимский, вечный потусторонний и современный московский.

Другие названия А. — стык, подхват (Гаспаров М.Л., 1987. С 22; Филипов А.В., Романова Н.Н., 2002. С.81), акромонограмма (Квятковский А.П., 1998. С. 15), эпаналепсис (Ахманова О.С., 1966. С. 526), палилогия (Словарь литературных терминов, 1974. С. 14); редупликация, возвращение, контактный повтор, цепной повтор (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 199), эпанастрофа (Античные теории..., С. 283).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М., Верже Ж.М.** Занятная риторика. М., 2000; **Гаспаров М.Л.** Анадиплозис // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Словарь литературоведческих терминов. М., 1974; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

О.Н. Емельянова, Г.А. Копнина

АНАКОЛУ́Ф (от греч. anakoluthos — непоследовательный) — грамматическая несогласованность частей или членов предложения, которая может быть как речевой небрежностью (речевым недочетом), так и средством речевой выразительности — стилистическим приемом. Стилистический прием А. может быть истолкован как отклонение от грамматической (синтаксической) нормы в результате контаминации (смешения) двух разных синтаксических конструкций (моделей).

А. имеет несколько структурных разновидностей.

1) Нарушение, разрыв нормативной синтаксической связи между началом предложения и его продолжением, «соскальзывание» с одной синтаксической конструкции на другую. Напр.: 1.1. *...У одних было много вещей — надо было все распродать <...>; у других твердая уверенность, что все скоро кончится <...>;* ***а у третьих — да просто деваться некуда*** (А. Ремизов); 1.2. *Нет, разумеется, из «прохладного» Запада, на фоне его крепко, иной раз жестко очерченного духовного пейзажа — пейзаж русской литературы выступает особенно душевней и трогательней.* ***Человечнейший и христианнейший из всех... а где корни это-***

го (Б. Зайцев); 1.3. *Согласен, что тут я грублю, но не забудем, что А. Борщаговский обвинил меня в «явной лжи»,* ***а за это либо извиняются, либо... ограничимся грубостью*** (В. Солоухин);

1.4. *Но все ночи и дни наплывают на нас*
Перед смертью, в торжественный час.
И тогда — в духоте, в тесноте
Слишком больно мечтать
О былой красоте
И не мочь:
Хочешь встать —
И ночь.
(А. Блок)

Для синтаксических конструкций, демонстрирующих разрыв связи между частями сложного предложения, существует специальный термин — Ананта-по́датон (см.).

2) Наложение одной синтаксической конструкции на другую (часто с эллипсисом общего компонента во второй конструкции), которое приводит к нарушению нормативных синтаксических связей. Напр.:

2.1. *Вся комната напоена*
Истомой — сладкое лекарство!
(О. Мандельштам)

(Вся комната напоена истомой + Истома — сладкое лекарство);

2.2. ***Таких людей мало и редки, и бережно подходить к таким*** (А. Ремизов) (таких людей мало + такие люди редки + к таким людям нужно подходить бережно); 2.3. ***Разве это сейчас началось — раньше*** (СК, 14 марта 1987 г.) (Разве это сейчас началось + Это началось раньше);

3) Синтаксическая несогласованность членов предложения (как главных, так и второстепенных) в грамматических категориях рода, числа, падежа, лица, наклонения. Напр.:

3.1. *Кому нужда: тем спесь,* ***лежи они*** *в пыли,*
А тем, кто выше, лесть как кружево плели
(А. Грибоедов)

(Подлежащее во множ. числе, сказуемое — глагол повелит. наклонения в ед. числе);

3.2. *Брала знакомые листы*
И чудно так на них глядела,
Как ***души смотрят*** *с высоты*
На *ими брошенное* ***тело****...*
(Ф. Тютчев);

(Ср.: ...на ими брошенные тела);

3.3. *Когда,* ***с угрозами, и слезы на глазах,***
Мой проклиная век, утраченный в пирах,
Она меня гнала...
(А. Пушкин);

(Ср.: Когда с угрозами и слезами на глазах...);

3.4. *...Чтобы розовой крови связь*
И травы сухорукий звон

Распростились: ***одна — скрепясь,***
А другая — в заумный сон
(О. Мандельштам)

(Связь — одна, но звон — другой).

4) Нестандартное (неморфологизированное) заполнение синтаксической позиции члена предложения (главного или второстепенного) предикативным сочетанием слов (предикативная единица в роли члена предложения): 4.1. *Степь там —* ***конца краю не видать!*** (О. Смирнов); (Ср.: Степь там — бескрайняя): 4.2. *Сам понимаю, что нельзя, а хочется —* ***не могу!*** (М. Чулаки) (Ср.: ...а хочется — очень!); 4.3. *Стать женой Эрика —* ***девчонки умрут от зависти*** <...> (А. Рыбаков) (Ср.: Стать женой Эрика — значит вызвать зависть девчонок);

4.4. *Сани здесь —* ***подобной дряни***
Не видал я на веку;
Стыдно сесть в чужие сани
Коренному русаку.
(П. Вяземский)

(Ср.: Сани здесь — дрянь/дрянные);

4.5. *Кулаки красных не поддержали, но не поддержали и белых.* ***Философия «моя хата с краю»*** *вскоре дорого им обошлась* (АиФ. № 45. 2000 г.) (Ср.: Философия невмешательства...); 4.6. *У нас в этом году дождей было —* ***залиться можно!*** (М. Годенко) (Ср.: ...дождей было очень много).

Нестандартное заполнение позиции члена предложения предикативной единицей возможно в перечислительном ряду однородных членов предложения. В таком случае возникает конструкция внешне сходная с силлепсисом (силлепсис предполагает нарушение не столько грамматической, сколько логической однородности перечисляемых членов — См.: Силлепсис). Напр.: 4.7. *И вот работает среди прочих ботаник,* ***женщина 35 лет, роста малого, голос тонкий, когда волнуется, проводит языком по сохнущим губам*** (Изв., 5 авг. 1970 г.); 4.8. *Но он видел, что то же самое знал и другой товарищ, по фамилии Манолати, — из бессарабских цыган,* ***черный и все лицо в белых шрамах,*** *— и третий, сапожник из Астырки Караванченко, товарищ Семен, человек* ***из себя хлипкий*** *и* ***грудь впалая, только голос громкий и глаза блестят*** (С. Сергеев-Ценский).

В совокупности своих разновидностей А. является приемом, достаточно часто используемым в художественных и публицистических текстах. В них А. служит средством создания эффекта разговорной непринужденности, спонтанности речи, а также ее эмоциональности (см., например, илл. 1.1, 1.2, 1.3). В поэзии А. подчас служит средством выражения очень сильных душевных движений (илл. 1.4). Повышенной экспрессивностью обладает разновидность А., связанная с нестандартным заполнением позиции члена предложения предикативной единицей, особенно — в случае заполнения позиции предиката (сказуемого). Эмоционально-оценочное значение таких предикатов, как правило, гиперболизировано (илл. 4.1, 4.2, 4.3, 4.4, 4.6). Эта разновидность А., будучи использована в перечислительном ряду, увеличивает описательно-изобразительный потенциал таких конструкций (илл. 4.7, 4.8). В поэтической речи, в редких случаях, структурные возможности А. могут быть расширены за счет заполнения предикативной единицей (единицами) позиции подлежащего:

4.8. *Расцветает, голубеет,*
Зеленеет — это я.

Посветлеет, заалеет —
Это зов: зовут меня.
(С. Городецкий)

Разновидностью А. является Анантаподотон (см.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С.** О контаминации и смежных с нею явлениях // Памяти акад. В.В. Виноградова: Сб. ст. М., 1971; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Кузнец М.Д, Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов пед. интов. Л., 1960; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Краткая литературная энциклопедия. Т. 2. М., 1972 (сл. ст. «Фигуры стилистические»); **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Пекарская И.В.** Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка: Учебно-метод. пособие и Системный словарь-справочник. Абакан, 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Томашевский Б.В.** Стилистика: Учебное пособие. Л., 1983.

А.П. Сковородников

АНАНТАПО́ДОТОН, или **АНАНТАПО́ДАТОН** (от греч. anantapódotikos — несоотносительный) — стилистический прием, разновидность Анаколуфа (см.), состоящая в таком нарушении правильной синтаксической связи между частями сложного предложения, когда вторая часть сложного предложения, естественно предполагаемая структурой и смыслом первой части, остается не высказанной, и предложение приобретает неожиданное окончание, синтаксически не связанное с началом. Напр.: 1) *Не мешает сделать еще замечание, что Манилова... но, признаюсь, о дамах я очень боюсь говорить, да притом мне пора возвратиться к нашим героям* <...> (Н. Гоголь). А. здесь участвует, в сочетании с Апозиопезисом (см.), в создании приема комического умолчания; 2) *Мне кажется, вы затрудняетесь?... — заметил Чичиков. — Я? ...нет, я не то, — сказал Манилов, — но я не могу постичь ...Извините ...я, конечно, не мог получить такого блестящего образования, какое, так сказать, видно во всяком вашем движении* <...> (Н. Гоголь). Здесь А. является средством передачи взволнованной и потому несколько бессвязной речи персонажа; 3) *О том, как встретила нас Польша, где мы, после побега, прожили около десяти месяцев, — это уже другая, особая часть жизни Д.С. и моей, требующая особого рассказа* (З. Гиппиус). В литературных воспоминаниях автора этих строк, носящих характер дневниковых записей, А. служит средством передачи непринужденности и некоторой синтаксической неупорядоченности разговорной речи.

Функцию придания высказыванию оттенка разговорности А. выполняет и в художественном повествовании беллетристического характера, и в художественной публицистике, напр.: 4) *Во-первых, по нашим сведениям, Петлюра имеет двести тысяч войск, великолепно вооружен, ...и вообще, германское командование забирает дивизии и уводит их в Германию* (М. Булгаков); 5) *И стало до зри-*

мости понятно, что самое трудное — впереди <...>. ***Что предстоит пережить, что предстоит преодолеть — я уходил в тревогу и сомнения, тогда для меня час выбора еще не настал***... (Б. Споров).

А. используется также для изображения хода рассуждений и внутренней речи (как бы разговора с самим собой): 6) *Можно еще — и это самое верное: на обмен. Например, зеркало или занавеску!* ***Из деревень приезжают с хлебом — или у такого, который в деревню ездит за хлебом, у мешочника*** (А. Ремизов).

В художественном тексте можно обнаружить сложные синтаксические целые (ССЦ), в которых внешняя синтаксическая несвязность частей аналогична несвязности частей А.: здесь действуют не законы логического синтаксиса, а законы поэтической ассоциативности. Напр.:

7) *Все живые так стали далеки,*
Все несбыточное стало так внятно,
И слились позабытые строки
До зари в мутно-желтые пятна.
Весь я там в невозможном ответе,
Где миражные буквы маячут...
...Я люблю, когда в доме есть дети
И когда по ночам они плачут.
(И. Анненский)

Органической «средой обитания» А. как стилистического приема является художественная речь, другим функциональным разновидностям русского литературного языка А. не свойствен.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Пекарская И.В.** Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка: Учебно-методическое пособие и Системный словарь-справочник. Абакан, 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АНАПО́ДАТОН, или **АНАПО́ДОТОН** (от греч. anapodotos — не подлежащий возврату) — разновидность Вставной конструкции (см.), стилистическая фигура, основанная на расчленении структуры предложения вставной конструкцией большой протяженности. Отличительной особенностью этой фигуры является повторение после вставки конечного слова или нескольких слов той части предложения, которая расположена перед вставкой, — для восстановления грамматической и смысловой связи. Напр.: 1) *Вежливый сосед-студент тут же встал (Лапин поймал себя на том, что такая всегдашняя готовность уже начинает раздражать) — встал и тихо сказал, что он спать совсем не хочет и почитает книжку в коридоре, там кресла* (В. Маканин).

Повторение части предшествующего текста в А. чаще бывает дословным, но иногда только смысловым: 2) *Отряхивая зонт и в раскрытом виде оставляя его сохнуть у порога, Родионцев вдруг чувствует усталость (а ведь он из тех,*

кто спортивен и носит спортивные костюмы: моложавый мужчина, поджарый и быстрый для своих сорока лет) — вялый, он прошел на кухню, где и садится за стол, вроде бы сразу собираясь поесть, хотя есть он не хочет (В. Маканин).

А. обычно оформляется скобками, двойными тире, изредка двойными запятыми. Главная функция А. — увеличение информационного объема предложения, отражение многоаспектности повествования (создание микротекста в тексте). Эта функция часто совмещается с выражением разного рода субъективно-модальных значений (эмоций, оценок и т.д.). Так, напр., в следующих текстовых фрагментах А. способствует выражению авторской иронии:

3) *Подкараулил этого кота гражданин в тот момент, когда животное с вороватым видом (что поделаешь, что у котов такой вид? Это не от того, что они порочны, а от того, что они боятся, чтобы кто-либо из существ более сильных, чем они — собаки или люди, — не причинили им какой-либо вред или обиду. И то и другое очень нетрудно, но чести, уверяю, нет никакой, да, нет никакой!), да, так вот, с вороватым видом кот собирался устремиться зачем-то в лопухи* (М. Булгаков);

4) *Заклад в казну был еще тогда дело новое, на которое решались не без страха. Чичиков в качестве поверенного, прежде расположивши всех (без предварительного расположения, как известно, не может быть даже взята простая справка или выправка, все же хоть по бутылке мадеры придется влить во всякую глотку), — итак, расположивши всех, кого следует, объяснил он, что вот такое, между прочим, обстоятельство: половина крестьян вымерла, так чтобы не было каких-нибудь потом привязок...* (Н. Гоголь);

5) *Цирюльник Иван Яковлевич, живущий на Вознесенском проспекте, фамилия его утрачена, и даже на вывеске его — где изображен господин с намыленной щекой и надписью: И кровь отворяют — не выставлено ничего более, цирюльник Иван Яковлевич проснулся довольно рано* (Н. Гоголь).

А. характерен для языка художественной прозы.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: приемы и средства выразительной и образной речи (общая квалификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В**. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Шевцова О.Н.** Особенности употребления анаподотона в современной художественной прозе // Риторика в свете современной лингвистики. Тезисы докладов межвузовской научной конференции (13—14 мая 1999 года). Смоленск, 1999; **Ковалев В.П.** Языковые средства русской художественной прозы. Киев, 1981.

А.П. Сковородников

АНА́СТРОФА (от греч. anastrophē — переворот). 1. Общее название стилистических фигур, основанных на обратном порядке слов (см. Антимета́бола, Гипе́рбатон, Инве́рсия, Хиа́зм и др.). 2. Вид инверсии (см. Инверсия) — перестановка соседних слов. Напр.: *И смертью* ***чуждой сей земли*** *не успокоенные гости* (А. Пушкин). Ср.: гости **сей чуждой земли**.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Гаспаров М.Л.** Инверсия // Лит. энц. словарь. М., 1987; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пособие для вузов. М., 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С**. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АНА́ФОРА (от греч. anaphora — вынесение вверх), или **ЕДИНОНАЧА́ТИЕ** — стилистическая фигура, заключающаяся в повторении тождественных элементов (звуков, сочетаний звуков, морфем, слов или сочетаний слов) в начале нескольких (чаще параллельных) отрезков речи (фраз, предложений, абзацев, строк, стихотворных строф и т.д.).

Выделяют А. фонетическую (повторение звуков или звукосочетаний), А. морфемную (повторение одних и тех же морфем или частей сложных слов), А. лексическую (повторение слова или словосочетания), А. синтаксическую (повторение синтаксических конструкций, выраженных однотипными морфологическими средствами).

Фонетическая А. выступает как средство звукописи:

Кр*асные нити часослова*
Кр*овью окропили слова*
(С. Есенин)

Морфемная А. представлена в таком тексте:

Крут*ой* ***круче*** ***крут****ого, а* ***Буй****нов «****буй****нее» **буй**ного* (СГ, 13 марта 1999 г.).

Наиболее распространенным видом А. является лексическая А., широко используемая в художественных и публицистических текстах, в которых она выполняет общую для выразительных средств экспрессивную функцию, а также более частные функции, напр., эмоционально-выделительную:

Она подумала: ***неужели*** *эта красота еще и сейчас является людям,* ***неужели*** *за это время, которое она прожила на свете, красота совсем нисколько не увяла и не померкла?* (В. Распутин).

Лексическая А., как правило, строится на основе Синтаксического параллелизма (см.), напр.:

Не все равно *России, кто сядет на Енисее.* ***Не все равно*** *Сибири, кто протянет свою длань над самым мощным ее ломтем.* ***Не все равно*** *краснодарцам, кто станет вершить дела у них дома, либо привнося в этот дом разумный лад, трудолюбие и устроение, либо умножая сумбур, безобразия и раздоры* (Зав., апрель 1998 г.).

Выдвигая наиболее важный повторяющийся элемент на первое место, А. позволяет сосредоточить на нем большее внимание, способствуя тем самым закреплению его в памяти читателя (слушателя).

Синтаксическая А., характерная для текстов разной стилевой принадлежности, используется главным образом в усилительно-выделительной функции:

В первом случае нисходяще-восходящая интонация *одновременно передает интонационное подчеркивание слова — нисходящей частью мелодической кривой и коммуникативной направленностью высказывания — вопроса;* ***во втором примере нисходящая часть*** *мелодической кривой — признак фразового ударения повествования...* (Л.Г. Зубкова).

В стихотворных текстах А. способствует ритмизации речи:

Это *утро, радость эта,*
Эта *мощь и дня и света,*
Этот *синий свод,*
Этот *крик и вереницы,*
Эти *стаи,* ***эти*** *птицы,*
Этот *говор вод,*
Эти *ивы и березы,*
Эти *капли —* ***эти*** *слезы,*
Этот *пух — не лист,*
Эти *горы,* ***эти*** *долы,*
Эти *мошки,* ***эти*** *пчелы,*
Этот *зык и свист,*

Эти *зори без затменья,*
Этот *вздох ночной селенья,*
Эта *ночь без сна,*
Эта *мгла и жар постели,*
Эта *дробь и эти трели,*
Это *все — весна.*

(А. Фет)

А. может вступать во взаимодействие с другими стилистическими приемами. Напр.: *Он не думал о смертнике за спиной, каким сам был полмесяца назад, или будет через полгода, а думал* ***об этой*** *девушке,* ***об этой*** *женщине,* ***об этой*** *бабе, и как уговорить ее уединиться* (А.И. Солженицын) — взаимодействие А. с Градацией (см.) (девушке, женщине, бабе) в усилительно-оценочной функции.

А. — одна из наиболее частотных стилистических фигур.

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Квятковский А.П**. Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Панов М.И.** Анафора // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской; Сост. А.А. Князьков. М., 1998; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Г.А. Копнина, А.А. Кузнецова

АНАЭПИ́ФОРА — Стилистическая фигура (см.), представляющая собой объединение Анафоры (см.) и Эпифоры (см.); заключается в повторении тождественных элементов в начале и конце нескольких параллельных отрезков речи при разной середине. Некоторые авторы называют подобное явление симплокой (Панов М.И., 1998. С. 213; Квятковский А.П., 1966. 200—201; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 200—201).

Выделяют А. лексическую — тождество лексем в начале и конце двух и более смежных конструкций при разной середине (илл. 1) и А. синтаксическую —

синтаксический параллелизм начала и конца нескольких отрезков речи при разной середине (илл. 2, 3).

Напр.:

1) ***Словарь*** *Вильяма Шекспира по подсчету исследователей* ***составляет*** *12 000* ***слов. Словарь*** *негра из людоедского племени «Мумбо-Юмбо»* ***составляет*** *300* ***слов****. Элочка Щукина легко и свободно обходилась тридцатью* (И. Ильф, Е. Петров).

2) *Что только ни делали политики с русским мужиком:* ***его облагали*** *со всех сторон налогами (уж сильно старались) —* ***не вышло, не сдался мужик****;* ***ему предлагали*** *затянуть еще туже пояса —* ***не получилось, не вымер мужик****. Русский мужик — народ живучий* (МК, 21—23 дек. 2000).

3) *Мировое началось во мгле кочевье:*
Это бродят *по ночной земле —* ***деревья****,*
Это бродят *золотым вином —* ***грозди****,*
Это странствуют *из дома в дом —* ***звезды***
Это реки начинают путь — вспять!
И мне хочется к тебе на грудь — спать.
(М. Цветаева)

А. широко распространена в художественных (илл. 1, 3) и публицистических (илл. 2) текстах. Основное ее назначение — выделить тождественные по структуре компоненты высказывания и сфокусировать на них внимание читателя или слушателя, усилить эмоциональное напряжение, иногда — создать торжественную патетическую тональность. Кроме усилительно-выделительной функции, общей для фигур синтаксического параллелизма, можно отметить также функцию ритмизации текста.

В научных и технических текстах А. менее частотна и используется в качестве средства логического членения отрезков речи (илл. 4, 5):

4) *Точка ставится:* 1) ***в конце*** *повествовательного* ***предложения****;* 2) ***в конце*** *побудительного* ***предложения*** (В.Ф. Греков).

5) *Заключение об оценке составляется в произвольной форме, но согласно требованиям, должно содержать сведения:*
Наименование *заказчика* ***оценки****.*
Наименование *исполнителя* ***оценки***
(Жилищное законодательство РФ).

Лит.: **Гаспаров М.Л.** Симплока // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Панов М.И.** Симплока // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник / Под ред. Т.А. Ладыженской и А.К. Михальской; Сост. А.А. Князьков. М., 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов / Отв. ред. Е.Н. Ширяев. Ростов н/Д, 1999.

А.А. Кузнецова

АНТАНА́КЛАСИС, или **АНТАНА́КЛАСА**, **АНТАНА́КЛАЗА** (от греч. antanaklasis — отражение, преломление) — общее название для приемов, связанных с употреблением в микроконтексте одного и того же слова в разных значениях (см. Диафора, Плока).

Лит.: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АНТИКЛИ́МАКС (от греч. anti — против и klimax — лестница), или нисходящая градация, — разновидность стилистической фигуры градации, в которой части высказывания располагаются в порядке убывания смысловой и/или эмоциональной значимости. Данная разновидность градации менее частотна, нежели противостоящий ей по характеру построения Климакс (см.).

Мне завещал отец, во-первых,
Угождать всем людям без изъятья:
***Хозяину**, где доведется жить,*
***Слуге его**, который чистит платье,*
***Швейцару, дворнику**, во избежанье зла,*
***Собачке дворника**, чтоб ласкова была.*
(А. Грибоедов)

В отличие от климакса, А. довольно редко используется для передачи эмоционального настроя. Чаще эта разновидность градации употребляется для выражения оценки, в том числе иронической:

У старинушки — три сына:
***Старший умный был** детина,*
***Средний был и так и сяк**,*
Младший** вовсе **был дурак.
(П. Ершов)

*Рыбу ловят в **океанах, морях, озерах, реках, прудах**, а под Москвой также в **лужицах и канавах*** (А.П. Чехов).

Так же как и климакс, А. может быть использован для указания на масштабность происходящего (за счет использования в градационном ряду слов, обозначающих различные предметы и их признаки):

Никто не даст нам избавленья
Ни бог, ни царь и ни герой.
(«Интернационал»)

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М.** Градация в системе синтаксических фигур // Модели культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 1992; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Новиков Л.А.** Искусство слова. М., 1982; **Розенталь Д.Э., Теленкова Н.А**. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; **Сковородников А.П.** Градация // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Краснояр. гос. ун-т; Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998; **Щербаков А.В.** Фигура градация в современном русском

языке (К постановке проблемы) // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (9). Красноярск, 2000; **Щербаков А.В.** Проблема определения градации как стилистической фигуры в лингвистической литературе // Риторика — Лингвистика 3: Сб. ст. Смоленск, 2001; Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998.

А.В. Щербаков

АНТИМЕТА́БОЛА (от греч. antimetabolē — взаимообмен) — стилистический прием, который одними исследователями рассматривается как разновидность антитезы (Клюев Е.В., 1999. С. 201), другими же — как вид хиазма (Филиппов А.В., Романова Н.Н., 2002. С. 125). Такое различное видовое определение А. объясняется её гибридным характером: она представляет собой контаминацию двух приемов — хиазма и антитезы (если последнюю понимать широко — не только как противоположность, но и как противопоставленность чего-л.), что отражено в большинстве дефиниций термина А., например, таких, как: А. — это «антитеза с двойным лексическим повтором в виде хиазма» (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 144); «антитеза, усиленная словесным или корневым повтором, обычно в виде хиазма» (Гаспаров М.Л., 1987. С. 29); «хиазм, осложненный противопоставлением» (Москвин В.П., 2000. С. 75). По мнению Т.Г. Хазагерова и Л.С. Ширины А. — это гибридная фигура, сочетающая парономазию, обратную перестановку (простой хиазм) и антитезу: «В антиметаболе внешнее сходство (парономазия) распространяется только на лексическое наполнение; обратная перестановка меняет характер синтаксических и смысловых связей у переставленных компонентов, тем самым первая часть фигуры с исходным расположением слов и вторая с обратным получают разное значение. Таким образом, внешнее сходство слов, которое сначала дает повод к сопоставлению, завершается различением и даже противопоставлением, как в антитезе» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 203—204).

В античные времена об А. писали следующее: «Сюда же относится и та фигура, в которой повторяются слова в другом падеже или в другой глагольной форме, фигура, называемая антиметаболой: «я живу не для того, чтобы есть, а ем для того, чтобы жить» (Квинтилиан); «замена имеет место, когда две фразы, различные по своему содержанию, высказываются путем перестановки так, что последующая фраза, противоположная первой, оказывается вытекающей из первой, например: «надо есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть» (Риторика к Гереннию) (Античные теории языка и стиля..., 1996. С. 291). Таким образом, в античных риториках отмечалось, что А. является фигурой, основанной на повторе слов и на перестановке частей высказывания. Причем наличие в А. противопоставленности слов не констатируется.

Наличие противопоставления в составе А. не всегда отмечается и у современных авторов, например: А. — «фигура речи, состоящая в симметричном повторении одних и тех же слов, но с изменением их синтаксических функций и связей с непосредственным окружением» (Ахманова О.С., 1966. С. 49).

Учитывая отмеченное выше, А. можно определить как стилистический прием, заключающийся в таком перекрестном повторении одних и тех же слов, которое сопровождается изменением их синтаксических функций, а также противопоставленностью понятий или явлений действительности. Таким образом, А.

представляет собой синкретичный (гибридный) стилистический прием, совмещающий в себе структурные признаки хиазма (перекрестное повторение одних и тех же слов) и семантические признаки антитезы в ее широком понимании (противопоставленность понятий, выраженная при помощи повторяющихся перекрестно слов).

А., как правило, используется с целью выявления различия или обнаружения сходства у каких-либо явлений, обозначенных переставленными словами: ***Все дикое*** *сделалось* ***привычным, все привычное — диким*** (В. Астафьев); ***Поэзия грамматики*** *и* ***грамматика поэзии*** (Р. Якобсон).

Одна из функций А. — изображение процесса рассуждения, например: ***Хотя потребление сигарет в самой Америке идет на убыль, страна все же сохраняет за собой второе место в мире****... Впрочем, эту фразу лучше прикурить с другого конца. Именно:* ***хотя страна все еще остается вторым мировым сигаретным рынком, потребление табака идет на убыль*** (СГ, 29 ноября 1997 г.). — Здесь главная часть становится придаточной уступки, а придаточная часть — главной, что меняет характер смысловых связей в предложении.

Встречается совместное употребление А. с другими стилистическими фигурами, напр., с эллипсисом: *Все уже поняли: если* ***не мы — его,*** *то* ***он — нас*** (КП, 22 окт. 1994 г.) (ср.: если мы не уничтожим его, то он убьет нас).

Наиболее часто А. встречается в художественных и публицистических текстах. В меньшей степени она свойственна научной речи. Не характерна А. для текстов официально-делового стиля.

Другие названия этого стилистического приема: метабола, антиметатеза, антиметалепсис (Филиппов А.В., Романова Н.Н., 2002. С. 125); коммутация, хиазм (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 204).

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Волков А.А.** Курс руской риторики. М., 2001; **Гаспаров М.Л.** Антиметабола // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Филиппов А.В., Романова Н.Н.** Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

АНТИПО́ФОРА — риторический прием, состоящий в том, что говорящий ставит вопросы и сам же на них отвечает (См. Вопросно-ответный ход).

АНТИТЕ́ЗА (от греч. antithesis — противоположение) — Стилистическая фигура (см.), построенная по принципу контраста (см. Контраст стилистический), резкого противопоставления понятий, положений, образов, состояний и т.п. А. основана на сравнении двух противоположных явлений или признаков,

присущих, как правило, разным предметам. От Оксюморона (см.) А. отличается тем, что для нее не характерно слияние воедино противоположных понятий.

Земля *гипербол*
лежит под ними
Как **небо** метафор
плывет над нами!
(И. Бродский)

В данном примере для создания развернутой А. с целью характеристики разных явлений использованы пары контрастных, противопоставленных по разным основаниям слов: *земля — небо* (контраст по расположению в пространстве), *под — над* (антонимичные предлоги), *лежит — плывет* (противопоставление по признаку наличия/отсутствия движения), *ними — нами* (противопоставление местоимений «мы» — «они»).

Аристотель в «Риторике» значение А. определил следующим образом: «Такой способ изложения приятен, потому что противоположности достаточно понятны, если же они стоят рядом, то понятны еще более, а также потому, что похожи на силлогизм, так как опровержение есть соединение противоположностей» (Аристотель, 2000. С. 127).

Час ***разлуки****, час* ***свиданья***
Им ни ***радость****, ни* ***печаль****.*
Им в ***грядущем*** *нет желанья*
И ***прошедшего*** *не жаль.*
(М. Лермонтов)

Много видевший, много знавший,
Знавший ***ненависть*** *и* ***любовь****,*
Все имевший, все ***потерявший***
И опять все ***нашедший*** *вновь.*
(Д. Кедрин)

А. может быть простой (одночленной, т.е. состоящей из одной пары антонимов): *Не может в хорошем спектакле* ***превосходный*** *Сальери быть при* ***плохом*** *Моцарте* (ВК, 14 февр. 1998 г.), *Не видать мне, что ли, ни* ***денечков светлых****, ни* ***ночей безлунных****?!* (В. Высоцкий); и сложной (многочленной, т.е. состоящей из нескольких пар антонимов): *Из груди извлечет не* ***речь****, но* ***стон****; и не* ***привет****,* ***упрек*** *услышит он* (М. Лермонтов),

Идут — ***красивые*** *и* ***безобразные****,*
Идут — ***веселые****, идут —* ***печальные****,*
Такие ***схожие*** *— такие* ***разные****,*
Такие ***близкие****, такие* ***дальние****...*
(З. Гиппиус)

А. широко используется в пословицах и поговорках: ***Легко подружиться****,* ***тяжело разлучиться***; *Шуму* ***много****, толку* ***мало***; ***Ученье*** *—* ***свет****, а* ***неученье*** *—* ***тьма***; *Не отведав* ***горького****, не узнаешь* ***сладкого***. Данные примеры наглядно свидетельствуют о том, что А. часто строится на параллельных синтаксических конструкциях (см. параллелизм).

А. часто используется авторами художественных и публицистических произведений в заглавиях: ***Война*** *и* ***мир*** (Л. Толстой), ***Толстый*** *и* ***тонкий*** (А. Чехов),

Живые** и **мертвые (К. Симонов), ***День** и **ночь*** (название журнала), ***Бедность** при **богатстве*** (заголовок).

Некоторые исследователи выделяют несколько типов А. *Акротеза* — подчеркнутое утверждение одного из признаков предмета или явления за счет отрицания противоположного: *не черный, а белый; не слабость, а сила*. Акротеза имеет следующую конструкцию: слова-антонимы, один из которых с отрицательной частицей «не», соединяются с помощью противительного союза «а»: *Во имя **правды**, а не **лжи*** (Е. Евтушенко).

Амфитеза — разновидность А., которая заключается в утверждении не одного, как в акротезе, а обоих противоположных явлений или признаков. Тем самым явление или признак охватывается полностью, включается и среднее, промежуточное звено, если оно имеется: *и стар, и мал; и черные, и белые*; *Делюся с **умным и безумным*** (М. Лермонтов). Эффект амфитезы заключается в представлении всего множества явлений, называемых антонимами. Амфитеза довольно часто представляет собой устойчивое словосочетание, состоящее из антонимов, соединенных сочинительным союзом «и», который может повторяться или не повторяться: *зимой и летом*; *вдоль и поперек*; *и день, и ночь*.

Для более четкого изображения промежуточного, среднего звена множества предметов, явлений, признаков используется еще одна разновидность А. — *диатеза*: *не белый, но и не так, чтобы черный*. Диатеза имеет определенную синтаксическую конструкцию. Ее образуют антонимы с частицами «ни» или «не», соединенные бессоюзно или союзами «и», «а», «но»: *Есть сумерки души, несчастья след, когда **ни мрака** в ней, **ни света** нет* (М. Лермонтов); *В бричке сидел господин, **не красавец**, но и **не дурной наружности**, **ни слишком толст**, **ни слишком тонок**; **не**льзя сказать, чтобы **стар**, однако ж и **не** так, чтобы **слишком молод** (Н. Гоголь).*

В А. контраст, противопоставленность признаков может дополняться и их сходством. В таком случае А. составляют уже не антонимы, а Синонимы (см.). Такую разновидность А. называют Парадиастолой (см.): *не глаза, а очи*; *Вы хотите сказать, что человечество еще живо? Если вы и правы, то лишь отчасти. Разве можно назвать **жизнью** это **существование** с непременным букетом недомоганий, хворей и недугов?* (Собеседник, № 4, 1993).

Еще одной разновидностью А. является Аллойоза (см.) — стилистическая фигура, которая заключается в развернутом сопоставлении двух характеристик предмета (в широком смысле) и подчеркиванием несхожего в том, что предварительно определено как сходное. Обычно в аллойозе отсутствует резкое противопоставление двух реалий или их признаков, но тем не менее при сопоставлении четко выявляются различия. Аллойоза является разновидностью развернутой А., и потому эта фигура реализуется либо в рамках сложного предложения, либо в рамках сложного синтаксического целого, либо в рамках целого текста: *Впрочем, **«рыба-кит»** все же не рыба. **Кит рождает одного китенка** — **рыба мечет тысячи** и даже **миллионы икринок**; **кит вынужден** время от времени **всплывать**, превращаясь в **удобную мишень** для гарпунной пушки, — **рыба может уйти на глубину**, **недосягаемую для современных орудий лова*** (К. Константинов).

Синкризис — разновидность А., состоящая в двух симметрично построенных словосочетаниях или предложениях, в каждом из которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения:

После дня тяжелого,
Ох, завидовал я как:
***Твой** Святой Никола — **во**!*
*Ну, а **мой** Иван — **дурак**!*
Я придумал ход такой,
Чтоб заране причитать:
***Мне** ж до Бога — **далеко**,*
*А **ему** — **рукой подать**.*

(В. Высоцкий)

Сравните, в примере: *мой дурак — твой во!, мне далеко — ему рукой подать.*

По принципу А. могут быть построены не только отдельные словосочетания и предложения, но и целые произведения, т.е. А. может выступать в роли композиционного приема. К примеру, стихотворение Н. Некрасова «Размышления у парадного подъезда» заключает в себе контраст жизни сановника и мужиков. А. проходит через весь текст в «Песне о Буревестнике» и «Песне о Соколе» М. Горького. Антитетически соотносящиеся друг с другом сюжетные линии имеют, например, романы «Анна Каренина» (Л. Толстой) и «Поднятая целина» (М. Шолохов).

А. может использоваться для создания иронии в том случае, если вторая ее часть семантически не соответствует первой: *В огороде бузина, а в Киеве — дядька*. В данном случае высказывание формально сохраняет структуру А., интонацию противопоставления, противительный союз, но компоненты А. не связаны по смыслу, не имеют антонимических отношений. Подобную разновидность А. можно назвать квазиантитезой.

Лит.: **Аксанова Н.В.** К вопросу о понятии противоположности как основе лексической антонимии // Актуальные проблемы филологии. М., 1981; **Андреева Г.В.** Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984; **Аристотель**. Риторика // Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000; **Введенская Л.А.** Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Вып. 2. Курск, 1966; **Вирячев П.В.** Выражение противоположности в языке науки: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Еленевская М.Н.** Синонимия как средство выражения контраста и аналогии в афоризме // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Матвиевская Л.А.** Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; **Махова Э.Ф.** Контраст как один из способов проявления оценки в тексте: (К вопросу эстетической терминологии в ее лингвистическом аспекте) // Межуровневые связи в синхронии и диахронии. Свердловск, 1987; **Новиков Л.А.** Антонимия в русском языке. М., 1983; **Павлович Н.В.** Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М., 1979; **Топоров В.Н.** Фигуры речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999. **Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В.** О речевых приемах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992.

А.В. Щербаков

АНТИФРА́ЗИС (от греч. antiphrasis — противоположный по смыслу) — употребление слова, а также словосочетания и предложения в значении, противоположном обычному, что достигается с помощью контекста и особой интонации (в устной речи). Напр.: 1) ***Какая прелесть!*** *Обмануть человека, а потом притворяться ангелом* (О. Ахманова); 2) *Попробуйте только меня тронуть,* — ***кротко*** *возразил я распорядителю.* — *Сами покойником будете!* (А. Аверченко); 3) *Не мешает заметить, что в разговор обеих дам вмешивалось очень много иностранных слов и целиком иногда длинные французские фразы. Но* ***как ни исполнен автор благоговения к тем спасительным пользам, которые приносит французский язык России, как ни исполнен благоговения к похвальному обычаю нашего высшего общества, изъясняющегося на нем во все часы дня, конечно, из глубокого чувства любви к отчизне****, но при всем том никак не решается внести фразу какого бы ни было чуждого языка в сию русскую свою поэму* (Н. Гоголь); 4) *Абаканцы потеряли возможность получить квартиры. За что у них есть все основания сказать* ***большое спасибо*** *городским властям* (ЮСВ, 21 февр. 1996 г.)

В специальной литературе статус А. определяется неоднозначно. Чаще он квалифицируется как троп, иногда — как стилистическая фигура контраста. Иногда А. отожествляется с иронией, что, с терминологической точки зрения, неудобно в силу неоднозначности и этого термина (ирония — троп, ирония — вид комического). Мы определяем А. как троп (переименование по контрасту), который служит (главным образом, но не только) одним из языковых средств выражения иронии как вида комического.

Для усиления выразительности А., а также для его введения в текст (в том случае, если контекст представляется автору недостаточно надежным «проявителем» этого тропа) могут быть использованы графические средства: кавычки, скобки или то и другое одновременно (к графическим средствам выделения А. чаще прибегают в публицистике): 5) *...И снова мы возвращаемся к вопросу о непотопляемости и влиятельности нашего* ***«героя»*** (НГ, № 28. 2000 г.); 6) *...И только тогда от избирательных урн отозвали покорные воле партийного руководства спецслужбы (****демократизация****), а результаты* ***«свободного»*** *выбора стали предопределять информационным террором (****гласность****), пик которого мы наблюдали перед прошлыми президентскими выборами* (Зав., № 33. 1997 г.).

Комический эффект, достигаемый использованием А., в зависимости от организующего его контекста может обладать разными тональностями: от добродушной насмешки (илл. 7), иронии (илл. 3) и сатирического изображения объекта (илл. 8) до резкого саркастического разоблачения, поношения (илл. 9):

7) *...С дворов*
Свозили лодки.
Граф Хвостов,
Поэт, ***любимый небесами****,*
Уж пел ***бессмертными*** *стихами*
Несчастье невских берегов.
(А. Пушкин)

8) *Во двор, на который из окон камер неслись крики арестантов, <...> является смотритель тюрьмы и, чтобы* ***«успокоить»*** *волнение, возвещает о предстоящем наказании Боголюбова розгами, не успокоив никого этим в действительности, но, несомненно, доказав, что он, смотритель,* ***обладает и практическим тактом, и пониманием человеческого сердца*** (П. Александров); 9) *Падает сила права и мо-*

рали, и цинизм уже не прячется под маской. Цену международной нравственности мы знаем, и ***«братство» народов*** *знаем, и отношение их к России. И заметьте: руководят не мужики от сохи (если бы они руководили!), не проходимцы с большой дороги, а...* ***«высококультурные», «вожди»****! И вспоминается горькое русское:*

Хорошо тому на свете жить,
У кого нету стыда в глазах,
Ни стыда нету, ни совести!
(И. Шмелев)

А. достаточно широко используется в художественной литературе (прозе и поэзии), в публицистике (в том числе — газетной), в ораторской речи (примеры даны выше). Употребляется А. и в разговорной речи, где иногда приобретает характер клишированных конструкций: 10) *Этого еще не хватало!* 11) *Ничего себе помощь, удружил!* 12) *Вот так удружил!* 13) *Хорошенькое дело!* 14) *Ничего не скажешь, молодец!* и т.п. Ср. неклишированное употребление А. в разговорной речи: 15) *Сидят у нас под домом полторы старухи/* ***симпозиум*** *на завалинке/ косточки перемывают* (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова).

В малых поэтических жанрах А. может играть конструктивную роль в масштабах всего произведения, служа его идейно-тематической концовкой (илл. 16) или лейтмотивом, пронизывающим весь текст (илл. 17):

16) *Такая женщина не любит никого,*
Но и ее любить, конечно, невозможно:
Все осторожно в ней, бескрыло и ничтожно.
Толпа любовников, и нет ни одного,
О ком подумала бы нежно и тревожно...
И это — женщина, ***земное божество****!*
(И. Северянин)

17) *За все, за все тебя* ***благодарю*** *я:*
За тайные мучения страстей,
За горечь слез, отраву поцелуя,
За месть врагов и клевету друзей;
За жар души, растраченный в пустыне,
За все, чем я обманут в жизни был...
Устрой лишь так, чтобы тебя отныне
Недолго я еще ***благодарил****.*
(М. Лермонтов)

А., выражающий похвалу в форме порицания, называется Астеизмом (см.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А.** Энциклопедический словарь. Т. 1. СПб., 1890; **Горшков А.И.** Русская словесность. От слова к словесности: Учеб. пособие для 10—11 классов. М., 1995; **Добря М.Я.** Типологическая характеристика антифразиса как изобразительного средства современного русского языка // Материалы Международного съезда русистов в Красноярске: В 2 т. Т. 2. Красноярск, 1997; **Земская Е.А., Китайгородская М.Ф., Розанова Н.Н.** Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983.; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие для 10—11 кл. общеобразоват. учрежде-

ний. М., 1996; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С**. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П.Сковородников

АНТИЭ́ЛЛИПСИС — термин, обозначающий стилистическую фигуру, структурно противоположную Эллипсису (см.). Если фигура эллипсиса есть такое незамещение синтаксической позиции (позиций), которое обладает стилистической значимостью (стилистически значимая синтагматическая экономия), то А. есть избыточное, по сравнению с нейтральным вариантом нормы, замещение синтаксической позиции (позиций), которое также обладает стилистической значимостью (стилистически значимая синтагматическая избыточность).

А. «работает» в таких речевых условиях (структурно-синтаксических и стилистических), в которых эллипсис по сравнению с ним значительно более употребителен и потому ощущается языковым сознанием как нечто обычное, нормативное. В таких условиях синтаксическая полнота конструкции (замещенность синтаксических позиций) воспринимается как отклонение от нейтрального варианта нормы и, в случае своей мотивированности коммуникативным заданием и контекстом, приобретает статус стилистической фигуры. Напр. (далее во всех приведенных примерах выделены избыточно замещенные позиции):

1) *Люба подвязала вожжи к тележному передку, поглядела из-под руки на солнце. Потом* ***она*** *спрыгнула с фуры и на минутку сбежала к воде* (В. Белов); 2) *Заместитель председателя исполкома по жилью знал Костенко, и поэтому сегодня утром* ***он*** *принял его особенно приветливо...* (Ю. Семенов); 3) *Осуществляя этот спектакль, Андрей Гончаров показал нам новые стороны своего дарования. Он создал яркое зрелище и одновременно мудрую и трогательную притчу. Он предложил еще одну отгадку тайны Дон Кихота* (ЛГ, 3 декабря 1972 г.).

В вышеприведенных высказываниях А. акцентирует позиции субъекта действия и одновременно способствует созданию спокойной («эпической») тональности повествования.

Функция логического выделения того слова или сочетания слов, которое (которые) избыточно замещают потенциальную синтаксическую позицию, является для А. основной:

4) *В середине, в гуще ребят, учитель и учительница. Он в шапке и пальто, а она в полушалке. Чему-то улыбаются едва заметно* ***учитель и учительница*** (В. Астафьев); 5) *Самые близкие пока молчат. Я-то жду именно* ***их*** *звонка,* ***их*** *слов,* ***их*** *участия. Но им, видать, необходимо время, чтобы опомниться.* ***Они*** *позвонят.* ***Они*** *помогут.* ***Они*** *все сделают* (М. Годенко); 6) *Я не хотел думать о Варе, я хотел помнить отца, ведь прошло так мало времени после его смерти.* ***Так мало времени прошло****, а я уже живу новыми чувствами, забывая о долге пред его памятью* (Н. Евдокимов); 7) *...Не расстреляли ...За стишки в стенгазете не расстреляли, дали* ***за стишки в стенгазете*** *всего три года ссылки в Сибирь — спасибо*!

(А. Рыбаков); 8) *Помнила все время. Счастье, о котором чем дальше, тем мучительнее вспоминать — потому что оно отходит* ***в прошлое****, все глубже* ***в прошлое*** *(*М. Чулаки);

9) *Как будто душа о желанном просила,*
И сделали ей незаслуженно больно.
И сердце просило, но ***сердце*** *застыло,*
И плачет, и плачет, и плачет невольно.
(К. Бальмонт)

На эту основную функцию могут накладываться некоторые частные, например, функция создания размеренного, «эпического» повествования (илл. 1, 2, 3), функция художественно-образной конкретизации (илл. 4), функция совмещения авторского и персонажного речевых планов (несобственно-авторская речь) (илл. 10), функция усиления оценочного предиката (илл. 11), функция придания диалогической реплике оттенка официальности (илл. 12), иногда в сочетании с эмоциональной эмфазой (илл. 13):

10) *Старик матерно выругал дворника, неправильно занесшего трубу в дверь, перепорхнул тумбу, трепетными и злыми руками обозначил, как надо ее выносить,* ***тумбу****.* (А. Битов); 11) *Ведь какое бы ни было правительство и самое ангельское, все равно будет оно всегда осуждаемое, все равно, какая бы ни была власть, а как власть — ярмо. А человек в ярме —* ***человек*** *брыклив* (А. Ремизов); 12) *— Товарищ командующий, разрешите доложить, — оставив немца позади себя, отрапортовал Ильин, — бойцами вверенного мне триста тридцать второго стрелкового полка захвачен в плен капитан немецкой армии, командир дивизиона штурмовых орудий. При допросе после взятия в плен дал важные показания... — Кто допрашивал? — Я* ***допрашивал*** (К. Симонов);

13) *...Вдруг приходят из домоуправления и говорят:*

— Завтра на работу не ходить. Вместе с другими жильцами дома будете мыть котлы в бойлерной. Вопросы есть?

— Есть ***вопросы****, — говорю. Какое, например, вы имеете право распоряжаться моим рабочим временем?* (Изв., 10 июня 1975 г.)

А. особенно эффективен, когда он вступает в Стилистическую конвергенцию (см.) с другими стилистическими приемами, например, с анафорой (илл. 14), геминацией (илл. 15), рондо (илл. 16) и др.:

14) *Я к музыке винтов прислушивался,* ***Я***
Согласный хор винтов распределял на части,
Я *изучал их песнь,* ***я*** *понимал их страсти,*
Я *сам изнемогал от счастья бытия.*
(Н. Заболоцкий)

15) *Кто сомневается в том, насколько незавидна и нелегка*
верблюжья *ноша,*
верблюжья *доля,*
верблюжья *жизнь,*
пусть сам потаскает на себе Владимира Вольфовича...
(АиФ. № 45. 1995 г.)

16) ***Горе*** *— в вечности пороков,*
В постоянных с ними споре,
В осмеянии пророков
И в исканьях счастья — ***горе****.*
(И. Северянин)

А. может быть истолкован как разновидность Плеоназма (см.).

Сферой регулярного и полифункционального использования А. является художественная речь (проза и поэзия). В публицистических текстах он встречается значительно реже.

Лит.: **Сковородников А.П.** Об одном типе повторной номинации со стилистической значимостью // Синтаксис текста. М., 1979 г.; **Он же.** О понятии антиэллипсиса // Практическое приложение исследований синтаксиса русского языка. Красноярск: КГПИ, 1976; **Он же.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АНТО́НИМЫ (от греч. anti — против и onyma — имя) — слова одной части речи, имеющие противоположные значения. Явление антонимии в языке обусловлено свойственным человеку восприятием действительности во всей противоречивой сложности. Так, упоминание о знакомом человеке вызывает мысль о существовании незнакомых людей, понять смысл слова «медленно» можно лишь на фоне значения слова «быстро» и т.д. А. объединяются в пары по контрасту (см. Контраст стилистический), однако это не означает, что слово может иметь всего лишь один антоним. Бывает и так, что у одного слова имеется сразу несколько противоположных по смыслу: *отвратительно — замечательно, превосходно, прелестно*.

В основе явления антонимии лежит контраст как стилистическая категория, имеющая лексико-семантическую основу. Логическую же базу категории антонимии образуют три вида противоположности — контрарная, контрадикторная и комплементарная. Контрарная противоположность выражается видовыми понятиями, между которыми есть средний, промежуточный член: *молодой — нестарый, средних лет, пожилой... — старый*. Контрадикторная противоположность выражена отношениями типа А — не А: *белый — не белый*, *холодный — не холодный*. В третьем случае (комплементарная противоположность) отношения антонимии образуются видовыми понятиями, которые дополняют друг друга до родового и являются предельными (полярными) по своему характеру: *конечный — бесконечный*, *добро — зло*, *истина — ложь*. В стилистических целях могут быть использованы в качестве логической основы все виды противоположностей.

Чаще всего в речи антонимы используются для выражения противопоставления. Они могут составлять основу особого стилистического приема — Антитезы (см.): ***Ученье — свет, а неученье — тьма***; ***Я — царь, я — раб, я — червь, я — Бог!*** (Г. Державин); *...**Волна и камень, стихи и проза, лед и пламень** не столь различны меж собой...* (А. Пушкин); *В результате свершилась резкая (и оскорбительно неравномерная) поляризация: с одной стороны, **половодье глянцевой макулатуры**, с другой — **ручеек литературы подлинно художественной*** (ВК, 18 февр. 1997 г.); *Он словно бы до последнего мига соревновался с судьбой, желая сам, по собственной воле, распорядиться не только **жизнью**, но и **смертью*** (ВК, 2 дек. 1997 г.).

В речи А., как правило, объединяются в пары (иногда их бывает несколько), что усиливает производимый эффект: *Равенство это — равенство сознания, и*

оно остается с человеком на всю жизнь в виде памяти, ***смутной*** *или* ***отчетливой****, и* ***рано*** *или* ***поздно****,* ***кстати*** *или* ***некстати****, определяет поведение индивидуума* (И. Бродский); *Так, бросаем то в* ***жар****, то в* ***холод****, то в* ***свет****, то в* ***темень****, в мирозданьи потерян, кружится шар* (И. Бродский); *Мы вгрызались в его сложную философию, где сталкивались лбами* ***романтизм*** *и* ***прагматизм****,* ***бытовая реальность*** *горожанина, живущего в уюте Европы, и* ***нереализованная мечта*** (ВК, 18 февр. 1998 г.).

А. способствуют раскрытию противоречивой сущности предметов, явлений: *Ты и* ***убогая****, ты и* ***обильная****, ты и* ***могучая****, ты и* ***бессильная****, матушка-Русь* (Н. Некрасов).

В речи могут быть использованы А., в основе которых лежит контрадикторная противоположность. Нанизывание подобных А. подчеркивает отсутствие ярко выраженных признаков: *В бричке сидел господин,* ***не красавец****, но и* ***не дурной наружности****,* ***не слишком толст****,* ***не слишком тонок****;* ***не****льзя сказать, чтобы* ***стар****, однако ж и* ***не*** *так, чтобы* ***слишком молод*** *(Н. Гоголь).*

Явление антонимии может лежать в основе другого стилистического приема — Оксюморона (см.), как сочетания контрастных по значению слов, создающего новое представление или понятие: *сухое вино*, *честный вор*, *живой труп*. Оксюморон может быть использован и для построения выразительной речи: *Люблю я* ***пышное*** *природы* ***увяданье*** (А. Пушкин); ***Убогая роскошь*** *наряда* (Н. Некрасов); *Ваш сын* ***прекрасно болен****!* (В Маяковский); *Это я и имею в виду, говоря о роли исполнителя, тем более естественной, что роман или стихотворение есть продукт* ***взаимного одиночества*** *писателя и читателя* (И. Бродский). В оксюмороне К. реализуется за счет объединения в словосочетание двух слов, значения которых исключают одновременное их употребление. Однако это делается для создания нового понятия или особой характеристики предмета: *Стоило только мне погрузиться в эти пуховые волны, как какое-то снотворное, маковое покрывало тотчас надвигалось на мои глаза и застилало от них весь Петербург с его* ***веселящей скукой*** *и* ***скучающей веселостью*** (Н. Лесков). «Скука» и «веселье» исключают одновременное присутствие, но для создания стилистического эффекта контрастные слова дважды в этом примере объединены в словосочетания. *Мечты* ***старого юноши*** *напряглись, он уходил в занесенное снежными сугробами поле, к батрацким избам...* (Г. Данилевский). В одно словосочетание объединены два слова, значения которых подразумевают отсутствие друг друга. *В продолжение продуктово-гуманитарной темы в «Российской газете» можно было прочитать о* ***мирных инициативах американской военщины*** (ВК, 11 дек. 1998 г.). В данном случае словосочетание «мирные инициативы» сочетается со словосочетанием «американская военщина» для выражения негативной оценки и иронии.

Антонимия может развиваться внутри одного слова: случаи, когда значения слова являются противоположными. Такое явление получило название внутрисловной антонимии, или Энантиосемии (см.): наличие у одного многозначного слова взаимоисключающих, противоположных, антонимичных значений. Явление внутрисловной антонимии лежит в основе особого стилистического приема — Антифразиса (см.). В этом случае контраст, лежащий в основе антонимии, реализуется на уровне слова за счет актуализации двух противоположных значений: *Откуда,* ***умная****, бредешь ты голова?* (И. Крылов). В данном случае узуальному значению слова «умный» противопоставляется окказиональное значение «глупый», которое подразумевается (слово «умный» использовано в басне в качестве обращения к ослу). *С редакторами у меня взаимная* ***приязнь*** *с застойных еще*

лет (из интервью с Е. Шифриным). В этом примере актуализированы значения «симпатичный» — «антипатичный».

Стилистические функции А. не ограничиваются выражением контраста. При помощи А. можно выразить полноту охвата явлений или событий:

Я не унижусь пред тобою;
Ни твой привет**, **ни твой укор
Не властны над моей душою
(М. Лермонтов)
Перед ним толпа бежала,
***Быль** и **небыль** разглашала*
(А. Пушкин)

Лит.: **Аксанова Н.В.** К вопросу о понятии противоположности как основе лексической антонимии // Актуальные проблемы филологии. М., 1981. С. 1—15; **Андреева Г.В.** Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984; **Введенская Л.А.** Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Вып. 2. Курск, 1966. С. 128—135; **Вирячев П.В.** Выражение противоположности в языке науки: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Еленевская М.Н.** Синонимия как средство выражения контраста и аналогии в афоризме // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987. С. 24—30; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997; **Матвиевская Л.А.** Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; **Махова Э.Ф.** Контраст как один из способов проявления оценки в тексте: (К вопросу эстетической терминологии в ее лингвистическом аспекте) // Межуровневые связи в синхронии и диахронии. Свердловск, 1987. С. 101—107; **Новиков Л.А.** Антонимия в русском языке. М., 1983; **Павлович Н.В.** Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979; **Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В.** О речевых приемах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992. С. 131—135; **Шишкина Т.И.** Атрибутивные оксюморонные сочетания как функционально-значимое отклонение от ономасиологической нормы в поэтическом контексте. Тула, 1991.

А.В. Щербаков

АНТОНОМА́ЗИЯ, или **АНТОНОМА́СИЯ** (от греч. antonomasia — переименование) — разновидность Перифразы (см.).

1) Замена имени собственного описательным оборотом — непрямое именование. Например: ***Страна восходящего солнца*** вместо *Япония*; ***Автор «Тихого Дона»*** вместо *Шолохов*.

Как правило, описательный оборот является краткой и очень выразительной характеристикой обозначаемого. Поэтому данный вид А. называют Метафорой (см.):

***Смуглый отрок** бродил по аллеям,*
У озерных грустил берегов,

И столетие мы лелеем
Еле слышный шелест шагов.
(А. Ахматова)

Но нам ***священный град Петра***
Невольным памятником будет.
(А. Ахматова)
(***Смуглый отрок*** — Пушкин; ***град Петра*** — Санкт-Петербург).

2) Использование собственного имени, как правило, широко известного, вместо нарицательного, для называния другого лица, наделенного сходными свойствами, чертами. Например: ***Русской Сапфо*** *часто называли молодую Ахматову* (Н. Скатов*); ...концепция провинциальной жизни, которая сделала Кустодиева в глазах критиков* ***«отечественным Рубенсом»*** (Л. Анненский).

Используемое собственное имя должно ассоциироваться с определенными качествами. Общепринято, например, благородного и наивного человека называть ***Дон Кихотом***, ленивого — ***Обломовым***, ревнивого — ***Отелло*** и т.д.

Это скрытое Сравнение (см.). В данном случае возникает обобщенный образ носителя (носителей) определённого качества, свойства, признака. А назван этот образ по имени лица (реального или вымышленного), у которого данное свойство, качество достигло наивысшего проявления: ***меценат*** — *богатый покровитель искусства* (по имени Мецената, жившего в I в. до н.э.); ***эскулап*** — *врач* (по имени Эскулапа — древнеримского бога врачевания); ***царь, кайзер*** — *правитель* (по имени древнеримского императора Цезаря) и т.д. При этом А. становится нарицательным именем, т.е. из явления речи переходит в разряд единиц языка. Такая А.называется **прономинацией** и, как правило, имеет оценочный характер. Например:

Молчалины *господствуют на свете!*
(А. Грибоедов)

Широко распространены формульные А. — устойчивые выражения. Так, например, Н. Островского называли ***Колумбом Замоскворечья;*** Батюшкова — ***русским Парни;*** П. Вяземский охарактеризовал Державина как ***Нестора муз.***

Особенностью такой А. является её употребление преимущественно с зависимыми словами, которые косвенно указывают на то, что речь идёт не о самом носителе данного собственного имени. Среди используемых зависимых слов наиболее распространены местоимения, числительные, прилагательное *новый*, географические, временные, национальные обозначения и др. Например: Москва — ***третий Рим***; Китеж — «***древнерусская*** *Атлантида*» (Огонек); Лукиан — *Вольтер* ***классической древности*** (К. Маркс).

А. часто используется для выражения Иронии (см.). При этом имя широко известного деятеля мировой истории, культуры переносится на «недостойный» этого имени объект:

К Лукреции ***Тарквиний новый***
Отправился, на всё готовый.
(А. Пушкин)

А глядишь, ***наш Мирабо***
Старого Гаврило

За измятое жабо
Хлещет в ус да в рыло.
(Д. Давыдов)

3) Использование географического названия, связанного с какими-либо событиями, для обозначения сходных событий. Например: *Или* ***Чернобылям*** *не будет конца до самого конца* (Лит. газета). Этот вид А. является Синекдохой (см.).

4) Употребление вместо имени собственного для названия лица, явления, места наименования его основного свойства, признака:

Язычник стал Христианином
И, весь израненный, спешил
Повергнуть ниц перед ***Единым***
Остаток оскудевших сил.
(А. Блок)

(***Единый*** — Бог. Ср. также ***Спаситель*** вместо Иисус Христос (из Евангелия)).

Такая А. является средством эвфемизации (см. Эвфемизм):

Еще на западе земное солнце светит,
И кровли городов в его лучах блестят,
А здесь уж ***белая*** *дома крестами метит*
И кличет воронов, и вороны летят.
(А. Ахматова)

(***белая*** — смерть).

Чугунная ограда,
Сосновая кровать.
Как сладко, что не надо
Мне больше ревновать,
Постель *мне стелют эту*
С рыданьем и мольбой...
(А. Ахматова)

(***Сосновая кровать*** — гроб; ***Постель*** — могила).

Лит: **Ахманова О.С**. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

О.Н. Емельянова

АПОЗИОПЕ́ЗИС (АПОСИОПЕ́ЗИС), или **АПОЗИОПЕ́ЗА (АПОСИОПЕ́ЗА)** (от греч. aposiopesis — умолчание); другие названия — незавершенное, прерванное, усеченное предложение. Стилистический прием (в иной интерпретации — стилистическая фигура, фигура речи), состоящий в намеренном недоговаривании, усечении, прерывании высказывания, сопровождающемся особой интонацией (на письме обозначается многоточием). Поскольку в А. «усечению» (словесной невыраженности) может подвергаться, по сути дела, любая часть предложения, постольку высказывания с А. отличаются разной степенью смысловой

незавершенности (неопределенности). Ср.: 1) *Клим не успел уклониться от объятий, Лютов тискал его, приподнимал и, целуя мокрыми, горячими губами, бормотал: —* ***Спасибо... Я очень... очень...*** (М. Горький). Даже очень приблизительное восстановление невербальной части высказывания здесь затруднительно. 2) *И у них с Натой уговор, она просила: она будет приходить,* ***но он должен об этом никому, никому...*** (А. Битов). Ср.: ...Но он должен об этом никому, никому не говорить (сообщать/ рассказывать). Незавершенность высказывания совпадает с эллипсисом части сказуемого — инфинитива из группы глаголов говорения — на основе относительно устойчивых лексико-грамматических связей членов предложения. 3) *Думал: срастется кость — встал и пошел! Оказывается, не так-то вдруг.* ***Поломать просто, а вот поправить...*** (М. Годенко). Ср.: Поломать просто, а вот поправить непросто (трудно). Относительной смысловой определенности недоговоренной части высказывания способствуют противительные отношения между его частями на основе антонимии. 4) *А ко мне с годами все чаще приходит мысль: почему природа, высший разум, Бог, в конце концов, не устроили так, чтобы человек, умирая, де-ма-те-риали-зовался бы. <...>* ***Родным и близким — ни похоронных бюро, ни гробов, ни (б-рр) крематориев, ни глины, в которую закопают, ни суеты, ни...*** *впрочем, поминки можно оставить* (В. Солоухин). Полная смысловая определенность недоговоренного звена (...ни поминок) создается за счет лексического наполнения следующей за А. присоединительной конструкции. А. (как стилистический прием, а не как незавершенность, вызванная внешними по отношению к речи причинами) используется преимущественно в художественной речи (прозе и поэзии), несколько реже — в публицистике. Функции А. разнообразны.

Для высказываний с высокой степенью смысловой неопределенности невербализованной (недоговоренной) части это, главным образом, функция имитации аффективной разговорной речи (преимущественно речи персонажей художественных произведений). Напр.: 5) *Прямо безобразие думать о нем плохо...* ***Мы...*** *Она не договорила, выхватила из сумочки платок и прижала его к глазам* (В. Ардаматский). (См. также илл.1.)

Для высказываний, смысловая незавершенность которых в известной степени компенсируется их наличным составом и окружающим контекстом, характерна прежде всего функция создания подтекста. Такой А. можно считать разновидностью приема Умолчания (см.). Такие конструкции А. служат активизации воображения адресата. Например: 6) *— Ловко! — прошептал Гаврила, жадными глазами провожая пятьсот сорок, снова спрятанные в карман. — Э-эх-ма!..* ***Кабы этакие деньги!****... — и он угнетенно вздохнул* (М. Горький); 7) *Я хотел убить ее, но она сухо и спокойно сказала: «Помоги мне расстегнуть сзади платье», — и я покорно подошел и стал дрожащими руками отстегивать эти крючки и кнопки* ***— и как только увидел в раскрывшееся платье ее тело, ее междуплечье и сорочку, спущенную с плеч и засунутую в корсет, как только услыхал запах ее черных волос и взглянул в освещенное трюмо, отражавшее ее груди, поднятые корсетом...***

И не договорив, капитан махнул рукой (И. Бунин); 8) *Вот страшная сторона заповеди любви. Все другие заповеди в каком-то смысле просты: сделай одно, сделай другое...* ***Сделать можно: а вот стоять перед судом любви и знать, что я не умею любить...*** (Митрополит Антоний Сурожский); 9) *Но табу им тоже мешают.* ***Нет, в принципе они их считают справедливыми, а вот в персональном приложении...*** (Изв., 23 дек. 1971 г.); 10) ***Все это правильно, даже очень пра-***

вильно, когда речь идет о посторонних людях, а когда о собственном сыне... (ЛГ, 2 авг. 1972 г.).

Из частных функций А., обычно совмещающихся с функцией создания подтекста, следует отметить:

– **эвфемистическую функцию** (см.: Эвфемизмы): 11) *Ты знаешь, как он огорчал меня последнее время: издерганный, подозрительный, нетерпимый <...> Он всех подозревал в каких-то кознях.* ***Я даже опасалась****... но не буду об этом* (Ю. Нагибин); 12) *Березовский – это знаковая фигура времени, эпохи олигархов.* ***Говорим – Березовский, подразумеваем****... И наоборот* (ПГ, 25 июля 2000 г.);

– **функцию привлечения внимания (интригующую функцию)**: 13) *Несколько слов по поводу этого, которое* (А. Аверченко, заголовок); 14) *Хорошо бы...* (ЛГ, 1 мая 1973 г., заголовок);

– **функцию переключения (перехода) из одного повествовательного плана в другой**: 15) *Все эти меры* (речь идет об аграрной реформе П.А. Столыпина – *А.С.*), *как нетрудно догадаться, вызвали глубокое беспокойство как слева, так и справа. Справа в них видели потакание революционерам.* ***Слева...***

Собравшиеся в сентябре 1908 года в Лондоне эсеры были обеспокоены не на шутку. Их съезд вынес следующее постановление <...> (И. Дьяков).

16) *Вечор, ты помнишь, вьюга злилась,*
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела –
А нынче*... погляди в окно:*
Под голубыми небесами
Великолепными коврами,
Блестя на солнце, снег лежит <...>
(А. Пушкин)

В художественных текстах А. может использоваться в качестве одного из средств создания так называемой Несобственно-прямой речи (см.) – совмещения субъектных планов повествователя и персонажа (илл. 2).

А. нередко вступает в конвергенцию с другими стилистическими приемами. Так, например, в следующих фрагментах текста А. взаимодействует с градацией и анафорой (илл. 17); с риторическим вопросом (илл. 18):

17) *...Но это был не переучет – это было возмездие за критику. Возмездие началось, и вот Касумов торопится в ателье.*
Возмездие нарастает, и снова Касумов торопится...
Возмездие продолжается, и снова Касумов...
Возмездие разгорается, и снова...
Возмездие приобретает размах, и...
Всего семь раз туда и обратно без результата (Изв., 16 февр. 1973 г.);

18) *Кто-нибудь другой об этом мог и не знать.* ***Но начальник управления пассажирских перевозок?..*** (ЛГ, 14 ноября 1973 г.).

Лит.: **Артюшков И.В.** Прерванные предложения (на материале поэзии А. Блока // РЯШ. № 4. 1981; **Он же.** Прерванные предложения в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1981; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Колокольцева Т.Н.** Структурно незавершенные высказывания в русской разговорной

речи: Автореф. дис. ... кан. филол. наук. Саратов, 1984; **Она же**. Незавершенные высказывания и контекст (на материале художественной прозы) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методич. бюл. / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998**; Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Сковородников А.П.** Об усеченных предложениях // РЯНШ. № 5. 1972; **Он же.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; **Хмелевский А.Э.** Прерванные речевые конструкции и неполные предложения // Лингвистические дисциплины на факультете русского языка и литературы. М., 1973; **Цой А.А.** О так называемых усеченных, или недоговоренных предложениях // РЯШ. № 6. 1971; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АПОКОЙНУ́ (от греч. apo koiny — от общего) — разновидность Анаколуфа (см.), трактуемая в специальной литературе неоднозначно. Во-первых, А. называется «свойственное разговорной речи объединение двух предложений в одно высказывание, содержащее общий член (напр., подлежащее: Там сидит человек тебя ждет)» (Скребнев Ю.М. 1997. С. 591). Близкую трактовку находим, например, у Е.В. Клюева (Клюев Е.В. 1999. С. 249). Во-вторых, А. понимается как «конструкция с двумя неоднородными дополнениями к одному управляющему слову», напр.: Он хочет мира и чтобы люди были счастливы (Ахманова О.С., 1966. С. 52). Более широкий подход к определению А. совмещает в себе оба вышеуказанных определения (Пекарская И.В. 1999. С. 119—120).

К апокойническим конструкциям мы относим конструкции, соответствующие второму из цитируемых определений (типа «Он хочет мира и чтобы люди были счастливы»). По-видимому, к апокойническим конструкциям следует отнести и такие, в которых к стержневому слову-глаголу относятся одновременно управляемое имя существительное и примыкающее наречие, как, например, в следующем газетном заголовке: 1) ***Очень хочется замуж и колбасы*** (КП, 20 июля 1990 г.).

Таким образом, А. можно определить как стилистическую фигуру, основанную на отклонении от грамматической (синтаксической) нормы, что выражается в построении контаминированной синтаксической конструкции, состоящей из стержневого управляющего слова и зависимых от него неоднородных грамматически (а иногда и логически — см. 1-й пример) членов. В последнем случае А. оказывается синкретичным риторическим приемом.

А. редкая фигура, встречающаяся в художественной речи и публицистике, способствующая расширению информационной емкости высказывания. А. придает речи разговорную тональность, например: 2) *Любовь жаждет подвига скорого, быстро удовлетворимого, и чтобы все на него смотрели* (Ф. Достоевский); 3) *Пылкая, забывчивая натура. Стихи пишет.* ***Любитель цветов и хорошо покушать*** (М. Зощенко). А. может выполнять также рекламную функцию в заголовках (илл. 1).

В разговорной речи апокойническая конструкция составляет один из ее системообразующих признаков (норму) и поэтому не может квалифицироваться как стилистическая фигура.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Инфантова Г.Г.** Экономия сегментных средств в синтаксисе современной русской разговорной речи: Автореф. дис. ... канд. филол. нук. Л., 1975; **Ковалев В.П.** Языковые выразительные средства художественной прозы. Киев, 1981; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Кузнец М.Д.**, **Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогических институтов. Л., 1960; **Лаптева О.А.** Русский разговорный синтаксис. М., 1976; **Пекарская И.В.** Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка: Учебно-методическое пособие и Системный словарь-справочник. Абакан, 1999; **Скребнев Ю.М.** Фигуры речи // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АПО́КОПА (от греч. apokopē — усечение) термин, используемый в двух значениях:

I. Разновидность умолчания; стилистический прием, заключающийся в умышленном недоговаривании конечной части слова (как правило, слога или слогов) в связи с прозрачным намеком на смысл недосказанного. Например:

И Леля стала тонуть. Казалось, будто кто-то тянет ее за ноги и не дает вырваться. Течение быстрое, вода холодная, а Леля слабая женщина, слабая, слабая, ***сла...***

Очнулась на берегу (Э. Русаков). — А. способствует отображению стремительности происходящего.

К утру Прокопий очнулся — в глазах появилось осмысленное выражение. Он долго смотрел на отца, губы пытались вытолкнуть невнятные, добытые мукой слова:

— Сын... ***бу****...*

Отец кивнул и попытался улыбнуться: мол, отлично, все понял. Но потом до него дошел смысл этих слов и он ужаснулся: может быть это последнее дыхание сына, слова прощания... грань между жизнью и смертью. Иначе зачем просить, для чего?

— ***Па-а****... (Е. Айпин).* — А. отображает внутреннее эмоциональное состояние героев, передает волнение сына и отца, страх, что их встреча может оказаться последней.

После всего этого постарайтесь почувствовать, что этот самец, этот мужлан, этот скоти... ну да, не нужен вам (СГ, 25 апр. 1998 г.) — А. служит сигналом прилагаемых говорящим усилий, предпринятых для того, чтобы взять контроль над своими эмоциями.

На А. может строиться целый текст. Напр., многочисленные А. используются в следующем рассказе с целью создания комического эффекта:

Остаточный принцип нашего секвестра

Пробле *не в том, что у нас не* ***хвата дене****.* ***Пробл*** *в том, как то, чего не, разделить на всех.*

Берем ***бюдже****. Делим.* ***Эт*** *тебе,* ***эт*** *им,* ***эт*** *тем. То, что* ***оста****, идет на* ***культур****. Секвестируем и* ***получа новы полубюдже****.*

Посколь *ты* ***ниче*** *не получил, они ничего не получили (полностью), а многие* ***получи*** *лишь частично,* ***культур имее*** *то, что* ***име****. То есть она* ***име*** *то, чего вообще* ***не****.*

Культур *мы****, коне, обеспе****. У нас и в новом* ***бюдже*** *на* ***культу выделен доста*** *средств.*

Мы ***понима****, что без* ***культур наш обществ*** *не* ***бу нормаль развива****. Мы чтим* ***велики традици Пу*** *и* ***Го, Ту*** *и* ***До, Че*** *и Алексея* ***Макси Горько****. Мы за* ***свобо*** *творчества от цензуры, ибо* ***счита****: никакого давления на* ***худо****. Каждый* ***ху*** *абсолютно* ***сво****. И пусть идет, куда* ***хо.***

Но многие сегодня ***недово.*** *Нас часто спрашивают: почему и раньше и* ***сейча*** *в своей экономической политике в отношении культуры мы применяем так называемый «остаточный принцип»? Мы отвечаем так: сейчас всем* ***тяже****. Везде чего не* ***хвата****.*

<.....>

Сейча *у нас* ***кризи****. Многого* ***недостае****. Но мы* ***стараем****, чтобы у всех было все. <...>*

Вот, к примеру, танк. То, что от не ***оста*** *после нашего секвестра,* ***може*** *пойти на* ***культу****. Опыт, правда показал, что после нашего танка ничего не* ***остае****. На* ***пози****:* ***культур*** *надо* ***подде****. Но чем? Как найти* ***недостаю средст****?*

Очень ***про****. Казалось бы.*

Надо взять деньги, предназначенные на танк, и перебросить их на ***культу****. Поменять танки и* ***культу*** *местами. Поставить* ***культур*** *впереди танка.*

К ***сожале****, это сегодня* ***невозмож****. Танкисты считают, что на танк им сегодня тоже не* ***хвата****. И это* ***правд****. Потому что раньше на танк у нас хватало всегда. У нас, если можно так сказать, была очень высокая культура танка.*

А вот теперь секвестр всем. Теперь тоже на танк ***хвата****. Но не на весь. Танку тоже сделают обрезание. Будет не танк, а полтанка. Или даже четверть. Одна* ***пушк****. Сорок процентов гусениц.*

Поэтому у меня ***предложе****: давайте все, что у нас есть, опять отдадим этому танку. И тогда у нас вообще не* ***бу культур****, а значит, и «остаточного принципа».*

Кто «за», прошу поднять ***ру****.*
Опустили. И протяну ***но****.*

(М. Розовский)

II. Способ образования слова путем усечения его с правой стороны на один или несколько звуков. Напр.:

Окинь улыбкой
Мирскую весь
И солнце зыбкой
К кустам привесь.

И да взыграет
В ней, славя день,
Земного рая
Святой ***младень***
(С. Есенин).

Бесконечные пьяные ночи
И в разгуле тоска не ***впервь****!*
Не с того ли глаза мне точит
Словно синие листья червь?
(С. Есенин)

Е.В. Клюев отмечает, что апокопированные слова воспринимаются как окказиональные. Некоторые из них через продолжительное время входят в литературный язык. Вошедшим в литературный язык является изобретенное Игорем Северяниным слово «бездарь», образовавшееся усечением слова бездарный (бездарность). Изменилось лишь ударение, которое поэт ставил на последнем слоге (Клюев Е.В., 1999. С. 230):

Вокруг талантливые трусы
И обнаглевшая ***бездарь****...*

Слова, образованные таким способом, характерны в основном для художественной речи, где они являются ярким выразительным средством.

Лит.: **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

АПОСТРО́Ф. То же, что Риторическое обращение.

АПОФ(Т)Е́ГМА (от греч. apophthegma — сжатое высказывание, меткое слово, изречение) — вид Афоризма (см.), краткое наставительное изречение, близкое Сентенции (см.), но вписанное обычно в конкретную ситуацию, касающееся норм поведения людей в частной и общественной жизни, указывающее гражданские обязанности, советующее, как выбирать жену, укрепить семью и т.п. Напр.: *Добра не смыслишь, так худа не делай.*

Старинные сборники А. и кратких рассказов о поучительных случаях из жизни философов и выдающихся людей назывались апофегматами. Первые сборники апофегматов в Западной Европе вышли из-под пера Ф. Петрарки и Дж. Боккаччо. Польские апофегматы, составляемые в подражание западно-европейским, вели начало от А., составленных М. Реем из Нагловиц в конце 16 в. На Руси рукописные А., состоявшие из 4-х книг и представляющие собой перевод с польского сборника Беняша Бедного (Вильно, 1599), появились преимущественно во 2-й половине 17 в.

Первое печатное издание А. в составе 3-х книг вышло в России в 1711 г. В конце 18 в. отдельные рассказы из А. вошли в «Письмовник» М.Д. Чулкова, сатирические журналы и др.

Лит.: История русской литературы. Т. 2, ч. 2. М.; Л., 1948; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; Краткая литературная энциклопедия. Т.1. М., 1968; Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987; Советский энциклопедический словарь. М., 1986.

О.Н. Емельянова

АРГОТИ́ЗМЫ (от франц. argot — жаргон) — слова и обороты, входящие в состав какого-либо арго (условная речь относительно замкнутой социальной группы или сообщества, с элементами «тайности»: театральное, спортивное, во-

ровское, картежное, армейское и др. виды арго) и при этом широко используемые в общей речи.

Как правило, арготизмы теряют связь с корпоративным источником (арго) и первоначальной средой обитания, но сохраняют яркую экспрессивную окраску: ***тусовка*** (*встреча, вечеринка «своих»*); ***на халяву*** (*задаром*); *стоять* ***на стреме*** (*следить*), ***шмотки*** (*вещи*) и др.

Основной группой арготизмов являются общенародные слова с особым специфическим значением: ***загорать*** (*простаивать*); ***хвост*** (*несданный экзамен*); ***в натуре*** (*правильно*) и др.

Многие из арготизмов, потерявших связь с арго, воспринимаются как разговорные или просторечные слова: ***смыться*** (*уйти*); ***тарахтеть*** (*говорить без толку*); ***втирать очки*** (*лгать*); ***липовый*** (*фальшивый*) и др.

В художественном или публицистическом тексте арготизмы используются как стилистическое средство, прежде всего для речевой характеристики персонажей, реалистического изображения соответствующей описываемой обстановки, быта.

М.М. Бахтин в работе «Слово в романе» (1934—1935) писал: «Роман — это художественно организованное социальное разноречие, иногда разноязычие, и индивидуальная разноголосица. Внутренняя расслоенность единого национального языка на социальные диалекты, групповые манеры, профессиональные жаргоны, жанровые языки, языки поколений и возрастов, языки направлений, языки авторитетов, языки кружков и мимолетных мод, языки социально-политических дней и даже часов (у каждого дня свой лозунг, свой словарь, свои акценты), — эта внутренняя расслоенность каждого языка в каждый момент его исторического существования — необходимая предпосылка романного жанра».

Вне этих функций арготизмы засоряют речь говорящих, делают ее вульгарной, блатной и т.п.

В последние десятилетия, как отмечают исследователи, в литературу и общенародный язык «мощным потоком хлынула <...> арго-тюремная лексика. Некогда зашифрованный язык блатных — *феня*, созданный для общения воровской касты, теряет свою функцию тайноречия и становится общедоступным: *баксы* (доллары), *лимон* (миллион), *кайф* (наслаждение, удовольствие) и многие другие слова вытесняют свои книжные варианты» (О.А. Клинг).

Лит.: **Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; **Елистратов В.С.** Словарь московского арго. М., 1994; **Козловский В.** Арго русской гомосексуальной субкультуры: Материалы к изучению. Вермонт, 1986; **Красса С.И.** Арготические фразеологизмы в современном русском языке: семантический и лингвокультурологический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 2000; **Красса С.И.** Арго в системе национального языка// Языковое и литературное образование в школе и вузе: Матер. юбилейной междунар. науч.-практич. конф. 15—16 мая 1997 г. СПб., 1997; **Лихачев Д.С.** Черты первобытного примитивизма воровской речи // Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М., 1992; **Распопова Т.А.** К вопросу о сущности и функционировании арго в рамках национальных субкультур // Актуальные проблемы истории, теории и методики языка и литературы. Вып. 2. История и теория языка. Ч. 2. Русский язык. Брянск, 1998; **Распопова Т.А.** Лексико-семантические аспекты взаимодействия жаргонно-арготических подсистем с общелитературным языком // Лексическая и грамматическая семантика: Материалы республик. науч. конф. Белгород, 1998; **Распопова Т.А.**

Некодифицированная социально-оценочная лексика и ее использование в русском языке 80—90-х годов XX века: Автореф. дис. ... филол. наук. Орел, 1999; **Скворцов Л.И.** Арго // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Шарандина Н.Н.** Арготическая лексика в функциональном аспекте: Автореф. дис. ... филол. наук. Тамбов, 2000; **Шарандина Н.Н.** О письменном представлении арго (на примере воровской татуировки) // Пушкинские чтения — 2000: Матер. межвузов. науч. конф. СПб., 2000; **Шахнарович А.М.** Арго // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

О.Н. Емельянова

АРХАИ́ЗМЫ (от греч. archaios — древний) — разновидность Устаревших слов (см.) — слова, значения слов, словосочетаний и других единиц языка, вытесненные по каким-либо причинам из активного употребления синонимичными единицами: ***выя*** — *шея*, ***рыбарь*** — *рыбак*, ***позор*** — *зрелище*, ***адамант*** — *алмаз, бриллиант* и т.д.

Термин А. датируется 1751 г. («Словарь русского языка 18 века»). Точного определения этого термина до сих пор не дано.

Одни лингвисты выводят А. за рамки современной языковой системы, относя их к категории «нереально существующих единиц данного языка» (А.И. Смирницкий). «Устаревшими можно считать лишь те элементы, которые находятся уже *за пределами современной нормы*» (А.О. Едличка).

Другие, наоборот, утверждают, что «архаизмы <...> представляют собой элементы современного языка <...>, т.к. в другие эпохи они не могли выполнять эту функцию» (Э. Косериу), что «архаизм может попасть в наше поле зрения, если он еще живой» (Ш. Балли). «Архаизм, безусловно, входит в современную систему языка, ибо за ее пределами он неизбежно меняет свое качество» (Е.Г. Михайлова).

С функциональной точки зрения А. определяют как стилистически отмеченные варианты с ограниченной сферой употребления, противопоставленные своим современным нейтральным эквивалентам: ***очи*** — *глаза*, ***ибо*** — *так как*, ***выя*** — *шея* и под.

Большинством лингвистов А. рассматриваются либо как разновидность возвышенной лексики, используемой в стихах, публицистической речи, ораторских выступлениях (О.С. Ахманова, С.Д. Жордания, В.Я. Голуб, Е.Ф. Петрищева, Н.С. Кононова), например:

Восстань, *пророк, и* ***вижды***, *и* ***внемли,***
Исполнись *волею моей*
И. обходя моря и земли,
Глаголом *жги сердца людей.*
(А. Пушкин)

Но нам священный ***град*** *Петра*
Невольным памятником будет.
(А. Ахматова)

Но много ***премудр сребролюбец*** *Лаван...*
(А. Ахматова)

либо как средство создания исторической стилизации в художественных текстах, обычно в исторических романах и повестях (В.В. Виноградов, Ю.Н. Тынянов, Г.А. Мамаев и др.). Это наиболее традиционный подход к изучению А.

Выделяют и такую стилистическую функцию А., как характеристика отрицательных явлений через представление их в комическом (ироническом, сатирическом, саркастическом) виде. Напр.: *Вообще в Таганроге мода бегать с актерами. Многие недосчитываются своих жен и* ***дщерей*** (А. Чехов).

Существует несколько классификаций А., как общих (Ш. Балли, Е.В. Гулыга, П.Н. Денисов, Р.А. Попов и др.), так и специальных, посвященных отдельным видам А.: лексическим (М.Д. Степанова, И.И. Чернышева, А.П. Ялышева); грамматическим (А.Г. Ломов, В.Н. Ярцева и др.); стилистическим (В.Ф. Мариемпольский) и проч.

Общепризнанной считается классификация А. Н.М. Шанского. Он делит А. на лексические (собственно-лексические: ***мзда*** — *плата*; лексико-словообразовательные: ***плат*** — *платок*; лексико-фонетические: ***змий*** — *змей*) и семантические (устаревшие значения каких-либо слов, в других значениях являющихся обычными словами современного русского языка: ***живот*** — в значении *жизнь* и т.п.). В качестве возможных Н.М. Шанский называет фонетические и лексико-синтаксические А.

Орфографические варианты А. в отечественной лингвистике впервые были классифицированы в работе О.С. Ахмановой «Очерки по общей и русской лексикологии», где они включены в число лексических вариантов слова.

Новую классификацию А., учитывающую все уровни и системы языка, предложила Е.Г. Михайлова. Она выделяет: 1. Фонетические А. (собственно фонетические, акцентные — орфоэпические, графические — орфографические); 2. Морфологические А.; 3. Лексико-семантические А. (собственно лексические, деривационные, собственно — морфологические, семантические, устаревшие служебные слова, фразеологизмы); 4. Синтаксические А. (устаревшие конструкции словосочетаний; устаревшие конструкции предложений).

Одна из наиболее распространенных разновидностей — собственно лексические А.

А. классифицируют также по степени устарелости: А. полного и неполного временного цикла, сложившегося и несложившегося типа (Ж. Марузо); устаревшие слова первой, второй степени (Н.М. Шанский).

По общему мнению, механизм процесса архаизации заключается в следующем: сначала мы наблюдаем наличие в языке как равноправных вариантов (стадия «безразличного варьирования»), так и вариантов, отмеченных стилистически.

Затем это варьирование превращается в контрастивное из-за расширения функциональной сферы одного из вариантов за счет сужения сферы другого. У другого меняется его статус в языке: сокращается число употребляющих этот вариант в речи как нейтральный и растет число употребляющих его как осознаваемо устаревший. Данный вариант смещается от центра к периферии языка, сужается круг его потенциальных контекстов.

В конце концов А. либо закрепляется на периферии как носитель определенного признака, либо меняет свое категориальное качество.

Как считает Е.Г. Михайлова, последний этап можно рассматривать как период «консервации» А., а не «забвения», так как у любого устаревшего явления есть шанс «вернуться» к жизни даже спустя много веков. Напр., в «Словаре Академии Российской» существительное ***пасека*** определяется как *старинное*, а в качестве широко употребительного варианта дано ***борт для пчел***. В современном русском языке, наоборот, лексема ***борт*** является устаревшей в данном значении, а существительное ***пасека*** нейтрально, общеупотребительно.

Лит.: **Ахманова О.С.** Очерки по общей русской лексикологии. М., 1957; **Балли Ш.** Французская стилистика. М., 1961; **Гулыга Е.В.** Статус грамматических архаизмов в системе языка и их миграция в процессе исторического развития // ФН. 1971. № 2; **Едличка А.О.** О пражской теории литературного языка // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; **Косериу Э.** Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения) // Новое в лингвистике. Вып. 3. М., 1963; **Марузо Ж.** Словарь лингвистических терминов. М., 1969; **Михайлова Е.Г.** Архаизация элементов языка в процессе его развития: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987; **Смирницкий А.И.** Лексикология английского языка. М., 1956; **Шанский Н.М.** Устаревшие слова в лексике современного русского литературного языка // РЯШ. 1954. № 3; **Шанский Н.М.** Лексикология современного русского языка. М., 1972.

О.Н. Емельянова

АСИ́НДЕТОН (от греч. asyndeton — несвязанное) — стилистическая фигура, состоящая в намеренном (стилистически мотивированном) опущении союзов в синтаксических конструкциях сочинительного типа (при сочинении, в частности — перечислении членов предложения или частей сложного предложения). Как стилистическая фигура А. выявляется на фоне союзных синтаксических конструкций, которые в силу своей распространенности (как в смысле частотности, так и сфер употребления) рассматриваются как стилистически нейтральные. Напр.:

1) *Швед, русский* ***— колет, рубит, режет.***
Бой барабанный, клики, скрежет,
Гром пушек, топот, ржанье, стон,
И смерть и ад со всех сторон.
(А. Пушкин);

2) ***День вечереет, небо опустело,***
Гул молотилки слышен на гумне...
Я вижу, слышу, счастлив. *Все во мне.*
(И. Бунин);

3) *Люди собрались для работы — не для парадных торжеств* (КП, 22 ноября 1986 г.); 4) *Они поссорились.* ***Наталья что-то врала — он возмутился*** (А. Битов); 5) ***Устраивались выставки проектов — кому они интересны?*** (А. Рыбаков); 6) ***Чехарде легко начаться — трудно ее остановить*** (СР, 5 окт. 1986 г.).

Известно, что бессоюзие характерно для разговорной речи и как примета разговорности используется в художественной речи и публицистике (Русская грамматика. Ч. 2. М., 1980). Однако этого недостаточно для признания любой бессоюзной конструкции, построенной на базе соединения однородных членов или частей предложения в открытом (перечислительном) ряду, стилистической фигурой. Справедливо отмечено, что «две однородно построенные части сами по себе еще не образуют фигуры, если нет добавочных экспрессивных признаков — повтора, параллелизма. Однако добавление уже третьей части актуализирует повтор и создает ощущение большей гармонии ритмомелодической и архитектонической. Двучастные предложения с выраженным повтором и параллелизмом обнаруживают экспрессию и являются, таким образом, фигурами» (Формановская Н.И., 1978. С. 192). Это замечание, сделанное применительно к сложным предложениям, в еще большей степени справедливо по отношению к однородным членам предложения в перечислительном ряду. По-видимому, стилистичес-

кой фигурой можно считать перечислительный ряд, состоящий не менее чем из трех однородных членов предложения, соединенных бессоюзной связью. Причем с увеличением количества однородных членов увеличивается степень экспрессивности А. Напр.:

7) *... вот уж по Тверской*
Возок несется чрез ухабы.
Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари,
Дворцы, сады, монастыри,
Бухарцы, сани, огороды,
Купцы, лачужки, мужики,
Бульвары, башни, казаки,
Аптеки, магазины моды...
(А. Пушкин)

8) *Вы попробуйте, охватите всех его* [А.П. Чехова. — *А.С.*] *героев. Может быть, один лишь Бальзак ввел в общественное сознание такие огромные массы людей. Да и то нет! Подумайте: врачи, инженеры, адвокаты, учителя, профессора, помещики, лавочники, фабриканты, гувернантки, лакеи, студенты, чиновники всех классов, прасолы, кондуктора, свахи, дьячки, архиереи, крестьяне, рабочие, сапожники, натурщицы, садоводы, зоологи, хозяева постоялых дворов, егеря, проститутки, рыбаки, поручики, унтера, художники, кухарки, писатели, дворники, монахини, солдаты, акушерки, сахалинские каторжники...* (В. Гроссман). Здесь в обоих случаях (илл. 7 и илл. 8) мы имеем дело с амплифицированным А. (см.: Амплификация).

А. в перечислительном ряду может обладать высокой степенью экспрессивности и при меньшем количестве перечисляемых элементов, если он сочетается с синтаксическим параллелизмом. Например: 9) *Каждый из них* [погибших во время Великой Отечественной войны. — *А.С.*] *был целым миром. И этот мир погас навсегда.* ***Вместе с ним легли в могилы неосуществленные мечты, несыгранные свадьбы, нерожденные дети, неспетые песни, непостроенные дома, ненаписанные книги*** (В. Быков).

Иначе обстоит дело в конструкциях А., построенных не на основе перечислительного ряда компонентов (членов или частей предложения), а на основе бинарных конструкций, соотносительных с такими, в которых компоненты связаны соединительными, противительными, разделительными и градационными союзами (разумеется, недостаточная дифференцированность отношений компонентов при их бессоюзной связи ограничивает точность таких сопоставлений). Напр.: 10) *Катя представила, что бы сказала мама, если бы узнала <...>.* ***Представила — засмеялась*** (М. Чулаки). Ср.: Представила и засмеялась; 11) ***Я искал примет измены — не находил*** (А. Битов) Ср.: Я искал примет измены, но не находил.; 12***) Это нужно не мертвым — живым*** (КО, 17 июня, 1988 г.). Ср.: Это нужно не мертвым, а живым.;

13) *Что ты, голубчик, задумчив сидишь,*
Слышишь — не слышишь, глядишь — не глядишь?
(А. Фет).

Ср.: ...Слышишь или не слышишь, глядишь или не глядишь?; 14) *Как известно, оперные деятели такого дарования и масштаба сейчас наперечет не только у нас в стране — во всем мире* (СК, 26 мая 1990 г.). Ср.: ...наперечет не только у нас в стране, но и во всем мире.

Наиболее частотны конструкции А. с отсутствующими союзами «и», «а»; менее частотны — с отсутствующим союзом «но» (однако) и устранением вторичности союза «не только, но и»; случаи устранения разделительного союза крайне редки. Степень экспрессивности асиндетических конструкций сопоставительного и противительного типа обратно пропорциональна их протяженности: чем лаконичнее высказывание, тем оно экспрессивнее. Эта закономерность прослеживается как в простых, так и в сложных предложениях (разумеется, на экспрессивность А. влияют и другие факторы: лексическое наполнение предложения, стилистический контекст и др.). Ср.: 15) *Может быть, еще сильнее обидел чрезмерный энтузиазм, с которым Селицкий расхваливал нового дирижера.* ***Не расхваливал — превозносил!*** (М. Чулаки); 16) ***Не ждать — действовать!*** (КП, 12 дек. 1986 г.); 17) *Не разумнее ли обернуть ее против по-настоящему разрушающей душу власти стереотипов?* ***Не запрещать подросткам те или иные увлечения — разрешать им знать о жизни как можно больше правды, поощрять стремление к этим знаниям, поддерживать самостоятельность, творчество, даже если оно выливается в сочинение песни, которая нам пока непонятна*** (СК, 14 марта 1987 г.); 18) *Разве не ясно, что* ***нам нужны не просто люди с аттестатами, нужны образованные люди-созидатели,*** *люди, жаждущие и любящие творить жизнь в большом и малом* (И. Синицын).

Наибольшая степень экспрессивности присуща А. в сочетании с другими фигурами, усиливающими его действие, — парцелляцией, эллипсисом, повтором, синтаксическим параллелизмом, антитезой, например: 19) ***Не «поэтесса». Поэт!*** Из бесед с Анной Ахматовой (ЛГ, 4 янв. 1989 г., заголовок и подзаголовок); 20) ***Не мраморный, не бронзовый — живой*** (СК, 26 апр. 1983 г., газетный заголовок); 21) *Молодые смутились и признали, что Матвей прав:* ***не чужие — свои кандалы, не чужие — свои муки*** *надо научиться превращать в игрушки, в подарки...* (Н. Ляшко);

22) ***Встанет Россия — все споры рассудит...***
Встанет Россия — народности сгрудит...
И уж у Запада больше не будет
Брать от негодной культуры росток.
(И. Северянин)

23) ***Мы хотели песен — не было слов.***
Мы хотели спать — не было снов.
Мы носили траур — оркестр играл туш.
(В. Цой)

Основной функцией А. считается усиление изобразительности речи (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 54). Отмечается, что А., основанный на пропуске союзов при однородных членах, «изображает быстрое движение, мелькание, быструю смену событий, предметов, на которых внимание не задерживается» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 212) (см. илл. 1, 7); что конструкции А., «создавая впечатление лаконизма и компактности выражения мыслей, придают изложению энергический характер», а в художественном повествовании употребляются «для придания последнему более свободного, оживленного характера» (Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М., 1960. С. 71) (см. илл. 2, 4, 5, 10, 11, 13).

А. неперечислительного типа часто используется для усиления смысловой противопоставленности компонентов бинарной бессоюзной конструкции (см. илл. 3, 6, 23), причем при наличии в первой части такой конструкции отрицания оказывается логически акцентированной ее вторая часть (см. илл. 11, 14, 16, 19, 20, 21). Тот

же эффект наблюдается в А. с устранением второй части градационного союза (см. илл. 14). А. бинарного типа используется в качестве усилителя антитезы. Напр.:

24) *Там, в полях, на погосте,*
В роще старых берез,
Не могилы, не кости —
Царство радостных грез
(И. Бунин).

А. (обоих типов — бинарный и перечислительный) используется для усиления аргументации, в основном в прозаических текстах, тяготеющих к публицистике. Например: 25) *Но не годятся в вожди и те, которые исповедуют лишь мертвую оболочку церковности <...>. Этих народ не примет.* ***Получит — сбросит*** (И. Шмелев) (см. также илл. 8, 9, 18).

В малых жанрах А. может выполнять композиционно-усилительную функцию: выделять и акцентировать зачин (илл. 26), концовку (илл. 27) или служить синтаксическим каркасом всего текста (илл. 28). Напр.:

26) *Когда в товарищах согласья нет,*
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело — только мука!
Однажды лебедь, рак да щука...
(И. Крылов)

27) *Дети — это воск. Мы, отцы, лепим из них фигуры. Какими они будут, кем они станут — все от нас. Они — наше продолжение. Оно будет таким, каким мы его сделаем.* ***Это надо помнить не только на первом уроке — всегда*** (В. Быков);

28) *Не колесо громово́е —*
Взглядами перекинулись двое.
Не Вавилон обрушен —
Силою переведались души.
Не ураган на Тихом —
Стрелами перекинулись Скифы.
(М. Цветаева)

Помимо художественной и публицистической речи, бинарная разновидность А. представлена в пословицах: *Лето припасает — зима проедает; Не будь тороплив, будь памятлив!; Прямой напорется, кривой пройдет* и др.

Лит.: **Акимова Г.Н.** Новые явления в синтаксическом строе современного русского языка. Л., 1960; Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Веккессер М.В.** Бессоюзие в аспекте категории экспрессивности // Scripta manent: Сборник научных работ студентов и аспирантов-филологов. Смоленск, 2000; **Малащенко Т.В.** Бессоюзные конструкции и фигуры прибавления (на материале творчества В. Набокова) // Проблемы филологии и журналистики в аспекте новых общественных отношений. Материалы Всероссийской науч. конференции. Вып. 1. Проблемы экспрессивной стилистики. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Новиков Л.А.** Искусство слова. М., 1982; Общая риторика: Пер. с фр. / **Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон** и др. М., 1986; Русская грамматика. Ч. 2. М., 1980; **Формановская Н.И.** Стилистика сложного предложения. М., 1978; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АССОНА́НС (от лат. assonare — звучать в лад) — один из видов Звукописи (см.), заключающийся в симметричном повторении одинаковых или однородных гласных звуков или звукосочетаний для придания тексту (особенно и чаще всего — поэтическому, т.е. ритмически организованному) особой выразительности — звуковой и интонационной. Напр.:

*Взлож**у** на тетив**у** т**у**г**у**ю,*
*Посл**у**шный л**у**к согн**у** в д**у**г**у**,*
*А там пошл**ю** на**у**дал**у**ю,*
*И горе нашем**у** враг**у**.*

(А. Пушкин)

А. как способ звуковой организации речи восходит к звуковым повторам и применяется с давних времен. Часто встречается в фольклоре:

*Вд**о**ль п**о** Питерск**о**й, п**о** Тверск**о**й Ямск**о**й*
*Едет м**о**й мил**о**й с к**о**л**о**к**о**льчик**о**м.*

.....

*Ах вы с**е**н**и**, мо**и** с**е**н**и**,*
*С**е**н**и** новы**е** мо**и**,*
*С**е**н**и** новы**е**, кл**е**новы**е**,*
*Р**е**ш**е**тчаты**е**...*

На А. построены многие пословицы и поговорки, например: *Не для **муки**, для на**у**ки. На**у**ка — не м**у**ка (не б**у**ка); Т**а**р**а** — б**а**р**а** — и вышло ни дв**а**, ни полтор**а**; Тепл**о**, тепл**о**, да не лет**о** — добр**а**, добр**а**, да не м**а**ть родн**а**; Х**о**ть не ск**о**р**о**, т**о**льк**о** б сп**о**р**о** — не в**о**р**о**в**о**, да зд**о**р**о**в**о**; То и дешев**о**, чег**о** не над**о** — а чт**о** нужн**о**, т**о** д**о**р**о**г**о**.*

В русской поэзии А. активно используется с 18 века, после создания В. Тредиаковским и М. Ломоносовым основ метрики и развития силлабо-тонического классического стиха.

Со временем А. занимает все более постоянное место в ударных слогах (как повтор ударных звуков):

***У** наших **у́**шки на мак**у́**шке,*
*Ч**у́**ть **у́**тро осветило п**у́**шки*
*И леса синие верх**у́**шки —*
*Франц**у́**зы т**у́**т как т**у́**т.*

(М. Лермонтов)

Но А. возможен и в безударном положении:

*Без др**у**га и без милой*
*Брож**у** я по л**у**гам;*
*Брож**у** с д**у**шой **у**нылой*
Один по берегам.

(И. Дмитриев)

В поэтических течениях и школах, возводивших в принцип прежде всего поэтическую форму (например, у русских символистов) А. нередко использовался в своего рода экспериментах со звуковой содержательностью:

***Бобэ́би** пелись губы,*
***Вээ́ми** пелись взоры,*
***Пиээо** пелись брови,*
***Лиэээй** пелся облик,*
***Гзи-гзи-гзэо** пелась цепь*

Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило лицо.
(В. Хлебников)

Я дарю вам стихи, веселые как ***би-ба-бо,***
И острые и нужные, как зубочистки!
(В. Маяковский)

Фонетическая (звуковая) значимость — это ореол значения слова, в котором проявляются выразительные возможности языка.

Французский поэт А. Рембо написал сонет «Гласные», передав в нем особенности восприятия гласных звуков носителями языка. Это восприятие и лежит в основе А. как вида звукописи:

А *— черный; белый —* ***Е****;* ***И*** *— красный;* ***У*** *— зеленый.*
О *— синий: тайну их скажу я в свой черед,*
А *— бархатный корсет на теле насекомых,*
Которые жужжат над смрадом нечистот.
Е *— белизна холстов, палаток и тумана.*
Блеск горных родников и хрупких опахал!
И *— пурпурная кровь, сочащаяся рана*
Иль алые уста средь гнева и похвал.
У *— трепетная рябь зеленых волн широких,*
Спокойные луга, покой морщин глубоких.
На трудовом челе алхимиков седых.
О *— звонкий рев трубы, пронзительный и странный,*
Полеты ангелов в тиши небес пространной —
О *— дивных глаз ее лиловые лучи.*

Поэты пользуются А. в зависимости от потребностей смыслового звучания стиха, для «озвучания» описываемых ими явлений или событий.

А. называют и рифму, в которой совпадают именно ударные слоги, а концы рифмуемых слов либо приблизительно созвучны, либо равнозвучны (так называемая *ассонансная рифма*): ***о****перы — д****о****керы, крас****и****вая — неугас****и****мая* и т.п.

Ассонанс очень близок **аллитерации** (см.) и нередко с ней сочетается:

Гор*ные* ***вер****шины*
*Спят в****о*** ***тьм****е н****о****чн****о****й;*
Тих*ие* ***дол****ины*
Полн*ы свежей* ***мгло****й.*
(М. Лермонтов)

Лит.: **Лебедев Л.И.** Ассонанс // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; Мысль вооруженная рифмами. Поэтическая антология по истории рус. стиха. Л., 1983; **Журавлев А.П.** Звук и смысл. М., 1981; **Григорьев В.П.** Поэтика слова. М., 1979; **Леонтьев А.А.** Звукопись // Большая Советская Энциклопедия. М., 1972. Т. 9; **Лотман Ю.М.** Анализ поэтического текста. Л., 1972; **Томашевский Б.В.** Теория литературы. Поэтика: Учеб. пособие. М., 2001.

О.Н. Емельянова

АСТЕ́ЙЗМ (от греч. asteismos — букв. столичность, перен. остроумие) — в широком смысле слова — всякая изящная шутка, в узком — троп (в иной интер-

претации — семантическая стилистическая фигура), представляющий собой разновидность Антифразиса (см.). А. состоит в употреблении слова, словосочетания или целого оборота в значении, противоположном обычному, но в отличие от собственно антифразиса носит положительный характер: является похвалой, комплиментом в форме мнимого порицания или грубовато-шутливого упрека. А., как и антифразис, основан на принципе противоречия и контраста, на способности слова выражать антонимические значения (энантиосемия). Напр.: 1) — *Черт так не сыграет, как он,* ***проклятый****, играл на контрабасе, бывало, выводил,* ***шельма****, такие экивоки, каких Рубинштейн или Бетховен, положим, на скрипке не выведет. Мастер был,* ***разбойник*** (А. Чехов);

2) *Наша*
лирика
в штыки
неоднократно атакована,
ищем
речи
точной и нагой.
Но
поэзия —
пресволочнейшая штуковина*:*
существует —
и ни в зуб ногой*.*
(В. Маяковский)

3) (Молодой человек, входя в роскошный номер гостиницы к своему приятелю): Это твоя **лачуга?** (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова);

4) (Мать — о любимом и отнюдь не ленивом сыне): «Я ведь завтра в школу провожаю своего **лоботряса»** (Они же).

А. может быть употреблен говорящим по отношению к самому себе как к третьему лицу: 5) Ай да Пушкин, ай да **сукин сын!** (А. Пушкин).

А. используется в разговорной и художественной речи как показатель ее повышенной эмоциональности и как средство Языковой игры (см.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Земская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н.** Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983; **Квятковский А.П**. Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1962; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

АФОРИ́ЗМ (от греч. aphorismos — краткое изречение, определение, разграничение) — разновидность универсальных высказываний, содержащая стремящуюся к истине и полученную обобщением глубокую, законченную мысль о каком-либо явлении действительности. Необходимым условием А. является лаконичность, отточенность и высокохудожественность его формы. Например: *Чтобы поверить в добро, надо начать делать его* (Л. Толстой); *Человек, который много согрешил, всегда умен* (М. Горький).

Слово «А.» известно с глубокой древности. Своим появлением оно обязано Гиппократу, написавшему одноименный трактат о симптомах и диагнозах заболеваний, искусстве их исцеления и предупреждения, который начинался афоризмом «Жизнь коротка, искусство долговечно». Слово «А.» уже в те времена означало сентенцию, гному, мудрое изречение, а также краткий и сжатый стиль.

В России «А.» как термин появился в XVIII веке, и его двойственное значение — медицинское и филологическое — отражено в литературе того времени. С начала XIX века и по настоящее время слово «А.» употребляется исключительно в литературном смысле и является, как и в немецком, испанском и итальянском языках, основным обозначением для данного понятия. Наряду с термином «А.» употребляются «изречение», «апофегма» (апофтегма), «максима», «сентенция», «гнома».

«А.» как жанр определяется неоднозначно и понимается по-разному. Расхождения в определении А. касаются таких его признаков, как наличие авторства и парадоксальность. В большинстве работ к А. относят только авторские изречения, в т.ч. крылатые слова. Остальные исследователи считают А. все виды кратких обобщенных высказываний, в т.ч. пословицы и поговорки. Кроме того, одни авторы считают необходимым условием существования А. парадоксальность, неожиданность содержащегося в нем суждения, другие же относят этот признак к факультативным.

А., как правило, строятся из двух частей: конкретной мысли и итогового заключения. Иногда эти компоненты нерасчленимы: *Бездарность никогда не откажется от критической деятельности уже потому, что не сознает себя бездарностью* (Д. Писарев); *В мире нет ничего разрушительнее, невыносимее — как бездействие* (А. Герцен).

Из стилистических фигур в А. чаще всего используются антитеза, параллелизм, хиазм. Употребляются также эллипсис, риторический вопрос, градация, анафора и некоторые другие. Напр.: *Раньше гусиными перьями писали вечные мысли, а теперь вечными перьями пишут гусиные мысли* (В. Солоухин) — антиметабола; *Знание смиряет великого, удивляет обыкновенного и раздувает маленького человека* (Л. Толстой) — градация; *Мы не для того живем, чтобы есть, а едим для того, чтобы жить* (Сократ) — хиазм; *Многим ли лучше станет мир, когда в нем останутся только знания и не останется милосердия?* (Б. Шоу) — риторический вопрос; *Все разнообразие, вся прелесть, вся красота жизни слагается из тени и света* (Л. Толстой) — анафора и перечислительный ряд.

Чаще всего А. имеют более сложную структуру, когда встречаются в различных сочетаниях две и более стилистические фигуры или другие художественные средства. Напр.: *Бедные люди — красивые, а богатые — сильные...* (М. Горький) — антитеза и параллелизм. Завершенность мысли и использование в А. разнообразных тропов и фигур придает ему вид цельнооформленной миниатю-

ры. В А. наблюдается неразрывная связь формы и содержания: нередко при переформулировке А. разрушается.

Понятия «А.» и «афористическое высказывание» отличаются между собой лишь по признаку объема. Если А. состоит обычно из одного предложения, то афористическое высказывание чаще всего содержит и дополнительные предложения: *Величие политических деятелей мерят не по их звонким лозунгам и торжественным декларациям, а по результатам их действий. Одни государственные деятели завоевывают бессмертие своими благотворными делами во имя человека и человечности, другие утверждают свое бессмертие в истории злодеяниями, но только в том случае, если эти злодеяния уникальны* (А. Авторханов).

А. обладает высокой степенью независимости от контекста, что выражается отсутствием у него четкой временной отнесенности (в подавляющем большинстве в А. используется форма настоящего времени, которая является специализированной формой для выражения значения обобщенной вечной истины): *Усилие есть необходимое условие нравственного совершенствования* (Л. Толстой); *Если образование дает нам человека с эрудицией, то воспитание создает интеллигентную и деятельную личность* (В. Бехтерев).

А. чаще всего встречаются в художественных и публицистических текстах и выполняют там разнообразные функции: общедидактическую (предостеречь, научить, образумить); познавательную (содействовать более глубокому проникновению в философскую сущность бытия); функцию интерпретации, комментирования, оценки конкретной ситуации; полемическую функцию (подкрепления и усиления аргументов в споре); комическую функцию и т.д. Ср., напр.: *Совершенная любовь изгоняет страх* (Н. Лесков); *Хорошо поддаются воспитанию те, кто не нуждается в воспитании* (Ф. Искандер); *Не ищите подлецов. Подлости совершают хорошие люди* (А. Вампилов); *Жениться надо всегда так же, как мы умираем, то есть только тогда, когда невозможно иначе* (Л. Толстой).

В художественном тексте функции А. тесно переплетаются, как бы наслаиваясь друг на друга.

Лит.: **Бортник Г.В.** Козьма Прутков и его афоризмы // РЯШ. 1993. № 5; **Радзиевская Т.В.** Прагматический аспект афористических текстов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1988. Т. 47. № 1; **Федоренко Н.Т.** Меткость слова. М., 1975; **Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.** Афористика. М., 1990; **Харченко В.К.** Метафора в афоризме // Исследования по семантике. Семантика языковых единиц разных уровней. Уфа, 1988.

С.Б. Донгак

Б

БИБЛЕ́ИЗМЫ — слова и устойчивые словосочетания, заимствованные русским языком из Библии. Например: ***не сотвори себе кумира, притча во языцех, земля обетованная, мессия, анафема, заповедь*** и др.

Некоторые Б. в настоящее время уже не ассоциируются у носителей языка с первоисточником. Например: ***доброта, мудрость, дыхание, ближний, щедрый***. Другие все еще сохраняют отчетливую связь с библейскими текстами. Прежде всего это относится к Крылатым выражениям (см.): ***Возлюби ближнего как самого себя***; ***Око за око, зуб за зуб*** и под., а также устойчивым словосочетаниям: ***запретный плод, древо жизни/познания, время разбрасывать/собирать камни, всякой твари по паре, Содом и Гоморра, вавилонское столпотворение, Соломоново решение***.

По происхождению Б. делятся на Славянизмы (см.): ***брань, грядущий, злак, утешение, чаяние*** и др., и Заимствования (см.) из других языков — прежде всего из греческого и иврита: ***аспид, дьявол, еврей, варвар, идол, псалом, суббота*** и т.д.

Из Библии (Ветхого и Нового Завета) Б. прежде всего вошли в древнерусскую литературу: ***пройти сквозь огонь, воду и медные трубы; заградить уста; почить в мире*** и др. Затем библейские мотивы и образы были широко использованы русской классической литературой. Многие Б. вошли в состав общеупотребительной лексики русского языка: ***милосердие; благотворительность; кто не работает — тот не ест; нет ничего тайного, что не стало бы явным*** и др.

Под влиянием Библии были созданы многие русские народные пословицы и поговорки: ***Человек предполагает, а Бог располагает***; ***Бог дал, Бог взял*** и под.

В толковых словарях русского языка Б. иногда имеют при себе пометы (*церк.*) или (*устар.*), (*высок.*). Но нередко не имеют никаких функционально-стилистических характеристик. При этом многие Устаревшие слова (см.), являющиеся по происхождению библеизмами, в современном языке принадлежат к высокой лексике, Поэтизмам (см.) и используются в особых случаях для придания речи торжественности, приподнятости. Напр.:

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился,
И ***шестикрылый Серафим***
На перепутье мне явился.
(А.С. Пушкин)

Тот август, как желтое пламя,
Пробившееся сквозь дым,
Тот август поднялся над нами,
Как ***огненный серафим.***
(А.А. Ахматова)

Лит.: **Верещагин Е.М.** Библия. Евангелие. Псалтырь // Русский язык: Энциклопедия. М., 1977; **Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв. М., 1938; А также лит. при ст. Заимствования.

О.Н. Емельянова

БЛАГОЗВУ́ЧИЕ, или **ЭВФОНИ́Я** (от греч. εύφωυια — благозвучие), — наиболее приятное для слуха и удобное для произношения сочетание звуков. Требование благозвучия — наиболее общее стилистическое требование к фонетической стороне речи, сформулированное еще Аристотелем: «Написанное должно быть удобочитаемо и удобопроизносимо, что одно и то же» (Античные теории языка и стиля. С. 180).

В разных языках существуют разные способы достижения Б. Для русского языка наиболее характерны следующие:

I. Оптимальное чередование согласных и гласных звуков. «Благозвучна речь, в которой гласные сменяются согласными и не встречаются подряд несколько гласных и несколько согласных» (Томашевский Б.В. М., 2001. С. 89). Так, например, для русского языка обычны сочетания из двух согласных в начале и середине слова (***вн****ес,* ***сл****ег,* ***зн****ал,* ***пр****о****см****о****тр****,* ***см****ял*). Как правило, эти сочетания построены по принципу восходящей звучности слога. Например: шумный согласный + сонорный: ***гр, др, кл, пл, см, ж, зл, вл, вн*** и др. Реже встречаются трехчленные сочетания согласных: ***взм****орье,* ***взл****ет.* Скопление большего числа согласных и нарушение их обычной последовательности приводит к Неблагозвучию (см.): ***всхл****ипы,* ***встр****яска, мина****нгк****абау, о****тмщ****ены.* Особенно, если скопление согласных образуется на стыке слов, фраз*: конфли****кт взр****ослых; сме****х скв****о****зь сл****езы.*

Существуют трудно- или непроизносимые для русскоязычного человека сочетания согласных звуков. Как правило, они встречаются в нерусских именах и фамилиях. Например: ***Мкртч****ян,* ***Стрж****ельчик,* ***Грж****имек,* ***Врж****ец, Кипха****рдт****, Ке****тчв****ано, Ча****рлз*** и др.

В русском языке существует тенденция к выпадению (непроизнесению) в речи согласных в случае их скопления: *поз****д****но, сол****н****це, звез****д****ный, гиган****т****ский* и др. Кроме того, для предотвращения скопления согласных используются варианты предлогов: ***с—со; в—во; о—об—обо; под—подо; над—надо*** и др.

Нежелательно и скопление гласных звуков, называемое **зиянием**. Зияние затрудняет артикуляцию, восприятие речи, ее понимание и приводит к неблагозвучию. Например: *У Тан****и и у О****ли; Расскажите пр****о оа****зис; Пр****и И****уде; Пророчества Исай****и и Ии****суса*.

Если скопление гласных возникает внутри слова (при словообразовании или словоизменении), то это внутреннее зияние: *ауд****иоа****нестезия, рад****иоу****зел.*

Требование благозвучия приводит к фонетическим изменениям в заимствованных словах. Ср.: ***Иоа****нн* — греч. и *Иван* — русс.; *Ф****ео****дор* — греч. и *Федор* — русс.; *бив****уа****к* — франц. и *бивак* — русс.

II. Оптимальная частота употребления звуков (сочетаний звуков), близких или одинаковых по артикуляции (произношению). Скопление таких звуков приводит также к неблагозвучию (*мно****гого****лосие; хлоро****кокко****вые*) и даже разрушению

логики высказывания (*Это принимают **зачастую за чистую** монету*). Так, например, М. Горький, редактируя рукопись молодого автора, обратил внимание на неблагозвучие, возникшее из-за Омонимии (см.) и создающее посторонний, неуместный смысл: «*Он писал сти**хи**, **хи**троумно подбирая риф**мы**, **ло**вко жонглируя пустыми словами*». По словам Горького, «автор не слышит в своей фразе хихиканья, не замечает «мыло» (Горький М. Собр. Соч. В 30-ти т. Т. 24. С. 414).

III. Б. связано с положительными и отрицательными ассоциациями, возникающими при произнесении звуков. Так, например, напевность и красоту звучания речи придают звонкие и сонорные согласные, гласные звуки. Глухие согласные и особенно свистящие и шипящие, наоборот, неблагозвучны: ***скр**е**ж**е**щ**у**щ**ий, **тщ**а**щ**ийся.*

IV. Б. зависит также от чередования ударных и безударных слогов, т.е от длины слова. Средняя длина слова в русском языке равна 3 слогам. Благозвучная речь сочетает в себе короткие и многосложные слова, чередуя их.

Если в речи преобладают короткие, односложные слова, она становится «рубленой» (*Пол был чист; Дед нес тюк; Пес грыз хлыст; Дом был пуст*), если часты многосложные слова — вялой и монотонной (*молибденирование с дополнительным силицированием гарантирует повышение жаростойкости поверхностной, коррозионной выносливости*).

Употребление многосложных слов-терминов более всего характерно для научного и официально-делового стилей. Например, название вещества — *параацетаминобензальдегида изоникотиноил-гидразон*.

В настоящее время большой проблемой является нарушение принципа (требования) благозвучия при создании аббревиатур: *СРЯ* (современный русский язык); *СНГ* (Союз независимых государств); *ГУНО* (Городское управление народного образования); *ГИРЯ* (Государственный институт русского языка); *ГИБДД* (Государственная инспекция безопасности дорожного движения) — так и слышится «***г**и**б**лое **д**ело*»; *засрак* (заслуженный работник культуры); *КОМПОМОРДЕ* (комиссар по морским делам) и др.

Наиболее важное значение Б. приобретает в художественном тексте, поскольку одной из основных функций языка в данном случае является эстетическая функция:

*Русa**л**ка п**л**ы**л**а по реке го**л**убой,*
*озаряема по**л**ной **л**уной;*
*И стара**л**ась она доп**л**еснуть до **л**уны*
*Серебристую пену во**л**ны.*

(М. Лермонтов)

Ощущение легкости, возникающее при чтении этих строк, делает их благозвучие особенно ощутимым. А достигается оно с помощью Звуковых повторов (см.): согласная «л» гармонизирует с образом волны, поскольку считается, что подобозвучащие слова тяготеют друг к другу. Классификацию эвфонических повторов дал О.М. Брик.

Лит.: **Брик О.М.** Звуковые повторы // Поэтика. Пг., 1919; **Голуб И.Б.** Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Жовтис А.Л.** Эвфония // Краткая литературная энциклопедия: В 9 т. Т. 8. М., 1975; **Томашевский Б.В.** Теория литературы. Поэтика. М., 2001.

О.Н. Емельянова

БУКВАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ. То же, что Реализация метафоры.

В

ВАРВАРИ́ЗМЫ (от греч. barbarismos, лат. barbaris — чужеземный) — заимствованные из чужого языка слова или выражения, не до конца освоенные заимствующим языком (чаще всего в связи с трудностями грамматического освоения, т.е. с несоответствием правилам словообразования, словоизменения или сочетания слов, действующим в заимствующем языке) и поэтому воспринимаемые как чужеродные. Например: ***авеню*** (фр. avenus) — *широкая, обычно обсаженная деревьями улица*; ***денди*** (англ. dandy) — *щеголь, франт*; ***табльдот*** (фр. table d'hote) — *общий обеденный стол в пансионах, курортных столовых и ресторанах*. Такое иноязычное слово и выражение может употребляться в его исконной форме, т.е. в иноязычном написании. Напр.:

Иван Михайлыч просыпается и с минуту словно не понимает, каким образом он очутился ***vis-a-vis*** *с барином* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Или:

Никто б не мог ее прекрасной
Назвать, но с головы до ног
Никто бы в ней найти не мог
Того, что модой самовластной
В высоком лондонском кругу
Зовется ***vulgar*** *(Не могу...*
Люблю я очень это слово,
Но не могу перевести;
Оно у нас покамест ново
И вряд ли быть ему в чести...)

(А. Пушкин)

Вопреки предположению Пушкина (*вряд ли быть ему в чести*) это слово прочно вошло в русский язык и перестало быть варваризмом (прилагательное *вульгарный*). Но во времена Пушкина оно воспринималось именно как варваризм (*Оно у нас покамест ново*).

В художественных и публицистических текстах варваризмы используются для передачи необычных понятий и создания «местного колорита», характеризующего быт разных стран, народов. Например, у Маяковского в стихотворении «Бродвей» из цикла «Стихи об Америке» встречаем следующие строки:

На север
с юга
идут ***авеню***,
на запад с востока —
стриты,
.....

Хочешь под землю —
бери ***собвей****,*
на небо —
бери ***элевейтер****...*

(***Собвей*** — подземная дорога; ***элевейтер*** — воздушная железная дорога; ***авеню***, ***стрит*** — улица.)

Варваризмы — одно из средств создания иронии: *По утрам она распевалась и вся квартира наизусть выучила ее вокальные* ***экзерсисы*** (М. Плисецкая). Насыщенная варваризмами речь называется Макароническая (см.) и чаще всего принимает стихотворную форму (так называемые макаронические стихи). Макароническими стихами написана, напр., комическая поэма И.П. Мятлева «Сенсации и замечания г-жи Курдюковой...»:

Адью, ***адью***, *я удаляюсь,*
Люан де ву *я буду жить,*
Мэ сепандан *я постараюсь*
Эн сувенир де ву *хранить ...*

Адью, адью — прощайте, ***Люан де ву*** — вдали от вас, ***Мэ сепандан*** — однако же, ***Эн сувенир де ву*** — воспоминания о вас.

Как правило, варваризмы вводятся в текст все-таки в усвоенном русской фонетикой и морфологией виде.

«По мере повторяемости варваризмы усваиваются языком и перестают быть *стилистическими варваризмами*, превращаясь в слова иностранного происхождения, заимствованные в различные эпохи культурных отношений у других народов» (Б.В. Томашевский).

В зависимости от языка, из которого заимствуются варваризмы, они делятся на: галлицизмы (франц. происхождения), германизмы (нем. происхождения), полонизмы (польск. происхождения), англицизмы (англ. происхождения), американизмы (амер. происхождения) и др.

Наиболее распространены иноязычные слова и обороты, представляющие собой клише, идиоматические выражения: ***happy end*** — *счастливый конец* (англ.), ***c'est la vie*** — *такова жизнь* (франц.), ***chechez la famme*** — *ищите женщину* (франц.), ***a la guerre comme a la guerre*** — *на войне как на войне* (франц.) и др. — графика языка источника; ***шерше ля фам*** — *ищите женщину* (франц.), ***уик энд*** — *выходные в конце недели* (англ.), ***ва банк*** — *идти на риск, рисковать всем* (франц.) и т.п. — графика русского языка.

Периодически возникает протест против «варваризации» русского языка и стремление заменить лексические новообразования иноязычного происхождения русизмами. Особенно следует отметить в связи с этим деятельность В.И. Даля, автора «Словаря живого великорусского языка», А.С. Шишкова, возглавлявшего «Беседу любителей русского слова», а также А.И. Солженицына, составившего «Словарь языкового расширения».

Лит.: **Коваленко А.Г.** Иноязычная лексика в поэзии В. Маяковского // РР., № 5. 1986; **Листрова Ю.Т.** Иноязычные слова и выражения в произведениях Пушкина // РР., № 3. 1976; **Лотте Д.С.** Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М., 1982; **Томашевский Б.В.** Варваризмы // Теория литературы.

Поэтика. М., 2001 г.; **Филимонова Е.Н.** Иноязычные лексические элементы в переводном тексте (на материале русских переводов с корейского): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999.

О.Н. Емельянова

ВКЛЮЧЕ́НИЕ — многозначный термин.

В некоторых лингвистических работах он обозначает особый семантический процесс, «такое расширение значения слова, которое осуществляется за счет семантики другого слова, не получающей в данном слове отдельного морфемного выражения. Устанавливается включение путем сопоставления значения слова с синонимическим словосочетанием, в которое кроме данного слова (или его основы) входит еще и другое слово. Включаемым может быть как значение определяющего слова словосочетания, так и значение определяемого слова» (Янко-Триницкая Н.А.). Напр.:

1) *Мужчина знал, что как раз в этот час рабочие дневной смены, уже отдохнув, выходят обычно из домов, чтобы* ***подышать воздухом*** (С. Гансовский); Ср.: *...подышать свежим воздухом;* 2) *У вас тут, наверное, есть* ***общество по распространению****? (М. Эдель). Ср.: общество по распространению знаний;* 3) *Но буйный приверженец своего «Афони» только рукой махнул и побежал догонять* ***закадычника*** *своего* <...> (И. Бражнин). Ср.: *закадычного друга (приятеля).*

Называя указанный процесс «образованием эллиптических форм разговорного словоупотребления», Т.Г. Винокур отмечает, что образующиеся таким образом «эллиптизмы» характеризуются разной степенью их освобождения от контекстной и ситуативной зависимости:

1. Отстоявшиеся, освоенные системой языка случаи «включения определяемого» типа ***командировочные, подъемные*** <...>.

2. Эллиптические формы, связанные кратковременностью исторического периода, в котором они употреблялись, и потому сохранившие окказиональный характер <...>, например: ***он из бывших*** <...>.

3. Широко распространившееся эллиптическое называние понятий, вошедших на определенном историческом этапе в активное употребление: *Я старый командир, сапер. Я был на германской* ***с четырнадцатого*** *и на* ***гражданской с восемнадцатого*** (А. Гайдар. Судьба барабанщика).

4. То же, но осложненное прикрепленностью к более частной ситуации: *В понедельник* ***открытое комсомольское****, слышала?* (Е. Шереметьева, Весны гонцы) <...>.

5. Конситуационно-окказиональный эллиптизм: — *Перед истинным богом! — захлебываясь, причитал Васька, — некуда было положить,* ***провиантская****, сами видите, битком, пачки полукрупки некуда сунуть, не то что!* (К. Федин, Братья) <...>.

6. Контекстно-окказиональный эллиптизм: — *В вазу поставь, пожалуйста* (цветы. — *Т.В.*). — *В* ***синенькую*** *можно?* (Из устной речи) (Винокур Т.Г., 1965. С. 30—35).

Случаи включения, не ставшие стилистически нейтральными фактами языка (типа подъемные, командировочные), сохраняющие в той или иной мере характер эллиптического словоупотребления, должны рассматриваться как стилистически маркированные единицы (окраска разговорности); при-

чем эта маркированность тем ощутимее, чем ближе эта единица к окказиональному употреблению.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Винокур Т.Г.** Об эллитическом словоупотребленнии в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965; **Янко-Триницкая Н.А.** Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964.

А.П. Сковородников

ВОПРОСНО-ОТВЕТНЫЙ ХОД — стилистический прием, осуществляемый в рамках Диалогизации монологической речи (см.). Суть этого приема состоит в том, что в монологический текст вводится характерная для диалога вопросно-ответная конструкция (вопрос — ответ) или ее фрагменты, что облегчает и активизирует восприятие речи слушателем (читателем), придает речи (тексту) оттенок непринужденности, интимности, разговорности. В.О.х., использованный в письменном повествовательном тексте, обладает большими выразительными возможностями: он расчленяет текст, придает ему эмоциональность, способствует более тесному контакту с читателями.

В.О.х. широко используется в устной публичной речи, во многих жанрах газетной публицистики, в научно-популярных произведениях, в художественной литературе. Вот примеры разных способов использования этого приема в повествовательном газетно-публицистическом тексте.

1) Введение целой вопросно-ответной конструкции:

[Начало публикации] ***Есть ли альтернатива? Разумеется, есть. Можно ли сделать государство работающим, сохранив свободы и демократию? Можно. Даже в условиях кризиса доживающей последние месяцы Четвертой республики.*** *Для этого надо, опираясь на волю народа, как можно скорее демонтировать последнюю и учредить новую, Пятую российскую республику.* (АиФ, № 37. 1998 г.).

2) Введение неполной вопросно-ответной конструкции, часть которой представлена имплицитно (подразумевается):

Давайте представим себе аналогичную историю в какой-нибудь, скажем, Америке или, на худой конец, в проклятой Богом Европе. Министр — за рулем «левой» машины. ***Представили? И как вы думаете — как долго после этой истории он продержится на своем посту? Правильно: не более часа*** (МК, 5—12 окт. 2000 г.)

3) Введение реплики, как бы принадлежащей автору текста, по которой угадывается ответная реплика воображаемого читателя:

Давайте исходить из того, что 95,3 % наших граждан — честные труженики. ***Как вы сказали? 97,5 %? Согласен*** (Изв., 24 июля 1983 г.)

4) Имитация разговора автора и читателя:

Именно расчет на легкую, молниеносную победу «пришел — сказал — победил», по-моему, и является одной из причин многих поражений. ***«Но почему? — может воскликнуть читатель. — Ведь за правду ратуешь, за дело, за общий интерес, почему тут должны быть особые трудности?» А потому, отвечу я такому читателю, что те, кто ратует за неправду, кто не за общий интерес, — тоже не слабачки какие-то, не одуванчики, на которых только дунь, и разлетятся!*** (ЛГ, 15 авг. 1984 г.).

Использование В.О.х. в газетном заголовке имеет тенденцию к стандартизации:

5) ***Мечта? Реальность!*** (КК, 24 февр. 1987 г.); ***Трагедия? Нет, фарс*** (КП, 30 июля 1990 г.); ***Откуда деньжата? Вестимо, от мафии!*** (КП, 4 окт. 1991 г.) и т.п.

В.О.х. используется в философско-публицистической и другой научно-гуманитарной литературе. Напр.:

6) ***Что для космоса Россия? Провинция. Славянство? Этнографическая группа.*** *Но София — всенародна и сверхнародна, она — не национально-местная, но вселенская церковь, все народы зовущая под свой купол* (С. Булгаков); 7) ***Что же отсюда следует? — спросят нас. Проповедуете ли вы толстовское непротивление злу, отрицание государства, всякого принуждения или даже всякой политической действенности вообще? Прежде всего, по крайней мере на этой стадии наших размышлений, мы ничего вообще не проповедуем — мы просто повествуем об истории духовного опыта и связанных с ним разочарований*** (С. Франк)

В.О.х., естественно, широко используется в публичных выступлениях. Напр.:

8) *...Все другие заповеди в каком-то смысле просты: сделай одно, сделай другое... Сделать можно; а вот стоять перед судом любви и знать, что я не умею любить...* ***Что же тогда сделать? Только одно: отказываться от всякого себялюбия, отрываться от себя, отрывать взор от себя, отрывать внимание от себя, вглядываться в другого человека и ставить перед собой вопрос о его нужде*** <...> (Митрополит Антоний Сурожский); 9) *...Русская женщина смело пойдет за тем, во что поверит, и она доказала это. Но она «другому отдана и будет век ему верна».* ***Кому же, чему же верна? Каким это обязанностям? Этому-то старику генералу, которого она не может любить, потому что любит Онегина, и за которого вышла потому только, что ее «слезами заклинаний молила мать», а в обиженной, израненной душе ее было тогда лишь отчаяние и никакой надежды, никакого просвета? Да, верна этому генералу, ее мужу, честному человеку, ее любящему, ее уважающему и ею гордящемуся*** (Ф. Достоевский).

В.О.х. используется также в художественной литературе, причем в поэзии, в малых ее жанрах, он может служить структурной основой всего текста или его значительной части. Напр.:

10) ***Любовь***.

Ятаган? Огонь?
Поскромнее, — куда как громко!
Боль, знакомая, как глазам — ладонь,
Как губам —
Имя собственного ребенка.
(М. Цветаева)

Хочешь знать, как все это было? —
Три в столовой пробило,
И, прощаясь, держась за перила,
Она словно с трудом говорила:
«Это все... Ах, нет, я забыла,
Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда!»
— «Да».
(А. Ахматова)

11) **Песнь о Гайавате (отрывок)**

Если спросите, откуда
Эти сказки и легенды
С их лесным благоуханьем,
Влажной свежестью долины,
Голубым дымком вигвамов,
Шумом рек и водопадов,
Шумом, диким и стозвучным,
Как в горах раскаты грома? -
Я скажу вам, я отвечу:
«От лесов, равнин пустынных,
От озер Страны Полночной,
Из страны Оджибуэев,
Из страны Дакотов диких,
С гор и тундр, с болотных топей,
Где среди осоки бродит
Цапля сизая, Шух-шух-га.
Повторяю эти сказки,
Эти старые преданья,
По напевам сладкозвучным
Музыканта Навадаги» <...> и т.д.

(И. Бунин)

См. также: «Каменщик» В. Брюсова, «Зирэ» Саши Черного и др. В риторике прием, состоящий в том, что говорящий ставит вопросы и сам же на них отвечает, имеет еще название **антипофора**.

Лит.: см. при ст. Диалогизация монологической речи.

А.П. Сковородников

ВОСХОДЯ́ЩАЯ ГРАДА́ЦИЯ. То же, что Кли́макс.

ВСТАВНА́Я КОНСТРУ́КЦИЯ, или **ПАРЕНТЕ́ЗА, ПАРЕНТЕ́ЗИС** (от греч. parenthesis — вставка) — стилистическая фигура, состоящая во включении в предложение не соединенного с ним грамматически слова, словосочетания или другого предложения.

Вставные (вставочные) конструкции (В.к.) не следует смешивать с вводными словами, словосочетаниями и предложениями (типа *«возможно»*, *«конечно»*, *«без всякого сомнения»*, *«спору нет»*, *«я уверен»*, *«я полагаю»* и т.п.). Основными дифференцирующими признаками являются: «несамостоятельность (синсемантия) и типизированность значений вводных конструкций, сводимая к нескольким типам, и значительная самостоятельность и многоплановость семантики вставных конструкций <...>. Основная функция вводных единиц (вводных слов, сочетаний слов, предложений) — передать различные значения субъективной модальности как устанавливаемого автором речи отношения содержания высказывания к действительности со стороны его достоверности, недостоверности, ве-

роятности, предположительности и т.д. Главное назначение вставных конструкций передавать семантически не ограниченный круг сведений, дополнительных к содержанию основной части предложения или какого-либо компонента его <...>, причем автор намеренно, нередко с целью актуализации выносит эти сведения на особую плоскость в семантико-синтаксических условиях данного высказывания или целого контекста <...>, напр.: *«Взволнованное историческое море Европы улеглось в свои берега. Оно казалось затихшим; но таинственные силы, двигающие человечество (таинственные потому, что законы, определяющие их движение, неизвестны нам), продолжали свое действие* (Л. Толстой. Война и мир, IV. Эпилог, 1, 1)» (Аникин А.И., 1975, с. 21—22).

Нужно иметь в виду, что «в своем прямом значении добавочных замечаний (уточнений, пояснений, поправок, отсылок к источнику и т.д.) вставочные конструкции общеупотребительны и лишены экспрессии, напр.: *Наряду с «плавучей» (морские суда) и «летучей» (воздушные суда) территориями появилось теперь в международном праве понятие космической территории (искусственные спутники, платформы, корабли) <...>»* (Чижик-Полейко А.И., 1966. С. 143). Такого рода В.к. характерны для научной и деловой речи, хотя могут использоваться в художественной литературе и публицистике.

Экспрессивность В.к. (что свойственно речи художественной и отчасти публицистической) обусловливается не только и даже не столько необычностью синтаксической позиции В.к. в составе предложения, сколько их собственной синтаксической организацией, лексическим наполнением и в не меньшей степени смысловыми связями с ближним и дальним контекстом.

В текстах художественной литературы В.к. «могут выражать различные оттенки значения, от нарочитой сухости, бесстрастности до крайней аффектированности.

Парентетические внесения могут быть характерной чертой индивидуального почерка того или иного писателя» (Александрова О.В., 1984. С. 46).

«Одна из важнейших стилистических функций использования вставных предложений в художественном изложении — создание двух параллельных речевых планов» (Кузнец М.Д. и Скребнев Ю.М., 1960. С. 79). Причем второй речевой (повествовательный) план, создаваемый В.к., позволяет передать самые разнообразные смыслы, связанные с оценками, эмоциями, переживаниями и — шире — состояниями субъекта речи. Напр.:

— **состояние восторга**:

1) *Однажды в октябрьском тумане*
Я брел, вспоминая напев.
(О, миг непродажных лобзаний!
О, ласки некупленных дев!)
И вот — в непроглядном тумане
Возник позабытый напев.
(А. Блок)

— **состояние замешательства, испуга**:

2) *...Они улыбались и говорили: «Освоитесь». Вот тебе и освоитесь. А если грыжу привезут? Объясните, как я с ней освоюсь? И в особенности каково будет себя чувствовать больной с грыжей у меня под руками? Освоится он на том свете (тут у меня холод по позвоночнику)...* (М. Булгаков);

— **состояние огорчения, разочарования**:

3) *Ворвавшимся, как маленькие черти,*
В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
— Нечитанным стихам! —
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!).
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.
(М. Цветаева)

– состояние сомнения, припоминания:

4) *И каждый вечер, в час назначенный*
(Иль это только снится мне?)
Девичий стан, шелками схваченный,
В туманном движется окне.
(А. Блок)

В.к. часто используются **для выражения или усиления иронии, вообще эмоциональной оценки**:

5) *Квартира тут, на Сергиевской, со двора, маленькие грязные комнаты. В одной — продавленный диван. Направо — комната, где заседает весь этот «лево-эсеровский» ЦК (**попросту банда**)* (З. Гиппиус);

6) *Ослу образованье дали,*
Он стал умней? Едва ли.
Но раньше, как осел,
Он просто чушь порол,
*А нынче — **ах, злодей** —*
Он, с важностью педанта,
При каждой глупости своей
Ссылается на Канта.
(Саша Черный)

Эта способность В.к. давать ироническую оценку используется, в частности, в публицистической полемике, иногда в сочетании с другими стилистическими приемами. Напр.: 7) *...Ах ты, изменившийся Гусев, скажут мне, как не раз говорили в последние годы. Должен сразу ответить этим «господам» («**сударям**»?), что моя психика довольно стабильна и я ни в чем существенном не изменился* (ЛР, 23 окт. 1992 г.); 8) *Через дикий валютный курс рубля, который упорно продолжают сбивать и далее (**хотя, казалось бы, куда уж? — но васька... да, да-да**), этот капитал контролирует ситуацию и кормит своих лакеев* (ЛР, 13 ноября 1992 г.).

В публицистике В.к. выполняют и другие функции, напр.:

— актуализированного сообщения дополнительной, поясняющей информации: 9) *Такая система обеспечивала защиту поля от вымерзания (**болото рядом!**) и от засухи (**лес рядом!**)* (Д. Балашов);

— критического попутного замечания: 10) *Если так пойдет и дальше (**а с обещанными ранее квартирами офицеров уже кинули**), то России не понадобится заключать новые Хасавюртовские соглашения* (МК, 5—12 окт. 2000 г.);

— комического замечания в составе шутливого контекста: 11) *Бутылка — как любимая женщина (**поэтому ей прощается отсутствие талии, да и полнота ее, бутылку, украшает**)* (НГ, 25—26 янв. 2001 г.);

— передачи внутренней речи, протекающей параллельно речи внешней: 12) *Даже поверхностное ознакомление с экономическим обоснованием проекта наводит на мысль, что проект, мягко говоря, не обоснован. В нем отсутствует (**пропущено? скрыто? искажено?**) много важнейших характеристик и расчетов* (ЛГ, 28 янв. 1987 г.).

В лирике В.к. в сочетании с другими средствами языковой выразительности (в частности, в сочетании с повтором) может создавать эмоциональный лейтмотив целого текста. Напр.:

Откуда такая нежность?
Не первые эти кудри
Разглаживаю, и губы
Знавала — темней твоих.
Всходили и гасли звезды
*(**Откуда такая нежность?**),*
Всходили и гасли очи
У самых моих очей.
Еще не такие песни
Я слушала ночью темной
*(**Откуда такая нежность?**)*
На самой груди певца.
Откуда такая нежность?
И что с нею делать, отрок
Лукавый, певец захожий,
С ресницами — нет длинней?
(М. Цветаева)

По цели высказывания В.к. могут быть повествовательными, вопросительными и побудительными предложениями; их эмоционально-экспрессивный характер, определяющий своеобразие интонирования, часто придает им восклицательный характер. В В.к. употребляются вопросительный и восклицательный знаки (примеры см. выше) или их комбинации. От основного предложения они отделяются обычно с помощью тире или скобок. В устной речи В.к. получают относительную интонационную самостоятельность и завершенность; они, как правило, выделяются с обеих сторон паузами.

Лит.: **Александрова О.В.** Проблемы экспрессивного синтаксиса. На материале английского языка: Учеб. пособие. М., 1984; **Аникин А.И.** Соотношение вводных и вставных конструкций в современном русском языке // Русский язык. Сборник трудов МГПИ им. В.И. Ленина. М., 1975; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Кузнец М.Д.**, **Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогич. ин-тов. Л., 1960; **Ляпон М.В.** Вставная конструкция // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г.**, **Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Чижик-Полейко А.И.** Стилистика русского языка. Ч. III. Синтаксис. Воронеж, 1966.

А.П. Сковородников

ВЫДВИЖЕ́НИЕ — понятие, не имеющее в лингвистике общепринятого определения.

И.В. Арнольд под В. понимает «...способы формальной организации текста, фокусирующие внимание читателя на определенных элементах сообщения и устанавливающие семантически релевантные отношения между элементами одного уровня или чаще разных уровней» (Арнольд И.В., 2002. С. 99). Похожее определение В. представлено у Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной: «совокупность адгерентных средств усиления выразительности текста <...>. Способ формальной организации текста, фиксирующий внимание слушателя или читателя на определенных частях и устанавливающий иерархические отношения между ними, выдвигая на первый план особенно важные элементы сообщения, обеспечивая связность и целостность текста и в то же время сегментируя, расчленяя его для удобства восприятия» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 215).

Типами В. считают Конвергенцию (см. Стилистическая конвергенция), сцепление (появление сходных элементов в сходных позициях, способствующих целостности текста), Обманутое ожидание (см.) (Арнольд И.В., 2002. С. 100—103; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 215 и др.); семантический повтор, Заглавие (см.), Эпиграф (см.), начало и конец текста (Арнольд И.В., 1978. С. 24), контраст (Седых Э.В., 1997. С. 7); Ретардацию (см.), текстовые фигуры (Центон (см.), Рамку (см.) и др.), контаминацию текстовых фигур (Пекарская И.В., 2000. С. 240) и некоторые другие разнопорядковые явления.

Типы выдвижения рассматриваются также в работах С. Левина, Р. Якобсона, М. Риффатера, Л. Долежела, П. Гарвина, Л. Милик и других исследователей.

По мнению И.В. Арнольд, «типы выдвижения охватывают либо весь текст, либо небольшие его отрезки. Этим они отличаются от стилистических приемов, радиус действия которых значительно меньше и которые входят в структуры выдвижения как составные их части» (Арнольд И.В., 1978. С. 24).

«Некоторые авторы отождествляют термин «выдвижение» с принятым в Пражской школе термином «актуализация» и с принятым у англичан и американцев термином «отклонение». В основном это справедливо», — пишет А.М. Варинская (Варинская А.М., 1990. С. 30). В. определяется как синоним Актуализации (см.) в кн.: Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 215; Кухаренко В.А., 1988. С. 15; Чулкова В.С., 1978. С. 82 (при этом В.А. Кухаренко и В.С. Чулкова под актуализацией понимают необычное использование средств языка).

Лит.: **Арнольд И.В.** Значение сильной позиции для интерпретации художественного текста // Иностранные языки в школе. № 4. 1978; **Арнольд И.В.** Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. М., 2002; **Варинская А.М.** Становление русской лингвостилистической терминологии (функционально-стилистический аспект). Приложение. Материалы к словарю-справочнику в аспекте проблемы «Становление терминосистемы науки о языке художественной литературы»: Дис. ... канд. филол. наук. Одесса, 1990; **Вахек Й.** Лингвистический словарь пражской школы. М., 1964; **Кухаренко В.А.** Интерпретация текста. М., 1988; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. 1. Абакан, 2000; **Седых Э.В.** Контраст в поэзии как один из типов выдвижения (на примере циклов стихотворений «Песни Неведения» и «Песни Познания» Уильяма Блейка): Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1997; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д., 1999; **Чулкова В.С.** Многочленный стилистический прием как одно из средств интеграции текста (на материале англоязычных прозаических текстов): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978.

Г.А. Копнина

ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ — совокупность таких её качеств [прежде всего — целесообразности (см.), Уместности (см.), Точности (см.), Логичности (см.), Ясности (см.), Экспрессивности (см.)], которые обеспечивают полноценное (максимально приближенное к адекватному пониманию передаваемой информации) восприятие речи адресатом.

Качества речи, обусловливающие ее выразительность, обладают не одинаковой степенью релевантности (значимости) и отчасти разными средствами выражения в функциональных разновидностях языка. Так, в официально-деловой речи точность, не допускающая инотолкования, «проявляется прежде всего в употреблении специальной терминологии, в однозначности и безóбразности нетерминологической лексики» (Кожина М.Н., 1993. С. 179). А точность художественной речи означает соответствие языковых средств эстетической задаче создания образа, то есть их мотивированность художественным контекстом (Шмелев Д.Н., 1964. С. 24—37).

Существуют и другие трактовки понятия В.р. Например, В.р. понимается как синоним экспрессивности речи (Ахманова О.С., 1966. С. 94; Матвеева Т.В., 1986. С. 88); как «такие особенности ее структуры, которые поддерживают внимание и интерес у слушателя или читателя» (Головин Б.Н., 1988. С. 182); как «свойство речи обращать на себя внимание и запоминаться» (Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е., 2001. С. 126); как «способность текста привлекать внимание своей речевой организацией» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 215); как «способность ... речи «хорошо», «ярко» выразить что-нибудь, тем самым привлечь внимание собеседника и удерживать его на всем протяжении этой речи» (Пекарская И.В., 2001. С. 12); как «приемы использования языка для достижения конечной цели — убедить, доказать» (Солганик Г.Я., 1973. С. 38) и т.д.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Головин Б.Н.** Основы культуры речи. М., 1988; **Капацинская Е.В.** Определение выразительности и способы ее усиления // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Матвеева Т.В**. Лексическая экспрессивность в языке. Свердловск, 1986; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 2001; **Савова М.Р.** Выразительность // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998; **Солганик Г.Я.** Язык и стиль передовой статьи. М., 1973; **Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е.** Риторика для делового человека. М., 2001; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Шмелев Д.Н.** Слово и образ. М., 1964.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА — это такие языковые/речевые средства, которые обеспечивают полноценное (максимально приближенное к пониманию заложенной в тексте информации) восприятие речи адресатом.

Выбор и использование В.с. зависят от ситуации общения, избранного жанра и стиля речи, а также от авторской индивидуальности. Так, в официально-деловой речи точность, не допускающая инотолкования, достигается благодаря использованию специальной терминологии, однозначной и безóбразной нетер-

минологической лексики, повторов слов (преимущественно терминов), уточняющих оборотов и др. средств языка. В газетно-публицистической речи точность имеет подчеркнуто документально-фактологический и оценочный характер и создается за счет широкого употребления профессионализмов, оценочных метафор, а также других В.с. Употребление В.с. зависит также от авторской индивидуальности.

Традиционно выделяются такие В.с.:

- фонетические: Звуковые повторы (см.), Ударение (см.), Интонация (см.), Звукопись (см.), Звукоподражание (см.), Звуковой символизм (см.);
- лексические: Полисеманты (см.), Омонимы (см.), Синонимы (см.), Антонимы (см.), Паронимы (см.), Стилистически окрашенная лексика (см.), Фразеологизмы (см.), Лексика ограниченного употребления (диалектизмы (см.), Просторечные слова (см.), Жаргонизмы (см.), Профессионализмы (см.), Архаизмы (см.), Историзмы (см.), Неологизмы (см.), Иноязычные слова (см.) и др.);
- словообразовательные: экспрессивные аффиксы, окказиональное словообразование, словообразовательные архаизмы;
- грамматические: синонимы в сфере частей речи и синтаксических конструкций, понимаемые достаточно широко: они «определяются по признаку взаимозаменяемости (возможности замены в определенном контексте)» (Кожина М.Н., 1993. С. 106), что создает возможность выбора наиболее подходящего языкового средства.

К В.с. относятся также стилистические приемы, в том числе Тропы (см.) и Стилистические фигуры (см.). Кроме того, в непосредственном речевом общении используются невербальные выразительные средства: в устной речи — позы, жесты, мимика; в письменной — графические средства.

В качестве примера использования В.с. приведем начало «Баллады о синем пакете» Николая Тихонова:

Локти резали ветер, за полем — лог,
Человек добежал, почернел, лег.
Лег у огня, прохрипел: «Коня!»
И стало холодно у огня.
А конь ударил, закусил мундштук,
Четыре копыта и пара рук.
Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.
Как телеграмма, летит земля,
Ровным звоном звенят поля.

В этом тексте использованы **фонетические** В.с.: звукоподражание (*прохрипел*), звуковая анафора (*звоном звенят*), аллитерация на [к], [т], [п], [р] (*Четыре копыта и пара рук*), ассонанс на [у] (*Небо согнулось, как дуга*), ритм и рифма; **лексические** В.с.: конкретно-предметная лексика, диатеза (*четыре копыта и пара рук*), метафоры (*локти резали, человек почернел, конь ударил, небо согнулось, летит земля*); **грамматические** (синтаксические) В.с.: экспрессивное бессоюзие (*Человек добежал, почернел, лег*); эллипсис (*Озеро — в озеро, в карьер луга*). Кроме того, использованы лексико-синтаксические приемы: анадиплозис (*...почернел, лег. / Лег у огня...*); сравнение (*...Небо согнулось, как дуга. / Как телеграмма, летит земля...*).

Некоторые исследователи определяют В.с. широко, полагая, что «средствами выразительности могут являться все средства языка и речи (если они соответствуют коммуникативным целям автора речи)» (Савова М.Р., 1998. С. 30). Близкой точки зрения придерживается А.В. Федоров: «В системе стиля всякое средство выражения, всякий элемент языка, приобретающий стилистическую функцию, является выразительным средством, независимо от того, создает ли он в сочетании с другими элементами впечатление привычности данного отрезка речи или, напротив, заставляет его выделяться в целом по контрасту с нейтральными формами речи, или же, наконец, создает контраст внутри него, вступая в столкновение с окружающими словами или грамматическими конструкциями» (Федоров А.В., 1971. С. 73).

Лит.: **Арнольд И.В.** Стилистика. Современный английский язык. М., 2002; **Бахмутова Е.А.** Выразительные средства языка. Казань, 1967; **Винарская Е.Н.** Выразительные средства текста (на материале русской поэзии). М., 1989; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Ковалев В.П.** Языковые выразительные средства русской художественной прозы. Киев, 1981; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000; **Савова М.Р.** Выразительность // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998; Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; Стилистика английского языка: Учебник / А.Н. Мороховский, О.П. Воробьева, Н.И. Лихошерст, З.В. Тимошенко. Киев, 1991; Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Федоров А.В.** Очерки общей и сопоставительной стилистики. М., 1971.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

Г

ГЕМИНА́ЦИЯ — стилистическая фигура, заключающаяся в контактном повторении слова, словосочетания или предложения три и более раза. В более широком понимании Г. называют любой контактный повтор (Москвин В.П., 2000. С. 76). Напр.:

Зарницы. Зарницы. Зарницы.

Земля слушает их. Хлеба слушают их. <...>

Ти-хо!

Зарницы. Зарницы. Зарницы (В. Астафьев. Затеси).

Типизированными функциями Г., как правило, являются следующие:

1. Изобразительная функция, или функция художественно-образной конкретизации изображаемого, напр.:

а) *И целый день гравийными и асфальтовыми дорожками лились* ***женщины, женщины, женщины****! — молодые врачи, медицинские сестры, лаборанты, регистраторши, кастелянши, раздатчицы и родственницы, посещающие больных* (А. Солженицын); *Дверной косяк в месте удара рассыпался. И* ***гильзы, гильзы, гильзы*** (КП, 18 окт. 1994 г.); *...****Снег, снег, снег****. Днем черная смерзшаяся грязь заметнее* (СГ, 20 ноября 1999 г.). — Изображение множественности однородных предметов или явлений;

б) *Галя узнала его, ойкнула, вскинула руки (уж не обнять ли хотела?..), засмеялась и жадно* ***слушала, слушала, слушала*** *весь тот банальный бред, что он произносил* (Э. Русаков); *А птицы все так же громко и многоголосо славили утро, солнце, и зорькина песня, песня пробуждающегося дня, вливалась в мое сердце и* ***звучала, звучала, звучала****...* (В. Астафьев); *Простой чиновник, который бумагу несет, он ничего не знает. Через него* ***идет, и идет, и идет*** (СГ, 23 мая 1998 г.) — Изображение длительности, повторяемости событий.

2. Эмоционально-оценочная функция, т.е. отображение и усиление каких-либо эмоций, эмоциональных оценок, напр.:

а) *Но такая ситуация, я думаю, долго не продержится, опять наступит кризис. И опять скажут:* ***rge, rge, rge*** *эти люди, которые могут что-то делать?!* (КР, 30 авг. 1997 г.). — Г. подчеркивает возмущение, негодование и нетерпение;

б) *Де мол, оне говорят, что моста не было, а он* ***был, был, был****! Да — был* (Пятница, 24 апр. 1998 г.); *А ваш сын* ***курит, курит, курит****!..* (СГ, 27 ноября 1999 г.). — Подчеркивание уверенности.

Встречаются случаи использования двух Г.:

Что-то ищут люди. Кидаются в крайности. Сбиваются с дороги, петляют, возвращаются старым следом и опять ***ищут, ищут, ищут****, а кругом* ***непогодь, непогодь, непогодь****!* (А. Черкасов, П. Москвитина).

Г. часто вступает во взаимодействие с другими стилистическими фигурами. Так, в следующем примере представлены две Г. и хиазм, что отобража-

ет однотипность, повторяемость объектов и способствует созданию зримых образов:

Вот поезд пропускает самосвалы, вот самосвалы пропускают поезд... ***Сады, сады, сады, сады, сады... Поля, поля, поля, поля, поля****...* (Б. Рахманин).

Г. (с сохранением своих основных функций) может использоваться для усиления Антитезы (см.):

Мы поднимали бокалы с шампанским и желали друг другу счастья, а в Грозном в эти же минуты ***умирали, умирали, умирали*** *люди* (СГ, 28 дек. 1996 г.).

Возможно также совместное употребление Г. и Полисиндетона (см.):

Вы просто помогаете своему организму очиститься от всякой дряни и излечиться от многих болезней: от камней в почках, от прыщей на лице ***и прочего, и прочего, и прочего*** (МКК, 8 апр. 1999 г.).

В следующем примере Г. и Парцелляция (см.) создают эффект Обманутого ожидания (см.):

В Красноярске ***режут, режут, и режут.*** *Снег и лед* (КК, 20 дек. 1997 г.).

Г. широко употребляется в художественных и публицистических текстах, редко встречается в научно-популярной литературе. Не свойственна она текстам официально-делового стиля.

Лит.: **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

ГЕНДИА́ДИС — избыточная согласованность членов предложения, заключающаяся в уподоблении морфемы (окончания) одного слова морфеме (окончанию) другого, «незаконное» согласование.

Г. встречается в фольклоре, например, для усиления значимости слова: *Али чарой зеленым вином обносили тебя...* В данном высказывании наблюдается превращение «третьестепенного» члена предложения во «второстепенный»: ср. *Обносили чарой зеленого вина*.

Г. — фигура крайне редко встречающаяся даже в разговорной речи, сильным элементом которой она является. Возможно присутствие Г. в языке художественной литературы и публицистики.

В официально-деловом и научном стилях Г. может встретиться лишь как речевая ошибка: *Моды и шляпы* (вывеска на магазине) — ср. *«Модные шляпы».*

Другое название Г. — раздвоение, эндиадийон.

Лит.: **Корольков В.И.** К теории фигур: Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 78. М., 1973—1974; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

И.В. Пекарская

ГИПА́ЛЛАГА, или **ГИПА́ЛЛАГ** (от греч. hypallagē — замена) — стилистический прием, состоящий «в переносе элемента одной синтаксической группы в другую, с ней смежную» (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 62); «семантико-

синтаксическая перестановка» (Манчинова Н.В., 1998. С. 18), в результате которой «рождается» троп. Напр.:

1) *Тебя за щекой, как денежку,*
Серебряно сберегу
(А. Вознесенский).

Ср.: Тебя сберегу, как серебряную денежку за щекой; 2) *И жены кутались в* ***печальные платки*** (А. Блок). Ср.: И печальные жены кутались в платки;

3) *Давно меж листьев налились*
Истомой розовой *тюльпаны.*
(И. Анненский)

Ср.: ... налились истомой розовые тюльпаны;

4) *Снег минами изрыт вокруг*
И почернел от пыли минной.
.....
Разрыв —
И лейтенант хрипит.
И смерть опять проходит мимо.

Но мы уже не в силах ждать.
И нас ведет через траншеи
Окоченевшая вражда*,*
Штыком дырявящая шеи.
(С. Гудзенко)

Ср.: И нас, окоченевших, ведет через траншеи вражда...;

5) *У крыльца толпились бабы; они* ***враждебно расступились*** *перед Чаадаевым <...>* (Л. Леонов). Ср.: Враждебные бабы толпились...

Поскольку операции переноса обычно подвергаются определения, Г. часто называют перенесенным, или перемещенным, эпитетом (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 218), сочетанием «прилагательного — определения (эпитета) не с тем существительным, к которому оно непосредственно относится по смыслу» (Ахманова О.С., 1966. С. 98). Ср.: «Гипаллага — фигура, в которой определение относится не к тому слову, к которому оно должно относиться исходя из прямого значения: ***Некоторые граждане точат свои безумные мечи для борьбы с республикой*** (ср.: Некоторые безумные граждане точат свои мечи...)» (Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е., 2001. С. 126).

Разновидностью Г. является **эналлага**, (греч. enallage — поворот, перемещение), «характеризуемая тем, что определение — прилагательное перемещается с управляемого слова на управляющее или (реже) с управляющего на управляемое» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 286). Напр.:

6) *Здесь стянута бессмысленно и тупо*
Кольцом железной боли голова.
(А. Блок)

Ср.: ...Голова стянута железным кольцом боли;

7) *И в руках, когда-то строгих,*
Был ***бокал стеклянных влаг.***
(А. Блок)

Ср.: ... был стеклянный бокал влаг;

8) *Сухие пустыни позора,*
Моря неизливные слез <...>
(А. Белый)

Ср.: моря неизливных слез.

Г., как и ее разновидность эналлага, расширяет возможности метонимического переноса и тогда, когда все компоненты этой операции наличествуют, и тогда, когда один из них отсутствует, но ассоциативно мыслится, как например, в концовке «Стихов к Блоку» М. Цветаевой:

9) *...Имя твое — ах, нельзя! —*
Имя твое — поцелуй в глаза,
В нежную стужу недвижных век.
Имя твое — поцелуй в снег.
Ключевой, ледяной, голубой глоток.
С именем твоим — сон глубок.

Ср.: глоток ключевой, ледяной, голубой воды.

10) *Все полиняло, потемнело, точно пришел кто-то одинокий в темную, скучную,* ***покрапывающую ночь*** *<...>* (А. Серафимович). Ср.: ...дождь покрапывает (накрапывает), покрапывающий (накрапывающий) дождь; 11) *...Сейчас же он отвел глаза, и горы восточной Бухары стали подсовывать ему в двойные стекла бинокля многообразие своих троп, и пятна осыпей, и оврынги, и балконы, и переправы внизу в густых тенях ущелья, жующего воду и швыряющего камни. <...> Желтые, кое-где одетые можжевельником, точно в ужасе цеплявшимся за камни, эти горы* ***мучительно походили*** *на Триполитанские горы* (Н. Тихонов). Приглагольный эпитет «мучительно» семантически ассоциируется с воспоминаниями то ли главного героя рассказа «Халиф» Энвера-Паши, то ли самого автора рассказа Н. Тихонова. Ср.: Эти горы напомнили ему Триполитанские, и это воспоминание было мучительно.

Стилистический прием, иллюстрированный примерами 9, 10, 11, можно назвать имплицитной (скрытой) Г.

Г. довольно редкий стилистический прием, характерный для художественной речи.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Гаспаров М.Л.** Эналлага // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Манчинова Н.В.** Деривация и функционирование гипаллаги в поэтическом тексте: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Пермь, 1998; **Она же.** Гипаллага // Русский филологический вестник. Т. 82. № 1/2. М., 1997; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е.** Риторика для делового человека: Учебное пособие. М., 2001; **Хазагеров Т.Г., Ширина О.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ГИПЕРБА́Т(ОН) (от греч. hyperbaton — нарушение) — 1. Стилистическая фигура (см.), состоящая в изменении естественного Порядка слов (см.), а именно — в отделении их друг от друга вставными словами. Например: *В восторге* ***только*** *музы томном* (Г. Державин); *О, много расточил сокровищ* ***я*** *сердечных* (А. Пушкин).

В таких случаях нарушается целостность словосочетания: *Скука* ***меня томила*** *страшная* (И. Тургенев).

Г. создает экспрессию и поэтому часто используется в поэтической речи, художественной прозе и публицистике. Не применяется Г. в официально-деловом и научном стилях.

2. Общее название Фигур (см.), связанных с перестановкой слов (порядком слов), таких, как: Антиметабола (см.), Гистерология (гистеропротерон) (см.), Инверсия (см.), Метатеза (см.), Хиазм (см.) и др.

По мнению Т.Г. Хазагерова и Л.С. Ширины, еще более общим названием данной группы фигур является Анастрофа (см.).

Лит.: **Дюбуа Ж.** и др. Общая риторика. М., 1986; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; Словарь иностранных слов. М., 2001.

О.Н. Емельянова

ГИПЕ́РБОЛА (от греч. hyperbole — преувеличение) — прием, основанный на чрезмерном преувеличении, интенсификации. Изображение в сильно преувеличенном виде каких-либо свойств, признаков предмета или процесса, явления (размера, силы, значения, незначительности, ничтожности и др.) для усиления впечатления: *напугать до смерти; кошмарный беспорядок; рукой подать* и др.

Г. широко распространена в разговорной речи: *сто лет тебя не видел; там народу — тьма* и др. Такие гиперболы большей частью лишены индивидуальности, основаны на штампах.

Г. может лежать в основе фразеологического оборота, пословицы, поговорки: *работать до седьмого пота; с ног валиться от усталости* и др.

Г. прошла большой и сложный путь развития от фольклорных произведений многих народов, где подчеркивалась физическая мощь героев, масштаб описываемых событий (*молодец — косая сажень в плечах; пир на весь мир* и т.д.) до произведений литературы, в которых созданы развернутые гиперболические образы *(«Гаргантюа и Пантагрюэль» Ф. Рабле, «Путешествие Гулливера» Д. Свифта, «История одного города» М. Салтыкова-Щедрина, «150 000 000» В. Маяковского* и др.).

Функции Г. различны. В эпоху классицизма она помогала выразить торжественный восторг в классической оде:

Какую радость ощущаю?
Куда я нынче восхищен?
Небесну пищу я вкушаю,
На верх Олимпа вознесен!
(М. Ломоносов)

В эпоху романтизма Г. часто использовалась для описания мира сильных чувств героев: *Кровь кипела в жилах растопленным металлом. Сердце его дрожало, будто в лихорадке* (А. Бестужев-Марлинский).

Признаки, подвергающиеся гиперболизации, — это размер, вес, цвет, количество, интенсивность процессов и т.п. Гиперболизация применяется для описания предметов, явлений природы, исторических событий, при описании мира человека — его внешности, чувств, отношений с другими:

Граждане!
Сегодня рушится тысячелетнее «Прежде».
Сегодня пересматривается миров основа.
Сегодня
До последней пуговицы в одежде
Жизнь переделаем снова.
(В. Маяковский)

И ранней смерти так ужасен вид,
Что не могу на Божий мир глядеть я.
Во мне печаль, которой царь Давид
По-царски одарил тысячелетья.
(А. Ахматова)

Г. используется как яркое характерологическое средство при создании образа, как правило, комического. Гоголь в «Мертвых душах», показывая вздорный характер Ноздрева, насыщает его речь «гиперболическими замечаниями»: *Вот на этом поле, — сказал Ноздрев, указывая пальцем на поле, — русаков такая гибель, что земли не видно; я сам своими руками поймал одного за задние ноги; Вот граница! — сказал Ноздрев. — Все, что ни видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синеет, и все, что за лесом, все мое; Шампанское у нас было такое — что перед ним губернаторское? Просто квас <...>. Веришь ли, что я один в продолжение обеда выпил семнадцать бутылок шампанского!; Одних балаганов, я думаю, было пятьдесят. Фенарди четыре часа вертелся мельницею; Ежели бы я был твоим начальником, я бы тебя повесил на первом дереве; Черта лысого получишь! Хотел, было, даром отдать, но теперь вот не получишь же! Хоть три царства давай, не отдам* и др.

Очень любил Г. Маяковский. Многие его неологизмы — это слова-гиперболы: *любовище, волосища, шеище, омиллионенный* и др.

Г. противоположна мейозису (см.) — намеренному преуменьшению. Возможно и соединение в одном контексте мейозиса и Г., напр.:

***Адище** города окна разбили*
*На крохотные, сосущие светами **адки.***
(В. Маяковский)

*Легло на город громадное **горе***
*И сотни махоньких **горь.***
(В. Маяковский)

При создании Г. могут быть использованы многие другие приемы, например, Оксюморон (см.): *Они своими юморными приколами и **мертвого разбудят*** (ВК, 19 нояб. 1997 г.).

В официально-деловой речи, требующей точности изложения, Г. не употребляется.

Лит.: **Белый А.** Мастерство Гоголя. М.; Л., 1934; **Голуб И.Б**. Гипербола и литота // Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Крысин Л.П.** Гипербола в русской

разговорной речи // Проблемы структурной лингвистики. 1984. М., 1988; **Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990; **Скиба В.А.** «И дольше века длится день»: Гипербола и литота // Русская словесность. 2000. № 5. **Шмелева Т.В.** Гипербола, мейозис, литота: Фрагмент обыденной риторики // Риторика и семантические структуры. Тезисы докладов и сообщений. Красноярск, 1988.

О.Н. Емельянова

ГИПО́ФОРА — разновидность Амплификации (см.), состоящая из риторического или медитативного вопроса, или цепочки вопросов (эта часть Г. называется прокалепсисом), и ответа или — шире — реакции на него (на них). Выполняет двойную функцию — активизации внимания адресата и акцентирования мысли, выраженной в ответной (реагирующей) части вопросно-ответной конструкции. Напр.: 1) *Знаете ли вы украинскую ночь? Нет, вы не знаете украинской ночи* (Н. Гоголь); 2) *И притом, разве Печорин рад своему безверью? Разве он гордится им? Разве он не страдал от него? ...Нет, это не эгоизм: эгоизм не страдает, не обвиняет себя, но доволен собою, рад себе* (В. Белинский); 3) *Не кажется ли вам, что Россия напоминает поезд, который остановился в длинном и темном туннеле. <...> Что ж, нам надо, жизненно необходимо вылезти из вагонов и выйти из черной мглы туннеля. Но — куда идти? Назад или вперед? Надо полагать, что вперед, потому что нельзя входить в историю пятясь* (Ю. Бондарев); 4) *Где гарантии, что эта история не повторится? Что, работая старыми методами, в Минэнерго движутся к перестройке, а не от нее? Что липовая статистика, «незамеченные» несчастные случаи, борьба с неугодными и тайные директорские канцелярии в совокупности своей не обернутся завтра «липовой» экономикой и тотальным подавлением опасных «инициатив», которые будут рассматриваться не более чем помеха администрированию? Нет таких гарантий* (ЛГ, 16 дек. 1987 г.); 5) *Кто и почему вел борьбу с помощью ОМОНА против «Траснефти»? Почему такой крестный бизнесмен, как Владимир Брынцалов, требует «разобраться» с главой компании ЮКОС Михаилом Ходорковским? Что побуждает владельцев Новолипецкого металлургического комбината выступать против Потанина с его «Норильским никелем»? Что делать с крупнейшим владельцем КРАЗа Анатолием Быковым, оказавшимся в тюрьме? Почему ушли из российского бизнеса братья Черные? Во всем этом должны разбираться суды и юристы, а не Президент и Правительство* (РГ, 15 июля 2000 г.).

Г. используется в художественной и публицистической речи (примеры см. выше), а также в ораторской речи, например, в следующих выступлениях писателей М.А. Шолохова и А.И. Солженицына при вручении им Нобелевской премии:

6) *В чем же состоит призвание, каковы задачи художника, считающего себя не подобием безучастного к людским страданиям божества, вознесенного на Олимп над схваткой противоборствующих сил, а сыном своего народа, малой частицей человечества? Говорить с читателем честно, говорить людям правду — подчас суровую, но всегда мужественную, укреплять в человеческих сердцах веру в будущее, в свою силу построить это будущее. Быть борцом за мир во всем мире и воспитывать своим словом таких борцов повсюду, куда это слово доходит. Объединять людей в их естественном и благородном стремлении к прогрессу* (М. Шолохов);

7) *Но кто же и как совместит эти шкалы? Кто создаст человечеству единую систему отсчета — для злодеяний и благодеяний, для нетерпимого и терпимого, как они разграничиваются сегодня? Кто пояснит человечеству, что действительно тяжко и невыносимо, а что только поблизости натирает нам кожу, — и направит гнев к тому, что страшней, а не к тому, что ближе? Кто сумел бы перенести такое понимание через рубеж собственного человеческого опыта? Кто сумел бы косному упрямому человеческому существу внушить чужие дальние горе и радость, понимание масштабов и заблуждений, никогда не пережитых им самим? Бессильны тут и пропаганда, и принуждение, и научные доказательства. Но, к счастью, средство такое в мире есть! Это — искусство. Это — литература* (А. Солженицын).

Г. является одним из средств Диалогизации монологической речи (см.).

Лит.: **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ГИСТЕРОЛО́ГИЯ, или **ГИСТЕРОПРОТЕРОН** (от греч. hysteron — последующее, proteron — предыдущее) — 1) Стилистическая фигура (см.), связанная с таким Порядком слов (см.), который не соответствует логической или временной последовательности описываемых событий. Напр.:

«Антониада», флагман египтян,
Все шестьдесят галер
Бегут и повернули руль.
(В. Шекспир)

Г., как правило, отображает неупорядоченность мыслей и чувств, вызванных какими-либо экстраординарными событиями.

2) Г. может быть не только стилистическим приёмом, но и логической ошибкой*: Он* ***умер и испустил дух****.*

Лит.: **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С**. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; Словарь иностранных слов. М., 1961.

О.Н. Емельянова

ГНО́МА (от греч. gnōmē — изречение, суждение) — жанр афористики; стихотворный Афоризм (см.) поучительно-философского содержания; оригинальная философская мысль, выраженная в отточенной форме (двух- или четырехстишие, чаще написанное гекзаметром):

Счастлив ребенок! И в люльке просторно ему: но дай ему время
Сделаться мужем, и тесен покажется мир
(М. Лермонтов)

Смерть — это мирный сон, отдохновение плоти,
А жизнь — бессонница, пристрастная к заботе
(Абу-ль-Ала аль-Маарри)

Мудрость — вот философских стихов исток и начало!
Всякий предмет тебе разъяснят философские книги.
А уяснится предмет — без труда и слова подберутся.
(Гораций)

Лит.: **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь, М., 1987; Советский энциклопедический словарь. М., 1986; Краткая литературная энциклопедия. Т. 1. М., 1968.

О.Н. Емельянова

ГОМЕОЛО́ГИЯ — Стилистический прием (см.), заключающийся в повторении однотипных морфем, чаще в параллельных отрезках речи.

Выделяют повторение флексий — гомеотелевтон (илл. 1, 4), корневой повтор — гомеоэоптон (илл. 2), повтор одинаковых или однотипных суффиксов (илл. 3), а также повтор однотипных префиксов (илл. 4).

Напр.:

1) *Небо звездно. Ночка ясн**а**. Степь привольн**а**. Жизнь прекрасн**а*** (П. Васильев).

2) ***Крут**ой **круч**е **крут**ого, а **Буйн**ов «**буйн**ее» **буйн**ого* (СГ, 13 марта 1999 г.).

3) *Реве**л**а буря, дождь шуме**л**;*
*Во мраке молнии лета**лц**;*
*Беспрерывно гром греме**л**,*
*И ветры в дебрях бушева**лц**.*
(К. Рылеев)

4) ***Про**звучало над ясной рекою,*
***Про**звенело в померкшем лугу,*
***Про**катилось над рощей немою,*
Засветилось на том берегу.
(А. Фет)

В наибольшей степени Г. характерна для художественных и публицистических текстов, где она выполняет общую для стилистических приемов экспрессивную функцию.

Часто Г. сопровождает фигуры, построенные по принципу синтаксического параллелизма (изоколон, хиазм, период, синтаксическую анафору, синтаксическую эпифору, хиазм), либо фигуры, построенные с участием принципа синтаксического параллелизма (антитезу, климакс, антиклимакс, полисиндетон), и служит для увеличения прагматического эффекта этих фигур (повтор конструкции усиливается морфемным повтором).

Лит.: **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д., 1999; **Гаспаров М.Л.** Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

А.А. Кузнецова

ГРАДА́ЦИЯ (от лат. gradatio — постепенное повышение < gradus — ступень, степень) — Стилистическая фигура (см.), состоящая из ряда словесных компонентов (не менее трех): слов, словосочетаний, частей предложения, предложений, изобразительно-выразительных средств языка, расположенных в порядке их возрастающей, или (реже) убывающей семантической и/или эмоциональной значимости, которая порождает стилистический эффект.

Г. сочетает в себе сопоставление по сходству и по контрасту, поскольку составляющие ее компоненты имеют в значении общее и в то же время противопоставлены друг другу по интенсивности проявления этого общего. В качестве синтаксической основы градационного ряда обычно выступает перечислительная конструкция.

Г. имеет логическую основу (свойство человеческого мышления градуировать объекты действительности, располагать их на шкале относительно точки отсчета).

Г. может быть выражена различными языковыми средствами. Так, нарастание эмоциональной значимости может быть передано фонетическими средствами (интонацией и громкостью голоса), которые на письме обозначаются графически:

Мне тяжко по нею, —
Гляди, — я синею,
Уже сатанею,
Кричу на бегу:
«Не надо за шею!
Не надо за шею!!
Не надо за шею!!! —
Я петь не смогу!»

(В. Высоцкий)

Г. может быть усилена графическими средствами: ***Чистый район. Чистый город. Чистая Сибирь*** (стенд наружной рекламы).

Одной из универсальных форм стилистической фигуры Г. является Г. нумерическая, т.е. построенная при помощи чисел, как правило, из первого десятка или круглых:

Одна *женщина — баба,* ***две*** *женщины — базар, а* ***три*** *— ярмарка* (шутка); *Лагеря расположились вокруг Караганды, и все* ***восемь*** *человек* ***из десяти****, то есть* ***восемьдесят из ста****,* ***восемьсот из тысячи*** *и* ***восемьдесят тысяч из ста тысяч*** *не знали ничего, кроме того, что вокруг были лагеря* (Л. Лиходеев).

Помимо чисел в образовании градационных рядов часто принимают участие слова, связанные гипер-гипонимическими отношениями: *Педагог разрабатывает систему личностных качеств, которые постепенно, поэтапно (****из года в год, из четверти в четверть, из урока в урок****) должны развиваться в учащихся* (из текста доклада);

...каждой Божьей твари
дарован голос для
общенья, пенья:
продленья ***мгновения,***
минуты, дня

(И. Бродский)

Все мы жили рядом с ней и не поняли, что есть она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит ***село****. Ни* ***город****. Ни* ***вся земля наша*** (А. Сол-

женицын). В последнем примере стилистический эффект Г. усилен Парцелляцией (см.).

Основу градационных рядов могут составлять и синонимичные слова или выражения, различающиеся стилистическими окрасками или уточняющие друг друга: *Но подавляющее большинство экранных персонажей Леонида Неведомского олицетворяют собой* ***порядочность, благородство, рыцарственность*** (ВК, 7 февр. 1998 г.); *Жители Нижневартовска в целом «хозяином» довольны: деньги не вывозит, а в город вкладывает, друзьям детства* ***помогает, спонсирует*** *соревнования,* ***меценатствует*** (Профиль, № 1, 2000); *Оказалось, что в политической деятельности очень часто важно ничего* ***не наигрывать, не делать вид, не притворяться****, а просто открыть возможности реализации человека здесь и сейчас* (Эксперт, № 1—2, 2000 г.).

Г. может выступать в роли архитектонической основы текста, средством, обеспечивающим его когерентность. В таком случае Г. реализуется в рамках целого произведения. Например, текст «Сказки о рыбаке и рыбке» А. Пушкина пронизан градационными рядами, отражающими рост уровня запросов старухи, растущий социальный статус и состояние моря: *корыто — изба — терем — царские палаты; старуха — вольная крестьянка — столбовая дворянка — грозная царица — владычица морская; море слегка разыгралось — помутилося синее море — неспокойно синее море — почернело синее море — на море черная буря.*

Различают две основные разновидности Г. — Климакс (см.), или восходящую градацию, и Антиклимакс (см.), или нисходящую градацию.

Лит.: **Ахманова О.С**. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М.** Градация в системе синтаксических фигур // Модели культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 1992; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Новиков Л.А.** Искусство слова. М., 1982; **Розенталь Д.Э., Теленкова Н.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; **Сковородников А.П.** Градация // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Краснояр. гос. ун-т; Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 1999; **Щербаков А.В.** Фигура градация в современном русском языке (К постановке проблемы) // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (9). Красноярск, 2000; **Щербаков А.В.** Проблема определения градации как стилистической фигуры в лингвистической литературе // Риторика — Лингвистика 3: Сб. ст. Смоленск, 2001; Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. 2-е изд. М., 1998.

А.В. Щербаков

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ТРОП, или **ГРАММАТИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА,** или **АЛЛЕОТЕ́ТА**, — стилистический прием, состоящий в употреблении какой-либо грамматической формы (формы числа, лица, времени, вида, залога, наклонения) не в своем прямом (собственном) значении; иными словами, использование одной грамматической формы для передачи содержания (значения) другой грамматической формы (как правило, с добавлением какой-либо коннотации), например, употребление формы глагола настоящего времени в значении прошедшего, формы глагола сослагательного наклонения вместо повелительного и, наоборот,

повелительного вместо сослагательного. Переносно могут употребляться также формы глаголов будущего и прошедшего времени. Вот несколько примеров необычного употребления разных грамматических форм, которые можно квалифицировать как грамматические тропы (Г.т.).

1) *Только, понимаешь,* ***выхожу*** *от мирового, глядь — лошадки мои* ***стоят*** *смирнехонько около Ивана Михайловича* (И. Бунин). Здесь представлено так называемое настоящее историческое (praesens historicum) — употребление форм настоящего времени глагола в значении прошедшего, дающее изобразительный эффект «образной актуализации прошедших событий <...>, когда действия изображаются так, как будто они протекают перед глазами говорящего» (Русская грамматика, 1980, т. 1. С. 632).

2) *...И как судьба меня ни* ***хлопай****,*
Я устремлен душою всей
К тебе, о синий Енисей!
(И. Северянин)

Здесь наблюдается употребление формы повелительного наклонения в значении сослагательного, что придает высказыванию оттенок разговорной непринужденности.

3) *Он вышел из-за своего большого рабочего стола, и мы уселись в креслах около низкого дополнительного стола <...> Меня* ***выслушали*** *внимательно,* ***пометили*** *что-то в блокноте,* ***спросили****: — Это и все, с чем вы пришли?* (В. Солоухин). Употребление форм множественного числа прошедшего времени глаголов-сказуемых вместо форм единственного числа при отсутствии подлежащего актуализирует, подчеркивает действия и в то же время придает особую значимость субъекту действия — лицу, намеренно представленному как грамматически неопределенное.

4) *Плыли по небу тучки.*
Тучек — четыре штучки <...>
И следом за ними, гонясь и ***сжирав****,*
Солнце погналось — желтый жираф.
(В. Маяковский)

Употребление ненормативной формы деепричастия совершенного вида вместо требуемой грамматическим контекстом формы несовершенного вида «сжирая» изображает действие одновременно в его протекании и результативности.

5) Коротич. *Мы выдумываем Путина.*

Глас народа. *Это вы* ***свою Кучму*** *выдумали.* (Зав. № 6. 2000 г.)

Употребление формы местоимения женского рода вместо необходимого в данном случае мужского придает высказыванию отрицательную оценочность.

6) *Однако кому-то наши успехи оказались не по душе. «****Шмелевы и абалкины****» включили все рычаги и добились в 1990 г. небывалого в мировой истории пьяного бюджета* (РВ. № 15—17. 1994 г.). Употребление фамилий конкретных лиц в форме множественного числа, на фоне общей тональности контекста, приобретает обобщающе-уничижительное значение.

Аналогичная по тональности экспрессия создается при использовании форм среднего рода для характеристики людей (уничижительная окраска возникает из несоответствия вещественного и грамматического значений, т.к. средний род обозначает в языке прежде всего неживое) (Миронова Т.А., 1989. С. 84). Напр.:

7) *Ведь ей-Богу, — и это стоит отметить, — все* ***оно****, вплоть до невинно-безалаберного Бурцева,* ***левое*** *и* ***правое****,* ***принялось*** *кричать вместе с большевиками о патриотическом подъеме в Совдепии, в Красной армии, против «гнусной Польши», отнимающей у «России» Украйну, объявляющей ее «самостийность».*

Орало *без различия партий.* (З. Гиппиус).

Переносное употребление разных временных форм глагола может совмещаться в одном микроконтексте:

8) ***Стрекочут*** *кузнечики, нестерпимый зной* ***стоит*** *над лугом. Ребята принесли бидоны с квасом.* ***Поставят*** *посуду и* ***отправятся*** *к озерку* (В. Песков).

Механизм действия Г.т. характеризуется тем, что «обычное грамматическое значение формы и ситуативное, переносное приходят в противоречие» (Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В., 1987. С. 83). Этот конфликт может быть разного характера: внешний и внутренний. Внешний конфликт отражает противоречия, во-первых, между формой и контекстом ее употребления, во-вторых, между реальной ситуацией и избранной формой <...>. «Разнообразные значения тропеических форм используются для а) индивидуализации, идентификации изображаемого: ***Заяц*** *готов зимовать. Однако* ***он*** *поспешил одеться — зима застряла где-то в лесах вологодских... За этим* ***зайцем****, опередившим зиму, и ходят в лес охотники* (В. Песков); б) обобщения, типизации: *Мы летим во весь опор к цели неизвестной. Чем окончится наш бег? Знать не может* ***человек*** (А.К. Толстой); в) выявления разного рода эмоционально-оценочных значений: *— И не надо больше говорить на эту тему. Ясно? — Господи, батюшка! — опешила мать. — И слова* ***не скажи****. Замордовала мужика, а ей слова* ***не скажи*** (В. Шукшин)» (Там же. — С. 83).

«Внутренний конфликт предполагает противоречие между грамматическим значением формы и лексическим значением слова, стоящего в этой форме». Напр., употребление вещественных и отвлеченных существительных со значением неисчисляемости, обладающих только формой единственного числа (золото, холод, свежесть и др.), в форме множественного числа рассматривается как Г.т. с эстетической значимостью:

В мураве колеи утопают,
А за ними, с обеих сторон,
В сизых ***ржах*** *васильки зацветают,*
Бирюзовый виднеется лен.
(И. Бунин)

Темный ельник, как мехом,
Опушили седые ***морозы****,*
В блестках инея, точно в алмазах,
Задремали, склонившись, березы.
(И. Бунин)

(См.: Баскакова Н.М., Чмыхова Л.В. Указ. соч. С. 84).

По мнению Э.М. Береговской, «контраст между грамматической формой и лексическим наполнением — самый бросающийся в глаза контраст, он создает самую яркую грамматическую метафору» (Береговская Э.М., 1998. С. 123). По-видимому, яркость грамматической метафоры в таком случае зависит от степени отклонения используемой грамматической формы от языковой нормы. Такое отклонение может быть относительным, как в последнем примере (форма мн. числа предл. падежа «ржах», как и другие падежные формы мн. числа этого существительного, находится в пределах разговорной нормы; ср. формы «овсы — овсах»,

не имеющие стилистических ограничений), и абсолютным (не соответствующим ни книжной, ни разговорной норме), как, например, форма мн. числа родит. падежа существительного «смехов» в следующем тексте:

9) *Хоть смеялся я тише всех,*
Но от смеха под парту съехал,
Потому что бесшумный смех —
Самый сильный из всех ***смехов****.*
(О. Григорьев)

Последний пример близок к солецизму — нарушению грамматических норм литературного языка без ущерба для понимания высказывания (например: «Сколько время?» в бытовом просторечии). От солецизма Г.т. отличается наличием переноса семантики одной грамматической формы на другую грамматическую форму. Напр.:

10) *Удач я в жизни знал немало,*
Но все они со знаком НЕ —
Не исключало, не сажало
И не убило на войне.
(Е. Аграновић)

Здесь эффект обобщения с комическим оттенком достигается благодаря тому, что глаголы «исключать» и «сажать» употреблены в нейсвойственном им безличном значении по аналогии с глаголом «убить», для которого употребление в безличном значении нормативно (Ср.: «Его не убило на войне» и «Его не сажало в тюрьму»).

Сравнивая приведенные выше примеры Г.т., можно заметить, что некоторые Г.т. воспроизводятся в речи более или менее регулярно и, по сути дела, являются фактами языковой стилистической системы (см. илл. 1, 2, 3, 6, 7, 8), другие же представляют собой факты индивидуально-авторской стилистики (см. илл. 4, 5, 9, 10).

Лит.: **Береговская Э.М.** К проблеме грамматической метафоры // Четвертые Поливановские чтения: Сборник научных статей по материалам докладов и сообщений. Ч. 4. Слово в тексте (Смоленск, 19—20 мая 1998 г.). Смоленск, 1998; **Зубова Л.В.** Категория рода и лингвистический эксперимент в современной русской поэзии // Проблемы функциональной грамматики: Категории морфологии и синтаксиса в высказывании. СПб., 2000; Русская грамматика. Т. 1. М., 1980; **Миронова Т.А.** О некоторых выразительных возможностях категории рода // Стилистика и поэтика. Тезисы всесоюзной научной конференции (Звенигород, 9—11 ноября 1989 года). Вып. 1. М., 1989; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В**. Грамматический троп и амплификация // Проблемы экспрессивной стилистики. Изд-во Ростовского ун-та, 1987.

А.П. Сковородников

ГРАФО́Н — Стилистический прием (см.), представляющий собой стилистически значимое отклонение от графического стандарта и/или орфографической нормы. На фоне графически стандартного и орфографически нормативного текста необычные, но мотивированные стилистическим контекстом написания (начертания) слов (разные шрифтовые выделения, разрядка, дефисация, введение в основной текст инородных знаков, написание прописной вместо строчной и дру-

гие графико-орфографические альтернативы), а также фигурное расположение текста на плоскости листа — приобретают прагматическую нагрузку (экспрессивно-выделительную, эмоционально-оценочную, эстетическую).

Графика как средство зрительного выделения психологически акцентированного слова в стилистически организованном контексте нашла широкое и разнообразное использование в художественной литературе и публицистике. Наиболее распространенными средствами графического выделения слова или его части являются (примеры подчеркнуты нами. — *А.С.*):

— **курсив**: 1) — Разве вы *бьете* своих детей, моя милая? — спросила бабушка, значительно поднимая брови и делая особенное ударение на слово *бьете* (Л. Толстой);

— **дефисация** (морфемное членение слова с помощью дефиса): 2) *Катастрофа не кончилась*: *черно-быль* (ЛР, 13 апр. 1990 г.);

— **факультативные кавычки**: 3) *С ним* [президентом В.В. Путиным. — *А.С.*], *может быть, и не сделаешь грандиозных реформ, но зато можно не бояться непонятных «рокировочек» и «загогулин»* (АиФ, № 6, 2001 г.);

— **прописные буквы вместо строчных или наоборот строчные вместо прописных**: 4) *Там* [на Окинаве. — *А.С.*] *рассчитывали встретить слабого российского президента, которого со дня на день раздавят олигархи, губернаторы и СМИ, за которым нет никакой реальной силы. Вместо этого им предстал Президент, опирающийся на большую часть общества, на Думу, на воюющую армию, на РВСН, на активно работающие спецслужбы* (Зав. № 30, 2000 г.); 5. *Но уже сегодня началась жестокая борьба за него* [издательство «Московский писатель». — *А.С.*]: *«виктор ерофеев» (вовсе не желаю обидеть коллегу написанием его имени и фамилии с малой буквы, но обозначаю этим некую множественость, некое явление, всплывающее на волне перестройки) со своими аппетитами рвется завладеть и этим издательством* (ЛР, 21 июля 1989 г.);

— **включение в графический облик слова элементов иных знаковых систем** (например, букв латинского алфавита или цифр): 6) *Федоров VIPендривается в «Шереметьеве»* (КП, 22 сент. 1995 г.); 7) *У про100го 100рожа непро100рный дом:/ Ча100 в нем 100ножка / Бродит под 100лом* (В. Хотомска);

— **отклонение от орфографической нормы, совмещенное с переосмыслением слова:** 8) *Какой ценизм! Свободному народу — свободные цены?* (КП, 1 ноября 1991 г.); 9) *Да, шпионов, похоже, ловить полегче будет, нежели доморощенной Козе Ностре рога обламывать* (Ком., 19 авг. 1998 г.);

— **совмещение вышеуказанных способов в различных комбинациях**: 10) *Сам-то я уж привык, но когда скажешь кому-нибудь, что камень из ГЕФ-СИМАН-СКОГО сада, даже и самому уже не верится. Из Гефсиманского сада!* (В. Солоухин); 11) *Небрежная верстка прошлого выпуска «КИРПИЧА» — следствие нашей неопытности, спешки и т.п. <...>* (КО, 3 авг. 1990 г.); 12) *А методы хозяйствования этого директора ничем не отличаются от методов тысяч других «бес-хозяйственников» — пятый год ржавеет импортное оборудование на 3 миллиона...* (СР, 6 дек. 1991 г.); 13) *<...>* Просто странно, что люди, всерьез называющие себя демократами, на словах исповедующие и *разно*-гласие, и *разно*-мыслие, на деле предпочитают иное (ЛР , 6 апр. 1990 г.).

Г., как правило, является средством совмещения, конденсации нескольких смыслов в одном языковом знаке — слове, которое, в свою очередь, тесно связано по смыслу с более широким контекстом (целого произведения или его фрагмента). Особенно ярко проявляется это свойство у Г., создаваемых на основе ок-

казионального словообразования, например: 14) *Так и хочется ПРЕСЛИзиться* (КП, 11 марта 1993 г.) — заголовок статьи, посвященный памяти Пресли; 15) *КУБАметр демократии* (МН, 28 февр. 1993 г.) — заголовок статьи о специфике демократии на Кубе; 16) *Давайте поМИНДАЛЬничаем* (Тр., 29 марта — 4 апр. 2001 г.) — заголовок статьи о выращивании земляного миндаля.

Г. часто выступает в составе Стилистической конвергенции (см.). Напр.: 17) ...А происходившее так ясно, так несомненно было не-воз-мож-но, что только незнаньем оправдывалась, думали мы, беспечность Европы, не понимающей, что горит дом *соседний*, а пожар такого рода, что не может на одном доме остановиться (З. Гиппиус) (синонимический повтор, графон-разрядка, инверсия, графон-курсив, метафора);

18) *Повели в совдеп.*

Захлестнулось — теперь никуда! — иду, как на аркане, и странно, как по воздуху, вот настолечко от земли! — фонарь — в фонаре свистит, ишь, запутался в трамвайной проволоке, ну! —

Забегает — забегает —
нет, не поддается!
— да хлоп комок под ноги!
и ускакал. (А. Ремизов) (совмещаются фигурное расположение текста на плоскости листа, нестандартная пунктуация, нестандартный эллипсис).

Основная функция Г. — выделительно-актуализирующая. В пределах этой функции Г. выполняет разнообразные частные функции, в том числе: усиливает авторскую оценку или эмоцию (илл. 4, 8, 10, 12, 22); выделяет «чужие» слова (илл. 3); создает смысловую многоплановость слова, «приращение смысла» (илл. 2, 5, 13); участвует в создании комического эффекта (илл. 6, 7, 9, 14, 15, 16, 19); усиливает изобразительность (илл. 20, 21):

19) *Врач напомнил дяде Мите:/ — Не забудьте об одном:/ Обязательно примите/ Десять капель перед сном* (А. Шибаев); 20) *Гулял в жару, в мороз и в сырость,/ Гулял, ГУЛЯЛ, ГУЛЯЛ и вырос* (В. Левин) (Г., построенный по принципу градации, служит средством художественного изображения процесса роста); 21) *Рас-стояние: версты, мили... /Нас рас-ставили, рас-садили,/ Чтобы тихо себя вели,/ По двум разным концам земли* (Начало стихотворения М. Цветаевой, посвященного Б. Пастернаку). (Здесь повторяющийся Г., совмещенный с повтором приставки рас-, позволяет «обнажить» внутреннюю форму слов и тем самым расставить нужные автору стихотворения смысловые акценты: подчеркнуть сердечную боль поэта, происходящую от разделения, разъединения с Родиной и друзьями); 22) *Они* [бывшие трудящиеся. — *А.С.*] *стоят в очередях не в магазинах, чем пугал когда-то гайдар-чубайс-немцов и далее по списку премьеров, а в очередях к мусорным ящикам, как сделал гайдар-чубайс-немцов и далее по списку* (Зав. № 4. 2000 г.) (мотивированное авторским намерением и контекстом отклонение от графико-орфографической нормы в написании имен собственных используется здесь для создания эффекта экспрессивного обобщения).

В настоящее время Г. является фигурой речи, широко используемой в художественных и газетно-публицистических текстах, а также — в рекламе.

Лит.: **Емельянова Л.Л.** Нарушение орфографической нормы как средство создания стилистического эффекта // ФН., 1976. № 1; **Гаранина Е.А.** Языковые средства выражения комического в детской литературе: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998; **Не-**

фляшева И.А. Перлокутивный эффект графических альтернатив слова // Речевое воздействие в разных формах речи. Вып. 4. Материалы Всероссийской научной конференции «Проблемы речевого воздействия» (Лиманчик — 96). Ростов н/Д, 1996; **Панасанко Е.Г.** Орфография и культура (прописная буква в середине слова) // Филология и журналистика в контексте культуры (Лиманчик — 98): Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 4. Ростов н/Д, 1998; Попова Т.И. Параграфемные средства выражения коммуникативной ситуации автор-читатель в газетном тексте (на материале русских и советских газет 1901—1987 гг.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1988.; **Сковородников А.П.** Графон // Речевое общение: Специалицированный вестник. Вып. (4) 12. Красноярск, 2002; **Тетеревятникова Н.Ф.** К вопросу о графических средствах выражения невербализованного коммуникативного смысла // Филология и журналистика в контексте культуры (Лиманчик — 98): Материалы Всероссийской научной конференции. Вып. 4. Ростов н/Д., 1998; **Тихонова М.П.** Людическая функция в современной французской поэзии для детей: игра на фонологическом уровне (На материале сборников М. Карема, Ж. Шарпентро, Ж.-Л. Моро, Л. Беримона, К. Руа, П. Корана) // Экспрессивность в языке и речи: Сб. научных трудов. Смоленск: СГПИ, 1993.

А.П. Сковородников

ГРОТЕ́СК (от итал. grottesco, от итал. grotto — грот) — вид художественной образности, принцип изображения действительности, основанный на преувеличении, носящем фантастический характер: переплетение, смешение фантастики с действительностью, нереального с реальным, настоящего с будущим (или прошлым) или сочетание реального с реальным, но носящее фантастический характер, т.е. сочетание несочетаемого, совмещение несовместимого в природе и обществе (мифология, произведения Ф. Рабле, Н. Гоголя, Ф. Кафки, М. Булгакова, Х. Босха, П. Брейгеля, О. Домье и др.).

Термин *гротеск* появился в Италии после находки Рафаэлем и его учениками при раскопках в Риме древних подземных зданий, гротов (отсюда и слово *гротеск*), где были обнаружены странные орнаменты, причудливо сочетающие декоративные и изобразительные мотивы. Поэтому первоначально гротеском назывались искаженные изображения, уродливость которых была обусловлена теснотой площади, не позволявшей дать правильный реальный рисунок. Со временем этим же термином стали называть и явления других видов искусства, хотя сами эти явления возникли намного раньше слова *гротеск*. Мы встречаемся с ними в архаическом искусстве и в мифологии всех народов. Во все эпохи гротеск продолжал свое развитие в литературе и искусстве, с разной степенью интенсивности, но никогда не исчезая из искусства совершенно. Различаются конкретно-исторические типы гротеска: архаический и мифологический гротеск, гротеск средних веков и эпохи Возрождения, романтический гротеск, модернистский и проч.

Одни ученые считают главным в гротеске элемент карикатуры (Гартман, Эберхард, Краузе и др.), другие видят его сущность в фантастике и юморе (Фишер, Кестлин и проч). Значительная часть русских (советских) ученых понимает под гротеском только преувеличение, носящее фантастический характер.

Как одна из форм художественной условности гротеск родствен, например, Гиперболе (см.). Родствен гротеск и Парадоксу (см.), который также сближает

далекое, сочетает несочетаемое, вскрывает противоречия действительности, но не тождествен ему, т.к. парадокс ограничивается неожиданным взглядом на обычные предметы и явления. Гротеск же переформировывает эти предметы и явления, пересоздает действительность так, что она приобретает странный вид: пересечение времен, структурное соединение воедино предметов, принадлежащих к разным жизненным рядам. Например, в «Золотом горшке» Гофмана героиня — торговка яблоками и параллельно ведьма; Линдгорст — старик архивариус и огненная саламандра по ночам.

Один из важнейших спорных вопросов в теории гротеска — является ли комическое его обязательной сущностью или нет. Фишер определяет гротеск как «комическое в форме чудесного», «мифологическую комику». Этой же точки зрения придерживаются А. Вулис, М. Бахтин и др. Против такого понимания выступал Гегель, утверждавший в своей «Эстетике», что гротеск может быть формой раскрытия трагического или безобразного, любых «борющихся друг с другом элементов».

В советском литературоведении долго господствовал тезис о том, что гротеск и сатира понятия почти совпадающие: гротеск — форма сатирического изображения, сатиры без гротеска не бывает. Однако эта точка зрения все чаще опровергается (Г. Абрамович, А. Бушмин, Б. Дземидок, Д. Николаев, В. Фролов и проч.).

Очень важным является вопрос и об отношении гротеска к реализму. Первоначально считалось, что гротеск по своей сути враждебен реализму, как и другие формы художественной условности. В настоящее время почти всеми учеными признается правомерность существования гротеска в реалистическом искусстве, но, как правило, с оговорками и уточнениями относительно меры употребления и подчиненного положения гротеска в этом случае (В. Синенко, Н. Виденеев, А. Бушмин). Таким образом, вопрос о реалистичности гротеска и о реалистической условности вообще привлекает все большее внимание исследователей, но остается пока неразработанным (как у нас, так и за рубежом). Нельзя однако не признавать того факта, что возможность существования реализма в формах художественной условности доказывается новым расцветом гротеска именно в произведениях реалистических, таких, как: «Нос» и «Записки сумасшедшего» Н. Гоголя; «Сказки» и «История одного города» М. Салтыкова-Щедрина; «Двойник» Достоевского; «Иван Васильевич» М. Булгакова; «Мистерия-буфф», «150 000 000», «Прозаседавшиеся», «Клоп», «Баня» В. Маяковского; «Теркин на том свете» А. Твардовского и т.п.

Лит.: **Бахтин М.М.** Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; **Манн Ю.** О гротеске в литературе. М., 1966; **Николаев Д.** Сатира Щедрина и реалистический гротеск. М., 1977; **Шкловский В.** Теория гротеска в книге М. Бахтина // Тетива. О несходстве сходного. М., 1970.

О.Н. Емельянова

Д

ДЕЛИБЕРАТИ́ВНЫЙ ВОПРОС (от лат. dēlibĕrāre — взвешивать, обсуждать, обдумывать), или **ВОПРОС ОБСУЖДАЮЩИЙ, ВОПРОС СПЕКУЛЯТИВНЫЙ, ВОПРОС КОНСУЛЬТАТИВНЫЙ**, — вопрос, адресуемый говорящим самому себе. Д.в. приглашает к раздумью не собеседников, а самого адресанта. В отличие от Риторического вопроса (см.) он не содержит ни утверждений, ни отрицаний. Адресат (он же адресант) делиберативного вопроса (т.е. сам говорящий, пишущий) может быть назван непосредственно, но может подсказываться и ситуацией речи. Поскольку основной функцией Д.в. является выражение эмоционального размышления, их иногда рассматривают среди Медитативных вопросов (см.). Д.в. часто используются в лирике. Напр.:

1) *Зачем я не птица, не ворон степной,*
Пролетевший сейчас надо мной?
Зачем не могу в небесах я парить
И одну лишь свободу любить?
(М. Лермонтов)

2) *Не знаю я, коснется ль благодать*
Моей души болезненно-греховной,
Удастся ль ей воскреснуть и восстать,
Пройдет ли обморок духовный?
(Ф. Тютчев)

3) *Без нее ночью мне*
Месяц сумрачнен;
Среди дня без огня
Ходит солнышко.
Без нее кто меня
Примет ласково?
На чью грудь отдохнуть
Склоню голову?
Без нее на чью речь
Улыбнуся я?
Чья мне песнь, чей привет
Будет по сердцу?
(А. Кольцов)

4) *Озарися, дол туманный,*
Расступися, мрак густой,

Где найду исход желанный?
Где воскресну я душой?
(В. Жуковский)

Элементарные формы Д.в. представлены в «разговорах с самим собой», в частности, во внутренней речи персонажей художественных произведений, например: *«**Что бы такое сказать ему?**» — подумал Чичиков и после минутного размышления объявил, что мертвые души нужны ему для приобретения весу в обществе <...>* (Н. Гоголь).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Хасимова Г.Г.** Медитативные вопросы в поэтической речи // Риторика и синтаксические структуры: Тезисы краевой научно-практ. конференции 1—3 февраля 1989 г. Красноярск, 1988.

А.П. Сковородников

ДИА́КОПА. То же, что Тмезис.

ДИАЛЕКТИ́ЗМЫ (от греч. dialektos — говор, наречие) — элементы какого-либо территориального диалекта, широко используемые за его пределами, в общей речи. ***Хата*** — *изба,* ***кочет*** — *петух,* ***драть зерно*** — *очищать зерно от шелухи* и др.

Некоторые Д. включаются в литературную речь и фиксируются толковыми словарями языка с пометой *обл.* (*областное*). Так, например, «Словарь русского языка» С.И. Ожегова фиксирует ряд «местных, диалектных слов, употребляемых в литературной речи при необходимости охарактеризовать то или иное явление выразительными средствами не литературного языка, а местной диалектной речи» (Ожегов С.И., 1961. С. 7): ***вёдро*** — *летняя сухая погода;* ***городьба*** — *ограда, забор;* ***зеленя́*** — *всходы озимых и яровых хлебов;* ***клуша*** — *курица-наседка;* ***кучерявый*** — *то же, что кудрявый* и др.

Д. в литературной речи являются отступлениями от языковой нормы.

Различают Д. фонетические (отражающие особенности звуковой, произносительной системы говора): *с**я**стра — сестра; дру**х** — друг;* грамматические (передающие особенности образования форм частей речи, перехода из одного грамматического рода в другой и т.п.): *иде**ть** — идет, у жен**е** — у жены, приехал **с** города — приехал из города*; словообразовательные (отличающиеся от литературных единиц словообразовательной структурой при тождественности значений): *черни**ц**а — черника, там**ака** — там*; семантические (имеющие свое, иное, чем в литературном языке, значение): ***худой*** — *плохой,* ***погода*** — *ненастье*; собственно лексические Д. (местные названия предметов и явлений, имеющие синонимы в литературном языке): ***качка*** — *утка,* ***анадысь*** — *недавно* и др.

В литературной речи Д. используются с различными стилистическими целями. Часто они выполняют номинативно-стилистическую функцию — помогают обрисовать быт, нравы и обычаи народа, воспроизвести местный колорит, обозначая специфические для культуры данного региона предметы и явления: *Сложен он был неуклюже, **«сбитнем»**, как говорят у нас* (И.С. Тургенев); *На нем была довольно опрятная суконная **чуйка**, вдетая на один рукав* (И.С. Тургенев).

Д. являются распространенным средством создания выразительного, экспрессивно окрашенного текста:

В терем темный, в лес зеленый,
На шелковы ***купыри,***
Уведу тебя под склоны
Вплоть до маковой зари.
(С. Есенин)

И, конечно, Д. выполняют характерологическую функцию — передают особенности речи персонажей художественного произведения (речь крестьянина или деревенского жителя; речь человека, проживающего в определенной местности; речь человека из народа; речь просто малообразованного или вовсе необразованного человека и др.), тем самым помогая созданию социальной и индивидуальной характеристики героя. Однако и использование Д. в художественной речи требует от автора чувства меры и вкуса, т.к. чрезмерное увлечение Д. может привести к ухудшению качества текста — засорению языка произведения малопонятными или вовсе непонятными словами.

«Введение диалектной лексики в произведения публицистического стиля возможно, но требует большой осторожности. В публицистике нежелательно употребление диалектизмов наравне с литературной лексикой, особенно недопустимы диалектизмы в авторском повествовании <...>. Совершенно недопустимо использование диалектных слов, значения которых не вполне ясно автору <...> Употребление диалектизмов не оправдано даже как характерологическое средство, если автор приводит слова героев, сказанные в официальной обстановке. <...> В таких случаях диалектизмы создают недопустимый разнобой речевых средств, потому что в беседе с журналистами сельские жители стараются говорить на литературном языке» (Голуб И.Б. 2001. С. 79—80).

В научном и официально-деловом стилях Д. не используются.

Лит.: **Балахонова Л.И.** Художественная литература как источник лексических новообразований устной речи в современных нормативно-текстовых словарях // Практическая лексикография: 100 лет словарной картотеке. М., 1989; **Блинова О.И.** Региональная лексикология и стилистика художественной речи // Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1975; **Блинова О.И.** Язык художественного произведения как источник диалектной лексикографии // Региональные особенности Восточно-славянских языков, литератур, фольклора и методы их изучения. Тюмень, 1985. Ч. 1; **Борисова А.Н., Грузберг Л.А., Шварц А.П.** Диалектизмы в произведениях уральских писателей как материал для диалектной лексикологии и лексикографии // Лингвистическое краеведение Прикамья. Пермь, 1978; **Ваулина С.С.** Лексические диалектизмы в произведениях В. Распутина // Материалы по русско-славянскому языкознанию. Воронеж, 1982; **Винокур Т.Г.** Воспроизведение особенностей разговорной речи в художественном тексте: К построению типологии приема // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 2001; **Иванова Н.И**. Диалектизмы в «Деревенском детективе» В. Липатова: К вопросу о языке художественного произведения русской литературы // Русское слово в языке и речи. Кемерово, 1976; **Иванова Н.И**. Достоверность использования диалектных слов в произведениях И.З. Елегечева: К вопросу о языке художественной литературы как источнике региональной лексикографии // Проблемы изучения русских говоров вторичного образования. Кемерово, 1983; **Коготкова Т.С.** Внелитературная лексика в драме В. Распутина «Последний срок» // Куль-

тура речи на сцене и на экране. М., 1986; **Котков Н.С**. Местный речевой колорит в рассказе И.А. Бунина «Антоновские яблоки» // Материалы и исследования по русской диалектологии. М.: АН СССР, 1959. Т. 1; **Курносова И.М**. Диалектная лексика в художественной прозе начала XX в. (На материале произведений И.А.Бунина, В.В.Вересаева, Е.И. Замятина): Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1995; **Марков** Д.А. Заметки о диалектизмах в романе П.И. Мельникова-Печерского «В лесах»: Материалы для областного словаря // Труды Орехово-Зуевского педагогического института, 1960; **Некрасова Е.А.** Семантические диалектизмы в художественных текстах // Исследования по русской диалектологии. М., 1973; **Нечаева О.А**. Диалектизмы в художественной литературе Сибири // Труды кафедр русского языка вузов Восточной Сибири и Дальнего Востока. Якутск, 1960. Вып. 1**; Ожегов С.И.** Словарь русского языка. 4-е изд. М., 1961; **Оссовецкий И.А.** Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50—60 годов // Вопросы языка современной русской литературы. М., 1971; **Петрищева Е.Ф.** Внелитературная лексика в современной художественной прозе // Стилистика художественной литературы. М.: Наука, 1982; **Попова Н.В.** О диалектизмах и иных стилистически окрашенных словах в «Записках охотника Восточной Сибири» А.А. Черкасова и их отражении в толковых словарях литературного языка // Вопросы изучения лексики русских народных говоров: Диалектная лексика, 1971. Л., 1972; **Прохорова В.Н.** Диалектизмы в языке художественной литературы. М., 1957; **Рыбникова М.А.** Литературный язык и местные говоры Литературная учеба, 1935. № 6; **Санина Г.Г.** Семантико-стилистические функции разговорно-бытовой лексики в пьесах А.Н. Арбузова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1986; **Скитова Ф.Л., Грузберг Л.А.** Диалектизмы в произведениях местных писателей как материал для диалектологических исследований // Живое слово в русской речи Прикамья. Пермь, 1979; **Черных** П.Я. К вопросу о приемах художественного воспроизведения народной речи // Русский язык в Сибири. Иркутск, 1937; **Чудакова М.** Заметки о языке современной прозы // Новый мир, 1972. № 1.

О.Н. Емельянова

ДИАЛОГИЗА́ЦИЯ МОНОЛОГИ́ЧЕСКОЙ РЕЧИ — определенная стратегия речевого поведения, а также комплекс обслуживающих ее риторических приемов, способствующих реализации риторического закона гармонизирующего диалога, суть которого в том, чтобы видеть в адресате (собеседнике или аудитории) не пассивный объект, а активный субъект равноправного речевого взаимодействия. «При диалогизации сообщения автор не просто высказывает свою точку зрения или обращается к слушателю. Он предугадывает возможную реакцию собеседника и отвечает на нее, **т.е. происходит драматизация выступления»** (Богомолова М.А., 1987. С. 92). Это влечет за собой введение в речь ритора определенного количества лексических, грамматических и стилистических средств, с одной стороны, предвосхищающих реакцию адресата, а с другой стороны, способствующих установлению контакта, интимизации сообщения.

Задаче установления активного взаимодействия ритора и адресата, другими словами, диалогизации монологической речи (Д.м.р.) ритора, служит ряд риторических приемов, в частности стилистических фигур. Например, Риторическое восклицание, (см.), Риторический вопрос (см.) Риторическое обращение (см.), называемые иногда фигурами выделения. Они нацелены на привлечение внимания адресата к той мысли, которая находится в данный момент в

центре внимания ритора, и на формирование эмоционального отношения к ней (см.: Михальская А.К., 1996. С. 239—241). Введение Чужой речи (см.), по мнению П. Сергеича, одна из наиболее сильных фигур, служащих формированию нравственных оценок, мнений, а также для оживления рассуждений (Сергеич П. 1988. С. 61).

Выделяются также риторические тактики (называемые иногда фигурами), «помогающие говорящему установить эмоциональный контакт с адресатом, способствующие установлению диалогической гармонии и сотрудничества между ними»: 1) ободрение и одобрение — «фигура косвенной или прямой хвалы и внушения бодрости и надежды слушателям. Особенно необходима (и поэтому часто используется) в начале и особенно в конце публичной речи»; 2) «фигура умаления (мейозис) — признание говорящим ошибочности своих прежних взглядов, выражение сожаления по поводу собственных ошибок — мощнейший способ возбуждения симпатий слушателей»; 3) «фигура уступки (допущения) — концессио. Эта фигура состоит в том, что говорящий сперва как бы соглашается с мнением оппонента, а потом анализируя его, разбирая, вместе с адресатом своей речи приходит к тому, что это мнение неверно (и подводит к этому слушателя)» (Михальская А.К., 1996. С. 243—245).

Разные способы Д.м.р., рекомендуемые риторикой и применяемые в ораторском монологе, используются, с большим или меньшим своеобразием, и в текстах художественных, публицистических, научных.

Проблема Д.м.р. и — шире — диалогичности в художественной речи весьма специфична (см., напр.: Одинцов В.В., 1973. С. 61—98). Что касается текстов научных и публицистических, то, при наличии определенной специфики у каждого стиля, здесь можно наметить ряд общих признаков и средств Д.м.р., а именно: 1) вопросительные предложения (в том числе риторические вопросы) и вопросно-ответные комплексы; 2) чужая речь (в научном стиле обычно в виде цитации); 3) косвенная речь как пересказ чужого мнения (точки зрения), с которым соглашается либо не соглашается автор; 4) прямые обращения к читателю-слушателю (преимущественно в форме будущего времени глагола изъявительного наклонения, типа *Посмотрим теперь на...*, *Попробуем отсюда извлечь...* и т.п.); 5) введение в речь эмоционально-оценочной лексики, модальных слов, вводных слов и словосочетаний, образных средств, стилистических фигур и других экспрессивных средств.

Отмечено также широкое использование в научных текстах в целях Д.м.р. так называемых «конструкций и оборотов связи», например: *Вернемся к основной теме..., Остановимся на этом подробнее..., Обратимся к примерам...* и т.п. В публицистике средством Д.м.р. выступают специфические высказывания (обороты), целью которых является нейтрализация возможного недоверия читателя (слушателя), предупреждение неправильного понимания им сказанного (написанного). Напр.: *Вы, может быть, не поверите, так пусть вас убедит...; Может, конечно, показаться, что...; Я, конечно, не хочу сказать, что...; Не нужно понимать это так, что...* и т.п.

В обоих стилях (публицистическом и научном) используется Д.м.р. с приведением мнения противной стороны (оппонента). Причем при изложении мнения оппонента обычно выражается отношение к нему автора текста, что влечет за собой использование оценочной лексики и фразеологии, иронии, комментариев, контраргументов и т.д.

Разумеется, разные стили и жанры, а тем более индивидуальные речевые произведения (тексты) отличаются степенью Д.м.р. («выраженностью» участников диалога) и конкретными языковыми средствами ее воплощения.

Лит.: **Богомолова М.А.** Диалогизация выступления как один из аспектов персонификации телевизионного сообщения // Значение и смысл слова: художественная речь, публицистика. М., 1987; **Кожина М.Н.** О диалогичности письменной научной речи: Учебное пособие по спецкурсу. Пермь, 1986; **Колокольцева Т.Н.** Специфические коммуникативные единицы диалогической речи: Автореф. дис. ... доктора филол. наук. Саратов, 2001; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие для учащихся 10—11 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1996; **Одинцов В.В.** О языке художественной прозы. Повествование и диалог. М., 1973; **Ринберг В.Л.** О приемах диалогизации авторской речи в произведениях В.И. Ленина // Методика преподавания русского языка и литературы. Вып. 9. Киев, 1974; Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста. М., 1987; **Хализев В.Е.** Диалогическая речь и монологическая речь // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

А.П. Сковородников

ДИАТЕ́ЗА — термин, употребляемый (применительно к стилистике) в двух значениях.

$Д_1$ — разновидность Антитезы (см.), используемая для выделения промежуточного, среднего звена в ряду противопоставляемых понятий: не белый, но и не так, чтобы черный (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 206). Причем нужно иметь в виду, что это промежуточное звено может быть не названо (его смысл в таком случае «выводится» из противопоставления крайних звеньев некоего множества, как в приводимом выше примере). $Д_1$ — стилистический прием, использованный Н.В. Гоголем в зачине «Мертвых душ» и затем неоднократно повторяемый в тексте этого художественного произведения: *В ворота гостиницы губернского города NN въехала довольно красивая рессорная небольшая бричка <...>. В бричке сидел господин* ***, не красавец, но и не дурной наружности, ни слишком толст, ни слишком тонок; нельзя сказать, чтобы стар, однако ж и не так, чтобы слишком молод***. Ср.: *Приезжий гость и тут не уронил себя: он сказал какой-то комплимент, весьма приличный для человека средних лет,* ***имеющего чин не слишком большой и не слишком малый***; *Даже самая погода весьма кстати прислужилась: день был* ***не то ясный, не то мрачный, а какой-то светло-серого цвета****, какой бывает только на старых мундирах гарнизонных солдат <...>* и т.п. (Там же).

$Д_2$ — стилистический прием, используемый для такого представления ситуации, при котором происходит устранение (невключение в перспективу) объекта в его целостности, которая представляется не существенной для целей художественного изображения, при одновременном выделении его особо значимых элементов. Напр.: 1) *Чья-то старушечья* ***рука*** *показалась в притворенной двери и* ***утащила*** *со стола свечку (А. Чехов). Ср.: Какая-то* ***старуха*** *просунула руку в дверь и* ***утащила*** *со стола свечку.;* 2) ***Перо скрипело****, выделывая на бумаге завитушки, похожие на рыболовные крючки (А. Чехов). Ср.:* ***Егор скрипел*** *пером...*

Как видно из примеров, $Д_2$ ограничивая перспективу, т.е. устраняя нечто несущественное, очерчивает фрагмент ситуации, на котором сосредоточено внимание говорящего (или лица, с точки зрения которого представлена ситуация). Коммуникативно выделенный элемент в этом случае становится, как правило, подлежащим.

$Д_2$ выделяет элементы, «привлекающие особое внимание говорящего, — либо особо значимые информативно, либо вызывающие особый интерес, либо, возможно, просто более заметные: *И вдруг, у самого поворота в Суходол, увидали мы в высоких мокрых ржах высокую и престранную фигуру в халате и в шлыке, фигуру не то старика, не то старухи, бьющую хворостиной пегую комолую корову. При нашем приближении* ***хворостина заработала*** *сильнее, и корова неуклюже, крутя хвостом, выбежала на дорогу* (И. Бунин). Ср.: ***Фигура*** *сильнее* ***заработала*** *хворостиной»* (Григорян Е.Л., 1987. С. 94).

Таким образом, основными функциями $Д_2$ являются выделительная (эмфатическая) и изобразительная.

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Григорьян Е.Л**. Диатеза как экспрессивное средство // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д: Изд-во Ростовского ун-та, 1987; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ДИА́ФОРА (от греч. diapherein — разносить, различать) — риторический прием (в иной трактовке — стилистическая фигура), представляющий собой повтор одного и того же слова или словосочетания в узком контексте в разных, хотя и не резко контрастирующих значениях. Поскольку этот повтор осуществляется в довольно узком контексте (одного предложения или близко расположенных предложений), переосмысление повторяющегося слова может быть расценено как одновременное отклонение от двух норм — логической (нарушение закона тождества) и речевой (нарушение смысловой однозначности слова в микроконтексте). Поэтому Д. может рассматриваться как синкретичный, стилистико-паралогический риторический прием. Д. может выражаться как одной и той же, так и разными формами одного и того же слова. Напр.: 1) *Опрос, проведенный центром «Сомнение», показал: только 5% «новых русских»,* ***уходя*** *из квартиры,* ***прощаются*** *с женой, и это в то время, как почти 95% «новых русских»,* ***уходя*** *от жены,* ***прощаются*** *и с квартирой* (КП, 28 марта 2001 г., анекдот); 2) *...Мы Толстого, Лескова да иных не по «Выбранным местам», «Соборянам», «Дневнику писателя» изучали, а по инсинуациям «образованцев» — Белинских, Чернышевских, Писаревых и иже с ними <...>, и не изучали, а:* ***проходили****!* ***Проходили****,* ***проходили****, да мимо и* ***прошли****, ничегошеньки не поняли, не уразумели...* (ЛГ, 4 сент. 1991 г.).

Юмор, ирония — стилистические эффекты, типичные для Д. в газетно-публицистических текстах: 3) *Снаряды* ***попадают*** *в боевиков. А Ельцин* ***попадает*** *в больницу* (Зав., № 41. 1999 г.); 4) *Как вы* ***относитесь*** *к идее провести в Саратове съезд проституток? — в лоб спросили <...> вице-спикера Госдумы Любовь Слиску журналисты. — Я к этому не* ***отношусь****! — ответила гордая женщина* (КП, 16 сент. 2000 г.); 5) *В свое время подопечные «Моста» из Лужковского ОВД говорили: «****Судите по реальным делам****». Теперь выясняется, по* ***реальным делам*** *можно не только* ***судить****, но и сажать, а при обнаружении отягчающих обстоятельств даже и расстреливать* (Зав., № 30. 2000г.); 6) *В Америке работают, если* ***хорошо*** *платят, а у нас в России если платят —* ***хорошо*** (АиФ, № 5. 2000); 7) *Вот и И.Рыбкин посетовал: «****Хлеб*** *спикера Госдумы очень горек». Ясно, что* ***хлеб****, даже спикерский, не «Сникерс»,*

но если его с маслицем, да с икорочкой, да под водочку — чуть слаще станет (АиФ, № 45. 1995 г.).

Как средство комического Д. может составить основу малого жанра, например, такого, как шутливая дефиниция (илл. 8), комментированная цитата (илл. 9), анекдот (илл. 1) и др.: 8) *Партия нового* ***типа*** *— это партия, которую возглавил новый* ***тип*** (АиФ, № 27. 2001 г.); 9) *Б. Немцов: «Мы готовы поддерживать решения правительства до тех пор, пока они соответствуют нашим* ценностям*».*

Вы бы поосторожней насчет ***ценностей*** *— не ровен час конфискуют* (АиФ, № 4. 2001 г.).

Приведенные примеры свидетельствуют, что Д. может конструироваться не только повтором одинаковых или разных форм одного и того же имени существительного (что обычно отмечается в ее дефинициях), но и повтором одинаковых или разных форм глагола, а также повтором наречия.

В текстах художественной литературы (поэзии и прозы), если только это не комические жанры и контексты, Д. обычно участвует в создании сложного образа, подчас с высокой лирической тональностью. Напр.: 10) *И вот — вторая зима в Петербурге, куда мы вернулись, совсем не отдохнув. Этой зимой (1910—1911) в России — крепкий сон,* ***морозы****, и* ***мороз реакции****, неслыханное торжество виселиц* (З. Гиппиус);

11) *...И будут в зареве пустынных зорь*
Горбы — болеть, купцы — гадать: откуда,
Какая это вдруг напала хворь
На доброго, покорного верблюда?
Но не единым взором не моля —
Вперед, вперед, с сожженными губами —
Пока обетованная земля
Большим ***горбом*** *не встанет над* ***горбами****.*
(М. Цветаева)

12) *Весна поет и в песне тает ...*
И вскоре в воздухе глаза
Одни Снегурочкины только
Сияют, ширятся, растут;
И столько нежности в них, столько
Предчувствия твоих минут,
Предсмертье, столько странной страсти,
Неразделенной и больной,
Что разрывается на части
Душа ***весной перед Весной****!*
(Игорь Северянин)

13) *Лучше* ***гор*** *могут быть только* ***горы****, на которых еще не бывал, на которых никто не бывал* (В. Высоцкий).

Лит.: **Николаев С.Г.** О трех забытых фигурах речи // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992; **Кузнецова А.В.** Фигуры контраста и их функции в творчестве М.Ю. Лермонтова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999.

А.П. Сковородников

ДИЛО́ГИЯ. То же, что Амфиболия$_1$.

ДИСФЕМИ́ЗМ, или **КАКОФЕМИ́ЗМ** — (лат. — dis-, греч. — dys- — приставка, обозначающая противоположность того, что обозначено корнем, отрицание + euphemia — воздержание от неподобающих слов, смягченное выражение) — слово или оборот, противоположный по функции Эвфемизму (см.), намеренное использование грубых, вульгарных, стилистически сниженных (иногда нецензурных) слов и оборотов с целью выражения резко отрицательной оценки или создания других стилистических эффектов (дисфемизм в этом случае является основой стилистического приема). В качестве Д. могут использоваться жаргонизмы и просторечные слова и выражения, употребление которых в литературном языке ограничено («пялиться» вместо «смотреть» и т.п.). Дисфемизация речи может быть связана с невладением этическими и стилистическими нормами, с низкой речевой культурой.

В силу того, что Д. обладают стилистически сниженной окраской и ярко выраженной экспрессией, они не используются в текстах официально-делового и научного стилей, зато в публицистическом стиле и в художественной речи встречаются часто. Напр.: *Сколько бы это продолжалось, никто не скажет, но пошел Васек среди ночи до ларька, выпросил под залог* ***пупырь гамыры, вылакал*** *тут же, не отходя от кассы, и тихо почил* (ср.: *...бутылку водки выпил...*). *Она его кое-как* ***затарила*** (ср.: *положила*), *длинного да горбатого, в гроб, почти стоймя закопала* в *тесной могиле, а сама* ***сыграла в психушку*** (ср.: *попала в психиатрическую больницу*) (Хакасия, 20 марта 1997); *Понимаешь, дети могут быть большими* ***говнюками****, — сказала она как-то своему другу, писателю Арне Ребергу, удрученному тем, что он был вынужден «зарычать» на своего отпрыска* (КП. 16 ноября 1999 г.); *Теперь вы поняли, отчего я грустнее всех* ***забулдыг****? Отчего я легковеснее всех* ***идиотов****, но и мрачнее всякого* ***дерьма****? Отчего я и* ***дурак****, и демон, и* ***пустомеля*** *разом?*(В. Ерофеев); ***Хрен с ним,*** *со старым* ***маразматиком****. Доверенность адвокату отдана, могу и не приходить. Хотя, честно говоря, я был бы не прочь обозреть это* ***военное мурло****, обвинившее меня в дезертирстве с фронта, и выслушать его обвинения.* (Э. Рязанов).

Современная общественно-речевая практика демонстрирует случаи намеренного использования Д. с целью дискредитации оппонента, нанесения ему морального ущерба: *Жириновского пытались дружно урезонить спикер, другие депутаты, но безуспешно. Депутату от «Яблока» Анатолию Голову Жириновский заявил: «Вон отсюда! Уймись,* ***подонок****! Пошел вон, американский шпион, израильская* ***собака****,* ***тварь***!» (КП. 13 марта 1998). В связи с данным примером можно говорить не просто о непарламентских выражениях, а о прямом Языковом насилии (см.), агрессии. В данном случае Д. используются в качестве оскорбления.

Другое название — какофемизм.

Лит: **Арапова Н.С**. Эвфемизмы // ЛЭС. М., 1990; **Виноградов С.И**. Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Граудина Л.К.** Эвфемизмы—дисфемизмы, парламентские и непарламентские выражения // Культура парламентской речи. М, 1994; **Хазагеров Т.Г**., **Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1994.

А.В. Баринова

Е | Ж

ЕДИНОНАЧА́ТИЕ. То же, что Анафора

ЖАРГОНИ́ЗМЫ (от франц. jargon) — слова и обороты, входящие в состав какого-либо жаргона и при этом широко используемые за его пределами, в общей речи. Напр.: ***фэн*** (*поклонник*), ***шнурки*** (*родители*), ***путана*** (*проститутка*), ***видак*** (*видеомагнитофон*) и т.д.

Ж., теряя связь с источником (жаргоном), переходят в общенародный язык и воспринимаются как разговорные или просторечные слова.

Ж. всегда экспрессивны или оценочны: «в жаргонном слове содержится значение не только литературного эквивалента, но и еще нечто — социальный довесок, поэтому у жаргонизмов более богатая семантика <...>, чем у их обыкновенных, а потому и пустых в известном отношении, эквивалентов «нормального» языка» (Е.Д. Поливанов).

Как правило, Ж. являются стилистическими дублетами литературных слов, т.е. их Синонимами (см.): ***наезжать*** (*преследовать*), ***клевый*** *(хороший*), ***кемарить*** *(дремать*) и т.д.

Способами возникновения Ж. являются: заимствования из других языков (***чувак*** — из цыганск., ***атас*** — из франц., ***мани*** — из англ.); переосмысление слов литературного языка (***рвать когти, делать ноги*** — *быстро убегать*); новообразования (***междусобойчик*** — *дружеское неофициальное общение*); усечение (***препод***. — *преподаватель*, ***физичка, химичка, математичка*** и под.), аббревиация (***комок*** — *коммерческий ларек*), суфиксация, конверсия, метонимия и многие другие способы.

Ж., как правило, делают речь вульгарной, блатной, грубой.

Лит.: **Арапов М.В.** Жаргон // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Бондалетов В.Д.** Социальная лингвистика. М., 1987; **Борисова Е.Г.** Современный молодежный жаргон // РР., 1980, № 5; **Быков В.** «Русская феня». Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1994; **Голуб И.Б.** Жаргонная лексика // Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М., 2001; **Дубровина К.Н.** Студенческий жаргон // ФН., 1980, № 1; **Дубягин Ю.П., Теплицкий Е.А.** Краткий англо-русский и русско-английский словарь уголовного жаргона. М., 1993; **Ермакова О.П., Земская Е.А., Розина Р.И.** Слова, с которыми мы все встречались: Толковый словарь русского общего жаргона: ок. 450 слов. М., 1999; **Иковский П.П.** Феня: Жаргонные слова и выражения, употребляемые в преступной среде. Курган, 1991; **Колтунова М.В.** Что несет с собой жаргон // РР, 2003, № 1; **Лазаревич С.В.** Лексика и фразеология русского военного жаргона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Н. Новгород, 2000; **Лошманова Л.Г.** Жаргонизированная лексика в бытовой речи

молодежи 50—60-х гг.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975; **Распопова Т.А.** Лексико-семантические аспекты взаимодействия жаргонно-арготических подсистем с общелитературным языком // Лексическая и грамматическая семантика: Мат. республик. науч. конф. Белгород, 1998; **Распопова Т.А.** Некодифицированная социально-оценочная лексика и ее использование в русском языке 80—90-х годов XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1999; **Рахманова Л.И.** Жаргонная лексика // Современный русский язык... М., 1984; **Скворцов Л.И.** Литературный язык, просторечие и жаргоны в их взаимодействии // Литературная норма и просторечие. М., 1977; **Скворцов Л.И.** Жаргон // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Юганов И., Юганова Ф.** Русский жаргон 60—90-х годов. Опыт словаря. М., 1994.

О.Н. Емельянова

З

ЗАЙ́МСТВОВАНИЯ — элементы чужого языка (морфемы, слова, фразеологические обороты, синтаксические конструкции), перенесенные в русский язык в результате экономических, культурных, политических связей между народами и странами.

Чаще всего заимствуются все-таки слова, так как именно они называют реалии, пришедшие к нам из чужой культуры (материальной или духовной):

Но ***панталоны, фрак, жилет*** —
Всех этих слов на русском нет.
(А.С. Пушкин)

Вместе с тем некоторая часть заимствованных слов — это вторичные наименования явлений и предметов, употребляемые наряду с русскими: ***экспорт*** — *вывоз;* ***импорт*** — *ввоз;* ***лингвистика*** — *языкознание;* ***спикер*** — *председатель,* ***спич*** — *речь* и мн. др.

Часто это объясняется модой, чрезмерным увлечением всем западным, например, западным образом жизни.

Как правило, З. настолько адаптируются к системе русского языка, усваиваются им, что обнаружить их иноязычное происхождение можно лишь с помощью специального — этимологического — анализа (этимология — наука о происхождении единиц языка). Например: ***очаг, казак*** (тюрк.), ***квартира, кофта*** (польск.), ***беженец, робот*** (чешск.) и др. Такие З. зачастую вытесняли исконно русские слова в некоторых их значениях. Например, слово ***спина*** пришло к нам из польского языка, вытеснив в синонимическом значении существительное ***горб*** (ср. это значение, сохранившееся у лексемы *горб* в устойчивых словосочетаниях: *добывать своим горбом, гнуть горб, на своем горбу* и др.). Такие З. пополняют ресурсы синонимии языка.

Заимствованные слова, входя в структуру русского языка, так же могут изменить объем своего значения. Чаще происходит сужение значения заимствованной единицы. Например, слово ***перрон***, заимствованное из франц. языка, во французском обозначает как *перрон*, так и *подъезд, крыльцо*.

Иногда происходит смена понятийной основы заимствованного слова. Например, тюркское слово ***сарай*** в родном языке означает *дворец*, а в русском — «*строение для хранения различного имущества*» или «*большое и неуютное, неблагоустроенное жилище, помещение*» (разг.).

У З. может появиться и совершенно новое значение. Так, заимствованное из французского языка слово ***винегрет*** уже в русском языке получило значение «*смесь разнородных предметов и понятий*» (разг.).

Естественно, что абсолютное большинство З. при вхождении в русский язык подвергаются не только лексико-семантическому (понятийному), но и фонетическому и морфологическому (грамматическому) преобразованию.

З. отличаются друг от друга по степени освоения их заимствующим языком. Как мы уже говорили, есть З., иноязычное происхождение которых можно обнаружить лишь в результате специального исследования (***июль, рисунок, пиджак, школа, стул, суп***...).

Другие, наоборот, явно ощущаются как чужие. Это регионализмы, этнографизмы, Экзотизмы (см.): ***лаваш, доллар, мадам, бундестаг, чалма*** и др., — и Варваризмы (см.): ***сабвей, чунгам*** и проч.

Лингвисты часто для обозначения не полностью усвоенных З. используют термин **иностранные слова.** Иностранные слова — это З., сохранившие следы своего иноязычного происхождения (фонетические, орфографические, грамматические, семантические особенности, чуждые русскому языку): ***ж****юри****, транс****ляция, техник****ум*** и др.

Возрастание роли экономических и культурных связей между странами и народами приводит к интенсификации процесса заимствования, к тому, что З. занимают значительное место во многих языках мира; к образованию большого фонда так называемых **интернациональных слов**, которые преимущественно относятся к специальным отраслям знания или производства, терминологии.

В языках Европы это, как правило, слова греческого и латинского происхождения, в Ближне — и Средневосточных языках — арабские и персидские элементы, на Дальнем Востоке — китайские слова. «Заимствованные слова, получившие всеобщее распространение и закрепившиеся в составе межстилевой русской лексики, с точки зрения стилистики не представляют интереса. В стилистической оценке нуждаются заимствованные слова, имеющие ограниченную сферу употребления» (Голуб И.Б., 2001. С. 107).

Особое место среди З. занимают **славянизмы** — это: 1) элементы старославянского или церковнославянского происхождения в русском языке (***врата, длань, кладезь, жертва, грех, бог, власть, согласие, добродетель*** и мн. др.); 2) слова, заимствованные неславянским языком из какого-либо славянского языка.

Нас прежде всего интересуют славянизмы в 1-м значении, т.к. именно эта группа З. заняла большое место в лексике современного русского языка и стала выполнять особые стилистические функции. Некоторые славянизмы оказались стилистическими дублетами исконно русских слов (***избрать*** — *выбрать*; ***единый*** — *один*; ***рождать*** — *рожать*, ***брег*** — *берег*). Такие стилистические дублеты (фонетические — ***глас****/голос*, ***врата****/ворота*, ***чуждый****/чужой*, ***агнец****/ягненок*; словообразовательные — ***излить****/вылить****; избрать****/выбрать*; морфологические — ***светлейший, высочайший*** и др.) до середины 19 века использовались для создания высокого стиля:

Брега *Невы руками плещут,*
Брега *Ботнийских вод трепещут...*
.....
Тебе от верной глубины
Руками плещут воды белы;
Ликуют западны ***пределы...***
.....

*Но холмы и **древа** скачите,*
Ликуйте множество озер.
*Руками реки **восплещите**...*
.....
*Но **зрю** с весельем чудо славно:*
Дивняе неж Алцид чинил;
Как он лишь был рожден недавно,
***Скрушив** змиям **главы** сломил.*
(М.В. Ломоносов)

Позже славянизмы стали активно использоваться как средство пародирования напыщенного или официального слога. Еще А.П. Сумароков во «Вздорных одах» пародировал зло и остро ломоносовский «беспредметный, условный и многословно-пухлый символизм» (В.В. Виноградов):

Трава зеленою рукою
Покрыла многие места;
Заря багряною ногою
Выводит новые лета...
.....
Крылатый конь перед богами
Своими бурными ногами
Сейчас ударит в вечный лед...
Стремись, Пегас, под небеса,
Дави эфирными брегами
И бурными попри ногами
Моря и горы и леса.

В современном языке славянизмы используются как элементы высокого, торжественного стиля — Поэтизмы (см.):

*И прогремела грозным **гласом***
*В **годину** битвы наша сталь.*
(А.Т. Твардовский)
Есть немота: то гул набата
*Заставил **заградить уста**.*
(А.А. Блок)
Где глаз людей обрывается куцый,
***Главой** голодных орд*
*В **терновом венце** Революций*
***Грядет** шестнадцатый год.*
(В.В. Маяковский)

Либо они используются как средство создания исторического колорита или речевой характеристики персонажей (в такой функции славянизмы использованы, нап., в «Борисе Годунове» А.С. Пушкина, «Петре Первом» А.Н. Толстого и мн. др. произведениях); либо как средство создания иронии, комического эффекта, пародирования: *Мощная **выя** командора сгибалась под тяжестью архиерейского наперсного креста* (И. Ильф и Е. Петров); *Просветит господь разум Иванушки пониманием и направит стопы его по **стезе** господина исправника* (М.Е. Салтыков-Щедрин).

Заимствованные слова, вошедшие в литературный общенациональный язык, фиксируются и описываются в общих толковых словарях. Но существуют и специальные словари — словари иностранных слов.

«Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия» / ИЛИ РАН под ред. Г.Н. Скляревской отмечает такую специфическую особенность современного заимствования, как: «написание преимущественно латиницей (в газетах, журналах, профессиональных и рекламных изданиях) многих частотных слов, в основном терминов информатики и рекламы, что демонстрирует их недостаточную освоенность языком (***BMW, CD, CD-ROM, Coca-Cola, Hi-fi, IBM, mass-media, notebook, on-line, Pentium, PR, VIP, Windows, Unix***); <...> комбинированное (латиницей и кириллицей) написание сложносоставных слов (***IBM-совместимый***, ***PR-акция, PR-бизнес, PR-менеджер, VIP-клиент, VIP-мероприятие, VIP-номер, Web-сайт, Web-сервер, Web-страница***), а также некоторых слов, образованных от иноязычных по словообразовательной модели русского языка (***PRщик, VIPовский*** и др.)» [Предисловие, с. 6—7].

По поводу необходимости заимствования, его масштабов и характера возникают споры и разногласия. «Требование деятелей русской культуры разумно предпочитать заимствованным словам исконно русские, если они точно передают соответствующее значение, не имеет ничего общего с *пуризмом*, то есть с консервативным стремлением к сохранению языка в неизменном виде, к ограждению его от каких бы то ни было новшеств, заимствований» (И.Б. Голуб, там же).

Лит.: **Акуленко В.В.** Вопросы интернационализации словарного состава языка. Харьков, 1972; **Арапова Н.С.** Славянизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Виноградов В.В.** Очерки по истории русского литературного языка XVII—XIX вв., 1938; **Винокур Г.О.** О славянизмах в современном русском литературном языке // Избранные работы по русскому языку. М., 1959; **Голуб И.Б.** Стилистическая оценка заимствованных слов // Стилистика русского языка. М., 2001; **Добролюбов И.Г.** Заимствование // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Замкова В.В.** Славянизм как стилистическая категория в русском литературном языке сер. XVIII в. Л., 1975; **Крысин Л.П.** Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; **Лоте Д.С.** Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминоэлементов. М., 1982. **Сорокин Ю.С.** Развитие словарного состава русского литературного языка, 30—90-е годы XIX века. М.; Л., 1965; Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX столетия / ИЛИ РАН под ред. Г.Н. Скляревской. М., 2001.

О.Н. Емельянова

ЗВУКОВО́Й ПОВТО́Р — общее название фоностилистических приемов, состоящих в повторении одинаковых (или сходных) звуков или звукосочетаний с целью усиления выразительности речи.

К З.п. традиционно относят Аллитерацию (см.) и Ассонанс (см.).

В зависимости от места повторяющихся элементов в тех или иных отрезках речи исследователи выделяют также звуковую анафору (см. Анафора), звуковую

эпифору (см. Эпифора), звуковое кольцо (см. Кольцо), звуковой андиплозис (см. Анадиплозис) и т.д.

На З.п. основаны рифма и прием Звукописи (см.).

Лит.: **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000; Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост.: Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974.

Г.А. Копнина

ЗВУКОВО́Й СИМВОЛИ́ЗМ. См. Звукоизобразительность.

ЗВУКОИЗОБРАЗИ́ТЕЛЬНОСТЬ – фактически мотивированная связь между формой языковой единицы и признаком обозначаемого ею объекта.

Как правило, говоря о З. имеют в виду прежде всего звукоизобразительные слова и словосочетания, т.е. лексику языка. Все звукоизобразительные слова принято делить на звукоподражательные (см. Звукоподражание) и звукосимволические.

К последним относят слова, фонетический (звуковой) облик которых мотивирован положенным в основу номинации (наименования) незвуковым признаком обозначаемого предмета: ***хапать***, *ходить* ***на цыпочках*** и под.

Звукосимволические слова чаще всего обозначают разные виды движения, форму, величины, свойства поверхности объектов; физиологические и эмоциональные состояния человека, его походку, мимику, т.е. те свойства, которые могут восприниматься сенсорикой человека (за исключением слуховых впечатлений).

Когда же речь идет о слуховой модальности, мы имеем дело со звукоподражательными словами (***ку-ку, гав-гав, мяу-мяу, тик-так***).

В совокупности звукосимволические и звукоподражательные единицы языка и образуют его звукоизобразительный потенциал.

Большой экспрессивный, выразительно-изобразительный заряд звукоизобразительных единиц делает значимым их изучение с точки зрения культуры речи, стилистики, риторики.

Подробнее об этом см. в статьях Аллитерация, Ассонанс, Звукопись, Звукоподражание, Фоника.

Лит.: **Воронин С.В.** Основы фоносемантики. Л., 1982; **Воронин С.В.** Синестезия и звукосимволизм // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983; **Газов-Гинзберг А.М.** Был ли язык изобразителен в своих истоках? М., 1965; **Горелов И.Н.** Проблема функционального базиса речи в онтогенезе. Челябинск, 1974; **Жуковский В.В.** Идеофоны: сопоставительный анализ. М., 1968; **Журавлев А.Н.** Фонетическое значение. Л., 1974; **Левицкий В.В.** Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // ФН. 1975. № 4; **Поцелуевский Е.А.** Изобразительные слова // БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 10; **Скаличка В.** Исследование венгерских звукоподражательных выражений: Пер. с чеш. // Пражский лингвис-

тический кружок. М., 1967; **Шахнарович А.М.** Проблемы мотивированности языкового знака в онтогенезе речи // Общая и прикладная психолингвистика. М., 1973; **Якобсон Р.** Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против» М., 1975. А также лит. при ст. Аллитерация, Ассонанс, Звукопись, Звукоподражание, Фоника.

О.Н. Емельянова

ЗВУ́КОПИСЬ – подбор звуков в речи (как правило, поэтической) таким образом, чтобы их состав соответствовал изображаемой картине. Напр.: «***С*к*У*чно нам *с*л*У*шать о*с*енн*ЮЮ* вь*Ю*г*У*» (Н. Некрасов).

В этой строке Н. Некрасов 6 раз повторяет звук [У] и 3 раза звук [С], дополнительно способствуя передаче воя ветра, одиночества, страха. Такая семантизация достигается благодаря включению в языковую структуру стихотворения слов, содержащих необходимый звук или сочетание звуков, способствующих созданию художественно-эстетических эффектов и вызывающих зрительные, слуховые или иные ассоциации.

З. осуществляется через систему звуковых повторов, к которым относятся Аллитерация (см.), Ассонанс (см.), Звукоподражание (см.) – особенно звукоподражание шороху, свисту, крикам животных и другим звукам живой и неживой природы. При этом усиливается выразительность речи.

Вот, например, как изображается *гром*, воплощаясь в отдельных звуках в стихотворении Ф. Тютчева «Весенняя гроза»:

*Люблю **ГРО**зу в начале мая,*
*Когда весенний первый **ГРО**м,*
*Как бы **Р**езвяся и и**ГР**ая,*
***ГРО**хочет в небе голубом,*
***ГР**емят **Р**аскаты молодые...*

Поэт не только передает лирическое отношение к грозе, но и рисует ее при помощи звуков. В стихах читатель слышит эхо грозы.

В стихотворении В. Маяковского «Революция» встречаем следующие строки: ***ГОРО**д **ГРО**хочет./ **ГОРО**д **ГОР**ит*, в которых звуковой комплекс наряду с семантикой (значением) слов передает идею «городского грохота». В этом же стихотворении есть и такие строки:

***ДУШУ** гл**УШУ** об выстрел резкий;*
***ДУШ**и за**ДУШ**ены Сибирей саваном?*

Необычные примеры З. встречаются, например, в воспоминаниях Лили Брик: «Шкловский писал афоризмы: «*Раздражение на человечество **на-кап-кап-ливается по капле***» (Лиля Брик. Из воспоминаний).

Нередко в результате семантизации звуков происходит десемантизация близких по звучанию слов, обновление их внутренней формы, когда различные по происхождению слова воспринимаются как генетически родственные. Например, у Л. Мартынова:

Попробуешь Слова сличить –
И аж мороз идет по коже!
*Недаром «**мучит**ь» и «**учить**»*
Звучит извечно столь похоже.

Но и бывает смысл иной,
Доподлинно необъяснимый:
Казнящий** ли владел **казной,
*Или **казной** владел **казнимый**?*
Земля** и **тля. Вина** — **вино.
***Апрель** и **прель**. **Мороз** и **проседь** —*
Все это будто не одно,
Но от другого не отбросить!
Березка** — **розга**. **Лик** и **лак
***Увечить** и **увековечить**...*
Неужто это просто так,
Одна случайность —
Чет и нечет?

При этом благодаря звуковому сходству отдельных слов между ними появляются и смысловые связи.

Целям выразительности поэтического текста могут служить и артикуляционно-акустические качества звуков. Так, в басне И. Крылова «Лягушки, просящие царя» имеются такие строки:

Со всех лягушки ног
В испуге пометались,
Кто как успел, куда кто мог.

Последний стих поражает своим динамизмом, причину которого В. Жуковский видел в «искусном соединении односложных слов, которые своею гармониею представляют скачки и прыганье». Однако смысловая и звуковая динамичность последней строки обусловлена не столько односложными словами, сколько тем, что из 13 согласных звуков, употребленных в этой строке, 10 являются мгновенными. Они произносятся быстро, подобно взрыву.

«Звукопись разнообразна. Она опирается на всевозможные типы звуковой инструментовки: скопление в тексте коротких или, напротив, длинных слов, стечение согласных и гласных и намеренное исключение из речи каких-то звуков» (Голуб И.Б. Звук и слово в поэзии // РР., 1974, № 2, С. 54).

Так, например, А.С. Пушкин в «Евгении Онегине», описывая легкость и полетность танца балерины, использует множество раз звук [л] и стремится избежать [р]:

*Б**л**истате**л**ьна, по**л**увоздушна,*
*Смычку во**л**шебному пос**л**ушна,*
*То**л**пою нимф окружена,*
Стоит Истомина; она,
*Одной ногой касаясь по**л**а,*
*Другою мед**л**енно кружит,*
*И вдруг прыжок, и вдруг **л**етит,*
***Л**етит, как пух от уст Эо**л**а.*

Звукопись не должна идти вразрез со смыслом. Только органическая и гармоническая связь З. и содержания текста, единство слова и образа придают З. яркую изобразительность.

Лит.: **Брик О.М.** Звуковые повторы // Поэтика. Пг., 1919; **Брюсов В.Я**. Звукопись Пушкина // Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1995; **Воронин С.В.** Синестезия и звукосимволизм // Психолинг-

вистические проблемы семантики. М., 1983; **Голуб И.Б.** Звук и слово в поэзии // РР. 1974. № 2.; **Голуб И.Б.** О звукописи произведений А.С. Пушкина // РР. 1974. № 3.; **Голуб И.Б.** Символика звуков // РР. 1974. № 6.; **Голуб И.Б**. Стилистика русского языка. М., 2001; **Григорьев В.П**. Поэтика слова. М., 1979; **Журавлев А.П.** Звук и смысл. М., 1981; **Журавлев А.П**. Фонетическое значение. Л., 1974; **Кожевникова В.В**. Словесная инструментовка // Слово и образ. М., 1964; **Левицкий В.В.** Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // ФН. 1975, № 4; **Леонтьев А.А**. Звукопись // БСЭ. 3-е изд. М., 1972. Т. 9; **Лотман Ю.М.** Анализ поэтического текста. Л., 1972.

О.Н. Емельянова

ЗВУКОПОДРАЖА́НИЕ, или **ОНОМАТОПЕ́Я** (от греч. onomatopoieia — производство названий), — фонетически мотивированная связь между звуками слова (языка) и лежащим в основе номинации звуковым признаком денотата (звуки в природе, окружающем мире). Так, раскаты грома напоминают звук [**р**], глухой шум — звук [**ш**], свист — звук [**с**] и т.п. Поэтому многие слова своим фонетическим обликом имитируют звучание окружающей действительности: ***плюх, тик-так, мяу, гав, ку-ку, шум, шелест, шопот, гром, рычание, звон, свист*** и т.д. Эти слова называются **ономатопеями (ономатопами)**. Использование средств языка как ономатопей является простейшим случаем Звукоизобразительности (см.): ***вьюга воет, зверь ревет*** и под.

Обязательным смысловым критерием звукоподражательного слова является образность, поскольку фонетический состав ономатопов напоминает называемые в этих словах предметы и явления — звуки природы, крики животных, движения, сопровождаемые каким-либо шумом, речь, различные звучания. В ряде случаев экспрессивное значение может доминировать над предметно-логическим значением слова. Такие единицы получают конкретное предметно-логическое наполнение лишь в определенном контексте (***жахнуть, грохнуть, брякнуть***).

Звукоподражательные слова находят широкое применение в художественных текстах — как поэтических, так и прозаических — где они используются для яркого, образного описания объектов действительности.

Катится эхо по ***горам***
Как ***гром гремящий*** *по* ***громам***.
(В. Маяковский)

Вечно шелест *легкий* ***слышно***.
(А. Блок)

Затихла тише тишина
(Г. Державин)

Раздражение на человечество
На-кап-кап-ливается *по* ***капле***.
(В. Шкловский)

Звукоподражательные единицы выступают конденсированными описаниями всей ситуации. В роли звукоподражательного слова в художественном тексте может быть использовано любое слово, даже слово, не являющееся звукоподражательным в своей основе. В таком случае экспрессивный эффект создается на

звукоподражательной основе отдельной фонемы. Например: *Что вы там такое говорите... просто бред какой-то... — раздраженно начала она, и голос ее заглушил грохот грома, в котором ей слышалось «**бр-р-ред**», «**бр-р-ред**», «**бр-р-ред**»* (Г. Честертон). Нередко ономатопы используются в разговорной речи, где они являются производящими основами для просторечных единиц с высоким экспрессивным потенциалом (***мямлить, хапать, бубнить*** и под.).

Звукоподражательные единицы характеризуются некоторыми постоянными структурными особенностями: отсутствием грамматической формы, наличием у значительной части единиц редупликативной структуры типа ***гав-гав, буль-буль*** и проч.

В 60—80-х гг. XX в. разработана универсальная классификация звукоподражательных слов (по соотносимости их с обозначаемым звуком). Корневые звукоподражательные слова образуются по вполне определенным моделям. Зная характер обозначаемого звука, можно предсказать фонетическую структуру соответствующего звукоподражательного слова; это — предсказуемость в терминах акустических фонемотипов (типов фонем), но не отдельных конкретных фонем. Так, модель «*взрывной — низкий* (по частоте) *гласный + носовой сонант*» характерна для обозначений удара с последующим низким резонаторным тоном: ср. рус. ***бум***, англ. ***dong*** «звучать» (о низком звуке большого колокола при ударе) и индонез. ***bat*** «бом!». Звукоподражательные основы в языках мира обладают весьма высокой продуктивностью.

Языковое моделирование звуков живой и неживой природы осуществляется в рамках имитационных возможностей конкретных языков. Именно в силу данной закономерности звукоподражательные слова в различных языковых системах не являются идентичными. Ср. обозначение жужжания в разных языках: ***baez-baez*** (осет.), ***быз*** (удмурт.), ***bzbz***, ***wzwz*** (семит.), ***zmzm*** (араб.). Обозначение петушиного крика также может являться примером расхождения звукоподражательных слов в языках: ***кука-реку*** (рус.), ***coc-a-doodle-do*** (англ.), ***kikeriki*** (нем.). С другой стороны, именно определенное формальное сходство звукоподражательных слов (или корней) в языках мира продиктовано самой природой называемого объекта или явления. Такое сходство ономатопов следует искать в общих закономерностях построения их звукового состава.

Лит.: **Виноградов В.В.** Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд., М., 1972; **Воронин С.В.** Основы фоносемантики. Л., 1982; **Воронин С.В.** Основы универсальной классификации ономатопов // Фонетика-83. М., 1983; **Германович А.И.** Междометия и звукоподражательные слова русского языка: Автореф. дисс. ... докт. филолог. наук. Симферополь, 1962; **Горелов И.Н.** Невербальные компоненты коммуникации. М., 1980; **Карпухин С.А.** Звукоподражательные слова в русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Саратов, 1979; **Скаличка В.** Исследование венгерских звукоподражательных выражений // Пражский лингвистический кружок. М., 1967; **Шаяхова С.С.** Типы и функции ономатопов в русской речи: Автореф. дисс. ... канд. филолог. наук. Л., 1991.

О.Н. Емельянова

ЗЕ́ВГМА (от греч. zeugma — сопряжение, соединение) — стилистическая фигура, близкая Силлепсису (см.) и, как последний, основанная на намеренном нарушении логического закона тождества. Последнее выражается в том, что в перечислительный ряд однородных членов предложения или — реже — целых

предложений (норма) включаются логически неоднородные, неоднопорядковые компоненты (отклонение от нормы). В отличие от силлепсиса в З. эти неоднородные слова-понятия относятся к одному и тому же ядерному многозначному слову, которое, будучи соотнесено с двумя или более неоднородными понятиями, реализует одновременно два или несколько разных значений (отклонение от нормы). Такое двойное отклонение от нормы дает усиленный стилистический эффект, часто комического свойства: 1) *Тут-то и пришла ему в голову идея* ***убить время и любовника своей благоверной*** (пример Е.В. Клюева). В функции языкового средства создания комического эффекта и как прием Языковой игры (см.) З. используется в художественной литературе и публицистике. Например: 2) *Жизнь детского дома не удивила Гусиную Шейку, как и побои старую лошадь, от которой всегда* ***пахнет мудростью и теплым навозом*** (В. Булохов); 3) *Агафья Федосеевна* ***носила на голове чепец, три бородавки на носу и кофейный капот с желтенькими цветами*** (Н. Гоголь); 4) *Член совета* ***принес извинения*** *за прискорбный случай минувшей ночи* ***и шикарную — метр на метр коробку шоколада*** *— для моей супруги* (В. Конецкий); 5) *У нас проще* ***поменять убеждения и общественный строй, чем кадры****, которые решают все* (ЛР, 22 июня 1994 г.); 6) *Сегодня в Кремле президент* ***принял представительницу ОБСЕ и военную доктрину*** (ВС, № 29. 2000 г.); 7) *Богатые* ***не дурака валяют, а валенки!*** (КП, 17 февр. 2001 г.);

8) *Не готовить, не шить, не стирать,*
А, глаза закатив от восторга,
Как ты любишь, родная, строгать
Что нибудь электрической теркой,
Редьку, репу, капусту, морковь,
Свеклу, тыкву, редиску, картошку,
Лук, чеснок, патиссоны, любовь
Превращая в мельчайшую крошку.
(С. Норхин)

Комическая функция З., будучи доминирующей, не является единственной. В художественных текстах З. может «работать» на усиление трагической тональности (9), а также быть средством семантически емкой и в то же время компактной характеристики (10):

9) Не подходите к ней с вопросами
Вам все равно, а ей — довольно:
Любовью, грязью иль колесами
Она раздавлена *— все больно.*
(А. Блок)

10) *Одним ожесточеньем воли*
Вы брали сердце и скалу*, —*
Цари на каждом бранном поле
И на балу.
(М. Цветаева)

З. в представленном выше значении иногда интерпретируют как стилистическую фигуру, которая «строится по принципу семантической контаминации (наложения смыслов): *Цены отпустили, а продукты еще нет* (КП. 4.01.92)» (Пекарская И.В., 2000. С. 152).

Термин «зевгма» имеет еще одно значение: «синтаксический прием экономии языковых средств, состоящий в том, что слово, образующее однотипные сочетания с несколькими разными словами, фигурирует в высказывании только один раз — в начале, в середине или в конце высказывания» (Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 369. Ср.: Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 158). Охарактеризованное этой дефиницией понятие (и языковое явление) по содержанию совпадает с характеристикой контекстуального эллипсиса (см.: Эллипсис), в силу чего многозначность термина «зевгма» не представляется вполне оправданной.

Лит.: **Береговская Э.М.** Проблемы исследования зевгмы как риторической фигуры // Вопросы языкознания. 1985. № 5; **Бирюков С.** Зевгма. Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М., 1994; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Кузнец М.Д.**, **Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогических институтов. Л., 1960; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Осаволюк О.И.** Хиазм и зевгма как конструктивная основа эпиграммы // Риторика в свете современной лингвистики: Тезисы докладов Второй межвузовской конференции (14—15 мая 2001 г.) Смоленск: СГПУ, 2001; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000; **Санников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; **Смолина А.Н.** Лингвистические средства создания комического (на материале современных СМИ) // Риторика в свете современной лингвистики: Тезисы докладов Второй межвузовской конференции (14—15 мая 2001 г.). Смоленск: СГПУ, 2001.

А.П. Сковородников

И

ИГРА СЛОВ. См. Языковая игра.

ИДИО́МА, или **ИДИОМАТИ́ЧЕСКОЕ ВЫРАЖЕНИЕ** (от греч. idioma — особенность, своеобразие) — 1) Лексическая И. — функционально устойчивое эквивалентное слову словосочетание, которому свойственна максимальная степень семантической слитности, нерасчлененность, целостность значения; то же, что фразеологическое сращение (см. Фразеологизмы). Например: *семи пядей во лбу, в ус не дуть, не солоно хлебавши, скрепя сердце, шутка сказать, ни уха ни рыла.*

Лексические идиомы являются результатом исторического развития языка. Образование идиом вызывается: а) забвением исторического факта, с которым связано переносное употребление выражения (*Сарынь на кичку!; Турусы на колесах; сапоги всмятку* и др.); б) наличием утраченного для современного русского языка слова (*попасть впросак, разбить вдребезги, у черта на куличках*); в) наличием архаических грамматических форм слов и синтаксических связей (*еле можаху, ни синь пороху, притча во языцех, погибоше аки обре, ничтоже сумняшеся* и др.).

2) Морфологическая И. — слово, неразложимое с точки зрения совр. языка на морфемы, но членимое на форманты: *вкус, подушка, сногсшибательный.* Эти И. возникают из лексических И. или в результате словообразовательного опрощения.

3) Синтаксическая И. — синтаксическая конструкция, обладающая таким синтаксическим значением, которое неразложимо на значения отдельных форм: *Хоть плачь!; Ну и жара* и т.п.

Лит.: **Москальская О.И.** Грамматический идиоматизм и синтагматика // Иностранные языки в высшей школе. М., 1962; **Телия В.Н**. Идиома // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Шахматов А.А.** Синтаксис русского языка. Л., 1994; **Янко-Триницкая Н.** Фразеологичность языковых единиц разных уровней языка // Изв. АН СССР. ОЛЯ, 1969, м.28; См. также лит. при ст. Фразеологизмы.

О.Н. Емельянова

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНО-ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА. См. Выразительные средства языка.

ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОСТЬ РЕЧИ. См. Образность.

ИЗО́КОЛОН (от греч. isokōlon — одинаковость колонов, речевых тактов, равночленное) — стилистическая фигура, построенная по принципу синтаксического параллелизма, заключающаяся в симметричном расположении одинаковых форм частей речи в тождественных по составу синтаксических конструкциях. Таким образом, И. содержит не только параллелизм конструкций, но и параллелизм форм частей речи, входящих в структуру синтаксических конструкций. Напр.:

Слишком самостоятелен, слишком неуправляем (1) *директор* — ***сеет, что хочет, говорит, что думает*** (2) (Родина, авг. 1989 г.).

Данный пример иллюстрирует И., организованный как словосочетаниями (1), так и предложениями (2).

И. характеризуется одинаковым количеством компонентов в параллельных синтаксических конструкциях, одинаковыми синтаксическими отношениями между этими компонентами, одинаковым расположением компонентов в параллельных синтаксических конструкциях, т.е. базируется на полном синтаксическом параллелизме. Напр.:

Словом, все шло по известному принципу: ***государство делает вид, что оно платит, а трудящиеся делают вид, что они работают*** (Изв., 21 июля 1992 г.).

В зависимости от места расположения конструкций И. в контексте различают: 1) контактный И. (конструкции И. находятся в смежных частях текста — илл. 1; 2) дистантный И. (однотипные структуры И., связанные по смыслу, находятся в контексте на определенном расстоянии друг от друга — илл. 2). Напр.:

1. *Члены президиума отчитаются о проделанной работе*: ***Ю. Лужков — о реформе системы органов госвласти, В. Ишаев — о стратегии развития страны, М. Шаймиев — о разграничении компетенции между центральными и местными властями*** *(АиФ, 5 июня 2000 г.);*

2. ***Обращаемся к фирмам****, производящим одноразовое медицинское оборудование, — просим вас продавать нам это оборудование на дружеских условиях.* ***Взываем к организациям****, которые могли бы стать спонсорами благотворительных выставок-продаж и аукционов картин в пользу счета «АНТИСПИД»* (Родина, окт. 1989 г.).

И. функционирует во всех стилях современного русского литературного языка и выполняет общие для фигур, построенных по принципу синтаксического параллелизма, строевую и усилительно-выделительную функции. При этом в художественных текстах главенствующее место занимает интонационно-ритмическая функция. Например:

Листьев не обожгло,
Веток не обломало...
День промыт, как стекло,
Только этого мало.
(А. Тарковский)

В публицистических текстах — функция логико-эмоционального выделения. Напр.:

И все это — без меры: ***если танцы — то на столах, если шампанское — то бассейнами, если женщины — то пачками*** (АИФ, 12 июля 2000 г.).

В научных и официально-деловых текстах определяющей является логико-выделительная функция. Напр.:

Лексический фон, на котором разворачивается хиастическая структура, может усиливать ее симметричность: чем больше неконструктивных элементов левой части повторяется в правой, ***тем ярче выступает архитектоника хиазма, тем симметричнее становится вся конструкция*** (Э.М. Береговская).

В случае неисполнения покупателем обязанности предварительно оплатить товар применяются правила, предусмотренные в статье 328 настоящего Кодекса.

В случае неисполнения продавцом обязанности по передаче товара применяются правила, предусмотренные статьей 328 настоящего Кодекса (Гражданский Кодекс РФ).

Вопрос, касающийся сущности И., — один из наиболее дискуссионных вопросов в стилистике. Так, немецкие исследователи В. Фляйшер и Г. Михель, З. Краль и Й. Курц трактуют И. как термин, синонимичный понятию «синтаксический параллелизм» (Fleischer W., Michel G., 1975. S. 171; Krahl S., Kurz J., 1975. S. 62). Некоторые исследователи рассматривают И. и синтаксический параллелизм как конструктивно разные явления, однако, дефиниции указанных понятий не дают полного представления о дифференциальных признаках этих явлений (Ахманова О.С., 1969. С. 170, 311; Клюев Е.В. , 1999. С. 238—240).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1969; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пособие для вузов. М., 1999; **Fleischer W., Michel G.** Stilistik der dentschen Gegen wartssprache. Leipzig, 1975; **Krahl S., Kurz J.** Kleines Worterbuch der Stilkunde. Leipzig, 1975.

А.А. Кузнецова

ИЛЛЕ́ИЗМ — разновидность Антиципации (см.); стилистическая фигура, состоящая в избыточном употреблении в предложении местоимения третьего лица, расположенного до наименования того предмета, к которому оно относится. Напр.:

1. *Вдруг за ужином открылось ужасное: Руська болен, находится в больнице, от него скрывали. Скрывали, скрывали! Уже шесть дней! Знал весь двор, и только* ***о н, отец****, в неведении* (Ю. Трифонов).

2. *Боже, как же* ***о н и*** *очерствели душой,* ***эти богачи****! (*КР, 2 апр. 1999 г.).

3. *Да плевать* ***о н и*** *на нас с вами хотели!* ***Прокуроры.*** *В особенности — генеральные* (МКК. 20—27 мая 1999 г.).

4. *А кто ж* ***е е*** *не любит —* ***жизнь-то****?* (КП, 24 сент. 1999 г.).

И. выполняет функции актуального членения предложения, усиления эмоции, оценки (см. приведенные примеры) и ряд других стилистических функций, свойственных антиципации.

И. может вступать во взаимодействие (см. Стилистическая конвергенция) с различными стилистическими приемами. Так, во 2-м примере представлено взаимодействие И. с риторическим восклицанием, в 3-м — с риторическим восклицанием и парцелляцией, в 4-м —с риторическим вопросом.

И. употребляется главным образом в художественных и публицистических текстах. В деловой документации И., выполняя функцию уточнения, обре-

тает застывшую форму и становится Канцеляризмом (см.). Напр., в тексте «Расписки»:

Я, Иванова Екатерина Ивановна (паспорт XIV-БА № 143348 выдан Отделом внутренних дел г. Минусинска 13.08.99 г.), получила от заведующего отделом...

Лит.: **Скребнев Ю.М**. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

ИМЕНИ́ТЕЛЬНЫЙ ТЕ́МЫ. См. Сегментированная синтаксическая конструкция.

ИМПОССИБИ́ЛИЯ (от лат. impossibilis — невозможный) определяется Т.Г. Хазагеровым и Л.С. Шириной как «неспециально охарактеризованная фигура, связанная с намеренным нагромождением небылиц» и иллюстрируется таким примером: «*Началось с того, что Волгу толокном замесили, потом теленка в баню тащили <...>, потом рака с колокольным звоном встречали, потом щуку с яиц согнали, потом комара за восемь верст ловить ходили, а комар у пошехонца на носу сидел, потом блинами острог конопатили, потом блоху на цепь приковали, небо кольями подпирали* (Н. Салтыков-Щедрин)» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. — С. 229—230).

Приведенный пример И. является описанием неестественного положения вещей (нарушения «картины мира», онтологической нормы) и неестественного поведения людей (нарушения этологической нормы), т.е. в данном случае мы имеем дело с синкретичным приемом, который может быть определен как синкретичный риторический прием параонтологического и/или параэтологического типа, состоящий в изображении (в том числе в виде перечисления) небылиц, неправдоподобных, абсурдных действий (поведения), событий, ситуаций, положений, предположений и т.д. Напр.:

1) ...*Иван Торопыжкин пошел на охоту,*
С ним пудель вприпрыжку пошел, как топор,
Иван провалился бревном на болото,
А пудель в реке перепрыгнул забор.
Иван Торопыжкин пошел на охоту,
С ним пудель в реке провалился в забор.
Иван, как бревно, перепрыгнул болото,
А пудель вприпрыжку попал на топор.
(Д. Хармс)

2) *Ехала деревня*
Мимо мужика.
Вдруг из подворотни
Лают ворота.
— Тпр! — сказала лошадь,
А мужик заржал.
Лошадь пошла в гости,
А мужик стоял...
(Фольклор)

3) *Ему* [Б.Н. Ельцину] *захотелось сладкого киселя, но киселя не дали, а повезли на бойню, обрядили в белый балахон и стали показывать страшные туши, куски мяса и кости. Ему подумалось, что это проделки Уринсона, и он накричал на него.* ***Но это был не Уринсон, а свежая тушка барана, посаженная на крючок*** (Зав. № 33. 1998 г.); 4) *Говорю о том образе тотально куриного мышления, который создают экранных дел мастера <...>.* ***Население потребляет прокладки с двойной защитой от кариеса и более ни о чем не помышляет*** (Изв., 6 авг. 1998 г.); 5) *Явлинский. Прочь уныние и пессимизм!* ***Мы будем противостоять всему, что происходит в стране, всему, всему! Даже восходу и заходу луны, даже снегу и дождям. Всему!*** (Зав. № 6. 2000 г.).

Комическое, чаще всего в его иронической или сатирической ипостаси, является преимущественной функцией И., которая может быть конструктивной основой малого комического жанра, например, анекдота (илл. 6,7), шутливой новостийной заметки (илл. 8, 9), шутливого объявления (илл. 10, 11), шутливого микродиалога (илл. 12, 13) и др.:

6) *«Можно было бы, конечно, еще поболтать, — думал Змей Горыныч, убегая от Ильи Муромца, — но одна голова хорошо, а две лучше»* (АиФ. № 43. 2002 г.);

7) *Психиатр говорит своему коллеге:*

— Представляешь, недавно ко мне пришел пациент, который вообразил, что он автомобиль.

— Ну и как ты его лечишь?

— А я его не лечу, я на нем домой езжу (Ком., 12—18 марта 2001 г.);

8) *Сенсация: автомобильный компьютер был арестован за угон автомобиля, на котором он был установлен! Приговор судей бесчеловечен — радиокружок Дворца пионеров!* (ТД. №18.2001 г.);

9) ***Новости автомобилестроения***

Новую модель автомобиля под названием «Запарижец» начал выпускать завод «Рено». Название объясняется тем, что завод расположен за Парижем (ЛГ. № 22. 2001 г.);

10) *Уважаемые налогоплательщики! Убедительно просим вас стирать последнюю рубаху* (Тр., 29 марта — 4 апр. 2001 г.);

11) ***Потребителю!***

Идя навстречу пожеланиям любителей искусства, с Нового года студия «Риал Рекордз» в дополнение к сборникам «Классическая музыка» начинает выпуск дисков «Музыка элитная», «Музыка темная», «Музыка пшеничная» (ТД. № 51. 2001 г.);

12) *— Что будет после страшного суда?*

— Как обычно — реабилитация! (КП, 23—30 июня 2002 г.);

13) *— Молодой человек, почему вы продаете доллары по цене в два раза выше курса Центробанка?*

— А как вы хотели? Ручная работа, да еще в ночное время... (КП, 7 июля 2001 г.).

Сфера более или менее стабильного использования И. — художественная и публицистическая речь.

Лит.: **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Сковородников А.П.** Малоформатные комические речевые жанры // Журналистика и культура русской речи. № 2. 2002; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников, Т.И. Дамм

ИНВЕ́РСИЯ (от лат. inversio — перестановка, переворачивание) — стилистический прием, состоящий в такой перестановке членов предложения, которая нарушает их обычное (стилистически нейтральное) расположение. Выделяются две разновидности И.

Первая связана с актуальным членением предложения и заключается в постановке ремы (нового) перед темой (известным) или между частями темы. Напр.: 1) ***Хорошая это все-таки штука — демократия!*** *Если пользоваться ею с умом* (ЛГ, 14 ноября 1990 г.). Ср.: *Демократия* [тема] *— это все-таки хорошая штука* [рема]; 2) ***Удивительное качество! Не злобиться, не ополчаться, не клясть судьбу, не бросать ей в гордыне перчатку.*** (ЛГ, 26 ноября 1986 г.). Ср.: *Не злобиться, не ополчаться, не клясть судьбу, не бросать ей в гордыне перчатку — удивительное качество*; 3) *Совместная жизнь мужчины и женщины, где каждый должен проявиться в трех лицах: мужчина — муж — отец, женщина — жена — мать — сложная и трудоемкая работа...* ***Но нужны друг другу мужчина и женщина как важнейшая часть смысла жизни*** (СК, 8 февр. 1986 г.). Ср.: *...Но как важнейшая часть смысла жизни мужчина и женщина нужны друг другу!*

Замечено, что в конструкциях с вынесением ремы в начальную позицию «наибольший изобразительный эффект инверсии обычно связан с теми случаями, когда на первое место выносится именная часть сказуемого, выраженная кратким прилагательным» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 230). Напр.: 4) *Привел сотник молодую жену в дом свой.* ***Хороша была молодая жена***. ***Румяна и бела была молодая жена*** (Н. Гоголь). Ср.: *Молодая жена была хороша. Молодая жена была румяна и бела.* Следует заметить, что И. может осуществляться и при прямом порядке главных членов предложения (подлежащее перед сказуемым) в том случае, если подлежащее является ремой. Например: 5) *[О могиле Евгения Базарова]* ***Одни лишь птицы садятся на нее и поют на заре. Железная ограда ее окружает...*** (И. Тургенев). Ср.: *На нее садятся одни лишь птицы и поют на заре. Ее окружает железная ограда.* Основная функция такой И. — эмфатическая (выделительная).

Вторая разновидность И. связана не с актуальным членением предложения, а с необычным порядком слов в словосочетании. И. такого рода будет, например, постановка прилагательного-определения после определяемого существительного: 6) *О ты, Родина! <...> Ты, безмерная, к тебе припадает усталый и загнанный, и своих бедных сынов ты берешь на мощную грудь, обнимаешь* ***руками многоверстными****, поишь извечною силою* (Б. Зайцев); 7) *Кто сомневается* ***в праве и долге нашем*** *думать об устроении будущей России! Все меняется на сем свете. Сроков никто не знает, время придет — и будет* ***Россия новая*** (И. Шмелев); 8) *...И ожидания оставались ожиданиями.* ***А мысли тяжелые*** *и* ***тревоги душевные*** *не унимались* (П. Александров).

И. такого рода, кроме эмфазы, способствуют ритмико-мелодической организации речи, придавая ей торжественное или лирическое звучание. Последнее более характерно для поэзии:

9) *Над калиткой арка из рябины.*
Барбарис разросся по бокам.
За оградой ***домик голубиный****.*
Дым из труб, подобный облакам.
(И. Северянин)

10) *Ранняя осень* ***любви умирающей****.*
Тайно люблю золотые цвета
Осени ранней, любви умирающей.
Ветви прозрачны, аллея пуста,
В ***сини бледнеющей, веющей, тающей***
Странная тишь, красота, чистота.
(В. Брюсов)

Дистантное расположение членов инверсируемого словосочетания усиливает стилистический эффект инверсии:

11) *Вот я богохулил.*
Орал, что бога нет,
А бог ***такую из пекловых глубин****,*
Что перед ней гора заволнуется и дрогнет,
Вывел *и велел:*
Люби!
(В. Маяковский)

Ср.: ...а бог из пекловых глубин вывел такую, что перед ней гора заволнуется и дрогнет, и велел: люби!

Впрочем, следует иметь в виду, что в поэтической речи любая И., и первого, и второго типа, может быть связана с требованиями размера и рифмы. «Нельзя анализировать функции порядка слов в стихах в отрыве от метра и других ритмико-фонетических, а также синтактико-семантических факторов. Очень легко приписать инверсиям, явлению обычному для стиховой речи, эмоционально-экспрессивный эффект, создаваемый другими моментами структуры стихотворного текста <...>» (Ковтунова И.И., 1976. С. 206).

В прозаической речи экспрессивные варианты словорасположения могут придавать речи разговорную (илл. 12), фольклорно-повествовательную (илл. 13), эпическую (илл. 14) и поэтическую (илл. 15) окраску. Ср.: 12) *Стоял раз полк в первой линии: целую неделю* ***с турками перестрелка была*** *<...>* (В. Гаршин); 13) ***Идет Жилин, все тени держится*** (Л. Толстой); 14) ***Пластался над хутором кизячный дым*** *<...>* (М. Шолохов); 15*) Но не бегало зыби по этому морю; не струился душный воздух: назревала* ***гроза великая*** (И. Тургенев) (Ковтунова И.И., 1976. С. 132—144).

И. может сочетаться с другими стилистическими приемами, например, с лексическими и синтаксическими повторами, что усиливает общий стилистический эффект: 16) *Я не с нынешнего дня высоко ценю ваш королевский дом, вашу страну, ваш народ, вашу литературу. Любовь к искусствам и к литературе всегда была традицией для шведского королевского дома, равно как и для всей благородной* ***нации вашей*** (И. Бунин).

И. широко используется в художественном и публицистическом стилях, в выступлениях публичных ораторов.

Лит.: **Алпатов В.М**. Инверсия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Гаспаров М.Л.** Инверсия // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Ковтунова И.И.** Инверсия // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Она же**. Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; Русская грамматика. Т. 2. Синтаксис. М., 1980; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ИНОСКАЗА́НИЕ — общее название стилистических приемов, связанных с изображением какого-либо явления, события, свойства, признака и т.д. под видом другого явления, события, свойства, признака.

К приемам иносказания относятся Аллегория (см.), Аллюзия (см.), Ирония (см.), Умолчание (см.), Эзопов язык (см.).

Подробнее см. об этом см. в соответствующих статьях.

Лит.: см. при ст. Аллегория, Аллюзия, Ирония, Умолчание, Эзопов язык.

О.Н. Емельянова

ИНСТРУМЕНТО́ВКА — звуковая организация речи, охватывающая Благозвучие (см.), Звукопись (см.), включая Аллитерацию (см.) и Ассонанс (см.), Звукоподражание (см.) и другие виды Звукоизобразительности (см.).

Подробнее об этом см. в статьях Аллитерация, Ассонанс, Благозвучие, Звукоизобразительность, Звукопись, Фоника.

Лит.: см. лит. к указанным выше статьям.

О.Н. Емельянова

ИНТЕНСИВНОСТЬ — категория, которая трактуется исследователями поразному. По мнению И.И. Туранского, «интенсивность — это семантическая категория языка, в основе которой лежит понятие градации количества в широком смысле этого слова. Интенсивность есть количественная мера оценки качества, мера экспликативности, есть показатель содержания коммуникации. С позиций исследователя — лингвиста — интенсивность есть мера экспрессивности, эмоциональности, оценочности, сигнализирующая градуальность»; «...формальное выражение категории интенсивности не ограничивается наречиями и именными словосочетаниями, но включает также глаголы, глагольные словосочетания, класс интенсифицирующих прилагательных, интонационные средства, морфологические формы и синтаксические способы» (Туранский И.И., 1987. С. 3). Согласно Т.В. Матвеевой, «интенсивность — напряженность, энергия, воздействующая сила языковых единиц», которая «...имеет отношение к различным составляющим языка»: силе звука, компонентам лексического значения слова, конструкциям экспрессивного синтаксиса и фигурам речи (Матвеева Т.В., 2003. С. 92). Э.Г. Куликова считает, что категория интенсивности «может быть рассмотрена как субкатегория по отношению к общей функционально-семантической категории количества» (Куликова Э.Г., 1995. С. 73). О. С. Ахманова определяет И. как «степень усиления или ослабления выдыхания, т.е. силы или слабости произнесения при артикуляции звука, особенно гласного» (Ахманова О.С., 1966. С. 179). Для представителей Пражской лингвистической школы И. — «общий термин для обозначения, с одной стороны, количества как фонологического признака, с другой — динамического ударения<...>» (Вахек Й., 1964. С. 78).

Как семантическая категория И. реализуется аффиксацией (*силища, носище*), повторами (*видимо-невидимо; Помогите! Помогите!*), компаративными

формами прилагательных (*добрее, добрейший, наидобрейший*) и наречий (*лучше, быстрее, тише*), лексической синонимией градационного типа (*большой, огромный, гигантский*), переносными значениями некоторых слов (*умять* — «съесть быстро и много», *стрекотать* — «говорить быстро, без умолку»), словами-интенсификаторами (*очень, чрезвычайно* и т.п.), определенными типами фразеологизированных структур (*Что за характер!, Всем пирогам пирог!*) и др.

Разными исследователями для обозначения языковых средств, реализующих категорию И., используются разные термины: **интенсификаторы** (И.И. Туранский), **интенсивы** (Н.В. Коссек), **интенсивы/экстенсивы** (И.В. Ревенко).

Выделяется также функциональная семантическо-стилистическая категория акцентности, определяемая как «одна из текстовых категорий, представляющая собой систему акцентуаторов — разноуровневых языковых, собственно текстовых, графически оформленных средств, объединенных функц.-семантически на текстовой плоскости для смыслового выделения концептуально-важных, по мнению автора, моментов содержания текста, привлечения к ним внимания, убеждения адресата в правильности авторской точки зрения и достижения таким образом взаимопонимания между отправителем и получателем сообщения; структурирована по принципу поля» (Иванова Т.Б., 2003. С. 120). Согласно этой концепции, одним из микрополей категории акцентности является микрополе усиления, в рамках которого выделены **актуализаторы-усилители**. Последние могут рассматриваться, с нашей точки зрения, как синонимы терминов «интенсификаторы», «интенсивы».

Т.Б. Иванова отмечает, что самыми частотными актуализаторами-усилителями являются частицы. «К лексико-грамматическим актуализаторам микрополя усиления относятся также наречия и усилители с «не» *отнюдь, вовсе, совсем, явно, совершенно, вообще, абсолютно, далеко, ни в коем случае, нисколько*, значительно усиливающие отрицание <...>. Еще более частотными являются лексические усилители наречного типа, так называемые слова-интенсивы *очень, весьма, чрезвычайно, особенно, крайне, совершенно, абсолютно* и др., сигнализирующие о том, что следующее слово является для автора значимым и требует специального подчеркивания. <...> Еще больший усиливающий эффект обеспечивают компаративы <...>: признаку приписывается высшая степень, тем самым он акцентируется» (Иванова Т.Б., 2003. С. 122).

На наш взгляд, необходимо разграничивать понятия интенсивности и интенсифицированности. Под **интенсивностью** понимаем семантико-прагматическую категорию, заключающуюся в повышенной степени проявления признака (в широком смысле); под **интенсифицированностью** — свойство языковой/речевой единицы, состоящее в ее особой выделенности, подчеркнутости, актуализированности (ср.: «актуализация» и «эмфаза» в одном из их значений. См.: Ахманова О.С., 1996. С. 37, 525).

Интенсифицированность (выделенность) языковой/речевой единицы может достигаться посредством реализации категории интенсивности, а также использованием разного рода риторических приемов (графических, фонетических, интонационных, синтаксических и др.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1996; **Бельская Е.В.** Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001; **Вахек Й.** Лингвистический словарь Пражской шко-

лы. М., 1964; **Иванова Т.Б.** Категория акцентности (функциональная семантико-стилистическая) // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М., 2003; **Коссек Н.В.** Интенсив как экспрессивно-стилистическое средство в рассказах К.Г. Паустовского // Язык и стиль произведений В.П. Катаева, К.Г. Паустовского и Л.И. Славина: Сб. науч. тр. Одесса, 1987; **Куликова Э.Г.** Категория интенсивности и эволюция акцентных систем в русском словообразовании // Проблемы литературоведения и языкознания. Вып. 2. Ростов н/Д, 1995; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Ревенко И.В.** Лексические средства репрезентации интенсивности в прозе В.П. Астафьева // Актуальные проблемы русского языка и литературы: Материалы Международ. конф. молодых филологов. Красноярск, 2003; **Туранский И.И.** Средства интенсификации высказывания в английском языке: Учеб. пособие к спецкурсу для студентов пед. ин-тов и факультетов ин. языков. Куйбышев, 1987; **Туранский И.И.** Некоторые проблемы реализации категории интенсивности // Вопросы нормы и нормативности в реализации языковых средств: Межвуз. сб. науч. тр. Горький, 1988; **Туранский И.И.** Семантическая категория интенсивности в английском языке. М., 1990.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

ИНТЕРНАЦИОНАЛИ́ЗМЫ. То же, что Интернациональные слова.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ СЛОВА. См. Заимствования.

ИНТИМИЗА́ЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ – стилистический прием, включающий такое использование речевых средств, в результате которого создается эффект доверительного непосредственного общения автора с читателем или слушателем.

Термин И.П. был впервые предложен Л.А. Булоховским в связи с изучением стиля русских писателей первой половины XIX в.

В литературе, касающейся данного вопроса, исследование И.П. связано с изучением, прежде всего, речевых средств И.П. художественного текста. Однако И.П. широко используется и в публицистических текстах, часто в манипулятивных целях.

И.П. предполагает выражение субъективно-эмоционального восприятия и оценки действительности. Автор выступает как собеседник читателя или слушателя, доверительно делясь с ним своими сокровенными размышлениями, рассчитывая на взаимопонимание.

Речевые средства И.П. органически связаны с формами субъективной модальности и включают в себя лексико-семантические, фразеологические, грамматические явления, носящие, преимущественно, разговорный характер. Поэтому при использовании данного приема, наряду с книжными словами и выражениями, в повествование включаются и разнообразные формы разговорной речи. В качестве основных средств создания И.П. можно отметить форму изложения «от первого лица», непосредственное обращение к читателю, употребление слов и оборотов разговорного характера, вставные конструкции, сбивчивость изложения, присущую неподготовленной разговорной речи. Указанные

средства дают автору возможность открыто выразить свое отношение к обсуждаемым вопросам, вовлечь читателя в открытое обсуждение, влиять на его сознание и чувства, ведя с ним доверительный разговор. Создавая таким образом эффект непосредственной беседы с читателем (слушателем), автор подводит его к определенным выводам и формирует ответную реакцию реципиента. Основная функция И.П., таким образом, сводится к тому, чтобы сформировать в основных чертах читательское восприятие и оценку, его ориентацию в этом вопросе и позицию.

Напр.: ***Нам*** *оказали высокое доверие... Хранить ядерные отходы. Чем руководствовались проголосовавшие за ввоз в Россию ОЯТ депутаты — гадать не приходится: в головах большинства из них шелест долларовых купюр давно* ***заглушил*** *соображения здравого смысла. О* ***нас****, доверивших им представлять* ***наши*** *интересы, «слуги народа», похоже, забыли подумать. <...>* ***Как ни крути****,* ***мы*** *их выбрали, а они нас предали.* ***Подведем итог нашему счастью****.* ***Привалило-то*** *оно именно* ***нам****, ведь на территории нашего края и будут храниться 75% ввозимых из-за границы отходов...*

(Новый гудок, 12 окт. 2001)

Лит.: **Бельчиков Ю.А.** Об интимизации изложения в очерках 70—80-х годов XIX века // Исследование по славянской филологии. М., 1974; **Бельчиков Ю.А.** К вопросу об интимизации изложения в очерках последней трети XIX в. // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. Виноградовские чтения I—VIII. М., 1978; **Денисова С.П.** Интимизация как одна из специфических черт художественного текста // Статус стилистики в современном языкознании: Тезисы докладов. Пермь, 1990; Стилистика русского языка. Жанрово-коммуникативный аспект стилистики текста / Отв. ред. А.Н. Кожин. М., 1987.

А.А. Кузнецова

ИРО́НИЯ (от греч. eirōnéia, букв. — притворство) — термин, употребляющийся в двух значениях.

1. В стилистике И. — «выражающее насмешку или лукавство иносказание, когда слово или высказывание обретают в контексте речи значение, противоположное буквальному смыслу или отрицающее его, ставящее под сомнение» (Лит. энц. словарь, 1987. С. 132). Напр.: 1) *Отколе, умная бредешь ты, голова?* (И. Крылов). В этом обращении к ослу (символу глупости) определение «умная» приобретает противоположное значение; 2) *Полицеймейстер был некоторым образом отец и благотворитель в городе. Он был среди граждан совершенно как в родной семье, а в лавки и в гостиный двор наведывался как в собственную кладовую* (Н. Гоголь). Здесь приведенный контекст ставит под сомнение положительный смысл сказуемых «отец» и «благотворитель», придавая им отрицательно-оценочное значение («благотворитель» прочитывается в этом контексте примерно как «разоритель»).

Такое употребление слов и выражений является стилистическим приемом (точнее — особого рода тропом), имеющим специальное название — антифразис (см. подробнее ст. Антифразис). Некоторые авторы ограничивают термин И. только вышеуказанным значением (напр.: Новиков Л.А., 1982. С. 78).

2. В эстетике и литературоведении термином И. обозначается вид комического, в котором критическое отношение к объекту осмеяния носит осуждающий характер и выражается в несколько завуалированном виде. «Ироническое отношение предполагает превосходство или снисхождение, скептицизм или насмешку, нарочито запрятанные, но определяющие собой стиль худож. произведения, <...> или организацию образной системы <...>. «Скрытность» насмешки, маска серьезности отличают И. от юмора и особенно от сатиры...» (Лит. энц. словарь, 1987. С. 132). «Ироническое отношение реализуется весьма многообразно: с помощью гротеска (Дж. Свифт, Э.Т.А. Гофман, М.Е. Салтыков-Щедрин), парадокса (А. Франс, Б. Шоу), пародии (Л. Стерн), остроумия, гиперболы, контраста, соединения различных речевых стилей и т.д.» (Зарецкая Е.Н., 1998. С. 405).

Как вид комического, как особый стилистический эффект И. может быть выражена разными стилистическими приемами (тропами и фигурами). Так, кроме упомянутого выше антифразиса, И. может выражать антанаклаза (повторение многозначных слов в разных контекстуальных значениях): 1) *У одних поэтов есть имя, у других — только имя и отчество* (В. Ситков) (Москвин В.П., 2002. С. 97); аккумуляция (нагнетание) идеологических штампов: 2) *Понедельник был не на одной шарашке Марфино, но и по всему Советскому Союзу установленный Центральным Комитетом партии день политучебы. Историю партии нового типа прорабатывали очень углубленно. Каждый год, начиная с 1 октября, изучали ошибки народников, ошибки Плеханова, борьбу Ленина—Сталина с экономизмом, легальным марксизмом, оппортунизмом, хвостизмом, ревизионизмом, ликвидаторством, богоискательством и интеллигентской бесхребетностью* (А. Солженицын).

Л.И. Еремина, анализируя язык художественной прозы Н.В. Гоголя, упоминает следующие приемы иронического повествования: 3) «столкновение и объединение в одном ряду неоднородных предметов и явлений»: [Пифагор Пифагорович Чертокуцкий] «*носил усы под носом и шпоры на сапогах*» («Коляска»); 4) «*сближение человеческого мира с животным*»: *у цирюльника Ивана Яковлевича фрак «был пегий; то есть он был черный, но весь в коричнево-желтых и серых яблоках...»* («Нос»); 5) «метонимическое соотношение части и целого»: на Невском проспекте, кроме щегольских сюртуков с лучшими бобрами, один несет *«греческий прекрасный нос, третий несет превосходные бакенбарды, четвертая — пару хорошеньких глазок и удивительную шляпку, пятый — перстень с талисманом на щегольском мизинце, шестая — ножку в очаровательном башмачке, седьмой — галстух, возбуждающий удивление, осьмой — усы, повергающие в изумление*» («Невский проспект»); 6) гиперболу: «*Консул, долженствовавший, по обязанности своей, наблюдать над подведомственными ему сотоварищами, имел такие страшные карманы в своих шароварах, что мог поместить туда всю лавку зазевавшейся торговки*» («Тарас Бульба»); 7) «логическое несоответствие»: в кабинете Манилова *«всегда лежала какая-то книжка, заложенная закладкою на четырнадцатой странице, которую он постоянно читал уже два года*» («Мертвые души»); 8) прием «обманутого ожидания»: среди «просвещенных людей» были такие, «*кто читал Карамзина, кто «Московские новости», кто даже и совсем ничего не читал*» (Мертвые души) и другие приемы (Еремина Л.И., 1987. С. 64—75).

Несмотря на большое разнообразие языковых способов выражения И., прослеживается тенденция: среди этих способов доминируют так называемые семантические фигуры — в широком смысле этого понятия (о последних см.:

Скребнев Ю.М., 1997. С. 591). Еще несколько примеров (выделения в тексте наши. — *А.С.*):

9) *Мечтает* ***свет*** *в конце тоннеля*
Весной увидеть наш народ.
Пока что видно еле-еле,
И то не ***этот свет, а тот.***
(В. Евдокимов // АиФ. № 24. 2001 г.).

В этом тексте иронический эффект создается Диафорой (см.).

10) ***Сижу за решеткой в темнице сырой***
И пять депутатов на нарах со мной.
(А. Ратнер // ЛГ. № 38. 2001 г.).

В этом тексте иронический эффект возникает из-за сочетания Реминисценции (см.) и Обманутого ожидания (см.).

11) *В году не счесть торжеств* ***мемориальных*** —
Все больше в честь божеств ***мнимореальных***.
(В. Резниченко // ЛГ. № 22. 1998 г.).

В основе иронического контекста — Парономазия (см.).

12) *Мои стихи придут к читателям*
Уже стопой макулатуры,
Зачем пещерным обитателям
Следы исчезнувшей культуры?
(И. Губерман // ЛГ. № 12. 2001 г.).

Едкая ирония этого текста была бы невозможна без оценочной перифразы «пещерным обитателям» (см. Перифраза) в сочетании с Риторическим вопросом (см.).

Ограниченный объем словарной статьи не позволяет дать более подробный перечень речевых (риторических) приемов создания иронического эффекта как проявления одной из ипостасей категории комического (см. литературу).

Следует заметить, что сложившаяся практика использования термина И. в двух вышеуказанных значениях создает определенные неудобства, что и отмечают некоторые авторы стилистических штудий (Москвин В.П., 2000. С. 53). Более того, эта двузначность термина имеет следствием некоторые лексикографические издержки, к которым можно отнести представление термина «И.» только в одном значении — тропа, «состоящего в употреблении слова или выражения в смысле обратном буквальному с целью насмешки» (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1985. С. 100), а также подачу терминов «антифразис» и «ирония» по существу с одинаковыми дефинициями (Ахманова О.С., 1966. С. 49 и 185).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Еремина Л.И.** О языке художественной прозы Н.В. Гоголя: (Искусство повествования). М., 1987; **Ермакова О.П.** Об иронии и метафоре // Облик слова: Сб. статей / РАН. Ин-т рус. яз. М., 1997; **Ермоленко Г.Н.** Виды иронии в поэме Вольтера «Орлеанская девственница» // Актуальные проблемы романистики: Сборник статей. Смоленск, 1998; **Зарецкая Е.Н.** Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. М., 1998; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М**. Стилистика английского языка: Пособие для студентов пед. ин-тов. Л., 1960; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В**.

Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Новиков Л.А.** Искусство слова. М., 1982; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Скребнев Ю.М.** Фигуры речи // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Смолина А.Н.** Ирония в контексте современной языковой ситуации (на материале российских СМИ) // Scripta manent VII: Сборник статей. Смоленск, 2001; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Чернец Л.В.** Школьный словарь литературоведческих терминов: Иносказательность в художественной речи. Тропы. Стиховедение / Л.В. Чернец, В.Б. Семенов, В.А. Скиба. М., 2002.

А.П. Сковородников

ИСТОРИ́ЗМЫ — Устаревшие слова (см.), значения слов или словосочетания, вышедшие из употребления в связи с исчезновением тех реалий, которые они обозначали: *коллежский асессор, ермолка, лорнет, извозчик, жандарм, целовальник, тягло* и т.д. И. являются единственными названиями исчезнувших предметов и явлений действительности, не имеют параллелей в современном русском языке и выполняют главным образом номинативную функцию.

Наиболее важными отличительными признаками И. являются: отсутствие у них вариантов или синонимов; однозначность стилистической маркировки; их принадлежность только к лексическому пласту языка.

Процесс историзации обусловлен экстралингвистическими причинами (неактуальностью называемых предметов и явлений действительности): «причины ухода слов из активного употребления в составе историзмов совершенно ясны и не требуют никаких особых разъяснений» (Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка).

Поскольку И. выполняют номинативную функцию и, как правило, терминологичны по своей природе (это единственные названия исчезнувших реалий), они в большинстве своем являются существительными (*жупан, забрало, вассал*), реже прилагательными (*жалованный, земский, губернский*), еще реже глаголами (*викжелять, колесовать, забривать*).

И. могут обозначать отечественные реалии (*коллежский асессор* — гражданский чин восьмого класса по табели о рангах дореволюционной России; *глашатай* — в старину: лицо, всенародно объявлявшее что-то) или относиться к прошлому других народов (*каган* -1) титул главы государства у тюркских народов в средние века, а также лицо, носившее этот титул; 2) наименование хазарского хана в 8—10 вв.; *колон* — в древнем Риме: арендатор небольшого участка земли, принадлежащей крупному землевладельцу).

Терминологичность И. заключается в том, что они называют понятия, имеющие культурно-историческое значение и выступают как специальные обозначения. Это приводит к тому, что, с одной стороны, И. являются пассивной лексикой, а с другой — активной лексикой определенных научных дисциплин (истории, социологии, этнографии и др.), т.е. функционально ограниченной лексикой активного словаря, что доказывает условность отнесения И. к пассивной части лексики языка и условность деления лексики вообще (любой) на активную и пассивную.

З.Ф. Белянская выделяет историзмы-слова (лексические И.) и историзмы-значения многозначного слова (семантические И.), например: *фарисей* — член религиозно-политической партии в Древней Иудее — ср. *фарисей* — лицемер; *ярлык* — письменный указ хана — ср. *ярлык* — этикетка, и отмечает особенности историзации многозначного слова: 1) полисемантичные слова, производные значения которых возникли в результате метонимических переносов, подвергаются историзации во всех значениях; 2) производные значения многозначного слова, образовавшиеся путем метафорического переноса, обычно сохраняются в активном словарном запасе, в то время как исходное значение переходит в состав И.

Д.Н. Шмелев называет семантические И. (т.е. слова с историческими и актуальными значениями) частичными И.

Среди И. выделяют слова, называющие предметы и явления, устаревшие в отношении отечественной действительности, но актуальные в жизни других стран. На эту лексику обращали внимание Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов, Ф.П. Филин, Ю.С. Маслов и др.

Ю.С. Маслов, например, относит такие слова к И., но подчеркивает их двойственную природу: «После Великой Октябрьской революции некоторые слова стали не только историзмами, но одновременно и экзотизмами — обозначениями явлений чужой действительности. Таковы, например, слова *сословие, дворянин, помещик, поместье, лакей*: они используются в своих прямых значениях либо когда речь идет о прошлом нашей страны, либо когда речь идет о тех зарубежных странах, в которых еще существует сословное деление общества» (Маслов Ю.С. 1975. Введение в языкознание. С. 248—249).

Некоторые И. сохраняются в активном словаре в составе идиом, устойчивых выражений: *точить* ***лясы***, *бить* ***баклуши*** и др.

И. могут вернуться в активный словарный запас языка при возвращении, актуализации обозначаемых ими реалий, понятий. Так произошло, например, со словами *меценат, мировой судья* и проч.

Многие лингвисты считают, что И. в художественных текстах выполняют стилистическую функцию — создают исторический колорит, однако другие утверждают, что и в беллетристике, и в научной литературе И. *называют* предметы и явления, характерные для описываемого времени, следовательно, их роль номинативная: *Иван Андреевич в* ***исподнем*** *белье выскочил из шатра, размахивая* ***бердышом*** *<...> На выжженных скамьях сидели* ***бояре****, одетые по военному времени в* ***шлемах****, в* ***епанчах*** *<...>* ***Думный дьяк*** *Шакловитый прочел* ***сказку*** *о его «винах»* (А. Толстой).

И все же И., используемые, например, в поэтическом тексте, не только передают колорит ушедших эпох, но и стилизуют семантику всего поэтического произведения. Этот эффект тонко использовали очень многие поэты. Так, например, А. Белый в цикле стихов «Прежде и теперь» из книги «Золото в лазури» с помощью И. (*камзол, букли, менуэт* и др.) воссоздал стилизованное прошлое. Широко использовал И. в своих стихотворных стилизациях под прошлое В. Брюсов: «Ассаргадон», «Халдейский пастух», «Рамсес», «Цирцея», «Кассандра», «Моисей», «Клеопатра», «Скифы» (уже сами заглавия этих поэтических текстов являются своего рода ключом к их стилизованной семантике): *фаланга, скрижали, скипетр, сатрапии, свитки, гвельфы, гибеллины* и др.

То же можно сказать и о многих других произведениях классической русской литературы.

Лит.: **Белянская З.Ф.** Устаревшая лексика современного русского языка (Историзмы): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978; **Груздева Е.В.** Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996; **Денисов П.Н.** Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993; **Ковалева Е.В.** Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996; **Маслов Ю.С.** Введение в языкознание. М., 1975; **Михайлова Е.Г.** Архаизация элементов языка в процессе его развития: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1987; **Нестеров М.Н.** Русская устаревшая и устаревающая лексика: Учебное пособие. Смоленск; Брянск, 1998; **Селищев А.М.** Революция и язык // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968; **Шанский Н.М.** Лексикология современного русского языка. М., 1972; **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

О.Н. Емельянова

К

КАКОФЕМИ́ЗМ. То же, что Дисфеми́зм.

КАКЭМФАТО́Н — Стилистический прием (см.), заключающийся в таком стечении звуков при образовании слов, словосочетаний, предложений, которое вызывает нежелательные, часто грубые, непристойные ассоциации. Как выразительное средство употребляется исключительно в юмористических и сатирических текстах. Например:

— *Что сказали монголотатары, когда напали на Русь?*
— *А у нас орда.*
— *А что сказали им на это русские?*
— *А у* ***нас рать*** (ОРТ, 4.11.01).

К. как стилистический прием необходимо отличать от Какологии (см.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика и Словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1994.

А.А. Кузнецова

КАЛАМБУ́Р (от франц. calembour) — разновидность Языковой игры (см.) с установкой на комический эффект, конструктивную основу которой составляют стилистические фигуры, опирающиеся на такие парадигматические отношения в лексике, как полисемия, омонимия, антонимия и паронимия (в широком смысле, включая парономазию). Соответственно можно выделить:

К. полисемические: 1) *Если история* ***повторяется****, значит у нее склероз* (АиФ, № 45, 2000 г.); 2) *Неодолимый барьер поставлен перед «несунами» на фабрике «Разнопром»: здесь освоен выпуск продукции, которая* ***не лезет ни в какие ворота*** (ЛГ, 22 сент. 1982 г.); 3) ***Соль*** *жизни в том, что она не* ***сахар*** (ТД. № 51. 2001 г.).

К. омонимические: 4) *Народ был, народ* ***есть****, народ будет* ***есть*** (КП, 6 дек. 1991 г.); 5) *Раньше в нашей стране все решали дедки, а теперь — «****бабки****»* (АиФ. № 46, 2000 г.); 6) *Дети рождаются не только от* ***Любви,*** *но и от* ***Веры, Надежды*** (АиФ. № 21. 2002 г.).

К. антонимические, основанные на сопоставлении или противопоставлении псевдоантонимов (слов из разных антонимических пар): 7) *Поклон* ***сужает*** *кругозор, но* ***расширяет*** *перспективы* (ЛГ, 8 ноября 1995 г.); 8) ***Правый*** руль на *«****левой****»* машине (КП, 29 дек. 1992 г.); 9) *Была бы жизнь* ***дешевле — цены*** *бы ей не было!* (ЛГ. 31 янв. — 6 февр. 2001 г.).

К. паронимические: 10) *Я ведь от души, Максим Иваныч... Это не какая нибудь взятка... Это приношение от чистоты души... за труды непосильные... <...> Это не* ***взятка-с****, а законное, так сказать,* ***взятие****...* (А. Чехов); 11) *В спорах* ***вырождается*** *истина* (ЛГ, 10—16 июля 2002 г.); 12) *За* ***убеждения*** *приходится* ***платить*** *самому****, за заблуждения*** *—* ***расплачиваются*** *другие* (ЛГ. № 30. 2001 г.).

Как показывает последний пример, кроме паронимов — однокоренных слов (платить — расплачиваться), в К. могут сталкиваться слова созвучные, но не однокоренные — парономазы (убеждения — заблуждения). Эти слова могут не иметь ничего общего в значении: 13) *«сдать* ***в истерический*** *архив»*; 14) *«****Пожуем*** *— увидим»* (ср.: сдать в исторический архив; Поживем — увидим); могут быть словами, сближаемыми на основе «авторских этимологий», когда словам, не связанным общностью происхождения, как бы приписывается генетическое родство (илл. 15), а также словами, этимологически родственными, но давно утратившими общность значения (илл. 16):

15) *— Хочешь* ***чаю,*** *Никанор? — Нет, спасибо, я уже* ***отчаялся*** (Е. Петров);

16) *Он* ***непосредственной*** *натурой*
Себя считает чуть не с детства.
Соседи подтверждают хмуро:
— О да, живет он ***не по средствам****.*
(А. Чистяков)

Каламбурный характер может носить словообразовательная (илл. 17) и фразеологическая (илл. 18, 19, 20) контаминация (наложение, совмещение) в тех случаях, когда она основана на соответствующих парадигматических отношениях:

17) **стихоплут** (ср. стихоплет); **яблокодабра** (ср. абракадабра); **путчеглазые** (ср. пучеглазые); **грипповуха** (ср. групповуха) и т.п.;

18) *Красота —* ***дело нашивное.*** *Это точно знает хирург-косметолог Римма Евтюшова, ведь свое лицо она сделала сама* (КП, 10 февр. 1998 г.). Ср.: **дело наживное**; 19) ***Результат короткого смыкания****. Причина любви Следственного комитета к электричеству* (НГ, 31 янв. — 6 февр. 2000 г.). Ср.: **короткое замыкание**; 20) *Перекуем* ***мячи*** на ***орало****? Война футбольных болельщиков грозит выплеснуться в гражданскую* (НГ, 31 янв. — 6 февр. 2000 г.). Ср.: **Перекуем мечи на орала**.

К. широко употребляются не только в публицистике, но и в художественной речи, особенно в поэзии, где часто рифмуются:

21) *Область рифм — моя* ***стихия****,*
И легко пишу ***стихи я****;*
Без раздумья, без ***отсрочки***
Я бегу к строке ***от строчки****,*
Даже к финским ***скалам бурым***
Обращаясь с ***каламбуром****.*
(Д. Минаев)

Как признак остроумия К. характерны и для разговорной речи. Например: 22) *А. Вот Юльке муж достался/ И готовит/ И стирает/ и* ***на рояле играет/*** *Б.* (шутливо) ***Роялист*** *//*; 23) *Пылесосы/ они что? На* ***пылегоне*** *испытываются?*; 24) А. *У Сергея* ***Болдинская*** *осень// Он всю осень* ***балдеет*** (Русская разговорная речь...); 25) ***Кесарю кесарево****, а* ***слесарю слесарево*** (шутливая пословица).

К. часто образуют стилистическую конвергенцию с другими фигурами и тропами. Напр.:

26) *Где возвысил, а где унизил*
Краснобаев, дельцов, стервоз
Многокрасочный телевизор —
Этот мощный ***ПиАр-о-воз.***

(Л. Шерешевский //ЛГ, 10—16 июля 2002 г.)

Здесь реализована стилистическая конвергенция Графона (см.), Метафоры (см.), Парономазии (см.), словообразовательной игры (см. Языковая игра), Антитезы (см.).

Отличительными признаками К. как разновидности языковой игры являются: наличие двух контрастирующих смысловых компонентов (один из них может подразумеваться — см. илл. 1,2, 3, 5, 6, 11, 13, 14 и др.) и комический эффект. К. употребляются либо в определенном контексте как стилистические приемы, либо как самостоятельные высказывания, обладающие грамматической и смысловой завершенностью, — в комических афоризмах, комических пословицах, шутках («приколах») и т.д. (см. илл. 1, 3, 4, 5, 6, 11, 12, 25, 26). В таком случае К. выступают как стилистическая основа соответствующих малоформатных речевых жанров.

Лит.: **Бабаева К.Б.** Функционирование каламбура в прозе Владимира Набокова // Проблемы грамматической стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1997; **Гридина Т.А.** Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1996; **Земская Е.А.** Речевые приемы комического в советской литературе // Исследования по языку советских писателей. М., 1959; **Леонтьев А.А.** Каламбур // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Лукьянов С.А.** Аппликативный каламбур: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 1991; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Санников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983; **Сковородников А.П., Дамм Т.И.** О лингвистическом статусе каламбура (на материале русскоязычных газетных текстов) // Stylistyka X, 2001; **Ходакова Е.П.** О каламбуре // Русский язык в школе. 1968. № 3; **Она же.** Каламбур // Русский язык. Энциклопедия. М., 1997; **Щербина А.А.** Сущность и искусство словесной остроты (каламбура). Киев, 1958; **Якименко Н.В.** Каламбур как лингво-стилистический прием в английском языке и пути его воссоздания в переводе: Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1984.

А.П. Сковородников

КАНЦЕЛЯРИ́ЗМЫ — слова, устойчивые словосочетания, грамматические формы и конструкции, употребление которых в литературном языке закреплено за официально-деловым стилем, особенно за его канцелярско-деловым (административно-канцелярским) подстилем. К канцеляризмам относятся как отдельные слова и словосочетания с окраской функционально-делового стиля (*уведомление, ходатайствовать, именуемый, надлежит, единовременное пособие, вышестоящие органы* и т.п.), так и синтаксические конструкции, построенные по определенным моделям (напр., «цепочка» форм родительного падежа существи-

тельных: *деятельностью, не преследующей цели получения прибыли; выяснение условий совершения преступления*; сочетание существительного с делексикализованным глаголом: *оказывать помощь* вместо *помогать*, *проводить контроль* вместо *контролировать*).

Канцеляризмы являются необходимым структурным элементом любого официально-делового текста. Напр.:

Завод «Прогресс» ***просит*** *Вас* ***оказать техническую помощь в разработке чертежей насосной станции****. Так как в настоящий момент монтаж уже ведется,* ***просим произвести эту работу*** *непосредственно на площадке* (Из гарантийного письма).

Употребление канцеляризмов за пределами официально-деловых текстов без стилистического задания является речевым недочетом и рассматривается исследователями как «болезнь речи», получившая название «Канцелярит» (см).

В художественной, публицистической речи канцеляризмы могут использоваться как особый Стилистический прием (см.). Напр.:

Давыдов вышел, развернул записку. Синим карандашом было размашисто написано:

«Лиза! ***Категорически предлагаю незамедлительно и безоговорочно предоставить обед предъявителю этой записки.***

Г. Корчжинский».

«Нет, уж лучше без обеда, чем с таким мандатом», — уныло решил проголодавшийся Давыдов, прочитав записку и направляясь в райполеводсоюз (М. Шолохов).

— Но ведь я же ***в порядке неимения жилплощади****, — прошептал молодой человек. — Граждане!* (И. Ильф, Е. Петров).

В данных примерах канцеляризмы используются как средства речевой характеристики персонажа.

С целью достижения юмористического эффекта используются канцеляризмы в следующих текстах:

Муза ему долго не давалась, а когда далась, то поэт удивился от того, что у него с ней получилось. Во всяком случае, ***по прочтении продукции*** *ему стало ясно, что не может быть и речи о гонораре* (М. Зощенко).

Конюх Бобровников Г.Б. зашел в конюшню. Лошадь его лягнула. Случай произошел ***по причине несвоевременного предупреждения лошади окриком для ее оборачивания головой к двери.***

Для недопущения подобного случая конюхам необходимо к лошадям входить после их предупреждения голосом, приведения лошадей в состояние полного спокойствия (Из журн. «Крокодил»; Цит. по кн.: Борисова И.Н., Купина Н.А., Матвеева Т.В., 1995. С. 13).

Лит.: **Борисова И.Н., Купина Н.А., Матвеева Т.В.** Основы стилистики, культуры речи и риторики. Екатеринбург, 1995; **Винокур Т.Г.** Когда «канцеляризмы» и «штампы» становятся опасной болезнью? // Наша речь. Как мы говорим и пишем. М., 1965; **Головин Б.Н.** Как говорить правильно. Заметки о культуре русской речи. М., 1988; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1991; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; Культура устной и письменной речи делового человека: Справочник. Практикум. М., 2004; **Шварцкопф Б.С.** Канцеляризмы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Скворцов Л.И.** О канцеля-

ризмах и штампах // РР. 1982. № 1; **Скворцов Л.И.** Экология слова, или поговорим о культуре русской речи. М., 1996; **Щерба Л.В**. Современный русский литературный язык // Избранные работы по русскому языку. М., 1957.

Г.А. Копнина

КАТАХРЕ́ЗА, или **КАТАКРЕ́ЗА** (греч. katachresis — злоупотребление, неправильное употребление слова) — троп, «тропеическое сочетание в одной синтагме двух или нескольких несовместимых, но не контрастных слов» (Береговская Э.М., Верже Ж. М., 2000. С. 43). В К. слова употребляются «в значениях, не принадлежащих им с предметно-логической точки зрения, обычно в силу того, что сопоставляемые предметы и явления отражаются в сознании, поступая по совершенно разным каналам восприятий, объединяемых лишь на основе общего впечатления и оценки.

Сплетня вкусна, господа (Достоевский).

И плавает плач комариный... (Пастернак)» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 235).

К. представляет собой такое сочетание слов, «когда прямые смыслы этих слов вступают в противоречие друг с другом.

Я был опутан влагой черной ее распущенных волос (В. Брюсов)» (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С.84).

К. используется главным образом в поэзии, реже — в художественной прозе. Примеры К.:

1) *Февраль. Достать чернил и плакать!*
Писать о феврале навзрыд,
Пока грохочущая сляκоть
Весною черною горит.
(Б. Пастернак)

2) *С оливой мира смерть, а не с косою.*
Так! В небе не смутит его земное:
Он ***землю отбывал*** *без бытия...*
(И. Северянин)

3) *Ах, Эривань, Эривань! Не город — орешек каленый,*
Улиц твоих большеротых *кривые люблю Вавилоны.*
(О. Мандельштам)

4) *Родина моя просторная, терпеливая и безмолвная!*
Зацвели твои белые сугробные поля
Цветом алым громким.
(А. Ремизов)

5) *Этот Ханов, мужчина лет сорока,* ***с поношенным лицом*** *и с вялым выражением уже начинал заметно стареть, но все еще был красив и нравился женщинам* (А. Чехов).

Другое название К. как тропа — **абузия**.

Термин «Катахреза» используется еще в двух значениях: 1. для обозначения узуальных словосочетаний типа «*красные чернила*», «*стрелять из пушки*», «*путешествовать по морям*» и под.; 2. для обозначения речевых недочетов, возникающих в результате «попытки механич. сочетания не вяжущихся друг с дру-

гом смысловых компонентов», например: «*управлять государственным кораблем на вулкане*»; «*пусть акулы империализма не протягивают к нам свои лапы*» и пр. (Корольков В.И., 1966. Стлб. 445; Ср. Гаспаров М.Л., 1987. С. 152; Москвин В.П., 2000. С.120) (см. **Неудачное использование тропов**).

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М., Верже Ж.-М.** Занятная риторика = Rhetorique amusante. М., 2000; **Гаспаров М.Л.** Катахреза // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Корольков В.И.** Катахреза // Краткая литературная энциклопедия. Т. 3. М., 1966; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

КИ́КЛОС. То же, что Кольцо.

КЛИ́МАКС, или **ВОСХОДЯЩАЯ ГРАДАЦИЯ** (от греч. klimax — лестница) — одна из двух разновидностей стилистической фигуры Градации (см.), в которой ее элементы расположены в порядке возрастания (отсюда название).

В зависимости от целей, преследуемых адресантом, К. может строиться на усилении эмоциональности (обычно в художественной литературе и, особенно, в поэзии), либо на интенсификации интеллектуальной оценки (чаще в публицистике). Так, в знаменитых строчках С. Есенина К. используется для актуализации эмоционального состояния героя:

Не жалею, не зову, не плачу,
Все пройдет, как с белых яблонь дым.

В публицистике на первый план выходит функция интеллектуальной оценки, выражаемая К.: *Роман или стихотворение — не монолог, но разговор писателя с читателем — разговор, повторяю,* ***крайне частный, исключающий всех остальных****, если угодно —* ***обоюдно мизантропический*** (И. Бродский).

К. может вступать во взаимодействие с другими фигурами, такими как Анафора (см.), Эпифора (см.), Полисиндетон (см.), Асиндетон (см.), Парцелляция (см.). Напр.: *Этот солдат* ***не позволит унижать себя, не позволит унижать свою армию, не позволит унижать свою страну*** (ОРТ, «Время», 6 февр. 2000 г.). В данном примере восходящая градация, построенная на Параллелизме (см.) усилена анафорой. *Все мы жили рядом с ней и не поняли, что она тот самый праведник, без которого, по пословице, не стоит* ***село****. Ни* ***город****. Ни* ***вся земля наша*** (А. Солженицын). В данном отрывке текста К. усилен парцелляцией.

Эффект усиления проявления какого-либо признака в К. может быть реализован на различных уровнях: фонетическом, грамматическом, лексическом. Так, при помощи интонации, графики и пунктуационных средств передается

возрастающая громкость звука: *Выключите* ***динамо! Динамо! Ди-на-мо!! ДИНА-МО!!!*** (В. Пелевин*); Пусть сделает, наконец, на ТВ ли на «Европе» то, за что он сам, как за свои лучшие статьи, поставит себе «5» (пусть ему, в конце концов, дадут это сделать!). Потом уже будем говорить* — ***исписался***, ***истрепался, изолгался*** (МК, 23 янв. 2000г.). В последнем примере при построении К. использованы глаголы в форме прошедшего времени, причем с одним префиксом. *Эта интеллигентская «гнильца» обнаруживается и в его литературных текстах, перенасыщенных рефлексией (самокопанием, если сказать по-русски), и в устных, не всегда внятных, высказываниях на всевозможные темы, и в* ***зыбкости***, ***смутности***, ***расплывчатости*** *оценок и определений своей позиции* (ВК, 20 мая 1997 г.). Здесь градационный ряд построен на явлении синонимии с той целью, чтобы уточнить даваемую оценку.

К. может использоваться как прием строфической организации поэтического произведения:

Восток белел*...*
Ладья катилась,
Ветрило весело звучало!
Как опрокинутое небо,
Под нами море трепетало.
Восток алел*...*
Она молилась,
С кудрей откинув покрывало,
Дышала на устах молитва,
Во взорах небо ликовало...
Восток пылал*...*
Она склонилась,
Блестящая поникла вся
И по младенческим ланитам
Струились капли огневые...
(Ф. Тютчев)

Лит.: **Ахманова О.С**. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М.** Градация в системе синтаксических фигур // Модели культуры: Межвуз. сб. науч. тр. Смоленск, 1992; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Новиков Л.А.** Искусство слова. М., 1982; **Розенталь Д.Э., Теленкова Н.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; **Сковородников А.П.** Градация // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень / Краснояр. гос. ун-т; Под ред. А.П. Сковородникова. Вып. 6. Красноярск-Ачинск, 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 1999; **Щербаков А.В.** Фигура градация в современном русском языке (К постановке проблемы) // Речевое общение: Вестник Российской риторической ассоциации. Вып. 1 (9). Красноярск, 2000; **Щербаков А.В.** Проблема определения градации как стилистической фигуры в лингвистической литературе // Риторика — Лингвистика 3: Сб. ст. Смоленск, 2001; Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцев. 2-е изд. М., 1998.

А.В. Щербаков

КЛИШЕ́ (фр. cliché), или **РЕЧЕВОЙ СТЕРЕОТИП**, — готовый, легко воспроизводимый в определенных ситуациях и сферах общения оборот, не вызывающий, в отличие от Речевого штампа (см.), негативного отношения со стороны адресата речи и лаконично выражающий какую-либо мысль.

«Положительные стороны клише: соответствие психологическим стереотипам как отражению в сознании часто повторяющихся явлений действительности; легкая воспроизводимость готовых речевых формул; автоматизация процесса воспроизведения; облегчение процесса коммуникации; экономия усилий, мыслительной энергии и времени как для говорящего (пишущего), так и для слушающего (читающего)» (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976. С. 149).

Выделяют К. газетные (*работники бюджетной сферы, служба занятости* и др.), научные (*как отмечает исследователь, по мнению специалистов, отсюда можно сделать вывод, данному вопросу (проблеме, теме) посвящены, следует обратить внимание* и др.), канцелярские (*прошу принять меня, справка прилагается, в связи с этим, по истечении срока, согласно Вашей просьбе* и др.), фольклорные (*белы рученьки, море синее, красна девица* и др.).

Разновидностями К. считают также формулы речевого этикета (см. Речевой этикет), Афоризмы (см.), Фразеологизмы (см.), Крылатые слова и выражения (см.), некоторые лозунги, цитаты (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 86).

Лит.: **Костомаров В.Г.** Русский язык на газетной полосе. М., 1971; **Кохтев Н.Н.** Клише и газетная речь // Вестник МГУ. Журналистика. 1968. № 3; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Г.А. Копнина

КНИ́ЖНАЯ ЛЕ́КСИКА — один из основных разрядов лексики литературного языка; слова и словосочетания, характерные для литературной письменной речи (особенно научной или публицистической), обслуживающие сферу интеллектуального общения, обозначающую обычно понятия и реалии, находящиеся за пределами бытовых.

Иногда эта лексика не имеет широкого распространения (***автократ, агент, катарсис*** и под.).

К.л. свойственна абстрактность семантики (значения), особенно по сравнению с разговорной лексикой, а также экспрессивная стилистическая окраска (употребленное в разговорной речи, книжное слово все же сохраняет отпечаток книжности). «В непринужденной бытовой обстановке книжные слова иногда способны производить особый стилистический эффект. Выбор в такой ситуации одним из собеседников литературного, подчеркнуто книжного языка как бы устанавливает определенную дистанцию, барьер между общающимися» (Резниченко И.Л., 1984. С. 122).

Разновидностями книжной лексики принято считать лексику общекнижную, присущую книжной речи в целом, официально-деловую, канцелярскую, а также газетно-публицистические, высокие слова и научно-технические термины.

В толковых словарях эта лексика обычно сопровождается пометами «*книжн.*», «*офиц.*», «*высок.*», «*спец.*» и под.

К книжной лексике относят и переносные, образные лексические значения, присущие письменной, художественной или публицистической речи, а также иноязычные по происхождению нетерминологические наименования, имеющие нейтральные эквиваленты.

Но очевидны расхождения в понимании состава книжных средств. Значительное число слов, которые СУ [«Толковый словарь русского языка» Д.Н. Ушакова] относит к книжным, СА 4 [Малый академический словарь под ред. А.П. Евгеньевой] дает без всяких помет. Так, из группы слов: *абстрагироваться, абсурдный, авантюристический, автократ, автоматизм, авторитарный, ассоциироваться, аффектация, адепт, вследствие, весьма, гелертер, гетерогенный, декаданс, декорум, крайне, понуждать, чрезвычайно, утрировать*, получивших в СУ помету *(книжн.)*, «СА 4 признает книжными только ***автократ, авторитарный, адепт, гелертер, гетерогенный, декаданс, декорум***» (Петрищева Е.Ф. , 1984. С. 5).

Поскольку среди книжных слов есть такие, которым трудно найти нейтральные или разговорные соответствия (синонимы), то употребление их в разговорной, непринужденной речи, по мнению ряда исследователей, вынуждает заменить им статус книжных на другой — нейтральных слов.

Состав К.л. (как и других разрядов лексики) исторически подвижен, изменчив — отдельные единицы К.л. перестают быть книжными, переходят в разряд нейтральных или даже разговорных слов.

«Ориентация на книгу, как на главного учителя языка, обусловила массовое проникновение элементов книжной речи в разговорную, нечеткое разграничение разговорных и книжных норм языка» (Панов М.В. 1962. С. 6).

Иными словами, «сейчас книжная лексика вычленяется не столько на базе противопоставления разговорной, сколько из противопоставления нейтральной, общеупотребительной лексике языка газет, постановлений, речей и выступлений» (Курдиани М.Э. 1965. С. 198).

Лит.: **Курдиани М.Э.** Изменения в словарном составе русского литературного языка по данным словарей советской эпохи: Дисс. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1965; **Панов М.В.** О развитии русского языка в советском обществе (к постановке проблемы) // ВЯ. 1962. № 3; **Петрищева Е.Ф.** Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984; **Резниченко И.Л.** Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1984.

О.Н. Емельянова

КОЛЬЦЕВО́Й ПОВТО́Р. То же, что Кольцо.

КОЛЬЦО́, или **КОЛЬЦЕВОЙ ПОВТОР** — стилистическая фигура, заключающаяся в повторении компонента (звука, слова, словосочетания и др.) в начале и в конце какого-либо отрезка речи. Напр.:

Напрасно!
Куда ни взгляну я, встречаю везде неудачу,
И тягостно сердцу, что лгать я обязан всечасно;
Тебе улыбаюсь, а внутренно горько я плачу,
Напрасно.
(А. Фет)

К. используется, как правило, с целью:

1) подчеркивания уверенности в оценке, желании, утверждении чего-либо: *Так могло быть и сейчас:* ***нужно*** *снижать курс —* ***нужно. Кончаются*** *резервы валюты —* ***кончаются*** (КП. 18 окт. 1994 г.); ***Неуютно*** *было в доме дяди Левонтия. Тихо и* ***неуютно*** (В. Астафьев); ***Нет*** *такого человека, понимаете,* ***нет*** (В. Маканин);

2) изображения повторяемости действий, кругооборота: ***Товар*** *— деньги —* ***товар****. Спрос определяет предложение* (ВК. 3 февр. 1999 г.);

3) усиления эмоции, эмоционального состояния: ***Не рубите****, господа,* ***не рубите****! Те пока еще не укрепившиеся побеги русского капитализма — не губите!* (СГ. 5 июня 1999 г.).

При взаимодействии с другими стилистическими фигурами К. нередко выступает в роли их актуализатора (усилителя). Например:

Пел*, пел, пел, не давая себе никакого отдыха, пел, как машина, ни от чего не отказывался, давал огромное количество благотворительных концертов, уставал, ему было тяжело, это был человек уже в возрасте... Но все равно шел и* ***пел*** *(СГ. 20 дек. 1997 г.).* В этом тексте К. взаимодействует с Геминацией (см.) (трехкратный повтор слова «пел»), подчеркивая постоянство и длительность действия. Кроме геминации, К. может взаимодействовать с риторическим обращением и риторическим вопросом, усиливая эмоциональность речи: *Ах, пальто ты, пальто!* ***Кто*** *тебя придумал,* ***кто****?...* (В. Астафьев).

Наиболее часто лексический кольцевой повтор употребляется в художественных (особенно поэтических) текстах. В поэзии не менее частотен звуковой кольцевой повтор: ***Звонков*** *раздавались нестройные* ***звуки*** *(М. Лермонтов);*

Ай*, ай, ай,*
*В чужой далекий кр****ай***
Много птичек улетает.
Они быть с нами не желают

(А. Баур)

В поэзии чаще, чем в прозе, встречается «К. цельного стихотворения» (Квятковский А.П., 1998. С. 159):

Я тебе ничего не скажу,
И тебя не встревожу ничуть,
И о том, что я молча твержу,
Не решусь ни за что намекнуть.
Целый день спят ночные цветы,
Но лишь солнце за рощу зайдет,
Раскрываются тихо листы,
И я слышу, как сердце цветет.
И в больную, усталую грудь
Веет влагой ночной... я дрожу,
Я тебя не встревожу ничуть,
Я тебе ничего не скажу

(А.Фет)

Таким образом, К. может выступать в роли композиционного приема построения текста.

Другие названия фигуры — эпанадиплозис (Филиппов А.В., Романова Н.Н., 2002. С.81); включение (Ахманова О.С., 1996. С.79; Филиппов А.В., Романова Н.Н., 2002. С.81; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С.236); рондо, реддиция, охват, об-

рамление, комплексия (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С.236); просаподосис, киклос (Клюев Е.В., 1999. С.250).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Елисеев И.А., Полякова Л.Г.** Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д, 2002; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В**. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Словарь литературоведческих терминов. М., 1974; **Солганик Г.Я.** Кольцевые строфы // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Филиппов А.В., Романова Н.Н.** Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: Учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

КОНВЕРГЕ́НЦИЯ СТИЛИСТИЧЕСКАЯ. То же, что Стилистическая конвергенция.

КОНКАТЕНА́ЦИЯ (от позднелат. concatenatio — сцепление, цепь) — разновидность амплификации (в 1-м значении), стилистическая фигура, представляющая собой цепочку последовательно подчиненных друг другу синтаксических конструкций, протяженность которой (цепочки) превышает обычную (среднестатистическую). «Практически конкатенация выглядит таким образом, как будто предлагаемая адресату синтаксическая структура в принципе бесконечна: каждый новый период провоцирует следующий период, логически и синтаксически связанный с предшествующим» <...>, например: «Речь подозреваемого во взяточничестве была полна подробностей, вызывающих чувство стыда, которое нередко возникает у тех, кто оказывается невольным свидетелем лжи, видной, что называется, невооруженным глазом» (Клюев Е.В., 1999. С. 261). Ср. аналогичное по структуре предложение, построенное по принципу «развертывания» и представляющее собой К.: *И мне вспомнился воскресный майский день, когда я увидел большую пушистую птицу, сидящую в проеме одного из высоких двустворчатых открытых окон, откуда доносился обычно запах фимиама, вызывающего у меня тошноту* (Общая риторика, 1986. С. 140).

Хотя К. является редко используемой стилистической фигурой, можно встретить примеры ее изощренного использования в сочетании с другими фигурами и даже в качестве структурной основы целого небольшого текста, как, например, в следующем стихотворном переводе с английского С.Я. Маршака:

Вот дом,
Который построил Джек,
А это пшеница,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.
А это веселая птица-синица,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится

В доме,
Который построил Джек.
Вот кот,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.
Вот пес без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.
А это старушка, седая и строгая,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.
А это ленивый и толстый пастух,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.
Вот два петуха,
Которые будят того пастуха,
Который бранится с коровницей строгою,
Которая доит корову безрогую,
Лягнувшую старого пса без хвоста,
Который за шиворот треплет кота,
Который пугает и ловит синицу,
Которая часто ворует пшеницу,
Которая в темном чулане хранится
В доме,
Который построил Джек.

Основу этого текста составляет К., на которую накладываются разные повторы: Анафора (см.), Эпифора (см.), Полиптот (см.), Рефрен (см.), Синтаксический параллелизм (см.), рондо.

Поскольку, как показывает последний пример, К. может совмещаться с синтаксическим параллелизмом и «расширяющимся» (за счет добавления новых членов) повтором, такая К. оказывается близка к сложным синтаксическим целым, построенным по принципу «расширяющегося» синтаксического параллелизма, как, например, в следующем малоформатном комическом речевом жанре:

Западный менталитет ориентирован на результат.

Восточный менталитет — на процесс достижения результата.

Русский менталитет — на обмывание процесса достижения результата (МК в Иркутске, 22—29 марта 2001 г.).

Кроме вышеуказанного понимания К., есть другое, согласно которому К. «представляет собой добавление обыкновенно в конце фразы или периода слов, дополнительно характеризующих предмет речи или выражающих отношение к нему говорящего» <...>; «дополнительное добавление особенно значительного содержания» (Волков А.А., 2001. С. 316—317).

С этой точки зрения, К. является последнее предложение следующего текста: «Никогда ни одна истина живая, а тем паче истина Божественная, не укладывается в границах логического постижения, которое есть только вид человеческого познавательного процесса; но в то же время никакая, ни человеческая, ни Божественная истина не может быть законам логики противна, иначе говоря, не может заключать в себе действительного противоречия. Христос также не есть и «да» и «нет» А.С. Хомяков. (Там же. С. 316—317).

Лит.: **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Общая риторика**: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986.

А.П. Сковородников

КОННОТА́ЦИЯ (ср.-лат. connotatio, от connoto — имею дополнительное значение) — понятие, которое, как отмечает В.Н. Телия, возникло в схоластической логике и проникло в языкознание в XVII в. через грамматику Пор-Рояля для обозначения свойств в отличие от субстанций (Телия В.Н. 1998. С. 236). В современной лингвистике понятие К. не имеет однозначного толкования. Трудность его определения связана прежде всего с неоднозначной трактовкой понятий «стилистическое значение», «стилистическая окраска», «стилистическая маркированность» и с различными принципами их классификации. Одни исследователи рассматривают эти понятия как синонимичные, другие же разграничивают их. Синонимичное употребление терминов «коннотация», «коннотативное значение», «стилистическая окраска» представлено, напр., в учебном пособии А.И. Горшкова «Русская стилистика» (Горшков А.И., 2001. С. 37). М.Н. Кожина пишет, что поскольку «...стилистически значимыми в языке и речи следует считать все те языковые средства и способы их употребления, которые способствуют достижению выразительности речи, эффективной реализации коммуникативных задач в той или иной сфере и стилевой специфике последней» и «не ко всем этим случаям применим термин *значение* (в строго лексикологическом и семантическом смысле), то, вероятно, правомернее пользоваться обозначением *окраска».* Тем самым она полагает, что «допустимо синонимичное употребление

обоих терминов (*стилистические значения* и *окраски*), что соответствует сложившейся традиции, либо объединение того и другого более общим словом — *коннотация*» (Кожина М.Н., 1993. С. 36—37). Предпочтение она отдает термину *стилистическая коннотация*, который употребляет как синоним терминов «значение» и «окраска» (*«О некоторых понятиях стилистики: стилистических коннотациях (значениях, окрасках), стилистических средствах и других»* — название параграфа в кн. «Стилистика русского языка»). Под стилистической К. языковой единицы понимаются «...те дополнительные к выражению предметно-логического и грамматического значений экспрессивные или функциональные свойства (компоненты значений), которые ограничивают возможности употребления этой единицы определенными сферами и условиями общения и тем самым несут стилистическую информацию» (Кожина М.Н., 1993. С. 34). Напр., слово *пацан* имеет предметно-логическое значение — «мальчик», грамматическое значение — существительное мужского рода в именительном падеже единственном числе, а также коннотативное значение, которое отражено в словарях при помощи пометы *прост.* (просторечное), свидетельствующей, что эта лексическая единица имеет более сниженный, чем разговорные единицы, характер и стоит на границе литературного языка, хотя и достаточно употребительна в обиходной разговорной речи и в языке художественной литературы.

Нейтральные в языке единицы в контексте могут приобретать особые стилистические окраски (Кожина М.Н., 1993. С. 39; Горшков А.И., 2001. С. 36 и др.). Напр., нейтральное в системе языка слово *читатель* в следующем контексте приобретает эмоционально-оценочную (презрительно-оценочную) окраску: *Сердито бросил тетрадь на ларь, залез в приямок и ворчал там:*

— Скажи пожалуйста — королей гонять надобно ему! Смешно. Ты эти затеи — брось. Читатель! Лет пять тому назад в Саратове таких читателей жандармы ловили, как мышей, да» (М. Горький).

Таким образом, стилистическая К. (окраска) может быть как узуальная (закрепленная в системе языка), так и окказиональная (приобретаемая единицей в контексте).

К. свойственна не только слову как лексической единице, но и целому высказыванию. Применительно к высказыванию «коннотации трудны для лингвистического анализа, так как обычно не имеют прямого материального выражения. Они могут основываться на ассоциативных связях, могут домысливаться, могут быть скрыты для непосредственного наблюдения в ограниченном отрезке текста», — пишет П.А. Лекант. В качестве примера высказывания «с коннотативным смыслом» он приводит отрывок из произведения Л.Н. Толстого «Отец Сергий»: *«Но жаровни нет». Он оглянулся. Лампа.* — «Предложение *Лампа* (номинативное односоставное) заключает высказывание о наличии предмета в настоящем времени; состав предложения не содержит никаких показателей иных смыслов. Добавочное значение обнаружения возникает из связи с предшествующим предложением, где употреблен глагол *оглянулся*, который называет действие, сопутствующее восприятию («оглянулся», «посмотрел», «увидел»). Однако предложение *Лампа* содержит еще коннотативный смысл: радость отца Сергия, искавшего средство подвергнуть себя суровому испытанию («Жаровни нет»). Этот смысл вытекает из широкого контекста — можно сказать, из всего предшествующего повествования о судьбе героя повести, однако реализуется он, этот смысл, все-таки в высказывании *Лампа*» (Лекант П.А., 1987. С. 6).

В связи с различным пониманием термина «коннотация» исследователями выделяются разные ее компоненты. Так, например, В.И. Говердовский, рассматривая К. как образное представление, заложенное в слове, вычленяет пять ее типов (пять аспектов «членения представления в результате реализации актов коммуникации»): эмоционально-оценочная К. (несет информацию о субъективном отражении объективного мира и об эмоциональном отношении говорящего к предмету речи), тематическая (о месте данного значения в парадигматической системе языка), контекстная (о возможности сочетания значения в синтагматике), историко-языковая (о языковых факторах, обусловленных отношением языка и действительности) и историко-культурная (о внешнем мире) (Говердовский В.И., 1981. С. 164—165). По мнению И.В. Арнольд, в К. (в значение слова, которое соответствует информации, связанной с условиями и участниками общения) входят эмоциональный (выражающий эмоции или чувства), оценочный (выражающий положительное или отрицательное суждение о предмете речи), экспрессивный (подчеркивающий, усиливающий своей образностью или каким-н. другим способом то, что называется в слове или в других, синтаксически связанных с ним словах) и стилистический (отражающий принадлежность слова к определенному функциональному стилю) компоненты значения (Арнольд И.В., 2002. С. 153—161). Т.П. Плещенко, Н.В. Федотова, Р.Г. Чечет, А.И. Горшков и другие исследователи выделяют только две разновидности стилистической К.: эмоционально-экспрессивную, связанную с выражением положительной или отрицательной оценочности, и функционально-стилевую, связанную с употреблением языка в различных сферах общения. М.Н. Кожина выделяет три разновидности стилистической К.: экспрессивно-эмоциональная К. (содержится в словах *губошлеп, забулдыга, кляча, мешанина, книжонка, тряпка* (о мужчине) и др.), экспрессивно-оценочная (напр., высок. в словах *грядущий, стяг, стезя, очи* —и др.) и функционально-стилистическая (*исходящий, дебет, истец; лабиализованный, гносеология, синхрофазотрон* и др.) (Кожина М.Н., 1993. С. 37).

Как отмечает В.Н. Телия, в выражении с экспрессивной окраской «...может доминировать: образное или звукосимволич. представление («губошлеп», «кровавая заря»; оценочная квалификация — эмоциональная («солнышко»), качественная («бурда»), количественная («носище»); к.-л. из стилистич. регистров (офиц. или торжеств. «возвигать», прост. «валандаться»)» (Телия В.Н., 1998. С. 236).

Слова могут иметь «двуплановую стилистическую окраску», т.е. обладать одновременно и функционально-стилистической, и эмоционально-оценочной окрасками, например: *шляться* (прост., неодобр.), *разиня* (разг., неодобр.), ***хорошенького*** *понемножку* (разг., ирон.).

Некоторые исследователи разграничивают стилистическое значение и стилистическую окраску. Так, например, И.Р. Гальперин различает эмоциональную окраску и эмоциональное значение, хотя и признает, что в некоторых случаях трудно провести разграничение между этими понятиями. По его мнению, «эмоциональное значение — это присущее слову выражение чувств, отношения, оценки. Иногда это эмоциональное значение, сопутствуя предметно-логическому, выражает отношение говорящего к понятию, заключенному в этом последнем значении. Эмоциональное значение становится особенно очевидным в тех случаях, когда оно одно присутствует в слове, например, в междометиях»; эмоциональная же окраска (окрашенность) — «это только зачатки эмоционального значения», она может быть подсказана интонацией и возникает «...по ассоциа-

тивной связи, в результате частого употребления в определенных контекстах» (Гальперин И.Р., 1958. С.118, 119). Очевидно, такой подход предполагает, что слово *веселый* имеет эмоциональное значение, в отличие от слова *молодой,* у которого такого значения нет, но в речи оба слова могут приобретать эмоциональную окраску, напр., в высказываниях *Да уж, веселое дельце!* (с иронической интонацией) и *Молодой еще меня учить!* (с негодованием, возмущением). Подобного взгляда придерживается Н.М. Разинкина, которая полагает, что «эмоциональное значение, подобно любому другому значению, есть способ реализации понятия в слове. Эмоциональное значение реализует выражение самих эмоций, ощущений, вызванных фактами окружающего нас мира», эмоциональная окрашенность – «это оценочный (положительный или отрицательный) момент, вызванный тем специфическим смысловым содержанием, которое составляет значение слова» (Разинкина Н.М., 1968. С. 35). Тем самым отождествляются понятия эмоционально и оценочно окрашенных слов.

В речи может происходить нейтрализация стилистических К. (окрасок, значений), а также столкновение единиц с разными стилистическими окрасками (см. Смешение стилей).

Лит.: **Арнольд И.В.** Современный английский язык. М., 2002; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Гальперин И.Р.** Очерки по стилистике английского языка. М., 1958; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1999; **Говердовский В.И.** История понятия коннотации // ФН. 1979. № 2; **Говердовский В.И.** Коннотации как предмет изучения стилистики // Проблемы функционирования языка в его разновидностях: Межвуз. сб. науч. тр. Пермь, 1981; **Горшков А.И.** Русская стилистика. М., 2001; **Комлев Н.Г.** Компоненты содержательной структуры слова. М., 1969; **Кожин А.Н., Крылова О.А., Одинцов В.В.** Функциональные типы русской речи. М., 1982; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Лекант П.А.** О коннотативных смыслах высказывания // Граматическое значение предложения и семантика высказывания: Межвуз. сб. науч. тр. М., 1987; **Плещенко Т.П., Федотова Н.В., Чечет Р.Г.** Стилистика и культура речи. Минск, 2001; **Разинкина Н.М.** О разграничении понятий «эмоциональное значение» и «эмоциональная окраска» // Иностранные языки в школе. 1968. № 1; **Скребнев Ю.М.** Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986; **Телия В.Н.** Коннотация // Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998; **Харченко В.К.** Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // РЯШ. 1976. № 3; **Шаховский В.И.** Эмоциональный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983; **Шульдешова Т.В.** К проблеме понятия «стилистическое значение» // Проблемы лингвистического анализа текста. Иркутск, 1980.

Г.А. Копнина

КОНТАМИНА́ЦИЯ$_1$ – конструктивный принцип организации ряда стилистических приемов и фигур, состоящий в совмещении в одной речевой единице двух разных единиц в силу их структурного, функционального или ассоциативного сближения.

Чаще всего этот принцип реализуется на лексическом, фразеологическом и синтаксическом уровнях (см.: Словообразовательная контаминация, Авторское

обновление фразеологизмов, Анаколуф, Апокойну, Анантоподотон, Анаподотон, Парентеза, Гендиадис).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Норман Б.Ю.** Синтаксис речевой деятельности. Минск, 1987; **Пекарская И.В.** Конструкции синтаксической контаминации как экспрессивное средство современного русского языка: Учебно-методическое пособие и Системный словарь-справочник. Абакан, 1999; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Ройзензон Л.И., Абрамец И.В.** О фразеологической контаминации в русском языке // РЯШ. № 3. 1969; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Ицкович В.А., Шварцкопф Б.С.** О контаминации и смежных с нею явлениях // Памяти акад. В.В. Виноградова. [М], 1971; **Лаптева О.А.** Современная русская публичная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания. № 1. 1978; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. **Сиротинина О.Б**. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1994; **Шведова Н.Ю.** Активные процессы в русском синтаксисе. Словосочетание. М., 1996; **Щепин А.Г.** О лексической контаминации // РР. № 5. 1978.

И.В. Пекарская

КОНТРАСТ СТИЛИСТИЧЕСКИЙ. То же, что Стилистический контраст.

КОРРЕ́КЦИЯ — стилистический прием, близкий к гипонимической амплификации (см. Амплификация), суть которого заключается в том, что какое-либо утверждение сначала подвергается сомнению, а затем уточняющей поправке или отвергается вовсе. К. акцентирует внимание читателя на характеристике какого-либо предмета (в широком смысле слова), выраженной той же грамматической и семантической категорией. Таким образом, К. «состоит из трех компонентов: в первом из них что-то утверждается, во втором — ставится под сомнение или отрицается, в третьем — снова утверждается с еще большей силой» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 239). Напр.: 1) *Тут в воспоминаниях пробел. Нет, не пробел, а* ***яма, провал*** (И. Грекова); 2) *Человек по всем приметам./ Человек ты? Нет,* ***подлец*** (А. Твардовский); 3) *Я обещал поговорить только о мужчинах, но боюсь, что не сдержал слова. Слишком много места уделил Окалюку. Какой же он мужчина? Так...* ***брюконосителъ*** (С. Руденко).

Во всех трех примерах К. содержит оценочные характеристики (подлец, брюконоситель, яма, провал) тех или иных реалий (состояний, лиц и т.д.). Таким образом, нейтральное корректируется, уточняется такой же грамматической категорией, совмещающей функции называния и оценки. К. близка Синонимическому повтору (см.).

Лит.: **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Ширина Л.С.** Амплификация в системе экспрессивных средств // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Ефрона Т. I. СПб., 1890.

А.П. Сковородников

КО́СВЕННАЯ РЕЧЬ — это Чужая речь (см.), воспроизводимая не от лица говорящего и введенная автором повествования в форме изъяснительной придаточной части сложноподчиненного предложения. Например: *Так он без всякого стеснения объясняет Бунину* ***что не считает его поэтом и что Гумилев и все аполлоновцы возмущались, когда такая высококвалифицированная типография, как «Голике», отпечатала его «Листопад»*** (И. Одоевцева).

В предложениях с косвенной речью синтаксическим центром, организующим всю конструкцию, являются вводящие слова автора — это главная часть сложноподчиненного предложения.

Особенно часто косвенная речь используется в газетных жанрах. Как правило, это клишированные конструкции с набором вводящих слов: ***заявил, что***...; ***сообщают, что***...; ***передали, что***...; ***пишут, что***... Напр.: *Вчера лидер этой партии* ***заявил***, ***что*** *принято решение выставить своего кандидата на выборах* (Из газет).

В таких предложениях-конструкциях отсутствуют элементы экспрессивности, присущие прямой речи: обращения, междометия, некоторые частицы, повелительная форма глагола, просторечные, диалектные, жаргонные слова и проч. Поэтому в ряде случаев прямую речь нельзя преобразовать в косвенную, не изменив существенно ее содержания. Напр.: *Хотя почтмейстер был очень речист, но и тот, взявши в руки карты, тотчас же выразил на лице своем мыслящую физиономию <...>. Выходя с фигуры, он ударял по столу крепко рукою, приговаривая, если была дама*: ***«Пошла, старая попадья!»***, *если же король*: ***«Пошел, тамбовский мужик!»*** *А председатель приговаривал:* ***«А я его по усам! А я ее по усам!»*** *Иногда при ударе карт по столу вырывались выражения:* ***«А! была не была, не с чего, так с бубен!»*** *Или же просто восклицания:* ***«черви! червоточина! пикенция!»*** *или:* ***«пикендрас! пичурущух! пичура!»*** *и даже просто:* ***«пичук»*** *— названия, которыми перекрестили они масти в своем обществе»* (Н. Гоголь).

Косвенная речь очень удобна для краткого пересказа обширных высказываний. При этом она может быть предельно обобщенной, но может и включать фрагменты дословного высказывания.

Языковой смысл косвенной речи, по мнению М. Бахтина, заключается «*в аналитической передаче чужой речи.* Одновременный с передачей и неотделимый от нее анализ чужого высказывания есть обязательный признак всякой модификации косвенной речи. Различными могут быть лишь степени и направления анализа».

М. Бахтин выделяет две основные модификации косвенной речи — предметно-аналитическую и словесно-аналитическую. В первом случае чужое высказывание воспринимается «как определенная *смысловая позиция* говорящего, и в этом случае с помощью косвенной конструкции аналитически передается его точный *предметный состав* (что сказал говорящий). <...> Это достигается лишь ценой известного обезличивания передаваемой речи». Предметно-аналитическая модификация косвенной речи, с точки зрения М. Бахтина, слабо развита в русском языке. Зато распространена другая — словесно-аналитическая, при которой чужое высказывание передается «как *выражение*, характеризующее не только предмет речи (или даже не столько предмет речи), но и *самого говорящего*: его речевую манеру, <...> его душевное состояние, выраженное не в содержании, а в формах речи (например, прерывистость, расстановка слов, экспрессивная интонация и пр.), его умение или неумение хорошо выражаться и т. п.».

При помощи косвенной речи можно передать чужую речь лишь с той или иной степенью точности, что может создать у слушающего (читающего) впечатление вольной или невольной интерпретации высказывания.

Лит.: **Бахтин М.М.** Косвенная речь, прямая речь и их модификации // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении. М., 2000; **Кодухов В.И.** Прямая и косвенная речь. Л., 1957; **Милых М.К.** Конструкции в косвенной речью в современном русском языке. Ростов н/Д, 1975; **Труфанова И.В.** Способы передачи чужой речи в русском языке: Учебное пособие. Елец: ЕГПИ, 1994.

О.Н. Емельянова

КРЫЛАТЫЕ СЛОВА и ВЫРАЖЕНИЯ — одно из средств образной, выразительной речи. Название восходит к Гомеру, который называл слова «крылатыми», т.к. они как бы летят из уст говорящего к уху слушающего: *Он крылатое слово промолвил*; *Между собой обменялись словами крылатыми тихо*.

В качестве термина выражение ***крылатые слова*** впервые было использовано в названии книги «Крылатые слова» К. Бюхманом (1864 г.).

В настоящее время это термин стилистики, обозначающий вошедшие в нашу жизнь из различных (но всегда определенных) источников — мифологических, литературных, научных, публицистических, радио, телевидения, кино, печати и др. — образные выражения, краткие цитаты, изречения известных лиц: *хорошо смеется тот, кто смеется последним* (Ж.П. Флориан); *король-то голый* (Х.К. Андерсен); *вавилонское столпотворение* (библ. миф); *горе от ума* (А.С. Грибоедов); *в поте лица* (библ. миф); ставшие нарицательными имена мифологических и литературных персонажей (*Геркулес, Тартюф, Хлестаков, Обломов, Плюшкин* и др.); образные сжатые характеристики исторических лиц («*отец русской авиации*» о Жуковском, «*солнце русской поэзии*» о Пушкине) и др.

К.с. обязательно связаны с источником, широко распространены, устойчивы в воспроизведении и нередко приобретают переносный смысл, что обусловливает их применимость для самых различных ситуаций. По этим признакам К.с. противопоставляются афоризмам: «крылатое слово отличается от афоризма отсутствием смыслового заключения, а также тем, что имеет многозначность использования и нередко переносный смысл. Это позволяет считать крылатое слово самостоятельным <...> термином, не имеющим отношения к афоризму» (Т.Г. Ничипорович. Афоризмы. М., 1999. С. 10).

Нередко термин «крылатые слова» толкуется в более широком смысле: им обозначают народные поговорки, присловья, всевозможные образные выражения, возникшие из народных обычаев и верований, терминологии различных ремесел и проч. Напр., выражение «*встать в тупик*», т.е. «*оказаться в безвыходном положении*», возникло из терминологии железнодорожников, у которых «*тупик*» имеет значение: *железнодорожный станционный путь, соединенный с другими путями только одним концом, а с другого конца не имеющий продолжения*.

К.с. могут представлять собой отдельное слово (*Дон-Жуан, Гамлет, Казанова*), словосочетание (*американская мечта, государство в государстве, столпы общества*), простое предложение (*делать из мухи слона, все свое ношу с собой, жребий брошен*), сложное предложение (*Чем ночь темней, тем ярче звезды*; *Если*

гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе; *Земля наша велика и обильна, но порядка в ней нет*).

Фонд К.с. исторически подвижен. Это и выражения, дошедшие до нас с античных времен и средневековья: *перейти Рубикон*, *блудный сын*, *камень преткновения*, *молчание — знак согласия*; *привычка — вторая натура*; *что и требовалось доказать* и др.) и крылатые слова более позднего происхождения: *А был ли мальчик?* (М. Горький); *Из любви к искусству* (Д. Ленский); *факты — упрямая вещь* (Лесаж); *победителя не судят* (Екатерина II). И переменный состав выражений, приходящих из СМИ, речи популярных в какой-то момент людей и проч.: *процесс пошел —* (обычная фраза М.С. Горбачева); *Восток — дело тонкое* (к/ф «Белое солнце пустыни»); *возмутитель спокойствия* (Соловьев Л.В.); *Борис, ты не прав!* (Лигачев Е.К.); *Загремим под фанфары* (Иванов А.С.) и др.

В речи (художественной, публицистической, разговорной) К.с., помещенные в сниженный контекст, нередко используются в комических целях: *Житье на колокольном заводе медовое, не с чего, кажись бы, старшему мастеру скучать, но, знаешь,* ***дым отечества****. Поезжай ты в Америку, сядь там по горло в сторублевки, а тебя все на твой трактир тянуть будет* (А. Чехов). В данном случае автор цитирует А. Грибоедова: *Korga ж пространствуешь, воротишься домой, и* ***дым отечества*** *нам сладок и приятен.* А Грибоедов заимствовал это выражение у Г. Державина.

Существуют сборники «Крылатых слов», составленные в России такими исследователями, как С.В. Максимов, М.И. Михельсон, С.Г. Займовский, В.З. Овсянников, Н.С. Ашукин и М.Г. Ашукина. Среди зарубежных ученых необходимо выделить Георга Бюхмана, выпустившего сборник таких выражений, прочно вошедших в немецкую литературную речь («Geflugelte Worte», 1864). Все эти сборники содержат историко-литературные справки о происхождении крылатых слов, их алфавитные указатели либо классификации, и все они выдержали множество переизданий.

Сборники: **Ашукин Н.С., Ашукина М.Г.** Крылатые слова: Литературные цитаты; Образные выражения. М., 1988; **Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.** Словарь латинских крылатых слов. М., 1982; **Берков В.П., Мокиенко В.М., Шулежкова С.Г.** Большой словарь крылатых слов русского языка: Около 4000 единиц. М., 2000; **Булатов М.А.** Крылатые слова. М., 1958; **Душенко К.В.** Словарь современных цитат. М., 1997; **Максимов С.В.** Крылатые слова. Н. Новгород, 1994; **Михельсон М.И.** Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: Сборник образных слов и иносказаний. Т. 1—2. СПб., 1902—1903; **Фелицина В.П., Прохоров Ю.Е.** Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения. Лингвострановедческий словарь. М., 1980.

Лит.: **Бабкин А.М.** Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970; **Бельчиков Ю.А.** Крылатые слова // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Коваленко С.А.** Крылатые строки русской поэзии. М., 1989; **Ожегов С.И.** О крылатых словах // Ожегов С.И. Лексикология. Лексикография. Культура речи. М., 1974; **Петров В.К.** Вопросы образования крылатых выражений в русском языке // Проблемы русского фразообразования. Тула, 1973; **Прохоров Ю.Е.** Крылатые слова // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Федоренко Н.Т., Сокольская Л.И.** Афористика. М., 1990; **Шулежкова С.Г.** Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие. М., 2000.

О.Н. Емельянова

Л

ЛЕКСИКА ПРОСТОРЕЧНАЯ. То же, что Просторечная лексика.

ЛИТО́ТА (от греч. litotēs — простота, малость, умеренность) — 1. Прием, основанный на отрицании. В широком смысле литота определяется как отрицание противоположного (А. Квятковский), «отрицание обратного свойства» (Б. Томашевский). Напр., если вместо ***он глуп*** говорят ***он не блещет умом***. (Некатегоричность литоты в данном случае позволяет выразить свое мнение наиболее осторожно, избегая обиды собеседника, могущего иметь другую точку зрения.) Выражения, смягчающие обозначения каких-либо качеств или свойств (***нелегкий*** вместо ***трудный***; ***неплохо*** вместо ***хорошо***; ***неумно*** вместо ***глупо*** и т.д.). Наиболее характерны для разговорной речи так называемые **бытовые литоты,** приводимые А. Квятковским.

В более узком смысле литоту определяют как отрицание отрицания или утверждение, построенное на двойном отрицании:

Верь: я внимал ***не без участья.***
(Н. Некрасов)

Таким способом выражается сдержанное утверждение:

не без участья => *с участьем* (некоторым)
не без причины => *по причине* и т.п.

Существуют слова-литоты: ***небесполезный, небезосновательный, небезынтересно*** и др. А также литоты — речевые обороты:

— *Вы устали?* — ***Не без этого***.

Часто литота служит средством выражения Иронии (см.). Например: ***небезызвестный*** вместо ***пресловутый***, ***печально известный***.

2. Некоторые ученые соотносят литоту с Гиперболой (см.), либо называя ее простой разновидностью последней, либо противопоставляя их: гипербола — непомерное преувеличение, а литота — непомерное преуменьшение, используемое для усиления выразительности речи:

Какие крохотны коровки!
Есть, право, ***менее булавочной головки!***
(И. Крылов)

Коляска легка, ***как перышко***.
(Н. Гоголь)

При таком понимании литота сливается с Мейозисом (см.).

Лит.: **Голуб И.Б**. Гипербола и литота // Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Скиба В.А.** «И дольше века длится день»: Гипербола и литота // Русская словесность. 2000. № 5; **Шмелева Т.В.** Гипербола, меозис, литота. Фрагмент обыденной риторики // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы докладов и сообщений. Красноярск, 1988.

О.Н. Емельянова

М

МАКАРОНИ́ЧЕСКАЯ РЕЧЬ (от итал. maccheronico) — речь, насыщенная Варваризмами (см.), отличающаяся смешением слов разных языков. Как правило, это искаженные на свой лад иностранные слова или же свои слова, измененные в духе иностранного языка: *Все это придало всей квартире вид* ***ложемента*** *богатой дамы* ***demimonde'a****, получающей вещи зря и без толку* (Н. Лесков).

Поскольку искажение звуковой формы и естественного контекста употребления иноязычных слов и выражений, как правило, создает комический эффект, то и макароническая речь чаще всего носит гротескно-шуточный характер: ***Дезагреабль-с****... ничего не поделаешь...; Да-а?* ***О, повранфан****! Все равно пойдем...; Я лег* ***ме куше*** (примеры О. Ахмановой)

В художественной прозе макароническая речь обычно используется для речевой характеристики персонажей (например, речь управляющего в романе И.С. Тургенева «Отцы и дети»; мамаши Бальзаминовой в комедии А.Н. Островского «Свои собаки грызутся, чужая не приставай»; героев повести И.С. Лескова «Левша» и др.)

Но чаще встречается стихотворная форма макаронической речи, так называемая макароническая поэзия (итал. poesia maccheronica). Это сатирическая или шуточная поэзия. Название возникло в 15 в. в Италии для обозначения бурлескно-пародийных поэм, в которых классическая латынь сочеталась с живым итальянским языком, снабженным латинскими формами. Например, комическая поэма Т. Фоленго «Baldus o Macaronea» (1517 г.).

В России макароническая поэзия основывалась на пародировании речи дворян 18—19 вв., о которой, А.С. Грибоедов писал:

На съездах, на больших,
по праздникам приходским
господствует еще смешенье языков
французского с нижегородским.

В свое время большой интерес вызвало «Письмо из Москвы в Нижний Новгород» И.М. Муравьева-Апостола (отца декабристов), в котором он описывает следующую ситуацию: «Я стал посреди залы; волны людей шумели около меня, но увы! Шумели все по-французски. Редко, редко где выскакивало русское слово <...> Из ста человек у нас (и это самая умеренная пропорция) один говорит изрядно по-французски, а девяносто девять по-гасконски; не менее того все лепечут каким-то варварским диалектом, который почитают французским потому только, что у нас это называется говорить по-французски. Спроси их: зачем это? — оттого, скажут они, что так ввелось. — Боже мой! — Да когда же это выведется <...> Войди в любое общество: презабавное *смешение языков*! Тут услышишь нормандское, гасконское, русильонское, прованское, женевское наречия; иногда и русское пополам с вышесказанными. — Уши вянут!» (Сын отечества», 1814, ч. X 11, № 7).

Наиболее известный образец макаронической поэзии в русской литературе — комическая поэма И.П. Мятлева «Сенсации и замечания госпожи Курдюковой за границею, дан л'этранже» (1841 г.). Героиня поэмы изъясняется на макароническом языке:

Утро ясно ***иль фе бо****;*
Дня светило, ***лё фламбо****,*
Солнце по небу гуляет,
И роскошно освещает
Эн *швейцарский* ***пейзаж****, —*
То есть: фермы, ***дэ вилаж****,*
Горы вечно снеговые
И озера голубые,
На которых, ***ж'имажин****,*
Пироскаф*, и не один, —*
И пастушечки, ***бержеры****;*
Кель туалет*! Что за манеры!*
Что за складки ***а ля шаль****!*
Маленький ***шапо дэ пайль****,*
По колено только юбки —
Театральные голубки;
Одним словом, ***с'э шарман****;*
Но не знаю я, ***коман***
Путь умнее бы направить,
Чтобы ***дэ ла Свис*** *составить*
Юн идэ *почти* ***комплет****...*

Часто к макаронической речи прибегали Д. Бедный и В. Маяковский в своих сатирических стихах:

Я вам,
сэр,
назначаю ***апойнтман****.*
Вы знаете,
кажется,
мой ***апартман****?*
Тудой пройдете четыре блока,
потом
сюдой дадите крен.
А если
стриткара *набита,*
около
можете взять
подземный трен.
(В. Маяковский)

Лит.: **Гаспари А.** История итальянской литературы. Т. 2. М., 1897; **Гольштейн В.Э.** Макароническая поэзия // Краткая литературная энциклопедия. Т. 4, М., 1967; **Томашевский Б.В.** Теория литературы. Поэтика. М., 2001.

О.Н. Емельянова

МА́КСИМА (от лат. maxima sententia — наивысшее положение, мысль; maxima regula — высший принцип, основное правило) — вид Афоризма (см.), разновидность **сентенции** (см.), логический или этический принцип, правило, норма поведения, выраженные в краткой формуле (в констатирующей или наставительной форме): *Победи зло добром* (Б. Паскаль); *Думай больше о совести, чем о репутации* (Публий Сир); *Чтобы побеждать, учись терпеть, чтобы жить, учись умирать* (античный афоризм); *Помни о смерти* (античный афоризм); *Нужно есть, чтобы жить, а не жить, чтобы есть* (Сократ) и др.

Как самостоятельный жанр М. господствовала в 18 в.

Лит.: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Советский энциклопедический словарь. М., 1986; Краткая литературная энциклопедия. Т. 4. М., 1968.

О.Н. Емельянова

МЕДИТАТИ́ВНЫЙ ВОПРОС (от лат. meditatio — размышление, обдумывание) — вопросительное предложение, используемое не для запроса и получения информации, а для выражения эмоционального размышления, для создания той или иной эмоциональной тональности высказывания или определенного поэтического образа. М.в. могут быть обращенными говорящим к самому себе (см. Делиберативный вопрос), к воображаемому адресату, часто представляющему собой неодушевленный предмет (этим объясняется частое употребление М.в. в сочетании с риторическим обращением и олицетворением), а также к неопределенному (нулевому) адресату.

Назначение М.в. точно раскрывается в следующем пушкинском тексте:

1) *Мне не спится, нет огня;*
Всюду мрак и сон докучный.
Ход часов лишь однозвучный
Раздается близ меня.
Парки бабье лепетанье,
Жизни мышья беготня...
Что тревожишь ты меня?
Что ты значишь, скучный шепот?
Укоризна или ропот
Мной утраченного дня?
От меня чего ты хочешь?
Ты зовешь или пророчишь?
Я понять тебя хочу,
Смысла я в тебе ищу...
(А. Пушкин)

Выражение поиска смысла, понимания сути явлений — вот функция М.в.

Преимущественная сфера использования М.в. — лирические контексты (поэзии и прозы), где они нередко взаимодействуют с риторическими вопросами и риторическими обращениями:

2) *О мука мук!* ***Что надо мне, ему,***
Щеглам, листве? *И разве я пойму,*
Зачем я должен радость этой муки,
Вот этот небосклон, и этот звон,

И темный смысл, которым полон он,
Вместить в созвучия и звуки?
(И. Бунин)

3) *Ласточка, ласточка, как я люблю твои вешние песни!*
Милый твой вид я люблю, как весна и живой и веселый!
.....
С первым паденьем листов улетаешь ты, милая гостья!
Но куда? За какие моря, за какие пределы
Странствуешь ты, чтоб искать обновления жизни прекрасной,
Песней искать и любви, без которых жить ты не можешь?
(Н. Гнедич)

4) ***Отчего мне так душно? Отчего мне так скучно?***
Я совсем остываю к мечте.
Дни мои равномерны, жизнь моя однозвучна,
Я застыл на последней черте.
Только шаг остается, только миг быстрокрылый,
И уйду я от бледных людей.
Для чего же я медлю пред раскрытой могилой?
Не спешу в неизвестность скорей?
(К. Бальмонт)

5) *Полночной порою в болотной глуши*
Чуть слышно, бесшумно, шуршат камыши.
О чем они шепчут? О чем говорят?
Зачем огоньки между ними горят?
(К. Бальмонт)

Иногда М.в. могут повторяться на значительном участке текста (илл. 6), иногда же пронизывать все стихотворение (илл. 7):

6) ***Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?***
Ужели никогда не зреть соединенья?
Ужель иссякнули всех радостей струи?
О вы, погибши наслажденья!
О братья, о друзья! ***где наш священный круг?***
Где песни пламенны и музам и свободе?
Где Вакховы пиры при шуме зимних вьюг?
Где клятвы, данные природе,
Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы друзья?..
(В. Жуковский)

7) *Слыхали ль вы за рощей глас ночной*
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы?

Встречали ль вы в пустынной тьме лесной
Певца любви, певца своей печали?

Следы ли слез, улыбку ль замечали,
Иль тихий взор, исполненный тоской,
Встречали ль вы?
Вздохнули ль вы, внимая тихий глас
Певца любви, певца своей печали?
Когда в лесах вы юношу видали,
Встречая взор его потухших глаз,
Вздохнули ль вы?

(А. Пушкин)

Особой эмоциональной силой обладают повторы М.в., включенные в искусно построенную амплификацию (см. Амплификация): 8) *Русь! Русь! Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу <...> Открыто-пустынно и ровно все в тебе; как точки, как значки, неприметно торчат среди равнин невысокие твои города; ничто не обольстит и не очарует взора.* ***Но какая же непостижимая, тайная сила влечет к тебе? Почему слышится и раздается немолчно в ушах твоя тоскливая, несущаяся по всей длине и ширине твоей, от моря до моря, песня? Что в ней, в этой песне? Что зовет, и рыдает, и хватает за сердце? Русь! Чего же ты хочешь от меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты так, и зачем все, что ни есть в тебе, обратило на меня полные ожидания очи?***.. (Н. Гоголь).

Используются М.в. и в публицистике: 9) ***Боже, за что такие тяжкие испытания России и ее людям?*** *Море понапрасну пролитой крови — на замордованной унылой безхозяйственной работой, а потому обнищавшей земле, способной — жили бы по другому — осчастливить своими несметными щедротами всех...* ***За что?*** (Э. Сафонов); 10) *Какой реальный ущерб нанес Распутин России? В чем провинился? Почему «слуга Антихриста»? Как случилось, что крестьянин в конце жизни мог сказать: «Я держу у себя в кулаке всю Россию»?* (АиФ. № 50. 2000 г.).

В отличие от собственно-вопросительных предложений М.в. не предполагают внешних ответов; в отличие от риторических вопросов этот ответ не заключен и них самих, он как бы растворен в окружающем контексте, часто — в контексте всего произведения. Считается, что «медитативные вопросы занимают как бы промежуточное положение между собственно-вопросительными и риторическими вопросительными предложениями. С одной стороны, они передают ход лирических рассуждений, формулируют тему лирической медитации, выступают в качестве связующего звена лирических размышлений и обобщают их. Это сближает медитативные вопросы с собственно-вопросительными предложениями<...>. С другой стороны, медитативные вопросы используются для воссоздания поэтического образа, который может вызвать в душе читателя эмоциональный отклик, в связи с чем они соотносятся с риторическими вопросами, которым также свойственен глубокий подтекст» (Хисамова Г.Г., 1988. С. 249—250). Эта близость М.в. и риторических вопросов иногда является причиной их отождествления. Так, например, А.П. Квятковский, определяя риторический вопрос как «не требующий ответа, но имеющий лирико-эмоциональное значение», приводит такие примеры:

Куда ты скачешь, гордый конь,
И где опустишь ты копыта?

(А. Пушкин);

Знакомые тучи!
Как вы живете?

Кому вы намерены
Нынче грозить?
(М. Светлов) [Квятковский А.П., 1998. С. 288]

Действительно, заключенные в этих текстах вопросы не требуют ответа и имеют лирико-эмоциональное значение, но они и не заключают в себе положительного или отрицательного суждения (утверждения или отрицания), что является непременным признаком риторического вопроса. Таким образом, указанные тексты демонстрируют типичные М.в.

Лит.: **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Хисамова Г.Г.** Медитативные вопросы в поэтической речи // Риторика и синтаксические структуры: Тезисы краевой научно-практич. конф. 1—3 февраля 1989 г. Красноярск, 1988; **Она же**. Медитативные вопросы в поэтической речи // Риторика и перспективы ее изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990.

А.П. Сковородников

МЕЙО́ЗИС (от греч. meiōsis — уменьшение) — прием, определяемый учеными то как разновидность Гиперболы (см.) — так называемая обратная гипербола, то как противоположность гиперболы, заключающаяся в преуменьшении какого-либо качества, свойства предмета или процесса, явления (силы, значения, размера, веса и пр.): ***сойдет***; ***ничего себе, приличный*** (о хорошем) и под.

Усиливая выразительность и изобразительность речи, мейозис часто выражает оценку — положительную или (чаще) отрицательную: ***идейка***, ***связишки***, ***развратик*** и т.д.

Во многих случаях мейозис создается при помощи грамматических средств, например, уменьшительных суффиксов (см. выше).

Мейозис имеет место лишь в том случае, если преуменьшено объективно значительное или нормальное свойство, качество. Преуменьшение же объективно малого является не ослаблением «интенсивности», а, наоборот, ее усилением и, следовательно, гиперболизацией.

Мейозис часто сочетается с гиперболой:

Кто сейчас
оплакал бы
мою ***смертишку***
В трауре вот этой
безграничной смерти!
(В. Маяковский)

Я думал — ты ***всесильный божище,***
А ты недоучка, ***крохотный божик.***
(В. Маяковский)

Лит.: **Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990; **Шмелева Т.В.** Гипербола, мейозис, литота: Фрагмент обыденной риторики // Риторика и синтаксические структуры: Тезисы докладов и сообщений. Красноярск, 1988.

О.Н. Емельянова

МЕТАЛО́ГИЯ (от греч. meta — через, после, за и logos — слово, речь) — образная (тропеическая) речь (см. Образность, Тропы). Металогические тексты противостоят автологическим (см. Автология) тем, что в них слова и выражения используются в их переносном значении.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1969; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. I. Абакан, 2000; **Пекарская И.В.** Об изобразительных и выразительных особенностях метафоры как актуализатора прагматики высказывания // Синтаксическая семантика: проблемы и перспективы. Орёл, 1997; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика. М., 1987; **Розенталь Д.Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; **Скребнев Ю.М.** Троп // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Е.В. Пекарская

МЕТА́ФОРА (от греч. metaphorà — перенос) — способ переосмысления значения слова на основании сходства, по аналогии. Ср. *обручальное кольцо* — ***кольцо блокады***.

Метафора возникает при сопоставлении объектов, принадлежащих разным классам. Она как бы «отвергает принадлежность объекта к тому классу, в который он входит, и включает его в категорию, к которой он не может быть отнесен на рациональном основании» (Н.Д. Арутюнова). В основе М. лежит Сравнение (см.). Ее традиционно называют сокращенным сравнением — без предикатов подобия (*похож, напоминает* и др.) и компаративных союзов (*как, как будто, как бы, словно, точно* и др.). «Вместе с ними элиминируются основания сравнения, мотивировки, ситуативные обстоятельства, модификаторы. Метафора лаконична. Она сокращает речь, сравнение ее распространяет. Формальным изменениям соответствуют смысловые. Сравнение выявляет любое — постоянное или преходящее — сходство (или его отсутствие). Метафора — устойчивое подобие» (Н.Д. Арутюнова).

Различают два типа М.: метафоры языка и метафоры речи (стиля). Первым противопоставил их Ш. Балли, показавший всеобщую метафоричность языка.

1. М. как языковое явление (языковая метафора — ЯМ), необходимое для номинативных и коммуникативных целей, была выделена еще в античности (Квинтилиан, Деметрий, Цицерон, Теофраст). Позже возникли многочисленные разноаспектные лингвистические концепции М.: семасиологическая, ономасиологическая, гносеологическая, логическая, собственно-лингвистическая, лингвостилистическая, психолингвистическая, экспрессиологическая, лингвистико-литературоведческая, лексикографическая и др. «Создается впечатление, что исследование метафоры становится тотальным» (Г.Н. Скляревская).

ЯМ — это вторичная косвенная номинация при обязательном сохранении семантической двуплановости и образного элемента: ***загорелся*** *спор*, *хлынул* ***поток*** *предложений*, *мысли* ***разбегаются***, ***железная*** *дисциплина*, *вклады* ***заморозили*** и др. Наша речь перенасыщена языковой метафоричностью.

ЯМ заложена в самой природе языка, является готовой лексической единицей (которую не нужно создавать каждый раз) — ЯМ мы воспринимаем и воспроизводим автоматически. Она объективна, т.е. отражает коллективные предметно-логические связи, а не индивидуальный взгляд на мир, анонимна, имеет системный характер и не выполняет эстетическую функцию (только номинативная и коммуникативная установка).

2. М. как речевое явление: художественная, поэтическая, тропеическая, индивидуально-авторская, творческая, речевая, окказиональная и др. — термины, встречающиеся в специальной литературе. Этот вид М. (назовем его художественной М. — ХМ) впервые описал Аристотель в своей «Поэтике». Ему же принадлежит одна из первых классификаций ХМ, на которую до сих пор ссылаются почти все исследователи.

Художественная и языковая М. объединены общим для них психологическим и психолингвистическим свойством перенесения наименования с одного предмета на другой на основании сходства (версия М. как сокращенного сравнения). Но в лингвистическом плане (по семантическим, номинативным, коммуникативным и др. свойствам) между этими двумя видами М. обнаруживаются глубокие принципиальные различия. Так, например, в отличие от ЯМ, метафора художественная внесистемна, субъективна (она отражает индивидуальный взгляд на мир автора), сохраняет авторство, является результатом целенаправленных эстетических поисков, уникальна, неповторима (окказиональна), невоспроизводима, выполняет эстетическую функцию и обладает максимальной синтагматической, контекстуальной обусловленностью. Контекст для ХМ — «не *обрамление*, не фон, даже не *питательная среда*, в которой может существовать метафора, а собственно семантическая субстанция метафоры, ее содержимое, которое далеко не всегда легко разложить на *фокус* и *рамку*» (Г.Н. Скляревская).

По словам В. Шкловского, ХМ «выводит предмет из автоматизма восприятия». Например: *Образно говоря, нить его жизни мерно струилась из чьих-то божественных рук, скользила меж пальцев. Без излишней стремительности, без обрывов и узлов, она, та нить, находилась в ровном и несильном натяжении и лишь временами немного провисала* (А. Битов).

Если метафорический контекст обширен, говорят о развернутой М.

Высшей формой метафорического выражения является **си́мфора** (от греч. simphora — соотнесение, совмещение), когда непосредственное сравнение опущено и даются лишь самые яркие признаки обозначаемого предмета:

Этот дождь зарядил надолго,
Вся в булавках сизая Волга.
(Л. Озеров)

Вариантом ХМ является риторическая М., выделенная и описанная А.В. Бельским. Риторическими называются М., употребляемые многими авторами и ставшие литературными штампами, клише с ослабленным образным элементом и эстетическим потенциалом: *паутина лжи*, *закат жизни*, *заря молодости*, под.

Метафорические переносы подчинены жесткой закономерности и осуществляются по определенным моделям. В обобщенном и схематизированном виде предстают следующие типы метафорических переносов: предмет → предмет (*водопад слез*, *лавина писем*, *копна волос*, *россыпь звезд*); предмет → человек (*котелок* — «голова», *варежка* — «рот», *поток посетителей*, *море демонстрантов*); предмет → физический мир (*каскад звуков*, *град ударов*, *волна света*, *стена огня*, *веер*

лучей); предмет → психический мир (*звезда счастья*, *бездна горя*, *болото невежества*, *гранит науки*, *камень на душе*, *облако печали*); предмет → абстракция (*жемчужина поэзии*, *вагон времени*, *осколок прошлого*, *крупица пользы*); животное → человек (*баран* — бестолковый, *жук* — плутоватый, *медведь* — неуклюжий, *змея* — коварная, *щенок* — неопытный); человек → человек (*барин* — о ленивом, *актер* — о притворщике, *ангел* — о чистом, светлом человеке); физический мир → психический мир (взлет самолета — *взлет творческой мысли*, *фантазии*; искра костра — *искра любви, таланта*; крушение поезда — *крушение надежд*, *планов*); животное → предмет (*чешуя водной поверхности*, *перья мороза*, *пушинки снега*); животное → животное (*ну и бегемот* — о коте, *орел* — о коне, *лиса* — о кошке и под.); животное → психический мир (*когти тоски, страха*; *стая воспоминаний*; *рой впечатлений*); человек → животное (*барин*, *вельможа* — о животном); физический мир → физический мир (*взрыв аплодисментов*, *вспышка болезни*, *шквал оваций*); физический мир → человек (*огонь* — о горячем человеке, *слякоть* — о бесхарактерном).

М. широко распространена во всех стилях и жанрах речи, которые призваны воздействовать на эмоции адресата — ораторском, политическом, публицистическом и др. дискурсах. Не используются лишь ХМ в деловой речи: законах, уставах, инструкциях, правилах, циркулярах и др., т.е. во всем, что должно истолковываться однозначно, без двусмысленности и эмоциональности (экспрессии).

Но во всех случаях, как утверждают лингвисты, М. рано или поздно исчезает (стертая метафора).

Лит.: Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936; **Аристотель.** Поэтика. М., 1999; **Арутюнова Н.Д.** Метафора // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; **Арутюнова Н.Д.** Метафора // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Арутюнова Н.Д.** Язык и мир человека. М., 1999; **Балли Ш.** Французская стилистика. М., 1961; **Бельский А.В.** Метафорическое употребление существительных // Уч. зап. 1 МГПИИЯ. Т. 8. Экспериментальная фонетика и психология речи. М., 1954; **Вовк В.Н.** Языковая метафора в художественной речи. Киев, 1986; **Гусев С.С.** Наука и метафора. Л., 1984; **Жоль К.К.** Мысль, слово, метафора. Проблемы семантики в философском освещении. Киев, 1984; **Корольков В.И.** Метафора // Краткая литературная энциклопедия. М., 1967; **Кулиев Г.Г.** Метафора и научное познание. Баку, 1987; **Левин Ю.И.** Структура русской метафоры // Труды по знаковым системам. Тарту, 1965. Т. 2; **Лосев А.Ф.** Знак. Символ. МИФ. М., 1982; **Потебня А.А.** Эстетика и поэтика. М., 1976; **Рыньков Л.Н.** Метафорические сочетания в языке художественной литературы XIX века: Автореф. дис... докт. филол. наук. Л., 1981; **Скляревская Г.Н.** Метафора в системе языка. СПб., 1993; **Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1985.

О.Н. Емельянова

МЕТОНИ́МИЯ (от греч. metonymia — переименование) — Троп (см.), в основе которого лежит перенос значения по принципу смежности понятий, т.е. причинной или иной объективной связи между ними. Поскольку «связей между явлениями, при помощи которых образуются метонимические выражения, чрезвычайно много» (Б.В. Томашевский) и было бы бесполезно пытаться их все классифицировать, назовем лишь самые распространенные виды метонимии:

1. Метонимическое выражение связи между содержимым и содержащим:

*Я **три тарелки** съел.*
(И. Крылов)
*Мы выпили весь **самовар.***
(С. Есенин)

2. Связь между автором и его произведением:

*Читал охотно **Апулея,***
*А **Цицерона** не читал.*
(А. Пушкин)
***Белинского** и **Гоголя** с базара понесет.*
(Н. Некрасов)

3. Связь между действием и орудием этого действия:

Их села и нивы за буйный набег
*Обрек он **мечам** и пожарам.*
(А. Пушкин)

4. Связь между предметом и материалом, из которого он изготовлен:

*Не то на **серебре**, — на **золоте** едал.*
(А. Грибоедов)

5. Связь между местом и находящимися в нем людьми:

*А **Петербург** неугомонный*
Уж барабаном пробужден.
(А. Пушкин)
*О сдавшемся **Порт-Артуре***
Соседу слезил на плечо.
(С. Есенин)

6. Признак — носители признака:

*Летит обжорливая **младость.***
(А. Пушкин)

Как отмечает Б.В. Томашевский, «к числу явлений, родственных метонимии, следует отнести и *ироническое* употребление слов в значении, противоположном их значению, например «умный» вместо «глупый»: *Откуда **умная** бредешь ты голова? <...>* Наблюдается часто и обратное — употребление слов, выражающих порицание, в ласкательном значении: «*Ах, ты, **негодяй***» и т.п. В метонимической форме обычно образуются и эвфемизмы, «смягчение» выражения, функция которых заключается в том, чтобы в приличной и скромной форме выражать понятия резкие и грубые».

Метонимические выражения очень распространены в разговорной речи. Иногда метонимическое значение слова из переносного становится его прямым языковым значением (***немец*** первоначально *немой, т.е. не говорящий по-русски, иностранец,* а затем — ***германец***).

Метонимия наряду с метафорой относится к числу важнейших и наиболее употребительных тропов, играющих огромную роль как в самом механизме того или иного национального языка, так и в конкретной речевой практике: в повседневном общении, в различных функциональных стилях, в языке художественной литературы.

В различных старинных трактатах по риторике делались попытки дать чисто таксономическое определение метонимии путем перечисления всех ее разновидностей (см., например, «Краткое руководство к красноречию» М.В. Ломоно-

сова). Современная же лингвистика, структурная поэтика, неориторика пытаются построить такую обобщающую логическую модель метонимии, в которой были бы предусмотрены любые разновидности данного тропа. Так, широкое распространение получила концепция Р. Якобсона, который в самой природе человеческого языка усмотрел наличие двух отчетливо противопоставленных полюсов: метафорического и метонимического. Метонимия, согласно Якобсону, является воплощением связей, возникающих на синтагматической оси языка («оси комбинации»). В то же время оппозиция «метафора/метонимия» у Р. Якобсона носит слишком общий характер, и эти две категории нередко покрывают собой достаточно разнородные явления.

В концепции льежской школы неориторики (группы «мю») метонимия, как и метафора, относится к уровню метасемем. Образуется она благодаря тому, что исходное и результирующее понятия (например, *сочинения Цицерона — Цицерон*) объединены в некотором промежуточном понятии (*жизнь и творчество Цицерона*), благодаря чему возникает смысловая смежность, становящаяся базой для метонимической замены.

Н.Д. Арутюнова считает, что метонимия, по существу, образуется путем эллиптирования фрагмента высказывания: *Читал охотно (сочинения)* ***Апулея****, а (сочинения)* ***Цицерона*** *не читал*.

Несомненным является тот факт, что механизм метонимии достаточно сложен, однако изучению его до сих пор уделялось неизмеримо меньше внимания, чем метафоре.

Лит.: **Арутюнова Н.Д.** Метонимия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Зимин В.И., Модебадзе Э.А.** Метафора и метонимия // РЯНШ. 1977. № 2; **Ломоносов М.В.** Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1952; **Некрасова Е.А.** Метонимический перенос в связи с некоторыми проблемами лингвистической поэтики // Слово в русской советской поэзии. М., 1975; Общая риторика. М., 1986; **Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990; **Сиротина В.А.** Метонимия и метонимический эпитет в художественной речи // РЯШ. 1980. № 6; **Томашевский Б.В.** Теория литературы. Поэтика. М., 2001; **Якобсон Р.** Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры. М., 1990.

О.Н. Емельянова

МИ́МЕЗИС, или **МИ́МЕСИС** (от греч. mimēsis — подражание), — стилистический прием, представляющий собой «намеренное воспроизведение характерных элементов чужой речи, <...> передразнивание» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 247), что может быть связано с отклонением от языковой нормы. В последнем случае М. выступает в виде Какозелии (см.). М. используется для высмеивания какой-либо речевой особенности (манеры) субъекта речи, а также для высмеивания самого этого субъекта — носителя данной речевой особенности (таковым может быть и отдельный человек, и социальная группа). Например: 1) *«****Девочки, вы не знаете диалектики!****» — сказала Вырикова так похоже на Майю, что все девочки рассмеялись* (А. Фадеев); 2) *...****москали*** *обнаглели донельзя, желают песенки* ***спивать*** *на своем азиатском диалекте <...> Я так полагаю, что* ***це дило треба разжуваты*** (НзГ, 15 июля 2000 г.); 3) *Казалось бы, артель выгодна государству: дает самое дешевое золото и планы, какими бы они ни были, всегда*

выполняются. Да вот беда — живут больно хорошо! А хорошо жить ***«ни-и-зя!»*** *— как говорит наш любимый эстрадный артист* (ЛГ, 27 апр. 1988 г.); 4) *Рвущийся на руины Нефтегорска профессионал-поисковик, «обломленный» державным заявлением Президента РФ, — мол, эти зловредные японцы нам помогут, а потом Курилы* ***взад*** *потребуют — удивил неадекватной реакцией. Обиделся хитрован?* ***Или шта?*** (КП, 2 июня 1995 г.); 5) *В это время из дамских благовонных уст к нему устремилось множество намеков и вопросов, проникнутых насквозь тонкостию и любезностию. «****Позволено ли нам, бедным жителям земли, быть так дерзкими, чтобы спросить вас, о чем мечтаете?»*** *— «****Где находятся те счастливые места, в которых порхает мысль ваша? — «Можно ли знать имя той, которая погрузила вас в эту сладкую долину задумчивости?»*** (Н. Гоголь); 6) *Бенигсен открыл совет вопросом: «Оставить ли без боя священную и древнюю столицу России, или защищать ее?» Последовало долгое и общее молчание. Все лица нахмурились, и в тишине слышалось сердитое кряхтение и покашливание Кутузова.* ***«Священную и древнюю столицу России!»*** *— вдруг заговорил он сердитым голосом, повторяя слова Бенигсена и этим указывая на фальшивую ноту этих слов* (Л. Толстой).

Средствами выражения М., кроме повтора или имитации повтора фрагмента чужой речи, является особая интонация, находящая отражение в особых небуквенных графических средствах: кавычках, многоточии, восклицательном и вопросительном знаках, скобках, курсиве, разрядке, скандировании (разбиении слова на слоги посредством черточки) и некоторых других (Ширина Е.В., 1990. С. 10—11).

Прием мимезиса может быть положен в основу целого малоформатного комического текста:

7) ***Китайский ресторан***

— Сюта — сюта!
Просю — просю!
Хотите сюпа?
— С овсянкой сюп?
— С овсянкой сюп.
— Спасипо, Люпа!

(А. Смирнов)

М. используется в художественной речи и публицистике.

Лит.: **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Ширина Л.С.** Мимезис и средства его языкового выражения // Риторика и перспективы ее изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990; **Она же**. Мимезис как особый вид повтора чужой речи: Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1990.

А.П. Сковородников

МНОГОЗНАЧНОСТЬ. То же, что Полисемия.

МНОГОСОЮЗИЕ. То же, что Полисиндетон.

Н

НАГРОМОЖДЕНИЕ. См. Амплификация.

НЕЙТРАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА — языковые средства (слова, словосочетания, фразеологические обороты, синтаксические конструкции, грамматические формы и т.п.), употребляемые во всех функциональных разновидностях языка, в любой сфере общения, в устной и письменной формах речи. Например: *земля, человек, синий, верный, лежать, резать; высокое дерево, идти по траве; войти в положение; На небе ярко светит солнце; дом, дома, дому, дом, домом, о доме* и др. Н.с.я. называют также межстилевыми или общестилевыми языковыми средствами. Категория нейтральности языковых средств изучается стилистикой ресурсов. Описание этих средств языка содержится в учебниках стилистики и монографиях, посвященных стилистическим проблемам. В различного типа словарях Н.с.я. обычно не сопровождаются никакими пометами.

Н.с.я. являются своеобразным «нулем координат», по отношению к которому выделяются языковые средства, являющиеся специфическими для каждого конкретного функционального стиля. Большую часть Н.с.я. составляет нейтральная лексика, ей противопоставляется стилистически маркированная, хотя некоторые исследователи считают, что нейтральность тоже разновидность стилистической окраски. Слова со стилистической окраской в словарях и справочниках сопровождаются специальными пометами (*разг., сниж., высок., спец.* и др.).

Н.с.я. являются основой, на которой базируются все функциональные стили языка. Многие исследователи высказывают мнение, что специфика каждого стиля определяется именно характером соотношения Н.с.я. и стилистически окрашенной лексики, а также качественным набором нейтральных элементов, обусловленным ситуационно-тематическими условиями.

Статус Н.с.я. может меняться со временем, так стилистически маркированные языковые средства могут стать нейтральными и наоборот. Напр., существительное *обаяние* в «Толковом словаре русского языка» под ред. Д.Н. Ушакова имело помету *разг.*, а слова *живописец* и *заздравный* — помету *книжн., устар.* В более поздних толковых словарях эти слова описываются как нейтральные. И наоборот, в «Словаре русского языка» под ред. А.П. Евгеньевой слово *обитать* дается без помет, а в более позднем издании «Словаря русского языка» С.И. Ожегова это же слово дано с пометой *спец.*

Лит.: **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка, [3-е изд]. М., 1965; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Скреб-**

нев Ю.М. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Шмелев Д.Н.** Русский язык в его функциональных разновидностях. К постановке проблемы. М., 1977.

А.В. Баринова

НЕОЛОГИ́ЗМЫ (от греч. néos — новый и logos — слово) — слова, лексико-семантические варианты или словосочетания, созданные или заимствованные для обозначения новых (прежде неизвестных) предметов, явлений или понятий: *перестройка, гласность, пиар* и т.д.

Н. определяются еще как слова, возникшие на памяти применяющего их поколения (Б. Головин). Принадлежность слова к Н. — свойство относительное и историческое. В каждую эпоху развития языка какие-то слова, обороты, значения появляются и первоначально воспринимаются именно как новые. С течением времени они утрачивают новизну и свежесть, становятся широкоупотребительными и входят в активный словарный запас.

Особенно много Н. появляется в переломные исторические моменты (эпохи революций, смены государственного строя и т.п.), а также в связи с научно-техническим прогрессом.

Иногда слово очень быстро из Н. переходит в Историзмы (см.) в связи с исчезновением той реалии, которую оно называло. Так, например, произошло со словом *ваучер*. Появившись в русском языке в 90-х гг. XX в., оно прожило всего несколько лет и, не успев попасть в словари, стало историзмом.

Н. принято делить на лексические Н. и семантические Н.

Н. лексические — это вновь созданные или заимствованные слова и обороты: *абиогенный, пиар, имиджмейкер, папарацци* и т.д.

Семантические Н. — это новые значения уже существующих слов и словосочетаний: *челнок* (человек, закупающий товары для перепродажи), *зелень* (о долларах США), *травка* (о наркотиках) и др.

Способы образования Н. различны. Это многочисленные аффиксации (*дозатор, видеомагнитофон*), аббревиация (*СНГ, ГИБДД*), внутрисловные семантические деривации на основе метафоры и других переносов наименования (*челнок* — торговец), внесловные деривации, идиоматизация (*вертикаль власти, ночной клуб, новый русский*), терминологизации и детерминологизации, заимствования (*электорат* — избиратели, *ньюсмейкер* — создатель новостей, *плэйер* — проигрыватель).

Выделяют также «относительные неологизмы», являющиеся результатом миграции языковых средств из одних сфер языка в другие или актуализации слов, известных в прошлом (так называемое «внутреннее заимствование»): *гимназия, лицей, губернатор, государственная дума, предприниматель* и др.

Некоторые лингвисты относят к Н. Окказионализмы (см.) — индивидуально-авторские Н., употребленные лишь единожды в каком-либо тексте, как правило, для создания образности, выразительности экспрессивности, Языковой игры (см.): *общежутие, прихватизация, рэкетитор, бредисловие, железноудорожный транспорт, кассовое сознание, бредвыборная кампания.*

Существуют словари новых слов и значений (см. в лит.). В некоторых странах (США, Франция, Япония) созданы центры неологии, которые занимаются исследованиями Н., вопросами культуры речи и стандартизации языка.

Лит.: **Брагина А.** Неологизмы в русском языке. М., 1973; **Костомаров В.Г**. Языковой вкус эпохи. М., 1994; **Котелова Н.З**. Проект словаря новых слов русского языка. Л., 1982; **Лопатин В.В.** Рождение слова. М., 1973; Новые слова и словари новых слов. Л., 1978—1983; Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой и Ю.С.Сорокина. М., 1973; То же, по материалам прессы и литературы 70-х гг. / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1984; Новое в русской лексике. Словарные материалы... 1977—1982 / Под ред. Н.З. Котеловой. М., 1980—1986; **Перцова Н.** Словарь неологизмов Велемира Хлебникова. W.; Moskau, 1995.

О.Н. Емельянова

НЕСНЯТА́Я ОМОНИМИ́Я$_1$ — стилистический прием, заключающийся в неоднозначности высказывания, фразы; возможности их двоякого понимания, возникающей из-за употребления слов, имеющих Омонимы (см.) в контексте, не уточняющем значения этих слов. Напр.: ***Выбейте*** *ему мозги* (1. Разговор у кассы магазина; 2. Реплика в драке).

Двусмысленность может возникнуть при омоформии (*И снова* ***простой*** — сущ. м. р. им.пад. или прилаг. м.р. ед.ч.), омографии (***Все*** *это знали* — всё или все?), омофонии (***Души*** *прекрасные порывы* (А. Пушкин); ***С свинцом*** *в груди лежал недвижим я* (М. Лермонтов); ***И шаг*** *твой землю тяготил* (В. Брюсов)).

Н.о. создает языковую игру, Каламбур (см.), иронию и даже сарказм: *Трамвай представлял собой поле* ***брани*** (Эмиль Кроткий). Ср.: ***Брань^1*** — оскорбительные, ругательные слова; ругань; ***Брань^2*** — война, битва, бой (трад. — поэт. и высок.).

Или: *Спрашивали однажды у старой крестьянки,* ***по страсти*** *ли она вышла замуж. «****По страсти****, — отвечала старуха. — Я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь»* (А. Пушкин). Ср.: ***Страсть^1*** — сильное чувство, с трудом управляемое рассудком; ***Страсть^2*** — ужас, страх (прост.).

Лит.: см. при ст. Омонимия и смежные явления.

О.Н. Емельянова

НЕСНЯТА́Я ПОЛИСЕМИЯ$_1$ — стилистический прием, заключающийся в неоднозначности высказывания, фразы, возможности их двоякого понимания, возникающей из-за употребления многозначных слов в контексте, не уточняющем значения этих слов. Например: *В оставшийся месяц года коллектив предприятия электрических сетей обязался работать с еще большим напряжением* (из газет).

Н.п. может служить средством языковой игры, каламбура, выражать иронию, сарказм и др.: *Весна хоть кого с ума сведет. Лед — и тот* ***тронулся***. (Э. Кроткий); *Не ссорься с женой, чтобы не умереть... от* ***удара*** (из журн.); По радио: *Вы* ***прослушали*** *четыре маленьких пьесы для фортепиано* (А. Кнышев).

Лит.: **Будагов Р.Я.** Закон многозначности слова // Человек и его язык. М., 1976; **Виноградов В.В.** Русский язык. М., 1947; **Голуб И.Б.** Полисемия // Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Кузнецова Э.В.** О соотношении многозначности и синонимии // ФН. 1978. № 2; **Кузнецова Э.В.** Лексикология современного русского языка. М.,

1982; Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968; **Шмелев Д.Н.** Полисемия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

О.Н. Емельянова

НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ. То же, что Несобственно-прямая речь.

НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМАЯ РЕЧЬ, или **НЕСОБСТВЕННО-АВТОРСКАЯ РЕЧЬ** — способ передачи Чужой речи (см.), при котором используются элементы Прямой (см.) и Косвенной (см.) речи. Это речь повествователя, пронизанная вместе с тем лексикой, значениями (семантикой), синтаксическими конструкциями речи персонажа — источника информации, его интонациями, чувствами, мыслями. С прямой речью ее сближает воспроизведение манеры речи говорящего (его подлинных выражений, строя речи), с косвенной речью — то, что в ней личные формы глаголов и местоимений употреблены от лица повествователя. Но при этом не используются никакие вводящие глаголы речи и мысли («*говорил, что...*»; «*сообщил, что...*»), т.е. отсутствует формальный сигнал перехода от авторской речи к чужой. Несобственно-прямая речь не выделяется в тексте авторскими словами, не вводится как придаточная часть сложноподчиненного предложения.

Автор как бы сливает речь своего героя со своей, приспосабливает собственную манеру говорить к его речевой манере. Например: *Он вспомнил, как в детстве во время грозы он с непокрытой головой выбегал в сад, а за ним гнались две беловолосые девочки с голубыми глазами и их мочил дождь; они хохотали от восторга, но когда раздавался сильный удар грома, девочки доверчиво прижимались к мальчику, он крестился и спешил читать: «Свят, свят, свят...»* ***О, куда вы ушли, в каком вы море утонули, зачатки прекрасной, чистой жизни? Грозы уж он не боится и природы не любит, бога у него нет, все доверчивые девочки, каких он знал когда-либо, уже сгублены им и его сверстниками, в родном саду он за всю свою жизнь не посадил ни одного деревца и не вырастил ни одной травки, а живя среди живых, не спас ни одной мухи, а только разрушал, губил и лгал, лгал...*** (В. Набоков).

К несобственно-прямой речи, как правило, прибегают для передачи невысказанных мыслей, внутреннего монолога. Создается двуплановость высказывания: воспроизводится «внутренняя речь» героя, но выступает за него автор: *Она выписывала книги и журналы и читала у себя в комнате. И по ночам читала, лежа в постели. Когда часы в коридоре били два или три и когда уже от чтения начинали болеть виски, она садилась в постели и думала.* ***Что делать? Куда деваться? Проклятый, назойливый вопрос, на который давно уже готово много ответов и в сущности нет ни одного. О, как это должно быть благородно, свято, картинно — служить народу, облегчать его муки, просвещать его. Но она, Вера, не знает народа. И как подойти к нему? Он чужд ей, неинтересен, она не выносит тяжелого запаха изб, кабацкой брани, немытых детей, бабьих разговоров о болезнях*** (А. Чехов).

Наиболее характерный тип несобственно-прямой речи — вопросительные и восклицательные предложения, выделяющиеся на фоне авторского повество-

вания, напр.: *Он ужаснулся и в отчаянии спрашивал себя,* ***как это и зачем попал он в неизвестную землю, в компанию страшных мужиков? Где теперь дядя, отец Христофор и Дениска? Отчего они так долго не едут? Не забыли ли о нем?*** (А. Чехов); *Николай Ростов отвернулся и, как будто отыскивая чего-то, стал смотреть на даль, на воду Дуная, на небо, на солнце.* ***Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! Как ярко и торжественно опускающееся солнце! Как ласково и глянцевито блестела вода в далеком Дунае!*** (Л. Толстой)

Несобственно-прямая речь используется многими писателями. Сергей Залыгин, автор «На Иртыше» и «Соленой пади», отмечал, что персонажи этих произведений (Чаузов и Мещеряков) «буквально заставляли <...> писать о них тем языком, который они считали приемлемым для себя <...> Конечно, этот язык оставался в то же время и моим, он лежал в пределах моих собственных возможностей, но эти собственные возможности как раз они-то и расширяли» (С. Залыгин. О художественном языке и художественном образе // Вопросы литературы, 1969. № 6. С. 120—121).

По словам М. Бахтина, несобственно-прямая речь является «наиболее важным и синтаксически шаблонизированным <...> случаем интерферирующего слияния двух, интонационно разнонаправленных речей», проявлением речевой интерференции в языке.

Лит.: **Бахтин М.М.** Несобственная прямая речь во французском, немецком и русском языке // Бахтин М.М. Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении... М., 2000; **Блинов Г.И.** Изучение способов передачи чужой речи // РЯШ. 1974. № 2; **Глушкова М.Н.** Несобственно-прямая речь в языке прозы Пушкина // РЯШ. 1962. № 1; **Ковтунова И.И.** Несобственно-прямая речь в современном русском языке // РЯШ. 1953. № 2; **Соколова Л.А.** Несобственно-авторская (несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск, 1968; **Труфанова И.В.** Способы передачи чужой речи в русском языке: Учебное пособие по спецкурсу, спецсеминару. Елец, 1994; **Труфанова И.В.** Прагматика несобственно-прямой речи. М., 2000.

О.Н. Емельянова

НИСХОДЯЩАЯ ГРАДАЦИЯ. То же, что Антиклимакс.

О

ОБМАНУТОЕ ОЖИДАНИЕ — в эстетике: одна из теорий, объясняющих комический эффект; в стилистике: экспрессивный эффект, возникающий в результате нарушения норм, стереотипов восприятия (языковых, речевых, логических, онтологических, поведенческих, социальных и т.д.). Эффект О.о. был описан Р.О. Якобсоном и М. Риффатером. В терминологии Пражского лингвистического кружка О.о. — это выдвижение (актуализация).

Сущность эффекта О.о. объясняется семиотическим понятием «вероятностной модели языка» (т.е. любое слово языка вызывает целый ряд ассоциаций, которые иерархически распределяются в памяти человека), а также психолингвистическим понятием «субъективного прогноза» речевой деятельности (т.е. способностью человека использовать имеющиеся в его опыте сведения для прогноза предстоящей ситуации и подготовки соответствующих механизмов к деятельности). Эффект О.о. возникает в таких ситуациях, когда ожидание как обязательное состояние человека, воспринимающего текст, разрешается не так, как он прогнозировал. Создавшееся у реципиента впечатление сопровождается эстетической и эмоциональной оценкой воспринимаемого.

Стилистический эффект О.о. может создаваться при помощи различных приемов и фигур (в т.ч. их конвергенцией), построенных по принципам алогизма, контраста, асимметрии, трансформации структуры и семантики. К ним можно отнести, напр., амфиболию, оксюморон, зевгму, силлепсис, парадокс, градацию, парономазию, реализацию метафоры, трансформацию идиом и т.д. Общим для всех структур, реализующих данный эффект, является наличие семантической и/или структурной двуплановости. Это объясняется равной необходимостью смысловых элементов «ожидания» и «обмана». Ср., напр.: *Семеро одного не ждут, а поджидают* (Вокруг смеха. 13 марта 2000 г.); *Он был элегантен и пьян* (И. Ильф, Е. Петров); *Черномырдин все-таки болеет. За «Спартак»!* (КП. 22 янв. 1998 г.); *Скляр выглядит, как обычный рок-певец, разве что петь умеет* (Афиша. № 1. 2000 г.); *Все мы братья не только по крови, но и по другим анализам* (АиФоризм); *Если человек знает, чего хочет, значит, он или много знает, или мало хочет* (АиФоризм).

Примером О.о. может служить использование журналистами двуплановых заголовков с целью привлечения внимания и создания интригующей ситуации. Читатель заманивается на «ложный путь», на самом деле в статье речь идет о другом: *Губернатор был непробиваем* (Красноярский рабочий. 30 марта 1999 г.) — Заголовок статьи о футбольном матче, в котором принял участие губернатор Красноярского края А. Лебедь; *Кровавый вторник* (Университетская жизнь. Декабрь 2000 г.) — В статье речь идет об участии студентов в донорской акции. Использование подобных заголовков не всегда оправданно и тогда ведет к коммуникативной неудаче.

Структуры, порождающие эффект О.о., в последнее время часто используются в текстах рекламных объявлений, в надписях на открытках: *Безукоризненного телосложения голубоглазый блондин (35-177-80), разведен. Любит детей и домашний уют, некурящий, интерес к сексу и алкоголю вполне умеренный, продает поворотно-откидную колонку катера «Амур-2»* (объявление); *У тебя есть то, что отличает мужчину от мальчика...* (На обороте продолжение высказывания) — *Возраст. С днем рождения!* (открытка).

Эффект О.о. может выполнять тексто- и жанрообразующую функцию в анекдоте, парадоксальном афоризме, в текстах с фантастическим и детективным содержанием. Сам характер подобных текстов требует наличия сюжетного ожидания, а «оттянутая» развязка в них должна быть неожиданной, необычной. Ср., напр.: *Разговаривают две подруги. — Вы с мужем пойдете на «Женитьбу Фигаро»? — Нет, мы решили им просто послать цветы...* (анекдот); *Жениться надо всегда так же, как мы умираем, то есть только тогда, когда невозможно иначе* (Л. Толстой).

Эффект О.о. можно назвать эффектом неожиданности или внезапности, «ошеломления». Необходимо отметить, что, как правило, эффект О.О. не существует в «чистом» виде, а накладывается на другие эффекты, чаще всего он конвергирует с комическим эффектом и его видами.

Лит.: **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). Л., 1981; **Ветвинская Т.Л.** Принцип «обманутого ожидания» как основа стилистического приема (на материале англ. яз.) // Исследования по романской и германской филологии. Киев, 1975; Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991; **Налимов В.В.** Вероятностная модель языка: О соотношении естественных и искусственных языков. М., 1979; Прогноз в речевой деятельности / Отв. ред. Р.М. Фрумкина. М., 1974; **Якобсон Р.О.** Работы по поэтике: Переводы. М., 1987.

С.Б. Донгак

ОБНОВЛЕНИЕ, или **РАЗЛОЖЕНИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМА** — прием, состоящий в изменении структуры и/или семантики фразеологизмов с целью усиления выразительности (эмоционального воздействия), а также для достижения определенного стилистического эффекта, чаще всего — комического. В лингвистической литературе это явление обозначается разными терминами, среди которых можно назвать следующие: «разложение идиомы», «Авторское обновление фразеологизма» (см.), «модификация фразеологизма», «трансформация фразеологизма», «актуализация внутренней формы фразеологизма», «двуплановость устойчивого словосочетания» и др. Изменения могут касаться как семантики, так и формального состава фразеологизма.

1. При семантической трансформации состав фразеологизма остается неизменным: в него либо вносятся новые оттенки смысла, либо возникает игра слов в результате совмещения прямых и переносных значений. И тогда достигается определенный стилистический эффект: *Чем больший вес имеет человек, тем труднее его выносить.*

Одно и то же фразеологическое сочетание воспринимается и как семантически целостное, неразложимое, устойчивое, и как свободное, семантически разложимое: *Как плохо, что победы всегда за нами* (Г. Малкин). Семантически пре-

образованные фразеологизмы некоторые исследователи иначе называют фразеологическими каламбурами (см. Каламбур).

Преобразование семантики фразеологизма осуществляется в контексте, который не только помогает читателю восстановить образ собственно фразеологизма, но и усиливает вместе с тем стершуюся метафоричность и эмоциональность. Один ряд текстовых компонентов позволяет воспринять фразеологическое, а другой — буквальное, исходное значение словосочетания: *Хорошие мужики на дороге не валяются. Они валяются на диване* (АиФоризмы)*; Вчера состоялось четвертое заседание «круглого стола». За «круглым столом» не было ни единого представителя президента Б. Ельцина. Вот и ищи тут согласия... Похоже, у официального «круглого стола» появились острые углы* (Куранты. 1993 г. 7 апр.).

Иногда используется прием индивидуально-авторского переосмысления фразеологизмов, который заключается в том, что фразеологизму придается новое, неизвестное в общепринятом употреблении значение. Так, например, в следующем отрывке фразеологизм «горячая встреча» употребляется в прямо противоположном значении, что становится ясным из контекста романа (О. Бендер произносит эту фразу после очередного разоблачения его авантюры): *Идея себя изжила. Я уверен, что горячая встреча готовится во всех ближайших населенных пунктах* (И. Ильф, Е. Петров).

2. **Структурная трансформация** в той или иной степени вносит изменения в словесный состав фразеологизма и одновременно в его семантику. Она более разнообразна по своим приемам.

Лексико-грамматическая структура фразеологизма может изменяться:

1) путем замены компонентов фразеологизма словами со свободным лексическим значением (синонимами, антонимами, омонимами и др.): *Заповедь лицемера: добывай хлеб в поте маски своей* (И. Ильф, Е. Петров) — ср.: *«в поте лица»* в значении «работать, трудиться с большим усердием, напряжением, прилагая все силы»;

2) введением в состав оборота дополнений, определений, относящихся к одному из его компонентов: *Вы, конечно, стоите на краю финансовой пропасти?* (И. Ильф, Е. Петров) — ср.: *«на краю пропасти»* в значении «быть, находиться в непосредственной близости от смертельной опасности».

Следует отметить, что нарушения в структуре фразеологизма чаще касаются его лексической стороны, нежели грамматической.

Различные преобразования фразеологизмов, а также других устойчивых выражений (афоризмов, крылатых слов, пословиц и поговорок, лозунгов, названий литературных произведений и кинофильмов, строк из песен и стихотворений и т.д.) все чаще встречаются в СМИ, что является свидетельством раскрепощенности языка современной прессы: *Хороните деньги в Сберегательном банке* (ср. лозунг «Храните деньги в Сбербанке»)*; Язык до киллера доведет* (ср. пословицу «Язык до Киева доведет»).

Лит.: **Вакуров В.Н.** Фразеологический каламбур в современной публицистике // РР. 1994. № 6; **Колесникова Э.Г.** Языковые средства комического в творчестве И. Ильфа и Е. Петрова: Дисс. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1969; **Кривенко Б.В.** Фразеология и газетная речь // РР. 1993. № 3; **Санников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; **Хардина М.В.** Окказиональное использование ФЕ с целью создания комического эффекта (на материале произведений Ч. Диккенса): Дисс. ... канд. филол. наук. М., 1978.

С.Б. Донгак

О́БРАЗНОСТЬ – сложная и многозначная категория стилистики, имеющая различные интерпретации в связи с разными осмыслениями понятия и термина *образ*. «Необходимо иметь в виду, что самый термин «образ» имеет множество самых различных значений, особенно когда он сопровождается такими эпитетами, как «поэтический», «художественный», «творческий». Или употребляется в таких выражениях, как «мышление в образах». Везде в таких случаях термин «образ» получает с трудом формулируемую массу семантических оттенков и становится по-разному семантически нагруженным» (Лосев А.Ф., 1994. С. 175). Очевидно, этим объясняется то обстоятельство, что в лингвистических терминологических и энциклопедических словарях, как правило, словарная статья «Образность» отсутствует. В литературоведческих же словарях обычно разъясняется понятие «образ художественный» (см., напр.: Литерат. энц. словарь., 1987. С. 252–257; Энциклопедич. словарь юного литературоведа, 1998. С. 179–181), «образ поэтический» (Квятковский А.П., 1998. С. 207–208).

Дело усложняется тем, что, как замечает Д.Б. Ольховиков, «производное слово-термин «образность» находится в сложных отношениях синонимии с рядом близких по значению семантико-стилистических категорий: «выразительность», «экспрессивность», «метафоричность» (в широком смысле слова), в работах некоторых авторов – «символичность» и «поэтичность» (к примеру, у А.А. Потебни)» (Ольховиков Д.Б., 2000. С. 341). Понятие О. соотносится также с понятием изобразительности, под которой понимают «воспроизведение средствами иск-ва внешнего, чувст.-конкретного облика явлений действительности» (Лисаковский И.Н., 2002. С. 57); «свойство художественного отражения, проявляющееся в сходстве, подобии отражения и отражаемого, позволяющее говорить об адекватности, истинности отражения» (Краткий словарь по эстетике, 1983. С. 50).

По-видимому, в составе лингвоэстетической категории образности можно выделить **О. тропеическую**, основанную на употреблении слов и выражений в переносном значении (см. Тропы), сопоставимую с понятием Металогии (см.), и **О. нетропеическую**, сопоставимую с понятием Автологии (см.).

Под нетропеической О. речи (высказывания, части текста или текста в целом) понимается ее соответствие авторскому эстетическому заданию, достигаемое не путем тропеизации, а посредством адекватного отбора и расстановки обычных языковых средств. С этой точки зрения, «в структуре литературно-художественного произведения острые экспрессивно-образные функции могут выпасть даже на долю семантически нейтральных, совсем безобразных местоименных слов» (Виноградов В.В., 1963. С. 125). Таким образом, «образность художественной речи <...> не сводится к использованию образных средств самого языка, «переносно-фигуральных значений» слов, их экспрессивно-стилистической значимости и т.д.» (Шмелев Д.Н., 1964. С. 105).

И О. тропеическая, и О. нетропеическая могут выступать как **изобразительность** речи, под которой понимается такая степень ее предметной конкретности, благодаря которой содержание речи воспринимается преимущественно через чувственные (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) представления. Так, тропеическая О. изобразительна в таком стихотворном фрагменте:

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний ***луч*** *зари на башнях* ***умирает****;*
Последняя в реке блестящая струя
С ***потухшим небом*** *угасает* (В. Жуковский).

Нетропеическая О. также может быть изобразительной, что мы наблюдаем, например, в следующем отрывке из «Графа Нулина»:

Наталья Павловна сначала
Его внимательно читала,
Но скоро как-то развлеклась
Перед окном возникшей дракой
Козла с дворовою собакой
И ею тихо занялась.
Кругом мальчишки хохотали.
Меж тем печально, под окном
Индейки с криком выступали
Вослед за мокрым петухом;
Три утки полоскались в луже;
Шла баба через грязный двор
Белье повесить на забор;
Погода становилась хуже;
Казалось, снег идти хотел... (А. Пушкин).

Чаще всего изобразительная тропеическая О. и изобразительная нетропеическая О. совмещаются в одном тексте. Напр.: *Однажды ночью я проснулся от странного ощущения. Мне показалось, что я оглох во сне. Я лежал с закрытыми глазами, долго прислушивался и, наконец, понял, что я не оглох, а попросту за стенами дома наступила необыкновенная тишина.* ***Такую тишину называют «мертвой». Умер дождь, умер ветер, умер шумливый, беспокойный сад****. Было только слышно, как посапывает во сне кот* (К. Паустовский). Здесь взаимодействуют изобразительная тропеическая О. (выделена) и изобразительная нетроическая О. (весь остальной текст, в особенности последнее предложение).

К этому следует добавить, что возможна (хотя и встречается сравнительно редко) неизобразительная тропеическая О. Такая О. представлена, напр., в следующем стихотворном тексте:

Не то, чтоб дар моей свободы
Я жизни робко уступил,
И семя доброе природы
Страстями рано заглушил:
Сознанье бодрое не дремлет,
Неумолкаемо зовет...
Но сердце слышит и не внемлет,
И жизнью прежнею живет! (И. Аксаков)

Нетропеическая О. также не обязательно связана с изобразительностью; она может быть обусловлена лишь соответствием речевых единиц авторскому эстетическому заданию, их художественной мотивированностью, целенаправленностью в составе целого, что в большей или меньшей степени свойственно любой речевой единице подлинно художественного текста. Нетропеическую О. такого рода можно, вслед за А.М. Пешковским, В.Д. Левиным, Д.Н. Шмелевым и другими, назвать **общей образностью** (Шмелев Д.Н., 1964. С. 105). Например: *Стоит только признать, что цель волнений европейских народов нам неизвестна, а известны только факты, состоящие в убийствах, сначала во Франции, потом в Италии, в Африке, в Пруссии, в Австрии, в Испании, в России, и что движения с*

запада на восток и с востока на запад составляют сущность и цель этих событий, и нам не только не нужно будет видеть исключительность и гениальность в характерах Наполеона и Александра, но нельзя будет представить себе эти лица иначе, как такими же людьми, как и все остальные; и не только не нужно будет объяснять случайностию тех мелких событий, которые сделали этих людей тем, чем они были, но будет ясно, что все эти мелкие события были необходимы (Л. Толстой).

В цитированном тексте нет изобразительности (в вышеуказанном смысле), однако этот фрагмент в целом и все составляющие его речевые единицы эстетически мотивированы авторским заданием и, следовательно, образны (в смысле нетропеической неизобразительной О.).

Некоторые исследователи выделяют такую О., которая «...рождается из художественной оправданности каждого слова и расположения всех слов» в тексте без участия тропов и фигур, называя ее «безóбразной образностью» (Горшков А.И., 1995. С. 321).

Итак, О. можно определить как **такое эстетически значимое построение текста, которое посредством особого отбора и употребления языковых/речевых единиц порождает соответствующее авторскому заданию эстетическое переживание реципиента**. «О». является родовым понятием по отношению к понятию «изобразительность».

Следует иметь в виду, что в литературоведении широко используется понятие художественного образа, под которым понимается «категория эстетики, характеризующая особый, присущий только искусству способ освоения и преобразования действительности. О. также называют любое явление, творчески воссозданное в худож. произв. <...>, напр., О. войны, О. народа, О. Наташи Ростовой в «Войне и мир» Л.Н. Толстого» (Эпштейн М.Н., 1987. С. 252).

Лит.: **Блинова О.И., Мартынова С.Э., Юрина Е.А.** Словарь образных слов и выражений народного говора / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 2001; **Виноградов В.В.** Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963; **Горшков А.И.** Русская словесность: От слова к словесности. М., 1995; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; Краткий словарь по эстетике: Кн. для учителя / Под ред. М.Ф. Овсянникова. М., 1983; **Лисаковский И.Н.** Художественная культура. Термины. Понятия. Значения: Словарь-справочник. М., 2002; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Лосев А.Ф**. Проблемы художественного стиля. Киев, 1994; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Новиков В.И., Шкловский Е.А.** Энциклопедический словарь юного литературоведа. М., 1998; **Ольховиков Д.Б.** «Образность» как категория филологического описания текста // Res Linguistica. Сборник статей. К 60-летию профессора В.П. Нерознака. М., 1999; **Федоров А.И.** Образная речь. Новосибирск, 1985; **Шмелев Д.Н.** Слово и образ. М., 1964; **Эпштейн М.Н.** Образ художественный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ОБРАМЛЕНИЕ. То же, что Кольцо.

ОБРАТНОЕ ОЛИЦЕТВОРЕ́НИЕ — Стилистический прием (см.), противоположный Олицетворению (см.) и заключающийся в представлении человека как предмета, явления природы, т.е. чего-то неодушевленного. Например:

Помирился я с мыслями слабыми,
Хоть бы ***стать мне кустом у воды****.*
.....
Все мы — ***гроздья винограда***
Золотого лета.
.....
Все мы — ***яблоки и вишни***
Голубого сада.
.....
Не каждому дано ***яблоком***
Падать к чужим ногам
(С. Есенин)

О.о. может выражаться разными способами: Сравнением (см.), метафорическим определением, Эпитетом (см.). Это может быть творительный превращения (как в последнем примере), параллелизм и др.

Функции О.о. различны. Но в общем оно показывает неразрывную связь человека с окружающей его действительностью, их взаимозависимость, невозможность существования человека вне природы.

Лит.: см. при ст. Олицетворение.

О.Н. Емельянова

ОБРАЩЕНИЕ РИТОРИЧЕСКОЕ. То же, что Риторическое обращение.

ОБЩЕУПОТРЕБИТЕЛЬНАЯ ЛЕКСИКА. См. Нейтральные средства языка.

ОККАЗИОНАЛИ́ЗМЫ — (от лат. occasionalis — случайный) — неузуальные речевые единицы (чаще всего — слова), или неузуальные значения языковых единиц, создаваемые говорящим/пишущим для выражения какого-либо индивидуального смысла, обусловленного конкретным контекстом. Поскольку О. создаются и употребляются намеренно, являясь стилистически мотивированными отклонениями от нормы, они обладают статусом Стилистического приема (см.). «О. обладают повышенной выразительностью в силу своей необычности на фоне канонических, нормативных образований. Они, как правило, экспрессивно окрашены (за исключением О. в сфере терминологической лексики). О. образуются преим. в разг. речи, используются в художественной лит-ре, в публицистике...» (Бельчиков Ю.А., 1997. С. 283). Особенно активно в наше время окказиональное словообразование. «Его активность велика во всех сферах современного языка (кроме деловой речи): газеты, радио и ТВ, РР, художественная литература <...>. Человек играет со словом, состязается в этих играх с окружающими, стремясь победить соперника в остроумии, острословии, оригинальности формы выраже-

ния» (Земская Е.А., 2000. С. 128). Отмечено, что окказиональное словообразование преобладает в сфере имен *существительных (абсурдистан, сахариада, здесь-издат, Вашингтонизация*), реже встречается в *сфере глаголов (заанекдочивать, перихнуться*), еще реже — прилагательных (*нашистский, свелоногие*) (Земская Е.А., 2000. С. 132—135). Впрочем, не редкость и окказиональные наречия. Ср.: *смеяльно, грезильно, красивейно, набатно, унывно, стоусто, тринадцатигранно* у В. Хлебникова. (Григорьев В.П., 1986. С. 162); *рокфорно, камамберно, жеманно-спецно, поэзно, прозно, грёзно* — у И. Северянина; *бермудно* — у В. Высоцкого и т.д.

В разговорной речи, публицистике, художественной прозе и поэзии лексические, в том числе словообразовательные О. выполняют разные функции в контексте так называемой Языковой игры (см.). «При всей близости механизмов и форм словообразовательной игры в разговорной речи и художественном тексте между этими сферами есть существенное различие. В разговорной речи словообразовательная игра создает различные комические эффекты, которые используются как средства балагурства или острословия в конкретной речевой ситуации, в художественной речи эта игра — способ создания образных приращений к слову, она **системно обусловлена** и в ряду других приемов организует целостный образный строй текста в соответствии с интенциями автора» (Николина Н.А., 1999. С. 339). Приведем примеры использования лексических О. с разными конкретными функциями, обусловленными контекстом. (Здесь и далее О. выделены в тексте нами. — *А.С.*).

1) *А я так хотел ее пожалеть. Уже ее жалел. Уже любил. Уже вошел в* ***жалюбовь*** (Ю. Малецкий). Словообразовательный О. ***жалюбовь*** призван с художественно-образной конкретностью выразить суть возникшего чувства.

2) *Кончается октябрь, бесснежный и туманный.*
Один день — изморозь. Тепло и дождь — другой.
Безлистный лес уснул, гнилой и безуханный,
Безцветный и пустой, ***скелетный*** *и нагой*
(И. Северянин)

Лексико-семантический О. «скелетный», будучи метафорой, выполняет изобразительную функцию. Изобразительную же функцию выполняют словообразовательные О. в следующих стихотворных (илл. 3) и прозаическом (илл. 4) текстах:

3) *И, дугу описав,*
озаряя окрестность,
ананас ниспадал, просияв,
в неизвестность,
золотую росу
излучая столбами червонца.
Говорили внизу:
«Это — диск ***пламезарного*** *солнца...»*
(А. Белый)

4) *В томительных лагерных* ***перебродах****, в колонне заключенных, во мгле вечерних морозов с просвечивающими цепочками фонарей — не раз подступало нам в горло, что хотелось бы выкрикнуть на целый мир, если бы мир мог услышать кого-нибудь из нас* (А. Солженицын).

Иронически-характеризующую функцию выполняет лексико-семантический О. в контексте следующего фрагмента «Мертвых душ» Н. Гоголя:

5) *Ноздрев был в некотором отношении* ***исторический*** *человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории. Какая-нибудь история не-*

пременно происходила: или выведут его под руки из зала жандармы, или принуждены бывают вытолкать свои же приятели (Н. Гоголь).

В этой функции О. часто используются в газетной публицистике. Например: 6) *Остался* ***неприхватизированным*** *такой лакомый, такой большой кусок государственной собственности* (НГ. № 28. 2000 г.); 7) *Даже безпроигрышный пиаровский ход со строительством у Лужкова* ***сплагиатили****...* (НГ. № 33. 2000 г.); 8) *Пусть придут на помощь все парфюмерные компании Запада: Черномырдину не стать* ***Беломырдиным*** (Зав. № 20. 1995 г.); 9) ***Брюховность*** *— антипод духовности* (КГ, 20 июня 1996 г.).

О стилистическом использовании О. см. также словарные статьи «Словообразовательная контаминация» и «Языковая игра» (Там же см. доп. литературу).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Бельчиков Ю.А**. Окказионализмы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Григорьев В.П.** Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М., 1986; **Земская Е.А.** Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000; **Лопатин В.В.** Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973; **Лыков А.Г.** Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М., 1976; **Наметкова Р.Ю.** Авторские неологизмы: словообразовательный аспект. Ростов н/Д, 1986; **Николина Н.А.** «Словообразовательная игра» в художественном тексте // Язык. Культура. Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999; Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест. М., 1983; **Улуханов И.С.** Узуальные и окказиональные единицы словообразовательной системы // ВЯ. № 1. 1984.

А.П. Сковородников

ОКСЮ́МОРОН, или **ОКСИ́МОРОН** (от греч. oxymoron — остроумно-глупое) — в традиционном понимании — стилистическая фигура, состоящая в соединении двух не просто контрастных, но противоречащих друг другу по смыслу слов, связанных определительными (в широком смысле) отношениями. Поскольку О. «объединяет необъединимое в одном понятии, работая лексическими значениями», его иногда относят к тропам (Клюев Е.В., 1999. С. 199). Так или и иначе, О., будучи нарушением логического закона противоречия (= непротиворечия), может быть отнесен к числу паралогических риторических приемов (см. Риторический прием). В О. в результате соединения несовместимых с логической точки зрения понятий рождается новое сложное понятие или представление. Напр.:

1) *Живой труп* (название пьесы Л. Толстого); *Горячий снег* (название романа Ю. Бондарева);

2) ***Тишина*** *стоит из века в век —*
Синяя, ***громовая****, густая*
(Ю. Кузнецов)

3) *Одно слово — Сибирь:* ***богатая бедность, широкая узость, ликующая неприютность****...* (СК, 7 июля 1988 г.); 4) ***Худосочный богатырь*** *подведет под монастырь* (АиФ, № 41. 2000 г., заголовок).

Основной формальной единицей (моделью) О. является словосочетание из стержневого слова — имени существительного и зависимого имени прилагательно-

го (примеры см. выше). Но достаточно употребительны и другие модели О., например:

стержневое имя существительное + управляемое имя существительное:

5) *Поставьте,* ***невольники воли****,*
Шалаши у дворцов, как бывало...
(В. Брюсов);

стержневое имя прилагательное + управляемое имя существительное:

6) *Жестка, расчетлива, бездушна и практична.*
И в ***неприличности*** *до тошноты* ***прилична***
(И. Северянин);

стержневой глагол + управляемое имя существительное:

7) ***Убивайтесь на здоровье*** (АиФ, № 40–41. 2000 г., заголовок);

стержневое деепричастие + управляемое имя существительное:

8) ***Невоплощаемую воплотив***
В серебряно-лунящихся сонатах...
(И. Северянин);

стержневое причастие + управляемое имя существительное:

9) *И я, и я бессмертным* ***льдом согрет*** (Б. Божнев);

стержневой глагол + примыкающее наречие:

10) *Так* ***упоительно*** *себя* ***ненавижу*** (А. Толстой);

стержневое имя прилагательное + примыкающее наречие:

11) *Его натуре северного барда*
Изменнически верная *Эдварда,*
Пленительная в смутности, ясна
(И. Северянин)

слово категории состояния + инфинитив:

12) *Смотри, ей* ***весело грустить*** *такой нарядно обнаженной* (А. Ахматова).

В этой ахматовской строке второй О. — «нарядно обнаженной» — реализует еще одну модель: стержневое причастие + примыкающее наречие.

Кроме словосочетаний, образуемых на базе синтаксических связей согласования, управления и примыкания (все вышеприведенные примеры), оксюморонные отношения (отношения противоречия) могут возникать между словами или словосочетаниями А) сочиненными, Б) соподчиненными и В) словами, входящими в предикативные сочетания. Такие конструкции можно назвать **сочетаниями оксюморонного типа**. Напр.:

А. 13) *Моя* ***безбожная*** *Россия,*
Священная *моя страна!*
Ее равнины снеговые,
Ее цыгане кочевые, —
Ах, им ли радость не дана?
(И. Северянин)

Б. 14) *Мы любим плоть — и вкус ее, и цвет,*
И душный, смертный плоти запах...
Виновны ль мы, коль хрустнет ваш скелет
В ***тяжелых, нежных наших лапах****?*
(А. Блок)

В. 15) *Воистину* ***этот мертвец более живой****, чем тысячи и тысячи людей, проходящих по земле, как тени, которые только кажутся живыми!* (Д. Мережковский).

Редким случаем оксюморонных сочетаний являются сравнительные обороты, созданные В. Маяковским в стихотворении «Себе любимому»:

Если б был я
маленький,
как великий океан <...>.
Если б я нищ был!
Как миллиардер! <...>
Если б быть мне косноязычным,
как Дант
или Петрарка! <...>
О если б был я
тихий,
как гром <...>

А.П. Квятковский такие алогичные конструкции предложил называть «перевернутой гиперболой» (Квятковский А.П., 1998. С. 24).

О. широко употребляется в языке художественной литературы (чаще — в поэзии, реже — в прозе), используется О. и в публицистике, но с меньшей частотностью, чем в художественной литературе.

Основная функция О. в художественных текстах — передать противоречивость и/или сложную природу объекта изображения (см., например, илл. 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14), а также выразить авторскую оценку (см., например, илл. 5, 6).

В публицистике, как свидетельствуют приведенные выше примеры, все эти функции также имеют место (см., например, илл. 3, 4, 15), но преобладает функция эмоционально-оценочная: 16) *А без единства можно ли чего-нибудь достичь, кроме развала самого государства? Вот в эту сердцевину тысячелетнего государства и пытаются ударить наши* ***заклятые друзья*** (ЧиР, 1—20 авг. 1997 г.); 17) *... А эти, владельцы дворцов,* ***честно наворовали, честно хапнули****, и это возвышает их над нами, делает ситуацию справедливой: кто смел, тот и съел?* (ЛГ, 20—26 июня 2001 г.); 18) *В Китае нет ни коммунизма, ни либерализма, господа! Там есть китаизм! А на каком полюсе в вашем* ***позавчерашнем понимании сегодняшней действительности*** *будет размещен набирающий силу мировой ислам?* (Зав., № 27. 1997 г.).

Кроме того, в газетной публицистике О. часто выполняет интригующую (рекламную) функцию в заголовках (она может совмещаться с эмоционально-оценочной функцией): 19) ***Знаменитые неизвестные имена*** (Изв., 16 сент. 1991 г.); 20) ***Жаркий лед*** *Сибири* (КР, 23 ноября 1988 г.); 21) *Грасс Гюнтер: «Я* ***жизнерадостный оптимист****»* (ЛГ, 19 апр. 1989 г.); 22) *Битва* ***гигантов сливного бачка*** (Зав., № 46. 1997 г.).

В художественной речи и — реже — в речи публицистической функционирует особая разновидность сложных двучастных (сложносоставных) слов-оксюморонов, части которых находятся в таких же смысловых отношениях, как части оксюморонов-словосочетаний: **галантно-нагловатый**, **восторженно-серьезно** и т.п. В художественных текстах такие слова-оксюмороны выполняют изобразительно-характеризующую и — дополнительно — эмоционально-оценочную функции; в публицистических текстах в таких словах-оксюморонах преобладает эмоционально-оценочная семантика:

23) *И вот уж входит бессловесная,*
Самоуверенно-смущенная,

Желанная, всегда прелестная
И, может быть, слегка влюбленная...
(И. Северянин)

24) *Она — **бесовско-ангельская** рожица*
Со мной всегда держалась недотрожисто <...>
(Е. Евтушенко)

25) *Путин в отличие от Кириенко, не разражался **логично-бессмысленным** словесным поносом* (Зав., № 5. 2000 г.); 26) *Рыбкин <...> несет ахинею о **независимо-зависимой, ассоциированно-диссоциированной** Чечне* (Зав., № 5. 1998 г.).

Таким образом, О. в широком смысле слова можно определить как такое стилистически значимое прагматически мотивированное соединение противоречащих друг другу по значению языковых элементов (частей слова, словосочетания, предикативного сочетания слов), которое имеет статус риторического паралогического приема.

Лит.: **Атаева Е.А.** Лингвистическая природа и стилистические функции оксюморона: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1975; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1969; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Павлович Н.В.** Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М., 1979; **Пастухова В.Я.** Парадигматическая и синтагматическая связанность компонентов оксюморонного сочетания: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1980; **Скребнев Ю.М.** Фигуры речи // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Шестакова Э.Г.** Основные типы взаимосвязи между явлением и оксюморонным способом его отображения (на материале русской поэзии XIX — первой трети XX века) // Русский язык: Исторические судьбы и современность: Международный конгресс исследователей русского языка (Москва, филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 13—16 марта 2001 г.): Труды и материалы. М., 2001; **Щербаков А.В**. Оксюморон // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Вестник Российской риторической ассоциации / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 1(8). Красноярск, 1999.

А.П. Сковородников

ОЛИЦЕТВОРЕ́НИЕ (калька с лат. persona — лицо, личность + facere — делать), или **ПЕРСОНИФИКАЦИЯ** — Стилистический прием (см.), с помощью которого неодушевленные предметы, явления природы, отвлеченные понятия предстают в человеческом образе (антропоморфизм) или в образе другого живого существа. Напр.: *Рыжее солнце вихрастой веселой собачонкой путается в ногах*; *Из-за выщербленной квадратной трубы вылезает золотое ухо казацкого солнышка*; *Луна состроила издевательскую рожу; Сквозь мутное стекло глядят звезды*; *Ветер насвистывает знакомую мелодию из венской оперетки; Ветер бегает босыми скользкими пятками по холодным осенним лужам* (А. Мариенгоф).

О. как стилистический прием тесно связано с мифологическим сознанием. Древние славяне (и не только славяне) считали, что животные, растения и различные явления природы обладают человеческими свойствами: мыслями,

чувствами. Следы такого понимания окружающего мира можно обнаружить, например, в фольклоре (*Волга-матушка, Царь-рыба, «бого-царь» Солнце-Дажьбог* и др.). Но если мифологическое сознание оживляло неодушевленные предметы, то О. как прием всегда является Иносказанием (см.), т.е. ***стилистическим*** преобразованием предмета, явления. Особенно часто встречается олицетворение явлений природы. О. может придавать изображаемому человеческую внешность: *Что-то добродушное и вместе уютное было в физиономии этого дома* (Д. Мамин-Сибиряк). Или внешность какого-либо животного: *Заря как волчиха с осклабленным ртом*; *Синегубый Урал выставляет клыки*; *Лошадиную морду месяца схватить за узду лучей* (С. Есенин).

О. может наделять неживое способностью к человеческим действиям: *Каждую ночь к Игнатьеву приходила тоска, <...> с опущенной головой садилась на краешек постели, брала за руку — печальная сиделка у безнадежного больного. Рука в руке с тоской молчал Игнатьев... Тоска ждала, лежала в широкой постели, подвинулась, <...> обняла, положила голову ему на грудь...* (Т. Толстая*);* Или к действиям других живых существ*: Злоба <...> шипела змеей, извивалась в злых словах, встревоженная светом, упавшим на нее* (А. Горький); *А тайная боль разлуки застонала белою чайкой...* (А. Ахматова); *Над тучами, как корова, хвост задрала заря* (С. Есенин).

О. может выражаться разными способами. Особенно часто оно выражается метафорическим определением, т.е. с помощью слов, употребленных в переносном значении, — прилагательных, существительных и др. Например:

Колокол ***дремавший***
Разбудил поля,
Улыбнулась солнцу
Сонная *земля.*

(С. Есенин)

Олицетворяющие определения, выраженные именами существительными, содержат скрытые сравнения: *старушка Москва, девочки-березы* (К. Паустовский); *молчаливый старик-курган* (А. Чехов).

Активно используется для выражения О. метафорический глагол и его формы, например, деепричастие:

И темный лес, ***склоняяясь, дремлет***
Под звуки песни соловья.
Внимая *песням, с берегами,*
Ласкаясь, шепчется *река.*

(С. Есенин)

Широко распространены олицетворяющие сравнения. Напр.: *Вдали по-прежнему машет крыльями* ***мельница****, и все еще она* ***похожа на маленького человечка, размахивающего руками*** (А. Чехов); *А* ***солнышко, словно кошка,*** *тянет клубок к себе* (С. Есенин); *Такие* ***одинокие обветренные вязы*** *среди лугов и полей всегда почему-то* ***напоминают крепких стариков в сермягах со спутанными ветром седыми бородами*** (К. Паустовский).

Очень часто О. выражается несколькими способами одновременно, например, сравнением и глагольной метафорой или сравнением и эпитетами (как в последнем примере).

Особенно рельефно, подчеркнуто обостренно воспринимается О., выраженное с помощью параллелизма, когда в двух соседних синтаксических конструкциях (предложениях, частях сложного предложения) употребляется одно

и то же слово, но в первом случае оно используется в своем прямом значении для характеристики человека, живого существа, а во втором — в переносном значении для характеристики «олицетворяемого» предмета, явления. Например: *Утром* ***он просыпался*** *со светом и вместе с ним* ***просыпались тоска, отвращение, ненависть*** (М. Салтыков-Щедрин).

О. является и риторическое обращение к неодушевленному адресату, которому таким образом приписывается человеческая способность участвовать в диалоге. Напр.:

Ах, ***поля мои, борозды милые,***
Хороши вы в печали своей!
(С. Есенин)

В русской литературе, как правило, адресатом такого обращения является Родина, Россия, Русь: *Прощай, немытая Россия!* (М. Лермонтов); *Родная земля! Назови мне такую обитель...* (Н. Некрасов); *Россия, нищая Россия!* (А. Блок); *Но люблю тебя, родина кроткая!* (С. Есенин); *Русь! Русь! Вижу тебя из моего чудного, прекрасного далека...* (Н. Гоголь) и др.

На О. основывается художественный прием Аллегории (см.). Поэтому оно лежит в основе такого жанра как, например, басня, персонажами которой могут быть животные или предметы, наделенные человеческими качествами. Однако уподобление животных человеку встречается и в реалистической прозе. На этом приеме основываются некоторые рассказы А. Куприна, «Холстомер» Л. Толстого, «Каштанка» А. Чехова и др.

Лит.: **Афанасьев А.Н.** Древо жизни. М., 1983; **Бельчиков Ю.А.** Олицетворение // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Веселовский А.Н.** Психологический параллелизм и его формы в отражениях поэтического стиля // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940; **Голуб И.Б**. Олицетворение // Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Постникова И.И.** Олицетворение // РР. 1974. № 4.

О.Н. Емельянова

ОМОНИМИ́Я и СМЕЖНЫЕ ЯВЛЕНИЯ (от греч. homōnymia — одноименность) — наличие в языке единиц, совпадающих по форме (звучанию и/или написанию), но имеющих разную семантику (значение) и не связанных ассоциативно. Напр.: ***брак*** — *изъян* и ***брак*** — *женитьба*; ***брань*** — *ругань* и ***брань*** — *война, битва* и др.

Омонимия очень распространенное явление, охватывающее все стороны языка — лексику, словообразование, грамматику.

В настоящее время выделяют собственно **омо́нимы** (лексические — полные или неполные, синтаксические), **омофо́ны** (лексические — полные и неполные, лексико-грамматические), **омо́графы** (лексические — полные и неполные, грамматические, лексико-грамматические, стилистические) и **омофо́рмы**.

Полные лексические омонимы — это слова одной части речи, совпадающие во всех грамматических формах в звучании и написании, но совершенно разные по значению. Напр.: ***свет*** — *электромагнитное излучение, воспринимаемое глазом и делающее окружающий мир видимым* и ***свет*** — *земля со всем, что на ней существует, мир, вселенная.*

Неполные лексические омонимы отличаются от полных тем, что они совпадают в звучании и написании не во всех грамматических формах. Напр.: ***коса́*** — *сельско-хозяйственное орудие;* ***коса́*** — *отмель, мыс;* ***коса́*** — *заплетенные волосы.* В последнем случае слово ***коса*** имеет акцентологическую норму ***ко́сы*** (вин.п. ед.ч.).

Синтаксические омонимы — слова, полностью совпадающие в звучании и написании форм, но относящиеся к разным частям речи и выполняющие в предложении разные синтаксические функции. Напр.: *Собеседник* ***холодно*** *посмотрел на меня* (наречие) и *На улице* ***холодно*** (слово категории состояния).

Полные лексические омофоны (от греч. homós — одинаковый и phōne — голос, звук) — слова одной части речи, совпадающие во всех грамматических формах в звучании, но не совпадающие в написании и совершенно разные по значению. Напр.: ***компа́ния*** — ***кампа́ния***, ***бачо́к*** — ***бочо́к*** и др.

Неполные лексические омофоны отличаются от полных тем, что совпадают в звучании не во всех грамматических формах. Напр.: ***кот*** — ***код*** (*кота́* — *ко́да*), ***грипп*** — ***гриб*** (*гриппа* — *гриба*), ***сиде́ть*** — ***сиде́ть*** (*сидея* — *си́дя*) и проч.

Лексико-грамматические омофоны — это: 1) совпадающие в звучании (но не в написании) разные формы слов одной части речи. Напр.: ***ве́ко*** (глазное) — ***ве́ка*** (род.п. ед.ч. от *век* — столетие) или 2) омофонические слова разных частей речи. Напр.: ***ли́ца*** (сущ.) — ***ли́ться*** (глаг.), ***ре́зка*** (сущ. отглаг.) — ***ре́зко*** (нареч.) и др.

Нередко встречаются трехчленные омофонические гнезда. Напр.: ***паз*** (*отверстие*) — ***пас*** (*в игре передача мяча партнеру*) — ***пасс*** (*движение руки гипнотизера*); ***аз*** (*название буквы алфавита*) — ***ас*** (*мастер высшей квалификации*) — ***асс*** (*древнеримская денежная единица*).

Омо́графы (от греч. hom?s — одинаковый и grapho — пишу) — слова одной или разных частей речи, совпадающие в написании всех или отдельных форм, но не совпадающие в звучании и имеющие разные значения. Лексикологи выделяют разные виды омографов. **Лексические омографы** — слова, совпадающие в написании в равнозначных грамматических формах: ***мука́*** — ***му́ка***, ***атла́с*** — ***а́тлас*** и др.

Полные лексические омографы совпадают во всех равнозначных формах: ***парить*** — ***пари́ть***, ***замок*** — ***замо́к*** и др.

Грамматические омографы — совпадающие в написании разные формы одного слова: ***дома́*** (им. — вин.п. мн.ч.) — ***до́ма*** (род.п. ед.ч.).

Лексико-грамматические омографы — слова одной или разных частей речи, совпадающие в написании отдельных неравнозначных форм: ***по́том*** — ***пото́м***, ***уха́*** — ***у́ха***, ***село́*** — ***се́ло*** и др.

Стилистические омографы — произносительные стилистические варианты слов с «нормативным» акцентом, например, профессионально-жаргонным: ***ко́мпас*** — ***компа́с*** (морской жаргон), ***осужде́нный*** — ***осу́жденный*** (жаргон юристов), ***шофе́р*** — ***шо́фер*** (жаргон шоферов) и т.д.

Омоформы — слова одной или разных частей речи, совпадающие в звучании и написании лишь в отдельных неравнозначных формах (поэтому омоформы не могут быть полными или неполными). Напр.: ***мой*** (местоим.) — ***мой*** (повелит. форма глаг. *мыть*). Встречаются трехчленные гнезда омоформ. Напр.: ***слив*** (род.п. мн.ч. от *слива*) — ***слив*** (отглаг. сущ.) — ***слив*** (дееприч.).

Омонимы, омографы, омофоны и омоформы появляются в языке по нескольким причинам.

Во-первых, они могут появиться в результате фонетических процессов, происходящих в языке, — изменения звукового облика слов. Так, например, пер-

воначально слова ***лук*** (*растение*) и ***лук*** (*орудие для стрельбы*) различались по звучанию и написанию: ***лоукъ*** и ***лѹкъ***.

Во втором слове находился гласный звук «О носовое», обозначавшийся буквой «А — юс большой». После исчезновения из древнерусского языка носовых гласных звуков и обозначавших их букв слова ***лук*** и ***лук*** совпали в произношении и написании и образовали омонимичную пару.

Во-вторых, омонимы и смежные с ними единицы могут появиться в результате заимствования слов из других языков. При этом заимствованное слово может совпасть по звучанию и написанию с русским словом (например, ***брак*** — *изъян* из немецк. brack совпало с исконнорусским ***брак*** — *супружество*) или же с другим заимствованным из иного языка словом (например, ***фокус*** — *трюк* из немецкого совпало с ***фокус*** — *точка пересечения преломленных и отраженных лучей* (из латинск.).

В-третьих, многие ученые называют в качестве основного источника омонимии распад Полисемии (см.), когда разные значения одного многозначного слова расходятся настолько, что образуются два (или даже больше) разных слова. Например, так образовались омонимы ***свет*** — *земля, мир, вселенная* и ***свет*** — *электромагнитное излучение*.

Вообще вопрос о соотношении омонимии и многозначности до сих пор является одним из наиболее дискуссионных в лексикологии. В основном ученые придерживаются двух крайних точек зрения на омонимию и многозначность. Первые признают омонимами лишь те одинаково звучащие и пишущиеся слова, которые изначально имели разные формы и только с течением времени совпали из-за фонетических (звуковых), в общем случайных, причин. Все остальные случаи совпадения эти ученые относят к полисемии. Это традиционный классический взгляд лексикологов и лексикографов (поскольку наибольшие трудности возникают при лексикографическом описании данных слов, т.е. при представлении их в словарях).

Другие утверждают, что к омонимам следует относить как исторически разные, но в последствии совпавшие слова, так и случаи распада полисемии. Сторонниками этого взгляда на природу омонимии являются Л.А. Булаховский, В.В. Виноградов, Р.А. Будагов, А.И. Смирницкий и др.

По мнению Д.Н. Шмелева, «большую группу омонимов в русском языке составляют слова, звуковое совпадение которых обусловлено независимым (иногда — в разное время) образованием от одной и той же основы при помощи одних и тех же аффиксов, но каждое в специализированном значении: ***«ветрянка»*** (*мельница*) и ***«ветрянка»*** *(оспа)*, ***«приемник»*** *(учреждение)* и ***«приемник»*** *(устройство для приема чего-либо)* и т.д.» (Д.Н. Шмелев. Омонимия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998. С. 345).

Стилистические функции О. разнообразны. Омонимы используются для усиления выразительности речи, экспрессии, лежат в основе Языковой игры (см.):

Ты белых лебедей ***кормила****,*
Откинув тяжесть черных ***кос****...*
Я рядом плыл; сошлись ***кормила****;*
Закатный луч был странно ***кос****.*
Вдруг лебедей метнулась ***пара****...*
Не знаю, чья была ***вина****...*
Закат замлел за дымкой ***пара****,*
Алея, как поток ***вина****...*

(В.Я. Брюсов)

На О. строятся многие загадки. Например: ***Три*** *теленка — сколько ног?* (Ответ*: Сколько ни* ***три*** *— останется четыре).*

В основе Каламбура (см.) также лежит омонимия (или полисемия):

В любви все ***средства*** *хороши.*
И чем они крупнее — тем лучше.
(Н. Богословский)

Защитник вольности и ***прав***
В сем случае совсем не ***прав***
(А. Пушкин)

Любил студентов ***засыпать*** *он, видно, оттого,*
Что те любили ***засыпать*** *на лекциях его.*
(С. Маршак)

Как писал В.В. Виноградов, «каламбур может состоять <...> в новой этимологизации слова по созвучию или в образовании нового индивидуально-авторского омонима от созвучного корня» («Об омонимии и смежных явлениях» // ВЯ, 1960, № 5. С. 5). Например: *Ноздрев был в некотором роде* ***исторический*** *человек. Ни на одном собрании, где он был, не обходилось без истории* (Н. Гоголь); *Я всю зиму провел в здешнем краю. Я говорю, что я* ***остепенился****, потому что зарылся в степь»* (П. Вяземский); *«Из одних перлов состоит* ***перловая*** *каша», — язвительно перебил его Петушков* (Д. Гранин).

Лит.: **Ахманова О.С**. Словарь омонимов русского языка. 3-е изд. М., 1986; **Колесников Н.П.** Словарь омонимов рус. яз. М., 1978; **Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П.** Многозначность и омонимия. Л., 1966; **Виноградов В.В.** Об омонимии и смежных явлениях // ВЯ. № 5. 1966; **Касаткин Л.Л.** Омонимы // Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995; **Крысин Л.П.** Омонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984; **Михайловская Н.Г**. К проблеме межстилевой омонимии // РЯШ. № 4. 2002; **Ожегов С.И.** О критериях объективного определения омонимов // РР. 2003. № 1; **Шмелев Д.Н.** Омонимия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Шмелев Д.Н.** Омонимия. Омонимов словари. Омонимы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

О.Н. Емельянова

ОМО́НИМЫ См. Омонимия и смежные явления.

ОНОМАТОПЕ́Я. То же, что Звукоподражание.

ОСТРАНЕ́НИЕ, или **ОСТРАННЕНИЕ** (от «странно») — прием художественного изображения, направленный на преодоление автоматизма восприятия. Эффект О. достигается путем нового — «странного» — взгляда на знакомые вещи и явления, как бы впервые увиденные, а потому приобретающие новые признаки («странное» видение предмета художественного изображения).

«Термины «остранение», «торможение», «задержание» связаны с теоретико-литературными поисками русской формальной школы 1910—1920-х гг., с особенной

тщательностью рассматривающей, **как** сделано произведение, **какие** детали, нюансы и подробности «выстреливают» или «не выстреливают» по воле автора («Искусство как прием» В.Б. Шкловского, «Как сделана «Шинель» Гоголя» Б.М. Эйхенбаума и др.)» (Введение..., 1999. С. 226).

В.Б. Шкловский, введший в терминологический обиход понятие О. (кн. «Воскрешение слова», 1914; ст. «Искусство как прием», 1917), полагал, что О. позволяет «дать ощущение вещи, как видение, а не как узнавание» («О теории прозы». М., 1925. С. 12). Один из его примеров О. — нарочито простодушно-примитивное описание оперы в «Войне и мире» Л.Н. Толстого: *На сцене были ровные доски посередине, с боков стояли крашеные картины, изображавшие деревья, позади было протянуто полотно на досках... В середине сцены сидели девицы... Все они пели что-то. Когда они кончили свою песнь, девица в белом подошла к будочке суфлера и к ней подошел мужчина в шелковых в обтяжку панталонах на толстых ногах, с пером и стал петь и разводить руками...* и т.д.

Д.Д. Ивлев отмечает, что «О. толковалось как всеобщий и универсальный закон иск-ва, обнаруживающийся на всех уровнях худож. структуры, как-то: «переживаемость звуков» (Л.П. Якубинский), «ощутимость» языка футуристов (Р.О. Якобсон, Г.О. Винокур), осложненность поэтич. семантики (Ю.Н. Тынянов), «заторможенность» сюжетообразующих компонентов (Шкловский), «странность «худож. описания»... (Ивлев Д.Д., 1987. С. 262).

Иногда О. интерпретируется как «прием нарочитой неясности <...>, при котором автор «не называет вещь ее именем, а описывает ее, как в первый раз виденную, а случай — как в первый раз произошедший» (В.Б. Шкловский): *Я почувствовал, что по спине у меня течет что-то теплое* (Телепередача; из рассказа ветерана войны в Афганистане) (Москвин В.П., 2000. С. 66).

Пример О. в стихотворной речи:

Осенних листьев ссохлось вещество
И землю всю устлало. В отдалении
На четырех ногах большое существо
Идет, мыча, в туманное селенье.
Бык, бык! Ужели больше ты не царь?

(Н. Заболоцкий)

Таким образом, прием О. является одним из средств преодоления стереотипов обыденной речи. По поводу приема О. Н.Д. Арутюнова замечает, что «именно с остранением связаны многоразличные языковые эксперименты, проливающие свет не только на устройство языка и регулирующие его употребление правила, но и на некоторые стороны мира и общества.

Манипулирование с семантикой и правилами коммуникации вылилось в текст «Алисы» (имеется в виду произведение Льюиса Кэрролла. — *А.С.*), основная часть которого построена на не поддающихся интерпретации аномалиях, между тем как риторические фигуры, эксплуатирующие языковые девиации, предполагают возможность их частичной редукции к стандартной семантике» (Арутюнова Н.Д., 1988. С. 302)

По-видимому, к приему О. можно отнести и такое нестандартное употребление языковых (в том числе — грамматических) форм, которое связано с нестандартным видением действительности, как, например, в следующем отрывке из «Детства Никиты» А. Толстого: *Наверху, на чердаке, посвистывало, подвывало протяжно. Вот — затянуло басом: «уууууууууу», — тянет, хмурится надув губы. По-*

том завитком перешло на тонкий, жалобный голос и засвистело в одну ноздрю, мучится до того уже тонко, как ниточка. И снова спустилось в бас и надуло губы.

Д.Н. Шмелев, приведя этот текст как один из примеров выразительных возможностей грамматических средств языка, комментирует его так: «Любопытно в этом изображении детских впечатлений сочетание безличных форм глагола, отстраняющих мысль о производителе действия, с конкретизированным представлением его внешности: «хмурится надув губы», «засвистело в одну ноздрю». (Шмелев Д.Н., 1964. С. 89).

На приеме О. может быть построен целый небольшой текст. Так построено трагическое стихотворение А. Блока «Из газет», «где все описывается с точки зрения безмятежных маленьких детей, ничего не знающих о самоубийстве их матери» (Квятковский А.П., 1966. С. 188).

Лит.: **Арутюнова Н.Д.** Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988; **Бахтин М.М.** Вопросы литературы и эстетики. М., 1975; **Введение в литературоведение.** Литературное произведение: Основные понятия и термины: Учеб. пособие / Под ред. Л.В. Чернец. М., 1999; **Выготский Л.С.** Психология искусства. М., 1965; **Граудина Л.К., Кочеткова Г.И.** Русская риторика. М., 2001; **Ивлев Д.Д.** Остранение // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Леонтьев А.А.** Остранение // Краткая литерат. энциклопедия. Т. 5. М., 1968; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Шкловский В.Б.** Искусство как прием // Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1983; **Шмелев Д.Н.** Слово и образ. М., 1964.

А.П. Сковородников

П

ПАЛИНДРО́М, или **ПАЛИНДРО́МОН** (от греч. παλιυδρομοζ — возвращающийся, бегущий назад), или **ПЕРЕВЕРТЕНЬ** — это текст, одинаково читаемый в обоих направлениях — слева направо и справа налево. Напр.: ***Аргентина манит негра*** (М. Булгаков); ***А роза упала на лапу Азора*** (А. Толстой); ***У тени или мафии фамилии нету*** (Д. Авалиалиани); ***Рембо обмер*** (А. Вознесенский) и др.

П. — один из древнейших приемов языковой игры. Считается, что первым его использовал древнегреческий сатирик Сотадес (III в. до н. э.).

В основе П. лежит механизм «зеркального отражения», которому приписывалось сакральное, магическое значение. «Текст при «нормальном» чтении отождествляется с «открытой», а при обратном — с эзотерической сферой культуры. Показательно использование П. в заклинаниях, магических формулах, надписях на воротах и могилах, т.е. в пограничных и магически активных местах культурного пространства — районах столкновения земных (нормальных) и инфернальных (обратных) сил» (Лотман Ю. М., 1992. С. 22—23).

П. — одна из самых сложных и поэтому очень редко встречающихся форм языковой игры. Однако есть авторы, увлекающиеся этой формой и создающие не только П. — отдельные фразы, одностишья, но и П. — целые стихотворения и даже поэмы. Так, например, у В. Хлебникова есть поэма — палиндром (перевертень) «Разин», в которой каждый стих — П.

Довольно длинные стихи — палиндромы создали С. Кирсанов, И. Сельвинский и др. В качестве примера приведем стихотворение И. Кобзева «Осень»:

На поле мело. Пан —
Мороз взором
Нес осень.
И лоб одолело до боли
ее
гудение, и недуг
зло полз.
Но слетел сон
И ладили, жили дали,
Или на мир озими зори манили?
Не сев ли жил весен?

Многие считают П. слишком искусственной, бессодержательной формой: «Палиндромы обычно звучат искусственно и невразумительно» (М. Гаспаров).

Другие говорят о П. как об «упражнении в текстуальной виртуозности», «лабораторных поэтических экспериментах», «поэзии для поэтов» (С. Калачева). Третьи уверяют, что «это никак не распространяется на лучшие однофразовые палиндромы» (Э. Береговская), что «палиндром — потенциально самая афорис-

тичная форма» (В. Григорьев), в которой авторы часто демонстрируют «абсолютный внутренний слух и зрение». К таким П. относят, например, одностишия О. Григорьева: *Нам боли мил обман; Город устал от судорог; Я и ты боль злобытия* и др.

А. Вознесенский как-то сказал: «У нас к перевертышам, к словам, которые читаются одинаково слева направо и справа налево, отношение, как к курьезу какому-то. Как будто на компьютере можно подсчитать количество букв и все математически рассчитать. Я помню, как я шел по дороге и вдруг мне как будто кто-то стал диктовать какие-то звуки, и вот возник некий магический крест в сознании, а потом визуально это превратилось в словосочетание «*Аксиома самоиска*». И справа, и слева читается одинаково. Сверху вниз и снизу вверх читается одинаково. Это магический крест, может быть, типа кабалистических знаков. Я, например, по опыту своей жизни не знаю другого смысла бытия. Что такое жизнь? Это — аксиома самоиска. Это и поиск себя, и в то же время иск к себе. Сейчас мне кажется, что это самое главное, что мною было найдено в осмыслении жизни».

В. Хлебников называл П. «двояковыпуклой речью». П. нередко создается с использованием Тропов (см.) и Фигур речи (см.). Так, напр., Э. Береговская, анализируя стихотворение П. Фонякова:

Не бубни, папин бубен,
Не бубни, мамин бубен,
Не бубни, тетин бубен,
Не бубни, дядин бубен,
Не бубни, бабин бубен,
Я юн — бубню я!

пишет, что в нем «сплетаются в единый экспрессивный сгусток, образуя яркую конвергенцию, метафора (*не бубни* = молчи), метафористическая персонификация (*папин бубен* = папин голос), и метонимия (*папин бубен*, т.е. голос = папа), многочленная симплока, составленная из анафоры и эпифоры (***не бубни*** *папин* ***бубен****, / **не бубни** мамин **бубен**...*), и деривационный повтор (***б****убни — **б**убен*), кольцо (***я*** *юн — бубню* ***я***), и полиптот (*бубни — бубню*), вертикальный гомеотелевт (*папин, мамин, тетин, дядин, бабин*) и архитектоническая антитеза, охватывающая все стихотворение (лишенное голоса поколение «предков» — обретающее самостоятельность поколение молодых). На это накладывается интенсивная звукопись, заложенная уже в самой природе палиндрома, который невозможен без звуковых повторов. Ономатопея, изображающая гудение и звонкие удары бубна, построена с помощью ассонанса на **У** и аллитерации на **Б**. Таким образом фонетическая организация стихотворной речи поддерживает и усиливает языковую ономатопею «*бубен*», которой поэт обозначил центральный образ стихотворения» (Береговская Э.М., 1999. № 5. С. 60).

Лит.: **Береговская Э.М.** Специфика палиндрома как формы языковой игры // ФН. 1999. № 5; **Бубнов А.В.** Типология палиндрома. Курск, 1995; **Бубнов А.В.** Язык палиндрома. Курск, 1996; **Гаспаров М.Л.** Перевертень // Краткая литературная энциклопедия. М., 1968; **Гаспаров М.Л.** Русский стих 1890—1925 годов в комментариях. М., 1993; **Калачева С.** Формализм // Словарь литературоведческих терминов. М., 1974; **Кирсанов С.И.** Поэзия и палиндром // Наука и жизнь. 1966. № 7; **Лотман Ю.М.** О семиосфере // Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Таллин, 1992; **Кирсанов С.И.** Поэзия и палиндром // Наука и жизнь. 1966. № 7; **Саннников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999.

О.Н Емельянова

ПАРАДИА́СТОЛА — разновидность Антитезы (см.), прием, состоящий в противопоставлении слов-синонимов: *Он не **ел**, а **вкушал*** (А. Чехов), *Письма не было и не было, он теперь не **жил**, а только изо дня на день **существовал** в непрестанном ожидании* (И. Бунин).

П. возникает тогда, когда автор текста использует синонимы не для уточнения понятия, а для выявления и подчеркнутого обозначения их различий: *Каким молодым он еще был тогда! Как часто и упоенно хохотал — именно **хохотал**, а не **смеялся**!* (О. Берггольц); *Врача **пригласить**, а фельдшера **позвать*** (А. Чехов).

Контрастное противопоставление может усиливаться за счет употребления однокоренных синонимов: *И прежний сняв **венок** — они **венец** терновый, Увитый лаврами, надели на него* (М. Лермонтов); *Я по-прежнему верю в добро, в истину; но я не только **верю**, — я **верую** теперь* (И. Тургенев).

Чаще всего П. строится на употреблении синонимов, различающихся стилистической окраской: *В Купеческом клубе **жрали** аршинных стерлядей на обедах. В Охотничьем разодетые дамы **кушали** деликатесы* (В. Гиляровский). Слово «жрать» является просторечным, а глагол «кушать» — стилистически нейтральным.

Лит.: **Андреева Г.В.** Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984; **Введенская Л.А.** Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Вып. 2. Курск, 1966. С. 128—135; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997; **Матвиевская Л.А.** Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; **Махова Э.Ф.** Контраст как один из способов проявления оценки в тексте: (К вопросу эстетической терминологии в ее лингвистическом аспекте) // Межуровневые связи в синхронии и диахронии. Свердловск, 1987. С. 101—107; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Новиков Л.А.** Антонимия в русском языке. М., 1983; **Топоров В.Н.** Фигуры речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 1999. **Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В.** О речевых приемах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992. С. 131—135.

А.В. Щербаков

ПАРАДО́КС (от греч. paradoxos — неожиданный, странный) — суждение, на первый взгляд, резко противоречащее здравому смыслу, но глубокое по значению: *Трус умирает много раз, храбрец — только однажды* (В. Шекспир); *Кто отрицает решительно все — тот ничего не отрицает* (Д. Писарев); *Лучшее правительство — то, которое меньше всего правит* (Т. Джефферсон).

Понятие П. возникло в античной философии для обозначения необычного мнения. Так же широко использовался П. в риторике. Цицерон посвятил ему свой труд «Парадоксы».

П. очень близок Афоризму (см.). Он, как правило, имеет литературное происхождение, обладает лаконичностью, завершенностью суждений, придает блеск высказыванию, привлекает неожиданностью выводов.

П. является свидетельством независимости, смелости и оригинальности ума. Недаром А. Пушкин написал: *И гений, парадоксов друг.*

П. может ставить суждение на грань нелепости (*торопись медленно*; *чем хуже, тем лучше* и под.), но это лишь придает ему особую силу. Как говорил Бернард Шоу, «общепринятый смысл не так уж логичен». У самого Б. Шоу на П. нередко строится сюжет целой пьесы (напр., «Горько, но правда», в которой микроб заражается от людей). Известны и другие произведения мировой литературы, построенные на П.: роман О. Уайльда «Портрет Дориана Грея», где портрет героя стареет, а сам герой остается молодым; роман Р. Бредбери «451° по Фаренгейту», в котором пожарные не тушат огонь, а жгут книги; басня И.А. Крылова «Вельможа», описывающая вельможу, попавшего в рай именно за то, что он был бездельником и поэтому не принес вреда людям, и т.п.

П. может быть средством разоблачительного, сатирического изображения действительности, часто шокирующим средством, т.к. общество не всегда готово услышать о себе правду. Напр.: «*Жестокость — древнейшая радость человечества*» (П. Ницше) и под.

С П. согласны далеко не все, «но в любом случае, парадокс имеет право на существование именно в силу многообразия человеческой натуры» (Т. Ничипорович. Афоризмы. М., 1999. С. 13).

Один из основных способов создания П. — Антитеза (см.):

Они сошлись. Вода и камень,
Стихи и проза, лед и пламень
Не столь различны меж собой.
(А. Пушкин)

Мы то всего вернее губим,
Что сердцу нашему милей.
(Ф. Тютчев)

Люди жестоки, но человек добр.
(Р. Тагор)

Тот, кто применяет силу,
Доказывает свою слабость.
(Р. Тагор)

На П. часто строятся пословицы и поговорки: *Тише едешь — дальше будешь; У семи нянек дитя без глазу*; *Дорога в ад вымощена лучшими намерениями; Сапожник без сапог; У плотника дверь всегда сломана; Несчастлив, кто никогда не был несчастным* и др.

П. нередко противоречит какому-либо распространенному мнению: *Только неглубокие люди не судят по внешности* (О. Уайльд); *Прочесть дневник человека — это наименее надежный способ узнать о нем правду* (Л. Даррелл).

Такие П. могут дискредитировать известные заповеди: *Не поступай с другим так, как хочешь чтобы он поступил с тобой: у вас могут быть разные вкусы* (Б. Шоу); *Не откладывай на завтра то, что можно сделать послезавтра* (О. Уайльд) и т.п.

Среди выдающихся умов, славившихся своими П., были Г. Гейне, Т. Карлейль, Ф. Ларошфуко, Ж.Л. Латрюйер, Л.С. Мерсье, П.Ж. Прудон, Ж.Ж. Руссо, А. Шопенгауэр, А. Франс и особенно М. Нордау, О. Уайльд, Б. Шоу.

Лит.: Краткая литературная энциклопедия. Т. 5. М., 1968; Афоризмы / Сост. Т.Г. Ничипорович. М., 1999.

О.Н. Емельянова

ПАРА́ЛЕПСИС (от греч. paraleipsis — пропуск) — риторический прием паралогического типа (см. Риторический прием), состоящий в том, что говорящий (пишущий) сообщает именно то, о чем он обещает умолчать. Напр.: «*Не стану описывать кушаньев, какие были за столом! Ничего не упомяну ни о мнишках в сметане, ни об утрибке, которую подавали к борщу, ни об индейке с сливами и изюмом, ни о том кушанье, которое очень походило видом на сапоги, намоченные в квасе, ни о том соусе, который есть лебединая песнь старинного повара, о том соусе, который подавался обхваченный весь винным пламенем, что очень забавляло и вместе пугало дам!* «(Н. Гоголь).

Е.В. Клюев, отмечая паралогичность этого приема («несобственно тропа» в его терминологии), отмечает, что «цель, которая при этом преследуется, — это фактически «невольно проговориться» о чем-то, чего адресат в принципе знать не должен, но о чем ему, с точки зрения говорящего, все-таки лучше узнать. Часто троп этот производит комический эффект, поэтому многие опять же рассматривают его как разновидность иронии» (Клюев Е.В., 1999. С. 212).

Действительно, у того же Н.В. Гоголя П., один из его излюбленных приемов, чаще всего используется для создания комического эффекта, предваряя иронические характеристики персонажей. Примером может служить развернутая характеристика дам города N. (в поэме «Мертвые души»), которой предшествуют такие строки: «Чтоб это сколько-нибудь изъяснить, следовало бы сказать многое о самих дамах, об их обществе, описать, как говорится, живыми красками их душевные качества; но для автора это очень трудно. С одной стороны, останавливает его неограниченное почтение к супругам сановников, а с другой стороны... с другой стороны — просто трудно. Дамы города N. были... нет, никаким образом не могу: чувствуется точно робость. В дамах города N. больше всего замечательно было то... Даже странно, совсем не подымается перо, точно будто свинец какой-нибудь сидит в нем. Так и быть: о характерах их, видно, нужно предоставить сказать тому, у кого поживее краски и побольше их в палитре, а нам придется разве слова два о наружности да о том, что поповерхностней. Дамы города N. были <...> « (далее идет подробная характеристика дам — на 2-х с половиной страницах).

Однако П. не всегда связан с комическим эффектом. Так, в первом примере П. усиливает красочность описания, т.е. «работает» на изобразительный эффект. А в следующем, взятом из публицистики [статья посвящена угрозе ядерной катастрофы. — *А.С.*], П. актуализирует аргументацию:

«Нужно ли говорить о том, что если произойдут еще одна-две ядерные катастрофы, равные по «калибру» чернобыльской, мы потеряем большую часть своей территории (по крайней мере в европейской части страны) и соответственно лишимся большей части национального богатства? Но приходится уже говорить о том, что подавляющая часть населения будет обречена на медленное и мучительное умирание» (В. Катасонов).

Лит.: **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000.

А.П. Сковородников

ПАРЕНТЕ́ЗА. То же, что Вставная конструкция.

ПАРО́ДИЯ (от греч. parōdia — перепев, противопеснь) — 1. Сатирический жанр в литературе, театре, музыке, на эстраде; сознательная имитация в сатирической, иронической, юмористической целях индивидуальной манеры, стиля, направления, жанра или стереотипов речи, игры и поведения; «передразнивание» оригинала, сведение его «высокого», серьезного образного языка в низкий, смешной план с целью осмеяния слабых сторон.

П. существовала еще в средние века. Но, по мнению исследователей, средневековая пародия принципиально отличается от пародии более поздней. В средние века «пародируется не индивидуальный авторский стиль или присущее данному автору мировоззрение, не содержание произведений, а только сами жанры деловой, церковной или литературной письменности: челобитные, послания, <...> церковные службы, молитвы и т.д. и т.п. Пародируется сложившаяся, твердо установленная, упорядоченная форма...» (Д. Лихачев, А. Панченко, Н. Понырко. Смех в Древней Руси. Л., 1984. С. 11).

Например, в сатирическом произведении 17-го в. «Служба кабаку» или «Праздник кабацких ярыжек» пародируются слова, обороты, мелодия и схема церковной службы (малой и большой вечерни), но не сама служба, житие, содержание церковных песнопений или молитв. Не случайно в предисловии к этому произведению его автор говорит о пользе чтения «Службы кабаку...» только тем, кто не видит в ней кощунства. Так возникают «антижанры» (антислужбы, античелобитные и др.). Перед нами не П. в современном значении этого слова.

Постепенно П. становится видом литературной полемики, средством расчета с теми, чьи эстетические и мировоззренческие позиции оказывались неприемлемыми для пародиста. Почти столетие жанр исполнял именно эту роль. В П. умело имитировался чей-либо стиль с целью его дискредитации: «Идеологические и эстетические разногласия выявлялись посредством вхождения в чужую идейно-художественную систему и «взрыва» ее изнутри с помощью наглядной демонстрации ее мнимых достоинств» (Л. Ершов. Вступительная статья к сборнику «Муза пламенной сатиры». М., 1988. С. 8).

Таким образом существенно раздвинулся адрес П, захватывая уже целые школы и направления. П. стала видом «словесной дуэли».

Заслуга в разработке форм «чистой пародии» принадлежит И. Панаеву, а П., насыщенную социально-политическим содержанием будут развивать Козьма Прутков и Николай Добролюбов. Развитие жанра привело к тому, что «пародия становилась значительно короче пародируемого произведения, приобретала афористичность и эпиграмматическую остроту» (там же).

В период с 1859 по 1873 г. П. приобрела яркую политическую окраску и стала одним из господствующих жанров. П. стали появляться в огромном количестве в разных изданиях. Пожалуй, не было ни одного сколько-нибудь известного поэта, который не писал бы пародий.

Добролюбов на страницах «Свистка» (приложения к «Современнику») утверждал П. как одну из форм социально-публицистической критики (нередко с переходом на лица). В арсенале пародиста много средств: «Тут и различные виды заострения, и разнообразные формы имитации. Вместе с тем пародия вбирает в себя богатство приемов смежных сатирических жанров: публицистичность сти-

хотворного фельетона, стилистическую отточенность эпиграммы, искусство психологического анализа, которым отмечена реалистическая басня» (там же).

П. основывается на Стилизации (см.), т.к. предметом ее так или иначе оказывается Стиль (см.) пародируемого явления.

2. Произведение, сатирически или комически имитирующее другое произведение, его стиль. Ироническое (саркастическое, скептическое, значительно реже — дружественно-насмешливое или шутливое) подражание форме, стилю и содержанию источника — главенствующая установка такого произведения. В мировой литературе самой знаменитой и значительной П. является «Дон Кихот», в котором Сервантес осмеивает рыцарские романы и идеалы своей эпохи.

Но особенно распространены стихотворные П. В качестве примера приведем пародию Д. Минаева на произведения так называемой «чистой поэзии» (в частности, на стихотворение Якова Полонского «Жалобы музы»), которая называется «Поэт понимает, как плачут цветы»:

Поэт понимает, как плачут цветы,
О чем говорит колосистая рожь,
Что шепчут под вечер деревьев листы,
Какие у каждой капусты мечты,
Что думает в мире древесная вошь.
Он ведает чутко, что мыслит сосна,
Как бредит под раннее утро, со сна,
И только поэт одного не поймет:
О чем это думает бедный народ?

Этот же автор — Дмитрий Минаев — ввел в литературный обиход такое понятие как «цикл пародий». Его П. «Осеннее петербургское небо в 7 песнях на одну тему» является имитацией эстетических позиций, поэтики, ритмики, стилистики семи русских поэтов 19 в.: Некрасова, Плещеева, Фета, Полонского, Тютчева, Майкова и Бенедиктова. В этом же ключе написан им другой цикл пародий под названием «Мотивы русских поэтов» («Мотив мрачно-обличительный», «Мотив слезно-гражданский», «Мотив ясно-лирический» и др.).

В русской литературе мастерами пародии были Крылов и Пушкин, Салтыков-Щедрин и Минаев. В советское время в жанре пародии прославились Эмиль Кроткий, Архангельский и др.

И сейчас пародия является востребованным жанром, любимым народом. В качестве иллюстрации цикла литературных пародий приведем отрывки из пародий Леонида Филатова на поэтов-современников под общим заглавием «Таганка -75»:

Андрей Вознесенский

Таганка, девочка,
Пижонка, дрянь!..
Что ты наделала,
Ты только глянь!..

О, Апокалипсис
Всея Москвы...
Толпа, оскалившись,
Крушит замки!..

Даешь билетики!..
А им в ответ:
Билетов нетути!
Физкультпривет!..

Белла Ахмадулина

О, вряд ли кто-нибудь предполагал,
Что я, бродя в окрестностях Таганки,
Однажды с праздным видом чужестранки
Рискну войти в тот сирый балаган!..

Надменно и взыскующе шурша
Программкой предстоящего миракля,
Я села. Все затихло. И обмякла
Моя высокомерная душа...

Роберт Рождественский

Может, это прозвучит
Резко,
Может, это прозвучит
Дерзко,
Но в театры я хожу
Редко,
А Таганку не люблю
С детства.

Лит.: **Дамянова-Долмова Д.И.** Чехов — пародист // РР. 1980. № 1; **Лихачев Д.С., Панченко А., Понырко Н.** Смех в Древней Руси. Л., 1984; Муза пламенной сатиры: Русская стихотворная сатира 1830—1870-х гг. / Сост., автор вступит. статьи Л.Ф. Ершов. М., 1988; **Преображенский С.Ю.** Пародийное слово М.Е. Салтыкова-Щедрина // РР. 1983. № 2; **Преображенский С.Ю.** Речевая пародия в сатирической сказке М.Е. Салтыкова-Щедрина «Премудрый пескарь» // РЯШ. 1983. № 4.

О.Н. Емельянова

ПАРО́НИМЫ (от греч. para — около и onyma — имя) слова, образованные от одного корня с помощью разных аффиксов и принадлежащие к одной части речи, имеющие сходство в звучании, но различающиеся своими значениями, например, **горячка** и **горячность**; **индивидуальность** и **индивидуализм**; **романтичный**, **романтический** и **романический**; **дымный** и **дымовой**; **сытно** и **сыто** и т.п.

С точки зрения словообразования, П. могут различаться приставками: плата — выплата — оплата (приставочные П.), суффиксами: шумный — шумливый — шумовой (суффиксальные П.), окончаниями: метод — метода (финальные П.).

Будучи родственными по корню и близкими по звучанию, П., как правило, значительно различаются семантически и не способны заменить друг друга в высказывании без искажения его основного смысла. Ср.: **драматический** театр, но **драматичный** случай; поехать в **здравницу**, но провозгласить **здравицу** и т.д. Для выяснения смыслового своеобразия каждого из паронимов целесообразно

сопоставить их значение. Например: На собрании докладчику **предоставляют** слово, т.е. разрешают высказаться. А если кого-либо признают достойным высокой похвалы, то его могут **представить** к награде» (Энциклопедия..., 1984. С. 214).

С точки зрения семантики, различаются П., не вступающие в синонимические отношения (**становление — установление**, **факт — фактор** и т.д.) и П., которые могут находиться в отношениях синонимии (**двойной — двойственный**, **травянистый — травяной** и др.). В выборе последних особенно часто допускаются неточности, которых можно избежать, обратившись к специализированным словарям (см. литературу в конце статьи).

«Паронимы можно различать ещё так: вместо каждого паронима подставлять близкое ему по смыслу слово. Эти подстановочные слова никогда не совпадут. Напр., вместо **экономный хозяин** можно сказать **рачительный хозяин**, вместо **экономичный способ литья — выгодный способ литья**. Прилагательное **рачительный** по значению явно отличается от прилагательного **выгодный**. Тем самым делается очевидной разница между паронимическими словами экономный и экономичный» (Энциклопедия..., 1984. С. 214).

Существенно вскрывать не только синонимические отношения, возможные между паронимами (**далекий — дальний**, **геройский — героический**), но прежде всего устанавливать такие различия между ними, которые исключают возможность синонимических взаимозамен. Такой анализ позволит избежать неточного использования однокоренных слов, Смешения паронимов (см.). Такие речевые ошибки довольно часто встречаются и в устной разговорной речи, и в речи публичной, в прессе и даже в современной художественной литературе.

Напр., часто можно услышать: **оплатите за проезд** вместо нормативных **оплатите проезд** или **заплатите за проезд**; **оденьте пальто** вместо нормативного **наденьте пальто** и т.п. (см.: Ошибки в употреблении паронимов).

В лингвистической литературе встречается и широкое понимание П. — как слов не обязательно однокоренных, но имеющих то или иное звуковое сходство (напр.: **щиколотка** и **щеколда**, **контузить** и **конфузить** и т.п.) Такие слова, как и собственно П., при преднамеренном сближении в специально организованном контексте составляют стилистическую фигуру Парономазию (см.).

Лит.: **Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.** Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994; **Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.** Трудные случаи употребления однокоренных слов русского языка: Словарь-справочник. М., 1969; **Вишнякова О.В.** Паронимы современного русского языка. М., 1981; **Колесников Н.П.** Словарь паронимов русского языка. Тбилиси, 1971; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973; Энциклопедический словарь юного филолога (языкознание). М., 1984.

А.П. Сковородников

ПАРОНОМА́ЗИЯ (от греч. paronomasia — игра близкими по звучанию словами) — стилистический прием, состоящий в преднамеренном смысловом сближении, соположении, а иногда и противопоставлении однокоренных слов — паронимов (см. Паронимы), а также в установлении окказиональных (случайных, не соответствующих принятому употреблению) смысловых связей между близ-

козвучными словами, не обнаруживающими этимологического сходства (*пытать — питать, фарс — фарш, глуп — глух, голос — логос* и т.п.). Напр.: 1) *Мы не хотим сделать гуманитарные науки, в частности стилистику, строго научными дисциплинами. Но не забудем:* ***мудреность еще не мудрость****, и от «синусов» филология, может быть, вправе ждать* ***чудес, но никак не чудачеств*** (Ю. Стрелков); 2) *Иссякнувший пафос творчества подменяется пафосом распределения и «водительства», максимализмом власти****, не только дерзновенной, но и дерзостной*** (Г. Фроловский).

В приведенных высказываниях паронимы поставлены в контекст, подчеркивающий их семантические различия (при наличии определенной общности) и этим достигается большая точность в выражении содержания этих высказываний.

3) *Люди уж и забывать стали, что значит петь красиво. Орать во всю глотку спьяну — это пожалуйста, это сколько хочешь. А вот чтобы* ***не напиться, а напеться*** *— для этого давно не собирались* (ЛР, 4 янв. 1991 г.);

4) *Эта удочка мюнхенского производства,*
Неизменная спутница жизни моей,
Отвлекает умело меня от уродства
Исторических — и истерических! *— дней.*
(И. Северянин)

Здесь, созданная соположением созвучных, но этимологически не родственных слов, П. придает дополнительную остроту и выразительность характеристикам, содержащимся в данных текстовых фрагментах.

П. заостряет образные ассоциации и определения; привлекает внимание адресата к тому отрезку текста, в котором она реализуется. В этом качестве П. широко используется и в поэзии, и в прозе (в том числе — публицистической):

5) *Меня тревожит встреч напрасность,*
Что и ни сердцу, ни уму,
И ***та не праздничность, а праздность****,*
В моем гостящая дому.
(Е. Евтушенко)

6) *Без голосистых чувств, без чутких слов*
Своей ***злодольной родины раздольной,***
В самом своем кощунстве богомольной,
Ни душ, ни рыб не мил ему улов...
(И. Северянин)

7) *Голос Маяковского****: шторм****, идущий на* ***штурм*** *(****штурмующий шторм****)* (И. Северянин); 8) *Генерал Ермолов* ***дерзал*** *в бою* ***и дерзил*** *царю* (КП, 4 июня 1997 г.).

Как средство создания броского, часто каламбурного заголовка П. широко используется в прессе. Напр.: 9) *Наши* ***поезда*** *самые* ***поездатые*** (АиФ, № 27. 2000 г.); 10) *Перед* ***Юлей*** *власть* ***юлит?*** (КП, 29 марта 2001 г.); 11) *Энергия Сибири:* ***пути*** *и* ***путы*** (КК, 6 сент. 1988); 12) *Падение* ***идолов*** *или кризис* ***идеалов*** (МН, 4 февр. 1990 г.); 13) ***От царизма до церберизма*** (СК, 11 марта 1989 г.).

Газетные заголовки, содержащие П., показывают, что «чем неожиданнее соединение слов, входящих в парономастическую пару <...>, тем она ярче, тем большее впечатление производит на читателя или слушателя» (Колесников Н.П.,

1987. С. 78). Газетные заголовки демонстрируют еще такую особенность этого приема: вступая в стилистическую конвергенцию (взаимодействие) с фразеологизмами или клишированными оборотами, П. может функционировать не в полном составе — один член парономастической пары может подразумеваться, но не быть названным: 14) *Чрезвычайные* ***мэры*** (ЛГ, 16 окт., 1991 г.), ср.: чрезвычайные меры; 15) ***Путч*** *к коммунизму* (КП, 5 дек. 1991 г.), ср.: путь к коммунизму; 16) *Ждать ли от* ***Мори*** *хорошей погоды?* (МК в Иркутске, 22—29 марта 2001 г.), ср.: ждать у моря погоды и т.п.

Конвергенция П. с другими стилистическими приемами наблюдается не только в заголовках, но и в основном тексте. Напр.: 17) *Из стен учебных заведений должны выпускаться не дипломированные* ***созерцатели****, а убежденные, профессионально грамотные* ***созидатели*** *<...>* (УГ, 1 марта 1989 г.) (конвергенция П. и антитезы); 18) *Беспородность не вымирает.* ***Беспородность*** *переходит в* ***бесопородность*** (СК, 11 марта 1989 г.) (конвергенция П. и климакса).

Одна из основных стилистических функций П. — выражение разных оттенков категории комического (юмористического, иронического, саркастического). В этой функции П. используется в художественной прозе и поэзии, в газетных жанрах и разговорной речи. Напр.: 19) *Это не какая-нибудь* ***взятка****... это приношение от чистой души <...> Так-то-с... это не* ***взятка-с****, а законное, так сказать,* ***взятие*** (А. Чехов); 20) [об одном из писателей] *Его называют* ***мэтром****, какой же это* ***мэтр****, это* ***сантиметр*** (К. Чуковский); 21) *Преимущество в этой борьбе опять на стороне президентского блока* ***«Выбор России»*** *<...>* ***«Вымор России»*** *вновь предвкушает свою победу на выборах...* (КГ, 17 марта 1994 г.); 22) *Кто-то замечательно сказал: «Был культ* ***личности****, а сейчас культ* ***наличности****». Простенько, но очень точно* (АиФ, № 28. 2000 г.);

23) *Гурьба учащихся ослов*
Бежит за горничною Лидкой.
Собачья свадьба... Чахлый гром.
И два спасенья: ***бром и ром***
(Саша Черный);

24) *В крови одних —*
Самосожжение,
А у других —
Самоснабжение
(Н. Шумаков);

25) *Одну птицу узнаёшь по* ***полету****, а другую по* ***помету*** (из разговорной речи).

Как свидетельствует последний и ряд других примеров (см., илл. 13, 18, 20, 21, 22, 24) П. является одним из инструментов Языковой игры (см.). Причем особенно эффектно выглядит такая языковая игра в случае абсолютного смыслового разрыва между сопоставляемыми словами или словосочетаниями (ср. еще: *собрание сочинений — содрание сочинений; девица выше среднего роста — девица выше среднего возраста* и т.п.).

Известно, что П. имеет место в устном народном творчестве — в пословицах, поговорках, загадках, скороговорках: (*Суд не в* ***осуд****, а в* ***рассуд***), в некоторых устойчивых формулах сказок (напр., *в* ***тридевятом*** *царстве, в* ***тридесятом*** *государстве*) (Бельчиков Ю.А., 1990. С. 368). П. иногда сближается с аллитерацией («*В солдатском поле* ***замер зуммер***», Дудин) (Бельчиков Ю.А., 1997. С. 327).

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Бельчиков Ю.А.** Парономазия // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Он же**. Парономазия // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Вишнякова О.В.** Паронимы современного русского языка. М., 1981; **Гончаров Б.П.** Звуковая организация стиха и проблемы рифмы. М., 1973; **Григорьев В.П.** Поэтика слова. М., 1979; **Он же**. Паронимия // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Колесников Н.П.** Парономазия как стилистическая фигура // РЯШ. № 3. 1973; **Он же**. Парономазия — бинарная фигура стилистики // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987.

А.П. Сковородников

ПАРЦЕЛЛЯ́ЦИЯ (от франц. parcelle — частица) — стилистический прием (в иной интерпретации — стилистическая фигура), состоящий в таком расчленении единой синтаксической структуры предложения, при котором она воплощается не в одной, а в нескольких интонационно-смысловых речевых единицах, или фразах. Фраза, в которой реализуется структурно господствующая часть предложения, называется базовой (основной); фраза, в которой реализуется структурно зависимая часть предложения (отчленяемая часть), называется парцеллятом. Базовая часть и парцеллят (парцелляты) образуют парцеллированную конструкцию. Напр.:

Дело, конечно, было не в текстах ролей, плохих, хороших, в конце концов, это же ремесло, профессия — оплодотворять слова, ситуации, придуманные кем-то. Наполнять их содержанием. Смыслом. Действием. Собой. Своей сутью. Жизнью (С. Вишневская).

В данной парцеллированной конструкции базовая часть — *«Дело, конечно, было не в текстах ролей, плохих, хороших, в конце концов это же ремесло, профессия — оплодотворять слова, ситуации, придуманные кем-то»*, парцелляты — *«Наполнять их содержанием»*, *«Смыслом»*, *«Действием»*, *«Собой»*, *«Своей сутью»*, *«Жизнью».*

С точки зрения актуального членения предложения, парцелляция представляет собой средство выделения, усиления наиболее важной информации, т.е. средство создания в высказывании нового (дополнительного) рематического центра (или нескольких рематических центров).

В письменной речи между расчленяемыми частями предложения ставится пунктуационный знак конца предложения (точка, восклицательный знак, вопросительный знак, многоточие). Напр.: ***Адмирал видел смерть не раз. Та была бледная, белая. Встречал ее спокойно. Не тронула. Теперь другая. Красная. Страшна*** (В. Зазубрин); *Люда Голливуд мелькнула в кабинет начальника. Неслыханное дело:* ***Чинков! Просит! приема! У Фурдецкого!*** (О. Куваев); ***Я? Вам? Дал телефон?*** *Что за ерунда! — не понимая, сказал Никитин* (Ю. Бондарев); ***Они падают — ломаются, обгорают и встают... Чтобы снова падать и снова вставать*** (КП, 26 ноября 1989 г.).

Не являются частотными случаи пунктуационного оформления парцелляции при помощи точки с запятой, тире. Напр.: *Все-таки люди сходятся именно что вот сходные — похожие, общие там, внутри себя, по своему строю. А они с ним были куда как несхожи...* ***Но тянулись друг к другу — да, тянулись, что го-***

ворить; оба, взаимно (А. Курчаткин); ***Он чувствовал себя необходимой деталью мирозданья — в какой-то мере, естественно. Потому что масштабы не имеют значения*** (М. Чулаки).

Возможно написание парцеллята как с прописной, так и (значительно реже) со строчной буквы. Например: — *...Ныряй в эту рыночную стихию. В одиночку. Головой. Головой о камушек.* ***Может, повезет. Если! голова! крепче! камушка!*** (ЮСВ, 15 окт. 1994 г.).

Можно встретить размещение базовой части парцеллированной конструкции и парцеллятов в разных абзацах. Напр.:

Удастся ли нынче это казачеству?

Ощутить прежнее, некогда такое надежное братское тепло и взлететь.

Над почти погубленной землей (Г. Немченко).

А сейчас этот жанр... политическая острота, сатирическое мышление, умный юмор настолько нужны и любимы, что когда меня один министр спросил: «Чем вы так быстро берете публику?»

Я остолбенел (Изв., 9 авг. 1986 г.).

Парцелляция может осуществляться как в простых, так и в сложных предложениях разных структурно-семантических типов (сложносочиненных, сложноподчиненных, бессоюзных). Напр.: ***Кошка может стать бешеной. И она так же опасна, как и бешеная собака*** (КП, 4—9 янв. 1998 г.); ***Пришел я домой, лег и лежу. И ужасно скучаю от огорчения. Потому что не брал я ихние часики*** (М. Зощенко); *Жили-были на свете три брата.* ***Один работал лаборантом-технологом. Другой — электромонтажником*** (Изв., 15 авг. 1970 г.).

Прием парцелляции используется во всех стилях, допускающих экспрессию, но с наибольшей частотностью и разнообразием конкретных стилистических функций он представлен в текстах художественных и публицистических. Так, в следующих примерах из художественной прозы парцелляция используется в изобразительных целях:

А один — узкоплечий, с продолговатым бледным лицом, тоже фитиль! — увидел в окне вагона меня. Оживился. Встал. Подошел ближе и показал палец с тоненьким колечком (Б. Рахманин) (изобразительный эффект «замедленного кадра»).

Ребятам так и сказали: хотите, мол, нажраться, поезжайте. ***Там все есть. И хлеб там есть. И картошка. И даже фрукты, о существовании которых наши шакалы и не подозревали*** (А. Приставкин) (выделение наиболее существенных деталей общей картины).

Парцелляция часто вступает в конвергенцию (см.: **стилистическая конвергенция**) с другими стилистическими приемами, усиливая их прагматический (воздействующий) потенциал. Например:

Разговоры стали теперь главным в их жизни. ***Разговоры о музыке Гайдна, Глюка, Пуччини. О затеваемых новых постановках. О том, каких театральных мальчишек и девчонок к каким именитостям отдавать на выучку, а каких не отдавать. О вспыхнувшей во Франции революции и падении Бастилии. О разгроме Суворовым турецких войск под Рымником. О достраиваемом Казаковым университете, который, как уже видно, будет очень хорош. О необычайно красивых портретах, писанных в Петербурге мадам Виже-Лебрен*** (А. Рогов).

В данном примере парцелляция усиливает изобразительный «эффект длительности действия», создаваемый при помощи многочленного перечислительного ряда с многопредложием (см. Полисиндетон).

Редко встречается слоговая парцелляция, которая осуществляется в предложении, состоящем из одного слова. Напр.:

Лолита, свет моей жизни, огонь моих чресел. Грех мой, душа моя. Ло-ли-та: кончик языка совершает путь в три шажка вниз по небу, чтобы на третьем толкнуться о зубы. ***Ло. Ли. Та*** (В. Набоков).

В лингвистической литературе можно встретить обозначение одних и тех же речевых фактов то термином «парцелляция», то термином «присоединение». Однако их не следует смешивать, так как присоединение — это грамматическая категория, обладающая собственным грамматическим значением (значением добавочного сообщения) и собственной грамматической формой (специальными союзами, союзными речениями, интонацией). Причем парцелляция может «накладываться» на присоединительные отношения и усиливать их. Например: *О чем же новое произведение****? Я не могу пересказать. Да и не надо этого делать*** (ЛГ. 30 апр. 1995 г.); ***Надежды на новые перемены враз улетучились от новых, более высоких, цен на все молочные продукты. Причем «новизна» эта оказалась довольно внушительной — где-то процентов на 25—30*** (Хак., 9 января 1997 г.).

Лит.: Библиографический указатель по вопросам присоединения, парцеллирования и сложного синтаксического целого. Самарканд, 1987; **Ванников Ю.В.** Синтаксис речи и синтаксические особенности русской речи. М., 1979; **Иванчикова Е.А**. Парцелляция, ее коммуникативно-экспрессивные и синтаксические функции // Русский язык и советское общество: Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1977; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Сковородников А.П.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; **Сковородников А.П.** О классификации парцеллированных предложений в современном русском литературном языке // ФН. 1978. № 1; **Сковородников А.П.** О функциях парцелляции в современном русском литературном языке // РЯШ. 1980. № 5.

Г.А. Копнина

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ — универсальный синтаксико-семантический прием организации трех и более функционально однородных элементов любого уровня (от слова до крупных структурно-композиционных единиц) в составе микро- или макротекста посредством их контактного, реже дистантного взаиморасположения, сочинительной связи, специфической перечислительной интонации. Конструкция, созданная на основе перечисления, называется перечислительным рядом. Все элементы перечислительного ряда характеризуются принадлежностью к одному логико-понятийному классу (либо предметов, либо признаков, либо действий и т.п.) и равной соотнесенностью с некоторым понятием более высокого уровня абстракции, которое в виде «обобщающего» слова (комплекса) может открывать или (реже «и») закрывать ряд или быть понятым из контекста. Обобщающий компонент, лексически выраженный или нет, — это своего рода «общий знаменатель» и, таким образом, обязательный атрибут перечислительной конструкции.

В музеях запертых, в торжественном покое, / Хранились бережно останки старины: / Одежды, утвари, оружие былое, / Трофеи победительной войны — / То кормы лодок дерзких мореходов, / То кубки с обликом суровых лиц, / Знамена покорявшихся народов / Да клювы неизвестных птиц (В. Брюсов).

Порядок взаиморасположения элементов ряда мотивируется историко-хронологической достоверностью, соположением предметов мысли в реальной действительности, их масштабом и значимостью, позицией автора речи, перспективой восприятия. Компоненты ряда связаны соединительными, присоединительными, разделительными отношениями. Перечислить — значит назвать что-либо с максимально возможной полнотой. К этому приему прибегают при классификации, обобщении, характеризации, квалификации, детализации, уточнении. В перечислении сочетаются высокая степень информативности и лаконичность. Онтологические (сущностные) свойства ряда, таким образом, — функциональная однородность, множественность, упорядоченность, лаконичность. В устной речи П. выделяется особой интонацией, в письменной — графически. Напр.:

Существуют следующие виды компенсационных пособий:
— пенсия на лечение в связи с потерей трудоспособности;
— пособие на повышение уровня образования и профподготовку;
— пособие на страхование жизни;
— пособие семьям погибших...

(АиФ, 1989, № 114).

По формальному признаку ряды могут различаться наличием/отсутствием обобщающих слов; количеством компонентов — от трех до нескольких десятков; характером связи: бессоюзной (см. Асиндетон), с союзом перед одним компонентом (моносиндетон), многосоюзной (см. Полисиндетон) и смешанной; компоненты могут объединяться попарно, по три; это могут быть многоярусные или иерархически организованные ряды; нумеративные ряды (они используются как средство упорядочения, компоненты вводятся цифровым или литерным способом, словами-связками типа «во-первых», «во-вторых»); ряды с контактным или дистантным расположением компонентов; открытые, или незамкнутые (без союзов или с союзами перед каждым компонентом) и закрытые, или замкнутые ряды (с союзом только перед последним компонентом); словесные, фразовые и разноуровневые, смешанные ряды. По морфологическому признаку различают глагольные и именные ряды.

По смысловому признаку различают ряды с отношениями логической совместимости и несовместимости между компонентами (см. Зевгма); с расположением компонентов по принципу градуальности (см. Климакс, Антиклимакс, Градация); с компонентами, объединенными в двойные группы по признаку смысловой близости или, наоборот, Контраста (см.), с синонимическими (см. Синонимы) или антонимическими (см. Антонимы) отношениями.

Прием П. не знает функционально-стилистических ограничений. Например, в официально-деловом стиле он широко употребляется в инструкциях, постановлениях, предписаниях, резолюциях, положениях сводах законов, резюме и других текстах регламентирующего характера. В газетно-публицистическом стиле это такие жанры, как объявление, реклама, хроника. В художественных текстах без П. немыслимы любые описания.

Типичные ошибки при употреблении П. в нехудожественной сфере — неупорядоченность расположения компонентов, смешение родо-видовых понятий и классификационных признаков (1), употребление в одном ряду форм разных грамматических разрядов, например, существительных и инфинитива (2), нарушение согласования между обобщающим словом и членами ряда (3):

1. Государство должно заботится прежде всего о рядовых гражданах — о шахтерах, бюджетниках, об эвенках, даже о бичах, а не только о банкирах (КР, 16 июня 1998).

2. У П. Романова есть в программе 5 главных направлений его деятельности, если он станет губернатором: погашение задолженности по зарплате, выплата пособий на детей, проверить законность приватизации ряда объектов, приоритет местным и отечественным производителям сельхозпродукции, включая оказание практической поддержки предпринимателей (Жизнь, 1998 г., 23 апреля).

3. Только у нас вы можете заказать те же изделия на 10 % дешевле: Инкубатор...; Сепаратор...; Маслобойка...; ...Зернодробилка... (КР, 1998, 24 апреля).

В зависимости от сферы употребления П. может выполнять различные функции. В официально-деловой прозе оно служит реализации таких качеств текста, как информативная насыщенность, лаконичность, упорядоченность, выполняет текстообразующую функцию. В художественных, публицистических текстах П. используется как синтаксико-семантический прием достижения многообразных эффектов: Изобразительности (см.), Эмоциональности (см.), напряжения, динамизма (или противоположного явления — Ретардации (см.)); целью может быть и создание комических и сатирических эффектов, оценочно-характеризующая и ритмообразующая функции. Ниже приводится пример, где героиня повести цитирует отрывок из «Евгения Онегина» и комментирует создаваемые многозвенным бессоюзным именным рядом стилистические эффекты (изобразительность и динамизм):

Возок несется чрез ухабы. / Мелькают мимо будки, бабы, / Мальчишки, лавки, фонари, / Дворцы, сады, монастыри, / Бухарцы, сани, огороды, /Купцы, лачужки, мужики, / Бульвары, башни, казаки,/ Аптеки, магазины, моды, /Балконы, львы на воротах / И стаи галок на крестах...

— А?.. Фейерверк! Можно ли ярче сказать о городе?! И какова скорость? Чувствуешь? Нашему веку, севшему на машину, не угнаться (В. Тендряков).

Пример реализации противоположной функции — ретардации:

Разбуженный звонком, отец уже на пороге зала, в старом своем, неизменном халате, серо-зеленоватом, цвета ненастья, цвета Времени (М. Цветаева).

Моноденотативное бессоюзное перечисление переводит повествование в рассуждение, свидетельствует о ярком ассоциативном мышлении, склонности автора к философскому осмыслению бытия.

Смена типа связи в одном высказывании ведет к смене ритма: в следующей цитате размеренность, уравновешенность Полисиндетона (см.) сменяется торопливостью, резкостью, нервозностью Асиндетона (см.), слегка смягчаемыми союзом перед последним членом ряда:

И сильные, и слабые, и злые по природе, и добрые одинаково продолжают верить в могущество насилия, в безопасность любви. Сильные, слабые, злые, добрые, обидчики и обиженные — все ополчились против Него (В. Тендряков).

П. может служить эффектным средством аргументации, убеждения. Экспрессивному усилению информативной насыщенности речи может способствовать явная незавершенность ряда, выраженная графически (многоточием), лексически (клише типа «и т.п., и т.д.»), а также клише комментирующего типа («трудно перечислить все» и т.п.). Например (речь идет о домах-музеях): *И это в то время, когда в Шахматове нет... Когда в Переделкине нет... Когда в Захарове нет... Впрочем, если я начну перечислять, чего у нас нет, далеко заведет* (Н. Ильина).

Семантическую насыщенность ряда, его эмоциональный заряд увеличивают клише типа «*Чего/кого там только нет*», напр.: *Кого в Канне только нет! Софи Лорен, Ален Делон, Ив Монтан, Омар Шариф, Энтони Куин, Филипп Нуаре и десятки других «звезд» и «звездочек» выбрали время, чтобы почтить фестиваль своим присутствием* (КП, 1989. 12 мая).

За счет логической несовместимости понятий, содержащихся в перечислительном ряду и в обобщающих словах, создаются комические и сатирические эффекты, напр.: *И когда все утряслось, то есть купили все необходимое для работы в сельскохозяйственной науке — столы, стулья, шкафы, бумагу, чернила, несгораемый шкаф, — Карп Степаныч, не задумываясь, решил начать докторскую диссертацию* (Г. Троепольский).

Хаотическое перечисление успешно выполняет также прагматическую интригующую функцию, например, в анонсах газетной рубрики «Читайте в следующем номере»:

«П. Буре о хоккее, скандалах и личной жизни» (АиФ, 1998. № 20).

Текстоорганизующая функция — основное назначение нумеративных перечислений в деловой, научной и публицистической речи. Нередко заголовок сориентирован на «перечислительную стратегию». Например. Статья называется «Шахтеры идут на смерть. Почему?». А основная часть статьи состоит из 4-х тематических блоков; каждый открывается одним компонентом расчлененного ряда, называющим одну из причин: *«Первая... Причина вторая... Причина третья.... Причина четвертая»* (АиФ, 1998. № 16).

По тому же принципу построено стихотворение В. Брюсова «Отрады», в котором обрамляющее обобщение одновременно реализует оценочно-характеризующую функцию перечисления.

Все стихотворение может быть организовано как единое высказывание с многозвенным перечислительным рядом. Напр.:

Когда волнуется желтеющая нива...; / Когда росой обрызганный душистой, / Румяным вечером иль утра в час златой, / Из-под куста мне ландыш серебристый / Приветливо кивает головой; /Когда студеный ключ играет по оврагу... / Тогда смиряется души моей тревога... (М.Ю. Лермонтов).

Стилистические, риторические, прагматические функции П. усиливаются путем комбинации с другими стилистическими приемами: Парцелляцией (см.), Повтором (см.), Градацией (см.), Силлепсисом (см.), Инверсией (см.), Антономазией (см.) и др.

Лит.: **Комаров А.А**. Текстообразующие функции перечисления // Структурно-содержательные характеристики текста: Сб. науч. тр. Фрунзе, 1989; **Левашева В.А**. Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976; **Обнорская М.Е.** Опыт семантической интерпретации сочиненного ряда // Вопросы английской контекстологии. Вологда,

1974; **Панова Е.А**. Перечислительные ряды как явление стихотворного синтаксиса (на материале произведений А.С. Пушкина) // Формирование семантики и структуры художественного текст. Куйбышев, 1984; **Цибисова Н.В.** Экспрессивные возможности конструкций с однородными членами // РЯШ. № 3—4. 1992.

А.А. Бернацкая

ПЕРИ́ОД (греч. periodos — обход, круг, круговращение) — стилистическая фигура синтаксического параллелизма, представляющая семантико-структурное единство, образованное простым или сложным предложением, а также сложным синтаксическим целым, которые разделяются на две интонационно противопоставленные части — протазис (повышение, восходящее движение тона), построенный обычно из нескольких параллельных синтаксических конструкций, и аподозис (понижение, нисходящее движение тона), отделяемые друг от друга длительной (явно выраженной) паузой. Со стороны содержания П. характеризуется смысловой законченностью. Графически П. часто совпадает с абзацем, но может быть и не тождественен ему.

Таким образом, выделяют следующие признаки П.: 1) структурную замкнутость; 2) бинарность (двучленность) структуры и интонационного оформления; 3) семантико-структурную взаимосвязь и взаимообусловленность частей П.; 4) распадение на две интонационные части: протазис (повышение) и аподозис (понижение); 5) длительную паузу между протазисом и аподозисом; 6) полный или частичный структурно-семантический параллелизм членов П. (в одной из его частей, чаще в протазисе).

В лингвистической литературе термин П. употребляют как в широком, так и узком смысле слова. При широком подходе под П. понимают всякое сложное синтаксическое целое (другие термины: сверхфразовое единство, микротекст, прозаическая строфа), т.е. два и более самостоятельных предложения, объединенных тождеством темы в смысловые блоки (В. Я. Шевякова, 1990. С. 435; Л.Е. Тумина, 1998. С. 214; Г.Я. Солганик, 1997. С. 114) . В узком смысле слова термин П. закрепляют за особым кругом построений экспрессивного синтаксиса и относят к синтактико-стилистическим выразительным средствам языка (см. выше дефиницию П.). При этом утверждается, что П. выходит за рамки сложного синтаксического целого: он может представлять простое предложение, весьма распространенное, сложное многокомпонентное предложение, а также сложное синтаксическое целое. Т.о., не исключается возможность трансформации П. в сложное синтаксическое целое, равно как и сложного синтаксического целого в П. (Л.И. Байкова, 2000).

В отношении стилистического статуса П. также нет единства мнений. Так, некоторые словари и справочники содержат определения П. без указания на его стилистический статус (А.П. Квятковский, 1964. С. 209; В.Я. Шевякова, 1990. С. 435; Л.Е. Тумина, 1998. С. 214). Иногда П. рассматривают как выразительный прием синтаксической организации речи (М.П. Скребнев, 1968. С. 74—76); как гибридную фигуру, сочетающую в себе свойства разнотипных изобразительных средств (Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина, 1999. С. 252—257), как один из типов выдвижения — средство усиления выразительности (И.В. Пекарская, 2000. Ч. 1. С. 179).

Существует несколько классификаций П. Наиболее распространенной является классификация П., выделяемая на основе смысловой связи между протазисом и аподозисом (А.А. Акишина, 1958; Д.Э. Розенталь, М.А. Теленкова, 1976; Т.Г. Хазагеров, Л.С. Ширина, 1999 и др.): **временной П.** (в протазисе которого указывается время действий, событий, явлений, составляющих предмет речи в аподозисе), **причинно-следственный П**. (между частями которого содержатся причинно-следственные отношения), **определительный П.** (в протазисе которого определяется лицо, явление, представляющее предмет речи в аподозисе), **предикативный П.** (в протазисе П. содержится подлежащее, а в аподозисе — сказуемое), **соединительный П. (**в аподозисе которого имеется дополнение, добавление к сказанному в протазисе), **сопоставительный П.** (П., между частями которого устанавливаются сопоставительные отношения)**, сравнительный П.** (П., содержащий сравнение)**, условный П.** (в протазисе которого указывается на условия, при которых происходит то, что описано в аподозисе)**, уступительный П.** (в протазисе П. данного типа дается описание обстоятельств, препятствующих совершению того, о чем говорится в аподозисе). Напр.:

1. *Когда душе моей*
Сойдет успокоенье
С высоких после гроз
Немеркнущих небес,
Когда душе моей,
Внушая поклоненье,
Идут стада дремать
Под ивовый навес,
Когда душе моей
Земная веет святость,
И полная река
Несет небесный свет, —
Мне грустно оттого,
Что знаю эту радость
Лишь только я один:
Друзей со мною нет...
(Н. Рубцов)

2. *Но когда на полотне экрана перед вами бьется благородное человеческое сердце, когда мужество, честность, благородство и любовь к человечеству разворачиваются, как широкая сюита, когда у зрителя закипают слезы благодарности к этому высокому, юному душой старику ученому, — уверяю вас, никакие штыковые атаки и военные марши, никакая самая горячая перестрелка между гангстерами и полицейскими сыщиками не увлекут и не захватят вашу душу, как фильм, подобный «Депутату Балтики»* (А.Н. Толстой).

Данные примеры иллюстрируют временные П., так как здесь подчеркнута временная соотнесенность событий, представленных в протазисе и аподозисе.

3. *Но ни в том, ни в другом случае, как бы мы ни изменяли нашу точку зрения, как бы ни уясняли себе ту связь, в которой находится человек с внешним миром, или как бы ни удлиняли или укорачивали период времени, как бы понятны или непостижимы ни были для нас причины — мы никогда не можем себе представить ни полной свободы, ни полной необходимости* (Л. Толстой).

Данный пример показывает уступительный П., так как в протазисе указанного П. описываются обстоятельства, недостаточные для того, чтобы изменить описываемое в аподозисе.

4. *Мечта превращалась в навязчивую идею: если нельзя того, что хочется, если невозможно изменить, сломать вокруг себя эту раму несчастливо склеенной жизни, если так и не удается преобразить жизнь, — то стоит ли жить* (Н. Берберова).

В указанном примере демонстрируется условный П., поскольку в протазисе П. указаны условия, при которых совершается то, о чем говорится в аподозисе.

Периодические построения располагают широкими стилистическими возможностями. Основными функциями П. являются строевая и усилительно-выделительная функции.

Строевая функция П. проявляется в организации простого распространенного предложения, сложного предложения (грамматическая функция), смыслового и структурного единства текста (текстообразующая функция). Поэтому иногда говорят о стремлении П. к автосемантии (известной самостоятельности и независимости от контекста). В силу этого П. может быть использован в различных композиционно важных частях текста. Но стремление П. к автосемантии в то же время не исключает его тесную соотнесенность с окружающим контекстом (т.е. носит относительный характер).

П. отличает общая для фигур синтаксического параллелизма усилительно-выделительная функция. При этом синтаксический параллелизм может усиливать как логическую сторону П., так и эмоционально-оценочную. Часто П. в художественных и публицистических текстах создают торжественность, взволнованность, приподнятость, то есть текста приобретают патетическое звучание.

В последнее время П. в его классическом виде — сравнительно малочастотное явление. П. употребляется в трансформированном виде: он включает в себя зачин, в котором задается тема, далее следуют протазис и аподозис, как в классическом П. Напр.:

О трудоспособности Ильи Глазунова ходят легенды. Мало ему писать свои знаменитые «Мистерии», писать портреты королей, принцев и премьеров. Мало ему практически в одиночку воссоздать Академию живописи, ваяния и зодчества. Мало устраивать выставки свои и своих студентов, вывозить студентов в Италию. Мало — бороться с авангардистами всего мира, собирать русские иконы, быть одним из инициаторов восстановления Храма Христа Спасителя... Илья Глазунов — самый известный художник России, и от этого факта никуда не деться (Завтра, 1997, № 28).

Лит.: **Акишина А.А.** Периодическая форма речи в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Львов, 1958; **Байкова Л.И.** Период — синтактико-стилистическое и текстообразующее явление русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 2000; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Абакан, 2000; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Солганик Г.Я.** Стилистика текста. М., 1997; **Тумина Л.Е.** Сложное синтаксическое целое // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Шевякова В.Е.** Сверхфразовое единство // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

А.А. Кузнецова

ПЕРИОДИ́ЧЕСКАЯ РЕЧЬ. То же, что Период.

ПЕРИФРАЗ(А), или **ПАРАФРАЗ(А), ПЕРИФРАЗИС, ПЕРИФРАСИС** — (греч. perifrasis — пересказ, peri — вокруг и frasis — выражение) — троп, заключающийся в замене какого-либо слова или выражения описательным оборотом, в котором называются наиболее существенные признаки (признак) обозначаемого. Напр., «*корабль пустыни*» — «верблюд», «*наша голубая планета*» — «Земля», «*дочь Евы*» — «женщина», «*братья наши меньшие*» — «животные». Обычно перифраза сочетается с другими тропами, напр., метафорой: «*черное золото*» (об угле, нефти), «*красный петух*» (об огне, пожаре); метонимией: «*белые воротнички*» (о конторских служащих), «*голубые береты*» (о солдатах-десантниках). Основные разновидности П.: Антономазия (см.), Кеннинг (см.), Дисфемизм (см.), Эвфемизм (см.).

П. используется практически во всех функциональных стилях современного русского литературного языка, за исключением официально-делового, т.к. использование непрямых обозначений в деловых документах противоречит основному требованию официально-делового стиля — точности и недвусмысленности, хотя некоторые обороты канцелярского стиля могут рассматриваться как перифрастические: «*уйти на заслуженный отдых*» вм. «уйти на пенсию», «*снять с занимаемой должности*» вм «уволить», «*нецелевое расходование бюджетных средств*» вм. «хищение» и т.п. Но особенно интересно употребление перифрастических оборотов в публицистическом стиле и художественной речи.

Наиболее яркие примеры П. находим в текстах художественной литературы: 1. «*Прощай,* ***свободная стихия***» вм. «море» (А. Пушкин). 2. «*Было бы грубо, было бы негуманно рубить голову бедному безумцу. Против казни я протестую, но* ***маленькую медицинскую операцию над головой*** *бедняги необходимо произвести немедленно*» (Е. Шварц) — в данном отрывке П. выступает в качестве эвфемистической замены шокирующего обозначения «казнь», но по сути обозначает то же самое. 3. «*...безобразнейшее из творений Земли, на резиновых лапах, с мертвыми стеклянными глазами, тупым ребристым рылом, горбатое железным ящиком (...) Оно постоянно скрежещет железом и плюет, плюет фиолетовым вонючим дымом*»(А. Солженицын). Перед нами — развернутое перифрастическое описание автомобиля, построенное на Олицетворении (см.).

Многие П. в языке средств массовой информации из-за частого употребления превратились в штампы: «*люди в белых халатах*» (врачи), «*стражи правопорядка*» (милиция), «*крылатый металл*» (алюминий), «*Страна восходящего солнца*» (Япония) и т.п. Но встречаются и оригинальные перифрастические замены, напр.: «*телеящики и* ***испорченная типографской краской бумага***» («газеты и журналы»); «*Ибо над Кремлем — все те же «пылающие звезды», в центре страны — все* ***то же идолище в своем мавзолее***» (ЛР. 25 окт. 1991 г.) — благодаря указанию на всем известные объекты (Кремль, Мавзолей), становится понятно, что речь здесь идет о Ленине; «*Скромная девочка Юля гуляла как-то днем по Центральному парку имени* ***отца соцреализма***» (ВК. 18 авг. 1992 г.) — вместо: «парк имени Горького». Основные функции П. в художественных и публицистических текстах — усиление изобразительности и выразительности, а также предотвращение неоправданной тавтологии (см. Тавтология$_2$).

Лит.: **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция, Диспозиция, Элокуция): Учеб пособие для высших учебн. заведений. М., 1999; **Михальская А.К**. Основы риторики: Мысль и слово: Учеб пособие для учащихся 10—11 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1996; **Никитина С.Е., Васильева Н.В**. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. М., 1987; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; Краткий словарь литературоведческих терминов / Авт.-сост. Л.И. Тимофеев, С.В. Тураев. М., 1978; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.В. Баринова

ПЕРКУ́РСИЯ (от лат. percursio — пробегание) — риторический прием, механизм которого строится на нарушении логического закона достаточного основания. В речи это выражается в отсутствии логико-семантической мотивированности последующего высказывания предшествующим, что может 1) создавать эффект быстрого перехода от одного предмета речи к другому («поток сознания») (илл. 1); 2) обозначать переход части содержания мысли во внутреннюю речь и связь вербализованных частей текста по ассоциациям, оставшимся «за кадром» (илл. 2); 3) быть средством изображения психической неадекватности персонажа в художественно-литературном произведении (илл. 3). Напр.:

1) *Однако в поле уж темно;*
Скорей! пошел, пошел, Андрюшка!
Какие глупые места!
А кстати: Ларина проста,
Но очень милая старушка;
Боюсь: брусничная вода
Мне не наделала б вреда.
Скажи, которая Татьяна?
(А. Пушкин)

2) *30 мая. Среда. Чехословаки, сибирское правительство, флирт Френсиса с большевиками, крестьяне в войне с хлебными отрядами, германцы, наступающие на Смоленск, волнения на Украине, Совдеп, Совнарком, Иксо-Кол, Викжедор, ЦИК, Водотоп, Руставерх, Румчерод, Срисд, Виквод, Истердеп, Апс, Бип, Дно! А чья Пенза?* (З. Гиппиус);

3) *Матушка, спаси твоего бедного сына! урони слезинку на его больную головушку! посмотри, как мучат они его! прижми ко груди своей бедного сиротку! ему нет места на свете! его гонят! Матушка! пожалей о своем больном дитятке!.. А знаете ли, что у алжирского бея под самым носом шишка?* (Н. Гоголь); Ср. в стихотворно-поэтическом тексте:

4) *...Клевещущих козлов не досмотрел я драки:*
Как петушок в прозрачной летней тьме —

Харчи, да харк, да что-нибудь, да враки —
Стук дятла сбросил с плеч. Прыжок. И я в уме
(О. Мандельштам)

П. может быть использована в целях создания комического эффекта, как, например, в следующем лимерике (лимерик — юмористический стишок, иногда довольно бессмысленный):

5) *Струятся струи.*
Пиво.
Понедельник.
Базар. Вокзал.
Базаров — нигилист.
Когда сойдутся шельма и отшельник —
Тушите звезды...
Грязен.
Снова чист.
(Вл. Тепляков)

П. — сравнительно малочастотная фигура, встречающаяся в основном в художественных текстах.

Лит.: **Хазагеров Т.Г.**, **Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ПЛЕОНА́ЗМ$_1$ (греч. pleonasmos — изобилование, излишество) — разновидность амплификации в первом значении (см. Амплификация), стилистический прием, основанный на избыточности словесного выражения смысла высказывания, которая (избыточность) проявляется в семантическом дублировании его частей (часто путем повторения синонимических или, по крайней мере, семантически однопорядковых слов, словосочетаний, предложений, изобразительных средств — эпитетов, сравнений, гипербол и т.д). Представляя собой стилистически мотивированную избыточность словесного выражения, П. реализуется в предложении или в текстовых фрагментах большей протяженности, чем предложение. П. широко используется в художественной прозе и поэзии. Напр.: 1) *Но как ни вооружались и ни противились мужчины, а в их партии совсем не было такого порядка, как в женской.* ***Все у них было как-то черство, неотесанно, неладно, негоже, нестройно, нехорошо, в голове кутерьма, суматоха, сбивчивость, неопрятность в мыслях****, — одним словом, так и вызначилась во всем пустая природа мужчины,* ***природа грубая, тяжелая, не способная ни к домостроительству, ни к сердечным убеждениям, маловерная, ленивая, исполненная беспрерывных сомнений и вечной боязни*** (Н. Гоголь);

2) *Пауки ворочаются во тьме —*
И... шевелятся их спины
В зловонно-сумрачной пыли, —
а что, как, почему — ***не видно, не разобрать, не понять, не сообразить*** (З. Гиппиус);

3) *Железные дороги и поезда.* ***Изношенные и устаревшие железнодорожные пути, тихоходные, вечно опаздывающие поезда, постоянные очереди за билетами, толчея при посадках, обслуживание, дискомфорт, огромное скопление долгосидящих (и сидя спящих) пассажиров на вокзалах, дикие очереди***

на привокзальных стоянках такси *— все это трудно вообразить немцу или французу, как нашим людям трудно вообразить состояние железных дорог, вокзалов и обслуживание пассажиров в тех странах* (В. Солоухин);

4) *О моя горемычная родина, мать моя — униженная!*

Припадаю к ранам твоим, к горящему лбу, к запекшимся устам, к сердцу, надрывающемуся от обиды и горечи, к глазам твоим иссеченным... (А. Ремизов);

5) *...Труба в рукомойнике, его сточная дыра гудела, гудела — и вдруг начинала булькать, реветь и захлебываться... Ах, встать бы, заткнуть бы чем-нибудь это анафемское горло! Но не было воли даже приподняться, как ни готовился я вот-вот решиться на это. И потекли часы за часами,* ***и стало казаться, что уже никогда не минет эта мука качания, эта ночь, этот мрак, завывание, шум, плеск, шипение и все новые и новые удары то и дело налетающих откуда-то из страшной водной беспредельности волн...*** (И. Бунин);

6) ***Эта непередаваемая на человеческом языке легкость, ясность, простота, дивная гармония, при которой совершенно исчезает тяжесть — тяжесть купола и стен, это море света, льющегося сверху и владеющего всем этим пространством, замкнутым и свободным, эта грация колонн и красота из мраморных кружев, эта царственность — не роскошь, а именно царственность — золотых стен и дивного орнамента, — пленяет, умиляет, покоряет, убеждает...*** (С. Булгаков);

7) *Я видел и вижу свою задачу как писателя в том, чтобы всем, что написал и напишу, отдать поклон* ***этому народу-труженику, народу-строителю, народу-герою, который ни на кого не нападал, но всегда умел с достоинством отстоять созданное им, отстоять свою свободу и честь, свое право строить себе будущее по собственному выбору*** (М. Шолохов);

8) *Слезы людские, о слезы людские,*
Льетесь вы ранней и поздней порой...
Льетесь безвестные, льетесь незримые,
Неистощимые, неисчислимые, —
Льетесь, как льются струи дождевые
В осень глухую, порою ночной
(Ф.Тючев)

9) *Ну, итак,* ***господа отрицатели,***
Элегантные циники, скептики,
Извергатели слов, порицатели,
Радикалы с прохвостинкой, критики,
Псалмопевцы грядущей республики.
Забияки, танцоры на кладбище,
И любимцы почтеннейшей публики,
Что ж теперь вы довольны, не правда ли?
(Дон-Аминадо)

В художественной речи П. может быть конструктивно-стилистической основой целого текста (в малых жанрах) или его значительной части. Например:

10) *Моим стихам, написанным так рано,*
Что и не знала я, что я — поэт,
Сорвавшимся, как брызги из фонтана,
Как искры из ракет,
Ворвавшимся, как маленькие черти,

В святилище, где сон и фимиам,
Моим стихам о юности и смерти
— Нечитаннным стихам! —
Разбросанным в пыли по магазинам
(Где их никто не брал и не берет!),
Моим стихам, как драгоценным винам,
Настанет свой черед.
(М. Цветаева)

Этот пример, как и большая часть вышеприведенных, демонстрирует тесное взаимодействие П. с разного рода повторами — лексическими, синонимическими, синтаксическими.

Основными стилистическими функциями П. в художественной речи являются а) предельная конкретизация описаний, картин, характеристик (илл. 1, 3, 5, 6); б) усиление каких-либо эмоций и/или оценок, позитивный или негативный характер которых целиком определяется контекстом (илл. 2, 4, 7, 8, 9, 10). Часто эти функции совмещаются (см. илл. 1, 3, 5, 6).

С аналогичными функциями используется П. в публицистике. Напр.: 11) <...> *политический спектакль, показанный театром, задевает всех и каждого — умственное оборачивается эмоциональным. Доказательством — реакция зала. Напряженное внимание. Затаенные дыхания. Вырвавшийся смешок. Непроизвольные аплодисменты. Соразмышление. Соучастие* (Изв., 21 марта 1986 г.); 12) *Ни трагические события на окраинах СССР, ни столкновения между Арменией и Азербайджаном, ни тысячи и тысячи беженцев, ни экономические пропасти, перед которыми стоит держава, ни рост преступности и падение нравственности не волновали апрелевцев. Одна черная беда, одна грозная опасность, одна погибель нависла над страной и над всем миром — это российское патриотическое движение!* (ЛГ, 2 марта 1990 г.).

Как выразительное средство П. широко используется в фольклоре, главным образом в виде устойчивых сочетаний: *путь-дороженька, грусть-тоска, жил-был, знаю-ведаю* и т.п.

В разговорной речи функционируют более или менее устойчивые плеонастические обороты, часть которых служит задачам эмоционально-экспрессивного усиления (*видел это своими собственными глазами; слышал что-либо своими собственными ушами; сделал что-либо своими собственными руками, ходить вокруг да около*), а часть должна быть отнесена к разряду стилистических недочетов, как неоправданное многословие (*своя автобиография, промышленная индустрия, наследие прошлого* и некоторые др. См. Плеоназм$_2$).

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Балли Ш.** Общая лингвистика и вопросы французского языка: Пер. с франц. М., 1955; **Василевская Л.И.** Плеоназм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Виноградов В.А.** Плеоназм // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Виноградов В.В.** Избранные труды. Поэтика русской литературы. М., 1976; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ПЛО́КА (от греч. ploce — сплетение) — разновидности Антанакласиса (см.); стилистический прием, состоящий в последовательном повторении (как правило, дважды) в узком контексте одного и того же слова, употребленного в контрастных, иногда даже контекстуально противопоставленных значениях. С точки зрения общего принципа прагматически мотивированного отклонения от нормы, на котором строятся риторические приемы, П. является синкретичным стилистико-паралогическим приемом (отклонение от речевой нормы смысловой однозначности слова и, в то же время, от логического закона тождества). В отличие от Диафоры (см.) П. демонстрирует максимум различий при минимуме сходства:

1) *Сила силе доказала:*
Сила силе — не ровня.
Есть ***металл*** *прочней* ***металла****,*
Есть ***огонь*** *страшней* ***огня****.*
(А. Твардовский)

2) *Благословляю ежедневный труд,*
Благословляю еженощный сон.
Господню милость — и Господен суд.
Благой закон и каменный закон*.*
(М. Цветаева)

В этих поэтических текстах П. используется в функции контрастного изображения действительности. Такое использование П. можно встретить и в публицистике. Напр.: 3) *Она* [власть. — *А.С.*] *говорит на «блатном» языке. Духовные* ***авторитеты*** *оказались потеснены в обыденном сознании другими* ***авторитетами*** (Кр., 24 ноября 2000 г.).

Однако для современной газетной публицистики более характерно функционирование П. в ироническом или юмористическом контексте. Напр.: 4) *В школе теперь больше знаний* ***дают****. Догоняют и еще* ***дают!****..* (СГ, 25 сент. — 1 окт. 1999 г.); 5) *Иван Потелов, встречаясь с дзюдоистом В. Кряхтеловым, провел болевой* ***прием****.* ***Прием*** *прошел в сердечной и деловой обстановке* (ЛГ, 22 февр. 1989 г.); 6) *Не нами замечено, что народ достоин тех правителей, которых* ***имеет*** *(и которые потом* ***имеют*** *его, добавляют острословы)* (АиФ, № 6. 2001 г.).

Лит.: **Боженкова Н.А.** Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; **Кузнецова А.В.** Фигуры контраста и их функции в творчестве М.Ю. Лермонтова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д, 1998; **Николаев С.Г.** О трех забытых фигурах речи // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ПОВТО́Р. 1. Принцип, лежащий в основе построения некоторых Стилистических приемов (см.). 2. Общее название ряда стилистических приемов.

В зависимости от принадлежности повторяемой единицы к тому или иному языковому уровню выделяют:

1) звуковой П: Аллитерация (см.), Ассонанс (см.), рифма, звуковая анафора (см. Анафора) и некоторые другие;

2) морфемный П. (см. Гомеология);

3) лексический П.: Позиционно-лексический П. (см.), лексическая анафора (см. Анафора), лексическая анаэпифора (см. Анаэпифора) и др.;

4) морфологический П. — повторение грамматических форм (*Подъемлю солнце я с востока / С заката подыми его!* (А.С. Пушкин);

5) синтаксический П. (см. Синтаксический параллелизм.).

В зависимости от расположения повторяемых единиц в тексте выделяют П. контактный (Редупликация (см.), Геминация (см.) и др.) и П. дистантный (Кольцо (см.), Эпифора (см.), Эпаналепсис (см.) и др.), которые в свою очередь подразделяются на П. неупорядоченный (см.: Эпимона) и П. упорядоченный (Анафора (см.), Эпифора (см.), Кольцо (см.), Хиазм (см.), Полисиндетон (см.), Анадиплозис (см.) и др.).

П. употребляются во всех функциональных стилях современного русского литературного языка, выполняя разнообразные функции.

Стилистическая функция П. в значительной степени зависит от лексического значения повторяющихся элементов. Для всех П. характерна функция эмфатизации высказывания (см. Эмфаза).

Другое название — реприза.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

ПОДТЕ́КСТ — семантическая категория текста, как правило, художественного и публицистического; комплекс скрытых, подспудных, неявно выраженных смыслов текста, возникающий на основе сочетания и взаимодействия явно (эксплицитно) выраженных единиц разных языковых уровней, как бы вытекающий из отдельных деталей, реплик, намеков и показывающий отношение говорящего (пишущего) к описываемому им.

П. неравнозначен таким понятиям как пресуппозиция, Коннотация (см.), Двусмысленность (см.) и под. Нельзя отождествлять П. и со Стилистическими приемами (см.), построенными на взаимодействии прямых и переносных значений слов.

П. зависит от цели и экспрессии высказывания, общего Контекста (см.), особенностей речевой ситуации и т.п.

П. может быть присущ одному сверхфразовому единству, но чаще всего он возникает в соотнесении нескольких сверхразовых единств. П., формирующийся в одном сверхфразовом единстве или в двух смежных, называется **локализованным**. Несмежные сверхфразовые единства одного текста создают **ретроспективный** или **проспективный** П. (в зависимости от направления его развертывания в тексте).

Относительно языковых средств выражения П. можно сказать, что это как лексические, так и грамматические единицы языка, а также стилистические при-

емы. Как пишет Унайбаева Р.А., «подтекст возникает на уровне более высоком, чем уровни слова и предложения, но он неизбежно опирается на них, вырастает из их сочетания и взаимодействия. Свое окончательное воплощение подтекст получает на уровне сверхфразовых единств, а иногда и целого произведения» (Унайбаева Р.А. Категория подтекста и способы его выявления (на материале англо-американской художественной прозы XX в.). АКД.М., 1980).

В формировании П. на лексическом уровне (уровне слова) первостепенное значение приобретают Коннотации (см.) и ассоциативные связи слов.

На синтаксическом уровне (уровне предложения) решающее значение имеют пресуппозиции (некое фоновое знание, общее для участников коммуникации — автора текста и адресатов).

К стилистическим приемам создания П. относятся, в первую очередь, Аллюзия (см.), Аллегория (см.), Ирония (см.), Умолчание (см.), Апозиопезис (см.), Эзопов язык (см.) и др. виды иносказания, Метафора (см.) — прежде всего развернутая, дистантный повтор и др. Так, напр., в стихах А. Пушкина:

Онегин, добрый мой приятель,
Родился на брегах Невы,
Где может быть, родились Вы,
Или блистали, мой читатель!
Там некогда блистал и я:
Но вреден север для меня.

Последняя строка содержит аллюзию, намек на высылку Пушкина из Петербурга (***север***) на юг (южная ссылка) в виду «политической неблагонадежности».

В структурно-композиционном плане П. часто создается с помощью дистантного Повтора (см.), т.е. повтора какого-либо элемента повествования, что порождает новое, более глубокое значение данного элемента. Это может быть Анафора (см.), Эпифора (см.), Анадиплозис (см.), Хиазм (см.) и др.

Существуют разные классификации П. По степени скрытости (имплицитности) П. делят на: 1) отдаленный от фактуальной, содержательно-фабульной информации текста; 2) приближающийся к такой информации и 3) почти слитый с этой информацией. По значимости подтекстовой информации различают: 1) доминирующий П., т.е. несущий основной смысл, ядро информации, заложенной в тексте, его идею. Этот вид П. обладает высокой степенью скрытости (имплицитности) и встречается далеко не в каждом тексте; 2) сопровождающий П., обладающий средней степенью скрытости и не поднимающийся до уровня важнейшей, концептуальной информацией текста; 3) фоновый П., создающий фон и обладающий меньшей значимостью содержащейся в нем информации.

Чем более скрыт П., тем важнее его роль для полного понимания текста.

По характеру передаваемой им информации различают П.: 1) с логической доминантой смысла (информация о каких-либо событиях, ситуациях, не упомянутых явно, открыто, или дополнительная информация о сообщаемом); 2) эмоционально насыщенный П. (передача отношения автора к описываемому им). Оба этих вида П. часто сосуществуют в одном тексте.

Основными функциями П. являются: 1) текстообразующая (установление ассоциативно-смысловых связей между частями текста, создание его семантического единства); 2) информативная (реализация основной идеи текста); 3) праг-

матическая (воздействие на читателя/слушателя; передача модальности текста, отношения автора к описываемому им).

Особенно характерен П. для психологической прозы, литературы конца XIX—XX вв., например, поэзии символизма (как средство создания индивидуальных поэтических мифов) и постсимволизма («воображаемая филология» В. Хлебникова).

Э. Хемингуэй сделал П. основным принципом художественного освоения действительности (принцип айсберга, который «только на одну восьмую возвышается над поверхностью воды», что создает «величавость движению айсберга». Под айсбергом понимается содержание художественного произведения).

В драматургии, в практике театра П. был первоначально осмыслен М. Метерлинком (под названием «второй диалог» в кн. «Сокровище смиренных», 1896), затем в системе К.С. Станиславского (в постановках МХАТ пьес Чехова). Актером П. раскрывается с помощью интонации, паузы, мимики, жеста.

Поскольку П. имплицитен, он не всегда понимается читателем/слушателем или же понимается не до конца в силу личностных особенностей воспринимающего (общего уровня культуры, образования, накопленного жизненного опыта и др.).

Правильное (адекватное) восприятие и понимание П. — одна из важнейших проблем, от решения которой зависит успешность коммуникации.

Лит.: Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.Н. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987; **Сильман Т.И.** Подтекст как лингвистическое явление // ФН. 1969. № 1; **Унайбаева Р.А.** Категория подтекста и способы его выявления (на материале англо-американской художественной прозы XX в.): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980; **Черемисина Н.В.** Эстетический анализ художественного текста и подтекст // Анализ художественного текста. Вып. 2. М., 1976; **Шадурский В.В.** Поэтика подтекстов в прозе В.В. Набокова: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новгород, 1999.

О.Н. Емельянова

ПОДХВАТ. То же, что Анадиплозис.

ПОЗИЦИОННО-ЛЕКСИЧЕСКИЙ ПОВТОР — разновидность Повтора (см.) и Плеоназма$_1$ (см.), сущность которого состоит в том, что в синтаксической конструкции (предложении или сложном синтаксическом целом) несколько раз повторяется синтаксическая позиция (позиции) с одним и тем же лексическим наполнением. Конструкции с П.Л.п. избыточны с точки зрения предметно-логической информации, однако эта избыточность оправданна, так как связана с выражением дополнительной информации экспрессивного характера (см. Экспрессивность). Так, в приведенных ниже примерах П.Л.п. способствует актуализации таких эмоционально-экспрессивных значений, как раскаяние (илл. 1), одобрение (илл. 2), сожаление (илл. 3): 1) *Я не хотел думать о Варе, я хотел помнить отца,* ***ведь прошло так мало времени*** *после его смерти.* ***Так мало времени прошло****, а я уже живу новыми чувствами, забывая о долге перед его памятью* (Н. Евдокимов)*;* 2) ***Правильно, правильно*** *он делает, что любит! (С. Залыгин);* 3) ***Молоды*** *вы еще, очень* ***молоды****! — вздохнул Иван Игнатьевич* (В. Тендряков).

В следующем тексте П.Л.п. выполняет акцентирующую функцию: 4) *Korga смотрела на них, она* ***улыбалась. Улыбалась*** *совершенно незаметно* (КП, 10 авг. 1974 г.).

Как видно из приведенных примеров, повторяться может и член предложения, и целая предикативная единица; повторяющиеся единицы располагаются либо контактно, либо дистантно. В общем случае многократные повторы экспрессивнее парных повторов, что отражается на их стилевой прикрепленности: они по-преимуществу используются в художественных и публицистических текстах (парный повтор достаточно широко представлен также в текстах научно-популярных).

В аспекте актуального членения предложения П.Л.п. чаще всего служит средством выделения ремы (илл. 5) или ее части (илл 6). Напр.: 5) — *Значит обоз с оружием добрался...* — ***Дошел!*** — *сказал Лазушкин.* — ***Дошел!*** (И. Болгарин, В. Смирнов); 6) *Я вот это знаю, и* ***очень*** *сожалею, что знаю.* ***Очень!..*** (С. Залыгин).

П.Л.п. — явление полифункциональное. На основную, выделительно-усилительную функцию, реализующуюся в актуальном членении предложения, наслаиваются и часто приобретают в конкретном контексте первостепенное значение иные функции, которые могут быть выражением как синтагматических особенностей текста, так и его разнообразных эмоционально-экспрессивных характеристик (см. выше илл. 1, 2, 3). Так, наиболее типичными для художественно-прозаических текстов (в которых П.Л.п. обладает наибольшей частотностью и функциональным разнообразием) являются следующие речевые функции П.Л.п. (с большим спектром контекстных реализаций): экспрессивно-грамматическая (илл. 7); характерологическая (илл. 8); собственно-изобразительная (живописующая) (илл. 9); функция создания эффекта несобственно-прямой речи (илл. 10); функция выделения ключевого слова (илл. 11). Напр.: 7) *После она уже и забудет о своем страхе, не возвращается больше к проблеме хорошего парня, а как будто первый раз, но устало и неторопливо* ***начинает*** *рассматривать жилплощадь тетушки Марины: нехитрую расцветку оконных занавесок, пластмассовую люстру о трех маленьких рожках, голубка Пикассо в простенке;* ***начинает*** *слушать, а иногда и считать удары входных дверей в подъезде — раз, два, три —* ***начинает*** *чувствовать, что в жизни тетушки Марины так и не случилось жизни, это очень заметно, и нельзя сказать поэтому, что за человек здесь живет, какого возраста...* (С. Залыгин) (связующая роль повтора при сохранении выделительной); 8) ***Дак что ж это****, а?..* ***Что ж это****?..* ***Что ж это****? Как стоял в полусогнутой позе, так и остался стоять до этого растерянно бессмысленного вскрика...* (Ю. Бондарев) (характеристика психологического состояния персонажа); 9) *Груздей и рыжиков в лесу было еще мало, но что они будут обязательно — это уже известно, уже* ***пахнет*** *ими хвоя на земле. С каждым часом* ***пахнет*** *все явственнее* (С. Залыгин) (изобразительное выделение значимой детали описания); 10) *...Настойчиво, как дятел, долбит березину, и топор, видать, наточен — в полтора играет жало,* ***а не та, не та*** *сила у старика.* ***Тюкает****,* ***тюкает****, а зарубки настоящей сделать не может. Разве так он еще два-три года назад расправлялся с полозом?..* (Ф. Абрамов) (здесь повтор — одно из средств совмещения речевых планов повествователя и персонажа); 11) ***Чудо*** *в тепле, за печкой живет.* ***Чудо*** *слушает сказки, вой в трубе.* ***Чудо*** *мохнатое, доброе, домовитое.* ***Чудо*** *— пуховый платок покойной матери на больных ногах.* ***Чудо*** *— руки бабушки, ее ворчанье и шумная ругань.* ***Чудо*** *— встречный человек.* ***Чудо*** *— его голос, глаза, уши. —* ***Чудо*** *—*

это жизнь! (В. Астафьев) (повтор здесь — одновременно средство выделения ключевого понятия и ритмической организации текста).

П.Л.п. как регулярное явление принадлежит трем стилям: художественному, публицистическому и научно-популярному, причем его полифункциональность убывает в указанной последовательности стилей.

Лит.: **Иванчикова Е.А.** Лексический повтор как экспрессивный прием синтаксического распространения // Мысли о современном русском языке. М., 1969; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Справочник лингвистических терминов: Пособие для учителей. М., 1972; **Сковородников А.П.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; **Он же.** Позиционно-лексический повтор как стилистическое явление // ФН. 1984. № 5.

А.П. Сковородников

ПОЛИ́ПТОТОН, или **ПОЛИПТОТ** (от греч. polýptōton) — стилистическая фигура, значение которой определяется по-разному.

1. П. определяется как «многопадежие» («фигура падежного разнообразия»), повтор одного и того же слова (имени) в разных падежах [Античные теории..., 1996. с. 211, 282; Ахманова О.С., 1966. С. 334; Гаспаров М.Л., 1987. С. 284; Хазагеров Т.Г., Ширина ЛС., 1999. С.261]. Например: ***Человек человеку друг**, товарищ и брат* (пример О.С. Ахмановой); ***Душа душу** знает, а **сердце сердцу** весть подает* (пример М.Л. Гаспарова).

2. Более широкое определение П. не ограничивается повтором разных падежных форм имени, а предполагает повтор разных форм слова, принадлежащего к любой изменяемой части речи (Береговская Э.М., Верже Ж.-М., 2000. С. 109; Волков А.А., 2001. С. 134; Клюев Е.В. 1999. С. 234). Напр.:

*Я пережил и **многое** и **многих***
*И **многому** изведал цену я.*
(П. Вяземский)

Ср.:

*Мы **молчим***
Чтобы не нарушить
Молчание
*Вы **молчите***
Потому что уже
Все сказали

*Они **молчат***
потому что им нечего
возразить
Давайте поговорим
о чем мы так долго
***молчали**.*
(В. Куприянов)

Основная функция П. — концентрация внимания на том или ином понятийном содержании лексемы. Используется эта фигура (обе ее разновидности) преимущественно в поэтических текстах разной эмоциональной тональности. Например:

Лицом к лицу
***Лица** не увидать.*
Большое видится на расстояньи.
(С. Есенин)

*Но моя **река** — да с твоей **рекой**,*
*Но моя **рука** — да с твоей **рукой***
Не сойдутся,
Радость моя, доколь
*Не догонит **заря** — **зари**.*
(М. Цветаева)

***Оранжевые** мамы*
***Оранжевым** ребятам*
***Оранжевые** песни*
***Оранжево** поют.*
(А. Арканов, Г. Горин)

П. может быть одним из доминирующих стилистических приемов целого малоформатного текста:

Там, где край был дик,
*Там **шумит** арык,*
*Где **шумел** арык,*
*Там **пасется** бык,*
*А где **пасся** бык*
Там поет старик.
(О. Мандельштам)

П. может участвовать в создании комического эффекта:

***Люблю любить любимых** и т.д.*
***Любить** же **нелюбимых** не **люблю**,*
Поскольку мой высокий КПД
*От **нелюбимых** клонится к нулю.*
(С. Нохрин)

Мудрее мудрых мудрецов,
Глупее всех глупцов,
*Хотел не знать — **в конце концов**,*
*А что в **Конце Концов**?*
Но голос легок и свинцов,
Счастливо огорчал:
*«В **конце концов**, в **Конце Концов** —*
***Начало** всех **Начал**.*
(Б. Влахко)

П. часто встречается в пословицах и поговорках. Например: ***Рыбак рыбака** видит издалека; **Ворон ворону** глаз не выклюнет.*

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М., Верже Ж.-М.** Занятная Риторика = Rhétorique amusante. М., 2000; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Гаспаров М.Л.** Полиптотон // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Клюев Е.В**. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ПОЛИСЕМИ́Я (от греч. polýsēmos — многозначный), или **МНОГОЗНАЧНОСТЬ** — наличие у единицы языка более чем одного значения. П. очень распространенное явление, охватывающее все стороны языка — лексику (лексическая полисемия) и грамматику (грамматическая полисемия).

Грамматическая П. заключается в наличии у грамматической формы, грамматического значения, конструкции двух или более значений. Так, например, форма 2-го лица единственного числа глаголов имеет как собственно-личное (а), так и обобщенно-личное (б) значения. Ср.:

а) *Зачем твое имя Мария,*
Любимое имя мое?
Любовь — огневая стихия,
Но ***ты увлекаешь*** *в нее.*
.....
Ты шепчешь*, лицо уклоняя:*
«Зачем я слаба? — ты сильней»,
И вьется дорога ночная
По царству теней и огней.
(В. Брюсов)

б) *Без труда не* ***вынешь*** *рыбку из пруда;* ***Любишь*** *кататься — люби и саночки возить; Тише* ***едешь*** *— дальше* ***будешь*** и т.д.

Но чаще говорят о **лексической полисемии** — наличии у слова двух и более значений. Напр.: ***Повестка*** — 1) Письменное официальное извещение с вызовом, приглашением куда-нибудь (*повестка в суд; повестка из военкомата*); 2) Перечень вопросов, подлежащих обсуждению на заседании (*повестка дня; повестка заседания*).

По мнению И.Б. Голуб, многозначные слова составляют половину словаря современного русского языка (за исключением терминов, имен собственных, неологизмов, слов предельно конкретной семантики). Другие ученые, например, Н.М. Шанский, полагают что в русском языке около 80% слов многозначны.

Разные ученые по-разному оценивают П. Одни считают, что в «идеальном» языке каждое слово должно иметь лишь одно значение: «в идеале каждому отдельному значению соответствует отдельный языковой знак в его материальном воплощении» (это мнение авторов коллективной монографии «Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка». М., 1968. С. 121).

Другие, напротив, утверждают, что принцип равенства слов и значений приведет к превращению языка «в автоматическое устройство, лишенное всякой выразительности», «сумму этикеток, названий» (Будагов Р.Я.).

М. Бреаль считал П. «признаком приобретенной цивилизации». О. Есперсен называл воображаемый язык, лишенный многозначности, адом, в котором люди общаются с помощью «плоского и беспомощного» средства коммуникации.

«Способность слов к многозначности порождает всю образную энергию речи» (И.Б. Голуб) и дает лексике возможность быть средством передачи бесконечно разнообразных мыслей и чувств людей (А.А. Потебня, Л.В. Щерба).

Как бы то ни было, «лексика языка увеличивается не только и даже не столько количественно, сколько качественно: появляются новые значения у старых слов, переосмысляются соотношения между их старыми и новыми значениями» (Р.Я. Будагов).

У многозначного слова есть основное (главное) значение, а также значения производные (возникшие на базе основных) и часто переносные, образные значения. Так, например, существительное ***предел*** в «Словаре русского языка» С.И. Ожегова толкуется в трех значениях: 1) Пространственная или временная граница чего-нибудь (*За пределами страны. В пределах года*). 2) Страна, местность (стар.) (*Вернуться в родные пределы*). 3) перен. Последняя крайняя грань, степень чего-нибудь (*Предел совершенства, Предел желаний*). Первое значение слова является основным, второе — неосновным (помета *стар.*), а третье — переносным.

Основное значение наиболее частотно и минимально зависит от Контекста (см.). Вторичные значения менее частотны и более контекстуально зависимы. Что касается переносных значений, то они всегда вторичны, но «далеко не всякое неосновное значение можно квалифицировать как переносное, ибо не любое из них основывается на ассоциации сходства, создающей эффект образности» (Кузнецова Э.В. Лексикология русского языка. М., 1982. С. 110).

В основе переносных значений лежит уподобление одного явления действительности другому на основании сходства (по внешнему виду, ценности общности функций) или смежности: ***светлый*** *ум,* ***железная*** *воля,* ***бой*** *часов,* ***поток*** *сознания* и др.

В соответствии с этим различают метафорические и метонимические связи значений. В переносных значениях многозначные слова стилистически используются в качестве Тропов (см.): Метафоры (см.), Метонимии (см.) и др.

Как средства экспрессии многозначные слова могут использоваться и в своих прямых значениях. Часто в одном тексте многозначное слово выступает в разных значениях:

Поэт издалека ***заводит*** *речь,*
Поэта далеко ***заводит*** *речь.*
(М. Цветаева)

Это усиливает выразительность и создает особый Подтекст (см.): ***Передачи*** *не только смотрят, но и носят.*

При этом переносное значение воспринимается только на фоне прямого значения. Само взаимодействие разных значений одного слова усиливает каждое из них.

Иногда у одного слова развиваются противоположные, антонимичные, взаимоисключающие значения. Это явление называется внутрисловной Антонимией (см.), антонимией значений или Энантиосемией (см.). Так, напр., глагол **отходить** может означать *прийти в обычное состояние, почувствовать себя лучше*. Но это же слово имеет переносное значение *умереть* (*отойти в вечность; отойти в мир иной*). В предложении (*Больной отошел*) могут столкнуться эти взаимоисключающие значения многозначного слова.

Ср.: *Я* ***прослушал*** *ваш доклад.* (*Слышал* или *не воспринял*?); ***Оставим*** *это.* (*Перестанем об этом говорить* или *рекомендуем*?).

П. очень часто используется в юмористических целях — на обыгрывании разных значений одного слова строятся многие комические жанры: словесная (языковая) игра, каламбуры и др.: ***Молодая*** *была уже* ***не молода*** (Ильф и Петров). Ср.: ***Молодой*** *— недавно вступивший в брак, молодожен* и ***Молодой*** *— юный, не достигший зрелого возраста.* Или: *Женщины подобны диссертациям: они нуждаются в* ***защите*** (Эмиль Кроткий); *Требуется человек, хорошо* ***владеющий языком****, для наклеивания профсоюзных марок* (Лит. газ.) и т.п. Между всеми значени-

ями многозначного слова существует связь, осознаваемая носителями языка. Некоторые лингвисты считают, что слова многозначны не сами по себе как единицы языка (лексики), а многозначны лишь в той степени, в которой разные контексты создают видимость разных значений у слов. Иначе говоря, сумма разных значений многозначного слова равна сумме контекстов, в которых оно встречается.» Другие утверждают, что «контекст может лишь уточнить эти значения, но не предопределять их каждый раз заново» (Будагов Р.Я. Закон многозначности слова // Человек и его язык. М., 1976. С. 242).

Как писал В.В. Виноградов, «вне зависимости от его данного употребления слово присутствует в сознании со всеми своими значениями» (Виноградов В.В. Русский язык, М., 1947. С. 14).

Если связи, соединяющие разные значения одного слова распадаются, то, по мнению многих ученых, перестает существовать и многозначное слово, вместо него образуются Омонимы (см.) — слова, уже не связанные между собой в сознании говорящих на данном языке людей. Так, омонимами стали слова ***свет***[1] (электромагнитное излучение, делающее окружающий мир видимым — *Солнечный свет*) и ***свет***[2] (земля со всем на ней существующим, мир, вселенная — *Путешествие вокруг света* (*кругосветное*); *Жить на свете; Появиться на свет; Свет не без добрых людей; Тот свет; Сжить со свету* и т.д.).

Проблема разграничения омонимии и П. является одной из центральных проблем лексикологии.

Поскольку П. возникает в процессе исторического наращивания разных значений у одного слова (неологизмы немногозначны), возникает еще одна проблема — соотношение диахронического и синхронического в смысловой структуре слова.

В одних случаях основное, неосновное и переносное значение слова существуют одновременно (сосуществуют). В других неосновные и переносные значения сосуществуют с основным, прямым значением не на всех этапах развития языка. П. одного исторического периода может не совпадать совсем или совпадать лишь частично с полисемией другого периода.

Так, например, в стихах Пушкина:

Восстань, пророк, и вижды, и внемли,
Исполнись волею моей,
И, обходя моря и земли,
Глаголом *жги сердца людей.*
. . . . . .
Но лишь божественный ***глагол***
До слуха чуткого коснется,
Душа поэта встрепенется,
Как пробудившийся орел.

слово **глагол** имеет значение *речь, слово,* которое в наше время устарело и отошло на второй план. Основным же значением этого слова является *часть речи, обозначающая действие или состояние предмета.*

Таким образом, основное значение слова в один период времени может быть неосновным (или вовсе отсутствовать) в другой период.

П. широко опирается на эмоциональность и экспрессивность, поэтому иногда говорят о переносно-эмоциональных значениях слов. Например, в русском языке существительные ***ад*** (о тяжелых, невыносимых условиях, ужасном

состоянии), ***белый*** (контрреволюционный), ***венец*** (успешное завершение чего-нибудь как награда за труды, старания), ***грязь*** (безнравственность, бесчестность в личных или общественных отношениях) и др. всегда эмоционально окрашены.

Лит.: **Будагов Р.Я.** Закон многозначности слова // Человек и его язык. М., 1976; **Виноградов В.В.** Русский язык. М., 1947; **Голуб И.Б.** Полисемия // Голуб И.Б. Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Кузнецова Э.В.** О соотношении многозначности и синонимии // ФН. 1978. № 2; **Кузнецова Э.В.** Лексикология современного русского языка. М., 1982; Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968; **Шмелев Д.Н.** Полисемия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998.

О.Н. Емельянова

ПОЛИСИ́НДЕТОН (от греч. poly — много, syndeton — связанный) — стилистическая фигура, противоположная Асиндетону (см.); избыточный с грамматической точки зрения повтор союзов при соединении однородных членов, частей предложения или предложений в составе сложного синтаксического целого, придающий высказыванию экспрессивный характер. Напр.: 1) *Свойство этих ночных огней — приближаться, побеждая тьму,* ***и*** *сверкать,* ***и*** *обещать,* ***и*** *манить своею близостью* (В. Короленко); 2) *Бричка между тем поворотила в более пустынные улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвещавшие конец города. Вот уже* ***и*** *мостовая кончилась,* ***и*** *шлагбаум,* ***и*** *город назади,* ***и*** *ничего нет,* ***и*** *опять в дороге* (Н. Гоголь); 3) *Много, долго, громко, резко — кто-то едет, и тем теплее спать, тем теснее уют.* ***И*** *весь воздух еще не доспал.* ***И*** *одеяла не проснулись.* ***И*** *сны не свернули крыльев. Спит еще комната* (С. Горный).

Впрочем, следует иметь в виду, что иногда понятию П. придается более узкое значение: он понимается как избыточность однотипной союзной связи между однородными членами предложения [см., напр.: Квятковский А.П., 1998. С. 188; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1985. С. 130]. Однако представляется целесообразным более широкое определение П. (ср. напр.: Кузнец М.Д. и Скребнев Ю.М., 1960. С. 77; Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 114; Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е., 2001. С. 129], поскольку отношения однородности между членами предложения, частями сложного предложения и предложениями в составе ССЦ изоморфны.

Фигуру П. не следует смешивать с конструкциями экспрессивного многосоюзия, фигурами в строгом смысле этого слова не являющимися. Фигура многосоюзия (полисиндетон) имеет место тогда, когда повторяющиеся союзы (все или частично) с грамматической точки зрения факультативны (иначе говоря, они могли бы быть пропущены без нарушения грамматической правильности высказывания (см. илл. 1, 2, 3). Многосоюзие таких конструкций является не нарушением грамматической нормы языка, а прагматически значимым (экспрессивным) отклонением от ее стилистически нейтрального варианта. Однако многосоюзие синтаксической конструкции может быть обусловлено грамматически и носить обязательный, а не факультативный характер (в таких конструкциях союзы нельзя опустить, не разрушив саму конструкцию или не исказив ее смысл). Напр.: [Молодой человек] *Втихомолку от воспитателей, критиков упивается в*

тесных компаниях разными поп, газ, буз, мыз, груз и прочими сонгами и мотивами <...>. Или он крутит видео. Или, наоборот, зарылся в архивы и упорнейше ищет, на какой же кузине графа Петра Пафнутьевича Иванова-Апраксина был женат троюродный внук внучатой племянницы князя Ивана Парфентьевича Гагарина. Или читает западное. Или изучает восточное. Каббала, дзен. Или он смотрит в дебри великой цивилизации инков. Или он учит учебник хиромантии. Или он... (ЛГ, 13 мая 1987 г.). Этот текст экспрессивен благодаря нескольким использованным стилистическим приемам, в том числе — многократному повтору разделительного союза, «или» (сам факт его множественности экспрессивен), который, однако, грамматически здесь необходим и не может быть изъят без разрушения всей конструкции. Такой же грамматически обязательный характер имеет повторяющийся союз «пока» в следующем предложении: *Пока писатель все рассуждает о том, как надо и как не надо писать, пока иной побойчее стремится забежать вперед и предложить специальный товар, пока прирожденные организаторы готовят то русло, по которому только и следует «направить» народный вкус, — народный человек читает все без разбору, что попадает ему под руку* (П. Муратов).

Функция П. как стилистической фигуры трактуется в специальной литературе по-разному, иногда даже противоречиво. Отмечается, например, что при помощи П. «подчеркиваются целеустремленность и единство перечисляемого» (Квятковский А.П., 1998. С. 188), что П. «автономизирует каждое из составляющих этого ряда» (Розенталь Д.Э. и др., 1998. С. 341), что семантический эффект П. состоит в том, что «обилие повторяющихся союзов делает семантическую структуру следующих друг за другом синтаксических явлений особенно прозрачной» (Клюев Е.В., 1999. С. 248) и т.д. Большинство авторов, пишущих о П., сходятся на том, что П. подчеркивает и выделяет перечисляемые элементы (слова, части предложения, предложения), повышая их смысловую значимость. По-видимому, это и есть основная функция П. как фигуры речи, присущая всем его разновидностям во всех стилевых контекстах его более или менее регулярного употребления (речь художественная, публицистическая, ораторская, отчасти научная). Напр.: 4) *Какое странное, **и** манящее, **и** несущее, **и** чудесное в слове: дорога! И как чудна она сама, эта дорога <...>* (Н. Гоголь); 5) *От фабрики к станции толпами шли рабочие и кланялись лошадям, на которых ехал Королев. И его пленял вечер, **и** усадьбы, **и** дачи по сторонам, **и** березы, **и** это тихое настроение кругом, когда, казалось, вместе с рабочими теперь, накануне праздника, собирались отдыхать **и** поле, **и** лес, **и** солнце, — отдыхать и, быть может, молиться...* (А. Чехов);

6) *Ох, лето красное! Любил бы я тебя,*
*Когда б не зной, **да** пыль, **да** комары, **да** мухи.*
(А. Пушкин)

7) *Познакомь меня с кем-нибудь из вскормленных,*
Как они, страдой южных нив,
Пустырей и ржи.
***Но** с оскоминой, **но** с оцепененьем, с комьями*
*В горле, **но** с тоской стольких слов*
Устаешь дружить!
(Б. Пастернак)

8) *Псевдокультура ни словом, ни жестом может и не отличаться от культуры,* ***но*** *делом,* ***но*** *последствием,* ***но*** *своею ошибочностью — отличается* (С. Залыгин); 9) *Теперь-то мы знаем, что русский — не формализованный признак, вроде национальности,* ***но*** *крест,* ***но —*** *судьба, замешанная на горькой исторической памяти* (ЛР, 10 сент. 1993 г.); 10) *Вот о таком человеке мечтает и такого человека хочет видеть в каждом из нас академик Лихачев.* ***Поэтому и*** *поучения,* ***и*** *проповеди,* ***и*** *наставления.* ***Поэтому*** *просветительство — в самом глубоком смысле этого слова.* ***Поэтому*** *и популяризаторство* (ЛГ, 26 ноября 1986 г.); 11) *А Литва бунтует — ей все более нравится ее роль;* ***а*** *избирательная компания прошла подозрительно* ***и*** *в Москве,* ***и*** *в провинции, хотя по-разному подозрительно;* ***а*** *французский финансист, короткие дни пробыв в СССР, говорит нам более умные вещи, чем все наши экономисты, вместе взятые* (ЛР, 27 апр. 1990 г.); 12) *Допустим, художник никому ничего не должен, но больно видеть, как может он, уходя в своесозданные миры, или пространства субъективных капризов, отдавать реальный мир в руки людей корыстных,* ***а то*** *и ничтожных,* ***а то*** *и безумных* (А. Солженицын); 13) Дай нам *Господь мужество, храбрость и радость так приобщиться ко Христу, чтобы в нем видеть Брата, Спасителя, и чтобы нам Он был* ***и*** *Путь,* ***и*** *Истина,* ***и*** *Жизнь,* ***и*** *та Дверь, которая раскрывается на вечность и нас делает детьми Отца Небесного. Аминь! (Митрополит Антоний* Сурожский); 14) *Нет, положительно скажу, не было поэта с такою всемирною отзывчивостью, как Пушкин, и не в одной только отзывчивости тут дело,* ***а*** *в изумляющей глубине ее,* ***а*** *в перевоплощении своего духа в дух чужих народов, перевоплощении почти совершенном <...>* (Ф. Достоевский); 15) *<...> родственно звучали во всех рассказах и исповедях не только внешние факты,* ***но*** *и настроения,* ***но*** *и размышления* (Ф. Степун); 16) *В известной мере повторяется ситуация 20-х годов, когда послереволюционный розовый оптимизм порождал желание глубоко преобразовать не только общественный строй и экономическое устройство,* ***но*** *и культуру,* ***но*** *и литературный языковой канон* (В. Костомаров).

Приведенные примеры свидетельствуют, что фигура П. строится не только на основе повтора соединительного союза «И» и противительного союза «НО» (хотя это наиболее частотные разновидности П.), но и на основе повтора других сочинительных союзов.

Уже в «Риторике к Гереннию» отмечена способность П. создавать эффект замедленного действия (Античные теории языка и стиля, 1996. С. 284), что отмечают и современные авторы (см., например: Новиков Л.А., 1982. С. 94; Кручинина И.Н., 1990. С. 302; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 261). Эта функция П. является факультативной, обусловленной вещественным значением предложения, в котором реализуется П., и содержанием более широкого контекста. Ср. два контекста, где первый (илл. 17) демонстрирует эту функцию П., а второй (илл. 18) нет:

17) *...В золотом отдалении*
Укором церковный тревожится звон...
И *солнце садится.* ***И*** *веет прохлада.*
И *плещется рыбой вечерней вода.*
И *липы зовут монастырского сада,*
Где ночи — как миги и дни — как года...
(И. Северянин)

18) *Обнаглелые жадно с гиком и гоготом рвут на куски пирог, который когда-то испекла покойница Русь, — прощальный, поминальный пирог.*

И *рвут,* ***и*** *глотают,* ***и*** *давятся.*

И *с налитыми кровью глазами грызут стол, как голодная лошадь ясли* (А. Ремизов).

В такой же зависимости от лексического наполнения конструкции, окружающего контекста, стиля и жанра всего произведения проявляется функция придания речи торжественной тональности (что связано с ее ритмизацией), отмечаемая некоторыми авторами (см., например: Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е., 2001. С. 129; Кузнец М.Д. и Скребнев Ю.М., 1960. С. 78) (илл. 19), а также функция усиления иронической тональности (илл. 20) или эмоциональной приподнятости (илл. 21):

19) *...Моих ушей коснулся он, —*
И *их наполнил шум и звон:*
И *внял я неба содраганье,*
И *горний ангелов полет,*
И *гад морских подводный ход,*
И *дольней лозы прозябанье*
(А. Пушкин)

20) *Кто был ничем, тот станет всем. За счет нашего кармана. И напрасно хнычет золотая шеренга Чубайса.* ***И*** *Христос,* ***и*** *Карл Маркс,* ***и*** *Лившиц,* ***и*** *братва говорят одно: делиться надо* (НГ, 31 дек. — 6 февр. 2000 г.); 21) *Сейчас ночь, а мне кажется, что сияет солнце <...> ...и это — как музыка, как пение, о котором я мечтала всю жизнь. И я не знала, кого я люблю такой безмерной любовью, от которой хочется* ***и*** *плакать,* ***и*** *смеяться,* ***и*** *петь* (Л. Андреев).

П. часто взаимодействует с другими стилистическими фигурами, особенно с парцелляцией, синтаксическим параллелизмом и другими видами повторов (см. илл. 22, 23, 24):

22) *Запахло уютом, табаком. Повеяло домом* ***и*** *жизнью обожаемою.* ***И*** *лаской просимою.* ***И*** *любовью* (С. Горный); 23) *Возражения эти на первый взгляд вполне верны. И все же:* ***и*** *бездеятельный обыватель,* ***и*** *подделывающийся ренегат,* ***и*** *разделывающийся со своим прошлым покаянник в своих пределах — явления для демократии очень страшные* (Ф. Степун); 24) *...Чтобы найти эти новые русские формы бытия, надо созерцать Россию, как она есть, — ее дары, ее опасности, ее нужды, ее силы и слабости; и из нее самой, для нее самой создавать верный уклад,* ***и*** *строй,* ***и*** *порядок,* ***и*** *власть, а не навязывать ей иностранные, инославные, иноплеменные трафареты* (И. Ильин).

Особенно показательна конвергенция П. и А. — фигур противоположных структурно, а отчасти и функционально. Их взаимодействие в едином стилистическом контексте отчетливо выявляет их основное различие: нерасчлененность, «поточность» перечисления объектов в асиндетоне и расчлененность перечислительного ряда, логическая выделенность его компонентов в П. Ср.: 25) *Если такие мастера, как Ахматова или Замятин,* ***на всю жизнь замурованы заживо, осуждены до гроба творить молча,*** *не слыша отзвука своему написанному, — это не только их личная беда,* ***но*** *горе всей нации,* ***но*** *опасность для всей нации* (А. Солженицын); 26) *День ото дня жизнь становится* ***лучше, интереснее, многообразнее. И честнее. И правдивее. И справедливее*** (КП, 14 февр. 1986 г.).

В понятие П. иногда включают **многопредложие** — многократное, преднамеренно избыточное использование предлогов. Например: 27) *Необходимо думать и о низах, нельзя уходить от черной работы, нельзя забывать, что мы призваны освободить народ* ***от*** *нищенства,* ***от*** *невежества,* ***от*** *бесправия* (П. Столыпин);

28) *Во всем мне хочется дойти*
До *самой сути;*
В *работе,* ***в*** *поисках пути,*
В *сердечной смуте.*
До *сущности протекших дней,*
До *их причины,*
До *оснований,* ***до*** *корней,*
До *сердцевины*
(Б. Пастернак)

29) *И вот с такими-то богатствами мы оказались* ***без*** *леса,* ***без*** *пеньки,* ***без*** *сала,* ***без*** *Солженицына и Бродского,* ***без*** *Ростроповича и Эрнста Неизвестного* (ЛГ, 25 июля 1990 г.).

Признание многопредложия разновидностью П., по-видимому, оправданно, так как этот прием обладает аналогичными функциями, что особенно заметно при их соположении в составе стилистической конвергенции (см. следующий текст):

30) *<...> В глуши, во мраке заточенья*
Тянулись тихо дни мои
Без *божества,* ***без*** *вдохновенья,*
Без *слез,* ***без*** *жизни,* ***без*** *любви.*
Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.
И *сердце бьется в упоенье,*
И *для него воскресли вновь*
И *божество,* ***и*** *вдохновенье,*
И *жизнь,* ***и*** *слезы,* ***и*** *любовь.*
(А. Пушкин)

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Кузнец М.Д.**, **Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогических институтов. Л., 1960; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Новиков Л.А.** Искусство слова. М., 1982; **Кручинина И.Н.** Многосоюзие. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Кухаренко В.А.** Интерпретация текста. М., 1988; **Рыжова М.В.** О некоторых особенностях полисиндетона в просторечии // Риторика и перспективы ее изучения в школе и вузе. Ростов н/Д, 1990; **Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; Общая риторика: Пер. с фр. / **Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон** и др. М., 1986; **Формановская Н.И.** Стилистика сложного предложения. М., 1978; **Хазагеров Г.Г., Корнилова Е.Е.** Риторика делового человека: Учебное пособие. М., 2001; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ПОЛУПРЯМА́Я РЕЧЬ — способ передачи Чужой речи (см.), когда конструкция строится как Косвенная (см.), но в придаточную часть вводятся элементы Прямой речи (см.) — формы лица глагола и местоимения употребляются по нормам прямой речи. Напр.: *Трактирщик сказал**, что не дам вам есть, пока не заплатите за прежнее*** (Н. Гоголь).

От косвенной речи здесь союз *что*, а от прямой — местоимение *вам*, форма первого лица глагола *дать* (*дам*) и форма второго лица глагола *заплатить* (*заплатите*).

П.р. придает тексту легкость и непринужденность разговора, передает просторечный характер речи говорящего; она широко распространена в спонтанной устной речи.

Для получения П.р. характерно использование частиц *мол*, *де*, *дескать*, сигнализирующих о присутствии во фразе элементов чужой речи и отмечающих ее границы: «соответствующие слова (типа частиц «де», «мол», «дескать» в русском языке) можно рассматривать как своеобразные операторы, используемые для перевода прямой речи в авторскую речь (в самом деле, непосредственно в прямой речи употребление этих слов в обычном случае невозможно). <...> Ср., напр., следующую фразу у Достоевского в «Бедных людях»: *Заключил же он тем, что **дескать**, простите мою дерзость и мое неприличие, Макар Алексеевич*» (Успенский Б.А. Поэтика композиции. М., 1995. С. 53).

Напр.: *Паспорт надо было получить в своем районе, а Митька сказал, что наплевать, получишь прямо на месте, в Мурманской области, у него, **мол**, у Митьки там все кругом знакомые, дружки-приятели, они для Митьки все сделают* (В. Белов); *В отделе стихи понравились, и мне сказали, что попытаются их предложить — **мол**, времена меняются, чем черт не шутит, может, и пройдут* (И. Кохановский); *Партия — единственная сила, которая может вывести <...> Почему не выводит?! <...> Ждет, пока народ покается: извините, **мол**, мы вас покритиковали неосторожно* (Н. Травкин).

Лит.: **Блинов Г.И.** Изучение способов передачи чужой речи // РЯШ. 1974. № 2; **Остин Е.С.** О субъективных формах передачи чужой речи // РЯШ. 1966. № 1; **Успенский В.А.** Поэтика композиции. М., 1995.

О.Н. Емельянова

ПОСТОЯННЫЙ ЭПИТЕТ. См. Эпитет.

ПОЭТИЗМЫ — слова и словосочетания, относящиеся к возвышенной лексике, т.е. имеющие стилистическую окраску торжественности, приподнятости (***озарить, година, отчизна***) или лиричности (***Парнас, лира, подлунный, недуг***) и употребляющиеся преимущественно в художественной, поэтической речи.

Источниками П. являются художественные образы античной литературы, греческой и римской морфологии (***лавры, мирты, элизий***), старославянские слова с риторической и торжественной окраской, присущей высокому стилю (***десница, упование, уста***), а также элементы народно-поэтического (или традиционно-поэтического) словаря (***кручина, лебедушка, недуг***) и др.

Принято считать, что «поэтизмы выступают как своего рода «*поэтический код*», т.к. каждому такому слову соответствует нейтральный эквивалент» (Дроняева Т.С., Клушина Н.И., Бирюкова И.В. 2001. С. 164): ***ланиты*** — *щеки*, ***очи*** — *глаза*, ***персты*** — *пальцы* и др.

П. усиливают контраст между возвышенной, романтически окрашенной поэтической речью и речью нейтральной:

Нет, весь я не умру — душа в ***заветной лире***
Мой ***прах*** *переживет и* ***тленья*** *убежит,-*
И ***славен*** *буду я,* ***доколь*** *в* ***подлунном мире***
Жив будет хоть один ***пиит****.*
.....
.....
Духовной жаждою ***томим****,*
В пустыне мрачной я ***влачился****,*
И ***шестикрылый серафим***
На ***перепутье*** *мне явился.*
Перстами*, легкими, как сон,*
Моих ***зениц*** *коснулся он.*
Отверзлись вещие зеницы*.*
Как у испуганной орлицы

(А.С. Пушкин)

Г.О. Винокур считает П. функционально-стилистическим, а не просто экспрессивным средством: «Под поэтическим языком можно понимать прежде всего язык, употребляемый в поэтических произведениях <...> Точно так же, как есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в языке науки или дипломатии, есть формы, слова, обороты речи, которые принято или не принято употреблять в поэтических произведениях» (Винокур Г.О., 1959. С. 388).

И.Н. Шмелева разграничивает П. и высокую лексику, но говорит о трудностях размежевания высоких и поэтических слов, отмечая при этом большую конкретность поэтической лексики и отвлеченность и метафоричность высокой; более узкие границы употребления П. (И.Н. Шмелева. 1975. С. 111).

Как отмечает И.Л. Резниченко, эти отличия весьма приблизительны. «Нереально очертить круг слов, употребляемых сейчас только в поэзии. В современном поэтическом употреблении они не только не типичны (поэтизмы), но даже могут восприниматься как ложно-поэтические штампы» (Резниченко И.Л. 1984. С. 44).

По мнению И.Б. Голуб, «эти традиционные средства поэтической лексики недолго использовались в художественной литературе. Уже у преемников А.С. Пушкина поэтизмы архаизируются» (И.Б. Голуб. 2001. С. 88).

В современном русском языке стилистические функции П. разнообразны — они придают речи возвышенное и торжественное звучание; используются для воссоздания колорита прошлого, а также для создания комического эффекта, выражения иронии или сарказма. Напр.:

Он его исключал
Из Союза писателей
Обличал, бичевал
Громче всех бичевателей
.....

И сегодня шумит
Этот грозный ***вития****,*
Прячась будто за щит
За печать о России.
(И. Кохановский)

В словарях П. обычно сопровождаются пометами (*высок.*), (*торж.*), (*поэт.*), (*трад.-поэт.*), (*нар.-поэт.*) и др.

Лит.: **Винокур Г.О.** Избранные работы по русскому языку. Т. 2. М., 1959; **Галкина-Федорук Е.М.** Современный русский язык. Лексикология. Фонетика. Морфология. 2-е изд., испр. М., 1958; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 2001; **Дроняева Т.С., Клушина Н.И., Бирюкова И.В.** Стилистика современного русского языка: Практикум. М., 1990; Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. Леканта П.Д. М., 1991; **Резниченко И.Л.** Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии. М., 1984; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Шмелева И.Н.** Стилистическое расслоение и классификация словарного состава русского литературного языка // Вопросы стилистики. Вып. 9. Саратов, 1975.

О.Н. Емельянова

ПРЕРВАННО-ПРОДОЛЖЕННОЕ, или **ПРЕРВАННО-ВОЗОБНОВЛЕННОЕ, ВЫСКАЗЫВАНИЕ** — стилистический прием, состоящий в глубоком интонационном прерывании предложения, обозначаемом знаком многоточия, с последующим его продолжением без изменения модально-временного плана и синтаксических связей частей предложения, однако, как правило, с изменением интонационного рисунка.

Основная функция П.п.в. — эмфатическая: выделяется, как неожиданный в смысловом отношении, компонент высказывания, следующий за паузой (соответственно — многоточием). Таким образом, П.п.в. являются одним из способов реализации эффекта Обманутого ожидания (см.). Например:

1) *Ты представь, снег разгребая на дворе:*
Дозревают апельсины... в январе!
Здесь мимоза с розой запросто цветут,
Так и кажется — немые запоют!
(И. Северянин)

2) *Бокалы пеним дружно мы,*
И девы-розы пьем дыханье —
Быть может... полное чумы.
(А. Пушкин)

3) — *Ты права, — сказал он. — Все должно быть ясно.* ***И будет... Как только я уйду от тебя*** (К. Федин); 4) ***Театральный роман... без любви?*** (ЛГ, 21 сент. 1983 г.); 5) ***Выдают на-гора... справки*** (СР, 29 марта 1985 г.).

Актуализация компонента, продолжающего высказывание после эмфатической паузы, может и не быть связанной с эффектом обманутого ожидания (так сказать, чистая эмфаза): 6) [О революции 1917 года. — *А.С.*] *...а пожар такого*

рода, что не может на одном доме остановиться. Пламя должно перекинуться, рано или поздно, ***и если поздно... то уже будет поздно*** (З. Гиппиус);

7) *... юмор прекрасен —*
Крыловских ли басен,
Иль чеховских «Пестрых рассказов»,
Где строки как нити алмазов,
Где нет искусства смешить
До потери мысли и чувства,
Где есть... просто искусство
В драгоценной оправе из смеха.
(Саша Черный)

Прерванность высказывания может быть сигналом присоединения уточняющих членов предложения: 8) ***Наши отношения*** [с А. Блоком. — *А.С.*] ***можно было бы назвать дружбой... лунной дружбой*** (З. Гиппиус). Иногда П.п.в. является показателем раздумья говорящего: 9) *— В Комитет? — спросил шофер. —* ***К черту Комитет! Едем... в парикмахерскую*** (К. Федин).

Такое присоединение может быть связано с созданием оценочного подтекста, который в полной мере становится понятен с учетом широкого контекста, как, напр., в стихотворении И. Северянина «Ужас пустынь»:

10) *Меж тем как неуклонно тает*
Рать рыцарей минувших дней,
Небрежно-буйно подрастает
Порода новая... людей.
.....
И встреча с новой молодежью
Без милосердья, без святынь
Наполнит наше сердце дрожью
И жгучим ужасом пустынь.

П.п.в. могут вступать в стилистическую конвергенцию с другими стилистическими приемами. Так, например, в следующих высказываниях П.п.в. взаимодействуют в одном случае с парентезой (илл. 11), в другом — с лексическим повтором (илл. 12): 11) *...И теперь очевидно стало, что тот, кто сидит в Кремле, — безразлично, кто это, будет ли это Ульянов или Романов* ***(простите это гнусное сравнение) — принужден ...делать дело Иоанна Калиты*** (В. Шульгин); 12) *...Но мы не смутились. Прежде всего купили три письменных стола. Затем уж постели.* ***А затем... ну, затем остальное можно было приобретать по-немногу, постепенно, и самое дешевое*** (З. Гиппиус).

Основная сфера бытования П.п.в. как стилистического приема — художественная речь.

Лит.: **Власова Л.Д.** Прерванные структуры в стихотворном синтаксисе А.С. Пушкина // Очерки по стилистике русского языка. Вып. 2. Курск, 1975; **Хмелевский А.Э.** Коммуникативно-функциональный аспект прерванных синтаксических конструкций // Учен. зап. Башкирск. гос. пед. ин-та. ФН. Вып. 1. Уфа, 1971; **Он же.** Прерванные речевые конструкции и неполные предложения // Лингвистические дисциплины на факультете русского языка и литературы. М., 1973.

А.П. Сковородников

ПРОКАТАЛЕ́ПСИС. См. Гипо́фора.

ПРО́ЛЕПСИС (греч. — pró1epsis), или **ПРО́ЛЕПС.** То же, что Синтаксическая антиципация.

ПРОНОМИНА́ЦИЯ. См. Антономазия.

ПРОСАПОДО́СИС. То же, что Кольцо.

ПРОСИОПЕ́ЗА, или **ПРОСИОПЕ́ЗИС, ПРОЗИОПЕ́ЗИС** (греч. prosiōpēsis — умолчание впереди) — стилистический прием (в другой интерпретации — стилистическая фигура), состоящий в намеренном опущении начальной части высказывания (предложения), которая обычно легко восстанавливается в сознании адресата благодаря контексту, ситуации или фразеологическим связям. Языковым сигналом «усечения» начала высказывания служит нереализованность (незаполненность) «левосторонней» валентности его вербализованной части, а пунктационным — многоточие. Для создания П. обычно используются пословицы, поговорки, крылатые слова, фразеологизмы, строчки из широко известных литературных произведений. Для П. характерна функция интригующего (рекламного) заголовка. Напр.: 1) *...да не греет* (КП, 19 марта 1966 г.); Ср.: Светит, да не греет; 2) *...И я скажу, кто вы* (ЛГ, 9 дек. 1970 г.). Ср.: Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты; 3) *...А сам не плошай* (СК, 20 ноября 1984 г.). Ср.: На Бога надейся, а сам не плошай; 4) *...Колеблет твой треножник* (А. Солженицын). Ср.: ...Так пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь, где твой огонь горит, / И в детской резвости колеблет твой треножник (А. Пушкин).

На основе свободных сочетаний слов П. создается достаточно редко. Напр.: 5) ...и тишина (КР, 4 ноября 1988 г.); 6) ...И Пушкин падает в голубоватый, / Колючий снег... (Э. Багрицкий).

Лит.: см. при ст. Апозиопезис.

А.П. Сковородников

ПРОСТОРЕЧНАЯ ЛЕКСИКА — слова, словоформы и словосочетания, присущие просторечию, т.е. обиходно-бытовой речи разных социальных слоев, стоящей за пределами литературного языка или на его периферии. Просторечие — «некий «низкий» общий разговорный язык (я бы назвал его городским просторечием)» (Б.А. Ларин. С. 64).

Напр.: *И **теплехонько** тебе и **хорошохонько**... чего бы, кажется, искать! Скучно тебе, так не прогневайся, друг мой, — на то и деревня! **Веселиев** да балов у нас нет — и все сидим по углам да скучаем! Вот я и рада была бы поплясать да песни попеть — **ан** посмотришь на улицу, и в церковь-то божию в **этакую мокреть** ехать **охоты нет!***; *Призванная Ариной Петровной на семейный совет Улитушка некоторое время **кобянилась** и не хотела сесть; Ступайте теперь оба*

к нему! ***Чай****, он и* ***буркалы-то*** *свои проглядел, вас* ***высматриваючи****!; ...двух суток до году не дожил —* ***околелел!*** *Да ты что ж сам-то? водочки бы* ***долбанул?*** (М.Е. Салтыков-Щедрин).

В современном языкознании одни лингвисты утверждают, что просторечие характеризует лиц, не овладевших литературной нормой. Его признаками являются — нарушение и искажение литературного языка и наличие форм, по своей грубости и опрощенности стоящих на границе литературного употребления (Л.В. Щерба, А.Н. Гвоздев, О.С. Ахманова, С.Д. Кац, Э.А. Натансон и др.).

Другие языковеды рассматривают просторечие как стилистически окрашенный слой внутри литературного языка, отличающийся простотой и непринужденностью и противопоставленный высоким, книжным, отработанным формам. При этом во внимание не принимается генетический источник сниженных языковых средств просторечия. Просторечие — «один из стилей литературной речи <...>, сопряженный с прямым и непринужденным называнием и определением предметов, стиль, резко и подчеркнуто обнаруживающий сущность предмета, стиль, противостоящий всякого рода нейтральным и неэмоциональным, отвлеченным, торжественным, официальным и эвфемистическим способам языкового выражения» (Ю.С. Сорокин. С. 136—137).

Как видно, «в одном случае просторечием называют нелитературные формы, а в другом — экспрессивные» (Г.Н. Скляревская. С. 27). При этом просторечную лексику зачастую невозможно отличить от Разговорной лексики (см.), что неоднократно отмечалось лингвистами. «Проблема разграничения разговорной и просторечной лексики — одна из наиболее трудных в лексикографии» (Резниченко И.Л. С. 48).

Часто говорится о большей сниженности П.л. по сравнению с лексикой разговорной, о повышенной конкретности, «концентрированности» семантики, семантическом «максимализме», «пристрастности» номинации, специфической образной основе П.л.

По мнению Г.Н. Скляревской, критерием, по которому различают П.л. и разговорную лексику может быть только коммуникативный статус слова, сфера его распространения (которые, однако, предопределяются некоторыми внутренними особенностями просторечных и разговорных слов).

П.л. присуща яркая образность, экспрессия некоторой грубости и непринужденности, оценочность: *трепач, сволочь, хай, выпереть* (откуда-нибудь), *пешедралом* и т.п.

К П.л. относят также Вульгаризмы (см.), бранные, фамильярные слова и под.

Ввиду большой экспрессивности и оценочности П.л. она активно используется в публицистическом стиле, например, в газетных материалах критического характера для выражения отрицательной авторской позиции: *Korga четыре года назад ему* ***приспичило*** *приобрести два новых банка, оказавшихся в трудной ситуации, он упек за решетку их владельца* (СР. 18 марта 1995 г.).

Часть просторечных слов имеют нейтральные эквиваленты в литературном языке, а часть не обладают такими эквивалентами и оказываются «незаменимыми» и широко употребительными в публицистическом стиле, что, по мнению некоторых исследователей, вызывает «необходимость пересмотреть их традиционную квалификацию в аспекте функционально-стилистической прикрепленности. Это же относится и к отдельным разговорным и просторечным словам, которые хотя и имеют нейтральные соответствия, стали привычными в газетной речи и не

ощущаются в ней как иностилевые вкрапления» (Резниченко И.Л. С. 95—96). Напр.: *Один привык уважать и чтить то, что принадлежит обществу, народу. Другой считает: раз государственное — значит, «ничейное», а посему его можно* ***транжирить, разбазаривать*** *как угодно* (Правда. 25 марта 1999 г.). Примечание: В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова **разбазаривать** квалифицируется как (*прост. неодобр.*), а **транжирить** — как (*разг. неодобр.*).

Или: *Тогда не стали бы они* ***околачиваться*** *среди трудового дня возле магазина, смущая своим видом и бранью людей* (Правда. 21 марта 1993 г.).

П.л. широко используется при стилизации под чей-то ход мыслей, эмоциональный рассказ (часто для создания комического эффекта, иронии).

Маленький, но свой житейский опыт
Мне милей ума с недавних пор,
Потому что поротая ***жопа*** *—*
Самый замечательный прибор.
.....
Я повзрослел, когда открыл,
Что можно плакать или злиться,
Но всюду тьма то ***харь****, то* ***рыл****,*
А непохожих бьют по лицам.
.....
Жизнь не обходится без ***сук****,*
В ней ***суки*** *с нами пополам,*
И если б их не стало вдруг,
Пришлось бы ***ссучиваться*** *нам.*
.....
Слишком умных жизнь сама
Чешет с двух боков:
Горе им и от ума
И от ***мудаков****.*

(И. Губерман)

В художественном тексте П.л. используется для речевой характеристики персонажей. Так, напр., П.л. в пьесах А.Н. Островского служит основным характерологическим средством: *— **Черта** ли нам по грошам наживать; — **Белены**, что ль, **объелась**; — **Старая карга**; — Так прямо с **рылом -то** и лезет разговаривать; — Ты, никак, ума **рехнулся**; — Разные глупости **выколупываешь** — девчонка **хабальная**; — Ты коли уж начнешь толковать, так только **ушами хлопай*** и под. Либо для передачи эмоционально-оценочного авторского отношения к описываемому:

П.л. противопоказана официально-деловому и научному стилям речи.

Лит.: **Бельчиков Ю.А.** Литературное просторечие и норма в лексике и фразеологии. М., 1983; **Он же**. Просторечие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Виноградов С.И.** «Просторечие» как категория нормативной оценки лексики в «Толковом месте русского языка» Д.И. Ушакова // Литературная норма и просторечие. М., 1977; **Касаткин Л.Л**. Просторечная лексика // Краткий справочник по современному русскому языку. 1995; **Ларин Б.А.** О лингвистическом изучении города // РР. / Под ред. Л.В. Щербы. Вып. III, 1928; **Нечаева О.А.** Разговорно-просторечные элементы современного русского

языка. М., 1955; **Петрищева Е.Ф.** Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984; **Распопова Т.А.** Просторечные лексико-стилистические средства: принципы и приемы их использования // Структурно-семантический анализ единиц языка и речи: Межвузов. сб. науч. трудов. Тула, 1997; **Распопова Т.А.** Некодифицированная социально-оценочная лексика и ее использование в русском языке 80—90-х годов XX века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Орел, 1999; **Резниченко И.Л.** Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии. М., 1984; Словарь просторечий русских говоров среднего Приобья / Под ред. О.И. Блиновой. Томск, 1977; **Скляревская Г.Н.** О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное». Л., 1972; **Сорокин Ю.С.** Просторечие как термин стилистики // Доклады и сообщения филологического института. Вып. 1. ЛГУ. 1949.

О.Н. Емельянова

ПРЯМАЯ РЕЧЬ (от лат.oratio recta) — один из способов передачи Чужой речи (см.) — воспроизводимая дословно речь какого-либо лица, оформленная как относительно самостоятельное предложение и вводимая в текст словами другого лица — автора этого текста, так называемыми авторским словами, комментирующими ситуацию. Напр.: «***Вот граница!*** — *сказал Ноздрев.* — ***Все, что не видишь по эту сторону, все это мое, и даже по ту сторону, весь этот лес, который вон синеет, и все, что за лесом, все мое***» (Н. Гоголь).

Употребление прямой речи — свидетельство достоверности, подлинности приводимого чужого высказывания и, кроме того, она косвенно передает уважение к источнику информации и сказанному им. Напр.: *Антон Павлович Чехов писал:* ***«Национальной науки нет, как нет национальной таблицы умножения; что же национально, то уже не наука».***

С точки зрения структуры прямая речь представляет собой простые и сложные, полные и неполные, одно- и двусоставные предложения. Грамматические элементы в составе конструкций с прямой речью специфичны для разговорного стиля: обращения, форма повелительного наклонения глагола, междометия, частицы, личные местоимения, лексические и морфологические диалектизмы и проч. Напр.: «***Весна близко***! — *говорил один приятель другому, стараясь взять его под руку.* — ***Пакостница эта весна! Грязь везде, нездоровье, расходов много... Дачу нанимай, то да се... Ты, Павел Иваныч, провинциал и не поймешь этого... Тебе не понять. У вас в провинции, как выразился однажды какой-то писатель, благодушие одно только... Ни горя, ни печалей. Едите, пьете, спите и никаких вопросов не знаете... Не то, что мы... Подмерзать начало... замечаешь? Впрочем, и у вас не без горя... И у вас своя печаль. Хе-хе-хе. Теперь у вас, провинциалов, начинает кровь играть... страсти бушуют. Мы, столичные — люди каменные, льдяные, нет в нас пламени, и страстей мы не знаем, а вы вулканы, везувии! Пш! пш! Дышит! Хе-хе-хе... Ой, обожгусь! А признайся-ка, Павел Иваныч, сильно кровь играет?***» (А. Чехов).

Таким способом может воспроизводиться и внутренняя речь кого-либо, напр., персонажа в литературном тексте: «***И куда все это делось***, — *вздохнул Ганин.* ***— Где теперь это счастье и солнце, эти рюхи, которые так славно звякали и скакали, мой велосипед с низким рулем и большой передачей?.. По какому-то там закону ничто не теряется, материю истребить нельзя, значит,***

где-то существуют и по сей час щепки от моих рюх и спицы от велосипеда. Да вот беда в том, что не соберешь их опять, — никогда. Я читал о «вечном возвращении»... А что если этот сложный пасьянс никогда не выйдет во второй раз?» (В. Набоков).

В форме чужой может представляться речь не другого лица, а своя собственная: «***Как это скучно!***» — *воскликнул я невольно* (М. Лермонтов).

Вводящие П.р. авторские слова могут предшествовать ей, вклиниваться в нее или следовать за ней, напр.: ***он вздохнул и сказал, пустивши кверху трубочный дым:*** «*на все нужно родиться счастливцем, Павел Иванович*»; «*Андрей Иванович, помилуйте!* — ***сказал он, взявши его за обе руки***. — *Какое ж оскорбление? что ж тут оскорбительного в* слове ты*?*»; «*Какой, однако же, чудак этот Тентетников!*» — ***думал между тем Чичиков*** (Н. Гоголь).

П.р. может находиться внутри авторских слов: *Когда товарищ прокурор сумел доказать, что Шельмецов виновен и не заслуживает снисхождения; когда он уяснил, убедил и сказал: «****Я кончил****», — поднялся защитник* (А. Чехов).

Иногда П.р. вводится в текст в качестве элементов подлинного выражения, например: *Предположение дневального, что* ***«взводный нажрался и дрыхнет где-то в избе****», все больше собирало сторонников* (А. Фадеев).

Выбор слов, вводящих П.р., очень важен. Как правило, для этого используются глаголы речи и мысли (*сказал, заметил, отметил, подумал*), эмоции и чувства (*удивился, обрадовался, возмутился, увлекся*), действия (*оборотился, привстал, подскочил*), глаголы, обозначающие мимику и жесты (*улыбнулся, нахмурился, кивнул*). Напр.: *«Я считаю «Темные аллеи» лучшим, что я написал, —* ***заявлял*** *он* ***запальчиво****, — а они, идиоты, считают, что это порнография и к тому же старческое бессильное сладострастие. Не понимают, фарисеи, что это новое слово в искусстве, новый подход к жизни!»* (И. Одоевцева).

Авторские слова не только указывают на сам факт чужой речи, но и содержат ее оценку, отношение к ней автора, характеристику говорящего, т.е. являются важным экспрессивным, выразительным средством.

Конструкцию с П.р. не следует путать с репликой диалога, которая также является передачей прямого, дословного высказывания, но не вводится авторским словами.

М. Бахтин отмечает наличие множества модификаций П.р. в литературном языке, таких, как: *подготовленная прямая речь* (возникновение прямой речи из косвенной или несобственно прямой. Классическим образцом этой модификации М. Бахтин называет изображение состояния князя Мышкина перед эпилептическим припадком в «Идиоте» Достоевского); *овеществленная прямая речь* (авторский контекст строится так, что характеристики героя, данные ему автором, «бросают густые тени на его прямую речь». Такова, как правило, прямая речь у Гоголя и представителей так называемой «натуральной школы»); *предвосхищенная, рассеянная и скрытая прямая речь* (предвосхищение чужой речи рассказом ее темы, оценок и акцентов. *Запрятанная* в авторском контексте чужая речь как бы прорывается в действительном прямом высказывании). По мнению Бахтина, эта модификация очень распространена в современной прозе — у А. Белого, И. Эренбурга и др.); *риторическая прямая речь* (риторические вопросы, восклицания и др.); *замещенная прямая речь* (это говорение за другого, очень близкое к несобственно-прямой речи, при котором авторская речь сливается с «чужой речью).

Лит.: **Бахтин М.М.** Косвенная речь, прямая речь и их модификации // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении... М.: Лабиринт, 2000; **Блинов Г.И.** Изучение способов передачи чужой речи // РЯШ. 1974. № 2; **Кодухов В.И.** Прямая и косвенная речь. Л., 1957; **Кулагин А.Ф.** Конструкции с прямой речью и сложное предложение // РЯШ. 1969. № 1; **Коньков В.И.** Прямая речь и цитата в художественном тексте // РР. 1980. № 4; **Кручинина И.М.** Прямая речь // Лингвистич. энциклопедич. словарь. М., 1990; **Ширяев Е.Н.** Прямая речь // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979.

О.Н. Емельянова

Р

РАЗГОВОРНАЯ ЛЕКСИКА — слова и словосочетания, присущие разговорной речи, т.е. речи лиц, владеющих литературной нормой, но ориентирующихся на непринужденное, неформальное общение. «Такая разговорная речь по существу представляет собой литературный разговорный язык, противопоставленный — внутри общего понятия «русский литературный язык» — книжному (кодифицированному) литературному языку (Е.А. Земская. 1971. С. 69). Разговорная речь обладает разнообразными признаками — вариативностью, эллиптичностью, экспрессивностью, эмоционально-оценочной насыщенностью и др.

В стилистическом аспекте разговорная речь — это особый набор выразительных возможностей: экспрессии, лаконизма, эмоционально-оценочных наслоений и т.п.

Различают фонетические, грамматические и собственно лексические разговорные элементы языка: ***гре́нки*** — *гренки́*, ***навесно́й*** — *наве́сный*, ***волчиха*** — *волчица*, ***хлопотный*** — *хлопотливый*; ***свинья*** (о неопрятном человеке), ***тюлень*** (о неуклюжем, неповоротливом человеке), ***неотложка*** (неотложная скорая помощь), ***аскорбинка*** (аскорбиновая кислота), ***полуторка*** (грузовая автомашина, грузоподъемностью в 1,5 тонны) и др.

Характерной чертой Р.л. является ее экспрессивно-стилистическая сниженность (как следствие ее функционально-стилистической ограниченности). Как отмечают лингвисты, Р.л. внутренне неоднородна и «делится на два больших разряда: 1) на слова с устойчивой эмоционально-экспрессивной окраской и 2) слова с неустойчивой эмоционально-экспрессивной окраской. Многие слова последнего разряда: ***электричка, неотложка, трехтонка*** и др. — в значительной степени нейтрализовались и вытеснили свои книжно-литературные синонимы в довольно широких сферах общения» (Г.Ф. Кузьмина. 1980. С. 23).

Р.л. очень близка Просторечной лексике (см.). Лингвистами многократно высказывалось мнение, что «с точки зрения способа наименования тех или иных предметов, действий и пр., между разговорными и просторечными словами нет серьезных различий, что для принципиального разграничения соответствующих разрядов лексики нет достаточных оснований. Трудно найти обоснование для разграничения следующих пар слов (приводятся квалификации толкового словаря Ушакова):

проныра (разг.) — *пройдоха* (прост.)
долговязый (разг.) — *высоченный* (прост.)
гляделки (разг.) — *мигалки* (прост.)
брякнуться (разг.) — *бахнуться* (прост.)
забулдыга (разг.) — *пропойца* (прост.)»
(Г.Н. Скляревская. 1972. С. 35)

Р.л. легко вступает в синонимические отношения со стилистически нейтральными словами (отличаясь от последних большей семантической емкостью). Напр., синонимический ряд разговорно отмеченных слов к словам нейтральным **нелепость, глупость**: ***вздор, бессмыслица, ахинея, белиберда, бред$_2$*** (перен.), ***бредни*** (пренебр.), ***галиматья, дичь$_3$, дребедень, ересь$_3$, ерунда$_1$, идиотизм$_2$, нелепица, нескладица, околесица, тарабарщина, чепуха, чушь***. Есть и множество синонимических рядов, целиком состоящих из Р.л., не имеющих нейтральных коррелятов: ***выкрутасы, выверты, вычуры.***

В меньшей степени Р.л. свойственны антонимические отношения со стилистически нейтральной, стилистически однородной и стилистически более сниженной лексикой: *хвалить* — ***распекать***, *большой* — ***крохотный***, *порядок* — ***ералаш, бедлам.***

Основной массив Р.л. — это исконно русские слова, отличающиеся большими выразительными возможностями и семантической емкостью. Но встречаются и заимствованные слова: ***махина*** (из греч.), ***барыш, кавардак*** (из турецк.), ***канитель, дебошир, галиматья*** (из франц.), ***каналья, кляуза, заядлый*** (из польск.) и др.

Вследствие эмоциональности и экспрессивности Р.л. чрезвычайно широко распространена в публицистическом стиле. Как отмечают исследователи, «По многим своим чертам язык публицистики сближается с разговорным стилем <...> Разговорная лексика становится в газетных статьях закономерным стилистическим компонентом, при этом особенно частотны и разнообразны экспрессивные глаголы и имена со «снижено» — разговорным суффиксальным образованием» (И.Л. Резниченко. 1984. С. 84—85): *Большая пресса поспешила* ***отмахнуться*** *от этой характеристики* (Изв. 21 марта 1995 г.); *В Вашингтоне подобных выступлений давно ждали и ими воспользовались, чтобы еще раз* ***растрезвонить*** *на всю Америку, что,* ***мол****, в Гватемале с правами человека все благополучно* (Изв. 27 марта 1993 г.); *Но может ли читатель переводной книги выступать в роли контролера качества перевода? Может, конечно, если ему предлагают откровенную* ***безвкусицу*** *или явную* ***галиматью*** (ЛГ, 2 марта 1999 г.).

Активно используется Р.л. и в художественных текстах — как характерологическое средство при передаче речи персонажей, для интимизации повествования в авторской речи и др.

Р.л. неуместна в официально-деловом и научном стилях.

Лит.: **Бельчиков Ю.А.** «Литературно-просторечная лексика» и ее роль в обогащении русского литературного языка // Язык и речь как объекты комплексного филологического исследования. Калинин, 1980; **Бельчиков Ю.А.** Литературное просторечие и норма // Литературная норма в лексике и фразеологии. М., 1983; **Земская Е.А.** Русская разговорная речь // ВЯ. № 5. 1971; **Земская Е.А.** Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы изучения. М., 1987; **Земская Е.А., Ширяев Е.Н.** Русская разговорная речь: итоги и перспективы исследования // Русистика сегодня: Язык: система и ее функционирование. М., 1988; **Кузьмина Г.Ф.** Стилистические и семантические особенности разговорной лексики: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1980; **Лаптева О.А.** О некодифицированных сферах современного русского литературного языка // ВЯ. 1966. № 2; **Петрищева Е.Ф.** Стилистически окрашенная лексика русского языка. М., 1984; Разговорная речь в системе функциональных стилей современного русского литературного языка. Лексика. Саратов, 1983; Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 1996; **Резниченко И.Л.** Стилистический узус русского языка советской эпохи и его отражение в лексикографии. М., 1984;

Сиротинина О.Б. Русская разговорная речь. М., 1983; **Скляревская Г.Н.** О соотношении лексикографических понятий «разговорное» и «просторечное». Л., 1972; **Сорокин Ю.С**. Развитие словарного состава русского литературного языка. 30–90-е гг. XIX века. Л., 1965; **Филин Ф.П.** О структуре современного русского литературного языка // ВЯ. 1973. № 2.

О.Н. Емельянова

РАЗЛОЖЕНИЕ ИДИО́МЫ. См. Обновление, или Разложение фразеологизма.

РАСШИРЕНИЕ. То же, что Амплификация.

РЕАЛИЗАЦИЯ, или **БУКВАЛИЗАЦИЯ МЕТАФОРЫ** – стилистический прием**,** который состоит в том, что метафорическое выражение нарочито осмысляется и употребляется в прямом (буквальном, непереносном) значении. Напр.: 1) *Если нам* ***промывают мозги****, то куда девают грязную воду?* (Б. Зорькин // АиФ, № 21. 2002 г.); 2) *Как* ***держать язык за зубами*** *тем, у кого их нет?* (И. Денисенко // АиФ, № 29. 2002 г.); 3) *Если* ***женщина любит ушами****, то чем любит глухая женщина?* (А. Васильева //АиФ, № 17. 2001 г.).

Механизм приема Р.м. состоит в том, что в начальной части высказывания помещается собственно метафора, а контекст последующей части организован так, что придает данному метафорическому сочетанию слов буквальное (прямое) значение.

В литературе отмечено, что «когда метафорическое выражение (в особенности известная, бытовая метафора) берется в прямом смысле и в дальнейшем приобретает очертания реального, внеобразного предмета, – возникает новое осмысление этого выражения, имеющее порой юмористический и даже гротескный оттенок...» (Квятковский А.П., 1998. С. 183). Так на приеме Р.м. построен гротеск в стихотворении В. Маяковского «Прозаседавшиеся»:

4) *Взъяренный,*
на заседание
врываюсь лавиной,
дикие проклятья дорогой изрыгая, –
и вижу:
сидят людей половины.
О, дьявольщина!
Где же половина другая?
«Зарезали!
Убили!»
Мечусь, оря.
От страшной картины свихнулся разум.
И слышу
спокойнейший голосок секретаря:
«Они на двух заседаниях сразу.

В день
заседаний на двадцать
надо поспеть им.
Поневоле приходится разорваться!
До пояса здесь,
а остальное
там.

Как средство создания комического эффекта Р.м. используется как в стихах, так и в прозе. Например (см. также илл. 1 — 4):

5) ***На уроке пения***
Учитель пения сказал довольно сухо:
«Должно быть, ***Мишка наступил тебе на ухо!****»*
Мне это слышать было очень тяжко,
Ведь ***наступил на самом деле Сашка***
(В. Лейкин);

6) *Семиклассница Лена П. из Масловска спрашивает: «С какого возраста можно начинать* ***гулять с мальчиком****?» На этот вопрос мы попросили ответить кандидата педагогических наук И. Сыркова. «****С мальчиком можно гулять с любого возраста****, — сказал он. —* ***Только зимой надо укутывать его потеплее****»*. (пример Э.М. Береговской).

В том случае, если в тексте присутствует только та часть приема Р.м., которая содержит его, так сказать, «буквализирующую» часть, возникает эффект комической двусмысленности (см. Амфиболия$_1$). Напр.:

7) *Советские войска вошли в Чехословакию — дружба не знает границ* (шутка).

Лит.: **Береговская Э.М., Верже Ж.-М.** Занятная риторика = Rhetorique amusante. М., 2000; **Жирмунский В.М.** Введение в литературоведение: Курс лекций. СПб., 1996; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000.

А.П. Сковородников

РЕДИ́Ф (от арабск., букв. — сидящий позади всадника) — вариант лексической Эпифоры (см.) в поэзии восточных народов (узбекской, уйгурской, туркменской, азербайджанской, турецкой); слово (простой Р.) или группа слов (развернутый Р.), повторяющиеся в неизменной форме в конце строки:

Слезы жгучие лью: стал я братом печали ***сегодня****.*
Слишком злые обиды меня повстречали ***сегодня****.*
(Махтумкули)

Словно солнце, горит, не сгорая, ***любовь****.*
Словно птица небесного рая — ***любовь****.*
Но еще не любовь — соловьиные стоны.
Не стонать, от любви умирая, — ***любовь!***
(Омар Хайям)

Бывают случаи, когда Р. стоит перед рифмой, а иногда и перед началом строки. В классическом варианте исчезновение Р. или замена его другим, хотя бы и рифмующимся слогом, недопустимы. В современной поэзии применение Р. более или менее свободно.

Лит.: **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Советский энциклопедический словарь. М., 1986; Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1968.

О.Н. Емельянова

РЕДУПЛИКА́ЦИЯ (от позднелат. reduplicatio — удвоение). — I. Способ образования слов, фразеологических единиц путем полного или частичного повторения корня, основы или всего слова (*еле-еле, рука об руку, мало-помалу* и др.).

Сложные прилагательные, образованные путем Р., имеют значение интенсификации (усиления) признака. Напр.:

Бабка на них из окна смотрит. ***Старая-старая. Бледная-бледная*** (Б. Рахманин) (= «очень старая», «очень бледная»).

Усилительное значение имеют также наречия:

Римма ответила не сразу. По привычке в раздумье ***чуть-чуть*** *покусала ноготь мизинца* (В. Петров).

Сложные глаголы могут обозначать непрерывность процесса, его интенсивность, а также действие, ограниченное во времени:

И вот он как был, в тришках и майке, только тапки надел, перебежал ту дорогу, купил хлеба, потом ***подумал-подумал*** *и решил еще водки взять — все равно потом бы пришлось «догоняться»* (СГ, 12 сент. 2001 г.).

«Можно думать, что применение редупликации — столь яркого символического способа образования слов (или их форм?) — должно иметь в русском языке, языке с богатой системой средств слово- и формообразования, особую прагматическую значимость, а словообразовательные значения, выражаемые редуплицированными словами, должны, по-видимому, обладать неким особым статусом, особой иллокутивной силой» (Крючкова О.Ю., 2000. С. 7).

II. Стилистическая фигура, заключающаяся в двухкратном контактном повторении слова, словосочетания или предложения. Напр.:

1) *Но когда приходила весна и старик, оживая, распускал коричневые соски клейких почек, первым встречал южную теплинку, и корни его, проникшие в глубь земли, несли в мощный ствол живительные соки, — он как-то сразу весь наряжался в пахучую зелень. И —* ***шумел, шумел****!* (А. Черкасов, П. Москвитина).

2) ***Торосы. Торосы****. Снег. Сугробы. Снова торосы. Дороги нет* (В. Астафьев).

3) *...Отметим, что бедные машинистки, на головы которых была обрушена речь Андрея, своим намеком на Соню пытались дать понять Андрею, что* ***существует, существует*** *что-то еще другое...* (Л. Петрушевская).

Р. выполняет изобразительную (длительность действия — илл. 1; множественность явления — илл. 2), а также эмоционально-выделительную (подчеркивание уверенности автора — илл. 3) функции. Может использоваться в характерологической функции, т.е. с целью речевой характеристики персонажа:

4) — ***Ребята! Ребята****! — Шухов теребит. — Вы бы мне шлакоблоки на* ***стенку! На стенку*** *подымали!* (А. Солженицын).

Нередко Р. используется для передачи и усиления эмоционального состояния, напр., чувства волнения, беспокойства персонажа, которое передается через его внутреннюю речь (илл. 5 и 6), или возмущения, негодования (илл. 7).

5) *Враждебное слово это — «офицер», давно исчезнувшее из русской речи, даже мысленно произнесенное, укололо Зотова, как штык.*

*(****Ах, спростовал! Ах, спростовал!*** *Так, спокойствие. Так, бдительность.* ***Что теперь делать? Что теперь делать?****)* (А. Солженицын).

6) *Умело и делово, он быстро проходил глазами по заголовкам, по материалам сессии и* ***вдруг, вдруг... Как? Как?..*** (А. Солженицын).

7) *Многие еще не спали. И крики о помощи слышали. Но* ***никто (никто!)*** *не вышел* (Хак. 20 марта 1997 г.).

Р. может вступать во взаимодействие с другими стилистическими фигурами. Так, в приведенном ниже примере Р. усиливает антитезу (противопоставление всемогущества природы и ничтожности человека перед ней).

8) *А* ***мы — мы*** *на Венеру скоро полетим. Мы теперь, если все дружно возьмемся — за двадцать минут целый мир перепашем.*

Но ***никогда! — никогда****, со всем нашим атомным могуществом мы не составим в колбе, и даже если перья и косточки нам дать — не смонтируем вот этого невесомого жалкенького желтенького утенка...* (А. Солженицын).

Р. может взаимодействовать также с парцелляцией (илл. 1), цепочкой номинативных предложений (илл. 2), апозиопезой (илл. 6) и другими стилистическими фигурами.

Некоторые исследователи Р. и повтор рассматривают как синонимические понятия (см., напр.: Ахманова О.С., 1966. С. 327; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976. С. 363), что, вероятно, является нецелесообразным, поскольку есть необходимость обозначить двойной повтор специальным термином «редупликация»: тем самым устраняется дублирование понятий.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Виноградов В.А.** Редупликация // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Крючкова О.Ю.** Редупликация как явление русского словообразования. Саратов, 2000; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Г.А. Копнина

РЕМИНИСЦЕ́НЦИЯ (от позднелат. remeniscentia — воспоминание) — Стилистический прием (см.), состоящий во включении в речь (текст) хорошо узнаваемого фрагмента чужого (прецедентного) текста, иногда несколько трансформированного, без упоминания его названия и автора для усиления экспрессивности выражаемой мысли или создания какого-либо другого стилистического эффекта. Напр.: 1) *Да, главный провал советского строя состоит в том, что он воспитал избалованного человека массы («самодовольного жлоба»),* ***который подрыл у дуба корни, не подумав, что желуди растут на этом дубе*** (Зав. № 28. 2000 г.). — Ассоциация с текстом басни И.А. Крылова «Свинья под дубом» использована здесь для образного усиления аргументации.

2) ***Ночь. Улица. Фонарь. Листовка.*** (КП, 28 авг. 1991 г.). — Немного видоизмененная начальная строка стихотворения А.А. Блока (*Ночь, улица, фонарь, аптека...*) способствует броскости, рекламности газетного заголовка.

3) ***Рожденные ползать могут довольно быстро продвигаться*** (ЛГ, 28 янв. 1987 г.). — В этом шутливом афоризме Р. устанавливает ассоциацию со ставшими крылатыми словами из «Песни о соколе» М. Горького («*Рожденный ползать — летать не может*!») и по контрасту с высокой тональностью этого произведения создает юмористический эффект.

4) *«...В беседах о героике, о таком тяжком положении нашем всеобщем, все-таки мы не должны забывать, что* ***мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв*** (Зав. № 5. 2000 г.). — Р. двух последних строк стихотворения А.С. Пушкина «Поэт и толпа» способствует созданию высокой тональности.

Р. широко используется в художественных и публицистических текстах. Причем и в том, и в другом случае Р. может быть стилистической доминантой всего текста. Так, например, стихотворение Максимилиана Волошина «Гроза» пронизано Р. из «Слова о полку Игореве», а элегическая тональность стихотворения И. Северянина «Классические розы» акцентирована троекратным повтором строки из одноименного стихотворения И.П. Мятлева «Как хороши, как свежи были розы»:

5) *В те времена, когда роились грезы*
В сердцах людей, прозрачны и ясны,
Как хороши, как свежи были розы
Моей любви, и славы, и весны!

Прошли лета, и всюду льются слезы...
Нет ни страны, ни тех, кто жил в стране...
Как хороши, как свежи ныне розы
Воспоминаний о минувшем дне!

Но дни идут — уже стихают грозы.
Вернуться в дом Россия ищет троп...
Как хороши, как свежи будут розы,
Моей страной мне брошенные в гроб!

6) На Р. держится, начиная с заголовка, ироническая тональность газетной статьи И. Мартынова «***Да, мне нравились девушки в белом. А теперь мне любить голубых?***» (текст приводится в сокращении): *«****Помните, каким он парнем был****?! В стоптанных сандалетах на босу ногу смолил корявый бычок в скверике у большого театра»* (начало текста. — *А.С.*). И далее: «*В шелковых кашне, в пьеркарденовских пиджаках,* ***дыша духами и туманами****, они — завсегдатаи элитарных клубов, в которые попасть не проще, чем в масонскую ложу <...>. Давеча (в конце августа) состоялась в Москве конференция геев и лесбиянок, учредился* ***Союз нерушимый*** *<...>* ***День победы приближали, как могли****. Вспомним* их *поименно <...>. Все было — в генах, в памяти,* ***в преданьях старины глубокой.*** *Как бы заново припали к цивилизации...»* (КП, 4 сент. 1993 г.).

Диапазон экспрессивных тональностей, создаваемых в тексте с участием Р., весьма широк: от разных проявлений комического (см. илл. 1, 3, 6) до высокой патетики (см. илл. 4, 5).

Р. следует отличать от Аллюзии (см.). Если аллюзия **намекает** на какой-либо **факт** (событие, обстоятельство, лицо и т.д.), то Р. **отсылает** к какому-либо **тексту**.

Эти отсылки делаются посредством воспроизведения самых разных компонентов реминисцируемого текста (иногда с некоторыми его изменениями): заглавия (илл. 7), известной («крылатой») фразы (илл. 8), характерного стилистического приема (илл. 9), стихотворного размера (илл. 10).

7) *Осень магната* (АиФ на Енисее. № 41. 2000 г.). Ср. с заглавием романа Маркеса «Осень патриарха»; 8) *Социализм — это советская власть плюс электрификация всей колючей проволки* (ТД, № 26. 2001г.). Ср. с крылатой ленинской фразой «*Социализм — это советская власть плюс электрификация всей страны*»; 9) *...Демократия с животом Черномырдина, штиблетами Чубайса, усами Кисилева, париком Кобзона и медленной, как застывающий бетон, речью Ельцина* (Зав. № 31. 1998). Ср. с рассуждением Агафьи Тихоновны — персонажа «Женитьбы» Н.В. Гоголя: *«Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому еще дородности Ивана Павловича — я бы тогда тотчас же решилась»;*

10) *Густая крапива*
Шумит под окном,
Зеленая ива
Повисла шатром
(А. Фет)

Ср.: *Зеленая пена*
Кипит под винтом
И мы по заливу
Неспешно плывем.
(В. Саянов)

Пример реминисценции на уровне строфики — «Онегинская строфа» в «Тамбовской казначейше» Лермонтова, где прямо сказано: «*Пишу Онегина размером*».

Реминисценцией может стать и самый малый элемент текста. Слово «зегзица» (кукушка) из «Слова о полку Игореве», появляясь в произведениях XIX—XX вв, обязательно вызывает ассоциации со «Словом» (Энциклопедический словарь юного литературоведа. С. 257). Последний пример, как и некоторые другие, показывает, что в Р. может осуществляться своеобразная литературная и языковая «перекличка эпох», например, «стихотворение И. Бродского «На смерть Жукова», взятое в целом, является Р. на стихотворение Г. Державина «Снегирь», написанное на смерть Суворова, что подчеркнуто у Бродского последними строками:

Бей, барабан, и, военная флейта,
Громко свисти на манер снегиря.
(Квятковский А.П., 1998. С. 281)

Р. являются не только «перекличкой» разных исторических эпох, но и разных стилистических типов текста. Так, например, встречаются случаи реминисцирования поэтических текстов в современной газетной публицистике: 11) *Как всегда в случаях крайнего недоумения, я обратился за помощью к своему кающемуся лирико-публицистическому герою, великому импровизатору, в прошлом яркой звезде постмодерна Александру Дмитриевичу Сдвигову <...>, а ныне просто хорошему поэту,* ***с отвращением читающему жизнь свою*** *постмодернячью, — Александру Бригову* (Зав. № 25. 1997 г.). Ср.:

*И, **с отвращением читая жизнь мою**,*
Я трепещу и проклинаю,
И горько жалуюсь, и горько слезы лью,
Но срок печальных не смываю.
(А. С. Пушкин)

Р. образа кающегося поэта и соответствующих строк стихотворения «Воспоминание» понадобилась автору газетного текста для характеристики (по аналогии) героя своей публикации; 12) ***«Туда» не зарастет народная тропа.*** *Еще раз об «утечке» мозгов из СССР* (КП., 10 янв. 1991 г., заголовок и подзаголовок заметки об эмиграции из СССР). Ср.:

Я памятник себе воздвиг нерукотворный,
К нему не зарастет народная тропа *<...>*

Реминисцированная строчка стихотворения А.С. Пушкина под влиянием контекста и лексической замены первого слова приобретает ироническое звучание; 13) ***Внимая ужасам войны****... Наш корреспондент передает из Южной Осетии.* (КП, 2 марта 1991 г.) Выделенный газетный заголовок, реминисцируя первую строку одноименного стихотворения Н.А. Некрасова, благодаря ассоциации с его содержанием, усиливает свою трагическую тональность.

14) *Кто «**хотел бы жить и умереть в Париже**», кто покорить его, кто просто побывать* (НГ, 3—6 февр. 2000 г.). Ср.:

Я хотел бы
жить
и умереть в Париже,
Если б не было
такой земли —
Москва.
(В. Маяковский)

Р. строки стихотворения Маяковского «Прощанье» в контексте приведенного газетного отрывка участвует в создании смысловой градации — Антиклимакса (см.).

Реминисцироваться могут не только собственно литературные тексты, но и известные тексты другого рода, например, названия кинофильмов, реплики их героев и т.п.:

15) *Почему «непроходной» Говорухин хотел стать президентом? <...> Ради дурацкой режиссерской игры, чтобы красоваться, вызывать улыбки дам, покупать новые галстуки. А потом, быть может, поставить печальный фильм о себе: «**Президент, которого мы потеряли**»* (Зав. № 5. 2000 г.). Ср. с названием фильма С. Говорухина *«Россия, которую мы потеряли»*; 16) [О художественной самодеятельности студентов] ***«А не пора ли нам, товарищи, замахнуться на Вильяма, нашего, Шекспира?»*** *— подумали физики и разрешились от бремени постановкой «Гамлета»* (УЖ, 10 ноября 2000 г.). — Реминисценция реплики одного из героев фильма «Берегись автомобиля»).

Надо иметь в виду, что Р. рассчитаны на хорошую память и широкий культурно-ассоциативный фон адресата. Поэтому слишком обильное употребление в тексте Р. (как и аллюзий) может создать затруднения в его адекватном восприятии.

Лит.: **Морозов А.** Реминисценция // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Еремина Л.И.** О языке худо-

жественной прозы Н.В. Гоголя: (Искусство повествования). М., 1987; **Джанджакова Е.В.** Литературные цитаты в рассказе А.П. Чехова «Ведьма» // Язык как творчество. К 70-летию В.П. Григорьева. М., 1996; **Ильичев А.В.** Диптих Ахматовой «Городу Пушкина»: поэтика реминисценций // А.С. Пушкин: эпоха, культура, творчество. Традиции и современность. Ч. 1. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999; **Пекарская И.В.** Аллюзия и реминисценция: сходство и различие (к проблеме системного структурно-функционального описания) // Вестник Хакасского гос. ун-та им. Н.Ф. Катанова. Вып. 3. Серия: Языкознание. Абакан, 2002; **Сковородников А.П.** Об аллюзии и смежных с нею явлениях (на материале газетно-публицистических и художественных текстов) // Язык средств массовой информации как объект междисциплинарного исследования: Тез. докл. Междунар. науч. конференции. Москва, филол. фак-т МГУ им. М.В. Ломоносова, 25-27 окт. 2001 года. М., 2001; Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И. Новиков, Е.А. Шиловский. М., 1998.

А.П. Сковородников

РЕПРИ́ЗА. То же, что Повтор.

РЕТАРДА́ЦИЯ (лат. retardatio — замедление) — Стилистический прием (см.), заключающийся в намеренном создании и поддержании напряженности в тексте и оттягивании кульминационного момента и, соответственно, развязки.

Иногда под Р. понимается «прием замедления прямого фабульного повествования в литературном произведении путем введения описаний природы, обращений к прошлому героя, философских рассуждений, лирических отступлений и т.п.» (Квятковский А.П., 1966. С. 241).

Сущность Р. «заключается в особой композиции простых и сложноподчиненных предложений. Эта композиция построена на психологическом механизме намеренно созданной напряженности в развертывании изложения, посредством внесения задержки и оттягивания завершающего содержание конца» (Прангишвили Н.Н., 1982. С. 8).

При построении ретардационной структуры часто используются градационные союзы типа «*не только, но и*», «*не столько, сколько*» и т.п., а также конструкции типа «*дальше — больше*», «*более того...*», «*вдобавок ко всему...*», «*но и это еще не все*» и т.д. Если данный прием реализуется на уровне предложения, абзаца или сложного синтаксического целого, то возможно его совмещение с фигурой Климакса (см.), поскольку в Р. компоненты располагаются в порядке возрастания их семантической и/или эмоциональной значимости. Однако чаще всего Р. реализуется на уровне всего текста и служит его архитектонической основой, средством когезии (связанности).

Прием Р. помимо художественных текстов может быть использован в публичных выступлениях, например, в судебных речах адвокатов.

Лит.: **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Прангишвили Н.Н.** Психолингвистическая природа стилистического приема ретардации: Дис. ... канд. филол. наук. Тбилиси, 1982.

А.В. Щербаков

РИТОРИЧЕСКАЯ ФИГУ́РА – понятие, используемое в лингвистике в широком и узком смыслах. В широком смысле Р.ф. – то же, что Стилистическая фигура (см.). Такое понимание представлено, напр., в публикациях: Ахманова О.С., 1966. С. 492; Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С.141; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976. С. 506; Скребнев Ю.М., 1994. С. 590. В узком же смысле Р.ф называют Риторический вопрос (см.), Риторическое восклицание (см.) и Риторическое обращение (см.), то есть такие Стилистические приемы (см.), в названии которых закрепился термин «риторический» (см., например, Василькова Н.Н., 1990. С. 5). И широкое, и узкое понимание Р.ф отражено в словаре А.П. Квятковского (Квятковский А.П., 1998. С. 288–289).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Василькова Н.Н.** Типология стилистических фигур в риториках и курсах словесности II пол. XVIII – нач. XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Скребнев Ю.М.** Фигуры речи // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

Г.А. Копнина

РИТОРИЧЕСКИЙ ВОПРОС, или **ЭРОТЕ́МА** – Стилистический прием (см.), представляющий собой вопросительное по форме предложение, имеющее значение эмоционально усиленного утверждения или отрицания; это положительное или отрицательное суждение, облеченное в форму вопросительного предложения. Такая асимметрия формы и содержания является механизмом, обеспечивающим экспрессивность этого приема. Некоторые авторы не без основания относят Р.в. к грамматическим тропам, поскольку вопросительное предложение употребляется не в собственном своем (прямом) значении. Р.в. не предполагает ответа, а его вопросительная структура и специфическая интонация используются для того, чтобы привлечь внимание, сделать более убедительной выражаемую мысль, повысить эмоциональное воздействие на слушателя/читателя. Р.в. синонимичен повествовательному предложению: *Разве весело слышать дурное мнение о себе?* (Н. Гоголь) Ср.: Не весело слышать дурное мнение о себе.

В современной риторике Р.в. характеризуется как «эффективная фигура диалогизации монологической речи, служащая для смыслового и эмоционального выделения ее смысловых центров, для формирования эмоционально-оценочного отношения адресата к предмету речи, а также для представления адресату особенно важных в смысловом отношении этапов рассуждения (доказательства)» (Михальская А.К., 1996. С. 240–241). Эта характеристика Р.в. объясняет его широкое использование в публичной монологической речи. Напр.: 1) *Пусть она* [Татьяна Ларина. – *А.С.*] *вышла за него с отчаянья, но теперь он ее муж, измена ее покроет его позором, стыдом и убьет его.* ***А разве может человек основать свое счастье на несчастье другого?*** (Ф. Достоевский); 2) *Тургенев был и по своему духу коренной русский человек.* ***Разве с безукоризненным совер-***

шенством, доступным кроме него, может быть, одному только Пушкину, он не владел гением русского языка? (Д. Мережковский); 3) *<...> Но нет на земле народа, который хотел бы войны. Есть силы, которые бросают целые народы в огонь.* ***Может ли не стучать пепел ее в сердце писателя, пепел необозримых пожарищ второй мировой войны? Может ли честный писатель не выступать против тех, кто хотел бы обречь человечество на самоуничтожение?*** (М. Шолохов); 4) ***Неужели к тяжкому приговору, постигшему Боголюбова, можно было прибавлять еще более тяжкое презрение к человеческой личности, забвение в нем всего прошлого, всего, что дали ему воспитание и развитие? Неужели нужно было еще наложить несмываемый позор на эту, положим, преступную, но, во всяком случае, не презренную личность?*** (П. Александров).

Особенностью Р.в. является то, что предложения, не имеющие в своем составе отрицательной частицы «не», воспринимаются как отрицательные, и, наоборот, предложения, имеющие в своем составе частицу «не», осознаются как утвердительные (см. примеры).

Семантическая и функциональная специфика Р.в. обусловливает их высокую частотность не только в ораторской речи, но и в других функциональных стилях, прежде всего в речи художественной (см. илл. 5, 6, 7, 8, 9, 10), публицистической (см. илл. 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20), научной, особенно в текстах полемического содержания (см. илл. 21, 22). Напр.: 5*)* ***И какой же русский не любит быстрой езды? Его ли душе, стремящейся закружиться, загуляться, сказать иногда: «Черт побери все!» — его ли душе не любить ее?*** (Н. Гоголь); 6) *Есть, брат, женские души, которые вечно томятся какой-то печальной жаждой любви и которые от этого от самого никогда и никого не любят. Есть такие —* ***и как судить их за всю их бессердечность, лживость, мечты о сцене, о собственном автомобиле, о пикниках и яхтах, о каком-нибудь спортсмене, раздирающем свои сальные от фиксатуара волосы на прямой ряд? Кто их разгадает?*** (И. Бунин); 7) *О, моя бессчастная родина, твоя беда, твое разорение, твоя гибель — Божье посещение. <...>* ***И мне ли оставить тебя,*** *— я русский, сын русского, я из самых недр твоих.* ***<...> Как же мне покинуть тебя?*** (А. Ремизов);

8) *«Любовница» — дивное русское слово,*
И как бы ты смел на него напасть,
Когда оно — жизни твоей основа
И в нем сочетались любовь и страсть?!
(И. Северянин)

9) *И скучно, и грустно, и некому руку подать*
В минуту душевной невзгоды...
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!
(М. Лермонтов)

10) *Египту речь моя звучала как закон,*
Элам читал судьбу в моем едином взоре,
Я на костях врагов воздвиг мой мощный трон.
Владыки и вожди, вам говорю я: горе!
Кто превзойдет меня? Кто будет равен мне?
(В. Брюсов)

На данных примерах легко заметить, что в художественных произведениях, будь то проза или поэзия, Р.в. появляются в контекстах, выражающих сильные эмоциональные движения и/или оценки, что непосредственно связано с лексическим наполнением конструкций Р.в. В зависимости от лексического наполнения Р.в. усиливают разнообразные эмоциональные тональности: удивления, радости, негодования, сомнения, порицания и т.д.

Не так часто функция непосредственного выражения эмоции и/или оценки присуща Р.в. в публицистике (художественной и, тем более, газетной). Напр.: 11) ***Но как можно уйти и самоустраниться (а впереди еще — полжизни), когда надо спасать отечество, когда людям надо открывать глаза на правду, когда надо реанимировать души людей и размораживать их мозги?*** (В. Солоухин); 12) *Сейчас бы самое время не разжигать в массах низменные страсти, а посильно разъяснять этим самым 40 процентам обманутых гибельность для страны избранного заговорщиками пути.* ***Только до этого ли, когда появилась сладостная возможность безнаказанно побесчинствовать...*** (В. Максимов); 13) *Я помню, третьеклассниками возле школы мы сажали аллею лип. <...> Недавно бродил я по тому переулку и увидел: все деревья вырублены.* ***Кому они мешали, липы моего детства!*** (СК, 14 авг. 1987 г.); 14) *Нам понятно, что работники НТВ во главе с Киселевым, раболепствуя, отрабатывают большие деньги, которые выплачиваются Гусинским.* ***Но кто дал право им подрывать авторитет нашего Отечества, лгать и поливать помоями наше государство?*** (Зав., № 26. 2000 г.).

Чаще в публицистике, особенно газетной, Р.в. используются для эмоционального оформления аргумента (илл. 14, 15, 16), вывода (илл. 17, 18, 19), иногда даже тезиса (илл. 20) в доказательстве. Напр.: 14) *Военные, купцы, заводчики твердой рукой направляли своих детей, не спрашивая желания, по избранной старшими стезе. Было в этом немало положительного,* ***потому кто же лучше расскажет продолжателю дела о всех тонкостях, как не отец родной?*** (ЛГ, 15 авг. 1984 г.); 15) *Нет ничего опаснее полузнаний. Это в равной мере относится к науке, к технике, к культуре.* ***Как можно судить о творчестве Льва Николаевича Толстого, посмотрев фильм, но не прочитав «Войны и мира»?*** (СК, 31 авг. 1985 г.); 16) *Как известно, первым (из широкоизвестных) политическим русским эмигрантом был князь Курбский. В своей переписке с Иваном Грозным, объясняя мотивы своего эмигрирования, князь обвиняет царя в том, что он «затворил русскую землю, сиречь свободное естество человеческое, аки в адовой твердыне».* ***Так можем ли мы обвинять русскую эмиграцию первых лет революции, когда произошло такое «затворение свободного естества человеческого», какое Курбскому и не снилось?*** (В. Солоухин); 17) *Судебное преследование за клевету, как известно, дает плохую защиту, и процесс по поводу клеветы служит почти всегда средством не к обличению обидчика, но к новым оскорблениям обиженного; а притом журналист имеет всегда тысячу средств уязвлять и тревожить частное лицо, не давая ему прямых поводов к возбуждению судебного преследования.* ***Итак, можно ли представить себе деспотизм более насильственный, более безответственный, чем деспотизм печатного слова?*** (К. Победоносцев); 18) *На предприятиях военно-промышленного комплекса США работают сейчас свыше 6 миллионов человек. В 1988 году на каждые 100 долларов инвестиций в гражданские отрасли американской экономики будет приходиться 87 долларов капиталовложений в военный сектор <...>. За последние три с небольшим десятилетия ВПК «вобрал» в себя от трети до половины всех ученых страны.* ***Не***

формирует ли он внешнюю политику Соединенных Штатов вместо того, чтобы служить ее интересам. (КП, 28 окт., 1086 г.); 19) *Россия объявила себя правопреемницей СССР и гарантом выплаты его долгов. Конфликт в Приднестровье, которое было «прирезано» к Молдове решением союзного руководства, — тоже невыплаченный долг СССР.* ***И кто, как не российские власти, обязан выступить решительным гарантом соблюдения прав человека на левом берегу Днестра?*** (Собеседник, № 30. 1992 г.); 20) ***Какой мерой измерить вклад Новгорода в приумножение славы городов русских?*** *Храбрость его защитников изведали на себе захватчики, приходившие завоевать русскую землю с севера и запада.* (Изв., 27 марта 1985 г.).

Аргументативная функция Р.в. последовательно реализуется в научно-публицистических и научно-полемических текстах: 21) *Нельзя, унизив, растоптав душу, сделаться идеологом этой души.* ***Разве растлитель, на этом растлении построивший свою систему, может стать стражем целомудрия своих жертв?*** (Н. Авксентьев); 22) ***Если отвлечься от частностей и сосредоточиться на основном — не есть ли судьба русской революции судьба прежде всего, всякой революции вообще? Не то же ли самое случилось и во французскую революцию, где во имя торжества разума творилось дикое безумие, где во имя свободы, равенства и братства воцарился чудовищный деспотизм, всеобщий раздор и панический ужас, бессмысленное истребление людей и разрушение хозяйственной жизни, разнуздались садические инстинкты мести, ненависти и жестокости? Не то же ли самое творилось и в английскую революцию, где строгие добродетельные пуритане с именем Бога на устах после ежедневной утренней молитвы беспощадно истребляли мирных инакомыслящих людей, в которых они видели «безбожных амалекитян и филистимлян», и на радость сатаны мечом и разрушением пытались насаждать в личной и общественной жизни чистое пуританское благочестие?*** (С. Франк).

Конструкции Р.в. обладают разной степенью зависимости от макроконтекста (в основном — предшествующего). В некоторых случаях это полная зависимость: такие вопросительные предложения получают статус приема с соответствующей семантикой и функцией только под влиянием контекста, в который они «погружены» (см. например, илл. 5, 10, 13, 15, 18, 20). В других случаях, кроме широкого контекста, играет значительную роль микроконтекст — лексическое наполнение самого вопросительного предложения: характерные для Р.в. вопросительные частицы (разве, неужели, ужель, ли и др.), вопросительные местоимения и местоименно-наречные слова (как, какой, где, когда, что, зачем и др.), особые зачины и другие конструктивные элементы предложения (может ли не ... + инфинитив; существительное или местоимение в дат. падеже + ли + не + инфинитив; что пользы + инфинитив; но как можно + инфинитив..., когда...; но кто дал право + инфинитив; кто же..., как не и др.), эмоционально-оценочная лексика и фразеология; тропы и фигуры, включаемые в контекст риторического вопросительного предложения (повторы, инверсии, риторические обращения, именительный темы, синтаксическая антиципация и др.) (см. вышеприведенные иллюстрации). Интонация играет важнейшую роль в образовании Р.в., являясь в определенных случаях, в сочетании с контекстом, единственным отличием Р.в. от собственно вопросительных предложений.

Объединение Р.в. с другими выразительными средствами дает повышенный эмоциональный эффект, как и часто используемый повтор самих риторичес-

ких вопросов (см. илл. 3, 4, 5, 6, 7, 10, 22). Особенно эффектен и эффективен «каскад» повторяющихся Р.в., совмещенных с риторическим восклицанием и обрамленных другими стилистическими фигурами. Напр.: 23) *Уходили в эмиграцию русские люди, потому что не было другого способа сохранить себе жизнь, но, как это ни покажется странным, не только поэтому. Надругательство над русской душой (над миллионами русских душ) шло разными путями. Скажем, Дворцовая площадь в Петербурге — Дворцовая! — переименовывается в площадь имени Урицкого. Царское село вблизи Петербурга, где Пушкин учился в лицее, называется именем Урицкого.* ***Как же тут не бежать от подобной бесовщины?!*** *Невский проспект (есть повесть у Гоголя) становится имени 25-го Октября.* ***Ну как тут не бежать?*** *И пошло, и пошло, и пошло. Имени Володарского, имени Розы Люксембург, имени Воровского, имени Ленина... Все небольшие фабрики с текстильным уклоном стали имени Володарского, в обиходе — «володарки». А то еще имени Лакина, а то еще имени Ногина, имени Баумана.* ***Да как же тут не бежать!*** *Школа ваяния превращается во ВХУТЕМАС.* ***Как же тут не бежать?*** (В. Солоухин).

Как средство экспрессивного самовыражения и/или воздействия Р.в. употребляются в разговорной речи: 24) — ***Евпатория — это разве имя?*** *Это — город такой, — пробасила старуха* (С. Сергеев-Ценский); 25) *И теперь все болит-то.* ***А куда денешься?*** *Из больницы не вылазишь <...>; Сейчас два рубля-то! Ну на них ничего не купишь****!*** *Ну хлеб только, а* ***что еще возьмешь****?* (пример Т.И. Стексовой).

В письменной речи после Р.в. ставится вопросительный знак, восклицательный знак, иногда сочетание обоих этих знаков. В текстах газетно-публицистических встречаются случаи постановки после Р.в. точки (см. илл. 18). От Р.в. следует отличать Делиберативные вопросы (см.) и Медитативные вопросы (см.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Баскакова Л.В., Чмыхова Н.М.** Риторический вопрос в поэтике Чехова // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы краевой научно-практич. конференции 1—3 февр. 1989 г. Красноярск, 1988; **Безруких Л.Ф.** Риторический вопрос как экспрессивное средство // Там же; **Голубева-Монаткина Н.И.** О так называемом риторическом вопросе // Там же; **Стексова Т.И.** Вопросительные конструкции как экспрессивный способ выражения субъективной модальности в диалектной речи // Там же; **Валимова Г.В.** Риторический вопрос // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; **Калинина А.А.** Риторический вопрос среди различных типов предложений // РЯШ. № 4. 1986; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Кузнец М.Д., Скребнев Ю.М.** Стилистика английского языка: Пособие для студентов педагогич. ин-тов. Л., 1960; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Падохина О.А.** О некоторых особенностях функционирования риторических вопросов в научном стиле // Семантические аспекты языка. Л., 1981; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; Русская грамматика. Т. 2. М., 1980; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Хайкова И.А.** Отрицание в риторическом вопросе // Контрастивная лингвистика. Калинин, 1983; **Шердакова Л.Н.** Риторический вопрос в языке произведений В.И. Ленина // РЯШ. № 2. 1972; **Она же.** О структурно-семантической квалификации риторического вопроса // Актуальные проблемы описания и преподавания русского языка как иностранного. М., 1989.

А.П. Сковородников

РИТОРИ́ЧЕСКИЙ ПРИЕ́М – понятие, которое наряду с понятием Стилистический прием (см.) используется как в собственно научной, так и в научно-популярной литературе, однако не имеет общепринятого определения. В специализированных словарях и справочниках, как правило, даются определения терминов *прием* (см., напр.: Новиков В.И., Шкловский Е.А., 1998. С. 228; Тимофеев Л.И., Тураев С.В., 1974. С. 294), *стилистический прием* (см., напр.: Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 131–132), *прием литературный* (см., напр.: Песков А.М., 1987. С. 304–305), термин же «Р.п.» обычно не разъясняется.

Между тем, если понимать риторику широко – как науку (и искусство) об условиях, закономерностях и правилах эффективного речевого воздействия и взаимодействия, то, с точки зрения системного подхода к определению понятий и терминов элокуции, представляется целесообразным считать понятие Р.п. наиболее общим (родовым) по отношению к таким понятиям и терминам, как *стилистический прием, стилистическая фигура*, *троп*.

При определении понятия Р.п. может быть использована идея преднамеренного и мотивированного отклонения от нормы, которую мы находим еще у Квинтилиана: «...фигура в точном смысле слова определяется как сознательное отклонение в мысли или выражении от обычной и простой формы» (Античные теории..., 1996. С. 276). Эта идея получила также отражение в работах некоторых современных исследователей (см., напр.: Общая риторика, 1986. С. 42, 48–51; Мурзин Л.Н., 1989. С. 5–13; Сковородников А.П., Копнина Г.А., 2002. С. 75–80).

«Концепт нормы применим практически ко всем сферам жизни – явлениям природы, естественным родам, выведенным культурам, артефактам, организмам и механизмам, погоде, социальным явлениям, поведению людей и их действиям (деонтические нормы), экономике, искусству, науке, языку и мышлению, профессиональным действиям, играм, спорту и т.п.» (Арутюнова Н.Д., 1999. С.75). Норма в этом случае определяется как «понятие, обозначающее границы, в которых вещи, явления, природные и общественные системы, виды человеческой деятельности и общения сохраняют свои качества, функции, формы воспроизводства» (Кемеров В.Е., 1998. С. 579). Причем отклонения от этих норм так или иначе фиксируются в речи, но не обязательно являются нарушением собственно языковых норм, поскольку «отношения «нормативный язык/ненормативное содержание» возможны при передаче различных абсурдов, бессмыслиц, нарушающих нормы психического абсолюта: при передаче ситуаций в фантастике и волшебных сказках и т.д., т.е. при нарушении социальных (статусных, ролевых, поведенческих, моральных, этических, религиозных и т.д.) норм» (Болотов В.И., 1985. С. 41).

В рамках такого понимания нормы можно выделить следующие ее разновидности: собственно языковые, речевые (текстовые), лингвоэтологические (речеповеденческие), логические и онтологические нормы.

I. Нормы собственно языковые (отражающие систему и структуру языка, в том числе модели его единиц). Это «совокупность наиболее устойчивых традиционных реализаций языковой системы, отобранных и закрепленных в процессе общественной коммуникации» (Семенюк Н.Н., 1990. С. 337). На мотивированном отклонении от языковых норм или их нейтральных вариантов построены, в частности, такие приемы, как анаколуф (илл. 1.1.), прием трансформации (обновления) фразеологизма (илл. 1.2.), прием окказионального словообразования (илл. 1.3.), лексическая метафора (илл. 1.4.) и др. Напр.:

1.1. *Согласен, что тут я грублю, но не забудем, что А. Борщаговский обвинил меня в «явной» лжи,* ***а за это либо извиняются, либо... ограничимся грубос-***

тью *(В. Солоухин).* Выделенный фрагмент построен по принципу «соскальзывания» с одной модели предложения на другую.

1.2. *Он* ***влюбился*** *в нее* ***со второго взгляда****, с первого он еще не знал, что у нее столько денег (Телевизор. № 32. 2003 г.).* Ср.: «влюбиться с первого взгляда».

1.3. *Юрий Бондарев оказался покрепче****, пофронтовее****,* ***поартиллерийскее*** *своих собратьев по большому Союзу... (Завтра. №33. 1998 г.).* Выделенные окказионализмы созданы на основе отклонения от нормы образования сравнительной степени прилагательных.

1.4. *У финансовых* ***аллигаторов****, ямало-югорских сепаратистов <...> не должно быть шанса для обладания всей Тюменской областью (Завтра. №52. 2000 г.).* Слово *аллигаторы* употреблено для обозначения олигархов, то есть не в прямом значении.

II. Нормы речевые, или текстовые, — это стандарты построения письменных или устных текстов определенной стилевой и/или жанровой принадлежности, соответствующие их среднестатистическим языковым характеристикам. Понятие речевой нормы коррелирует с понятием Стилистической нормы (см.).

Приемами, основанными на мотивированном отклонении от речевой нормы, являются, в частности, аккумуляция (илл. 2.1.), анадиплозис (илл. 2.2.), позиционно-лексический повтор (илл. 2.3.) и некоторые другие. Напр.:

2.1. *Ну, итак, господа отрицатели,*
Элегантные циники, скептики,
Извергатели слов, прорицатели,
Радикалы с прохвостинкой, критики,
Псалмопевцы грядущей республики.
Забияки, танцоры на кладбище,
И любимцы почтеннейшей публики,
Что ж теперь вы довольны, не правда ли?! (Дон-Аминадо). — Нагнетание оценочных характеристик являет собой перечислительный ряд, протяженность которого больше среднестатистической.

2.2. *Итак, начинается песня* ***о ветре****,*
О ветре*, обутом в солдатские* ***гетры****,*
О гетрах*, идущих дорогой* ***войны****,*
О войнах*, которым стихи не нужны* (В. Луговской). Представленная здесь плеонастичность и упорядоченность дискурса являются отклонением от обычной структуры текста.

2.3. *...Я чувствовал каждый миг жизни, и не проходило песчинки времени, чтобы настало забытье, даже в снах...*

И я не знал, как ***оправдать*** *и чем* ***оправдать*** ***все*** *свершившееся,* ***все*** *происходящее и* ***все****, что произойдет на земле (А. Ремизов).* Здесь имеет место избыточный повтор слов в однотипных синтаксических позициях, что не характерно для стилистически нейтральных текстов.

Р.п., основанные на стилистически мотивированных отклонениях от языковых и речевых норм, можно объединить традиционным термином «стилистические приемы».

III. Нормы лингвоэтологические (речеповеденческие), понимаемые как «грамматика речевого поведения» (Михальская А.К. 1998. С. 310—311). К ним относятся так называемые постулаты речевого общения (поведения); правила речевого этикета, т. е. то, что называют коммуникативными и этическими норма-

ми (Грайс Г.П. 1985. С. 221—228; Формановская Н.И. 1998. С. 56—269; Ширяев Е.Н. 1996. С. 24—38).

На отклонении от лингвоэтологической нормы основан комический эффект следующих текстов:

3.1. *Если есть на ночь молоко с огурцами, то ваша финская сантехника окупится быстрее* (ТД. № 18. 2001 г.). Содержащийся здесь подтекст демонстрирует отклонение от постулата полноты информации.

3.2. Брачное объявление. *Пью, дебоширю, нигде не работаю. Познакомлюсь с хорошенькой, интеллигентной девушкой, которая хочет узнать, что такое настоящее семейное счастье* (Вокруг смеха. № 51. 2002 г.). В данном случае имеет место несовпадение интенции автора объявления и содержания текста.

Высказывание, в котором говорящий/пишущий совершает мотивированное отклонение от лингвоэтологической нормы, можно квалифицировать как **паралингвоэтологический Р.п.**

IV. Нормы логические, под которыми понимаются законы и правила формальной логики, соблюдаемые при построении высказывания (текста).

На прагматически мотивированном нарушении логического закона противоречия, гласящего (в одной из своих формулировок), что «не могут быть одновременно истинными некоторое суждение и его отрицание» (Свинцов В.И., 1998. С. 141), основан прием, реализованный в следующих комических афоризмах:

4.1. *Алкоголь в малых дозах безвреден в любом количестве* (ТД. № 18. 2001 г.). В этом высказывании совмещены два противоречащих друг другу суждения: «алкоголь безвреден в малых дозах» и «алкоголь безвреден в любом количестве».

Примером нарушения логического закона тождества, согласно которому «в процессе определенного рассуждения всякое понятие и суждение должны быть тождественны самим себе» (Гетманова А.Д., 1995. С. 95), может служить амфиболия, реализуемая в следующем шутливом высказывании:

4.2. *Оставил единственный след в жизни — отпечатки пальцев (ТД. № 1. 2002 г.).* Здесь реализуется одновременно прямое и переносное значения выражения *оставил след*, чем нарушается тождество его контекстной семантики.

Паралогическую основу Р.п. может составить нарушение логического закона достаточного основания, в соответствии с которым «ничто не должно утверждаться без основания» (Берков В.Ф. и др., 1997. С. 232). Использование такого приема можно усмотреть, например, в следующем высказывании:

4.3. *Самым большим доказательством существования разумной жизни во вселенной является тот факт, что до сих пор никто ни разу не пытался с нами связаться* (ТД. № 23. 2001 г.). — Отсутствие сигналов связи с возможными инопланетными цивилизациями не является достаточным основанием как для отрицания, так и для доказательства существования разумной жизни во вселенной.

Итак, осуществляемые в процессе речевой деятельности прагматически целесообразные отклонения от логических норм можно назвать **паралогическими Р.п.**

Паралогическими Р.п. по своей сущности являются, например, Анантаподатон (см.), Гетерогенизм (см.), Диафора (см.), Зевгма (см.), Оксюморон (см.), Паралепсис (см.), Перкурсия (см.), Плока (см.), Силлепсис (см.), Фрактата (см.).

V. Нормы онтологические, понимаемые как присущие человечеству в целом или какому-либо социуму и получающие отражение в языке/речи представления о бытии (социальном, культурном, историческом и т.д.), его строении, законах и формах; «картина мира», отраженная в языке.

Приемом, основанным на отклонении от онтологической нормы, является, напр., намеренное предъявление (изображение) связей и отношений вещей (фактов, явлений, событий, людей, их поступков, представлений) в искаженном (не реальном, фантастическом, абсурдном) виде:

5.1. *Не так давно умерла у нас в городе редчайшая, буквально-таки единственная муха. Пригретая потеплевшей батареей, она решила, что наступила весна, и проснулась. Однако, обнаружив за окном снег, она скончалась от огорчения (*Ком., 12—18 марта 2001 г.).

5.2. *В Африке до сих пор есть племя, которое не умеет ощипывать кур. Поэтому они набивают их в подушку целиком* (ЛГ. № 16. 2002 г.).

Мотивированное интенцией говорящего/пишущего и прагматически целесообразное (в данной конситуации) отражение в речи отклонения от онтологической нормы может квалифицироваться как **параонтологический Р.п.**

Принцип отклонения от онтологической нормы может быть использован при образовании таких Р.п., как Гипаллага (см.), Гипербола (см.), Гистерология (см.), Импоссибилия (см.), Катахреза (см.), Метагоге (см.), Олицетворение (см.) и некоторых других.

Таким образом, **Р.п. можно определить как способ построения высказывания, основанный на мотивированном целеустановкой говорящего/пишущего и условиями общения (контекстом и/или ситуацией) отклонении от нормы в широком смысле**. В связи с этим выделены следующие типы Р.п.: стилистический, паралингвоэтологический, паралогический и параонтологический.

Паралингвоэтологические, паралогические и параонтологические Р.п. используются преимущественно в текстах или контекстах комического характера. Однако в сравнительно редких случаях они используются в контекстах иной стилистической тональности. Напр., в следующем лирическом описании Днепра использован параонтологический Р.п.: *Чуден Днепр при тихой погоде, когда вольно и плавно мчит сквозь леса и горы полные воды свои <...>. **Редкая птица долетит до середины Днепра. Пышный! Ему нет равной реки в мире.** <...> **Нет ничего в мире, что бы могло прикрыть Днепр** (Н. Гоголь).*

Следует иметь в виду, что довольно часто перечисленные выше типы Р.п. представлены в речи не в чистом виде, а в синкретичном, так как могут являться отклонением одновременно от нескольких типов норм. Например: *Партия **нового типа** — это партия, которую возглавил новый **тип*** (АиФ. № 27. 2001 г.). В этой комической дефиниции одно и то же существительное (*тип*) употребляется не только в разных формах, но и в разных значениях, что может быть истолковано как отклонение и от логического закона тождества, и от речевой нормы, требующей однозначности слова в узком контексте.

Синкретизм Р.п. как их типологическую двойственность (совпадение в одном Р.п. нескольких приемообразующих принципов) нужно отличать от конвергенции Р.п. как их контекстуального взаимодействия (совместного выполнения какой-либо прагматической функции). Конвергенцию Р.п. разного типа мы можем наблюдать, напр., в следующем тексте:

Когда Альберт Эйнштейн умер, в очереди у райских ворот он встретил трех новозеландцев. Чтобы убить как-то время, он спросил, какой у них интеллектуальный коэффициент.

— 190, — ответил первый.

— Прекрасно, сказал Эйнштейн. — Мы сможем поговорить с Вами о вкладе Резерфорда в атомную физику и в общую теорию относительности.

— 150, — ответил второй.

— Хорошо, — сказал Эйнштейн. — Мы обсудим с Вами роль Новой Зеландии в борьбе за нераспространение ядерного оружия.

— 50, — ответил третий.

Эйнштейн задумался, а потом спросил:

— Ладно, тогда поделитесь своим прогнозом относительно дефицита бюджета на следующий год (СГ, 12 апр. 2001 г.).

В тексте этого анекдота совмещаются параонтологический Р.п. (изображение нереальной, фантастической ситуации), стилистический Р.п. (стилистическая фигура нисходящей градации: 190... 150... 50; Прекрасно... Хорошо... Ладно...), паралингвоэтологический Р.п. (скрытый намек на низкие умственные способности третьего новозеландца и составителей бюджета, содержащийся в последней реплике Эйнштейна).

Таким образом, рассмотренные выше элокутивные понятия составляют иерархическую систему, в которой позицию первого ранга занимает понятие риторического приема, позицию второго ранга — понятие стилистического приема (наряду с другими выделенными типами риторических приемов), а позицию третьего ранга — понятия Тропа (см.) и Стилистической фигуры (см.).

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; **Берков В.Ф.** и др. Логика / В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич, В.И. Павлюкевич. Минск, 1997; **Болотов В.И.** Проблемы теории эмоционального воздействия текста: Дис. ... докт. филол. наук. Ташкент, 1985; **Гетманова А.Д.** Логика: Для педагогических учебных заведений. М., 1995; **Грайс Г.П.** Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М., 1985; **Кемеров В.Е.** Норма // Современный философский словарь / Под общ. ред. В.Е. Кемерова. Лондон, Франкфурт-на-Майне, Париж, Люксембург, Москва, Минск: ПАНПРИНТ, 1998; **Мурзин Л.Н.** Норма, речевой прием и ошибка с динамической точки зрения // Речевые приемы и ошибки. Типология, деривация, функционирование: Сб. науч. тр. М., 1989; **Никитина С.Е., Васильвеа Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Новиков В.И., Шкловский Е.А.** Энциклопедический словарь юного литературоведа. М., 1998; Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986; **Песков А.М.** Прием литературный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Свинцов В.И.** Логика. Элементарный курс для гуманитарных специальностей. М., 1998; **Семенюк Н.Н.** Норма языковая // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Сковородников А.П. , Копнина Г.А.** Об определении понятия «риторический прием» // ФН. № 2. 2002; **Сковородников А.П.** О системном описании понятия «стилистическая фигура» // РР. № 4. 2002; **Тимофеев Л.И., Тураев С.В.** Словарь литературоведческих терминов. М., 1974; **Формановская Н.И.** Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. М., 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Ширяев Е.Н.** Культура речи как особая теоретическая дисциплина // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

РИТОРИ́ЧЕСКОЕ ВОСКЛИЦА́НИЕ — термин риторики, трактовка которого в словарях и справочниках либо отсутствует, либо существенно разнится у разных авторов, либо сводится к демонстрации примеров (без дефиниций). Ср., напр.:

1. «Риторическое восклицание — это эмоционально окрашенное предложение, в котором эмоции, даже не выраженные лексическими и синтаксическими средствами, обязательно выражены интонационно. Например*: О, Пушкин! Пушкин! Какой пленительный сон снился мне в жизни!* (Гоголь); *Перед астрономом — только легкие облачка и спирали слабого света. А в действительности это — целые миры, тысячи солнц и планет, миллионы лет всех форм бытия, борьбы, исканий, осуществлений!* (Брюсов)» (Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П., 1998. С. 346).

2. «Риторическое восклицание. 1. Общее название ряда неспециально охарактеризованных фигур, связанных с выражением сильных чувств (см. Адхортация, Индигация, Адмирация, Оминация) посредством предложений с восклицательной интонацией. 2. Грамматический троп (см.), основанный на схеме, характеризуемой особым взаимодействием интеллектуального и эмоционального содержания; восклицательная интонация и стоящее за ней эмоциональное содержание способствуют переосмыслению интеллектуального содержания предложения, выраженного предметно-логическим содержанием его компонентов, так что положительное утверждение получает отрицательный смысл, и наоборот.

Будто уж я с девчонками не слажу! (Николаева).

Какой он саботажник! Просто он одичал от безделья и свихнулся

(Погодин). (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 265—266).

3. «Риторическое восклицание (экскламацио, лат. exclamatio) является в речи тогда, когда волнение, другое чувство или эмоция, постепенно нарастая, достигают кульминации. Восклицание и отмечает эту эмоциональную и смысловую кульминацию». Далее приводится пример риторического восклицания из первой речи Цицерона «Против Катилины»: *O tempora! O mores! — О времена! О нравы!* (Михальская А.К., 1996. С. 239).

4. «Риторические восклицания усиливают в сообщении выражение чувства:

Как хороши, как свежи были розы
В моем саду! Как взор прельщали мой!
Как я молил весенние морозы
Не трогать их холодною рукой!

(Мятлев)» (Горшков А.И., 1995. С. 134—135).

5. «... Риторическое восклицание, играющее ту же роль (имеется в виду роль риторического вопроса. — *А.С.*) усиления эмоционального восприятия:

Какое лето, что за лето!
Да это просто колдовство

(Ф. Тютчев);

Как были те выходы в тишь хороши!
Безбрежная степь, как марина

(Б. Пастернак)» (Квятковский А.П., 1998. С. 289)

Как видим, диапазон понимания Р.в. достаточно широк: от отождествления его с любым восклицательным предложением до разновидности грамматического тропа, трудно отличимого от риторического вопроса (Будто уж я с дев-

чонками не слажу! ≈ Слажу я с девчонками!; Какой он саботажник! ≈ Он не саботажник).

Понятие Р.в. как стилистического приема, возможно, получит большую определенность, если его подвести под понятие отклонения от нейтральной ступени (варианта) нормы, приняв за нее синтаксическую структуру, не имеющую в своем составе каких-либо формальных показателей эмоциональности. Тогда второй пример Д.Э. Розенталя и его соавторов (Перед астрономом — только легкие облачка... и т.д.) следует признать обычным восклицательным предложением, в котором эмоциональность выражена не структурой, а только интонацией (в тексте — восклицательный знак); а первый пример (О, Пушкин! Пушкин! Какой пленительный сон... и т.д.) следует признать фигурой Р.в., так как кроме восклицательной интонации, он имеет в своем составе (в составе всего высказывания), структурные показатели эмоциональности: риторическое обращение со специализированным междометием «О» и усилительной редупликацией (Пушкин! Пушкин!), а также вопросительно-относительное местоимение «какой», употребленное не в своем прямом значении. Наличие грамматической категории (части речи), употребленной в переносном значении, придает этому высказыванию дополнительный статус грамматического тропа (см. далее илл. 1, 2, 3, 4, 5, 7, 8, 9 и др., в которых местоимения и местоименные наречия *как, какая, какое, сколько, какую* и т.п., употреблены не в их прямом значении).

Р.в., понимаемые предложенным образом, как и восклицательные предложения в широком понимании, используются во всех стилях, которым не противопоказана экспрессивность (исключения составляют официально-деловой и научно-академический стили).

Более всего востребованы Р.в. в художественной, публицистической и ораторской речи. Приведем примеры.

Художественная проза: 1*) Боже! Как ты хороша подчас, далекая, далекая дорога! Сколько раз, как погибающий и тонущий, я хватался за тебя, и ты всякий раз меня великодушно выносила и спасала!* (Н. Гоголь); *2) Закрыв лицо, я видел сквозь толщу век и рук скользящие тени...* ***Какая бесплодность усилий, какая невыносимая печаль!*** (А. Толстой); 3) *Словом, если только он* (крестьянин. — *А.С.*) *слушает того, что велит ему земля, он ни в чем не виновен;* ***а главное, какое счастье не выдумывать себе жизни, не разыскивать интересов и ощущений, когда они сами приходят к тебе каждый день, едва только открыл глаза!*** (Г. Успенский); 4) *В лесу тишина, птицы молчат, перепели все песни, и одна только не поет, а стонет —* ***«Как хорошо в божьем мире!»*** (А. Ремизов); 5) *И вот он — научно-исследовательский институт****, такой персонал, такое оборудование, такие возможности!*** (М. Годенко).

Поэзия:

6) *Но память былого*
Все крадется в сердце тревожно...
О, если б без слова
Сказаться душой было можно!
(А. Фет)

7) ***Как ясно, как ласково небо!***
Как радостно реют стрижи
Вкруг церкви Бориса и Глеба!
(В. Брюсов)

8) *Огорченья земные несносны,*
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!
Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст,
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!
(Ф. Сологуб)

9) ***Какую власть имеет человек,***
Который даже нежности не просит!
Я не могу поднять усталых век,
Когда мое он имя произносит.
(А. Ахматова)

10) *И пусть над нашим смертным ложем*
Взовьется с криком воронье, —
Те, кто достойней, Боже, Боже,
Да узрят царствие твое!
(А. Блок)

Ораторская проза:

11) *О если бы тогда, в деревне, при первой встрече с нею, прибыл туда же из Англии Чайльд-Гарольд или даже, как-нибудь, сам лорд Байрон и, заметив ее робкую, скромную прелесть, указал бы ему на нее, — о, Онегин тотчас же был бы поражен и удивлен, ибо в этих мировых страдальцах так много подчас лакейства духовного!* (Ф. Достоевский); 12) *О, если бы мертвые могли подавать голос по делам, их касающимся, я отдал бы дело Бартенева на суд Висковской* (Ф. Плевако); 13) *<...> Когда мы делаемся жертвой, подобно Христу, мы получаем божественную власть просить именем Господним и благословить во спасение тех, которые силятся сломать нас... **Какая эта сила, какая эта радость!*** (Митрополит Антоний Сурожский); 14) *Молодой человек в роговых очках не хочет больше лжи. **Довольно идеализма!*** (А. Толстой); 15) *Многих смущает, что против принципа личной собственности раздаются нападки и слева, и справа, но левые, в данном случае, идут против принципов разумной и настоящей свободы. **Неужели не ясно, что кабала общины, гнет семейной собственности является для 90 миллионов населения горькой неволей? Неужели забыто, что этот путь уже испробован, что колоссальный опыт опеки над громадной частью нашего населения потерпел уже громадную неудачу?*** (П. Столыпин).

Публицистика:

16) *Владимир Тендряков. **Как хорошо начинал в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов своими социально-психологическими повестями!*** (М. Лобанов); 17) *И все же Сергий — душа художественная. На мир, на родину свою, на природное творение Игумен Русской земли глядел оком вдохновенного живописца. **Какой поразительной красоты места избрал для закладки новых монастырей! Как глубоко понимал композиционную соразмерность рукотворных строений и окружающей их дикой природы!*** (Ю. Лощиц); 18) *В плохую погоду, когда через день лили дожди, восемь человек сумели заготовить столько отличного сена, сколько не под силу среднему по размерам колхозу. **Вот она, цена самостоятельности на практике!** (В. Белов);* 19) ***До чего же драматична почти поголовная социально-психологическая безграмотность старших во***

всем, что касается поколения переходного возраста! (СК, 25 июня 1987 г.); 20) ***Ох, как трудно дается нам многое после безвременья, застоя, самоуспокоенности, иллюзии, будто в условиях социализма все идет само собой как надо, в соответствии с теорией!*** (СК, 28 апреля 1987 г.).

Приведенные примеры показывают, что эмоциональность и соответствующая интонация предложения в Р.в. сигнализируется, кроме местоименных слов в несобственном их значении, разнообразными структурными маркерами: междометиями, обращениями, частицами, лексическими и синтаксическими повторами, особыми зачинами, сочетаниями этих маркеров и, наконец, их местом в структуре предложения (как правило, начальным). Р.в. часто совмещаются с риторическими вопросами (илл. 15) и другими фигурами, например, синтаксическим параллелизмом — изоколоном (илл. 13), именительным темы (илл. 16), синтаксической антиципацией (илл. 18) и др.

Главная функция Р.в. состоит в том, чтобы «отметить высшую точку накала чувства, выделить тем самым важнейшие в смысловом отношении фрагменты речи» (Михальская А.К., 1996. С. 239). В рамках этой общей функции Р.в. способствуют актуализации самых разных эмоциональных и — шире — субъективно-модальных значений: восхищения, радости (илл. 1, 3, 4, 7, 13, 17), сожаления, грусти (илл. 2, 6, 19, 20), удивления (илл. 5, 9), мольбы (илл. 10), иронии (илл. 11), возмущения, протеста (илл. 14), одобрения (илл. 18). В сочетании с риторическим вопросом Р.в. может эмоционально оформлять риторическую аргументацию (илл. 15).

Лит.: **Горшков А.И.** Русская словесность: От слова к словесности: Учеб. пособие для учащихся 10—11 кл. шк., гимназий и лицеев гуманит. направленности. М., 1995; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Лазуткина Е.М.** Восклицательные предложения // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие для учащихся 10—11 кл. общеобразоват. учреждений. М., 1996; **Нечаева О.Н.** Экспрессивность восклицательных предложений (в монологическом типе речи) // Риторика и синтаксические структуры: Тезисы краевой научно-практич. конференции 1—3 февраля 1989 г. Красноярск, 1988; **Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Русская грамматика. Т. 2. М., 1980; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

РИТОРИЧЕСКОЕ ОБРАЩЕНИЕ, или **АПОСТРО́Ф** (греч. apostrophē — личное обращение) — стилистический прием (в иной интерпретации — грамматический троп), отличающийся от обычного обращения (называющего лицо, к которому в непосредственном общении адресована речь) тем, что форма обращения используется в ней не столько для называния адресата (второго лица), сколько для привлечения внимания к этому адресату со стороны других лиц (читателей, слушателей) и его оценочной характеристики. «Ситуация непосредственного обращения здесь только изображается, обогащая новое сложное представление, поэтому формальные адресаты могут быть воображаемыми, даже умершими людьми <...> или персонифицированными существами, предметами» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 266). Р.о. с фиктивным по существу (не существующим в реальности или отсутствующим) адресатом называется Аверсией (см.).

С лингвистической точки зрения Р.о. представляет собой «грамматически независимый и интонационно обособленный компонент предложения или более сложного синтаксического целого, обозначающий лицо или предмет, к которому адресована речь» (Кручинина И.Н., 1990. С. 340). Выражается Р.о. именем существительным в именительном падеже или заменяющей его словоформой — одиночной или с зависимыми словами. Напр.:

1) *Пока свободою горим,*
Пока сердца для чести живы,
***Мой друг,** отчизне посвятим*
Души прекрасные порывы!
(А. Пушкин)

2) ***Легкий, легкий ветерок,***
Что так сладко, тихо веешь?
Что играешь, что светлеешь,
Очарованный поток?
(В. Жуковский)

3) ***О старый мир!** Пока ты не погиб,*
Пока томишься мукой сладкой,
*Остановись, **премудрый**, как Эдип,*
Пред Сфинксом с древнею загадкой!
(А. Блок)

4) ***Свобода! Свобода!** Кто понял тебя,*
Тот знает, как вольны разливные реки
(К. Бальмонт)

5) *О, **милая**, как я печалюсь! О, **милая**, как я тоскую!*
Мне хочется тебя увидеть — печальную и голубую...
*Мне хочется тебя услышать, **печальная и голубая**,*
*Мне хочется тебя коснуться, **любимая и дорогая**!*
(И. Северянин)

В большинстве случаев Р.о. выделяет существенные (часто ключевые), с точки зрения автора речевого произведения, представления, понятия, идеи. Эта номинативно-выделительная функция Р.о. может быть усилена междометием (см. примеры 3, 5) и лексическим повтором как в составе самого Р.о. (см. примеры 4, 5), так и в следующей за ним части текста. В последнем случае Р.о. может занять позицию смысловой доминанты текста, включаясь в множественный лексический повтор, как, напр., в стихотворении К. Батюшкова «Мой гений»:

6) *О, **память сердца**! Ты сильней*
*Рассудка **памяти** печальной*
И часто сладостью своей
Меня в стране пленяешь дальной.
*Я **помню** голос милых слов,*
*Я **помню** очи голубые,*
*Я **помню** локоны златые*
Небрежно вьющихся власов.

Моей пастушки несравненной
Я ***помню*** *весь наряд простой,*
И образ милый, незабвенный
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И усладит печальный сон.

В аспекте эмоционально-экспрессивного содержания Р.о. чаще всего используется для выражения торжественности, лирического пафоса. Причем в этом качестве Р.о. характерно как для поэзии (см. вышеприведенные примеры), так и для художественной и — реже — публицистической и ораторской прозы. Напр.: 7. *Эх,* ***тройка! птица тройка,*** *кто тебя выдумал? знать у бойкого народа ты могла только родиться, в той земле, что не любит шутить, а ровнем — гладнем разметнулась на полсвета, да и ступай считать версты, пока не зарябит тебе в очи* (Н. Гоголь); 8) *Опускается ночь с своими тайнами и с своими звездами — гряди,* ***ночь****! Ибо то не ночь мрака и тьмы, но ночь перед зарею, ночь предвоскресная* (С. Булгаков); 9) ***Возлюбленные о Господе Преосвященные архипастыри, боголюбивые отцы, всечестные иноки и инокини, дорогие братия и сестры!*** *Святая церковь ведет нас к великому празднику Рождества Христова* <...> (Патриарх Московский и всея Руси Алексий II).

Несколько реже Р.о. используется в поэзии и прозе как средство комического (иронии, юмора) или «встраивается» в комические контексты. Напр.:

10) *Здравствуй,* ***юмор российский,***
Суррогат под-английский!
Галерка хлопает,
Улица слопает...
Остальное — неважно.
(С. Черный)

11) *На упомянутых похоронах я рыдал так, что дал вдове восемь очков вперед, а на кладбище обскакал ее на две головы* <...>.

— Кого мы хороним?! — воскликнул я, обведя присутствующих горестным взглядом <...>.

— Кого мы потеряли?! — взывал я (промолчали и на этот вопрос), — Игнатия Зябкина мы потеряли — вот кого! Ты среди нас сиял, как солнце... (по правде сказать, сиял не весь покойник, а только самая верхушка — лысина, но фраза вышла очень звучная... Правда?). Ты озарял этими лучами всех, кто тебе был близок (жену, любовницу и четырех детей от той и другой), ты своим талантом поднимал и украшал русскую промышленность и торговлю (покойный имел скобяной и москательный магазины), и вот ты на небесах оказался нужнее, чем на этой грешной земле, и Всевышний потребовал тебя к себе (удар пивной бутылкой по темени в трактире «Балканы» ускорил это желание Всевышнего). Так спи же, ***Игнатий, — ты, чудный человек, отец и гражданин****!!* (А. Аверченко); 12) *Как же надо не уважать свой народ, чтобы забыть это ради политической конъюнктуры, чтобы вовлечь и без того обделенных жителей глубинной России в великое переживание — великую обиду.* <...>. *Так кто же ты теперь есть, «****дорогая моя сто-***

***лица, золотая моя Москва**»? Древнегреческий полис-государство? Или удельное княжество? Не сердце России? Не мать, а мачеха?* (ЛР, 8 июня, 1994).

В фольклоре Р.о., будучи отражением анималистического и антропоморфного начал, как правило, выполняют и экспрессивно-характеристическую функцию. Напр.:

13) *Медведь ревел, ревел, надумался и сделал себе липовую лапу; идет к старику на деревяшке и поет:*

*Скрипи, **нога**,*
*Скрипи, **липовая**!*

(Медведь);

14) *Однажды лиса украла лошадь с полной сбруей, с телегою и давай разъезжать по лесу. Попадается ей навстречу медведь. «**Лисонька**, посади меня», — говорит медведь. «Садись, **сиволапый черт**!» Медведь сел. Поехали; попадается им волк. «**Лисонька,** посади меня», — говорит волк. «Садись, **серый вор**!» После того попадается навстречу косой заяц. «**Лисонька**, посади меня», — говорит он. «Садись, **косой**!» Вот и поехали вчетвером и запели песни* (Лисичка-сестричка и волк).

Как свидетельствуют приведенные примеры, общая эмоционально-экспрессивная функция Р.о. и ее частные реализации в решающей степени зависят от широкого стилистического контекста и в особенности от семантико-стилистических значений лексических распространителей стержневого компонента самого Р.о.

Экспрессия Р.о. может усиливаться, кроме междометий, повторов, и другими стилистическими приемами, в том числе — фигурами речи. Так в примере 12 эффект Р.о. усиливается благодаря взаимодействию (конвергенции) с Восклицанием (см.), Медитативным вопросом (см.), Парцелляцией (см.), Реминисценцией (см.), перечислительным рядом (см. Перечисление).

Лит.: **Алешкина Е.Ю.** К вопросу о семантической характеристике лексики обращений // Функционально-семантические отношения в лексике и грамматике. Новосибирск, 1991; **Вялкина Л.В.** Обращение // Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997; **Глушкова М.В.** Личное имя собственное в позиции обращения в драме М. Горького «Егор Булычев и др.» // Стилистические средства русского языка. Саратов, 1984; **Клюсов Г.Н.** О разработке проблематики обращения. Русский язык. Минск, 1981; **Ковтунова И.И.** Поэтический синтаксис. М., 1986; **Костылев А.О.** Обращение и его контекст в лексико-синтаксическом аспекте: Автореф. дис. ... канд. филол. наук / ЛГУ им. А. А. Жданова. Л., 1987; **Кручинина И.Н.** Обращение // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Михальская А.К.** Основы риторики: Мысль и слово: Учеб. пособие для учащихся 10—11 кл. общеобразовательных учреждений. М., 1996; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Рыжова Л.П.** Обращение как компонент коммуникативного акта: Автореф. дис...канд. филол. наук. М., 1982; **Сэн А.** Лексика и синтаксис обращения (на материале языка произведений М. Горького): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур: Учеб. пособие. Ростов н/Д, 1994.

А.П. Сковородников

РО́НДО. То же, что Кольцо.

С

СЕГМЕНТИРОВАННАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ (сегментированное предложение) — стилистическая фигура, представляющая собой бинарно (на две части) расчлененное построение (оно может быть как простым, так и сложным предложением), в котором первая часть, называемая сегментом, обозначает актуальное для говорящего (пишущего) понятие, а вторая часть, называемая базовой, содержит какое-либо высказывание по поводу понятия, обозначенного в сегменте. Напр.: 1) *Обыватель — он явно не воин, потому что он лежачий камень, под который и вода не течет* (Ф. Степун); 2) *Гражданственность... Это великое и бесценное понятие мы мало-помалу низвели до демагогической приставки, произносимой тренированным голосом* (В. Распутин); 3) *А Шаляпин? Мы только что видели его похороны — кажется, в первый раз отдали такой почет иностранному артисту на чужбине* (Б. Зайцев); 4*) Чудеса современной Карелии — нет им конца!* (СР, 17 июля 1983 г.); 5) *Сознательность: как понимать ее сегодня?* (ЛГ, 22 сент. 1982 г.); 6) *Желание понравиться. Оно вполне естественно. Только вот оплачивается какой ценой?* (Пр., 22 июля 1990 г.); 7) *В новой бане да дождевой водой омываться — что может быть радостнее?* (Ф. Абрамов);

8) *Волновать меня снова и снова —*
В этом тайная воля твоя.
(А. Блок)

Отличительными формально-грамматическими признаками сегментированных синтаксических конструкций (С.с.к.) являются: а) выражение сегмента (или его стержневого компонента) в форме имени существительного в именительном падеже (такие конструкции называются еще предложениями с **именительным темы**) или в форме инфинитива; б) наличие в базовой части соотносительного слова или сочетания слов, так называемого коррелята, являющегося формальным представителем, или заместителем, сегмента (выражается местоимениями, местоименными наречиями, лексическим повтором, в том числе синонимическим); в) пауза между сегментом и базовой частью, которая на письме обозначается как внутрипредложенческими знаками препинания (чаще всего — тире), так и знаками конца предложения (точкой, многоточием, вопросительным и восклицательным знаками). Разнообразие пунктуационного оформления С.с.к. отражает различные возможности ее интонирования (фиксируемого внутренней речью адресанта и адресата) и, следовательно, выражения широкого спектра экспрессивно-модальных значений.

С точки зрения актуального членения предложения, сегмент, как правило, является темой, а базовая часть — ремой (или по крайней мере содержит рему). Причем экспрессивно выделенными, акцентированными оказываются обе части актуального членения — тема и рема.

Кроме собственно С.с.к., обладающих перечисленными выше структурными признаками, в художественных текстах и в публицистике встречаются высказывания, не соответствующие в полной мере типовой модели С.с.к., но построенные в принципе по той же схеме, однако с теми или иными отклонениями в способах выражения компонентов С.с.к.

В роли сегмента может выступать предикативная единица, в том числе и с признаками незавершенности: 9) *Нет информации — в этом причина многих ошибок, говорили участники встречи* (ЛГ, 1 янв. 1988 г.); 10) *Смех объединяет — чтобы согласиться с этим утверждением, нет нужды обращаться к авторитетам, достаточно собственного опыта* (СК, 31 марта 1987 г.); 11) *«По небу полуночи ангел летел...» Эту строчку вспомнил космонавт, грустно улыбнулся и подумал: «Ну какой я ангел!»* (Е. Евтушенко);

12) *Ночь, улица, фонарь, аптека,*
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
(А. Блок)

(В данном случае в сегменте — цепочка номинативных предложений); 13) *А насчет нехватки времени — время для чтения, причем спокойного, не урывками, надо отыскивать* (ЛГ, 2 мая 1984 г.) (Здесь в сегменте незавершенное предложение);

14) *Скудель!... Но мне дороже,*
Чем бархатное ложе
И вазы богачей!..
(К. Батюшков)

(Базовая часть представляет собой предложение с усеченной первой частью, показателем чего является союз «но», и эллипсисом коррелята).

Кроме художественной речи и публицистики, С.с.к. довольно часто используются в научно-полемических и научно-популярных, а также в ораторских выступлениях, например: 15) *Свобода от всего на свете — к чему она нам, если мы не знаем, для чего мы свободны?* (С. Франк); 16) *В том, что жизнь должна прежде всего руководствоваться нормами нравственности и что каждый человек должен быть прежде всего объектом нравственной оценки, — в этих положениях я с моралистами вполне согласен* (Ф. Степун); 17) *Методология науки, философия науки... Зачем они нужны ученому — специалисту в конкретной области знаний?* (Знание-сила. № 1. 1986 г.); 18) *Сегодня десять лет со дня смерти Тургенева. Десять лет!.. Какая маленькая волна в том бесконечном приливе и отливе, которые мы называем временем!* (Д. Мережковский); 19) *Она* [Засулич. — *А.С.*] *ждала, наконец, слова от правосудия. Правосудие... Но о нем ничего не было слышно* (П. Александров).

В поэтической речи модель С.с.к. может быть положена в основу синтаксической организации небольшого по объему текста, как, например, в стихотворении А. Блока «Грешить бесстыдно, беспробудно» и некоторых других.

В разговорной речи синтаксические конструкции, строящиеся в принципе по той же схеме, что и С.с.к. книжно-литературной речи, но обладающие своей спецификой, являются одним из ее строевых элементов. Напр.: 20) *А трамвай / он как идет?; Гречневая каша/ она быстро варится; // Картошка / картошку она не ест//* и т.п. (Русская разговорная речь, 1973. С. 243).

В риторической традиции С.с.к., точнее — ее разновидность, «состоящая в одновременном употреблении существительного и замещающего его местоиме-

ния*: «Кофе-то, он горячий; Иванова и Сидорова — этих мы позовем*», — именуется пролепсисом, или пролепсой» (Скребнев Ю.М., 1997. С. 591).

Сегментированная конструкция может совмещаться с другими стилистическими фигурами. Напр.: 21) *Непосильные налоги, займы, разгон кооперативов, изъятие из них средств и, наконец, репрессии, расстрелы, суды, выселения. Вот чем обернулся троцкизм для миллионов крестьянских семей!* (В. Белов) — сегмент представляет собой соединение амплифицированного перечисления и асиндетона; 22) *Четвертая симфония, наша симфония, моя симфония, где она?* (Ю. Нагибин) — сегмент представляет собой градационный повтор; 23) *Быть учеником Бахтина. Продолжателем Бахтина. Наконец, его оппонентом. Возможно ли это?* (ЛГ, 6 февр. 1991 г.) — сегмент здесь — парцеллированный перечислительный ряд.

Лит.: **Коновалова Т.Р.** Сегментированные конструкции в газетно-публицистическом стиле // Вопросы стилистики. Вып. 4. Саратов, 1972; **Майорова Л.Е.** Именительный представления и именительный темы как явления экспрессивного синтаксиса: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1976; **Мышелова Е.А.** Сегментированные конструкции в поэтическом тексте (в связи с категорией образа автора) // Риторика и синтаксические структуры: Тез. докл. и сообщений краев. науч.-практ. конф. 1—3 февраля 1989 г. Красноярск, 1988; **Попов А.С.** Именительный темы и другие сегментированные конструкции в современном русском языке // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; **Попов А.С.** Сегментация высказывания // Морфология и синтаксис современного русского языка. М., 1968; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Формановская Н.И.** Стилистика сложного предложения. М., 1978; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Шильникова Л.Ф.** Принципы организации сегментированных текстов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984.

А.П. Сковородников

СЕНТЕ́НЦИЯ (от лат. sententio — мысль, изречение, приговор) — вид Афоризма (см.), краткое общезначимое изречение нравоучительного, морального содержания в изъявительной или повелительной форме: *Познай самого себя*; *Мера выше всего; Не вреди, если не можешь помочь* (*больному*); *Сначала жить, а уж потом философствовать* и т.д.

С. часто украшены Параллелизмом (см.): О*бразованный человек скромен, глубокая река спокойна*; *Если боишься — не говори, если сказал — не бойся*; Антитезой (см.): *Гнев глупого — в его словах, гнев умного — в его делах*; *Не делай зла — не будешь в вечном страхе; На хорошее надейся, а лучшего берегись;* Повторами (см.): *Каждый мерит страх своим страхом; Бойся того, кто тебя боится* и др.

При усилении философского содержания С. сближается с Гномой (см.), будучи вписана в конкретную ситуацию становится Апоф(т)егмой (см.) или хрией. Разновидностью С. является Максима (см.).

Наивысшего расцвета С. достигла в литературе античности, Возрождения, где зачастую использовалась для заострения концовки, кульминации и т.п.

Лит.: Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; Советский энциклопедический словарь. М., 1986; Краткая литературная энциклопедия. Т. 6. М., 1968.

О.Н. Емельянова

СИ́ЛЛЕПСИС, или **СИЛЛЕПС** (от греч. syllepsis — сочетание) — риторический прием паралогического типа, (в иной трактовке — стилистическая фигура) близкий к Зевгме (см.), состоящий в объединении в перечислительном ряду логически, а иногда и грамматически неоднородных членов предложения как однородных. Например: 1) *И вот с такими-то богатствами мы остались* ***без леса, без пеньки, без сала, без Солженицына и Бродского, без Ростроповича и Эрнста Неизвестного*** (ЛГ, 25 июля 1990 г.); 2) *Вице-премьер Сысуев —* ***с печальными глазами и годовым доходом в 137 с лишним миллионов*** *<...>* (КГ, 29 июля 1998 г.); 3) *По-прежнему в России —* ***плохие дороги, Аяцков, туберкулез, скользкая, как костный клей, либеральная интеллигенция*** (Зав., № 14. 2000 г.); 4) *Американцы ищут корень своих бед в количестве калорий, жиров и углеводов.* ***Французы едят с удовольствием, а американцы с калькулятором в руках*** (Ком., 17 апр. 2001 г.).

Приведенные примеры иллюстрируют комическую функцию С. (функцию создания иронического и юмористического эффектов), которая характерна для него как в публицистике, так и в художественных текстах. Впрочем, будучи включенным в Амплификацию (см.), С. может служить также средством изображения разнородности множественных фактов действительности. Например: 5) ***После тещ, свах, пшен, помойных ведер, наганов, Марксов*** *— этот луч (голос), ударяющий в эту синь (глаза!). Ибо читаю ему прямо в глаза <...>* (М. Цветаева).

Комический эффект, производимый С., может иметь не только локальное значение, но и распространяться на значительную часть текста и даже на весь текст (в случае малых комических жанров), становясь его стилистической доминантой, например, в комическом афоризме (6), анекдоте (7), юмореске (8): 6) *Чтобы сохранить мир в семье, необходимы терпение, любовь, понимание и по крайней мере два телевизора*; 7) Врач пишет в истории болезни: ***«Больной был обследован. Был прооперирован. Был хорошим товарищем...»*** (КР, 22 авг. 1998 г.); 8) *...Потом из толпы вышел почтенный человек, по-видимому, местный жрец, и обратился ко мне с речью:*

— Приветствую вас, славный борец за Свободу, вернувшийся на свою революционную родину. <...> Да здравствует интернационал! Война с буржуазией до конца!

Эта пышная речь несколько смутила меня; я подумал, что меня принимают за другое лицо.

— Друзья! Я тибетский жрец из Лхассы, ученик Далай-Ламы... — Друзья, — снова заговорил я, — вы меня не поняли. Я приехал в Петроград без всяких политических намерений. Мне нужно купить свиную кожу для переплетов...

Меня перебили:

— Да здравствует товарищ Тибет!

— Да здравствует свиная кожа и да погибнет проклятая буржуазия!

Мне ничего не осталось делать, как согласиться с этими прекрасными восторженными людьми. Я улыбнулся и тоже закричал:

— Да здравствует свиная кожа и Далай-Лама! (Б. Мирский)

Встречаются трактовки С., совпадающие с понятием Анаколуфа (см., напр.: Квятковский А.П., 1998. С. 306—307).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Баскакова Л.В.** Изобразительно-выразительные средства создания комического в портретной живописи А.П. Чехова // Проблемы экспрессивной стилистики: Сборник / Вып. 3. Ростов н/Д, 1996; **Квятковский А.П**. Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

СИ́МВОЛ (от греч. symbol — условный знак, примета) — образ, тяготеющий к многозначности, но сохраняющий в тоже время своё прямое значение.

В качестве С. может выступать любой знак (предмет, действие и др.), условно передающий какую-либо информацию.

С., как и Аллегория (см.), относится не столько к сфере языка, сколько к сфере «мира произведения»: это «не слова, а означающие элементы мира» (Л.В. Чернец).

Но поскольку существуют С. — предметы, действия и др., то существуют и С. — языковые знаки или образы.

Так, напр., образ моря в стихотворении А.С. Пушкина «К морю» — это выражение идей свободы, силы и могущества, с одной стороны, и конкретная картина из жизни природы, с другой. Таков, например, и образ тучи в стихотворении Пушкина «Последняя туча рассеянной бури» («Туча»), которое воспринимается символически, т.е. не только как самостоятельное изображение природы, возбуждающее ассоциации с человеческой жизнью, но и как иносказательное рассуждение о политических опасностях, угрожавших поэту:

Последняя туча рассеянной бури!
Одна ты несешься по ясной лазури,
Одна ты наводишь унылую тень,
Одна ты печалишь ликующий день.

Ты небо недавно кругом облегала,
И молния грозно тебя обвивала;
Ты издавала таинственный гром
И алчную землю поила дождем.
Довольно, сокройся! Пора миновалась,
Земля освежилась, и буря промчалась,
И ветер, лаская листочки древес,
Тебя с успокоенных гонит небес.

Сохранение за С. прямого значения является его принципиальным отличием от аллегории — чистого иносказания.

Двойственная природа С. (сосуществование в нём прямого и символического значений) приводят к тому, что нередко символика знака раскрывается лишь при повторном прочтении текста и интерпретируется по-разному. В языке символика существует как на уровне лексики (слова. — *А.С.*), так и на уровне фонетической организации речи: Звуковой символизм (см.); Звукоподражание (см.), Звукопись (см.).

Однако наиболее распространены лексические символы — ключевые слова, метафоры, концепты. Они могут быть созданы как с помощью Тропов (см.), так и без них.

Лит.: **Голуб И.Б**. Символика звуков у А. Блока // РР. 1980. № 6; **Иванов В.В., Панькин В.М., Филиппова А.В., Шанский Н.М.** Краткий словарь традиционных символов русской поэзии // РЯШ. 1977. № 4, 5; **Иванов В.В., Панькин В.М., Филиппова А.В., Шанский Н.М.** Еще раз о традиционной поэтической символике // РЯШ. 1978. № 3; **Иванов Н.Н.** Символы в рассказе А.Н. Толстого «Овражки» // РР. 1989. № 4; **Красикова Е.В.** О символах в повести В. Распутина «Пожар» // Русская речь. 1978. № 4; **Краснова Л.В.** Метафора-символ «корабль» у А. Блока и В. Маяковского // РР. 1985. № 2; **Лосев А.Ф**. Проблема символа и реалистическое искусство. М., 1976; **Лосев А.Ф**. Знак. Символ. Миф. М., 1981; **Потебня А.А**. О некоторых символах в славянской народной поэзии. Харьков, 1960; **Подгаецкая И.М.** Символика в поэзии В. Маяковского // РР. 1972. № 2; **Рылова Е.В.** Символ как креативный аттрактор речевого произведения (на материале текстов О.Э. Мандельштама): Дисс. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2000; **Чернец Л.В**. К теории поэтических тропов // Вестник МГУ. Серия 9. Филология. 2001. № 2; **Шабанова Н.А.** Традиционное и индивидуальное в семантической структуре символа (на материале символа ***роза*** в русской поэзии): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 2000.

О.Н. Емельянова

СИМПЛО́КА (от греч. symploké — сплетение; лат. — complexio) — стилистическая фигура: 1) Сочетание Анафоры (см.) и Эпифоры (см.), т.е. сочетание начальных и конечных слов в смежных (параллельных) стихах или отрезках речи (членах фразы). Напр.:

Кто *потребовал допроса рабов?* ***Аппий!***
Кто *их представил?* ***Аппий!***
(Цицерон)

Встречается в народной поэзии:

Во поле *березонька* ***стояла****,*
Во поле *кудрявая* ***стояла****...*

В авторской поэзии этот вид симплоки встречается редко:

Все *— только руку протяни —* ***все тут.***
Все *— только пристальней взгляни —* ***все тут****.*
Все *— только крепче обними —* ***все тут****.*
(В Луговской)

2) Повторение серединного слова в смежных стихах или членах фразы при разных начале и конце:

Молодым ***везде у нас*** *дорога.*
Старикам ***везде у нас*** *почет.*
(В. Лебедев-Кумач)

Ненавижу ***всяческую*** *мертвечину!*
Обожаю ***всяческую*** *жизнь!*
(В. Маяковский)

То же в сочетании с синтаксическим Хиазмом (см.):

Чтоб жить не в жертву дома дворам,
Чтоб мог в родне отныне стать
Отец, ***по крайней мере****, миром*
Землей, ***по крайней мере,*** *мать.*
(В. Маяковский)

О.Н. Емельянова

СИ́МФОРА. См. Метафора.

СИНЕ́КДОХА (от греч. synekdoche — понимание посредством чего-то, соподразумевание) — Троп (см.), в основе которого лежит перенесение значения одного слова на другое по количественному признаку: замена названия целого названием какой-либо его части или наоборот:

Бухты изрезали низкий берег,
Все ***паруса*** *убежали в море...*
(А. Ахматова)

М.В. Ломоносов в «Кратком руководстве к красноречию» (1747 г.) выделил семь основных типов синекдохи, которые — с незначительными вариантами — сохраняются в словарях и справочниках до сегодняшнего дня:

1) Замена видового понятия родовым:

Тихо отражает
Озеро спеющий ***плод.***
(Гёте, пер. К. Аксакова)
И так однажды разозлясь,
Что в страхе все поблекло,
В упор я крикнул солнцу:
«Слазь!
довольно шляться в пекло!»
.....
.....
Слеза из глаз у самого —
Жара с ума сводила,
но я ему —
на самовар:
«Ну что ж,
садись, ***светило****!»*
(В. Маяковский)

2) Замена родового понятия видовым*: Не угощай и не потчевай никого, а веди себя лучше так, чтобы тебя угощали, а больше всего береги и копи* ***копейку****: эта вещь надежнее всего на свете. Товарищ или приятель тебя надует и в беде первый тебя выдаст, а* ***копейка*** *не выдаст, в какой бы беде ты ни был. Все сделаешь и все прошибешь на свете* ***копейкой*** (Н. Гоголь) (копейка = деньги).

3) Употребление названия части вместо названия целого: вернуться к родному ***очагу***; иметь свой ***кров*** (кров, очаг = дом).

4) Употребление названия целого вместо названия части:

Его зарыли в ***шар земной,***
А был он лишь солдат.
(С. Орлов)

5) Единственное число вместо множественного:

И слышно было до рассвета
Как ликовал ***француз.***
(М. Лермонтов)

6) Множественное число вместо единственного:

Души задушены ***Сибирей*** *саваном...*
(В. Маяковский)

*Хотелось бы мне рассказать про «****Спящие****», «****Лебединые****», как я кидала большие батманы, про красивых партнеров* (М. Плисецкая).

7) Определенное количество вместо неопределенного:

Там ***тысящи*** *валятся вдруг*
(М. Ломоносов)

Некоторые ученые считают синекдоху разновидностью Метонимии (см.), напр., А.П. Квятковский, Б.В. Томашевский, Д.Э. Розенталь. Другие (как Р. Якобсон) не различают метонимию и синекдоху. Третьи (А.А. Потебня, Льежская школа неориторики и др.) придают принципиальное значение разграничению этих двух тропов.

Синекдоха часто перестает быть тропом, теряет «авторство», приобретает характер устойчивого (языкового) значения слова или выражения: *не хватает рабочих* ***рук****, количество* ***голов*** *скота* и под. Такую синекдоху называют лексической.

Стилистические функции синекдохи многообразны. В обыденном словоупотреблении использование синекдохи может диктоваться соображениями удобства, повышения выразительности речи и т.п. В художественном произведении синекдоха является одним из способов достижения образности. Так, А.А. Потебня считал, что использование синекдохи в реалистическом искусстве является ярким примером создания типизации изображения.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика современного русского языка. М., 1986; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Ломоносов М.В.** Полн. собр. соч. Т. 7. М., 1952; Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986; **Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990.

О.Н. Емельянова

СИНКРИ́ЗИС — разновидность Антитезы (см.), прием, состоящий в двух симметрично построенных словосочетаниях или предложениях, в каждом и которых имеется ряд компонентов, вступающих в антонимичные отношения. Таким образом, С. строится как по принципу контраста (см. Стилистический контраст), так и по принципу Параллелизма (см.):

На плече моем на ***правом***
*Примостился голубь-****утро****,*
На плече моем на ***левом***
*Примостился филин-****ночь***
(М. Цветаева);

*У **него** — твой профиль*
*выколот **снаружи**,*
*А у **меня** — душа*
*исколота **внутри***
(В. Высоцкий).

В виде С. нередко оформляются газетные заголовки: *Бразилия **ликует**, Италия **рыдает**; Музыка **одна** — исполнители **разные.***

Очень часто С. встречается в пословицах: ***Богатый** и в **будни пирует**, а **бедный** и в **праздник горюет*** (в примере три пары антонимичных слов: богатый — бедный, будни — праздник, пировать — горевать)*; **Ученье** — **свет**, а **неученье** — **тьма*** (антонимы: ученье — неученье, свет — тьма).

Лит.: **Введенская Л.А.** Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Вып. 2. Курск, 1966. С. 128—135; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997; **Матвиевская Л.А.** Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Новиков Л.А.** Антонимия в русском языке. М., 1983; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. 2-е изд., перераб. и доп. Ростов н/Д, 1999. **Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В.** О речевых приемах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1992. С. 131—135.

А.В. Щербаков

СИНОНИМИЗА́ЦИЯ. См. Синонимический повтор.

СИНОНИМИ́ЧЕСКИЙ ПОВТОР — 1. Одна из стилистических фигур «прибавления», когда в тексте одно и то же явление, лицо, признак или целая мысль могут быть названы несколько раз по-разному. Например: *Его хорошо бритые щечки всегда горели румянцем **смущения**, **стыдливости, застенчивости и конфуза**»* (И. Ильф, Е. Петров); *Что ж ты **скис, захандрил** и **поник*** (В. Высоцкий).

С.п. является весьма распространенным стилистическим средством, отражающим богатство, силу и гибкость языка.

С.п. представлен многокомпонентными, как правило, межстилевыми синонимическими рядами.

Синонимический ряд — ряд слов одной и той же части речи и/или устойчивых словосочетаний, имеющих полностью или частично совпадающие значения. Напр.: ***Лицо, лик, рожа, морда, харя; Надеяться, уповать, чаять; Смелый, храбрый, мужественный, доблестный; Всего ничего, капля в море, кот наплакал, раз-два и обчелся*** и т.д.

Синонимический ряд содержит в себе **доминанту** ряда, т.е. слово, семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и менее других слов данного С.р. зависимое от контекста. Напр.: *глаза* (нейтр.), *очи* (устар., высок.), *зенки* (груб. прост.) — в данном С.р. доминантой является слово **глаза.**

В качестве носителя объединяющего значения может выступать не только слово в целом, но и отдельное значение многозначного слова, его лексико-семантический вариант (ЛСВ). Поэтому многозначное слово часто входит в несколько синонимических рядов (или парадигм). Например: ***Высокий$_1$*** (о человеке) — *рослый, длинный, долговязый*; ***Высокий$_2$***(о звуке, голосе) — *тонкий, писклявый;* ***Высокий$_3$*** (о языке, стиле, слоге) — *возвышенный, приподнятый, торжественный, патетический.*

Использование С.п. позволяет глубоко и многосторонне развивать тот или иной образ, раскрыть содержание, выразить оценки, усилить экспрессию, активизировать внимание читателя. С.п. полифункционален. Он является не только средством дифференциации модальных значений (точек зрения, позиций), но и средством их идентификации.

Наиболее выразителен С.п., в котором компоненты синонимических рядов расположены по степени возрастания признака. Такой вид С.п. называется Градацией (см.): *Я неисправимый идеалист; я ищу святынь, я люблю их, мое сердце их жаждет* (Ф. Достоевский).

Компоненты синонимического ряда могут соотноситься с разными предметами и явлениями (референтами), обладающими одним свойством. Например, в «Евгении Онегине» Пушкин дает синонимический ряд, называющий лиц с общим признаком ***поэт***: *«**пиит** армейский»* — военный, сочиняющий стихи; *«то-то был **поэт**»* — Пушкин о себе словами потомков; «***Певец*** *нашел безвременный конец*» — о поэте Ленском; «*пламенный* ***творец***» — синонимическая перифраза — о поэте-романтике; «*мученье модных* ***рифмачей***» — о пишущих стихи для альбомов; «*он свят для* ***внуков Аполлона***» — поэтическая перифраза с обобщенным значением «***поэты***».

С.п. является одновременно и композиционным средством ретроспективных и перспективных связей отдельных частей текста. Например, повтор синонимов с доминантой ***свет***, связующий строфы «Евгения Онегина»: *«Гордый свет»* — (вступительная строфа); *«свет решил»* (1, 4); «*И даже глупости смешной/ в тебе не встретишь, Свет пустой...*»; *«В мертвящем упоенье света,/ В сем омуте, где с вами я/ Купаюсь, милые друзья»*(6, 46).

2. Повтор слов в их синонимичности, в котором они так тесно связаны между собой по смыслу, что в тексте пишутся через дефис (особенно характерно для устного творчества). Например: *Царь с царицею простился,* ***В путь-дорогу*** *снарядился;* ***Ждет — пождет*** *с утра до ночи* (А. Пушкин); *Отпади* ***тоска-печаль-кручина****...;* ***Тоска-грусть*** *встает, Боль извечная* (М. Цветаева).

Лит.: **Александрова З.Е.** Словарь синонимов русского языка. М., 1986; **Алекторова Л.П., Зимин В.Н., Ким О.М., Колесников Н.М., Шанский В.Н.** Учебный словарь синонимов русского языка. М., 1994; **Апресян Ю.Д., Богусловская О.Ю., Левонтина И.Б., Урпсон Е.В**. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: Проспект. М., 1995; **Винокур Т.Г.** Синонимы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; **Евгеньева А.П.** Проект словаря синонимов. М., 1964; **Евгеньева А.П**. Введение // Словарь синонимов русского языка. Т.1. Л., 1970; **Касаткин Л.А., Крысин Л.П., Львов М.Р., Терехова Т.Г.** Русский язык. Часть 1. М., 1989; **Клюева В.Н**. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1961; **Крысин Л.П.** Синонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984; Лексическая синонимия. М., 1967; **Новиков Л.А**. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Очерки по синонимике современного русского литературного язы-

ка. М.; Л., 1966; **Раков Т.А.** Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988; Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970; Синонимы русского языка и их особенности / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1972; Словарь синонимов / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1975; Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970—1971. См. также лит. при ст. Синонимы.

О.Н. Емельянова

СИНОНИМИ́ЧЕСКИЙ РЯД. См. Синонимический повтор.

СИНО́НИМЫ (от греч. synonymia — одноименность) — тождественные или близкие по значению (но разные по звучанию) единицы языка одного уровня (морфемы, слова и словосочетания, синтаксические конструкции).

С. чаще всего называют близкие или тождественные по значению слова и устойчивые словосочетания: ***красный — багровый — алый; смелый — храбрый — мужественный — стойкий — отважный; капля в море — кот наплакал; пальчики оближешь — язык проглотишь***. Это лексические (фразеологические) С. Среди них выделяют: 1) Семантические С. — их еще называют идеографическими или понятийными — слова и словосочетания, различающиеся оттенками в значениях: ***молодость — юность***; 2) Стилистические С. — это С., имеющие одинаковые значения, но различающиеся стилистической окраской. Стилистическая синонимия бывает: а) межстилевой — С., принадлежащие к разным Функциональным **стилям** (см.): ***новобрачные*** (офиц.) — ***молодые*** (разг.); ***жить*** (межст.) — ***проживать*** (офиц.-дел.); б) внутристилевой — С., принадлежащие к одному функциональному стилю, но имеющие разные эмоциональные и экспрессивные оттенки: ***толковый*** (с положительной окраской) — ***башковитый*** (грубов.-фамильярн.). Этот вид синонимии особенно развит в разговорной речи; в) семантико-стилистическая синонимия — С., отличающиеся и значением, и стилистической окраской: ***бродить*** (ходить без определенной цели; нейтр.) — ***шататься*** (ходить без всякого дела; простореч.) — ***блуждать*** (плутать, терять дорогу; книжн).

Кроме лексической выделяют грамматическую и словообразовательную синонимию. Под грамматическими С. понимают функционально-тождественные грамматические формы: ***ложка сахара — ложка сахару, умный — умен, мудрейший — самый мудрый***. Разновидностью грамматических С. являются синтаксические С.: а) разные модели предложений, передающие одно и то же значение (***Я купил книгу — Книга куплена мной***); б) модели, составляющие вариативный ряд по отношению к основной модели, выражающей общее значение минимальными языковыми средствами: ***Словари синонимов*** — типовое значение «признак предмета», основная модель. Синонимические варианты: ***Словари, описывающие синонимы***; ***Словари, фиксирующие синонимы*** и др.; в) словоформы разных типов в сходных конструкциях и в одинаковой синтаксической функции: ***пошли за ягодами — пошли по ягоды*** и др.

Словообразовательные С. — это: а) слова с одной основой и разными аффиксами, имеющие тождественные или близкие значения: ***заснуть — уснуть***, ***затухнуть — потухнуть***, ***лимонный — лимоновый*** и т.д.; б) разные аффиксы, со-

единяющиеся с разными основами и имеющие одно значение: *-н-*; *-ов-* со значением принадлежности — ***сестрин, материн, отцов*** и под.

Синонимы служат для точности выражения мысли, избежания тавтологии, передачи экспрессии, стилистической окраски. Напр.: «*Моя популярность песенная возросла неимоверно. Приглашали даже в Куйбышев на телевидение как* ***барда, менестреля и рапсода***» (В. Высоцкий). Вместе с Антонимами (см.) и Омонимами (см.) синонимы составляют парадигматику семантических отношений в языке.

Лит.: **Александрова З.Е.** Словарь синонимов русского языка. М., 1986; **Алекторова Л.П., Зимин В.Н., Ким О.М., Колесников Н.М., Шанский В.Н.** Учебный словарь синонимов русского языка. М., 1994; **Апресян Ю.Д.** Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974; **Апресян Ю.Д., Богусловская О.Ю. и др.** Новый объяснительный словарь синонимов русского языка: Проспект. М., 1995; **Винокур Т.Г.** Синонимия // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; **Евгеньева А.П.** Проект словаря синонимов. М., 1964; **Евгеньева А.П**. Введение // Словарь синонимов русского языка. Т. 1. Л., 1970; **Золотова Г.А.** Синтаксическая синонимия и культура речи // Актуальные проблемы культуры речи. М., 1970; **Касаткин Л.А., Крысин Л.П., Львов М.Р., Терехова Т.Г.** Русский язык. Часть 1. М., 1989; **Клюева В.Н**. Краткий словарь синонимов русского языка. М., 1961; **Ковтунова Т.И.** О синтаксической синонимике // Вопросы культуры речи. Вып. 1. М., 1955; **Крысин Л.П.** Синонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984; Лексическая синонимия. М., 1967; **Новиков Л.А**. Синонимы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.; Очерки по синонимике современного русского литературного языка. М.; Л., 1966; **Раков Т.А.** Диалектная лексическая синонимия и проблемы идеографии. Томск, 1988; Синонимия в языке и речи. Новосибирск, 1970; Синонимы русского языка и их особенности / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1972; Словарь синонимов / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1975; Словарь синонимов русского языка: В 2 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. Л., 1970—1971; **Черняк В.Д.** Проблема синонимии и лексикограмматических классификаций слов. Л., 1989; **Шанский Н.М**. Русский язык. Лексика. Словообразование: Пособие для учителя. М., 1975; **Шмелев Д.Н.** Проблемы семантического анализа лексики. М., 1973.

О.Н. Емельянова

СИНТАКСИ́ЧЕСКАЯ АНТИЦИПА́ЦИЯ (от лат. anticipatio — предвосхищение), другое название — **ПРОЛЕПСИС**, или **ПРОЛЕПСА** (греч. prolepsis — предположение, предчувствие, предвидение) — стилистическая фигура, состоящая в таком отклонении от обычной линейной последовательности элементов предложения или текста, при котором антиципирующий (предвосхищающий) элемент (обычно местоимение) употребляется до прямого обозначения объекта — антиципируемого (предвосхищаемого) элемента, с которым он семантически и синтаксически соотнесен. Напр.: 1) *Вот* ***она, краткая формула****. Вернуть человека в общество как главное действующее лицо* (СР, 16 ноября 1989 г.) (антиципирующий элемент — местоимение «она», антиципируемый — словосочетание «краткая формула»); 2) *В большом почете* ***эта трава*** *у педиатров.* ***Она*** *помогает уберечь нежную детскую кожу от различных заболеваний. Не менее популярна* ***череда*** *и у дерматологов <...>* (СР, 15 окт. 1986 г.) (антиципирующие элементы — «эта трава», «она»; антиципируемый — «череда»);

3) *И когда я усну, отслуживши,*
Всех живущих прижизненный друг,
***Он** раздастся и глубже и выше —*
***Отклик неба** — в остывшую грудь.*
(О. Мандельштам)

(антиципирующий элемент — «Он», антиципируемый — «отклик неба»);

4) *Много видел я стран и не хуже **ее** —*
Вся земля мною нежно любима.
*Но с **Россией** сравнить?.. С нею сердце мое,*
И она для меня несравнима!
(И. Северянин)

(антиципирующий элемент — «ее», антиципируемый — «Россией»);

5) *После обеда вышли из ярко и горячо освещенной столовой на палубу и остановились у поручней. **Она** закрыла глаза, ладонью наружу приложила руку к щеке, засмеялась простым прелестным смехом, — все было прелестно в этой **маленькой женщине** <...>. **Поручик** взял ее за руку, поднес к губам* (И. Бунин) (Роль антиципирующего элемента по отношению к обоим антиципируемым играют нулевое подлежащее при сказуемом «вышли», а также местоимение «она»; антиципируемые элементы — «маленькая женщина» и «поручик»); 6) ***Он** был. **Он** есть... Между был и есть — не ров, мостки не нужны: не сорваться бы. Пройти совокупно — чего бы лучше, но сегодня — разве не химера? Тогда обойтись ли без «визиток» — для совпадающих с **его** последним словом, уполномоченных продолжить **его** дело?*

***Сахаров** и избранничество. **Сахаров** и авторитаризм примера — может ли быть что-либо более несовместимое?* (Изв., 14 дек. 1990 г.) (Цепочка антиципирующих элементов: он, он, его, его; антиципируемый элемент — Сахаров).

С.а. иногда отождествляют с сегментированной синтаксической конструкцией (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 208), однако общими признаками у них выступают лишь стилистически маркированная избыточность компонентов и расчлененность синтаксической цепи. Релевантными признаками экспрессивных синтаксических конструкций с антиципацией являются: «1) наличие оппозиции: антиципирующий компонент — антиципируемый компонент; 2) дейктический характер антиципирующего компонента и конкретно-информативный — антиципируемого; 3) наличие «серединной паузы» и особой «контрастирующей интонации» (по терминологии Ш. Балли), если ЭСК (экспрессивная синтаксическая конструкция — *А.С.*) с антиципацией реализована в рамках высказывания», 4) наличие третьего значимого компонента структуры (внутренней синтаксемы), с которым связано выражение разнообразных отношений: предикативных, атрибутивных и др.» (Никитина А.Х., 1988. С. 136).

Основная функция С.а. — интригующе — актуализирующая: эта фигура нацелена на активизацию внимания и возбуждение интереса адресата, а также на выделение, акцентирование антиципируемого элемента высказывания, в пределах которого она реализуется. Эти функции особенно ярко проявляются тогда, когда С.а. организует начальную часть текста, его зачин. Напр.: 7) ***О ней** сходят с ума миллионы мужчин, **по ней** сохнут прыщавые юноши, **ей** тихо завидуют красавицы и дурнушки. **О ней** без умолку говорят восторженные поклонники, **ей** предательски поют дифирамбы журналисты, **на нее** с вожделением поглядывают богемные ловеласы. **Она** пленила молодых кутюрье и обеспечила себе безбедное существование. Имя этой **счастливицы** — **Летиция Коста*** (МК в Краснояр-

ске, 18—25 ноября 1999 г.). Дополнительную экспрессию С.а. в этом зачине придает многократный повтор антиципирующего местоименного компонента.

В зачинах художественных произведений С. а. часто распространяется на значительную часть текста (см., например, рассказ А. Серафимовича «Пески», начало поэмы Н. Гоголя «Мертвые души», начало рассказа М. Шагинян «Агитвагон» и др.).

С.а. может быть композиционно-синтаксическим каркасом не только сложного синтаксического целого (например, илл. 2, 5, 6, 7) или большего фрагмента текста, но и текста в целом. «В таких случаях синтаксическая антиципация, формируя экспрессивную модель текста, расширяет свои границы до масштабов всего произведения. Примером такой макроструктуры может служить рассказ В. Шукшина «Чудик» <...> Текстообразующая функция синтаксической антиципации, как правило, реализуется в художественно-беллетристических произведениях малых жанровых форм и в публицистике. Однако в художественной литературе встречаются случаи, когда антиципация принимает глобальный характер (см. повесть В. Быкова «Карьер»)» (Никитина А.Х., 1990. С. 15—16).

Приведем примеры распространения композиционной функции С.а. на целый текст.

8) ***Она***

Она пойдет за мной
и прянет от меня,
рожденная весной
от сумрачного дня.
Она укажет путь
и заметет пути,
и буду как-нибудь
одна сквозь лес идти.

Она зажжет огни.
Она погасит свет.
И будут в полночь дни
Искать пропавший след.
Она,
она,
она —
любовь,
мечта,
судьба.
Неверием сильна.
Доверием слаба.
Скажи наоборот,
И тоже будешь прав.
Такой уж мы народ —
Не можем без забав.

(Л. Васильева)

9) ***Зверь из бездны***

— Подсудимый, вам предоставляется слово!

Бледный молодой человек поднялся со скамьи подсудимых и откашлялся. Публика испустила вздох ужаса и почтительного удивления.

— Да, я убил его! — сказал юноша звонким голосом. — Я убил его беспощадно, но виновным себя не признаю. Посудите сами: иду я по улице, смотрю, а он на воззвания культуры бросается. Ведь, граждане судьи, афиши клеятся на стены для призыва рабочих масс к просвещению, а тут, извините за выражение, этот вонючий враг общества бросается на афишу и сдирает ее беспощадно. Ведь не дикари мы, а культурный народ.

— Ишь, как научно говорит! — вздыхает народный заседатель.

— Не стерпел я, граждане судьи, взял камень да и запустил ему в голову. Тут он и кончился.

Суд приговорил убийцу к пятирублевому штрафу.

Дело это в декабре месяце слушал народный суд города Свердловска. Убийца — Чмарев Василий. Жертва — козел. Обыкновенный бородатый козел, без имени и отчества, обладающий желтыми наглыми глазами и присущей всем козлам привычкой гулять там, где по закону не положено. Кого пожалеть, товарищи: козла или юношу? (Е. Петров, И. Ильф).

Приведенные примеры (илл. 8 и 9) показывают также, что, кроме своей основной, интригующе-актуализирующей функции, С.а. может участвовать в создании и усилении разных экспрессивно-эмоциональных тональностей (в данных контекстах — лирической и юмористической).

Сферами более или менее устойчивого употребления С.а. являются художественные и публицистические тексты. Причем в этих текстах можно наблюдать, с одной стороны, отступления от типизированной схемы С.а. Так, напр., в качестве антиципирующего элемента может выступать незамещенная синтаксическая позиция в неполном предложении:

10) ***А вы никогда не видали?***
В саду или в парке — не знаю, —
Везде ***зеркала*** *сверкали.*
(З. Гиппиус)

11) ***Не верится. Отступила.*** *Кончилась наконец-то* ***зима*** (АиФ, № 17, 1997).

С другой стороны, в языке газеты наблюдается тенденция к стереотипизации С.а., особенно в сфере заголовков: Ср.: 12) *Кому он нужен, этот мастер?* (СК, 2 апр. 1987 г.); 13) *Кому он нужен, этот урожай?* (Изв., 11 авг. 1990 г.) и т.п.

Разновидностью С.а. является Иллеизм (см.).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966. **Гак В.Г.** Антиципация // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Никитина А.Х.** Конструкции с антиципацией в риторическом синтаксисе // Риторика и синтаксические структуры: Тез. докл. и сообщ. краевой научно-технич. конференции 1—3 февраля 1989 г. Красноярск, 1988; **Она же**. Синтаксические конструкции с антиципацией как экспрессивное средство современного русского литературного языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1990; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПАРАЛЛЕЛИЗМ — конструктивный принцип (релевантная особенность) устройства синтаксических конструкций, в частности стилистических фигур; он является частным случаем симметрии и — шире — повтора и заключается в тождественном (полном или частичном) строении синтаксических конструкций.

В конструкциях, построенных по принципу С.п., можно выделить следующие признаки: 1) одинаковое количество компонентов в параллельных синтаксических конструкциях; 2) одинаковые синтаксические отношения между этими компонентами; 3) одинаковое расположение компонентов синтаксических конструкций; 4) наличие не менее двух синтаксических единиц в составе С.п.

Напр.:

1) *Его фигура выражает* ***незримые качества души, потаенные качества духа*** (Огонек, № 39. 1989).

2) *Он был сыном мужика и стал властителем в царстве духа. Он был крепостным и стал исполином в царстве человеческой культуры* (Огонек, № 39. 1989).

3) *Коль хочешь веры — забудь про знанье, а хочешь знанья — забудь про веру* (Наука и жизнь, № 6. 1990).

4) *О чем писать?* ***Когда жизнь разваливается****, когда нищему люду говорят, что «мы бедны, но мы эротичны»,* ***когда политические лидеры рассуждают*** *на фоне печали и страданий, когда не могут посадить на скамью подсудимых Михаила Меченого, — то и совесть уже не позволяет замыкаться в каких-то пушкинских нежностях* (ЛГ, 23 окт. 1992 г.).

5) *Между тем общества представляли картину самую занимательную. Образованность и потребность веселиться сблизила все состояния. Богатство, любезность, слава, таланты, самая странность, все, что подавало пищу любопытству или обещало удовольствие, было принято с одинаковой благосклонностью. Литература, ученость и философия оставляли тихий свой кабинет и являлись в кругу большого света угождать моде, управляя ее мнениями. Женщины царствовали, но уже не требовали обожания. Поверхностная вежливость заменила глубокое почтение. Проказы герцога Ришелье, Алкивиада новейших Афин, принадлежат истории и дают понятие о нравах своего времени* (А. Пушкин).

При соблюдении всех условий параллельности (полном отождествлении одной конструкции другой) можно говорить о полной реализации принципа С.п. (илл. 1, 3). Нарушение хотя бы одного из указанных условий (частичное уподобление одной конструкции другой) приводит к неполной реализации принципа С.п. (илл. 2).

Возможен параллелизм смежных синтаксических конструкций — контактный параллелизм (илл. 1, 2, 3) и параллелизм синтаксических конструкций, разделенных другими синтаксическими конструкциями, — дистантный параллелизм (илл. 4).

Явление С.п. выделяется как на уровне микроконтекста, так и на уровне макроконтекста. С.п. на уровне микроконтекста организуется словосочетаниями (илл. 1), на уровне макроконтеста — предикативными частями в составе сложного предложения: (илл. 3, 4), а также предложениями (простыми и / или сложными) в составе сложного синтаксического целого (илл. 2,5).

С точки зрения конструктивной роли, С.п. может выступать в качестве доминантного (ведущего, основополагающего, конститутивного) принципа и рецессивного (вспомогательного, дополнительного, неконститутивного).

С.п. как конструктивное явление доминирует в таких синтаксических фигурах, как изоколон (илл. 6), хиазм (илл. 7), синтаксическая анафора (илл. 8),

синтаксическая эпифора (илл. 9), синтаксическая анаэпифора (илл. 10), период (илл. 11).

6) ***Не потому, что мир огромен,***
Не оттого, что страсть слаба.
Есть в этом мире что-то кроме
Дорог и страсти — есть судьба.
(Ф. Янтилин)

7) *Испанский гранд, как вор,*
Ждет ночи и луны боится.
(А. Пушкин)

8) ***Еще томлюсь*** *тоской желаний,*
Еще стремлюсь к тебе душой —
И в сумраке воспоминаний
Еще люблю я образ твой.
(Ф. Тютчев)

9) «*Слово о президенте России», которое произнес Сергей Доренко —* ***это одно дело****, неожиданностью явилось «Слово о Патриархе всея Руси», произнесенное священником о. Александром,* ***— это другая вещь*** (МК, 21—23 дек. 2000г.).

10) *Не бери сама себя за руку...*
Не веди сама себя за руку...
На себя пальцем **не показывай...**
Про себя *сказку* ***не рассказывай...***
(А. Ахматова)

11) *Когда я вижу, что исчезает нравственность, то есть люди действуют не по совести, когда любовь стала элементом физическим, то есть превратилась в удовлетворение физических потребностей и переродилась в механическую любовь на обочине любви, когда сексуальные аномалии узаконены в странах Европы, в том числе и в России, когда омертвляют несравнимую русскую культуру, а школьникам вместо любви к гениям своего Отечества прививают умение раскавычивать и запоминать цитаты из пособий и руководств по порнографии, когда в разбитые окна России дуют ледяные сквозняки, несущие могильные запахи тлена, голода и вымирания недавно самой здоровой и самой сильной нации, — то я в невеселые минуты спрашиваю себя: наступит ли наконец пробуждение России, кончатся ли оцепеняющий сон моих современников, их сказочное долготерпение, их как бы усталое безразличие к собственному позору, малодушию, бессилию, кончится ли наше душное погружение во тьму блаженного рабства? Где же предел унижения?* (Правда, 17 янв. 2000 г.).

В лексико-синтаксических фигурах Анафоры (см.), Эпифоры (см.), Анаэпифоры (см.), Симплоки (см.) С.п. усиливается лексическим параллелизмом (тождеством лексем в определенных синтаксических позициях) и выступает в качестве рецессивного принципа.

Дополнительное значение С.п. приобретает и в фигурах климакса (илл. 12), антиклимакса (илл. 13) и антитезы (илл. 14). Напр.:

12) *Мы будем стоять насмерть —* ***за себя и за Одессу. За себя и за Севастополь. За себя и за всю Россию*** (О. Бергольц).

13) *Они готовы были* ***убивать****, они готовы были* ***душить****, они готовы были* ***выть****, как собаки»* (КП, 3 марта 2001 г.).

14) *Часовая стрелка близится к полночи.*
Светлою волною всколыхнулись свечи.
Темною волною всколыхнулись думы.
С Новым годом, сердце!
(М. Цветаева)

Принцип С.п. по-разному представлен в стилистических фигурах с точки зрения регулярности (обязательности) и нерегулярности (факультативности).

Как регулярный принцип, С.п. выступает в фигурах изоколона, хиазма, периода, синтаксической анафоры, синтаксической эпифоры, синтаксической анаэпифоры.

В качестве нерегулярного, С.п. проявляет себя в фигурах полисиндетона, климакса и антиклимакса, антитезы (так как, наряду с С.п., указанные фигуры могут базироваться и на перечислительном ряде).

Фигуры С.п. объединяет не только общность строения, но и единая усилительно-выделительная функция, которая, наряду со строевой функцией, является главнейшей, базовой. Эта функция конструктивно значима и в ряде лексико-синтаксических фигур, построенных с участием принципа СП. Так, С.п. в климаксе служит для усиления нарастающей градации (илл. 12), в антиклимаксе — для усиления убывающей градации (илл. 13), в антитезе — для выделения контраста (илл. 14), в полисиндетоне — для усиления эмоционального напряжения, динамики происходящего, выделения членов перечисления (илл. 15).

15) ***И вопросы поднимались серьезные, и программы обсуждались толковые, и научный подход к проблеме демонстрировался****. Вот только жаль, что «мелочи» остались за рамками обсуждения* (АиФ, 26 янв. 2001 г.).

Фигуры, основанные на С.п., — достаточно распространенное явление. Большинство из них употребляется практически во всех функциональных стилях современного русского литературного языка. Так, кроме художественных и публицистических текстов (примеры см. выше), фигуры С.п. функционируют в текстах научных и деловых (илл. 16, 17).

16) *Непродуктивны те типы словообразования, которые не используются для образования новых слов.*

Продуктивны те типы словообразования, которые широко используются при создании новых слов (Земский А.М. и др. Русский язык).

17) *Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность.*

Каждый имеет право на охрану здоровья и медицинскую помощь (Конституция Российской Федерации).

При этом в художественных текстах главенствующее место занимает ритмико-интонационная функция (илл. 5, 6, 8, 10).

В публицистике определяющей является функция эмоционально-логического выделения (илл. 1, 2, 4, 7, 9).

В научных и официально-деловых текстах основной становится функция логического выделения (илл. 16, 17).

В лингвистической литературе вопрос о стилистическом статусе С.п. остается открытым. С.п. трактуется и как стилистическая фигура (Новикова Т.В., 1992; Пуленко И.А., 1998; Разинкина Н.М., 1976), и как принцип организации синтаксических конструкций, как экспрессивных, так и не экспрессивных (Пекарская И.В., 2000. С. 169, 185). Некоторые словари и справочники содержат определения С.п. без указания на его стилистический статус (Ахманова О.С., 1966. С. 311; Квятковский А.П., 1966. С. 193—194; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976. С. 268—269; Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 269).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Клюев Е. В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пособие для вузов. М., 1999; **Новикова Т.В.** Синтаксический параллелизм как фигура экспрессивного синтаксиса (на материале современной французской литературы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Смоленск, 1992; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка Ч. 1. Абакан, 2000; **Пуленко И.А.** Экспрессивность синтаксиса публичных речей (синтаксический параллелизм и порядок слов в подготовительных выступлениях деятелей ФКП): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Минск, 1988; **Разинкина Н.М.** Об одном из способов синтаксической организации научной прозы (стилистический прием параллелизма) // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков: Сб. ст. М., 1976; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.А. Кузнецова

СКАНДИ́РОВАНИЕ (от лат. scando — размеренно читаю, букв. — поднимаюсь) — Прием (см.), заключающийся в подчеркивании, выделении ритмической структуры слова путем деления его на слоги, звуки или выделения ударного слога, звука; градация слова на составные фонические элементы.

Например: — ***Проща-а-ай!*** *— крикнул Самойленко* (А. Чехов); *Да как же, как же, как же вы не передали, о* ***пр-р-ро-клят****...* (Ф. Достоевский)

Функции скандирования многообразны. Оно выражает концентрированную экспрессию, передает особо сильное волнение, выделяет ключевое слово в тексте, выполняя косвенно роль логического фразового ударения, и одновременно является средством Звукописи (см.), а именно — Звукоподражания (см.):

Но спокойно звенит
За окном,
То погаснув, то вспыхнув
Снова,
Железное слово:
*«****Рре-эс-пу-у-ублика****!»*
(С. Есенин)

«Сумашедший!
Рыжий!» —
запрыгали слова.
Ругань металась от писка до писка,
И ***до-о-о-о-лго***
хихикала чья-то голова,
выдергиваясь из толпы,
как старая редиска.
.....
Толпа орала:
Марала!
Маааррраааала!
.....

«Браво! ***Бра-аво! Бра-а-аво!***
Бра-а-а-аво! Б-р-а-а-а-а-в-о!»
(В. Маяковский)

Скоре-е-е-е-е-е-е-е!
Скорей скорей...
.....
Души задушены Сибирей саваном.
Мы победили!
Слава нам!
Сла-а-ав-в-ва *нам!*
.....
«Назад,
наз-зад,
назад!»
Страх орет из сердца.
(В. Маяковский)

В публичной речи С. — это декламационный прием: подчеркнутое выделение в произношении всех ритмических признаков текста (как правило, поэтического): сильных слогов, пауз и др.: *Наверное, главное последствие перестройки, последствие гласности — это развенчанные мифы. И один из этих рухнувших мифов — люди верхних эшелонов власти. Мы вдруг увидели, что это обычные люди.* ***О-быч-ны-е!*** (Из беседы с народным депутатом СССР Николаем Травкиным); *Нет никакого секрета у партии на этот счет. Значит, заклинания, что может вывести из кризиса, не имеют под собой никаких оснований. Не* ***мо-жет, не знает****! Не знает, потому что не может по-новому* ***мы-слить****!* (Там же).

К С. тяготеют поэты при чтении своих стихов. К С. близко произношение античных стихов (гекзаметров), русских силлабических стихов и некоторых других видов стиха.

Лит.: **Винокур Г.О.** О языке художественной литературы. М., 1991; **Гаспаров М.Л.** Скандирование // Краткая литературная энциклопедия: В 9 Т. Т. 6. М., 1971.

О.Н. Емельянова

СЛОВООБРАЗОВА́ТЕЛЬНАЯ КОНТАМИНА́ЦИЯ — разновидность стилистически значимой контаминации (см. Контаминация$_1$), стилистический прием, в результате применения которого возникают окказиональные слова, т.е. слова не принадлежащие узусу (и тем более норме), а используемые только в условиях данного контекста с теми или иными прагматическими целями. С.к. образуется способом словообразовательного коллажа, разновидностями которого являются 1) *междусловное наложение*: (амплификация): **Вообразилия** (вообразить + Бразилия = далекая воображаемая страна**), люмпеллигенция** (люмпен + интеллигенция = обнищавшая интеллигенция); прихватизация (прихватить + приватизация); 2) *внутрисловная вставка*: **углупиться** (углубиться + глуп = поглупеть, улубившись во что-либо), **вторполитсырье** (вторсырье + полит = политики второстепенного значения); 3) *словообразование по аналогии* с заменой предметно-

значимого корневого компонента: **раскультуривание** (ср.: раскулачивание, расказачивание), **труповидение** (ср.: телевидение); 4) *словосложение*, в результате которого образуются сложносоставные слова, соотносительные со словосочетаниями: **пенкосниматель** (ср.: снимать пенки), **солнцепевец** (ср.: певец солнца); 5) *сочетание (слияние) целых высказываний в одно слово*: Айболит, Мойдодыр (К. Чуковский), Врибезриску (М. Шаргина).

С.к. широко распространена в художественной литературе, в публицистике, а также в разговорной речи.

В текстах художественной литературы (прозы и поэзии) для С.к. свойственна описательно-характеристическая функция:

1) *Песнь пенилась сиреневых садов —*
Пел соловей, весенний ***звонкотрелец*** *<...>*
(И. Северянин)

2) *Вдали якорей и трезубцев,*
Где жухлый почил материк,
Ты видела всех ***жизнелюбцев,***
Всех ***казнелюбивых*** *владык.*
(О. Мандельштам)

3) *Непривычные или* ***грубодушные*** *люди часто возмущались розановской «несерьезностью» <...>* (З. Гиппиус); 4) *...А случившиеся при этом* ***страховоды*** *подтвердили: из Москвы в одну ночь пешком целый полк пришел: бегут с войны* (А. Ремизов);

5) *То стужа ветку серебрит,*
то душит слякоть дряблая.
Дичок привит, и вот гибрид!
Моягода, мояблоня!
Сто А словами поросло,
И после года первого —
Уже несет ***плодыни***
Слов
Счастливовое дерево.
(С. Кирсанов)

6) *Такие дела: Лешачиха со зла,*
Лишив меня ***лешевелюры****,*
Вчера из дупла на мороз
Прогнала —
У ней с Водяным шуры-муры.
(В. Высоцкий)

В публицистике С.к. преимущественно выполняет характеризующе-оценочную функцию с преобладанием осуждающей, иронической и юмористической тональностей. Например: 7) *В городе, действительно, творится такое —* ***прихватизация,*** *коммерциализация, коррупциализация и вообще сплошная купля-продажа всего, вся и всех* (Св.Г., 19—26 ноября 1992 г.); 8) *Придавленный продолжающейся* ***гробостройкой*** *люд распродает как свое давнее, ранее припасенное, так и то, что приобретено в очередях по случаю* (Кубань. №3—4. 1992 г.); 9) *Неединой и делимой Россия была и будет не для великороссов, а для «****великотрясов****»* (ЛР, 20 апр. 1990 г.); 10) *Слушая Доренко, Вешняков впадает в* ***избиркому*** (Зав., № 46. 1999 г.); 11) *В Англии в 30-е годы братство гомосексуалистов —*

леваков называлось ***Гоминтерном*** (Изв., 23 сент. 1995 г.); 12) *Особый случай — Латвия, где разгорается секс-скандал. Во всех смыслах это страна, которая находится на переходном этапе от традиционной советской половой истории к нынешнему западному* ***извращу*** (КП, 19 апр. 2000 г.); 13) ***Яблокодабра*** (Зав., № 47. 1999 г.); 14) ***Сенаторий*** (Зав., № 31. 2000 г.) (последние два примера — отдельные высказывания).

В публицистике философского направления оценочно-характеризующая функция С.к. сохраняется, но ее эмоциональность более сдержанна: 15) *Нет, эмигрантскую Россию не измерить упростительным* ***алексейтолстовским*** *аршином* (В. Пискунов); 16) *О, я это знаю, ибо не раз испытывал в жизни блаженство экстаза перед великими созидателями искусства,* ***софиевдохновленными*** *творениями <...>* (С. Булгаков); 17) *И наряду с этим трезвым, спокойным научным знанием каждая эпоха имеет в этой области свои увлечения, свои односторонности, — и ни одна такая вера не вправе с презрением говорить о другой и считать себя* ***единоспасающей*** (С. Франк); 18) *Так и мы, держа в руках Искусство, самоуверенно почитаем себя хозяевами его, смело его направляем, <...> обращаем то для развлечения <...>, то для политических* ***мимобежных*** *нужд, для ограниченных специальных* (А. Солженицын).

В разговорной речи С.к. обычно выступает как инструмент языковой игры, шутки, острословия. Например: 19) А. *Открой бутылку!* Б. *Тут без* ***штопоридзе*** *не обойдешься!* (Русская разговорная речь...); 20) А. *Нутро у меня болит//* Б. (подхватывает) ***Нутроба*** *болит* (там же) и т.п.

Лит.: **Гаранина Е.А.** Языковые средства выражения комического в детской литературе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 1998; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998 (сл. статья «Контаминация»); Русский язык: Энциклопедия. М., 1997 (сл. статья «Окказионализмы»); **Лыков А.Г.** Окказиональное слово как лексическая единица речи // ФН. № 5. 1971; Он же: Окказионализм и языковая норма // Грамматика и норма. М., 1977; **Малиева М.С.** Контаминация как способ образования окказиональных слов // Словопроизводственный процесс и функционирование производных единиц в языке и речи: Сб. науч. трудов. Курск, 1986; Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983; **Улуханов М.С.** Окказиональные чистые способы словообразования в современном русском языке // Известия РАН. Серия лит. и яз. Т. 51. 1992; **Ханпира Эр.** Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. На материале современного русского языка. М., 1972; **Щепин А.Г.** О лексической контаминации // РР. № 5. 1975.

А.П. Сковородников

СМЕШЕНИЕ, или **СТОЛКНОВЕНИЕ СТИЛЕЙ**$_1$ — стилистический прием, состоящий в намеренном объединении в составе высказывания (равного предложению, фрагменту текста или целому тексту) языковых единиц, контрастно отличающихся своей функционально-стилевой или эмоционально-оценочной окрашенностью. Обычно такой прием используется для достижения комического эффекта. Напр.:

1) *Дамы тут же обступили его блистающею гирляндою и нанесли с собой целые облака всякого рода благоуханий:* ***одна дышала розами, от другой несло***

весной и фиалками, *третья вся насквозь была продушена резедой <...>* (Н.В. Гоголь, фраза из «Мертвых душ»);

2) *— Слушайте, — задыхаясь шепнул он. — Обратили внимание на другую девушку? Она хоть и немолодая, но замечательная — ручаюсь вам. Человек изумительного сердца! Нет ли у вас для нее какого-нибудь подходящего приятеля?* ***Она сделает счастье любому человеку, да и мы бы заодно избавились от этой старой ведьмы, прах ее побери!*** (А. Аверченко, окончание юморески «Сентиментальный роман»);

3) *Отправил как-то царь своих сыновей за молодильными яблоками. Жена-то молодая, а простые яблоки процессу не помогают. Везет младший сын фуру с молодильными яблоками домой, а ушлые старшие братья переоделись гаишниками и тормозят его на предмет проверки документов. Ну, Иван, хоть и дурак, за руль грузовика волка посадил (прав-то нету, а скотина как-нибудь отмажется). Так волк братьям и говорит: «Чем возьмете, яблоками или огненной водой?» Старшие братья, думая, что они не дурака тормознули, взяли огненной водой. И тут счастливый финал сказки — Иван поимел полцарства и принцессу, а братилы его алкоголиками стали* (ТД. № 31, 2002 г., анекдот).

В этом тексте сказочный сюжет и сказочные персонажи (царь, его молодая жена, трое братьев, из которых младший — Иван-дурак, волк) сочетаются с современной лексикой и фразеологией, как общеупотребительной (процесс, грузовик, права, финал, алкоголики), так и ограниченного употребления: разговорной (гаишники, поимел, тормознули, ушлые), жаргонной (отмажется, братилы), канцелярской (на предмет проверки документов).

Прием смешения стилей, реализованный в рамках целого текста, сближается с **бурлеской** — пародийным жанром, комический эффект которого «определяется контрастом между темой и характером ее интерпретации: либо заведомо возвыш. тема получает тривиально бытовую трактовку и излагается подчеркнуто «низким стилем» <...>, либо «низкая» тема воплощается посредством традиционно высокого стиля...» (Лит. энц. словарь. 1987. С. 59).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Хазгеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь лингвистических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

СМЕЩЕННАЯ КОНСТРУКЦИЯ. См. Анаколуф.

СОЛЕЦИЗМ — (от греч. soloikysmos, от назв. г. Солы, греческой колонии в Малой Азии, жители которой нечисто говорили по-аттически) — термин, не имеющий однозначной трактовки.

В ряде словарей и справочников С. объясняется как синтаксическая ошибка, как «неправильный выбор форм для данного синтаксического построения» (Ахманова О.С., 1966; Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1985; Словарь иностранных слов, 1982; Современный словарь иностранных слов, 1992), например: *Кто*

нуждается в материальной помощи, ***необходимо ему обеспечить ее*** (вместо... «будет ею обеспечен» или «тому необходимо обеспечить ее»); *Сколько время?* (вместо «времени»); в других — как «нарушение морфологических или грамматических норм литературного языка без ущерба для значения данного слова или выражения» (Квятковский А.П., 1966). Примеры С.:

Не он ли помощь Станиславу
С негодованьем отказал (А. Пушкин) (Ср.: отказал в помощи).

Из пламя и света рожденное слово (М. Лермонтов) (Ср.: из пламени).

Я сразу смазал карту будня (В. Маяковский) (Ср.: карту будней).

Существует и более широкая и позитивная трактовка С.: «неправильный языковой оборот как элемент стиля (обычно — «низкого»): употребление нелитературного слова (Варваризм (см.), Диалектизм (см.), Вульгаризм (см.)) или сочетания слов (Плеоназм (см.), Энналага (см.), Анаколуф (см.)). Сочетания слов могут рассматриваться как частный случай морфолого-синтаксических фигур» (Гаспаров М.Л., 1987. С. 411). Некоторые исследователи считают, что С. «представляют собой словотворчество, то есть создание слова с новым материалом, звуковым и графическим» <...>, и в риторическом изобретении используются «для привлечения внимания к истолкованию некоего смысла в контексте речи» (Рождественский Ю.В. 1997. С. 250).

Инвариантным для большинства вышеприведенных трактовок является понимание С. как грамматического (синтаксического или морфолого-синтаксического) явления, отклоняющегося от языковой нормы. И в этом смысле необходимо разграничивать С. как грамматическую неправильность, ошибку (см: Грамматические ошибки) и как стилистическую фигуру (см. Стилистическая фигура). С. как фигура возникает тогда, когда отклонение от грамматической нормы мотивировано коммуникативным заданием (риторическим, стилистическим, художественным). Напр.: Коротич. *Мы выдумываем Путина.* Глас народа. *Это вы* ***свою Кучму*** *выдумали. Сиди и не вякай, иностранец* (Зав. № 6. 2000 г.). Ср. с нормативным: ***своего Кучму.*** Использование С. здесь является одним из средств демонстрации негативного отношения к словам собеседника.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Гаспаров М.Л**. Солецизм // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Рождественский Ю.В.** Теория риторики. М., 1997; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; **Шитов В.А.** Необходимые «нарушения нормы» (Заметки о синтаксисе поэтической речи) // РР. № 4. 1972.

А.П. Сковородников, А.В. Баринова

СРАВНЕНИЕ — Стилистический прием (см.), заключающийся в сопоставлении одного предмета, явления (субъекта сравнения) с другим предметом, явлением (объектом сравнения) на основании каких-либо признаков (основа сравнения) с целью более точного и одновременно образного описания первого. Напр.: *Иван Федорович стоял,* ***как будто громом оглушенный****; Лениво и бездумно,* ***буд-***

***то гуляющие без цели**, стоят подоблачные дубы; Тени от деревь и кустов, **как кометы**, острыми **клинами** падали на отлогую равнину; Уста, **как светлые рубины**, готовы были усмехнуться **смехом блаженства**, **потопом радости**; Ресницы, упавшие **стрелами** на щеки* (Н. Гоголь).

Хотя, по выражению И.Б. Голуб, «сравнение представляет собой простейшую форму образной речи. Почти всякое образное выражение можно свести к сравнению» (И.Б. Голуб, 2001. С. 141), вопрос о статусе сравнения вызывает полемику среди лингвистов. Одни утверждают, что С. — это Троп (см.) в традиционном понимании (Зубова Л.В., Морян М.К., Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., Тимофеев Л.И., Чудинов А.П. и др.).

Другие считают С. Фигурой речи (см.) (Дроняева Г.С., Клушина Н.И., Полухина В., Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С. и др.).

Третьи характеризуют С. как не-троп, образное средство (Былинский К.И., Ваганов А.В., Москальчук Г.Г., Попова Т.Б., Шумских Н.В.).

Четвертые говорят о С. как о грамматически оформленном образном сопоставлении (Никитина С.Е., Васильева Н.В.), способе косвенной характеристики явления (Корольков В.И.) и даже как об образном средстве гибридного характера — фигурально-тропеического или тропо-фигурального (Тарханова И.А., Лопаткина С.В.).

Структура С. очень разнообразна. С. могут быть выражены сравнительным оборотом, присоединенным союзами ***как, точно, словно, будто, как будто*** и др.:

*Я люблю тебя, **как сорок***
Ласковых сестер.
.....
***Как соломинкой** пьешь мою душу.*
.....
*Семь лет — **словно семь ослепительных дней**.*
.....
Надо мною свод воздушный,
Словно синее стекло

(А. Ахматова)

Очень распространены С. — отдельные предложения. Например:

*Дениске было уже около двадцати лет, служил он в кучерах и собирался жениться, но не перестал еще быть маленьким. Он очень любил пускать змеи, гонять голубей, играть в бабки, бегать вдогонки и всегда вмешивался в детские игры и ссоры. <...> Дети же во вторжении большого кучера в их область не видели ничего странного: пусть играет, лишь бы не дрался! **Точно как маленькие собаки не видят ничего странного, когда в их компанию затесывается какой-нибудь большой искренний пес и начинает играть с ними**.* (А. Чехов).

С. может быть выражено в форме риторического вопроса:

О мощный властелин судьбы!
Не так ли ты над самой бездной,
На высоте уздой железной
Россию поднял на дыбы?

(А. Пушкин)

Активно используется «творительный сравнения» — существительное в творительном падеже:

*Серой **белкой** прыгну на ольху,*
Ласочкой пугливой пробегу,
Лебедью тебя я стану звать.
.....
*Лежал закат **костром** багровым...*
.....
*Пусть **камнем надгробным** ляжет*
На жизни моей любовь.
(А. Ахматова)

Близки к ним С., выраженные сравнительной степенью:

*Эти глаза **зеленее моря***
***И кипарисов наших темнее**.*
.....
*И **холоднее льда** уста мои*
.....
Последняя зима перед войной.
Белее сводов Смольного Собора,
Таинственней, чем пышный Летний сад,
Она была.
.....
*Но в мире нет людей **бесслезней,***
***Надменнее** и **проще** нас.*
(А. Ахматова)

Еще один способ выражения С. — это введение их в текст с помощью лексем ***похож, подобен, напоминает*** и под.:

На глаза осторожной кошки
***Похожи** твои глаза.*
(А. Ахматова)

*Вдали по-прежнему машет крыльями мельница, и все еще **она похожа на маленького человечка, размахивающего руками*** (А. Чехов).

Характерно использование так называемых отрицательных сравнений, особенно, для устного народного творчества, а также произведений, близких ему по духу:

Не ветер бушует над бором,
***Не с гор побежали ручьи** —*
Мороз-воевода дозором
Обходит владенья свои.
(Н. Некрасов)

То не ветер ветку клонит,
***Не дубравушка шумит**,*
То мое сердечко стонет,
Как осенний лист дрожит.
(Русск. нар. песня)

Не тайны и не печали
***Не мудрой воли судьбы** —*
Эти встречи всегда оставляли
Впечатление борьбы.
(А. Ахматова)

Для придания особой выразительности и изобразительности нередко используют несколько сравнений, указывающих на большое количество общих признаков у сравниваемых предметов и явлений. В таких случаях возникают несколько параллельных образов — это **развернутое сравнение**:

Нам свежесть слов и чувства простоту
Терять не то ль, ***что живописцу — зренье,***
Или актеру — голос и движенье,
А женщине прекрасной — красоту?
(А. Ахматова)

С. с течением времени могут из-за частого их употребления утратить некоторую долю образности и стать **общеязыковыми сравнениями:** ***голодный как волк; злой как собака; лететь стрелой*** и под.

Еще менее образны **неопределенные сравнения** (И.Б. Голуб): ***ни в сказке сказать, ни пером описать***. Эти С. выражают высокую оценку, степень описываемого без конкретного образного воплощения.

И, конечно, наибольший интерес представляют индивидуально-авторские С., в которых образность достигает максимальной концентрации:

Несу, ***как сноп овсяный,***
Я солнце на руках
.....
Я сегодня снесся ***как курица,***
Золотым словесным яйцом.
.....
Заря, ***как пожар на снегу,***
.....
Но люди — все грешные души,
У многих глаза — ***что клыки.***
.....
Но вы мне по-прежнему милы,
Как родина и как весна...
(С. Есенин)

Лит.: Античные риторики. М., 1978; Античные теории языка и стиля. М.; Л., 1936; **Дюбуа Ж.** Общая риторика М., 1986; **Потебня А.А.** Эстетика и поэтика. М., 1976; **Горнфельд А.** Фигура в поэтике и риторике // Вопросы теории и психологии творчества. Т. 1. Харьков, 1911; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 2001; **Квятковский А.П.** Поэтический словарь. М., 1966; **Корольков В.И.** Сравнение // Краткая литературная энциклопедия. Т. 7. М., 1972; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1987; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. М., 1996; **Одинцов В.В.** Сравнение // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

О.Н. Емельянова

СТИЛИЗА́ЦИЯ — стилистический прием, (в иной интерпретации — принцип), состоящий в намеренном воспроизведении (имитации) характерных черт того или иного стиля (в том числе индивидуального), литературного течения,

языковых особенностей какой-либо исторической эпохи, социальной или этнической общности и т.д. Существует много варьирующихся определений стилизации. Приведем дополнительно к данному выше некоторые из этих определений, в совокупности дающих достаточно полное представление о данном стилистическом феномене.

1. «**Стилизация**, намеренная и явная имитация того или иного стиля (**стилистики**), полное или частичное воспроизведение его важнейших особенностей; явление, близко родственное **сказу** и **пародии.** <...> Термин «С.» обычно употребляется для обозначения особого типа **авторской** речи (что отличает С. от разных форм изображения речи персонажей), ориентированной на определ. **литературный** стиль, в противоположность сказу, который воспроизводит внелитературные жанровые и речевые формы» (Долинин К.А., 1987. С. 419).

2. «**Стилизация** – это **сознательное, последовательное** и **целенаправленное** проведение художником **характерных** особенностей **разговорного стиля**, присущего какой-то общественно-политической или этнографической группе, либо **литературного стиля**, свойственного писателю какого-то течения, занимающему определенную общественную и эстетическую позицию.

Последовательно воспроизводя существенные черты разговорной или литературной манеры, писатель как бы перевоплощается и смотрит на мир глазами героя или того автора, стиль которого он использует для решения определенных художественных задач» (Троицкий В.Ю., 1964. С. 169).

3. «**Стилизация** <...> Сознательное подражание тому или иному стилю (жанру); полное или частичное воспроизведение его основных особенностей. Лежит в основе сказа и пародии. <...> Синоним: имитация стиля (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 128–129).

4. «... В искусстве может быть поставлена творческая задача изображения «чужого» стиля – «не своей» эпохи, «не своей» национальной культуры, «не своего» направления и т.д. Сознательное изображение характерных черт «не своего» стиля и есть стилизация» (Горшков А.И., 2001. С. 227).

5. «**Стилизация.** Формирование высказывания через подражание некоему образцу (напр., насыщение его выражениями и формами, характерными для языка старинного, языка среды, стиля, присущего поэтике периода, течения, жанра, разновидности и т.п.), ощущаемое в контексте (на фоне использованного одновременно в том же самом произведении другого стиля или стилей), либо через оппозицию с современной языковой практикой. Стилизациям даются соответствующие определения в зависимости от происхождения образца, к которому обращается автор в своеобразной языковой аллюзии (напр., архаичная, народная, пародийная, балладная, гротескная и т.п.» (Sierotwieński S., 1966. S. 263; цит. по: Тамарченко Н.Д., 2001. С. 443).

«В зависимости от социально-культурного характера воспроизводимой речи различают С. социально-речевую (ориентация на язык определенной социальной среды), жанровую или стилевую (ориентация на наиболее яркие приемы построения речи, средства выражения в том или ином жанре или стиле, напр., деловом, научном), историческую (воспроизведение наиболее характерных черт речевого обихода конкретной исторической эпохи)» (Бельчиков Ю.А., 1997. С. 539).

Остановимся для примера на последней (исторической) разновидности С. «Историческое повествование предполагает последовательное тематически и этически мотивированное вкрапление в его композиционно-речевую структуру

лексико-фразеологических и грамматических историзмов и архаизмов, композиционных элементов текстов и документов описываемой эпохи» (Бельчиков Ю.А., 1997. С. 539). В качестве примера удачной исторической С. в поэзии рассмотрим, вслед за А.И. Федоровым, стихотворение А.С. Пушкина «Песнь о вещем Олеге». «Чтобы перенести воображение читателя в эпоху древней Киевской Руси, Пушкин в первую строфу стихотворения вводит отдельные архаичные формы слов, понятные читателю: ***ныне, сбирается*** (вместо **собирается**), ***отмстить*** (вместо **отомстить**), устаревшее слово ***вещий*** в значении «мудрый, проницательный, вдохновенный», архаичную форму глагольного управления:

Как ныне сбирается вещий Олег
Отмстить неразумным хазарам:
Их села и нивы за буйный набег
Обрек он мечам и пожарам...

Как увертюра в опере настраивает слушателя на восприятие музыки всей оперы, так эта строфа, создавая впечатление начала древнерусской легенды, настраивает читателя на восприятие содержания следующих строф. <...> В последней строфе стихотворения, представленной авторской речью, снова появляются отдельные историзмы и славянизмы. Автор стремится сохранить в сознании читателя колорит древней Руси.

Ковши круговые, запенясь, шипят
На ***тризне*** *плачевной Олега:*
Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
Дружина пирует у ***брега****;*
Бойцы поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они.

Пушкин соразмерно и сообразно использует историзмы, архаизмы и славянизмы как средства исторической стилизации» (Федоров А.И., 1985. С. 114—115).

Примером исторической С. в прозе может служить отрывок из романа В. Личутина «Раскол»: *«Но вспомни, Аввакумушко, не гнетя злобою душу, ведь и от него, неистового гонителя твоего, хлебушко-то перепадал не по разу, да и Фекла Симеоновна, супружница воеводы, когда колобок пошлет, иногда мясца иль курочку тож, а то и мучицы пудик наскребет. Тем и спаслися. Да и его ли воля, Пашкова, что так досаждал протопопу?»*

Приведя этот отрывок, А.И. Горшков отмечает соотнесенность процитированных строк романа с таким местом из «Жития» Аввакума:

«*Но помогала нам по Христе боляроня, воеводская сноха, Евдокея Кириловна, да жена ево Афонасьевна, Фекла Симеоновна: они нам от смерти голодной тайно давали отраду, без ведома ево, — иногда пришлют кусок мясца, иногда колобок, иногда мучки и овсеца, колько сойдется, четверть пуда и гривенку-другую, а иногда и полпудика накопит и передаст, а иногда у коров корму из корыта нагребет*» (Горшков А.И., 2001. С. 229).

Исследователи отмечают близость С., сказа и пародии, поскольку все эти речевые формы являют тексты с установкой на изображение «чужого слова».

Сказ — термин, имеющий следующие значения:

«1) название повествовательного произведения русского фольклора, выдержанного в форме бытового говора. 2) Речитативная манера исполнения сказителями русских былин. 3) Особая форма авторской речи, проводимая на протяжении всего художественного произведения в духе языка и характера того лица,

от имени которого ведется повествование» (Квятковский А.П., 1998. С. 315). Именно в этом, последнем, значении сказ соотносится со С. как с более общим понятием.

Примерами сказового повествования могут служить «Вечера на хуторе близ Диканьки» Н. Гоголя, «Очарованный странник» Н. Лескова, поморские были и сказания Б. Шергина, поэма «Василий Теркин» А. Твардовского, «Уральские сказы» П. Бажова и др.

Пародия (см. подробнее ст. «Пародия») — «комическое подражание худож. произведению или группе произведений. Обычно строится на нарочитом несоответствии стилистич. и тематич. планов худож. формы» (Гаспаров М.Л., 1987. С. 268). «В пародии, — пишет А.И. Горшков, — чужое слово применяется для выражения не «чужого», а иного содержания, семантически преобразуется. Автор намеренно создает видимое противоречие между темой, идеей и их словесным выражением. Это противоречие отражено в самом греческом слове parodia, что можно перевести как «пение наизнанку», «перепев», «перепеснь», «противопеснь».

Пародия существует «в паре» с пародируемым. Не зная пародируемого, нельзя понять пародию. Предметом пародии может быть отдельное произведение, индивидуальный стиль писателя, литературный жанр, литературное направление и т.п. Разумеется, если пародируется конкретное произведение, то под пародию попадают и наиболее характерные черты индивидуального стиля писателя, и особенности литературного направления, к которому писатель принадлежит. И наоборот: если пародируется литературное направление, то пародия может отражать черты какого-либо конкретного произведения, относящегося к этому направлению» (Горшков А.И., 2001. С. 236—237). В качестве примера приведем пародию Д. Минаева на стихотворение (и — шире — поэтику) А. Фета. Ср.:

Шопот, робкое дыханье,
Трели соловья;
Серебро и колыханье
Сонного ручья,
Свет ночной, ночные тени,
Тени без конца,
Ряд волшебных изменений
Милого лица,
В дымных тучках пурпур розы,
Отблеск янтаря,
И лобзания, и слезы,
И заря, заря!
(А. Фет)

Холод, грязные селенья,
Лужи и туман,
Крепостное разоренье,
Говор поселян.
От дворовых нет поклона,
Шапки набекрень,
И работника Семена
Плутовство и лень.
На полях чужие гуси,
Дерзость гусенят, —
Посрамленье, гибель Руси,
И разврат, разврат!
(Д. Минаев)

По поводу этого сопоставления В.Ю. Троицкий замечает: «Пародийность усиливается и тем, что «поэтическая недосказанность», лирическая интонация, создающая фон стихотворения Фета, последовательно проводится и у Минаева, где комический эффект вызывается несоответствием лирического колорита ярким конкретно-бытовым деталям» (Троицкий В.Ю., 1964. С. 170—171).

Примером пародирования специального текста (в данном случае текста канцелярского стиля) может послужить отрывок из фельетона «Как допускается порча хорошего настроения» (ЛГ, 23 июня 1971 г.), приведенный в кн. Т.Г. Винокур: «Осуществив возвращение домой со службы, я проделал определенную работу по сниманию шляпы, плаща, ботинок, переодеванию в пижаму и шле-

панцы и усаживанию с газетой в кресло. Жена в этот период претворяла в жизнь ряд мероприятий, направленных на чистку картофеля, подметания пола и мойку посуды». По мнению Т.Г. Винокур, «такая пародия более всего отвечает понятию функциональной стилизации <...> Подвергнутыми стилизации (т.е. перенесенными в иную сферу речевой коммуникации вместе с ситуационной обусловленностью «своего» высказывания) могут быть особенности любой функциональной разновидности речевого общения в зависимости от экспрессивных заданий той области, в которой эта стилизация осуществляется» (Винокур Т.Г., 1980. С. 197—198).

Пародия может быть квалифицирована как функциональная разновидность С. (Москвин В.П., 2000. С. 19).

С. как особый тип повествования принадлежит художественной речи. Однако элементы стилизации нередко можно встретить в публицистике, главным образом в комической (пародийной) функции. Например:

Старая песня

Числом растущая,
в делах ударная.
Среди оргтехники,
столов и столиков,
Несокрушимая
и легендарная
Родная армия
чиновников.

(С. Пивоваров // ЛГ. № 10. 2002 г.)

Лит.: **Алпатов А.В**. Стилизация речи // РР. № 4. 1970; **Бельчиков Ю.А.** Стилизация // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Гаспаров М.Л.** Пародия // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Горшков А.И.** Русская стилистика: Учеб. пособие. М., 2001; **Долинин К.А.** Стилизация // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В**. Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Новиков Л.А.** Книга о пародии. М., 1989; **Тамарченко Н.Д.** Теоретическая поэтика: Понятия и определения: Хрестоматия для студентов. М., 2001; **Троицкий В.Ю.** Стилизация // Слово и образ: Сборник статей. М., 1964; **Федоров А.И.** Образная речь. Новосибирск, 1985.

А.П. Сковородников

СТИЛИСТИ́ЧЕСКАЯ КОНВЕРГЕ́НЦИЯ (от лат. convergere — приближаться, сходиться) — сложный Стилистический прием (см.), основанный на взаимодействии стилистических средств одного или разных уровней языка в результате выполнения ими единой стилистической функции; «схождение в одном месте пучка

стилистических приемов, участвующих в единой стилистической функции» (Арнольд И.В., 1981. С. 62).

Термин и понятие конвергенции были введены М. Риффатером, который понимал конвергенцию как скопление в одном месте нескольких стилистических приемов. «Каждый из них в отдельности, — писал он, — является экспрессивным. Когда они стоят вместе, один придает другому дополнительную экспрессивность. Эффект, производимый конвергенцией этих стилистических приемов, создает особую, сильную экспрессивность» (Риффатер М., 1980. С. 88—89).

В С.к. могут участвовать языковые средства разных уровней: фонетические, лексические, словообразовательные, морфологические, синтаксические (разнородная, или гетерогенная, конвергенция) — или языковые средства одного уровня, например, синтаксического (однородная, или гомогенная, конвергенция). Взаимодействие экспрессивных приемов и средств может осуществляться в пределах одного предложения (сосредоточенная конвергенция) или в пределах нескольких связанных между собой синтаксически и по смыслу предложений (рассредоточенная конвергенция) (А.П. Сковородников, 1981. С. 204—205). Напр.:

1) *Мы едем по сено. <...>*

— Бр-р-рам! — повалился я с воза, подскочил, во что-то головой торонулся, аж искры из глаз брызнули (В.П. Астафьев).

В рамках одного предложения взаимодействуют инверсия, асиндетон, («повалился я с воза», «подскочил», «во что-то головой торонулся») и экспрессивные просторечия («аж», «торонулся»), то есть представлена разнородная сосредоточенная стилистическая конвергенция.

2) *Бабушка* ***еще*** *и* ***еще*** *говорила. В руках у нее* ***крутилось*** *и* ***крутилось*** *веретено. Веки мои склеивались, был я еще слаб после болезни и все* ***спал, спал*** (В.П. Астафьев).

В трех предложениях взаимодействуют парные позиционно-лексические повторы, т.е. представлена однородная рассредоточенная стилистическая конвергенция.

В рамках С.к. отдельно выделяют конвергенцию Стилистических фигур (см.) — взаимодействие стилистических фигур на основе выполнения ими общей стилистической функции.

Использование стилистических фигур в их взаимодействии — один из способов сделать речь более убедительной и яркой. Подтверждение этому находим в античных риториках: «Сильное впечатление производит обыкновенно и сочетание нескольких фигур, когда две или три, объединившись как бы в компанию, способствуют силе, убедительности и красоте речи» (Феофраст // Античные теории..., 1996. С. 277).

Приведем пример С.к. с использованием взаимодействующих стилистических фигур.

3) *Чего только в коробе-сундуке не было! Перво-наперво,* ***платье гостиное*** *лежало! Кафтан, шитый гладью, ферезь и епанча* ***в мехах собольих****! И* ***сапоги сафьяновые красные****, и* ***шапка бархатная с перышком павлиньим****! И* ***ножик кызылбашский****, и кольчушка с мисюркой, и* ***сабелька булатная****! И чаша из страфилактового яйца,* ***в серебро оправленная****,* ***с надписью затейливой****: «Из сей чаши приятно пить!»* (Д. Дурасов*).*

В С.к. вступают риторическое восклицание (1-е предложение), полисиндетон (многочисленный повтор союза «и»), инверсии (выделены), изобрази-

тельная функция которых усиливается парцелляцией, оформленной восклицательными знаками. В осуществлении единой стилистической функции участвуют также лексические экспрессивы («с перышком», «кольчюшка с мисюркой», «сабелька» — слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами) и разговорно-фольклорные элементы («в коробе-сундуке», «перво-наперво»). Используются и художественные определения (см. Эпитеты): «платье гостиное», «в мехах собольих».

Наиболее часто в речи представлены два типа взаимодействия стилистических приемов — последовательное соединение и наложение. Напр.:

4) *И он* ***говорил, говорил****, все* ***чаще и чаще*** *открывая ей уже и самые сокровенные мысли, настроения* (А. Рогов. Древняя пастораль) — последовательное соединение редупликаций.

5) *Юный красавец крутил «солнце» на турнике —* ***и раз, и два, и три, и пять, и десять*** (Э. Русаков. Конец сезона) — наложение градации и полисиндетона.

И.В. Пекарская считает необходимым (принципиально важным) «...разграничивать контаминацию элокутивных средств: наложение (или вставку) одного стилистического средства (тропа, фигуры, других экспрессивов) на другое (в другое) с целью усиления изобразительности речи (создания конкретности представления, восприятия его в деталях данной речевой ситуации) и конвергенцию: последовательное соединение (сцепление) элокутивных средств с целью усиления выразительности речи, т.е. способности удерживать внимание собеседника от начала и до конца речевой коммуникации». Контаминация, по ее мнению, «...представляет собой категорию синтагматическую, а конвергенция — парадигматическую)» (Пекарская И.В., 2001. С. 10).

С.к. широко используется как в художественных (поэтических и прозаических), так и в публицистических и научно-популярных текстах.

Речевые функции С.к. многообразны: усиление эффекта энергичности, стремительности действия (илл. 1) или его длительности (илл. 2, 4), художественно-образная конкретизация изображаемого (илл. 3), ритмообразующая функция (илл. 5, 6) и др.

6) *...А потом все-таки зацепился в одном месте, во втором, в третьем...* ***Опять*** *не удержался,* ***опять*** *отошел еще на несколько километров и снова з а ц е п и л с я одной дивизией, потом другой... З а ц е п и л с я и выстоял.* (К. Симонов).

Здесь взаимодействие контекстуального Эллипсиса (см.), Парцелляции (см.), Анафоры (см.) (выделена жирным шрифтом) и Позиционно-лексический повтор (см.) (разрядка) создает такой «прерывистый» («рубленый») ритм, который соответствует трудности изображаемого действия.

В публицистических текстах С.к. часто используется в функции создания иронического эффекта. Напр.:

7) *А власть — тут как тут. С ложкой* (ЮСВ, 10 дек. 1994 г., заголовок). В данном примере словоформа инверсируется и парцеллируется для подчеркивания смысла. Используется и метафора «власть с ложкой».

8) *...По предложению лидера фракции НДР Александра Шохина, в зал заседаний Думы теперь запрещено проносить стеклянные бутылки и стаканы (разрешена только пластмасса), а употребляемые парламентариями жидкости не должны иметь цвета и запаха, чтобы не замарать депутатские мундиры (т.е. костюмы).*

Кстати, аналогичные правила действуют во всем мире — в психушках, в палатах для буйных. Но там еще и мебель обивают поролоном (Тр., 19 марта 1998 г.).

Здесь в создании иронического эффекта участвуют: парентеза («разрешена только пластмасса»), аллойоза («мундиры» уточняется словом «костюмы»), экспрессив («в психушках»). Текст построен на скрытом сравнении (зал Думы сравнивается с больницами для людей, имеющих психические отклонения). Обыгрывается выражение «замарать депутатские мундиры (Ср.: «замарать мундиры»; «запятнать мундиры» и «запятнать честь»).

С.к. является недостаточно изученным явлением современного русского литературного языка.

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л., 1981; **Астафьева И.М.** Стилистическое использование комплексов синтаксических приемов // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Т. 42. М., 1968; **Гольдман А.А.** Типы конвергенции стилистических приемов // Проблемы лингвистического анализа текста и лингводидактические задачи. Ч. 1. Иркутск, 1983; **Копнина Г.А.** Конвергенция стилистических фигур в современном русском литературном языке (на материале художественных и газетно-публицистических текстов): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2001; **Маторина Н.С.** Информационный потенциал стилистических конвергенций (на материале англо-американской художественной прозы): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1989; **Обнорская М.Е.** Синтаксические конвергенции // Стилистика романо-германских языков (Материалы семинара) / Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 491. Л., 1972; **Пекарская И.В.** Теория фигур на современном этапе: актуальная проблематика и перспективы изучения // Актуальные проблемы языка и литературы на рубеже веков: Материалы Всерос. конф., 25—27 сентября 2001 г. Абакан, 2001; **Риффатер М**. Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980; **Сковородников А.П.** Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981; Riffatere Michael. Stulistie Context // Word. 1960. V. 16. № 2.

Г.А. Копнина

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ОКРАСКА. См. Коннотация.

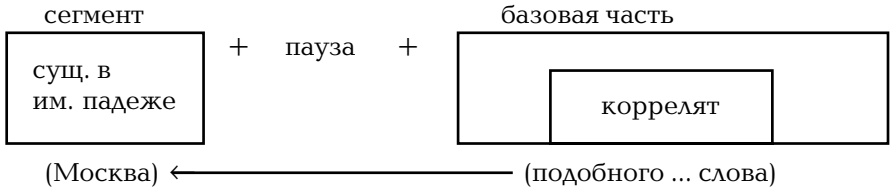
СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФИГУ́РА (от лат. figura — очертание, образ, изображение, оборот речи) — термин, привнесенный в античную риторику из искусства танца и обозначавший «необычные синтаксические обороты речи, служащие ее украшению» (Словарь литературоведческих терминов, 1974. С. 353).

В современной филологии нет общепринятой точки зрения на природу, терминологическое обозначение и классификацию С.ф. (см. Топоров В.Н., 1990. С. 542). Существует широкое и узкое понимание С.ф. В широком смысле к С.ф. относят «любые обороты речи, отступающие от нек-рой (ближе неопределяемой) нормы разговорной «естественности» (Гаспаров М.Л., 1987. С. 466). При таком взгляде на С.ф. в их состав включаются любые стилистические приемы, включая тропы. В узком понимании С.ф. называются «синтагматически образуемые средства выразительности» (см., напр.: Скребнев Ю.М., 1997. С. 591).

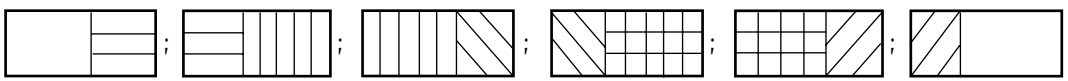
По-видимому, с точки зрения системного подхода к исследованию выразительных средств языка/речи и их терминологическому обозначению, целесообразно рассматривать понятия С.ф. и тропа в качестве гипонимов (разновидностей) по отношению к родовому понятию (гипероним) Стилистический прием (см.).

Отличительной особенностью С.ф. как разновидности стилистического приема является ее относительно формализованный характер (наличие синтагматической схемы, реализуемой в пределах предложения или текста). Напр., С.ф. являются конструкции с именительным темы (1), анадиплозис (2), полисиндетон (3) и ряд других фигур.

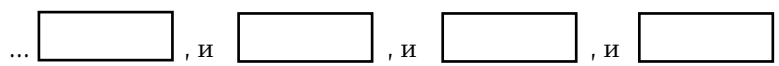
1. ***Москва!*** *На картах мира нет для нас* ***подобного****, наполненного таким содержанием* ***слова*** (Л. Леонов).

2. *Так и вышло — запнулся и* ***завяз... завяз и покраснел; покраснел и потерялся; потерялся и поднял глаза; поднял глаза и обвел их кругом; обвел их кругом и*** *— обмер...* (Ф. Достоевский).

3. *... Попишу животом,* ***и*** *ноздрей,* ***и*** *ногами,* ***и*** *пятками,*
Двухкопеечным мыслям придам сумасшедший размах
(Саша Черный).

Разные С.ф обладают различной степенью формализованности (моделируемости). Так, рассмотренные выше фигуры обладают неодинаковой степенью формализованности, так как их реализация требует соблюдения разного количества условий: в именительном темы — четырех (сегмент, пауза, базовая часть, коррелят в базовой части); в анадиплозисе и полисиндетоне — двух: в анадиплозисе — повтор компонентов, один из которых расположен в конце какого-либо отрезка речи (предложения, стихотворной строки и т.д.), а другой — в начале следующего; в полисиндетоне — наличие повторяющихся союзов при однородных членах предложения или однородных частях предложения или текста.

Таким образом, С.ф. можно определить как синтагматически типизируемый (относительно формализованный) стилистический прием.

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; **Боженкова Н.А.** Стилистические фигуры и типологические аспекты исследования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1998; **Василькова Н.Н.** Типология стилистических фигур в риториках и

курсах словесности II пол. XVIII — нач. XIX вв.: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1990; **Гаспаров М.Л.** Фигуры стилистические // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Горшков А.И.** Русская словесность: От слова к словесности. М., 1996; Общая риторика: Пер. с фр. / **Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон** и др. М., 1986; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; **Корольков В.И.** К теории фигур // Сб. науч. трудов. Вып. 78 / МГПИИЯ им. М. Тореза. М., 1973; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; Риторика и синтаксические структуры: Тезисы краевой науч.-практ. конф. 1—3 февраля 1989. Красноярск, 1988; **Сковородников А.П.** О системном описании понятия «стилистическая фигура» // РР. № 4. 2002; **Скребнев Ю.М.** Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Скребнев Ю.М.** Фигуры речи // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; Словарь литературоведческих терминов / Сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; **Топоров В.Н.** Фигуры речи // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1994.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

СТИЛИСТИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ — частный случай Риторической функции (см.); предназначенность (роль) языковой/речевой единицы в достижении того или иного Стилистического задания (см.). Так, напр., в следующем тексте ярко выступает изобразительная функция речевых единиц:

Ключ начал полнеть, и не один уже ключ, а два, три, уже грозный поток хлещет из скалы, катит камни, ломает деревья, выворачивает их с корнями, несет, крутит. Вот-вот он сметет избушку под горой, смоет завозню и обрушит все с гор. В небе ударят громы, сверкнут молнии, и от них вспыхнут таинственные цветы папоротника. От цветов зажжется лес, зажжется земля, и уже не залить будет этот огонь ни ручьем, ни Енисеем — ничем не остановить страшную бурю! (В. Астафьев).

В приведенном примере в изобразительной функции (с целью создания наглядно-образного представления) используются: слово с экспрессивным уменьшительно-ласкательным суффиксом (*избушка*), метафоры (*ключ начал полнеть, вспыхнут цветы, зажжется лес, зажжется земля*), эпитеты (*грозный поток, таинственные цветы, страшную бурю*), восходящая градация (*не один ключ, а два, три, уже грозный поток; ни ручьем, ни Енисеем; ломает деревья, выворачивает их с корнем*), асиндетон (*хлещет, катит, ломает, выворачивает, несет, крутит*), редупликация (*вот-вот*), изоколон (*катит камни, ломает деревья; ударят громы, сверкнут молнии; зажжется лес, зажжется земля*), анаколуф (повествовательно-восклицательная конструкция в последнем предложении). Читатель воочию видит картину стремительного наводнения, слышит шум воды, грохот камней, гром, чему способствует также аллитерация на [р] в словах *три, грозный, деревья, выворачивает, с корнем, крутит, горой, обрушит, с гор, ударят, громы, сверкнут, буря.* Эффект стремительности и стихийности происходящего усиливается приемом аккумуляции.

Существуют и другие точки зрения на содержание понятия С.ф. Так, напр., Л.А. Матвиевская отождествляет понятие С.ф. с актуализацией определенного свойства, значения речевого средства (Матвиевская Л.А., 1978. С. 32). В.А. Левашова под С.ф. понимает «использование элемента для выражения или различения некоторого значения», имея в виду дополнительную к предметно-логическому содержанию высказывания стилистическую информацию (Левашова В.А., 1976. С. 112). По мнению И.В. Арнольд, «стилистическая функция есть идейное воздействие на целостную личность читателя, а не только на его логическое мышление» (Арнольд И.В., 1970. С. 11), а также «выразительный потенциал взаимодействия языковых средств в тексте» (Арнольд И.В., 1981. С. 47).

Наряду со С.ф. употребляется понятие «стилевая функция речевой разновидности»: «В конкретных речевых разновидностях на базе общеязыковых Ф. развиваются стилевые Ф.; среди которых также выделяются основные (конструктивные) и частные (неконструктивные). <...> Обычно выделяют следующие стилистико-речевые функции: Ф. *выразительности, изобразительности, образности, эстетическую* Ф., *информативную* (сообщения), Ф. *воздействия* (экспрессивную), *агитационную-пропагандистскую*, Ф. *ценностной ориентации*, *популяризаторскую, рекламную, социальной оценки*, Ф. *предписания* (долженствование, или императивную), *констатации, фатическую* и некоторые др.» (Данилевская Н.В., 2003. С. 402).

Одни из перечисленных выше стилевых функций являются непосредственным отражением общеязыковых функций (эстетическая, информативная, фатическая, воздействующая, императивная), другие являются их конкретизацией (функции изобразительности, образности, популяризаторская, рекламная, социальной оценки и др.).

Таким образом, понятия и термины «стилистическая функция» и «стилевая функция» не являются синонимичными.

Лит.: **Азнаурова Э.С.** К вопросу о природе стилистической функции языка // Сборник научных трудов МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 73. М., 1973; **Арнольд И.В.** О стилистической функции // Вопросы теории английского и русского языков / Ученые записки ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 471. Вологда, 1970; **Арнольд И.В.** Стилистика современного английского языка (Стилистика декодирования). Л., 1981; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Виноградов В.А.** Функции языка // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Данилевская Н.В.** Стилевые функции речевых разновидностей // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Ефимов А.И.** Стилистика русского языка. М., 1969; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Копнина Г.А.** Об определении понятий «стилистический эффект» и «стилистическая функция» // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000; **Левашова В.А.** Лингвистическая природа и функционирование стилистического приема перечисления (на материале английского языка): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1976; **Матвиевская Л.А.** Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; **Хованская З.И.** Стилистика французского языка. М., 1984.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

СТИЛИСТИЧЕСКИЕ РЕСУРСЫ ЯЗЫКА — термин, используемый для обозначения языковых единиц и явлений языковой системы, использование которых придает речи особую выразительность. «В силу многообразия значений, оттенков значений и эмоционально-экспрессивной окраски в языковых средствах заключены возможности их целенаправленного употребления, рассчитанного на определенное воздействие на читателя или слушателя. Эти возможности называют обычно стилистическими возможностями языковых средств. При этом определение «стилистические» выступает в широком значении — «связанные с языковым употреблением» <...> Наибольшие стилистические возможности заключены в словарном составе (лексике) и фразеологии русского языка. Богат ими и синтаксис. Меньшими стилистическими возможностями располагает морфология» (Горшков А.И., 1995. С. 42).

К стилистическим ресурсам языка относят также средства словесной образности (см.: Образность) и выразительности (см. Выразительность речи и Выразительные средства языка).

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Горшков А.И.** Русская словесность: От слова к словесности. М., 1995; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. М., 1974.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

СТИЛИСТИ́ЧЕСКИЙ КОНТРА́СТ (от франц. contrast — противоположность) — принцип линейно-синтагматической организации речевого произведения, который заключается в резком противопоставлении различных элементов текста с целью создания определенного стилистического эффекта.

С.к. как стилистическая категория имеет лексико-семантическую основу. Логическую же базу категории С.к. образуют три вида противоположности — контрарная, контрадикторная и комплементарная. В первом случае противоположность выражается видовыми понятиями, между которыми есть средний, промежуточный член: *молодой — нестарый, средних лет, пожилой... — старый*. Контрадикторная противоположность выражена отношениями типа А — не А: *белый — не белый*, *холодный — не холодный*. В третьем случае (комплементарная противоположность) отношения К. образуются видовыми понятиями, которые дополняют друг друга до родового и являются предельными (полярными) по своему характеру: *конечный — бесконечный*, *добро — зло*, *истина — ложь*. В стилистических целях могут быть использованы в качестве логической основы все виды противоположностей.

С.к. может быть выражен не только Антонимами (см.), в том числе контекстуальными, которые являются основным средством, выражающим в языке отношения противоположности. К. может создаваться синонимами: *Вы хотите сказать, что человечество еще живо? Если вы и правы, то лишь отчасти. Разве можно назвать* ***жизнью*** *это* ***существование*** *с непременным букетом недомоганий, хворей и недугов?* (Собеседник, № 4. 1993 г.). Иногда в стилистических целях противопоставляются слова, связанные родо-видовыми отношениями: *Грубо и зримо: цель приватизации — улучшить жизнь* ***народа****, а не отдельно взятых* ***личностей*** (Собеседник, № 1. 1992 г.). В данном примере слово «народ» является гиперонимом по отношению к гипониму «личность». К. может

быть реализован через столкновение привычного и необычного в сознании адресата: *Это была «живая» Пугачева, в обычном московском баре, красивое испанское название которого (**«Ла Кантина»**) по-русски звучит просто: **«Столовая»*** (ВК, 31 янв. 1998 г.).

По принципу С.к. могут быть построены различные Стилистические приемы (см.). Наиболее распространенными из них являются Антитеза (см.), Оксюморон (см.), Антифразис (см.).

Земля *гипербол*
лежит под ними
Как **небо** метафор
плывет над нами!
(И. Бродский)

В данном примере для создания развернутой антитезы использованы пары контрастных, противопоставленных по разным основаниям, слов: *земля — небо* (К. по расположению в пространстве), *под — над* (антонимичные предлоги), *лежит — плывет* (противопоставление по признаку наличия/отсутствия движения), *ними — нами* (противопоставление местоимений «мы» — «они»).

*С тех пор уязвленная его душа не знала покоя, и в течение многих лет «**иностранец** Фет» прилагал усилия, чтобы превратиться в **русского** дворянина Шеншина* (ВК, 2 дек. 1997 г.). В данном случае для создания К. использованы антонимы «русский» — «иностранный».

В антифразисе С.к. реализуется на уровне слова за счет актуализации двух противоположных значений: *Откуда, **умная**, бредешь ты голова?* (И. Крылов). В данном случае узуальному значению слова «умный» противопоставляется окказиональное значение «глупый», которое подразумевается (слово «умный» использовано в басне в качестве обращения к ослу). *С редакторами у меня взаимная **приязнь** с застойных еще лет* (из интервью с Е. Шифриным). В этом примере актуализированы значения «симпатичный» — «антипатичный».

В оксюмороне С.к. реализуется за счет объединения в словосочетание двух слов, значения которых исключают одновременное их употребление. Однако это делается для создания нового понятия или особой характеристики предмета: *Стоило только мне погрузиться в эти пуховые волны, как какое-то снотворное, маковое покрывало тотчас надвигалось на мои глаза и застилало от них весь Петербург с его **веселящей скукой** и **скучающей веселостью*** (Н. Лесков). «Скука» и «веселье» исключают одновременное присутствие, но для создания стилистического эффекта контрастные слова дважды в этом примере объединены в словосочетания. *Мечты **старого юноши** напряглись, он уходил в занесенное снежными сугробами поле, к батрацким избам...* (Г. Данилевский). В одно словосочетание объединены два слова, значения которых подразумевают отсутствие друг друга.

Приемы С.к. образуются на основе минимальных контекстов, в состав которых входят слова с противоположным узуальным или окказиональным значением. Основной функцией таких приемов можно считать необходимость одновременной характеристики предмета изображения с противоположных сторон, т.е. противоположные по значению слова не сталкиваются, а дополняют друг друга.

С.к. может быть реализован на уровне всего текста путем противопоставления образов, предметов, признаков двух планов описания. В рассказе А. Чехова

«Толстый и тонкий» С.к. раскрывается на протяжении всего текста через противопоставление манеры поведения героев, их поступков, увлечений и т.д. При этом далеко не всегда для реализации С.к. используются антонимы: *Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей* (А. Чехов).

С.к. является одним из важнейших языковых принципов, позволяющих раскрыть сложное диалектическое противоречие изображаемого.

Лит.: **Аксанова Н.В.** К вопросу о понятии противоположности как основе лексической антонимии // Актуальные проблемы филологии. М., 1981; **Андреева Г.В.** Языковое выражение контраста и его стилистические функции в художественной прозе: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1984; **Введенская Л.А.** Стилистические фигуры, основанные на антонимах // Краткие очерки по русскому языку. Вып. 2. Курск, 1966; **Вирячев П.В.** Выражение противоположности в языке науки: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1997; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Еленевская М.Н.** Синонимия как средство выражения контраста и аналогии в афоризме // Лексическая семантика и фразеология. Л., 1987; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Матвиевская Л.А.** Стилистическое использование антонимов (на материале произведений М.Ю. Лермонтова): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; **Махова Э.Ф.** Контраст как один из способов проявления оценки в тексте: (К вопросу эстетической терминологии а ее лингвистическом аспекте) // Межуровневые связи в синхронии и диахронии. Свердловск, 1987; **Новиков Л.А.** Антонимия в русском языке. М., 1983; **Павлович Н.В.** Семантика оксюморона // Лингвистика и поэтика. М.: Наука, 1979; **Чмыхова Н.М., Баскакова Л.В.** О речевых приемах реализации контраста // Проблемы экспрессивной стилистики. Вып. 2. Ростов н/Д, 1999; **Шишкина Т.И.** Атрибутивные оксюморонные сочетания как функционально-значимое отклонение от ономасиологической нормы в поэтическом контексте. Тула, 1991.

А.В. Щербаков

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ПРИЁМ — понятие, не имеющее в научной литературе общепринятого определения. Под С.п. понимают: 1) «класс моделей, в основе создания которого лежит единый принцип» (Чулкова В.С., 1978. С. 22), «модели, абстрагированные от конкретных морфологических, лексических, фразеологических, синтаксических средств языка, имеющих особую выделительную, экспрессивную окраску» (Гальперин И.Р., 1974. С. 122); 2) «способ, который сознательно, с определенной целью используется поэтом, писателем для более точного выражения своей мысли, для усиления образно-выразительной функции языка» (Пастухова В.Я., 1980. С. 10), «преднамеренный способ использования определенных языковых средств в целях достижения выразительного (экспрессивного) эффекта» (Маслова В.А., 1992. С. 347), «способ организации высказывания (текста), усиливающий его выразительность» (Матвеева Т.В., 2003. С. 341); 3) «любое использование языковых средств, сознательно подчиненное функции выдвижения, с целью создания художественного эффекта» (Азарова Л.В., 1981. С. 31).

Общим для большинства определений С.п. является подчеркивание его предназначения, а именно выполнения им выразительной/изобразительной/экспрессивной/художественной функции. Что же касается словарей и справочников, то в одних термин С.п. отсутствует (см., напр.: Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1976; Ахманова О.С., 1966; Квятковский А.П., 1998 и др.), в других же С.п. рассматривается, либо как разновидность литературного приема — конструктивного принципа организации литературного высказывания (Песков А.М., 1987. С. 304), либо как «способ организации высказывания/текста, усиливающий его выразительность» (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 131), либо приравнивается к понятию стилистического средства (Тимофеев Л.И., 1974. С. 294).

С точки зрения системного подхода целесообразно рассматривать С.п. как разновидность риторического приема (см.), основанную на мотивированном (интенцией говорящего/пишущего и контекстом и/или ситуацией) отклонении от языковой нормы, ее стилистически нейтрального варианта или речевой нормы.

На отклонении от языковой нормы строятся, напр., такие С.п., как (1) Анаколуф (см.) и (2) Грамматический троп (см.):

1. ***Стать женой Эрика — девчонки умрут от зависти**, для них турецкий шашлычник — уже принц (А. Рыбаков).* Ср.: синтаксически связный текст *Стать женой Эрика — значит вызвать зависть девчонок.*

2. *Только у россиян — свой опыт стояния в очередях, свои законы. Ведь запросто могут и заявить: мы вас тут не видели, **вас тут не стояло** (АиФ. № 34. 1994 г.)* — ненормативное употребление глагола «стоять» в безличной форме.

На отклонении от нейтрального варианта языковой нормы основан эллипсис. Напр.:

3. *Есть захотелось,*
пояс — потуже,
в руки — винтовку
и
на фронт (В. Маяковский)

Здесь выделенная часть текста представляет собой цепочку эллиптированных глагольных сказуемых. Такая синтаксическая конструкция является стилистически значимым отклонением от нейтрального варианта синтаксической нормы — полного двусоставного предложения.

С.п., построенными на отклонении от речевой нормы, являются, например, (4) Парцелляция (см.), (5) Антиципация (см.), (6) Амплификация (см.) и др.

4. *Некто четвертый — этой мой страх. Он сидит во мне.* ***Он правит мной. Подсказывает. Корректирует. Вымогает. Удерживает. Бросает в дрожь. Усиливает кровообращение. Вгоняет в жар. В холод. Создает ощущение беспомощности. Оцепенения. Полного разлада с другим моим «я»*** *(Ю. Азаров)* — парцелляция расчленяет единую синтаксическую структуру предложения на ряд интонационно-смысловых отрезков.

5. *Так сколько же **она** стоит —* ***человеческая жизнь****? (КП, 7 дек. 1991 г.)* — антиципация расчленяет (сегментирует) предложение на два интонационно-смысловых отрезка, в первом из которых используется предвосхищающее указательное местоимение «она».

6. *Пусть это обиталище, называемое земным раем, будет всегда по-осеннему сыро, глухо и темно, пусть в нем и на нем ничего не растет, пусть гремят на*

нем и над ним громы, пусть огонь и дым будут его воздухом, его климатом, его небесным проклятьем, и пусть в огне и в дыму бредут в одиночку, строем ли, ротами, полками, сами себя забывшие существа обратно, в небытие, в геену огненную, и если достигнут они своего предела, то пусть снова окажутся на четвереньках, без одежд, без разума, утеряв в пути всякое знание, оборонив то, чем они убивали друг друга — пусть грядет кара, давно ими заслуженная (В. Астафьев) — за счет амплификации протяженность высказывания превышает среднестатистическую.

С.п. может быть композиционным приемом построения текста. Например, Градация (см.) как прием, построенный на отклонении от речевой нормы, «пронизывает» следующий рассказ.

7. — Разрешите вам предложить...

— Я замужем.

— Шампанское, розы, ресторан.

— Я — честная женщина! Муж, дети...

— Море шампанского, дома из роз, яхта, кругосвет...

— Муж ревнивец. Узнает — убьет!

— Океан шампанского, остров из роз, личный дом моделей, любые капризы...

— Занятно. Но... муж... подлец! Дети... зануды!

— Банки, заводы, гостиницы, казино, аэродромы, танкеры, нефтедоллары, золотые прииски, алмазные копи*... Снова отказываетесь?*

— Ну почему... Я... вас... уже почти... Только повторите последнее предложение помедленнее и лучше... в письменном виде! (А. Макуни).

В некоторых текстах С.п. могут совмещаться. Так, например, в следующем высказывании происходит совмещение Апозиопезиса (см.), Анаколуфа (см.) и Эллипсиса (см.):

8. *Он всех подозревал в каких-то кознях.* ***Я даже опасалась... но не буду об этом*** (Ю. Нагибин).

Таким образом, С.п. представляет собой **способ организации высказывания (предложения, части текста или текста в целом) на основе прагматически мотивированного отклонения от языковой нормы, или ее нейтрального варианта, или речевой нормы с целью определенного воздействия на адресата**.

С.п. можно подразделить на тропеические и нетропеические. К тропеическим С.п. относятся лексические тропы (см. Троп) и грамматические тропы (см. Грамматический троп); к нетропеическим С.п. — Стилистические фигуры (см.) и нефигуральные С.п. К нефигуральным нетропеическим С.п. можно отнести Амплификацию (см.), Аллитерацию (см.), Ассонанс (см.), Аллюзию (см.), Анаколуф (см.), Апозиопезис (см.) и др.

Нередко С.п. взаимодействуют друг с другом (см. Стилистическая конвергенция). Напр.:

9. *И, наконец, еще одно клеймо* ***приляпал*** *Андрей к Царю: «недобрый».*

Троцкий был ***д о б р****. Зиновьев, расстреливший* ***половину Петрограда****, был* ***д о б р ы й****. Бела Кун и Землячка, руководившие крымскими расстрелами, были* ***д о б р ы м и.*** *Ленин был — ну* ***просто д о б р я к:*** *«расстреливать всех без излишней* ***идиотской*** *волокиты». Тот же Ленин, а вместе с ним Свердлов, Войков, Юровский, Голощекин, Белобородов <...> были* ***д о б р ы м и****, устроив* ***мясорубку*** *в Ипатьевском доме, а потом в лесу около Ганиной ямы.*

Да Государя и сгубила именно доброта (В. Солоухин) — взаимодействие антифразиса и лексического повтора (выделены разрядкой), метафоры (*мясорубку*), метонимической гиперболы (*половину Петрограда)*, градации (*добрый — просто добряк*) и эмоционально-оценочной лексики (*приляпал, идиотской волокиты*).

Лит.: **Азарова Л.В**. Прием преуменьшения и его функции в современном английском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1981; **Ахманова О.С**. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Гальперин И.Р**. Информативность единиц языка. М., 1974; **Квятковский А.П**. Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Маслова В.А.** Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста: Дис. ... докт. филол. наук. Минск, 1992; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Пастухова В.Я.** Парадигматическая и синтагматическая связанность компонентов оксюморонного сочетания: Дис. ... канд. филол. наук. Ростов н/Д., 1980; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. 1—2. Абакан, 2000; **Песков А.М.** Прием литературный // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Риффатер М.** Критерии стилистического анализа // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. IX. Лингвостилистика. М., 1980; **Розенталь Д.Э.**, **Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Тимофеев Л.И.** Прием // Словарь литературоведческих терминов / Ред.-сост. Л.И. Тимофеев и С.В. Тураев. М., 1974; **Чулкова В.С.** Многочленный стилистический прием как одно из средств интеграции текста (на материале англоязычных прозаических текстов): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1978; Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И. Новиков, Е.А. Шкловский. М., 1998.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

СТИЛИСТИЧЕСКИЙ ЭФФЕКТ — разновидность риторического эффекта; «стилистическое впечатление» (Скребнев Ю.М., 1975. С. 21), возникающее у адресата речи в результате восприятия того или иного Стилистического приема (см.).

Несмотря на ряд работ, посвященных проблеме определения С.э., общепринятой дефиниции этого понятия нет. Так, например, С.э. определяется В.Е. Ярнатовской как «повышенная экспрессивность сообщения, высокая степень выражения эмоций, оценки действий, состояний и т.п.» (Ярнатовская В.Е., 1982. С. 159). Иное понимание С.э. встречаем у Л.М. Болдыревой: «Стилистический эффект — это конкретная интеллектуальная и эмоциональная реакция получателя речи на использование в речи с определенными стилистическими целями языковых средств» (Болдырева Л.М., 1968. С. 442). По мнению Н.В. Данилевской, С.э. — это «заложенное» в высказывании и реализованное в нем с помощью специальных языковых средств намерение автора речи вызвать у адресата определенную эмоциональную реакцию на это высказывание» (Данилевская Н.В., 2003. С. 488).

С точки зрения Ю.М. Скребнева, трудность исследования и определения С.э. состоит в том, что, во-первых, «проблема стилистического эффекта, проблема эмоциональной реакции индивида на воспринимаемый текст не является собственно лингвистической проблемой. Она представляет собой внесение элемента

психологии речи в лингвистическое исследование», во-вторых, «стилистический эффект, локализующийся в психике индивида, неизбежно уникален. Он представляет собой порождение индивидуальных ассоциаций, индивидуальной языковой компетенции. Стилистика, в свою очередь, обязана вскрыть лишь общее, коллективно значимое» (Скребнев Ю.М., 1975. С. 26, 27).

Тем не менее С.э. поддаются определенной типизации и могут быть выявлены в результате контекстологического анализа. Так, напр., в следующем отрывке из повести Н.В. Гоголя «Тарас Бульба» трагический эффект, обусловленный содержанием, усиливается комплексом стилистических приемов: повтором прямой речи персонажа (*Добре, сынку, добре!*), апозиопезой (*...ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и...*), сравнением (*как исполин*), градацией (*Ни крика, ни стону*), метафорой (*мертвой толпы*), синонимическим варьированием (*глаза..., очи*), инверсиями (*ужасный хряск их; отворотил глаза свои; не вырвалось из уст его; не дрогнуло лицо его*).

После этого он приблизился к эшафоту.

— Добре, сынку, добре! — сказал тихо Бульба и уставил в землю свою седую голову.

Палач сдернул с него ветхие лохмотья; ему увязали руки и ноги в нарочно сделанные станки, и... <...>

Остап выносил терзания и пытки, как исполин. Ни крика, ни стону не было слышно даже тогда, когда стали перебивать ему на руках и ногах кости, когда ужасный хряск их послышался среди мертвой толпы отдаленными зрителями, когда панянки отворотили глаза свои, — ничто похожее на стон, не вырвалось из уст его, не дрогнулось лицо его. Тарас стоял в толпе, потупив голову и в то же время гордо приподняв очи, и одобрительно только говорил: «Добре, сынку, добре!».

С помощью стилистических приемов может быть достигнут противоположный — комический — эффект, как, напр., в следующем описании гостиной Собакевича в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя:

Вошед в гостиную, Собакевич, показал на кресло, сказавши опять: «Прошу!». Садясь, Чичиков взглянул на стены и на висевшие на них картины. На картинах все были молодцы, греческие полководцы, гравированные во весь рост: Маврокордато в красных панталонах и мундире, с очками на носу, Миаули, Канари. Все эти герои были с такими толстыми ляшками и неслыханными усами, что дрожь проходила по телу. Между крепкими греками, неизвестно каким образом и для чего, поместился Багратион, тощий, худенький, с маленькими знаменами и пушками внизу, и в самых узеньких рамках. Потом опять следовала героиня греческая Бобелина, которой одна нога казалась больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные.

Комическая нелепость присутствия в гостиной русского помещика Собакевича портретов греческих полководцев, не имеющих никакого отношения к истории и культуре России, усиливается использованием приемов гиперболы (толстые ляшки; неслыханные усы греческих полководцев; огромная нога Бобелины, казавшаяся «больше всего туловища тех щеголей, которые наполняют нынешние гостиные») и мейозиса (тощий, худенький Багратион с маленькими знаменами и пушками; щеголи с туловищами меньше ноги Бобелины).

Понятие С.э. соотносится с понятиями стилистического задания, стилистического значения и стилистической функции. Стилистическое задание, будучи экстралингвистическим фактором, мотивирует отбор и употребление языковых

единиц, имеющих/приобретающих Стилистическое значение (см.) и выполняющих в контексте определенную Стилистическую функцию (см.). Таким образом, стилистическое задание, опосредованное стилистическим значением и стилистической функцией, в известной мере определяет стилистически эффект. При этом стилистический эффект не всегда может соответствовать стилистическому заданию, что свидетельствует о неуспешности коммуникативного акта.

Лит.: **Болдырева Л.М.** К вопросу функционально-стилистической характеристики фразеологических единиц // Ученые записки МГПИИЯ им. М. Тореза. Т. 42. М., 1968; **Винокур Т.Г.** Закономерности стилистического использования языковых единиц. М., 1980; **Данилевская Н.В.** Стилистический эффект // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Под ред. М.Н. Кожиной. М., 2003; **Копнина Г.А.** Об определении понятий «стилистический эффект» и «стилистическая функция» // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000; **Лузина Л.Г.** О содержании понятия «стилистический эффект» с точки зрения речевого воздействия // Речевое воздействие в сфере массовой коммуникации. М., 1990; **Скребнев Ю.М**. Очерк теории стилистики. Горький, 1975; **Ярнатовская В.Е**. Выражение стилистического эффекта в немецкой разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи: Респ. сб. науч. тр. Горький, 1982.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

СТИЛИСТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ. См. Коннотация.

СТЫК. То же, что Анадиплозис.

Т

ТАВТОЛО́ГИЯ$_1$ (от греч. tautologia, от tautó — то же самое и logos — слово) — термин, который применительно к области речевой культуры имеет несколько разных осмыслений. Так, например, В.А. Виноградов определяет Т. как «содержательную избыточность высказывания, проявляющуюся в смысловом дублировании целого или его части». Будучи явлением речи, Т. «свидетельствует обычно о недостаточной логической и языковой грамотности говорящего, допускающего Т. неосознанно (не как стилистический прием)», например, «труп мертвого человека», «более теплее». Кроме того, отмечается, что «иногда Т. закрепляется во фразеологических выражениях (пути-дороги), во фразеологических моделях (читать не читал, но...; лежмя лежать). Такие случаи Т. свойственны разговорной и народно-поэтической речи» [Виноградов В.А., 1990. С. 501]

О.С. Ахманова определяет Т. как «неоправданную избыточность выражения» (самый наилучший, более красивее) [Ахманова О.С., 1966. С. 467]

Д.Э. Розенталь и М.А. Теленкова говорят о трех значениях термина Т.:

1. Тождесловие, повторение сказанного другими словами, не вносящее ничего нового (Авторские слова — это слова автора); 2. Повторение в предложении однокоренных слов (Следует отметить следующие особенности произведения); 3. Неоправданная избыточность выражения (Более лучшее предложение; самые высочайшие вершины) [Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1985. С. 352]. Причем остается невыясненной ортологическая квалификация первого и второго речевых явлений. С.Е. Никитина и Н.В. Васильева определяют Т. как «смысловое дублирование высказывания или его частей», отмечая, что термин в русской традиции употребляется с пейоративным оттенком. Указывается также, что Т. может быть ошибкой или стилистическим приемом (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 135). Предельно лаконично (и предельно широко и поэтому неопределенно) как «избыточность выражения» определена Т. в «Общей риторике» Т.Г. Хазагерова и Л.С. Шириной (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 258). Ю.А. Бельчиков определяет Т. как тождесловие и обращает внимание на то, что она может быть следствием речевой небрежности как явление избыточности речи (памятный сувенир, возобновить вновь; закат — это закатывание солнца) и стилистическим приемом. (То, что мы обозначаем как $Т_1$.) Перечень этих приемов весьма обширен: тождесловие «основанное на употреблении однокоренных слов («Дорого вовремя время», Маршак), на повторении (лексической редупликации) уже выраженного смысла («А, чай, он всерьез, не в шутку / Нас учил, как надо жить», Кобзев), на повторении звуков («Лет до ста расти / Нам без старости», Маяковский; Как Ока широка) (см.

Аллитерация, Ассонанс)». К $Т_1$ же относятся такие характерные для фольклора выражения, как «жили-были», «давным-давно», «в стародавние времена», разговорное «огород городить». Отмечается, что $Т_1$ выступает в составе различных сочетаний однокоренных слов или одного и того же слова. Например: «Повстречался им чуж чуженин, чуженинушка»(Островский); «Веревка — вервие простое» (Хемницер); «Добрая семья прибавит разума-ума» (пословица); «Без вины виноват» (пословица); «Правда правдой остается, а молва себе молвой»(Твардовский); «на веки вечные»; «мать-и-мачеха». К явлениям $Т_1$ относятся сложные образования типа бай-бай, трах-тарарах, видимо-невидимо, еле-еле, давным-давно, один-единственный, один-одинешенек, аналитические способы выражения высокой степени качества путем повторения исходного прилагательного (большой-большой, длинный-длинный) или его основы, осложненной приставкой пре- (большой-пребольшой, тощий-претощий). К $Т_1$ он относит также повторение уже выраженного смысла с помощью синонимических обозначений: Молодой жене нашу волюшку, Всю свободушку (народная песня); «Я на речи твои, На приветы твои, — Что сказать не сыщу» (Кольцов); пути-дороги; океан-море [Бельчиков Ю.А., 1997. С. 553].

Сопоставление приведенных определений и примеров $Т_1$ говорит об отсутствии единой дефиниции $Т_1$ как стилистического приема. Для получения дефиниции $Т_1$ именно как стилистического приема, по-видимому, следует оставить в стороне все случаи словообразовательного, фразеологизированного и грамматикализованного повтора, как не имеющие отношения к фигуративному построению речи; синонимический повтор, покрываемый понятием плеоназма (см. Плеоназм$_1$), и разные варианты лексического повтора, имеющие свои терминологические обозначения (см. Повтор). Тогда на долю $Т_1$ как стилистического приема останется частичное смысловое дублирование через повтор однокоренных слов такого типа:

1) *С добрых мягких пожевывающих губ лошади* ***капали капли*** (А. Серафимович); 2) *Почему вдруг вспомнилось лицо Блока, тоже растерянное, только более молодое и светлое, и слова:*

— Как же теперь... его... Митьку... воспитывать?

— Тогда только промелькнуло, а теперь, когда ***вспоминаю это воспоминание****, — мне страшно* (З. Гиппиус);

3) *Искатель новых впечатлений,*
Я вас бежал, отечески края;
Я вас бежал, питомцы наслаждений,
Минутной младости минутные друзья *<...>*
(А. Пушкин);

4) *Слава дней твоих нетленна;*
В песнях будет цвесть она:
Жизнь живущих *неверна,*
Жизнь отживших *неизменна!*
(В. Жуковский);

5) *И в июне в первые недели*
По стране ***веселое веселье,***
И стране нет дела до трухи
(П. Васильев);

6) *Я встал сегодня спозаранку*
И ***мирно мирный*** *день пронес*
(М. Кузмин);

7) ***По русским*** *обычаям, только пожарища*
На русской *земле раскидав позади,*
На наших глазах умирают товарищи,
По-русски *рубаху рванув на груди.*
(К. Симонов)

Перечисленные случаи повтора однокоренных слов имеют следующие общие для них всех признаки: 1. Необычность с точки зрения речевой нормы и, одновременно, стилистическая и прагматическая мотивированность, что ставит их как стилистический прием в оппозицию к аналогичным по структуре стилистически и прагматически дефектным построениям (Ср.: **Следует** отметить **следующие** особенности произведения; К недостаткам пособия можно отнести **недостаточное** количество иллюстративного материала и т.п.); 2. Повторяющиеся однокоренные слова не находятся в отношениях синтаксической однородности и сочинительной связи; 3. Повторы такого рода не являются избыточными ни с денотативной, ни с коннотативной точек зрения.

Таким образом, $Т_1$ как стилистический прием представляет собой стилистически мотивированный повтор однокоренных слов, находящихся в пределах предложения в отношениях непосредственного или опосредованного подчинения или соподчинения, а также взаимного подчинения (координации). Общая функция этого стилистического приема — акцентирование того понятия (концепта), которое заключено в корневой части повторяющихся слов. По-видимому, благодаря этой особенности $Т_1$ довольно широко используется не только в художественной прозе и поэзии (включая песенное творчество), но и в публицистике, и в научно-гуманитарной прозе. Например:

8) [О кинофильме Бергмана «Лицо»] *Линия та же: нам показывают не то, чем же* ***гений гениален****, а его ужасные терзания среди почему-то обязанных почитать его «мещан»* (П. Палиевский); 9) *И здесь — после безысходного рабства,* ***рабства рабам*** *и голоду, самым пустым и мертвящим стихиям мира <...>, — это свобода в Софии, полет в лазури ...*(С. Булгаков); 10) *Основной определяющей силой социального бытия, в условиях идейного господства материализма и атеизма, оказывается ненависть, и приносит плоды ее достойные: мучение всем; а рано или поздно не может не принести и последнего плода:* ***мучения мучителям*** (П. Савицкий); 11) [О генерале А.П. Кутепове] *Он взнуздал Галлиполи* ***железным мундштуком железной дисциплины*** (А. Лукаш); 12) ***Оранжевые*** *мамы /* ***Оранжевым*** *ребятам /* ***Оранжевые*** *песни /* ***Оранжево*** *поют* (А. Арканов, Г. Горин).

В зависимости от содержания широкого контекста $Т_1$ может выполнять дополнительные стилистические функции, что особенно заметно в поэзии:

13) *Под ветром лед ручья дымится,*
Несутся дымы по полям.
Запорошенная девица
Дает разгон своим конькам.

Она несется по извивам
Дымящегося хрусталя,

То припадая к белым гривам,
То в легком танце воскрыля.
На белом белая белеет *—*
Вся вихрь, вся воздух, вся полет.
А лед все тлеет, тлеет, тлеет, —
Как будто вспыхнет этот лед!

(И. Северянин)

В этом стихотворении Игоря Северянина («Дым льда») выделенная $Т_1$, вместе со всеми использованными в нем стилистическими средствами, способствует выражению ощущения легкости, изящества, стремительности, которое возникает у автора (а вместе с ним и у читателя) при созерцании «девицы на дымящемся льду».

14) *Если душа родилась крылатой —*
Что ей хоромы и что ей хаты!
Что Чингисхан ей и что — Орда!
Два на миру у меня врага,
Два близнеца неразрывно-слитых:
Голод голодных *— и* ***сытость сытых****.*

(М. Цветаева)

В этом стихотворении Марины Цветаевой последняя (ударная) строка, содержащая антитезу, сформированную двумя противопоставленными $Т_1$, вместе с ритмом, риторическими восклицаниями, лексикой (врага), инструментовкой на «Р» создает ощущение решительности, бескомпромиссности позиции автора.

Количественный фактор влияет на степень экспрессивности $Т_1$: многокомпонентная Т. эффектней более распространенной двухкомпонентной (см. илл. 7, 13).

Лит.: **Ахманова О.С**. Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Бельчиков Ю.А.** Тавтология // Руссий язык: Энциклопедия. М., 1997; **Василевская Л.И**., **Рапова Г.И.** Повтор в риторике и экспрессивном синтаксисе // Риторика и синтаксические структуры: Тезисы краевой науч.-практ. конф. 1—3 февраля 1989 г. Красноярск, 1988; **Вентцель Т.В.** Тавтология // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Виноградов В.А.** Тавтология // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ТМЕ́ЗИС (от греч. tmesis) — термин, имеющий несколько разных определений:

1. «Разъединение элементов сложного или производного слова. Русск. никого — ни у кого, ничему — ни к чему <...> (Ахманова О.С., 1996. С. 476);

2. «Фигура размещения <...>, характеризуемая нарушением контактного повтора (см. Геминация) в результате вклинивания другого слова между повторяющимися компонентами. *Свободен наконец! Свободен наконец! О Боже всемогущий! Свободен наконец!* (из надписи на могиле Мартина Лютера Кинга)» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 273);

3. Такого рода вставка, «когда две морфемы или синтагмы, которые при нормальном употреблении должны быть тесно связаны друг с другом, разделяются другими вставленными между ними элементами. Это касается вставок между местоимением-подлежащим и сказуемым, глаголом и предлогом, предлогом и дополнением, двумя однородными подлежащими и т.д.:

Tu (dist frere Jan) te damnes comme un vieil diable (Rabelais) 'Ты (сказал брат Жан) губишь свою душу, старик' (Рабле) <...>» (Общая риторика, 1986. С. 153—154);

4. Вставка, которая «предполагает элемент, помещаемый в синтаксическую структуру (словосочетание, реже — слово, или предложение), в составе которой никакого элемента не отсутствует. <...>:

Модель: *Потому, к сожалению, что это так!*

Пример: *Наш экспорт, Россия родина слонов, — чай, что, конечно, здорово!* <...>

Ряд: *Картонная еда из Макдональдса (говорю как жертва) действует на жизненный тонус; Предложенные им объяснения, о святая простота, заимствованы из лексикона президента; Цены — где наша не пропадала! — вполне приемлемы.»* (Клюев Е.В., 1999. С. 256).

Очевидно, что в вышеприведенных определениях Т. названы несколько различающиеся явления: факты грамматики (формы сочетания с предлогами местоимений «никто», «ничто»), вводные слова («к сожалению») и вставные конструкции (все остальные примеры). Последние в традиционной риторике считаются стилистическими фигурами (см.: Вставная конструкция).

Полагаем, что уточнить понятие Т. как стилистического приема можно, определив его как такую разновидность вставной конструкции, которая представляет собой вставку (вклинивание) в слово какой-либо языковой единицы (корневой морфемы, слова, аббревиатуры, предложения). Например:

1) Примакова сдали на базу **вторполитсырья** (Зав., № 14. 2000 г.) Ср.: база вторсырья.

2) Вино-шоу-кур. Развлекательная программа (МК в Красноярске, 13—20 апр. 2000 г.). Ср.: шоу Винокура.

3) Поздравляем, нация, есть **денооооминация**! (КП, 6 янв. 1998 г.) Ср.: деноминация

4) **Лю-воздуха!воздуха!блю** (Р. Рождественский);

Т. фигура редкая, встречается в художественных и публицистических текстах в качестве средства выражения эмоции (илл. 4), оценки (илл. 1, 3), привлечения внимания адресата (илл. 2).

Другое название Т. — диакопа (в одном из своих значений) (см.: Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 223).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; Клюев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЗМА. То же, что Авторское обновление фразеологизма.

ТРОП (от греч. tropos — поворот, оборот речи) — Стилистический прием (см.), заключающийся в употреблении слова (словосочетания, предложения) не в прямом, а в переносном значении, т.е. в использовании слов (словосочетаний и предложений), называющих один объект (предмет, явление, свойство), для обозначения другого объекта, связанного с первым тем или иным смысловым отношением. Это могут быть отношения сходства, и тогда мы имеем дело с Метафорой (см.), Сравнением (см.), Олицетворением (см.). Или отношения контраста, как в Оксюмороне (см.) и Антифразисе (см.). Это могут быть отношения смежности, как в Метонимии (см.). Или отношения, носящие количественный (а не качественный) характер, и выраженные с помощью Синекдохи (см.), Гиперболы (см.) и Мейозиса (см.).

«Совокупность Т. можно представить в виде логически полной, регулярной системы, основанной на обобщенных понятиях количества и качества, связи, сходства и противоположности» (Ф.П. Филин).

Количество Т. существенно колеблется в зависимости от тех критериев, по которым они выделяются. У Квинтилиана их семь: метафора, метонимия, синекдоха, ирония, эмфаза, гипербола, перифраза. У М.В. Ломоносова — одиннадцать: добавлены катахреза, металепсис, аллегория и антономазия. А.А. Потебня выделяет лишь три основных Т.: метафору, метонимию, синекдоху. Для Р. Якобсона же существуют всего два базовых Т.: метафора и метонимия, наличие которых обусловлено, по его мнению, самой природой языка. Шофер и Райс особое значение придавали синекдохе, которую многие исследователи, в свою очередь, вовсе не считают самостоятельным Т., а определяют как разновидность метонимии.

Но все лингвисты согласны в том, что «корни *тропеичности* следует искать в двуплановости самой структуры языка, как знаковой системы <...> и в асимметрии плана содержания и плана выражения» (Топоров В.Н., С. 520) и что Т. — это **отклоняющиеся от нормы** средства, реализующие «вторые» (переносные) смыслы, а тропеический текст — это деформированный (по сравнению с **нормой**) текст, «непрямая» речь, наиболее проявляющая «парадоксы тождества и различия в языке» (там же).

Т. служат для усиления изобразительности и выразительности речи, передачи оценочного и эмоционально-экспрессивного значений, создания образности. Поэтому они используются прежде всего в художественной речи и публицистике, но не присутствуют в официально-деловых и научно-технических текстах, т.е. там, где недопустима двусмысленность, неоднозначность понимания. Разговорная речь, в силу своей повышенной экспрессивности, часто насыщена самыми разными Т.: *Ну ты и красавец!* (антифразис), *Дочь у нее — просто золото* (метафора), *Я три тарелки съел* (синекдоха), *Отсюда — рукой подать* (гипербола) и т.д.

Для Т. характерна нерегламентированность языковой формы. Они могут содержаться в одном слове, группе слов, предложении, группе предложений.

Разные Т. могут совмещаться в одной языковой единице; в результате такого совмещения возникают: метафорический эпитет и метафорическое олицетворение, гиперболическое сравнение и гиперболический эпитет и т.п. «Появляется

возможность говорить об обратимости Т. <...>, благодаря которой все пространство структуры Т. оказывается связанным» (В.Н. Топоров. С. 521). Как писал А. Белый, «формы изобразительности неотделимы друг от друга: они переходят одна в другую <...>; один и тот же процесс живописания, претерпевая различные фазы, предстает нам то как эпитет, то как сравнение, то как синекдоха, то как метонимия, то как метафора в тесном смысле» (Белый А., 1910).

В художественном тексте, как правило, одновременно используются несколько Т., что создает его особую «насыщенность»:

Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза,
Цветочная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.

Вся комната напоена
Истомой — сладкое лекарство!
Такое маленькое царство!
Так много поглотило сна.

Немного красного вина,
Немного солнечного мая —
И, тоненький бисквит ломая,
Тончайших пальцев белизна.

(О. Мандельштам)

Этот текст создан с помощью метафор, олицетворений, гиперболы, сравнения (конечно, в сочетании со стилистическими фигурами и другими приемами).

Лит.: Античные теории языка и стиля / Под ред. О.М. Фрейденберг. М.; Л., 1936; **Безменова Н.А.** Очерки по теории и истории риторики. М., 1991; **Белый А.** Символизм. М., 1910; **Кожевникова Н.А.** Об обратимости тропов // Лингвистика и поэтика. М., 1979; Общая риторика: Пер. с фр. / **Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон** и др. М., 1986; **Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990; **Тодоров Ц.** Поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1995; **Топоров В.Н.** Тропы // Большой энциклопедический словарь: Языкознание. М., 1998.

О.Н. Емельянова

У

УМОЛЧА́НИЕ — риторический прием, состоящий в таком построении высказывания, когда часть его смысла передается не словами (не вербально), а подтекстом, с помощью намека. В отличие от Аллюзии (см.) в У. предмет намека не ограничен тематически и может касаться любого обстоятельства, события, лица и т.д.

Возможность использования У. в художественной речи В.В. Виноградов объясняет многозначностью поэтического слова, его способностью к отражению ассоциативно связанных с ним образов. Он рассматривает У. как прием «изобразительной эллиптичности», стилистическая сущность которого «состоит в изображении предмета, действия посредством называния сопутствующих явлений, или сразу результатов событий» (Виноградов В.В., 1999. С. 76—77). Пример приема У. В.В. Виноградов усматривает, в частности (вслед за В.Н. Олиным) в том месте поэмы А.С. Пушкина «Кавказский пленник», где изображается гибель черкешенки в водах реки (Виноградов В.В., 1967. С. 28):

1) *Вдруг волны глухо зашумели,*
И слышен отдаленный стон...
На дикий брег выходит он,
Глядит назад... брега яснели
И опененные белели;
Но нет черкешенки младой
Ни у брегов, ни под горой...
Все мертво... на брегах уснувших
Лишь ветра слышен легкой звук,
И при луне в водах плеснувших
Струистый исчезает круг.

Вот еще примеры такой «изобразительной эллиптичности» (в данном случае, используя термин В.В. Виноградова, имеем в виду эллипсис не синтаксический, а смысловой, семантический):

2) *И матрос, на борт не принятый,*
Идет, шатаясь сквозь буран.
Все потеряно, все выпито!
Довольно — больше не могу...
А берег опустелой гавани
Уж первый легкий снег занес...
В самом чистом, самом нежном саване
Сладко ли спать тебе, матрос?
(А. Блок)

Последние две строки этого стихотворения содержат намек на гибель матроса (матрос заснул на берегу и замерз).

3) *...Видели, дети мои, приложения к русским газетам?*
Видели избранных, лучших, достойных и правых из правых?
В лица их молча вглядитесь, бумагу в руках разминая,
Тихо приветствуя мудрость любезной природы.
(Саша Черный)

В последних двух строках сатирического стихотворения Саши Черного «Гармония (Подражание древним)» содержится язвительный намек на возможность утилитарного использования приложений к русским газетам соответствующего исторического времени и политического направления.

4) *С полицеймейстером и прокурором Ноздрев тоже был на «ты» и обращался по-дружески; но, когда сели играть в большую игру, полицеймейстер и прокурор чрезвычайно внимательно рассматривали его взятки и следили почти за всякою картою, с которой он ходил* (Н. Гоголь).

В этом отрывке из «Мертвых душ» описание поведения полицеймейстера и прокурора во время карточной игры с Ноздревым характеризует последнего как человека, имеющего репутацию нечестного игрока.

Прием У. достаточно широко используется в газетной публицистике с разными целевыми заданиями, например, часто для создания комического эффекта. Причем У. может быть стилистической основой целого ряда малых комических жанров. Вот несколько примеров (без комментариев, так как комментарий «убивает» комическое):

5) **Шутливая новостийная информация**: *На лохе шляпа горит!*

Выяснилось, что по старому закону штата Кентукки лохам запрещается носить шляпы. Продажи шляп резко пошли вверх (ТД, № 26. 2001 г.).

6) **Шутливый диалог:** — *После школы учись, детка, на врача.*

— *Что ты, папочка, ты же прекрасно знаешь, что я не в состоянии убить даже муху!* (КР, 12 сент. 1998 г.).

7) **Анекдот**: *Плачет мужчина на могиле и причитает:*
— *Почему ты умер? Почему ты умер?*
Подходит к нему прохожий и говорит:
— *Что вы так убиваетесь, тут лежит ваш брат или отец?*
— *Нет, здесь лежит первый муж моей жены. Почему ты умер?*
Почему ты умер? (КП, 8 авг. 2001 г.).

8) **Шутливый афоризм**: *Если политик не торгует принципами, значит, их у него нет* (ЛГ, № 19—20. 2001 г.).

9) **Шутливый комментарий**: *А. Тулеев: «Если заработают фабрики, заводы, задымят трубы, тогда появятся деньги — зеленые, российские. Вот единственный выход».*

Если вам вдруг покажется, что заводы заработали, фабрики задымили, а рубли позеленели — не просыпайтесь. Вот единственный выход. (АиФ, № 31. 2000 г.).

Таким образом, У. может создавать подтекст различной эмоционально-экспрессивной тональности: трагической, иронической, саркастической, юмористической и др.

Замечено, что «в отличие от эллипсиса, У. предполагает пропуск того, что очень значимо и неоднозначно. Другими словами, У. — это многозначительный пропуск; с его помощью несказанное приобретает бóльшую значимость, чем

если бы это было открыто сказано» (Розенталь Д.Э. и др., 1998. С. 344. Ср.: Джанджакова Е.В., 1988. С. 113). Причем, используя У., «автор сознательно не до конца выражает мысль, предоставляя читателю или слушателю самому догадаться о невысказанном» (Зарецкая Е.Н., 1998. С. 434), т.е. У. выступает в качестве средства активизации мысли (рефлексии) читателя/слушателя.

Говоря о риторическом приеме У., не следует отождествлять его с риторической тактикой уместного и дозированного молчания в процессе речевого общения (например, в споре), с тем, что называют «держать паузу» (Зарецкая Е.Н., 1998. С. 435).

Прием У. часто отождествляется с Апозиопезисом (см.) — намеренным недоговариванием, усечением предложения — высказывания; однако апозиопезис — лишь одна из разновидностей приема У., в силу своей специфики требующая отдельной характеристики. Пример апозиопезиса: 10) *Я долго думал, пока не пришел к убеждению, что в неправовом государстве не может быть правового следствия. Или надо закрыть на это глаза, или... Словом, я ушел из криминальной в сугубо цивильную сферу* (Изв., 24 марта 1990 г.). Не следует смешивать У. с фигурой Прерванно-продолженного высказывания (см.). Разновидностью приема У. является Аллюзия (см.).

Лит.: **Виноградов В.В.** О художественной речи Пушкина // РЯШ. № 3. 1967; **Виноградов В.В.** Стиль Пушкина. М., 1999; **Гусев В.И.** Умолчание // Краткая литературная энциклопедия. Т.7. М., 1972; **Джанджакова Е.В.** О разграничении тропов и фигур // Риторика и синтаксические структуры. Тезисы Краевой научно-практической конференции 1—3 февраля 1989 г. Красноярск, 1988; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; **Сковородников А.П., Маршалик Г.А.** К вопросу о стилистическом приеме умолчания // Вопросы русского языка и методики его преподавания. Вып. 3. Красноярск, 1974; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

УПРЕЖДЕ́НИЕ — риторический прием, противоположный Умолчанию (см.) и характеризующийся всяческим подчеркиванием говорящим того, что сообщаемое хорошо известно адресату, что говорящий, тем не менее, повторяет это хорошо известное, но при этом снимает с себя обвинение в банальности и многословии.

Напр.: *Покамест слуги управлялись и возились, господин отправился в общую залу. Какие бывают эти общие залы — **всякий** проезжающий **знает очень хорошо**: те же стены, выкрашенные масляной краской, <...> тот же закопченный потолок, та же закопченная люстра со множеством висящих стеклышек <...>, те же картины во всю стену, написанные масляными красками, словом все то же, что и везде* (Н. Гоголь).

Существуют традиционные зачины У., как-то: ***не нужно говорить, что...***; ***всем хорошо известно, что...*** и под.

Лит.: **Розенталь Д.Э., Джанжакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению и литературному редактированию. М., 1994.

О.Н. Емельянова

УСЕЧЁНИЕ. То же, что Апокопа.

УСЕЧЕННАЯ СИНТАКСИЧЕСКАЯ КОНСТРУКЦИЯ. То же, что Апозиопезис.

УСТАРЕВШИЕ СЛОВА — обобщающее понятие по отношению к терминам Историзмы (см.) и Архаизмы (см.) — слова, ранее употреблявшиеся неограниченно, как правило, во всех сферах речи, а сейчас известные скорее по языку художественных произведений или из специальной литературы: ***арап, богадельня, воитель, дружество*** и пр.

Лексика — самый подвижный уровень языка, чутко реагирующий на все изменения в окружающей нас действительности, и устаревание лексики — закономерный процесс. Причины этого устаревания могут быть экстралингвистическими, например, утрата обозначаемого словом объекта (что ведет к возникновению Историзмов (см.)), табуирование (очень распространенное в современном русском языке революционного периода), эвфемизация, пуризм и прочие внешние по отношению к языку факторы.

Но есть и внутрилингвистические причины устаревания (архаизации) лексики. Это развитие синонимии, омонимии, расширение или сужение семантики и др.

Устаревание слов может быть как процессом почти одномоментным (напр., появление историзма *ваучер*), так и длительным — через постепенное снижение частотности употребления слова и переход его в пассивный словарный запас языка (напр., *сей* — этот).

По степени устарелости выделяются: а) начинающие устаревать слова (снизилась частотность употребления): *лютый, родитель* и др.; б) устаревшие слова, понимание лексического значения которых не вызывает никаких затруднений: *перст, стихотворец, дарование* и др.; в) устаревшие слова, уже не понятные большинству носителей языка и поэтому стоящие на грани выпадения из его лексической системы: *наперсник, рескрипт* и др.; г) слова, вышедшие из лексической системы современного русского языка: *волот* (великан), *котора* (ссора), *коц* (покрывало, ковер) и др.

Устареть может слово полностью, отдельное значение слова, его сочетаемость, написание, произношение, порядок слов. По мнению А.П. Ялышевой, слова широкой семантики меньше подвержены устареванию. Все устаревшие слова (как архаизмы, так и историзмы) отличаются низкой частотностью употребления (сейчас) в общелитературном языке, ограниченной сферой употребления, периферийной позицией в словаре, наличием временного семантического компонента в смысловой структуре слова.

Устаревшие слова могут вернуться в активный словарный запас языка. Так произошло, например, со словами *лицей, губернатор, дума, департамент* и др. Более всего шансов для этого имеют те лексемы, которые стали устаревшими по идеологическим мотивам. Со временем отрицательная маркированность ими утрачивается и появляется реальная возможность возвращения их в активный словарь языка.

Выделяют два основных этапа возвращения дореволюционной лексики: 1) 30—40-е г.г.: *адвокат, адмирал, генерал, гвардия, министр, офицер, указ* и др.; 2) Конец 80-х — начало 90-х гг. XX века: *губернатор, благотворительность, господин, коммерсант* и т.д.

Подробнее об устаревших словах см. в статьях Архаизмы и Историзмы.

Лит.: **Белянская З.Ф.** Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы): Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1978; **Груздева Е.В.** Хронологически отмеченная лексика в современном русском языке и ее лексикографическая интерпретация: Дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1996; **Денисов П.Н.** Лексика русского языка и принципы ее описания. М., 1993; **Ковалева Е.В.** Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX в.: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1996; **Михайлова Е.Г.** Архаизация элементов языка в процессе его развития: Дис. ... канд. филол наук. Киев, 1987; **Нестеров М.Н.** Русская устаревшая и устаревающая лексика: Учебное пособие. Смоленск; Брянск, 1998; **Селищев А.М.** Революция и язык // Селищев А.М. Избранные труды. М., 1968; **Шанский Н.М.** Лексикология современного русского языка. М., 1972; **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

О.Н. Емельянова

Ф

ФИГУРА РЕЧИ. То же, что Стилистическая фигура.

ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ. То же, что Умолчание.

ФО́НИКА (от греч. phone — голос, звук) — система форм звуковой организации речи (прежде всего поэтической); стилистически значимое использование в тексте звукового состава языка.

Формами звуковой организации речи являются Аллитерация (см.), Ассонанс (см.) и другие Звуковые повторы (см), Звукоизобразительность (см), Звукопись (см), Анафора (см.), Эпифора (см.), Кольцо (см.), Анадиплоз(с)ис (см.) и др.

Суть ее заключается в комбинировании фонетически однородных или, наоборот, контрастных звуков, и звукосочетаний (слогов, слов, фраз) для усиления смысловой выразительности речи:

***В**ечер. **Вз**морье. **Вз**дохи **в**етра.*
***Вел**ичавый **возгл**ас **вол**н.*
***Б**лизко **бур**я. **В б**ер**е**г **б**ьется*
***Ч**уждый **ч**а**р**ам **черн**ый **челн**,*
***Ч**уждый **ч**истым **ч**а**р**ам с**ч**астья,*
***Челн** то**мл**ений, **челн тр**евог,*
***Бр**осил **б**е**р**ег, **б**ьется с **бур**ей,*
*И**щет светл**ых **сн**ов **ч**е**рт**ог.*

(К. Бальмонт)

Фоника присуща прежде всего поэтическому тексту и редко встречается в прозе. Например: *Другие дома не доперли; лишь крыши кривые крыжовниковых красноржавых цветов, в глубине тупиков повалялся, трухлеют под небом; а дом Неперепрева прет за заборик; из сизосеризовой выприны «сам» с пятипалой рукою и с блюдечком чайным из окон своих рссуждает...* (А. Белый).

Ф. никогда не является в тексте чем-то самостоятельным или самодовлеющим. Она лишь дополняет его смысловые и (часто) морфологические признаки, приводит звуковой облик в соответствие с изображаемыми картинами, озвучивает текст:

***Ч**уть слы**шн**о, бе**сш**умно*
***Ш**ур**ш**ат камы**ш**и...*

(К. Бальмонт)

В данном стихотворении подбор согласных звуков ***с, ч, ш*** передает шуршанье камышей, взволновавшее поэта. Аналогичные ассоциации вызывает стих А. Блока «*Ве**ч**но **ш**еле**ст** легкий **с**лы**ш**но*» и др.

В стихах А. Ахматовой: *И **звенит**, **звенит** мой голос ломкий, / **Звонкий** голос не узнавших счастья,* — глагол **звенит** и прилагательное **звонкий** выражают идею «звонкости» как лексическими значениями, так и звуковым составом.

Андрей Вознесенский, например, использовал отрицательные ассоциации, возникающие у звуков ***ж*** и ***г*** для выражения своего отношения к некоторым «любимым» журналам и газетам:

Раньше меня крыли без ответа
*Почти все **ж**урналы и **г**азеты.*
Мне верны остались в злобной мгле
*Два **«ж»** и одна **«г».***
Как меня, бедняги, ни поносят,
Это им подписки не приносит.
*Господи, **пол-литра** поднеси им,*
*Современной гвардии «**Литроссии**»...*

Исключение составляют случаи сознательного экспериментирования в этой области. Так, например, часто экспериментировал в своих стихах, выявляя все новые и новые выразительные возможности языка, В. Хлебников. Некоторые его стихотворения больше похожи на лабораторные опыты:

***Бобэо́би** пелись губы,*
***Вээо́ми** пелись взоры,*
***Пиэ́зо** пелись брови,*
***Лиэ́э́й** пелся облик,*
***Гзи-гзи-гзэ́о** пелась цепь*
Так на холсте каких-то соответствий
Вне протяжения жило лицо.

Как пишет А.П. Журавлев, «теперь мы можем точно сказать (и даже вычислить), о каких это соответствиях идет речь в стихотворении — это соответствия звучания и значения. Звук **Б** — самый ярко выраженный из губных (губно-губной звонкий, как говорят фонетисты). Поэтому на его основе поэт образует идеофон, описывающий губы. *Вээоми* — «красивое», «округлое» звукосочетание, поэтому оно выбрано для передачи «песни очей». Характеристики комплекса *пиээо* — «женственный», «подвижный» — подходят для описания бровей. Идеофон *лиэээй* — «светлый», «красивый» — передает впечатление от созерцания лица на портрете соответствий. А звукокомплекс *гзи-гзи-гзэо* мотивирован звукоподражательно — так имитируется звон цепочки украшения».

На Ф. текста оказывают влияние, во-первых, возможности, предоставляемые языком; во-вторых, традиция (например, принадлежность текста к определенному литературному направлению, жанру, стилю речи и др.) и, в-третьих, индивидуальная склонность автора к определенным языковым средствам.

Лит.: **Брик О.М.** Звуковые повторы // Поэтика. П., 1919; **Брюсов В. Я.** Звукопись Пушкина // Избр. соч.: В 2 т. Т. 2. М., 1955; **Брюсов В.Я.** Вопросы эвфонии // Изв. АНСССР. ОЛЯ: В 3 т. Т. 14. М., 1955; **Воронин С.В.** Синестезия и звукосимволизм // Психолингвистические проблемы семантики. М., 1983; **Григорьев В.П.** Поэтика слова. М., 1979; **Журавлев А.П.** Звук и смысл. М., 1981; **Журавлев А.П.** Фонетическое значение. Л., 1974; **Кожевникова В.В.** Словесная инструментовка // Слово и образ. М., 1964; **Левицкий В.В.** Звуковой символизм в лингвистике и психолингвистике // ФН. 1975. № 4; **Леонтьев А.А.** Звукопись // БСЭ Т. 9. М., 1972; **Лотман Ю.М.** Анализ поэтического текста. Л., 1972; **Якобсон Р.** Работы по поэтике. М., 1987.

О.Н. Емельянова

ФРАЗЕОЛОГИ́ЗМЫ — общее название воспроизводимых в готовом виде словосочетаний и предложений, в которых целостность значения доминирует над раздельностью составляющих компонентов — слов. Например: *золотая молодежь; смотреть сквозь пальцы; ни два ни полтора; ни в свои сани не садись* и др.

Ф. характеризуются относительно постоянным лексическим составом и относительно постоянной грамматической формой. Большинство Ф. обладает Экспрессивностью (см.) и Эмоционально-оценочным значением (см.). Ф. используются в различных Функциональных стилях (см.), но чаще всего в разговорной и художественной речи: *как пить дать; в ус не дуть; через пень колоду; пошла писать губерния* и др. Определяющим свойством Ф. является воспроизводимость, способность извлекаться из памяти, подобно отдельному слову. Тем не менее в структуре значительной части Ф. выделяются постоянные и переменные элементы. Постоянные элементы составляют основу тождества Ф., переменные создают возможность варьирования. В составе Ф. возможны видоизменения элементов, соотносимых с разными уровнями языка: фонетическим (*садиться в калошу / галошу; слыхом / слухом не слыхать*); морфонологическим (*читать между строк / строчек; теплое / тепленькое место / местечко*); синтаксическим (*к шапочному разбору / под шапочный разбор; облечь плотью и кровью / в плоть и кровь*); лексико-семантическим (*будто / словно / точно / в воду смотрел / глядел; поймать / подцепить на удочку / на крючок*); стилистическим (*лезть / переть на рожон; залить сала под кожу / под шкуру*).

Кроме того, возможны изменения в количественном составе элементов Ф., не разрушающие его тождества: *выпить (горькую) чашу до дна; пройти сквозь огонь и воду (и медные трубы); разрубить (гордиев) узел.*

Указанные типы варьирования компонентов Ф. соответствуют типам варьирования слова — формального и содержательного. Близость Ф. слову обнаруживается и в наличии тех же типов семантических отношений между Ф., которые связывают и слова: синонимических, антонимических. Ср.: *петь дифирамбы, курить (воскурять) жечь фимиам, превозносить / возносить до небес, возводить / ставить / поднимать на пьедестал, поднимать на щит, делать икону, петь панегирик, петь / восклицать / воздевать осанну, петь аллилуйю* и *втаптывать / затаптывать в грязь, смешивать с грязью, обливать / поливать грязью, обливать помоями / выливать помои, бросать / забрасывать / кидать грязью, бросать / пускать камень / камнем, показывать / указывать / тыкать пальцами / пальцем, вешать собак, бросать / наводить / набрасывать / кидать тень.*

Вслед за В.В. Виноградовым большинство ученых выделяет четыре типа Ф. (в зависимости от степени семантической слитности или аналитичности значения):

1. Фразеологические сращения — Ф., значение которых абсолютно не выводимо из значений составляющих их компонентов: *ни в зуб ногой, сидеть на бобах, как пить дать, собаку съесть* и др. Фразеологические сращения относятся к Идиомам (см.). При раздельнооформленности компонентов сращения обладают единым грамматическим значением, которое соотносится с определенной частью речи и выступают в качестве отдельного члена предложения.

2. Фразеологические единства — Ф., целостное значение которых выводимо из значений слов-компонентов, но не прямо, а через образное представление. Напр., во Ф. *ломиться в открытую дверь* из совокупности значений слов-компонентов складывается образное представление о бессмысленных энергичных действиях, и только через это представление мы мыслим целостное истинное значе-

ние Ф.: доказывать очевидное, против чего никто не спорит. Ср. также: *сесть в лужу, держать камень за пазухой, первый блин комом, яблоку негде упасть, обивать (все) пороги, подливать масла в огонь, держать язык на привязи* и др.

3. Фразеологические сочетания — особый структурно-семантический тип Ф., значения которых выводимы из значений составляющих их компонентов. В состав таких Ф. входят слова со свободными и фразеологически связанными значениями. Фразеологически связанными являются слова, которые сочетаются с одним или несколькими словами: ***утлая*** *ладья,* ***перочинный*** *нож,* ***щекотливый*** *вопрос,* ***смирительная*** *рубашка.* К фразеологичеким сочетаниям относятся также Ф. с метафорическим компонентом (словом с переносным значением): *картошка в мундире, хождение по мукам, теряться в мыслях, стрелять глазами*.

Фразеологические единства и фразеологические сочетания относятся к идеоматичеким сочетаниям.

4. Фразеологические выражения — это Ф., целостное значение которых складывается из свободных значений их компонентов: *люди доброй воли, вопросительный знак, заработная плата, центр тяжести*. От свободных словосочетаний эти обороты отличаются двумя основными признаками: воспроизводимостью и устойчивостью лексического состава. Но они не входят в идиоматику языка.

Что касается грамматической формы Ф., то подавляющее большинство их способно к активному формоизменению*: открывать Америку (открываешь Америку, открывает Америку, открыли Америку).* Многие Ф. легко изменяют порядок слов: *не оставить камня на камне — камня на камне не оставить, праздновать труса — труса праздновать, воды в рот набрать — в рот воды набрать*; допускают дистантное расположение компонентов: *разжигать страсти — разжигать роковые страсти*; некоторые изменяют тип синтаксической конструкции: *вступать в жизнь — вступление в жизнь, играть с огнем — игра с огнем, жить на два дома — жизнь на два дома.*

Постоянной грамматической формой обладает сравнительно небольшая часть Ф.: *без году неделя, на босу ногу, кровь с молоком, чем свет.* Именно такие Ф. всегда выступают в роли одного и того же члена предложения, в то время как Ф. с изменяемой грамматической формой обычно выступают в роли различных членов предложения. Ср.: *тепленькое местечко, тертый калач, музейная редкость.*

Традиционно к Ф. относят пословицы и поговорки, Крылатые слова и выражения (см.), Клише (см.) и др. Их изучением и классификацией занимается фразеология — особый раздел языкознания (лексикология), а фиксируются и истолковываются Ф. в специальных Фразеологических словарях (см.).

«Фразелогический состав языка — наиболее специфическая для данного языка часть лексикона. Постоянно пополняясь новыми единицами, фразеологический состав отражает культурно-исторический опыт народа, а также особенности исторических законов развития данного языка» (Телия В.Н. М., 1998. С. 560).

Лит.: **Бабкин А.М.** Русская фразеология, ее развитие и источники. Л., 1970; **Баженов Г.А.** Вопросы фразеологии в сопоставительном аспекте: (на материале китайского и русского языков): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1999; **Бичурина М.Ю.** Фразеологическая полисемия в русском и татарском языках: Дис. ... канд. филол. наук. Казань, 1998; **Виноградов В.В.** Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины // Виноградов В.В.

Избранные труды. Лексикология и лексикография. М., 1977; **Он же.** Основные типы лексических значений слова (там же); **Ломов А.Г.** Фразеология в творческой лаборатории писателя: (на материале драматических произведений А.Н. Островского): Дис. ... докт. филол. наук. Елец, 1998; **Телия В.Н.** Русская фразеология. Семантичекий, прагматичекий и лингвокультурологический аспекты. М., 1996; **Телия В.Н.** Фразеологизм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Телия В.Н**. Фразеологизм // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Шанский Н.М.** Фразеология русского языка. М., 1963.

О.Н. Емельянова

ФРАКТА́ТА (лат. frangere — нарушать, ломать, разбивать) — риторический прием, близкий Реминисценции (см.), заключающийся в том, что в текст включается без явной логической связи с ним и с ситуацией какое-либо прецедентное (иногда несколько измененное) высказывание или его фрагмент (строчка из литературного произведения, афоризм, пословица и т.п.). Прагматическое значение этого приема состоит в актуализации, экспрессивизации близлежащей части текста, с которой фрактируемый прецедентный текст связан ассоциативно или через повтор семантически доминирующих слов. Напр.:

1) *Затем рыжий разбойник ухватил за ногу курицу и всей этой курицей плашмя, крепко и страшно так ударил по шее Поплавского, что туловище курицы отскочило, а нога осталась в руках Азазелло.* ***Все смешалось в доме Облонских, как справедливо выразился знаменитый писатель Лев Толстой****... Да! Все смешалось в глазах у Поплавского* (М. Булгаков); 2) ***Чуден, конечно, Днепр при тихой погоде****, но еще чуднее последнее решение Конституционного суда в том славном городе, который стоит на этой реке <...> Шановные паны, конституционные судьи, пришли к тому мнению, что Европа нам (в смысле им) не указ. Они отказались признать действие Европейской Хартии, трактующей права языков национальных меньшинств, на территории своей страны* (НзГ, 15 июля 2000 г.)

Поскольку во Ф. имеет место одновременное отклонение от логической нормы (закона достаточного основания) и стилистической нормы (стилистической однородности текста), этот прием следует рассматривать как синкретичный по своим основаниям (стилистико-паралогический).

Ф. — сравнительно редкий прием, используемый в художественных и публицистических текстах.

Иногда Ф. рассматривают как «лексически измененную цитату», напр.: 3) *До сих пор на Пятой авениде в ряду* ***бюстов*** *великих сынов трех Америк вслед за президентом США Линкольном можно увидеть А. Самосу, основателя клана никарагуанских диктаторов. Два года в парламенте идут дебаты о его упразднении,* ***но бюст и ныне там*** (Москвин В.П., 2000. С. 154—155).

В такой трактовке Ф. сближается с приемом Авторского обновления фразеологизма (см.).

Лит.: **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г.**, **Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

Х

ХИА́ЗМ (от греч. chiasmos — крестообразное расположение; перекрещивание — в соответствии с греч. буквой χ (хи) или латинской Х) — стилистическая фигура, состоящая в перекрестном повторении одних и тех же элементов (слов или членов предложения) в двух смежных словосочетаниях или предложениях. Исследователи выделяют *Х. лексический* (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 279) и *Х. синтаксический* (или обратный параллелизм — Филиппов А.В., Романова Н.Н., 2002. С. 125). Напр.: *Главное — овладеть. Что при Тутанхамоне, что при демократии.* ***Власть и деньги. Деньги и власть*** (КП, 31 янв. 1998 г.) — лексический Х. как перекрестное повторение одних и тех же слов; *Испанский гранд, как вор, /* ***Ждет ночи и луны боится*** *(А. Пушкин)* — синтаксический Х. как перекрестное повторение одних и тех же членов предложения.

В художественной литературе лексический Х. используется преимущественно в наглядно-образной (изобразительной) и оценочной функциях, напр.: *Прошло малое время, Валя как с чего сорвалась да расшиблась:* ***пьет да спит, спит да пьет,*** *лежит с перепоя по неделям* (С. Пестунов) — здесь при помощи Х., подчеркивающего длительность протекания однотипных событий, показана иная — бессмысленная — жизнь глубоко несчастного человека; *Безотцовщина... Но и так больше нельзя.* ***Квартира — школа. Школа — квартира*** (Н. Воронов) — с помощью Х. передана идея одиночества, замкнутости круга общения автора речи; *Машина уже теперь не катится самой собой. Она ныряет.* ***Вниз — вверх. Вверх — вниз*** (А. Битов) — Х. употребляется с целью описания плавного, монотонного характера движения машины.

Оценочная функция Х. наиболее ярко прослеживается в газетно-публицистических текстах. Напр., в следующем высказывании оценочность Х. связана с обыгрыванием прямого и переносного значений слова «доходить»: *«Пишу Вам довольно часто и нудно, а вот на Ваших страницах не появляюсь. Тут могут быть два объяснения.* ***Либо до Вас не доходят мои письма, либо мои письма до Вас не доходят****»* (СГ, 25 сент. 1999 г.).

Встречаются случаи конвергенции (взаимодействия) Х. с другими стилистическими фигурами. Напр.: *С л ы ш и ш ь —* ***мчатся сани****, с л ы ш и ш ь —* ***сани мчатся****. /* Хорошо с любимой в поле затеряться *(С. Есенин)* — Х. и Анафора (см.); *«Вот оно что! Значит, все-таки просто идиотское золото, — зло подумал Монголов. —* ***Вежливо. Но твердо. Твердо. Но вежливо****. Пойду на обострение»* (О. Куваев). — Х. и Парцелляция (см.).

Е.В. Клюевым описана такая фигура, как **эпанодос** (греч. epanodos — отход, отступление) — «повторение слов в предложении в обратном порядке»: *Коммунисты превращаются в демократов, демократы — в коммунистов* (Клюев Е.В.,

1999. С. 246). Эта фигура, как и антиметабола (см.), на наш взгляд, является разновидностью хиазма. Напр.:

Теперь октябрь не тот,
Не тот октябрь теперь.
(С. Есенин)

Конструктивный принцип построения Х. может использоваться как способ организации художественного произведения. Так, Т.Е. Автухович пишет, что «хиазм обладает потенциальной способностью функционировать на уровне сюжетостроения» и что «ярким примером использования хиазма как способа сюжетной организации является роман Ф. Сологуба «Мелкий бес» (Автухович Т.Е., 2003. С. 9): «Сюжетная коллизия романа строится на взаимоотношениях гимназиста Саши Пыльникова и девицы Рутиловой. Презентация персонажей в исходной ситуации такова: Людмила Рутилова в восприятии горожан — скромная милая девушка, Саша Пыльников с его детской миловидностью и чистотой вызывает подозрение в том, что он переодетая девочка. По мере развертывания сюжета происходит обращение исходной ситуации: Рутилова, затевая двусмысленную игру с Сашей, по существу выполняет роль совратительницы; Саша, переодевшись в костюм гейши, на городском маскараде фигурирует в роли женщины. Иррациональность отношений между миром реальным и кажущимся таковым подчеркнута сюжетным хиазмом, выявляющим взаимообратимость объективно данного и субъективно интерпретируемого...» (Там же. С. 10).

Лит.: **Автухович Т.Е.** Хиазм как способ сюжетной организации романа Ф. Сологуба «Мелкий бес» // Риторика в свете современной лингвистики. Смоленск, 2003; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М.** Экспрессивный синтаксис. Смоленск, 1984; **Береговская Э.М.** Лингвистическая природа хиазма // Синтаксическая структура простого предложения. Смоленск, 1979; **Глухов В.М.** Экспрессивно-стилистические особенности хиазма // Проблемы филологии и журналистики в аспекте новых общественных отношений: Материалы Всерос. науч. конф. Вып. 1. Проблемы экспрессивной стилистики. Ч. 1. Ростов н/Д, 1995; **Елисеев И.А., Полякова Л.Г.** Словарь литературоведческих терминов. Ростов н/Д, 2002; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. М., 1987; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Соловьева В.С.** Хиазмы в творчестве А. Блока (лингвистический анализ): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1982; **Филиппов А.В., Романова Н.Н.** Публичная речь в понятиях и упражнениях: Справочник: Учеб. пос. для студ. высш. учеб. заведений. М., 2002; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических фигур. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

Ц

ЦЕНТО́Н (от лат. cento — одежда или одеяло из разноцветных лоскутов) — шуточное стихотворение, составленное из строк стихотворений разных авторов или строк из разных стихотворений одного автора. Ц. является, например, эпиграмма И.Л. Сельвинского на поэта А.А. Жарова:

1) *Буду петь, буду петь, буду петь* (С. Есенин)
Многоярусный корпус завода (А. Блок)
И кобылок в просторах свободы, (Н. Некрасов)
Чтоб на блоке до Блока вскрипеть (С. Кирсанов)

«Худож. эффект Ц. — в подобии или контрасте нового контекста и воспоминания о прежнем контексте каждого фрагмента; он особенно ярок при смещении темы (эротич. тема вместо героической, христианская вместо языческой)» (Гаспаров М.Л., 1975. Стлб. 384). Комический эффект Ц. может иметь разные оттенки. Выше приведен пример, где Ц., формируя эпиграмму, носит сатирический характер (илл.1). Чаще Ц. встречается в развлекательных контекстах. Например, у Лернера:

2) *Лысый с белой бородою* (И. Никитин)
Старый русский великан (М. Лермонтов)
С догарессой молодою (А. Пушкин)
Упадает на диван (Н. Некрасов)

Адекватное восприятие Ц. требует знания контекстов, на основе которых он создается. «Являясь стихотворной шуткой, Ц. всегда бывает тем комичней, чем лучше знаком читатель со стихотворениями, из которых взяты нужные строки» (Квятковский А.П., 1998. С. 389). Примером такого Ц. может служить стихотворение, составленное из строчек разных басен И.А. Крылова:

В июне, в самый зной, в полуденную пору,
Сыпучими песками в гору, («Обоз»)
Из дальних странствий возвратясь, («Лжец»)
По улицам слона водили,
Как видно, напоказ, —
Известно, что Слоны в диковинку у нас, —
Так за Слоном толпы зевак ходили; («Слон и Моська»)
Какой-то Повар-грамотей
С поварни побежал своей, («Кот и Повар»)
Со всех дворов собак сбежалося с полсотни,
Как вдруг из подворотни («Прохожие и собаки»)
Проказница Мартышка,
Осел,
Козел

Да косолапый Мишка
Затеяли сыграть квартет. («Квартет»)
Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдет,
И выйдет из него не дело, только мука.
Однажды Лебедь, Рак да Щука... («Лебедь, рак и щука»)

Лит.: **Береговская Э.М., Верже Ж.-М.** Занятная риторика = Rhetorique amusante. М., 2000; **Гаспаров М.Л.** Центон // Краткая литературная энциклопедия. Т. 8. М., 1975; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; Энциклопедический словарь юного литературоведа / Сост. В.И. Новиков, Е.А. Шкловский. М., 1998.

А.П. Сковородников

ЦЕПО́ЧКА НОМИНАТИ́ВНЫХ ПРЕДЛОЖЕ́НИЙ — стилистическая фигура, состоящая из ряда номинативных предложений, соединенных по принципу перечисления (нанизывания), и обладающая изобразительностью в силу особенностей составляющих ее предложений (безглагольность, грамматическое значение настоящего времени и реальной модальности) и их повтора. Использование Ц.н.п. позволяет «создавать лаконичные, по выражению емкие, образные и весьма динамичные (при употреблении отглагольных существительных) словесные картины: *«Шепот, робкое дыханье, Трели соловья, Серебро и колыханье Сонного ручья, Свет ночной, ночные тени, Тени без конца, Ряд волшебных изменений Милого лица. В дымных тучках пурпур розы, Отблеск янтаря, И лобзания, и слезы, И заря, заря!..* (Фет)» (Ширяев Е.Н., 1997. С. 269).

В случае выражения главных членов номинативных предложений, входящих в Ц.н.п., предметными существительными, возникают статичные словесные описания, выполненные как бы в стиле «мазковой живописи», которые соединяют в себе лаконичность с конкретностью главных элементов объекта описания. Ц.н.п. «являются конструкцией, коммуникативно закрепленной за описательным типом речи», причем выделяются три наиболее частотных функционально-семантических типа Ц.н.п.: 1. со значением описания места; 2. характеристики людей; 3. сообщения о действии, деятельности, процессуальном состоянии субъекта (Лужковская М.Ф., 1987. С. 14). Установлено, что Ц.н.п. обладают различной степенью экспрессивности в зависимости от ряда условий. «Так, экспрессивность цепочек Н.п. зависит от наличия/отсутствия в структуре Н.п. детерминирующих членов, от длины Н.п., от количества Н.п., объединенных в одну цепочку, от включения в цепочку или отсутствия в ней других структурных типов предложений, от положения цепочки Н.п. в тексте, от смысловой нагрузки текста. Например, большей степенью экспрессивности обладают цепочки Н.п., состоящие из коротких (1—2 слова) предложений — *Босоногое детство. Катанье на лошади. Ночное. Купание. Рыбалка. Ягода и грибы. Первые книжки* (Песков В. Шаги по росе)» (Там же. С. 6).

Ц.н.п. часто используются в экспозициях художественных произведений (прозаических и поэтических). Напр.:

1) ***Ночь, улица, фонарь, аптека,***
Бессмысленный и тусклый свет.
Живи еще хоть четверть века —
Все будет так. Исхода нет.
(А. Блок)

2) *Велосипедные прогулки!*
Шмели и пекло на проселке.
И солнце, яркое на втулке,
Подслеповатое на елке.
И свист, и крик, и скрежетанье
Из всех кустов, со всех травинок,
Колес приятное мельканье
И блеск от крылышек и спинок.
(А. Кушнер)

3) ***Чудесный голубой день, чистое небо, зеркальный воздух, глубокая прозрачная тишина!*** *Наконец-то и в этой холодной стране наступила настоящая весна, близится короткое полярное лето* (И. Соколов-Микитов); 4) ***Разгромленная комната, пустые книжные полки, пятна невыгоревших обоев, обшитые мешковинами тюки, рваные газеты на полу, она, неподвижно застывшая у окна.*** *И все-таки я не могу верить, что конец* (В. Тендряков).

Ц.н.п. широко используются в текстах художественной прозы и поэзии; не редки они также в публицистике, прежде всего в жанре очерка, поскольку последнему присуща изобразительность в подаче фактов и событий. Напр.: 5) *Сахарный снег Гималаев. Пальмы. Экватор. Острова потухших вулканов. Красные земли Австралии. Молнии тропических гроз. Новая Зеландия. Рукопожатия с американцами. А потом месяц жизни на льду...* (В. Песков); 6) *Красноватого цвета стволы похожи на скалы — качнуть монолит невозможно. Тихо.* ***Тоненький голос птицы. Бег воды по камням*** (КП, 30 июня 1973 г.); 7) ***Ночная изба. Яркие, без абажуров лампы. Белая печь. Ружье в углу.*** *Рыбаки натягивают на себя прорезиненные желтые робы. Берут фонари <...>* (Пр., 3 ноября 1985 г.).

Кроме употребления Ц.н.п. в художественно-изобразительной функции, отмечается их употребление в функции «технического» средства, применяющегося «для того, чтобы кратко, без лишних деталей зафиксировать определенные мысли, наблюдения или просто предметы, факты», причем эта функция ярко обнаруживается в дневниках, в ремарках пьес, в киносценариях: ***Вечер. Кресло в большой парикмахерской. Обычный шум: стрекотание ножниц, щелканье машинок****. У кресла Люся* (К. Финн, Сестры-разбойницы)» (Русский язык..., 1968. С. 324—325). Ср. в прозе дневникового типа: *Дома.* ***Возмущение хозяйки янтарем. Мое одиночество****. На станцию за кипятком, девки: «Барышня янтарь надела! Страм-то! Страм!»* (М. Цветаева. Вольный проезд).

В литературе отмечено тесное взаимодействие номинативных предложений с парцелляцией и сегментированными конструкциями (Русския язык..., 1968. С. 341). Это касается и Ц.н.п., в которых это взаимодействие представлено как наложение, совмещение этих экспрессивных синтаксических конструкций. Например: ***Магазины. Магазины. Им не хватает места под крышами*** (В. Песков). Отмечается также, что указанные экспрессивные конструкции «носят индивидуально-авторский характер» в том смысле, что они «могут быть свойственны одним писателям и не свойственны другим» (Там же. С. 342).

Лит.: **Лужковская М.Ф.** Цепочки номинативных предложений в современном русском литературном языке (на материале очерков): Автореф. ... дис. канд. филол. наук. Л., 1987; **Попов А.С.** Номинативные предложения и сходные с ними по форме синтаксические конструкции в современном русском литертурном языке: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1960; Русский язык и советское общество: Социолого-лингвистическое исследование. Морфология и синтаксис современного русского литературного языка. М., 1968; **Ширяев Е.Н.** Номинативное предложение // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

А.П. Сковородников

ЦЕПОЧКА ЭПИТЕТОВ. См. Эпитет.

ЦИТА́ТА (от лат. citare — призывать, называть) — в точности воспроизводимые чьи-либо слова (в устной речи) или дословная выдержка из какого-либо текста (в письменной речи), приводимые в подтверждение некоторого соображения или довода: *Высказывания некоторых авторов говорят о том, что каждый из них, как правило, ищет ответное понимание у «своего» читателя. Слова Ф. Искандера подтверждают эту мысль:* ***«Я как-то не задумываюсь о читателе, когда пишу, но, наверное, все же у меня выработался какой-то неуловимый образ собеседника, на которого я подсознательно ориентируюсь»*** (О.В. Шульская).

Приведение цитат свидетельствует о достоверности передачи чужого высказывания и косвенно передает уважение к источнику информации и сказанному им: *Если вы хотите, чтобы вас слушали, не будьте многословны. Как сказал Б. Паскаль,* ***«И самая блестящая речь надоедает, если ее затянуть»***.

Цитаты принято считать экспрессивными синтаксическими средствами, дополняющими фактический материал с помощью логических или психологических доводов. Цитата — это всегда способ лучше, ярче, сильнее выразить свои мысли, подкрепить их авторитетным мнением.

Цитата — это высказывание, вырванное из ситуации, в которой оно было сказано впервые (транспонированное высказывание), и помещенное в иной контекст. При таком перемещении происходит частичное неизбежное изменение значения и приобретение некоторого другого смысла — «резерва смысла» (П.А. Лекант), базы для возникновения коннотативных значений. Думается, это имел в виду Амброз Бирс, говоря ***«Цитата — неверное повторение чужих слов»***.

Возможность перенесения цитаты из одного контекста в другой указывает на ее знаковый характер. При неоднократном воспроизведении цитата превращается в факт языка: ***«Крылатое слово» — это счастливо сложившаяся судьба цитаты <...> И действительно, любимые ораторами «крылатые слова» — не есть ли это вчерашние единицы речи, превратившиеся сегодня в единицы национального языка?***» (Л.А. Месеняшина). Так, напр., ***«А ларчик просто открывался»*** — цитата из басни И.А. Крылова «Ларчик» (1808) применяется, когда говорят о каком-нибудь деле, вопросе, при разрешении которого нечего было мудрить.

Когда Ц. становится фактом языка, сужается ее грамматическое значение: категория предикативности сменяется категориями номинативной конструкции (Т.Н. Снитко).

М.М. Бахтин назвал процесс вхождения цитаты в культуру последующих эпох социально-исторической переакцентуацией. Цитата актуализирует в памяти определенные внетекстовые связи и включается в сложную систему культурных ассоциаций.

Цитата, ставшая фразеологической единицей («крылатым словом, выражением»), выступает как знак целого (цитируемого текста, произведения), как его заместитель и становится Синекдохой (см.). Часто наблюдается соединение цитаты с Реминисценцией (см.):

И, словно в сладком забытьи,
Хозяйка пальцем погрозила
«И жало острыя змеи»
В подругу лучшую вонзила.

(Дон Аминадо)

При этом чаще всего цитата, помещенная в сниженный контекст, служит средством создания комического. Так, например, А.П. Чехов неоднократно цитирует из шекспировского «Гамлета» фразу ***«как сорок тысяч братьев»*** (слова Гамлета у гроба Офелии: *«Я любил ее, как сорок тысяч братьев любить не могут»*): *Отлетаев был глуп,* ***как сорок тысяч братьев****, и невежда страшная; И вдруг, на наше счастье, он сидит у окна и пьян,* ***как сорок тысяч братьев****; Муж ее красив, богат <...> груб, неотесан и нелеп,* ***как сорок тысяч нелепых братьев***.

Очевидно, что цитата выступает в качестве многозачного знака, близкого к многозначному слову, у которого одни экспрессивные компоненты семантики возникают, а другие могут исчезать.

В научной и справочной литературе Ц. могут выполнять (и очень часто выполняют) роль иллюстраций (например цитаты из классических произведений хужожественной литературы в словарях, грамматиках и др.). Цитата может быть сокращена, переведна на новые нормы орфографии и пунктуации, напр., при цитировании церковнославянских текстов.

Лит.: **Бабаев Э.Г.** Одна великолепная цитата // РР. 1993. № 3; **Душенко К.В.** Словарь современных цитат. М., 1997; **Душенко К.В.** Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина: Что, кем и когда было сказано. М., 1996; **Займовский С.Г.** Крылатые слова: Справочник цитаты и афоризма. М., 1930; **Коньков В.И.** Прямая речь и цитата в художественном тексте // РР. 1980. № 4; **Лекант П.А.** Коннотация высказывания // Проблема семантики предложения: выраженный и невыраженный смысл. Красноярск, 1986; **Месеняшина Л.А.** Прямая речь и цитаты в ораторской и художественной речи // Риторика и синтаксические структуры. Красноярск, 1988; **Назарьян Р.Г.** Загадочная цитата // РР. № 6. 1991; **Снитко Т.Н.** Опыт построения общей теории номинализации: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Саратов, 1987.

О.Н. Емельянова

Ч

ЧУЖАЯ РЕЧЬ — синтаксически организованное введение в авторское повествование речи или мыслей другого лица. «Чужая речь — это речь в речи, высказывание в высказывании, но в то же время это и речь о речи, высказывание о высказывании» (М. Бахтин). Ситуации использования чужой речи встречаются очень часто и реализуются по-разному: чужая речь существует в форме прямой, косвенной, полупрямой, несобственно-прямой (несобственно-авторской) речи. Выбор формы чужой речи содержательно значим и определяется тем, от чьего лица дается высказывание. «Использование элементов чужого текста, которые при этом могут принадлежать различным лицам, представляет основной способ выражения различных точек зрения» (Б. Успенский).

Чужая речь, воспроизводимая со стороны того лица, которому она принадлежит, оформляется в конструкцию с Прямой речью (см.), где автор стремится имитировать дословную речь кого-либо, напр., персонажа в литературном произведении: ***Нет ни одной восточной религии,*** *— говорил Берлиоз,* ***— в которой, как правило, непорочная дева не произвела бы на свет бога. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, которого на самом деле никогда не было в живых...*** (М. Булгаков).

Такая форма свидетельствует о достоверности, полноте, точности передаваемой информации и косвенно выражает уважение к источнику информации и сказанному им. Напр.: *Антон Павлович Чехов писал в своих записных книжках:* ***Хорошее воспитание не в том, что ты не прольешь соуса на скатерть, а в том, что ты не заметишь, если это сделает кто-либо другой.***

Конструкцию с прямой речью не следует путать с репликой диалога, которая передает прямое (точное) высказывание кого-либо, но это высказывание не вводится авторскими словами.

Чужая речь, воспроизводимая не от лица говорящего, оформляется в конструкцию с Косвенной речью (см.) в форме изъяснительной придаточной части сложноподчиненного предложения, вводимой союзами. Напр.: *Нехлюдов рассказал ему,* ***что лицо, интересующее его, — женщина, что она невинно осуждена, что подано о ней на высочайшее имя*** (Л. Толстой).

Косвенная речь лишь пересказывает содержание чужой речи, опуская ее эмоционально-экспрессивные элементы: на первом плане оказывается не само чужое высказывание, а понимание его автором текста. Косвенная речь очень удобна для краткого пересказа обширных высказываний, но может создать иллюзию произвольной интерпретации. Напр.: *Со слов старика выходило так,* ***что жену и ее родню он осчастливил, детей наградил, приказчиков и служащих облагодетельствовал и всю улицу заставил за себя Бога молить*** (А. Чехов).

В спонтанной устной разговорной речи весьма распространены конструкции, построенные как косвенные, но с введением в придаточную часть элементов

прямой речи: обращений, вводных слов, междометий и др. Это так называемая Полупрямая речь (см.). Напр.*: Конечно, почтмейстер и председатель и даже сам полицеймейстер, как водится, подшучивали над нашим героем,* ***что уж не влюблен ли он и что мы знаем, дескать, что у Павла Ивановича сердчишко прихрамывает, знаем, кем и подстрелено***... (Н. Гоголь).

К полупрямой речи нередко прибегают авторы художественных произведений для придания тексту разговорной непринужденности и легкости.

Существует и другая форма передачи чужой речи, обладающая свойствами как прямой, так и косвенной речи. Это Несобственно-прямая речь (см.).

Несобственно-прямой (или несобственно-авторской) называют речь повествователя, пронизанную элементами речи персонажа — источника информации. С прямой речью ее сближает использование подлинных выражений, интонации, строя речи говорящего (персонажа), а с косвенной — употребление личных форм глаголов и местоимений от лица повествователя. Но при этом не используются никакие вводящие глаголы речи и мысли, т.е. отсутствует формальный сигнал перехода от авторской речи к чужой (напр., к речи персонажа). В отличие от всех других форм передачи чужой речи несобственно-прямая речь не выделяется в тексте авторскими словами. Напр.: *Франц от удовольствия зажмурился.* ***Везло. Необыкновенно везло. Не говоря уж, что весьма хорошо получается — гулять по улицам с этой красногубой дамой в кротовом пальто. Резкий осенний воздух, лоснящаяся мостовая, шипение шин, вот она — настоящая жизнь. Только бы еще новый костюм, пылающий галстук, — и тогда полное счастье*** (В. Набоков).

Чаще всего к этой форме прибегают для воспроизведения «внутренней речи» героя. Напр.: *Дело в том,* ***что незнакомец этот показался ему теперь как-то знакомым. Это бы еще ничего. Но он узнал, почти совсем узнал теперь этого человека. Он его часто видывал, этого человека, когда-то видывал, даже недавно весьма, где же бы это? Уж не вчера ли? Впрочем, и опять не в том было главное дело, что господин Голядкин его видывал часто. Да и особенно-то в этом человеке почти не было ничего, — особенного внимания решительно ничьего не возбуждал с первого взгляда этот человек*** (Ф. Достоевский).

Различия между перечисленными формами чужой речи состоят, во-первых, в степени точности и полноты передачи чужого высказывания и, во-вторых, в строении предложений.

Содержание чужой речи может быть передано и с помощью простого предложения с дополнением, выраженным существительным в предложном падеже с предлогом «о». Напр.: *Филипп Петрович подробно, пытливо, по нескольку раз возвращаясь все к тому же, расспрашивал его и* ***о старых, и о вновь создаваемых группах «Молодой гвардии», требовал фамилии, характеристики*** (А. Фадеев). Эта же конструкция может лишь назвать тему чужой речи: ***О себе*** *приезжий, как казалось, избегал много говорить; если же говорил, то какими-то общими местами, с заметною скромностью...* (Н. Гоголь).

Содержание чужой речи может быть передано и с помощью вводных слов. Напр.: ***По словам Ю.Н. Тынянова****, форма есть художественная реальность литературного произведения.*

В тексте возможно различное соотношение авторской и чужой речи: преобладание авторской речи, преобладание чужой речи, отсутствие какого-либо преобладания, врастание авторской речи в чужую. Даже в одном контексте разные формы чужой речи могут сложно переплетаться друг с другом. Напр.: *Лари-*

осик покраснел, смутился и сразу все выговорил, и что в винт он играет, но очень, очень плохо, лишь бы его не ругали, как ругали в Житомире податные инспектора... Что он потерпел драму, но здесь, у Елены Васильевны, и в квартире у них тепло и уютно, в особенности замечательны кремовые шторы на всех окнах, благодаря чему чувствуешь себя оторванным от внешнего мира. А он, этот внешний мир... Согласитесь сами, грязен, кровав и бессмысленен (М. Булгаков).

Некоторые фрагменты, элементы чужой речи могут присутствовать в авторском повествовании и выделяться в тексте кавычками или курсивом. Напр.: «Анна Павловна кашляла несколько дней, у нее был *грипп*, как она говорила» (Л. Толстой). В данном случае курсив сочетается с вводными словами, также указывающими на чужую речь. Или: «Ему известно было, что Варламов имеет несколько десятков тысяч десятин земли, около сотни тысяч овец и очень много денег; об его образе жизни и занятиях Егорушке было известно только то, что он всегда «кружится в этих местах» и что его всегда ищут» (А. Чехов).

Б.А. Успенский выделяет также явления, названные «внутриязыковым двуязычием». Это совмещение в рамках одного простого предложения двух сфер речи — говорящего и слушающего. Напр., у Достоевского в «Бесах» Петр Степанович иронически говорит о своем отце: ***Мы,*** *знаете, в карточки очень* ***повадливы****...*, — герой говорит как бы от имени своего отца. У Достоевского же в «Игроке» герой — мужчина, обращаясь к Полине, говорит*: **Я бы на вашем месте**, непременно **вышла** замуж за англичанина*, — при этом говорящий ставит себя в позицию слушающей (*на вашем месте*), в том числе и грамматически (***вышла*** — употребление женского рода вместо мужского).

Такие случаи использования чужого слова особенно распространены в бытовой речи (напр.: *Чего ты ко мне пристаешь, не видишь* — ***человек занят****!*; обращение типа *Кому говорят?* и др.); в общении с маленькими детьми, когда родители называют друг друга *папа* и *мама*, говорят ребенку: *Какие мы красивые!*, *Иди к маме (папе) на ручки* и т.п. (Примеры Б.А. Успенского).

Во всех формах передачи чужой речи «выражено *активное отношение* одного высказывания к другому, притом выражено не в тематическом плане, а в устойчивых конструктивных формах самого языка <...> растворение чужого слова в авторском контексте не совершается и не может совершиться до конца: и здесь, помимо смысловых указаний, сохраняется конструктивная упругость чужого высказывания, прощупывается тело чужой речи как себедовлеющего целого <...> Перед нами явление реагирования слова на слово, однако резко и существенно отличное от диалога. В диалоге реплики грамматически разобщены и не инкорпорированы в единый контекст» (М. Бахтин).

Лит.: **Бахтин М.М.** Экспозиция проблемы «чужой речи» // Фрейдизм. Формальный метод в литературоведении... Статьи. М., 2000; **Блинов Г.И.** Изучение способов передачи чужой речи // РЯШ. 1974. № 2; **Кодухов В.И.** Прямая и косвенная речь. Л., 1957; **Кулагин А.Ф.** Конструкции с прямой речью и сложное предложение // РЯШ. 1969. № 1; **Милых М.К.** Синтаксические особенности прямой речи в художественной прозе. Харьков, 1956; **Милых М.К.** Конструкции с косвенной речью в современном русском языке. Ростов н/Д, 1975; **Соколова Л.А.** Несобственно-авторская (Несобственно-прямая) речь как стилистическая категория. Томск, 1968; **Труфанова И.В.** Способы передачи чужой речи в русском языке: Учебное пособие по спецкурсу, спецсеминару. Елец, 1994; **Успенский Б.А.** Семиотика искусства. М., 1995; **Успенский Б**. Поэтика композиции. М., 1994.

О.Н. Емельянова

Э

ЭВФЕМИЗМ, или **ЭВФИМИЗМ** (греч. Euphemismos, от eu — хорошо и phemi — говорю) — слово или выражение, как правило, с нейтральной эмоциональной окраской, употребляемое в определенных условиях с целью замены такого синонимичного ему слова или выражения, которое представляется автору высказывания неуместным, грубым или нетактичным. Напр.: «*пожилой*» вместо «старый», «*уклониться от истины*» вместо «соврать».

Под Э. понимаются также окказиональные индивидуально-авторские замены одних слов другими с разными стилистическими заданиями, в частности, для маскировки подлинной сущности обозначаемого. Напр.: «*Апофеозом действа стала демонстрация* ***той части тела, для обозначения которой есть словечко, рифмующееся со словом Европ****а*» (ВК. 18 марта 1998 г.).

По мнению многих исследователей, Э. нужно рассматривать как разновидность тропа: Перифразы (см.), Метафоры (см.), Метонимии (см.), Синекдохи (см.) и др. Однако в отличие от других эта разновидность тропа используется не столько для усиления выразительности высказывания, сколько для избежания прямого наименования того, что считается слишком резким или неприличным, напр.*: женщина в интересном положении* (вм. беременная женщина); *нечистый на руку* (вм. склонный к воровству); *уйти на заслуженный отдых* (вм. уйти на пенсию).

Э. используются в различных сферах личной и общественной жизни. Выделяются следующие группы Э. в сфере личных отношений человека, служащие для обозначения: 1) некоторых физиологических процессов и состояний — *Она ждет ребенка* (вм. беременна) и т.п., 2) отношений между полами, ср.: *находиться в близких, интимных отношениях, физическая близость* и т.п.; 3) болезни и смерти: *недомогать, плохо себя чувствовать* (вм. болеть, хворать), *кончина* (вм. *смерть*), *предать земле* (вм. похоронить); 4) возраста, внешности, интеллекта, психического состояния человека, напр.: *Она уже в годах; Его трудно назвать красавцем; Он не вполне нормальный*; *Ум не относится к числу его достоинств* и т.д. Функция Э. в сфере личных отношений — служить смягчающим средством, заменять слова и выражения, представляющиеся говорящему или его адресату грубыми или неприличными, на более приемлемые.

Используются Э. и в художественной речи, где помимо своей основной функции — смягчения, они выступают также как средство усиления выразительности высказывания: *Только* ***женщина, пришедшая сюда для сбыта / Красоты своей****...* (В. Брюсов) (данное выражение заменяет собой слово «проститутка»).

Но более всего эвфемизация характерна для различных сфер общественной жизни: политической, экономической, дипломатической, судебно-правовой и т.д. Приведем примеры: *Москва озабочена перспективами развития двусто-*

ронних отношений в случае применения США ***силового варианта против Ирака*** (Красн. раб. 14 февр. 1998 г.); *Из кабинетов чиновников Минсельхозпрома «****утекают****» деньги, предназначенные для АПК* (Красн. комс. 29 ноября 1997 г.); *За год с небольшим она «****изъяла****» у своего предприятия более 20 миллионов неденоминированных рублей* (Красн. раб. 14 марта 1998 г.); *Пока водители будут* ***давать****, сотрудники ГАИ будут* ***брать*** *— и ничего тут не поделаешь* (Св. голос. 12 мая 1994 г.).

Выделяется несколько языковых способов и средств эвфемизации: 1) использование слов-определителей с «рассеянной» семантикой, напр.: *определенный, известный, некоторый, надлежащий* и т.п.; 2) использование номинаций с достаточно общим смыслом для называния вполне конкретных предметов и явлений (*акция, изделие, учреждение*, *материал* и др.); 3) употребление иноязычных слов и терминов, более подходящих для вуалирования сути явлений, чем исконно русская лексика: *путана* (вм. проститутка), *деструктивный* (вм. разрушительный), *канцер* (вм. рак*);* 4) употребление некоторых слов, обозначающих неполноту действия или слабую степень свойства, не в своем собственном значении, а в качестве смягчающего Э. (*недослышит, прихрамывает, приостановить деятельность*).

В письменной речи Э. могут выделяться графически: с помощью курсива, разрядки, заключаться в кавычки, напр.: *В советские времена зэков уплотнили ровно в 4 раза, установив в каждом* ***«номере»*** *двухъярусные нары* (МК. 23 янв. 2000 г.). Кроме того, и в тексте и в устной речи они могут сопровождаться комментариями типа: *мягко говоря, иначе говоря, фигурально выражаясь* и т.п., напр.: *Обычно все подобранные пьяными,* ***мягко говоря, нами недовольны****, — констатирует капитан 31 экипажа Андрей Лаврентьев* (ВК. 17 сент. 1997 г.).

Э. характеризуются также «высокой степенью подвижности» (Н.С. Арапова) или «исторической изменчивостью своего статуса в языке и речи» (Л.П. Крысин), это выражается в том, что «в процессе постоянного употребления эвфемистическая лексика теряет свою маскирующую способность, приобретая те же нежелательные ассоциации, что и прямые наименования» (Н.Ц. Босчаева), и сама, в свою очередь, начинает нуждаться в замене, например, слова «потаскуха», «шлюха», которые являются этимологическими Э., в современном русском языке относятся к Вульгаризмам (см. ст. **Вульгаризация** во второй части словаря).

Лит.: **Арапова Н.С.** Эвфемизмы // ЛЭС. М., 1990; **Босчаева Н.Ц**. Контекстуальные условия реализации эвфемистической функции дейктических слов // Вопр. английской контекстологии. Л., 1990; **Крысин Л.П.** Эвфемистические способы выражения в современном русском языке // РЯШ. 1994. № 5; **Он же.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX века. М., 1996; **Ларин Б.А.** Об эвфемизмах // Проблемы языкознания. Л., 1961; **Розенталь Д. Э., Теленкова М.А.** Эвфемизм // Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Шмелев Д.Н.** Эвфемизм // Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.В. Баринова

ЭВФОНИ́Я. То же, что Благозвучие.

ЭЗО́ПОВ ЯЗЫК – обусловленная исторической обстановкой система вынужденных иносказаний в публицистике, ораторских выступлениях и в художественной литературе.

Э.я. – полная намёков, Умолчаний (см.), Аллегорий (см.), Аллюзий (см.), Перифраз (см.) и т.п. речь, посвященная, как правило, рассмотрению общественно-политических вопросов, подвергающихся цензуре в условиях антидемократического строя.

Именно поэтому Э.я. встречается прежде всего в публицистических жанрах, гражданской поэзии, политической сатире и т. п.

Происходит этот термин от имени легендарного греческого баснописца Эзопа, жившего, по преданию, в 6 в. до н.э. Эзоп был рабом и поэтому не мог открыто, свободно говорить правду о современниках. Он обратился к аллегорической, басенной форме.

Выражение «эзопов язык» ввел в широкий оборот М.Е. Салтыков-Щедрин, который назвал так особую, «рабью» манеру иносказательного изложения. К Э.я. прибегали многие поэты, писатели, публицисты и др., стремившиеся обойти цензуру и поэтому создававшие произведения, в которых за прямым смыслом сказанного таился второй план, раскрывающий подлинные мысли автора. В российской жизни традиции Э.я. были заложены Н. Чернышевским, Н. Некрасовым, М. Салтыковым-Щедриным, Д. Минаевым и др. революционерами-демократами. Позже к Э.я. прибегали В. Ленин, М. Горький и мн. др.

Вследствие различных цензурных требований в разные исторические периоды Э.я. может быть более или менее замаскированным (доступным) для широкой аудитории. Так, например, большинство сказок М. Салтыкова-Щедрина было создано в 80-е гг. XIX в., в период жестокой политической реакции. В это время литература вынуждена была, выражаясь словами Щедрина, перейти «из просто-эзоповского тона <...> в сугубо-эзоповский».

В Э.я. выступают десятки синонимических слов и выражений, обозначающих «крамольные» понятия. Напр.: традиционные слова – символы ***буря, вихрь, пламя, искра, мрак, оковы, цепи*** и т.д., употреблявшиеся в переносном значении для наименования *революции, борьбы, мятежа, самовластья* и др.:

Душно! Без счастья и воли
Ночь бесконечно длинна,
Буря *бы грянула, что ли?*
Чаша с краями полна!
Грянь над пучинами моря,
В поле, в лесу засвищи,
Чашу вселенского горя всю расплещи!

(Н. Некрасов)

В нелегальной статье «Памяти Герцена» (1912 г.) В. Ленин дал объяснение символу ***буря:*** «Буря – это движение самих масс <...> Первый натиск бури был в 1905 г. Следующий начинает расти на наших глазах» (Ленин В.И. ПСС. Т. 21. С. 261).

Тексты, включающие в себя слова-символы, слова-иносказания, – это особая разновидность Э.я.

К приёмам Э.я. относятся и пародирование выступлений государственных деятелей, обыгрывание фразеологизмов, использование «намекающих» эпиграфов, варваризмов и др. Например: М. Салтыков-Щедрин в конце «Писем к Тётеньке» (***тётенькой*** он иносказательно называет либеральную интеллигенцию)

употребляет латинское выражение: *Затем передайте мой сердечный привет вашим домочадцам и прощайте**, sapienti sat**. Но знаете ли вы, милая тётенька, что означает **«sapienti sat?»*

Данное латинское изречение переводится следующим образом — *Умный поймёт!* Дважды приводя его в конце текста, автор подчеркивает, что читатель сам должен догадаться об истинном содержании написанного.

К жанрам, преимущественно используемым для Э.я., относятся: басня, сказка, «перевод», «подражание» из восточной поэзии, сюжеты на античные, библейские и др. исторические темы.

Лит.: **Бельчиков Ю.А.** Эзопов язык // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Бельчиков Ю.А**. Эзопов язык // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М. 1998; **Бушмин А.С.** Эзоповское иносказание // **Бушмин А.С.** Художественный мир Салтыкова-Щедрина. М., 1987; **Дмитриев В.** Эзоповский язык // РР. № 5. 1971; **Иванова Н**. Смена языка // Знамя. № 11. 1989; **Квятковский А.П**. Поэтический словарь. М., 1966; Краткий словарь литературоведческих терминов. М., 1978; **Паклина Л.Я.** Искусство иносказательной речи. Эзоповское слово в художественной литературе и публицистике. Саратов, 1971.

О.Н. Емельянова

ЭКЗОТИ́ЗМЫ (от греч. exotikos — чуждый, иноземный) — иноязычные наименования вещей и понятий, свойственных природе, жизни и культуре тех стран и народов, у которых эти названия возникли.

Так, например, в английском образе жизни существует понятие *второго завтрака* — ***ленча*** (отсутствующего в российском национальном сознании); исповедующие ислам презрительно называют всех *иноверцев* словом ***гяур***; ***пиалой*** называется используемая в Средней Азии *чашка для питья с расширяющимися кверху стенками и без ручки*.

Часть этих слов прочно вошла в современный русский литературный язык и используется в нем для обозначения реалий чужой (иностранной) действительности: ***сольдо***, ***сеньора***, ***кишлак***, ***аул***, ***стойбище***, ***мисс***, ***миссис***. В толковых словарях такие слова оговариваются особым образом: ***мисс*** — *вежливое обращение к девушке в Англии, Америке* (словарь С.И. Ожегова).

Стилистической функцией экзотизмов является создание местного колорита речи: *Турецкая шаль обвивала под исподом надетый **архалук** из букетовой **термаламы**. Красные **шальвары** скрывались в верховые желтые сапоги с высокими каблуками* (А. Бестужев-Марлинский).

Лит.: см. ст. Варваризмы.

О.Н. Емельянова

ЭКСПЛЕ́ЦИЯ (от лат. explere — заполнять) — разновидность Плеоназма (см.), стилистический прием, в основе которого лежит принцип избыточности языковых средств. При построении высказываний с Э. актуальное понятие (слово или словосочетание) «окружают поясняющими, второстепенными с точки зрения

смысла словами» для того, чтобы выделить его (Общая риторика, 1986. С. 140). Напр.: *О, огромное большинство наших интеллигентных русских и тогда, при Пушкине, как и теперь, в наше время, служили и служат мирно в чиновниках, в казне или на железных дорогах и в банках, или просто наживают разными средствами деньги, или даже науками заниматься, читают лекции — и все это регулярно, лениво и мирно, с получением жалования, с игрой в преферанс, безо всякого поползновения бежать в цыганские таборы или куда-нибудь в места более соответствующие нашему времени»* (Ф.М. Достоевский). А.А. Волков так комментирует этот текст: «Автор использует уточняющие или дополняющие, но по существу избыточные для основного содержания обороты (выделены курсивом), намеренно растягивая фразу, чтобы дать слушателю возможность полностью усвоить мысль и одновременно заполнить возникающие ритмические пустоты» (Волков А.А., 2001. С. 317).

Другие полагают, что «смысл эксплеции часто в том, чтобы представить некое чрезмерно резкое, остро неожиданное или просто категорическое суждение осторожно, как бы снимая с себя таким образом ответственность за нежелательный характер суждения», как, напр., в таком высказывании: *«В общем-то люди, если проявить критичность — допускаю, что даже избыточную, в массе своей, то есть рассматриваемые не по отдельности, а как толпа, довольно глупы»* (Клюев Е.В., 1999. С. 260). Автор так комментирует этот пример: «Эксплеция растворяет в обилии слов предельно четко сформулированный смысл — «люди глупы». Разумеется, чрезмерно общий и весьма спорный характер этой формулировки фактически вынуждает автора высказывания прибегнуть к эксплеции — без нее соответствующая формулировка в «чистом виде» спровоцировала бы конфликтные отношения с адресатом, явно имеющим основания присоединять себя к «людям» (которые глупы!)» (Там же. С. 260—261).

Э. может выполнять обе упомянутые выше функции, хотя вторая функция (смягчающая, «амортизирующая», близкая к эвфимистической), по-видимому, для нее более органична и проявляется ярче, чем первая. Ср. две разных ситуации в речевом поведении Чичикова — главного «героя» «Мертвых душ» Н.В. Гоголя.

1) *«— Как, на мертвые души купчую?*

— А, нет! — сказал Чичиков. — Мы напишем, что они живы, так, как стоит действительно в ревизской сказке. Я привык ни в чем не отступать от гражданских законов, ***хотя за это и потерпел на службе, но уж извините: обязанность для меня дело священное, закон — я немею перед законом****».*

Выделенная часть ответа Чичикова избыточна с точки зрения чисто информативной, но она понадобилась ему для подчеркивания идеи законности сделки.

2) *«Собакевич слегка принагнул голову, приготовляясь слышать, в чем было дельце.*

Чичиков начал как-то очень отдаленно, коснулся вообще всего русского государства и отозвался с большою похвалою об его пространстве, сказал, что даже самая древняя римская монархия не была так велика, и иностранцы справедливо удивляются... Собакевич все слушал, наклонивши голову. И что по существующим положениям этого государства, в славе которому нет равного, ревизские души, окончивши жизненное поприще, числятся, однако ж, до подачи новой ревизской сказки наравне с живыми, чтоб таким образом не обременить присутственные места множеством мелочных и бесполезных справок и не увеличить

сложность и без того уже весьма сложного государственного механизма... Собакевич все слушал, наклонивши голову, — и что, однако же, при всей справедливости этой меры, она бывает отчасти тягостна для многих владельцев, обязывая их взносить подати так, как бы за живой предмет, и что он, чувствуя уважение личное к нему, готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжелую обязанность. Насчет главного предмета Чичиков выразился очень осторожно: никак не назвал души умершими, а только несуществующими».

Свое предложение Собакевичу продать мертвые души Чичиков делает в конце длинной тирады, причем выражает свою мысль косвенно («готов бы даже отчасти принять на себя эту действительно тяжелую обязанность») и эвфимистически («никак не назвал души умершими, а только несуществующими»). Предшествующая этому значительная часть монолога Чичикова призвана «растворить в обилии слов» и завуалировать его подлинную цель, впрочем прекрасно понятую Собакевичем и четко им сформулированную в последовавшем диалоге:

« — Итак?.. — сказал Чичиков, ожидая не без некоторого волнения ответа.

— Вам нужно мертвых душ? — спросил Собакевич очень просто, без малейшего удивления , как бы речь шла о хлебе».

Использование Э. возможно не только в художественной прозе, но и в других стилевых контекстах, например, в публицистике (см. выше пример из речи Ф.М. Достоевского).

Лит.: **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986.

А.П. Сковородников

ЭКСПРЕССИВНОЕ БЕССОЮЗИЕ — бессоюзные синтаксические конструкции (сложные предложения с бессоюзной связью частей и простые предложения с бессоюзной связью членов предложения), в которых бессоюзная связь является показателем (или одним из показателей) их стилистической маркированности — функциональной или экспрессивной (разговорной непринужденнности, неофициальности, динамизма, легкости, подчеркнутой выделенности и некоторых других).

В академической «Русской грамматике» (М., 1980 г.) дается следующая характеристика стилистических возможностей бессоюзия в сфере сложных предложений: «Бессоюзный способ соединения предложений ограничен преимущественно рамками разговорной речи. Смысловая емкость и яркая стилистическая окрашенность бессоюзия создает также условия для использования в художественной литературе как эстетического, изобразительного приема. Конструктивные возможности бессоюзия при этом иногда расширяются, а некоторые принципы бессоюзного соединения предложений становятся характерными приметами газетной, научной, нейтрально-повествовательной речи. В результате столкновения двух начал — разговорного и книжного — картина стилистических функций бессоюзия может оказаться иногда достаточно сложной; соответственно возникает необходимость дифференцированного подхода к оценке каждого отдельного типа бессоюзного соединения» (с. 634). Среди экспрессивных бессоюзных конструкций можно выделить такие, которые соотносятся с союзными конструкциями как их

варианты с эллиптированными союзами. Напр.: 1) *Иные каторжане озлобились, затосковали. А иные похолодели перед правдой:* ***люди сами строят для себя тюрьмы, куют для себя цепи, заковывают себя в них, шьют для себя смертные рубахи, расстреливают, вешают...*** (Н. Ляшко). Ср.: ...люди сами строят для себя тюрьмы, куют для себя цепи и заковывают себя в них, шьют для себя смертные рубахи, расстреливают и вешают...; 2) *Станция и поселок — посреди поля,* ***а мне кажется: посреди России*** (О. Смирнов) Ср.: ...а мне кажется, что посреди России; 3) *Не могут распуститься цветы на грядках — не хватает силы противостоять холоду* (Ф. Абрамов). Ср.: Не могут распуститься цветы на грядках, потому что (так как) не хватает силы противостоять холоду.

Такие конструкции, будучи стилистически маркированными бессоюзными вариантами нейтральных конструкций с союзами, имеют статус стилистических фигур. Разновидностью Э.б. является Асиндентон (см.).

Другие бессоюзные конструкции сопоставимы с союзными как их экспрессивные семантические эквиваленты, однако они не могут быть квалифицированы как стилистические фигуры, так как между ними и союзными предложениями нет полного структурного соответствия: они отличаются не только отсутствием/наличием союза, но и другими элементами структуры. Напр.:

4) *...Но предупреждаю:* ***пытайся он еще раз совершить кражу, пусть пеняет на себя, мерзавец*** (О.Смирнов). Ср.: ...если он еще раз попытается совершить кражу, пусть пеняет на себя, мерзавец; 5) *...Все было так прелестно, что, слушая и глядя, очень плакал.* ***Шел домой — чувство легкости, молодости*** (И. Бунин). Ср.: ...Шел домой и испытывал чувство легкости, молодости; 6) *Первые уроки госприемки.* ***Начата большая работа — довести ее до конца*** (Пр., 4 февр. 1987 г.). Ср.: Начата большая работа, и нужно довести ее до конца.

Такие бессоюзные предложения могут быть квалифицированы как экспрессивные синтаксические конструкции нефигурального типа.

К экспрессивным синтаксическим конструкциям нефигурального типа должны быть отнесены и такие стилистически не нейтральные бессоюзные предложения, у которых нет союзных аналогов. Напр.: 7) *А мне чужого не надо, я и так богатый.* ***Только не за счет покупателя — государственные инструкции дозволяют*** (И. Штемлер); 8) *Кого любят дети?* ***Хоть прямо спрашивайте, хоть мудрено анкетируйте — добрых, умных, отзывчивых*** (Изв., 7 июня 1984 г.); 9) *Когда в тресте записывали на садовые участки,* ***Лидочка воспротивилась: зачем нам, возни уйма*** (О. Смирнов).

Лит.: **Белошапкова В.А.** Современный руский язык. Синтаксис: Учебное пособие для унтов. М., 1977; Грамматика русского языка. Т. 2, ч. 2. М., 1954; **Карцевский С.О.** Бессоюзие и подчинение в русском языке // Вопросы языкознания. № 2. 1961; **Кручинина И.Н.** Бессоюзие // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Общая риторика: Пер. с фр. / Ж. Дюбуа, Ф. Пир, А. Тринон и др. М., 1986. **Поспелов Н.С.** О грамматической природе и принципах классификации бессоюзных сложных предложений // Вопросы синтаксиса современного русского языка. М., 1950; Русская грамматика. Т. 2. М., 1980; Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: Учеб. для студ. высш. учеб. заведений: В 2 ч. Ч. 2: Морфология. Синтаксис. М., 2001; **Формановская Н.И.** Стилистика сложного предложения. М., 1978; **Ширяев Е.Н.** Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М., 1986.

А.П. Сковородников

ЭКСПРЕССИ́ВНОСТЬ (от лат. expressio — выражение) — понятие, неоднозначно определяемое в словарях, справочниках и прочей литературе. Так, напр., В.Н. Гридин определяет Э. как «совокупность семантико-стилистических признаков единицы языка, которые обеспечивают ее способность выступать в коммуникативном акте как средство субъективного выражения отношения говорящего к содержанию или адресату речи» (Гридин В.Н., 1990. С. 591). С точки зрения В.Н. Телия, Э. — «семантическая категория, придающая речи выразительность за счет взаимодействия в содержательной стороне языковой единицы, высказывания, текста, оценочного и эмоционального отношения субъекта речи (говорящего или пишущего) к тому, что происходит во внешнем или внутреннем для него мире» (Телия В.Н., 1997. С. 637). По мнению С.Е. Никитиной и Н.В. Васильевой, Э. — «совокупность признаков языковых единиц или высказывания/текста, в которых отражается/которые указывают на не-нейтральное отношение говорящего к содержанию или адресату речи» (Никитина С.Е., Васильева Н.В., 1996. С. 151). Р.Р. Чайковский под Э. понимает «во-первых, объективно существующее свойство языковых средств увеличивать прагматический потенциал высказываний, придавая им требуемую психологическую направленность, и, во-вторых, созданную функционированием определенной совокупности экспрессивных средств языка специфическую атмосферу высказывания, заключающуюся в способности этого высказывания интенсивно воздействовать на восприятие читателя, вызывая у него определенную интеллектуальную или эмоциональную реакцию» (Чайковский Р.Р., 1971. С.193). М.Н. Кожина рассматривает Э. как «построение речи, наилучшим образом реализующее цели и задачи общения и достигающее эффективности этого общения», приэтом замечая, что Э. «своеобразна в той или иной речевой разновидности, так как последняя обусловлена специфическим комплексом известных экстралингвистических факторов» (Кожина М.Н., 1987. С. 14). Разнообразие подходов к дефинированию категории Э. отражено, напр., в работах Н.А. Лукьяновой (1991), И.В. Пекарской (2000), Р.Р. Чайковского (1971).

Расхождения в определении категории Э. касаются прежде всего составляющих ее содержательных компонентов. Напр., В.Н. Гридин таковыми считает эмоциональный и оценочный компоненты (Гридин В.Н., 1990. С.591); В.Н. Телия — эмоциональность и оценочность (Телия В.Н., 1997. С. 637—638), Т.В. Матвеева — эмоциональность, оценочность и интенсификацию признака (Матвеева Т.В., 2003. С. 404). В.А. Маслова полагает, что «общая экспрессивность текста представляет собой интегральный результат реализации таких его свойств, как эмотивность, оценочность, образность, интенсивность, стилистическая маркированность, структурно-композиционные особенности текста» (Маслова В.А., 1991. С. 183).

Следует иметь в виду, что такие факторы (составляющие) Э., как эмоциональность, оценочность, образность, интенсивность, могут быть присущи (в разной степени и в разных проявлениях) как единицам языка (ингерентная Э.), так и единицам речи (адгерентная Э.). Так, напр., в имени существительном *ветрище* интенсивность проявляется как увеличительность, выражаемая суффиксом *-ищ-*. В высказывании *Ветер, резкий и порывистый, грозил перевернуть лодку* интенсивность проявления силы ветра выражается инверсией и обособлением.

Что касается двух других составляющих категории Э. (стилистической маркированности и структурно-композиционных особенностей текста), упоминаемых В.А. Масловой, то они участвуют в реализации категории Э. лишь при опре-

деленных речевых условиях. Стилистически маркированная языковая единица обладает определенной экспрессией, если она включена в иностилевую языковую среду: ее Э. проявляется на фоне языковых единиц иной стилевой окрашенности. Напр., экспрессивно разговорное слово, включенное в контекст какого-либо книжного стиля: *«Яблоко» — типичное леволиберальная партия интеллигенции, которых достаточно в любом европейском парламенте. По экономическим приоритетам она близка к Глазьеву, но у того в плюсе еще сдержанный патриотизм, тогда как «Яблоко» обречено* ***мыкаться*** *с общечеловеческими ценностями* (ЛГ. № 34. 2003 г.).

Однако в контексте собственно разговорной речи слово, маркированное как разговорное, не обладает экспрессивностью: оно нейтрально по отношению к данному контексту. Напр.:

(Продовольственный магазин. Продают мандарины):

Покупатель: — Неужели по шесть ***кило*** *берут?*

Продавщица: — А как же? Люди в отъезд / люди к Новому году / в Казань / в Рязань // (Русская разговорная речь. М., 1973).

Структурно-композиционные особенности текста экспрессивны тогда, когда они отклоняются от структурно-композиционного стандарта того или иного жанра или функционально-смыслового типа текста: описания, повествования, рассуждения (разумеется, в том случае, если такое отклонение прагматически мотивировано). В качестве примера приведем повествовательную миниатюру И.А. Бунина «Петухи»:

На охотничьем ночлеге, с папиросой на пороге избы, после ужина. Тихо, темно, на деревне поют петухи. Выглянула из окошечка сидевшая под ним, в темной избе, хозяйка, послушала, помолчала. Потом негромко, подавляя приятный зевок:

— Что ж это вы, барин, не спите? Ишь уж не рано, *петухи опевают ночь...* (курсив автора).

Необычный для рассказа лаконизм, устранение субъекта действия-состояния в предложении-зачине, напоминающем ремарку драматического произведения, позволяют направить внимание читателя на речь крестьянки, и особенно на ту ее часть, которая выделена курсивом: автор любуется поэтичностью народного языка.

Учитывая сказанное выше, а также признаки Э., повторяющиеся неоднократно в разных ее дефинициях, и необходимость системного соотнесения определения Э. с определениями других терминов элокуции (выразительности, образности), считаем целесообразным понимать эту категорию как такую совокупность признаков языковой/речевой единицы, а также целого текста или его фрагмента, благодаря которым говорящий (пишущий) выражает свое субъективное отношение к содержанию или адресату речи. Составляющими категории Э. являются Эмоциональность (см.), Оценочность (см.), Интенсифицированность (см. Интенсивность), Образность (см.). Эти содержательные компоненты категории Э. представлены по-разному (количественно и качественно) в разных стилевых, жанровых и индивидуально-авторских контекстах.

Лит.: **Гридин В.Н.** Экспрессивность // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Кожина М.Н.** О языковой и речевой экспрессии и ее экстралингвистическом обосновании // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов н/Д, 1987; **Лукьянова Н.А**. Экс-

прессивность как семантическая категория // Языковые категории в лексикологии и синтаксисе. Новосибирск, 1991; **Маслова В.А.** Параметры экспрессивности текста // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности. М., 1991; **Матвеева Т.В.** Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика. М., 2003; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Ч. I. Абакан, 2000; Риторика и синтаксические структуры: Тез. краев. науч.-практ. конф. Красноярск, 1988; **Телия В.Н**. Экспрессивность // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Чайковский Р.Р.** Общая лингвостилистическая категория экспрессивности и экспрессивность синтаксиса // Уч. зап. МГПИИЯ им. М. Тореза. Т. 64. Вопросы романо-германской филологии. М., 1971.

А.П. Сковородников, Г.А. Копнина

ЭКСПРЕССИВНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА. См. Выразительные средства языка.

Э́ЛЛИПСИС (от греч. elleipsis — недостаток, нехватка) — лингвистический термин, имеющий два значения: 1) синтаксическая неполнота высказывания, незамещенность синтаксической позиции, неполное предложение любого типа, независимо от того, является ли оно стилистически маркированным или нет; 2) стилистическая фигура, заключающаяся в стилистически значимом (отклоняющемся от нейтрального варианта нормы) пропуске какого-либо члена или части предложения.

Синтаксическая неполнота предложения не ведет к его смысловой недостаточности, так как значение пропущенных членов или частей предложения восполняется за счет таких факторов, как ситуация (в широком смысле — включая обстановку, общий жизненный опыт общающихся, а также мимику, жесты и другие экстралингвистические факторы), контекст (содержание предшествующих, иногда — последующих предложений), устойчивые фразеологические связи не выраженных словесно компонентов с наличествующими членами предложения. Соответственно среди неполных предложений выделяются (в отечественной лингвистической традиции) три разновидности: ситуативные, контекстуальные и эллиптические предложения. Все три разновидности широко представлены в разговорной речи и составляют ее характерную особенность. Что касается книжно-письменного литературного языка, то в нем эти разновидности неполных предложений играют не одинаковую роль.

Ситуативные неполные предложения, будучи, в силу своей специфики, ограничены сферой устной разговорной речи, используются только в художественной литературе в речи персонажей как один из признаков ее разговорности. Напр.:

1) *А трактир ревел пьяным шумом. Рыжий матрос спал, облокотясь на стол.*

— Ну-ка, идем! — сказал Челкаш, вставая.

Гаврила пробовал подняться, но не смог и, крепко обругавшись, засмеялся бессмысленным смехом пьяного.

— Развезло! *— молвил Челкаш, снова усаживаясь против него на стул* (М. Горький).

2) *Хозяин показал на трех девушек.*

— Этой сколько? *— спросил я, указывая на младшую.*

— Тлинадцатый, *— бойко ответила белокурая с рыбьим, некрасивым лицом девка* (Н. Гарин-Михайловский).

Контекстуальные неполные предложения функционируют как в устно-разговорной, так и в книжно-письменной речи. Причем многие их разновидности, обладая в некоторых типизированных контекстах не меньшей (а иногда и большей) частотностью употребления, в сравнении с соотносительными с ними полными синтаксическими конструкциями, по-видимому, должны рассматриваться как нейтральные или стилистически слабо маркированные. Напр.: 3) *Наташе и Николаю точно опротивела за это время ходьба, и весь день просиживали они на скамейке то в липовой аллее, то в березовой, около пруда.* ***И разговаривали только об одном,*** *— как это удивительно и непонятно, что они встретились и полюбили друг друга <...>* (А. Толстой); (Ср.: ...И разговаривали они только об одном...); 4) *И опять она думала о своих учениках, об экзаменах, о стороже, об училищном совете; и когда ветер доносил справа шум удалявшейся коляски, то эти мысли мешались с другими.* ***Хотелось думать о красивых глазах, о любви, о том счастье, какого никогда не будет...*** (А. Чехов). (Ср.: Ей хотелось думать <...>).

Контекстуальные неполные предложения являются отклонением от нейтральной нормы (и, следовательно, приобретают статус стилистической фигуры) в таких текстовых условиях, в которых обычно, как правило, употребляются полные предложения. Таким случаем, в частности, является употребление неполных двусоставных предложений с незамещенной позицией подлежащего в абсолютном начале текста повествования, как, напр. в рассказе И.А. Бунина «Солнечный удар»: 5) ***После обеда вышли из ярко и горячо освещенной столовой на палубу и остановились у поручней.*** Такое использование неполного предложения придает зачину интригующий характер. Другим примером контекстуального неполного предложения со стилистической (эмоционально-экспрессивной) значимостью могут служить конструкции, состоящие из глагола, имени или наречия, которые выполняют роль оценочного предиката по отношению к содержанию предшествующего предложения или группы предложений. Такие конструкции соотносятся с двусоставными предложениями, в которых подлежащее выражено местоимением «это», обобщенно представляющим содержание предшествующего предложения (предложений). Напр.: 6) *А потом подумаешь: и на нашем глобальном космическом корабле, где тоже одни живут так, а другие этак (это касается и отдельных людей, и целых государств, и целых наций), перед лицом вплотную надвигающейся экологической катастрофы окажемся все равны: и у президента с последним «работягой», у миллиардера с последним нищим <...> в конце концов шансы окажутся равными нулю.* ***Утешает*** (В. Солоухин). (Ср.: Это утешает); 7) *...А то человек, который едва зачерпнул чайной ложкой христианство, не утвержденный, не укрепленный в вере, начинает читать прекрасные восточные книги и увлекается ими. Сегодня он христианин, завтра — кришнаит, послезавтра — антропософ, он кочует из религии в религию.* ***Бесподобно!*** (Александр Мень). (Ср.: Это бесподобно!).

Эллиптические предложения, составляющие ядро стилистической фигуры эллипсиса, обладают широким спектром значений в зависимости от семантики элиминированного глагольного члена предложения (несколько десятков типизированных реализаций). Наиболее частотными являются предложения с эллипси-

сом глаголов движения, перемещения в пространстве, глаголов энергичного физического воздействия, глаголов речи/мысли, глаголов со значением «брать/хватать», «давать/предоставлять» и некоторые другие. Такие эллиптические предложения широко используются в языке художественной литературы (прозы и поэзии), в публицистике и в ораторской речи. Напр.: 8) *Когда русский духовный хор исполняет на концерте в Париже, например, «Покой Спасе...» знаменного распева, то ведь перед иностранцем открывается мир новый,* ***а у русского холодок по спине:*** *подумать только, эти и подобные им вещи сочинялись около тысячи лет назад* (Б. Зайцев); 9) *Здесь Чичиков, не дожидаясь, что будет отвечать на это Ноздрев,* ***скорее за шапку*** *да по-за спиною капитана-исправника выскользнул на крыльцо, сел в бричку и велел Селифану погонять лошадей во весь дух* (Н. Гоголь); 10) *Но Мишка ни на шаг не отстает от нее:* ***мать в погреб и он за ней, мать на кухню — и он следом*** (М. Шолохов); 11) *Ведь что я думал? Едем мы сюда... думаю ... хвачу я его — тебя — веслом ...рраз!* ***Денежки — себе, его — в море... тебя-то... а?*** (А. Горький);

12) *Когда-то эти дураки*
Дубье пускали в ход
И, озверев, как мясники,
Калечили свой род:
Женщин в пламень,
Младенцев о камень,
Пленных на дно —
Смешно!
(Саша Черный)

13) *А если уж слишком поэта доймет*
Московский, чумной, девятнадцатый год, —
Что ж, — мы проживем и без хлеба!
Недолго ведь с крыши — на небо.
(М. Цветаева)

14) *Полегонечку (восьмой день!) вхожу, вживаюсь, уже делю (лирически!) триумфы и беды,* ***уже хозяйка, обеспокоенная долгим отсутствием мужа, — мне:*** *«Что же это наш Иося нам изменяет?»* (М. Цветаева);

15) *А конь ударил, закусил мундштук,*
Четыре копыта и пара рук.
Озеро — в озеро, в карьер луга,
Небо согнулось, как дуга.
(Н. Тихонов)

16) *— Держи, держи, дурак! — кричал Чичиков Селифану.*
*— **Вот я тебя палашом!** — Кричал скакавший навстречу фельдъегерь с усами в аршин* (Н. Гоголь).

С помощью Э. достигаются различные стилистические эффекты, в значительной степени зависящие от семантики эллиптированного члена предложения, от лексического наполнения всего эллиптического предложения, а также от контекста его употребления. Наиболее типичные стилистические эффекты, вызываемые употреблением Э., — это ощущение стремительности, энергичности и/или неожиданности действия (илл. 9, 10, 12, 16); быстроты смены событий (илл. 15); напряженности психического состояния (илл. 8, 13); разговорной непринужденности речи (илл. 11, 14) и некоторые другие.

Одна из существенных функций Э. заключается в том, что, устраняя из предложения в общем легко подразумеваемые и не требующие в данном контексте абсолютной смысловой определенности члены предложения, он позволяет перенести внимание адресата на те члены предложения, которые наиболее важны в аспекте актуального членения и/или художественно-образной конкретизации: 17) *Поездка на Вуоксу кажется следователю неестественной* ***— почему вдруг на ночь глядя с нелюбимой женой в пустынные края?*** (ЛГ, 25 ноября 1970 г.). Это особенно заметно при сопоставлении эллиптических и полных предложений, взаимодействующих, напр., в составе художественного описания (эллиптические предложения выделены): 18) *Потом далеко из-за деревьев, из-за ветвей, из-за листвы долетела песня. Пел одинокий женский голос то грустно и смутно, то задорно и весело. И когда терялся в лесной гуще, снова звенела вода,* ***снова задумчиво-ленивая тишина, снова безмолвно-звучащие краски цветов, листьев, колеблющихся насекомых,*** *и опять доплывает смутный, ослабленный одинокий и зовущий голос женщины* (А. Серафимович).

В связи с последним примером следует заметить, что в языке художественной литературы в отличие от языка других функциональных разновидностей литературного языка, встречается Э., семантика которого не укладывается в рамки типизированных моделей. Напр.: 19) ***И через минуту капитан, Чанг и художник уже на темной улице****, где ветер с снегом задувает фонари* (И. Бунин);

20) ***И первую полней, друзья, полней!***
И всю до дна в честь нашего союза!
(А. Пушкин)

21) *Может — так, а может — чудо?*
Хоть бы знак какой оттуда,
И беда б за полбеды.
(А. Твардовский)

Степень экспрессивности Э. зависит не только от семантики устраненного глагола и характера контекста, в который «погружена» эллиптическая конструкция, но и от количества и качества незамещенных синтаксических позиций. Наибольшей экспрессивностью отмечены те предложения, в которых устранен предикативный каркас (подлежащее и сказуемое), а в наличии только распространители главных членов предложения. Напр.: 22) *Моторный рев, надсадный, вынимающий душу вой — водопад из поднебесья... И незыблемо-прочная земля сотрясается, лопается, крошится.* ***Лицом, грудью, животом, коленями в ненадежную землю*** (В. Тендряков).

Многократный Э. может быть конструктивной основой небольшого по объему художественного произведения*:*

23) *По холмам — круглым и смуглым,*
Под лучом — сильным и пыльным,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — рдяным и рваным.
По пескам — жадным и ржавым,
Под лучом — жгущим и пьющим,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — следом и следом.

По волнам — лютым и вздутым,
Под лучом — гневным и древним,
Сапожком — робким и кротким —
За плащом — лгущим и лгущим.
(М. Цветаева)

Лит.: **Бельчиков Ю.А.** Эллипсис // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Синтаксические нули и их референциальные свойства // Типология и грамматика. М., 1990; **Винокур Т.Г.** Об эллиптическом словоупотреблении в современной разговорной речи // Развитие лексики современного русского языка. М., 1965; **Гаспаров М.Л.** Эллипсис // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Попова А.И.** Неполные предложения в современном русском языке // Труды Института языкознания АН СССР. Т. 2. М., 1953; **Сковородников А.П.** Эллипсис как стилистическое явление современного русского литературного языка (Пособие для спецкурса). Красноярск, 1978; **Он же.** О критерии эллиптичности в русском синтаксисе // ВЯ. № 3. 1973; **Ширяев Е.Н.** Лексико-семантические характеристики высказываний с нулевыми глаголами-предикатами на материале разговорной речи // Теория и практика лингвистического описания разговорной речи. Вып. 55. Горький, 1973; **Он же**. О некоторых показателях незамещенных синтаксических позиций в высказывании разговорной речи // Русская разговорная речь. М., 1973; **Хазагеров Т.Г, Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.П. Сковородников

ЭМОЦИОНАЛЬНОСТЬ РЕЧИ, или эмоциональная окраска речи (от франц. emotion — волнение < лат. emoveo — потрясаю, волную), — один из компонентов (наряду с оценочностью, образностью, интенсивностью) категории Экспрессивности (см.).

Следует различать языковые средства, выражающие эмоции, и языковые средства, описывающие их. Напр.:

*Я тихонько толкнул ногою его ногу, — он **изумленно** и **гневно** уставился на меня синими глазами, держа кастрюлю за ручку и как бы собираясь швырнуть ею в меня. Но, увидев, что я подмигиваю ему, сказал **спокойно**:*

***— Ступай, ступай**...* (М. Горький).

В приведенном фрагменте слова *изумленно, гневно, спокойно* служат описанию эмоций, а повтор (*ступай, ступай...*), сопровождаемый в устной речи соответствующей интонацией, выражает их.

Средствами описания эмоций на лексико-семантическом уровне являются, прежде всего, слова, которые называют какое-либо чувство, эмоцию (*сочувствие, страх, радость, гнев, удивление* и т.п.).

Средствами выражения эмоций могут быть как фонетические, лексико-семантические, так и словообразовательные и синтаксические единицы.

Э. р. на фонетическом уровне выражается, как правило, при помощи интонации: «..чувства наши мы выражаем не столько словами, сколько интонацией» (Пешковский А.М., 1928. С. 458).

На лексико-семантическом уровне средствами выражения Э.р. являются слова с эмоциональной окраской: объективно обусловленной, т.е. закрепленной лексикографически (*белобрысый, шаромыга*), и субъективно обусловленной, т.е. проявляющейся в контексте (*проказник ты мой* — ласкательно по отношению к ребенку).

На уровне словообразования Э.р. выражается стилистически окрашенными аффиксами, в частности, деминутивными суффиксами *-еньк-, -онок-, -ик* и др.: *дочь — доченька*; *заяц — зайчонок, стол — столик* и т.п.

В русском языке существует целый класс слов, не имеющих предметно-понятийного значения, но передающих эмоции, — междометия: *ах, ох, ух, эх, ай, ой, ого-го* и т.д. Диапазон эмоций, выражаемых междометиями, чрезвычайно широк: испуг, радость, удивление. и др.: *Ух ты, как здорово!* (восхищение), *Ой, напугал же!* (испуг).

Эмоции могут быть выражены также при помощи некоторых частиц, например: *вроде* (неуверенность), *ну и* (удивление) и др. В «Русской грамматике» отмечается, что «к сфере выражения непосредственных эмоциональных реакций на сообщаемое относятся субъективно-модальные значения эмоционально окрашенного подчеркивания, усиления: *Отвечай же!*; *Да отвечай же!*; *Он-то (это он-то) не поможет?*; *Вот охота спорить!*; *И чему она радуется!*; *Чудак, ну чудак!*; *Зачем только я пришел!*; *Таки изрядно замерз*; *прямо странно*; *просто непонятно*; *даже удивительно*; *Уж потрудись!*; *Ведь это просто страшно...*» (Русская грамматика, 1980. Т. 2. С. 224).

На уровне синтаксиса Э.р. может быть выражена при помощи специализированных (эмотивных) предложений: *Что за невежество!* (удивление, оценка); *Вот молодец так молодец!* (значение высокой степени одобрения); *О чем как не об учебе думать!* (уверенность); *Где он только ни бывал!* (удивление), а также таких стилистических приемов, как риторическое восклицание (см.), риторический вопрос (см.), инверсия (см.) и др. Средствами выражения эмоциональных реакций могут служить вводные слова и сочетания, например: *на счастье, к удовольствию кого-нибудь* (радость); *к сожалению, увы, грешным делом, к несчастью* (неодобрение, сожаление); *странно, удивительное дело, к изумлению* (удивление, недоумение) и др.

«Спорным является вопрос о высказываниях, описывающих переживания в первом лице типа: *Я очень рад вашему успеху; У меня это вызывает отвращение*. В них чувство одновременно выражается и описывается» (Гак В.Г., 1996. С. 21).

Э.р. как компонент экспрессивности тесно связана с оценкой, что позволило некоторым исследователям объединить эти два понятия одним названием — «эмоциональная оценка», хотя оценочность не обязательно сопровождается эмоциональностью: «...понятия эмоциональности и оценочности не тождественны, хотя и тесно связаны, — пишет И.Б. Голуб. —Некоторые эмоциональные слова (напр., междометия) не содержат оценки; в то же время слова, в которых оценка составляет само их лексическое значение (причем оценка не эмоциональная, а интеллектуальная), не относятся к эмоциональной лексике (*плохой, хороший, гнев, радость, любить, одобрять*)» (Голуб И.Б., 1999. С. 59).

Лит.: **Бабенко Л.Г.** Обозначение эмоций в языке и речи: Учеб. пособие. Свердловск, 1986; **Балли Ш.** Французская стилистика: Пер. с франц. М., 1961; **Барлас Л.Г.** Об отношении стилистической окраски и эмоциональных оттенков слова к его лексическому значению // Вопросы лексики и фразеологии современного русского языка. Ростов н/Д, 1968; **Гак В.Г.** Синтаксис эмоций и оценок // Функциональная семантика: оценка, экспрессивность, мо-

дальность: Сб. памяти Е.М. Вольф. М., 1996; **Галкина-Федорук Е.М.** Об экспрессивности и эмоциональности в языке // Сб. статей по языкознанию. Профессору Моск. ун-та акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия. М., 1958; **Говердовский В.И.** Диалектика коннотации и денотации: (Взаимодействие рационального и эмоционального в лексике) // Вопросы языкознания. 1985. № 2; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1999; **Киселева Л.А.** Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978; **Лукьянова Н.А.** Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986; **Маслова В.А**. Онтологические и психолингвистические аспекты экспрессивности текста: Дис. ... д-ра филол. наук. Минск, 1992; Русский язык: Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997; **Пекарская И.В.** Контаминация в контексте проблемы системности стилистических ресурсов русского языка. Часть 1. Абакан, 2000; **Пешковский А.М.** Интонация и грамматика // Известия ОРЯС. Т. 1., 1928; Русская грамматика. Т.2. Синтаксис. М., 1980; **Телия В.Н.** Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986; **Трипольская Т.А.** Эмотивно-оценочная лексика в антропоцентрическом аспекте: Дис. ... д-ра филол. наук. СПб., 1999; **Харченко В.К.** Разграничение оценочности, образности, экспрессии и эмоциональности в семантике слова // Русский язык в школе. № 3. 1976; **Шаховский В.И**. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж, 1987; **Шаховский В.И.** Эмотивный компонент значения и методы его описания. Волгоград, 1983.

Г.А. Копнина, А.В. Щербаков

ЭМФА́ЗА (от греч. emfasis — указание, выразительность) — 1) Выделение в речи важной в смысловом отношении части слова, слова в целом, группы слов, предложения при помощи интонации, особого эмфатического ударения, усилительных частиц, синтаксических средств (например, порядка слов) и т.д. Возможно сочетание нескольких средств. Напр.:

Не часто приходится просыпаться ***от тишины****.*

Да, да, от тишины*!* (В. Астафьев)

В приведенном примере средствами эмфатического выделения выступают лексический повтор и повторяющаяся усилительная частица.

Средством эмфатического подчеркивания являются все Стилистические фигуры (см.).

2) Эмоциональное, взволнованное построение речи (Квятковский А.П., 1998. С. 412).

Никто *не услышит здесь, в Свинушкином овраге, моего плача,* ***никто*** *не увидит и не осмеет.* ***Какая тоска****!.. Какая смертная* ***тоска****... Я всхлипывал и бессвязные, смутные, бормотал слова.* ***Где вы? Где? Мама!..*** *Папа!.. И снова —* ***мама!.. Где вы?*** *Неужели нет оттуда, где вы сейчас, дверки сюда?.. И клочья обид... Почудилось — она тут, мама, близко. Прозрачная, почти до неба ростом, бежит, смотрит из-под руки, ищет меня... И гриб белый вспомнился, величайшая радость моей жизни... Огромный, как зонтик!.. И пирог, отданный Ханчику за книгу... Неожиданно теплая коса Капы... Белое, с зажмуренными глазами лицо Кирпичева... Схема обезвреживания противоне... Ох ты! Кто это?!* (Р. Рахманин).

В данном случае эмоциональность и взволнованность автора передаются за счет разнообразных повторов (выделены жирно), риторических восклицаний («*Какая тоска!*», «*Ох ты!*», «*Мама!*», «*Папа!*»), риторического вопроса («*Неужели нет оттуда, где вы сейчас, дверки сюда?..*»), делиберативного вопроса («*Кто*

это?!»), парцелляции (перечисление через многоточие), иллеизма (*«она тут, мама...»*), инверсий (*«бессвязные, смутные, бормотал слова»*, *«и гриб белый вспомнил»*), апокопы (*«противоне...»*), гиперболы (*«огромный, как зонтик»*, *«почти до неба ростом»*).

Или пример из поэтической речи:

Не говори: меня он, как и прежде, любит,
Мной, как и прежде, дорожит...
О нет! Он жизнь мою бесчеловечно губит,
Хоть, вижу, нож в руке его дрожит.

То в гневе, то в слезах, тоскуя, негодуя,
Увлечена, в душе уязвлена,
Я страждy, не живу... им, им одним живу я —
Н о э т а ж и з н ь!.. О, к а к г о р ь к а о н а!

Он мерит воздух мне так бережно и скудно...
Не мерят так и лютому врагу...
Ох, я дышу еще болезненно и трудно,
Могу дышать, но жить уж не могу.

(Ф. Тютчев)

Здесь эмоциональность речи создается при помощи лексических повторов — симплоки (повтор фразы *«как и прежде»* в середине отрезков речи), редупликации («...*им, им* одним живу я»), риторического восклицания (*«О нет!»*, *«О, как горька она!»*), именительного представления (разрядкой) и некоторых других выразительных средств языка.

3) Троп, состоящий в употреблении слова в суженном (по сравнению с обычным) значении:

«Чтобы сделать это, нужно быть человеком» (т.е. героем);

«Тут нужен герой, а он лишь человек» (т.е. трус).

(Определение Э. в третьем значении и ее примеры М.Л. Гаспарова: Гаспаров М.Л., 1987. С. 509.)

Лит.: **Гаспаров М.Л.** Эмфаза // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

ЭНА́ЛЛАГА. См. Гипаллага.

ЭНА́НТИОСЕМИ́Я (от греч. enantios — противоположный и sēma — знак) — внутрисловная антонимия или антонимия значений: наличие у одного многозначного (полисемантического) слова взаимоисключающих, противоположных, антонимичных значений. Напр.: ***Отходить*** может означать *приходить в обычное состояние, чувствовать себя лучше*, но это же слово может означать и *умирать* (***отойти*** *в вечность*; ***отойти*** *в мир иной*).

Иногда Э. может приводить к неясности, двусмысленности в понимании высказывания. Напр.: *Врач решил это лекарство* ***оставить*** (*отменить* или *рекомендовать?*); *Я* ***прослушал*** *ваш доклад* (*слышал* или *не слышал?*) *Проверяя глубину посева, агроном* ***обошел*** *пятый участок* (*проверил* или *пропустил, не проверил?*) ***Оговориться*** (*нечаянно сказать* или *специально?*); ***Просмотреть*** (*бегло ознакомиться* или *незаметить, пропустить при чтении, просмотре?*); ***Одолжить*** (*дать в долг* или *взять в долг?*) и т.д.

Если в многозначном слове имеются значения с противоположными эмоционально-оценочными компонентами (положительным — мелиоративным и отрицательным — пейоративным), то мы имеем дело с эмоционально-оценочной Э. «Причина возникновения эмоционально-оценочной энантиосемии может крыться и в способности человеческого мышления по-разному оценивать одно и то же явление, находить разные аспекты одного и того же понятия, критически осмысливать окружающую действительность, вплоть до полного противопоставления различных сторон одного и того же феномена. На внутрисемном уровне слова это находит выражение в перегруппировке сем, в выдвижении контрастивного компонента с противоположным знаком.» (См.: В.Н. Цоллера, 1998. С. 78). Напр.: ***Идол*** — 2) перен. *Тот, кто* (*или то, что*) *является предметом обожания, восторженного поклонения* (положительная оценка); 3) бран. *о ком-л. бестолковом или бесчувственном* (отрицательная оценка).

По мнению М.С. Ретунской, «при чрезмерном увеличении интенсивности положительного признака происходит их [значений слова. — *Е.О.*] качественное изменение, что приводит к смене знака оценки: гипертрофированное положительное качество вызывает отрицательную оценку» (Ретунская М.С., 1996. С. 42).

Еще Ш. Балли писал, что «преувеличенное достоинство воспринимается как недостаток» (Балли Ш. М., 1961. С. 92). Напр.: ***Гордость*** — 1) *Чувство собственного достоинства, самоуважение*; 4) разг. *Преувеличенно высокое мнение о себе и пренебрежительное отношение к другим; высокомерие, надменность.*

Э. часто возникает при ироническом словоупотреблении. Если такое употребление слова становится регулярным, узуальным, оно фиксируется словарями (с помощью толкования или через специальные пометы *бран., ирон., неодобрит.* и др.). Напр.: ***Добро*** — 1) *Все хорошее, положительное; все, что приносит счастье, благополучие, пользу* (противоположное *зло*); 4) разг. *О чем-то негодном, ненужном* (*обычно* ***иронически***) *// О ком-, чем.-л. неприятном, скверном, дрянном.*

Зафиксированная в словарях, узуальная Э. называется **языковой энантиосемией**.

Э. индивидуальная, возникающая в речи (как правило, для выражения иронии и сарказма), обусловленная контекстом и фиксируемая словарями, называется **адгерентной энантиосемией**.

Согласно статистическим данным, 45% энантиосемичных слов — существительные (т.к. противоположные значения, в том числе и оценочные, чаще всего характеризуют лицо или предмет), 40% — прилагательные, 13% — глаголы, 2% — наречия (данные взяты из исследования В.Н. Цоллера).

Лит.: **Балли Ш.** Французская стилистика. М., 1961; **Бродский М.Ю.** Лексическая энантиосемия в сопоставительном аспекте (на материале совр. англ. и франц. языков): Дис. ... канд. филол. наук, Екатеринбург, 1998; **Булаховский Л.А.** Энантиосемия. Развитие противоположных значений // РР. 1988. № 2; **Голуб И.Б.** Стилистика современного русского

языка. М., 1986; **Климова Л.И.** Антонимические значения полисемантических слов в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1975; **Пономаренко Т.Г**. О внутрисловной антонимии в современном русском языке // Слово в лексико-семантической системе языка. Л., 1972; **Ретунская М.С.** Аксиологическая лексика английского языка. Н. Новгород, 1996; **Цоллер В.Н.** Эмоционально-оценочная энантиосемия в русском языке // ФН. № 4. 1998; **Шмелев Д.Н.** Современный русский язык. Лексика. М., 1977.

О.Н. Емельянова

ЭПАНА́ЛЕПСИС – Стилистическая фигура (см.), разновидность Геминации (см.), состоящая в многократном повторении одних и тех же слов или словосочетаний со вставкой усилительной частицы (или усилительного слова) и повышением тона. Напр.: *И **я прав**, **я прав**, **трижды прав**!;*

***Проклято, проклято**, **наверно проклято**!; **Забудьте! Забудьте всё**... **забудьте**, **пожалуйста**...* (Ф. Достоевский).

Э. служит для интенсификации признака, свойства, передачи сильного напряжения, волнения, чувства: *– За это в Сибирь? – **В Сибирь, в Сибирь! Тотчас в Сибирь**!; Вдруг слезы градом **у обоих** из глаз, дрогнули руки. **У обоих**, **у обоих разом**!* (Ф. Достоевский).

Иногда Э. строится с помощью других фигур речи, например, Эпифоры (см.) и Градации (см.): *Не говоря ни слова, я **с необыкновенною вежливостью, с совершеннейшею вежливостью, с утонченнейшею** <...> **вежливостью** приближаюсь к болонке (Ф. Достоевский); Но все-таки то, что рассказывал администратор про него, даже и для Стёпы было **чересчур. Да, чересчур. Даже очень чересчур**...* (М. Булгаков).

Лит.: **Головкина Н.Г**. Повтор как стилистическое средство в различных видах и жанрах речи: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1964; **Никифоров В**. Латинская грамматика. Приложение: Тропы, фигуры. М., 1913; Словарь античности: Пер. с нем. М., 1989; **Фолькманн.** Риторика греков и римлян / Пер. с нем. Таллин, 1981; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

О.Н. Емельянова

ЭПАНО́Д, или **ЭПАНО́ДОС** (от греч. epanodos – отход, отступление), или **РЕГРЕССИЯ**, – разновидность уточняющей амплификации (см. Амплификация), стилистическая фигура, которая «представляет собой обратное разложение мысли, идущее от препозитивно высказанного суммарно обобщенного положения. Основное назначение регрессии в том, чтобы выдвинуть какую-либо мысль, затем вновь к ней вернуться и регрессивно (в обратном порядке) раскрыть ее в строго логической последовательности, расчленяющей эту мысль по пунктам. Чаще всего регрессия связана с числовыми показателями, но это не обязательно» (Ширина Л.С., 1987. С. 90). Конструктивную основу Э. образует повтор (повторяются компоненты, обозначающие видовые понятия), осложненный плеоназмом. Поскольку эта фигура способствует точности и логичности развертываемой мысли, она чаще используется в научной и публицистической речи

(илл. 1), но встречается и в художественной (илл. 2). Напр.: 1) *Вся военная история Суворова состояла в трех словах: взор, быстрота, удар; но взор сей природа дает немногим, но быстрота сия была тайной для самих Ганнибалов, но удар сей был присущ единственно Суворову* (Н. Карамзин); 2) *Тройка, семерка, туз не выходили из его головы и шевелились на его губах... Тройка, семерка, туз преследовали его во сне, принимая всевозможные виды: тройка цвела перед ним в образе пышного градифлера, семерка представлялась готическими воротами, туз — огромным пауком* (А. Пушкин).

Существует и другая трактовка Э., согласно которой «это фигура, предпочитающая точное зеркало: повторение слов в предложении в обратном порядке», напр.: *Коммунисты превращаются в демократов, демократы — в коммунистов*; *Мечта начинается там, где кончается действительность — действительность кончается там, где начинается мечта* и т.п. (Клюев Е.В., 1999. С. 246—247).

При такой трактовке Э. оказывается близок Хиазму (см.).

Лит.: **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь стилистических приемов. Ростов н/Д, 1999; **Ширина Л.С.** Амплификация в системе экспрессивных средств // Проблемы экспрессивной стилистики. Ростов, 1987; Энциклопедический словарь / Под ред. Ф.А. Брокгауза, И.А. Эфрона. Т. 1. СПб., 1890.

А.П. Сковородников

ЭПИ́ГРАФ (от греч. epigraphe — надпись) — сильная позиция в тексте, имеющая в нем фиксированное (между заглавием и текстом) положение. Подавляющее большинство Э. — цитаты из какого-либо авторитетного источника (произведения художественной литературы, народного творчества, изречений и т.п.). Э. часто выражает основную коллизию, тему, идею произведения, способствуя его восприятию читателем. Э. указывает читателю путь интерпретации текста, сужает диапазон его возможных истолкований, но при этом не ограничивает и не предполагает одного варианта. Напр., Э. к «Анне Карениной» Л.Н. Толстого — из Библии: «Мне отмщение, и Аз воздам»; Э. к «Ревизору» Н.В.Гоголя — «На зеркало неча пенять, коли рожа крива» — народная пословица.

Э. может выполнять роль экспозиции и разъяснять предваряемый им текст (Э. «Разговор в вагоне» представляет собой интермедию к стих. Н.А. Некрасова «Железная дорога»).

Обычно Э. указывает достаточно одназначно на тему произведения, однако не менее часто сам нуждается в пояснении. Напр., Э. к повести А.С. Пушкина «Выстрел» — Я поклялся застрелить его по праву дуэли (за ним остался еще один выстрел). Вечер на бивуаке — комментирует сам А.С. Пушкин: «Из повести А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке».

Промежуточное положение Э. позволяет рассматривать его не только в традиционной связи «эпиграф-текст», но и в связи с заглавием, а также со всей структурой текста в целом: «заглавие — Э. — текст» (напр., Э. к статье Н.А. Фатеевой «Интертекстуальность и ее функции в художественном дискурсе» — «Если ты художник, копируй! Всегда что-нибудь да родится» С. Дали).

Поскольку Э. практически всегда цитата (за исключением мистификаций и ложных ссылок), то можно говорить о его предельной интертекстуальности. «Через эпиграф автор открывает внешнюю границу текста для интертекстуальных связей и литературно-языковых веяний разных направлений и эпох, тем самым наполняя и раскрывая внутренний мир своего текста» [Фатеева Н.А., 1998. С. 92].

Лит.: **Гришунин А.П.** Эпиграф // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Лукин В.А.** Художественный текст: Основы лингвистической теории и элементы анализа: Учеб. для филол. спец. вузов. М., 1999; **Попова Е.Н.** Функции эпиграфа как вида вторичной номинации текста и способ их реализации // Прагматика и стилистика: Сб. науч. тр. МГПИИЯ им. М. Тореза. Вып. 245. М., 1985; **Фатеева Н.А.** Типология интертекстуальных элементов и связей в художественной речи // Известия АН. Сер. лит. и яз. 1998. Т. 57. № 5; Эпиграф // Книговедение: энциклопедический словарь. М., 1982.

Т.Р. Петрат

ЭПИМО́НА (греч. epimonē — задержка, остановка) — понятие, неоднозначно трактуемое в лингвистике. Т.Г. Хазагеров и Л.С. Ширина термином Э. обозначают «недифференцированное название различных фигур речи, состоящих в повторении одного и того же слова или словосочетания с небольшими вариациями», «неупорядоченный повтор» (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 260). О.С. Ахманова определяет Э. как «фигуру речи, состоящую» в повторении одного и того же слова или словосочетания с небольшими вариациями. □ *Русск.* А я от горя в темны леса, А горе прежде — век зашел, А я от горя в почестный пир, А горе зашел, впереди сидит...» (Ахманова О.С., 1966. С. 527). Близкое этому понимание Э. представлено в работах А.А. Волкова: Э. — «фигура, состоящая в полном или перифрастическом повторе частей какой-либо фразы в различных контекстах и в сочетании с различными словами» (Волков А.А., 2001. С. 480).

Общим в приведенных определениях Э. является указание на то, что Э. — фигура речи, основанная на повторе какого-либо элемента речи (слова, словосочетания) либо с небольшими вариациями, либо без изменений (целиком).

В зависимости от контекста, в котором употребляется Э., она может выполнять разные функции. Так В.П. Москвин приводит пример пародийного использования Э. К.С. Аксаковым (пародируется стиль повести Ф.М. Достоевского «Двойник»: 1) «*Приемы эти схватить не трудно; приемы-то эти вовсе не трудно схватить; оно вовсе не трудно и не затруднительно схватить приемы-то эти. Но дело не так делается, господа; дело-то это, господа, не так делается; оно не так совершается, судари вы мои, дело-то это. А оно надобно тут, знаете, и тово; оно, видите ли, здесь другое требуется, требуется здесь тово, этово, как его — другово. А этово-то, другово-то и не имеется; таланта-то, господа, поэтического-то, господа, поэтического-то, господа, таланта, этак художественного-то и не имеется. Да вот оно, оно самое дело-то, то есть, настоящее вот оно как; оно именно так*» (Москвин В.П., 2000. С. 72—73).

В следующих отрывках из «Мертвых душ» Э. участвует в создании иронического контекста (илл. 2) и контекста, исполненного лирического пафоса (илл. 3): 2) «*Не один господин большой руки пожертвовал бы сию же минуту половину душ крестьян и половину имений, заложенных и незаложенных,* ***со всеми улучшениями на иностранную и русскую ногу****, с тем только, чтобы иметь такой желудок,*

какой имеет господин средней руки**; но то беда, что ни за какие деньги, ниже имения, **с улучшениями и без улучшений**, нельзя приобресть такого желудка, **какой бывает у господина средней руки».

3) *Русь! Русь! **Вижу тебя, из моего чудного, прекрасного далека тебя вижу**...* (Н. Гоголь).

Из приведенных примеров видно, что Э. — стилистический прием, близкий к таким стилистическим приемам, как Плеоназм$_1$ (см.), Тавтология$_1$ (см.), Позиционно-лексический повтор (см.). Иногда Э. отождествляют с эпифонемой (Волков А.А., 2001. С. 324). Таким образом, Э. является приемом, недостаточно четко отграниченным от других стилистических приемов, основанных на повторе.

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Волков А.А.** Основы русской риторики. М., 1996; **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина, А.П. Сковородников

ЭПИСТРОФА́. То же, что Эпифора.

ЭПИ́ТЕТ (от греч. epitheton, букв. — приложенное, прибавленное) — разновидность Тропа (см.); основанное на переносе значения образное, экспрессивное, стилистически значимое слово или словосочетание в синтаксической функции определения или обстоятельства (реже сказуемого):

*Восток **пурпуровым** ковром*
*Зажгла **стыдливая** Аврора*
(А. Майков)

*Живое сердце застучит **грозней***
(Э. Багрицкий)

*Что ж ты **жадно** глядишь на дорогу*
(Н. Некрасов)

Зловещ** горизонт и **внезапен
(Б. Пастернак)

Наиболее закономерно использование Э. в художественной, публицистической, а также разговорной речи, т.е. там, где присутствуют Экспрессивность (см.) и Образность (см.). В официально-деловых и научно-технических текстах Э. неуместны.

По структуре Э. бывают простыми (***Тихие** долины полны **свежей** мглой* (М. Лермонтов)), сложными (***тяжело-звонкое** скаканье* (А. Пушкин)), в том числе составными *(Владимир **Красно Солнышко***).

По принадлежности к той или иной части речи различают: Э.-прилагательные (***черные** тучи*); Э.-наречия (***Гордо** реет буревестник* (М. Горький)); Э.-причастия (*Соловьи словословьем **грохочущим** оглашают лесные пределы* (Б. Пастернак)); Э.-существительные-приложения (*Мороз-**воевода, бродяга-**ветер**, старик**-океан*).

Э. часто лежат в основе других тропов: метафоры — *извивы **лапчатого** пламени* (А. Белый); метонимии — ***зеленый** шум* (Н. Некрасов); антифразиса — *Откуда**, умная**, бредешь ты голова?* (И. Крылов); олицетворения — *гремят раскаты **мо-***

лодые (Ф. Тютчев); гиперболы — *город* ***остомиллионенный*** (В. Маяковский) и др.

Э. может превратиться в клише: ***добрый*** *молодец*, ***красна*** *девица*, ***чистое*** *поле* и др. — это постоянные Э., наиболее распространенные в фольклорных и стилизованных под фольклорные текстах.

Постоянный Э. — один из тропов народной поэзии, выполняющий функцию типизации. Он называет наиболее характерный признак объекта, часто как признак эталонный: ***светлая*** *горница*, ***ретивый*** *конь*, ***высокий*** *терем*, ***живая*** *вода* и др.

Разновидностью постоянного Э. является Э. тавтологический, образованный от того же корня, что и определяемое существительное, либо от ассоциативно близкого ему: ***вольная воля, горе горькое*** и под.

К постоянным Э. относятся и появившиеся позже устойчивые сочетания ***тоска зеленая, черный юмор, белая зависть*** и под.

Слово может восприниматься как Э. из-за того, что грамматически оно связано не с тем словом, к которому относится по смыслу. Это так называемая Гипаллага (см.). Если имеет место перенос Э. с управляемого слова на управляющее, то это перенесенный Э. или Эналлага (см.).

В случае последовательного соединения нескольких эпитетов при одном определяемом имени мы имеем конструкцию, называемую цепочками эпитетов:

Муза ушла по дороге
Осенней, узкой, крутой
(А. Ахматова)
А! Это снова ты. Не отроком влюбленным,
Но мужем ***дерзостным, суровым, непреклонным***
Ты в этот дом вошел и на меня глядишь
(А. Ахматова)
Я помню только сад, ***сквозной, осенний, нежный...***
(А. Ахматова)

Лит.: **Горбачевич К.С., Хабло Е.П**. Словарь эпитетов русского литературного языка. Л., 1979; **Веселовский А.Н.** Из истории эпитета // Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л., 1940; **Жирмунский В.М.** К вопросу об эпитете // Жирмунский В.М. Теория литературы. Поэтика. Стилистика. Л., 1977; **Потебня А.А.** Теоретическая поэтика. М., 1990; **Скребнев Ю.М.** Эпитет // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Томашевский Б.В.** Теория литературы. Поэтика. М., 2001.

О.Н. Емельянова

ЭПИТЕТ ПОСТОЯННЫЙ. См. Эпитет.

ЭПИФОНЕ́МА (греч. epiphōnēma — восклицание, возглас) — «фигура речи, состоящая в употреблении пояснительного или восклицательного предложения после утвердительного с тем же общим содержанием и для придания первому большего веса. □ Русск. *Он опять пошел к начальнику, черт его понес!»* (Ахманова О.С., 1966. С. 527).

Древние авторы, например, Деметрий, определяли Э. «как оборот украшающий; она более всего обусловливает торжественность речи» (Античные..., 1996. С. 296). Эта квалификация Э. подтверждается данными художественной речи, напр.:

1) *Известно, какова в Русской земле война, поднятая за веру, нет силы сильнее веры. Непреоборима и грозна она, как нерукотворная скала среди бурного, вечно изменчивого моря* (Н. Гоголь).

Однако, как показывает пример, приведенный О.С. Ахмановой (см. выше), Э. может использоваться не только для создания торжественности речи. Так в следующем тексте Э. служит акцентуации вывода:

2) *А добродетельный человек все-таки не взят в герои. И можно даже сказать, почему не взят. Потому что пора наконец дать отдых бедному добродетельному человеку, потому что праздно вращается на устах слово «добродетельный человек»; потому что обратили в лошадь добродетельного человека, и нет писателя, который бы не ездил на нем, понукая и кнутом и всем чем ни попало <...>* ***Нет, пора наконец припрячь и подлеца. Итак, припряжем подлеца!*** (Н. Гоголь).

Э. принадлежит к группе стилистических приемов плеонастического типа (см. Плеоназм$_1$).

Лит.: Античные теории языка и стиля (антология текстов). СПб., 1996; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966.

А.П. Сковородников

ЭПИ́ФОРА (греч. epiphora – добавка; epi – после, phora – несущий), или **КОНЦОВКА** – стилистическая фигура, заключающаяся в повторении тождественных (одинаковых) элементов в конце нескольких (чаще параллельных) отрезков речи (фраз, предложений, абзацев, строк, стихотворных строф и т.д.).

Выделяют Э. фонетическую (повторение звука или звукосочетания), Э. лексическую (повторение слова или группы слов), Э. синтаксическую (повторение одного и того же члена предложения, выраженного однотипными морфологическими средствами).

Фонетическая Э. представлена в следующих строках:

1) *Шуме**ли**, сверка**ли** и к да**ли** влек**ли**,*
*и гна**ли** печа**ли**, и пе**ли** вда**ли**...*
(К. Бальмонт)

В поэтической речи все стихотворные строки могут завершаться одинаково звучащими звуками (звуковая Э.). Такое стихотворение называется моноримом.

Напр., в следующем примере присутствует и лексическая Э. (повтор слова «Психея»), и Э. фонетическая (повтор звукосочетания «ея»). Все стихотворение представляет собой монорим.

2) *В изврате информации тупе**я**,*
*Жива ли ты, несчастная **Психея**?*
*Порой пунцовой краскою але**я**,*
*Ты любишь ли, лукавая **Психея**?*
*О прошлом вспоминая и жале**я**,*
*Грустишь ли, как пустынная алле**я**?*
*И ждешь ли, что хозяин, околе**я**,*
*Освободит тебя, моя **Психея**?*
*Ведь только в миг, от нежности неме**я**,*
*Он счастлив, как глядит в тебя, **Психея**!*
(Т. Назимков)

Э. благодаря интонационному усилению и звуковому тождеству концовок способствует ритмической организации речи, т.е. употребляется в интонационно-ритмической функции.

Разновидностью Э. является рефрен (франц. reefrein — припев), т.е. стихотворная строка или группа строк, повторяющаяся в стихах в конце строфы:

3) *Хотя я судьбой на заре моих дней,*
О южные горы, отторгнут от вас,
Чтоб вечно их помнить, там надо быть раз:
Как сладкую песню отчизны моей,
Люблю я Кавказ.

В младенческих летах я мать потерял.
Но мнилось, что в розовый вечера час
Та степь повторяла мне памятный глас.
За это люблю я вершины тех скал,
Люблю я Кавказ.

Я счастлив был с вами, ущелия гор;
Пять лет пронеслось: все тоскую по вас.
Там видел я пару божественных глаз;
И сердце лепечет, вспомня тот взор:
Люблю я Кавказ!..

(М. Лермонтов)

Повтор слова или строки в конце строфы по-иному можно назвать **эпи́строфой**.

Одна из функций Э. — подчеркивание эмоционального тождества следующих друг за другом тождественных отрезков речи. Напр.:

4) *Досталась им буханка светлого хлеба — **радость**! Сегодня фильм хороший в клубе — **радость**! Двухтомник Паустовского в книжный магазин привезли — **радость**!* (А. Солженицын).

5) *«Я и сам когда-то пел не уставая: где ты, моя **липа, липа вековая**?» И в самом деле, где ты, наша **липа, липа вековая**?* (В. Астафьев).

Э. нередко используется и для придания тексту нерасчлененной эмоциональности. Другими словами, ее употребление не связано с проявлением какой-либо конкретной эмоции. В таких случаях она выполняет функцию общей экспрессивизации. Напр.:

6) *Сейчас стали победы одерживать, но война все равно никогда не сахар, особенно если не выпускать из памяти, что люди умирают каждый день и час. Написал в приказе букву — **а кто-то умер**. Провел сантиметр на карте — **а кто-то умер**. Крикнул в телефон командиру полка «нажми», — и надо крикнуть, обстановка требует, — **а кто-то умер**...* (К. Симонов).

Т.Г. Хазагеровым и Л.С. Ширvoй отмечается, что Э. применяется для подчеркивания стабильности, непреложности конечного итога, вывода, результата, а также, в отличие от Анафоры (см.), для передачи отрицательных эмоций, темных тонов (Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С., 1999. С. 289).

Э. употребляется преимущественно в художественных (особенно поэтических) и публицистических текстах.

Встречаются случаи совместного употребления Э. с другими стилистическими приемами. Так, в илл. 2 и 5 наблюдаем взаимодействие Э. с риторическими вопросами.

Интересно стихотворение С. Есенина «Ночь», которое демонстрирует взаимодействие Э. с анафорами, при этом одна анафора (выделена разрядкой) представляет собой номинативные предложения, другая (полужирным курсивом) — сопровождается полным синтаксическим параллелизмом.

7) *<...> Н о ч ь. В о к р у г т и ш и н а.*
Ручеек лишь журчит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

Серебрится река.
Серебрится ручей.
Серебрится трава
Орошенных степей.

Н о ч ь. В о к р у г т и ш и н а.
В природе все спит.
Своим блеском луна
Все вокруг серебрит.

Э. в речи встречается гораздо реже анафоры.

Лит.: **Гаспаров М.Л.** Эпифора // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Горшков А.И.** Русская словесность: От слова к словесности: Учеб. пос. М., 1996; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция). М., 1999; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Панов М.И.** Эпифора // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

Г.А. Копнина

ЭРОТЕ́МА. То же, что Риторический вопрос.

ЭТИМОЛОГИЗА́ЦИЯ, или **ЭТИМОЛОГИЧЕСКАЯ ФИГУРА** (от лат. — figura etymobogica), — термин, служащий для обозначения группы стилистических приемов, основанных на использовании внутренней формы слова.

1) Этимологизация как «**повтор** слов нетождественных, но с тождеств. корнями и, соответственно, со сходным звучанием: «пыль пылит», «огород городить»... (Гаспаров М.Л., 1987. С. 519). Эффект этимологической фигуры определяется тем, что, нарочито сближая однокоренные слова, она «фиксирует внимание на их смысловых оттенках», семантически обостряет значения однокоренных слов. Например: *Мы уже десятками насчитываем авторов, утверждающих, что они сочиняют сочиненья, в то время как на самом деле они только цитируют цитаты* (Клюев Е.В., 1999. С. 235).

Такое использование однокоренных слов сближает Э. с Парономазией (см.) и выполняет, главным образом, характерологическую функцию (см. далее илл. 1.1) и функцию создания каламбура (см. далее илл. 1.2):

1.1. *Гришка — многократная метафора русского самозванства начиная с XVII в., со времен Смуты, синонима национальной кровавой бани.* ***Распутин — не фамилия, а состояние. Здесь слышится все: распутье, распущенность и распутица*** (В. Ерофеев);

1.2. *Невероятная история с* ***плачевными*** *результатами (детки ведь всегда* ***плачут****) произошла из-за тривиального воровства* (КП, 6 авг. 1998 г.).

2) Этимологизация как «раскрытие значения слова через его происхождение или значение составляющих». Напр.: «*Теоретическое знание — философия — есть любовь к мудрости, либо-мудрие, теоретическое же созерцательное видение, даваемое аскетикою, есть филокалия, любовь к красоте, любо — красие*». *О. Павел Флоренский*». (Волков А.А., 2001. С. 325).

Этимологизация в этом значении используется как средство усиления оценочной характеристики (илл. 2.1, 2.2, 2.3, 2.4) и как средство привлечения внимания к заголовку в газете (илл. 2.5, 2.6).

2.1. *Осыпается зеленая листва среди лета, шуршит, утекает. Чернеют леса. Каждая третья семья теряет ребенка, ибо изначально он болен.* ***Это Чернобыль. Наша черная быль*** (КР, 20 авг. 1989 г.); 2.2. [Марина Цветаева] *...создала цикл стихов «Лебединый стан» — свой плач Ярославны по русским воинам, по добровольческим отрядам белой гвардии, о которых сама же обреченно сказала:* «***Добровольчество — это добрая воля к смерти***» (ЛР, 11 окт. 1991 г.); 2.3. *...Так что в корысти их упрекнуть никак нельзя.* ***Бескорыстно злоупотребляют своим служебным положением. Зло употребляют*** (СК, 21 дек. 1985 г.); 2.4. *Заглянем в историю, чтобы было более понятно сегодняшнее положение вещей,* ***так как настоящие Христа продавцы (сознательно разделяю эти слова) по сей день творят свое беззаконие*** (Память, № 1. 2000 г.); 2.5. *Катастрофа не кончилась:* ***черно-быль*** (ЛР, 13 апр. 1990 г., заголовок); 2.6. *Самосознание и* ***само сознание*** (СК, 24 февр. 1990 г., заголовок).

3) Ложная этимологизация, или ложное этимологизирование, — стилистический прием, который «заключается в приписывании внутренней формы слову, либо вовсе ее не имеющему, либо имеющему совсем другую внутреннюю форму» (Москвин В.П., 2000. С. 158). В.П. Москвин выделяет два способа («две техники») Л.э.:

1. переосмысление слова «посредством контекстуального соотношения со словами «чужой» тематической сферы (например, **рогоносец** не в смысле «обманутый муж», а в смысле «человек, который принес рога»);
2. замена части переосмысляемого слова близкозвучной или созвучной единицей (ср. **приватизация** и **прихватизация**) (Москвин В.П. Указ. соч. С. 158—159).

К Л.э. относятся «шутливые окказиональные толкования слов, основанные на переосмыслении внутренней формы слова», как, например: ***речушка*** *— небольшой доклад,* ***выкидыш*** *— парашютист,* ***бракодел*** *— работник загса,* ***жрец*** *— клиент столовой,* ***людоед*** *— муж Люды* и т.п. (Санников В.З., 1999. С. 456).

Л.э., как правило, используется для создания комического эффекта — как в прозе, так и в поэзии. Напр.:

3.1. ***Я посланник.*** *Каждое утро жена* ***посылает меня на рынок за провизией*** (А. Чехов);

3.2. Из советского лексикона:
Гертруда — Герой Социалистического Труда.
Сорела — социалистический реализм.
(Ю. Борев)

3.3. *Есть разных хитростей у человека много,*
И жажда денег их влечет к себе, как вол...
Кулак Пахом, ***чтоб не платить налога****,*
Наложницу *себе завел!*
(О. Мандельштам)

3.4. *Горьковской сказки призрак*
Неточностью ум тревожит:
УЖ — то есть Уровень Жизни —
Высоко всползти не может.
(Л. Шерешевский)

Последний пример показывает, что ложной этимологизации могут подвергаться аббревиатуры.

К стилистическому приему Э. близок прием **поэтической этимологии**, под которым понимается «вид двойного или тройного звукового параллелизма, когда поэт подбирает к первому члену сопоставления фонетически близкие слова, подчеркивая тем самым единство звуковой структуры стиха» (Квятковский А.П., 1998. С. 258), напр.:

Забором крался конокрад,
Загаром крылся виноград.
(Б. Пастернак);

Толпа ***метавшихся метафор***
Вошла в музеи и в кафе...
(П. Антокольский). (Указ. соч. С. 259)

От приема ложной этимологизации нужно отличать так называемую **народную этимологию**, основанную на ошибочном понимании этимологического состава слова, чаще — заимствованного (***полуклиника*** вместо ***поликлиника***, ***гульвар*** вместо ***бульвар***, ***скупелянт*** вместо ***спекулянт*** и т.п.).

Факты народной этимологии, в обычной речи являющиеся речевыми ошибками, в художественной речи могут быть использованы как стилистический прием (мастером стилистического использования народной этимологии был русский писатель Н.С. Лесков).

Лит.: **Волков А.А.** Курс русской риторики. М., 2001; **Гаспаров М.Л.** Этимологизация // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987; **Квятковский А.П.** Школьный поэтический словарь. М., 1998; **Клюев Е.В.** Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учебное пособие для вузов. М., 1999; **Максимов Л.Ю.** Народная этимология и ее стилистическое использование // РЯШ. № 3. 1982; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация): Пособие для студентов. Волгоград, 2000; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Санников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; **Хижняк Л.Г.** Эстетическая актуализация внутренней формы слова. Вопросы стилистики. Вып. 11. Саратов, 1976.

А.П. Сковородников

Я

ЯЗЫКОВАЯ ИГРА (а также **игра с языком, игра слов, языковая эксцентрика, реализация людической функции языка**) — термин, в который разные авторы вкладывают подчас не вполне одинаковое содержание. Это объясняется, в частности, сложностью самого обозначаемого феномена: «Многоплановость языковой игры делает затруднительным ее непротиворечивое и исчерпывающее определение» (Николина Н.А., Агеева Е.А., 2000. С. 551).

Тем не менее существующие точки зрения и дефиниции можно обобщить и некоторым образом сгруппировать.

1. Точка зрения на Я.и., согласно которой вся человеческая речевая деятельность и даже отчасти деятельность внеречевая, есть совокупность Я.и. Такова точка зрения Л. Витгенштейна. В.П. Руднев приводит следующее высказывание Л. Витгенштейна из его «Философских исследований»: «Термин «языковая игра» призван подчеркнуть, что **говорить** на языке — компонент деятельности, или форма жизни.

Представь себе все многообразие языковых игр на таких вот и других примерах:

Отдавать приказы или выполнять их —
Описывать внешний вид предмета и его размеры —
Изготавливать предмет по его описанию (чертежу) —
Информировать о событии —
Размышлять о событии —
Выдвигать и проверять гипотезу —
Представлять результаты некоторого эксперимента
в таблицах и диаграммах —
Сочинять рассказ и читать его —
Играть в театре —
Распевать хороводные песни —
Разгадывать загадки —
Острить; рассказывать забавные истории —
Решать арифметические задачи —
Переводить с одного языка на другой —
Просить, благодарить, проклинать, приветствовать, молить».

<...> И далее В.П. Руднев замечает: «И как сторонники теории речевых актов в конце концов пришли к выводу, что вся речевая деятельность, а не только отдельные ее фрагменты, состоит из речевых актов, или действий, так и Витгенштейн считал, что Я.и. — это формы самой жизни, и что не только язык, а сама **реальность**, которую мы воспринимаем только через призму языка (ср. гипотеза лингвистической относительности), является совокупностью языковых игр» (Руднев В.П., 1997. С. 380).

2. Более определенное (хотя тоже достаточно широкое) понимание Я.и. связывает ее с креативной речедеятельностной активностью языковой личности (носителя языка): «При осознанном нарушении языкового канона мы имеем дело с ЯИ как **особой формой лингвокреативной деятельности** (здесь и далее выделения в цитате сделаны ее автором — А.С.), отражающей стремление (интенцию) говорящих к обнаружению собственной компетенции в реализации языковых возможностей — при понимании *условности* совершаемых речевых ходов, но в то же время рассчитанных на «опознание» реципиентом негласно принятых правил (игрового кода) общения. Эти правила «выводимы» только при опоре на языковой стереотип, опрокидывание которого и составляет парадокс восприятия соответствующей тактики (приема, сценария и т.п.) ЯИ. Будучи особой формой лингвокреативного мышления, имеющего ассоциативную природу, ЯИ всегда нацелена на использование **лингвистических** приемов**,** подчеркивающих **парадокс** между стандартной формой и/или значением знака (а также принятым алгоритмом его образования и использования) и новой ассоциативной «обработкой того или иного вида **языкового** знания» (Гридина Т.А., 2002. С. 26).

Кроме указания на креативную сущность Я.и. и ограничения ее сферой языковых / речевых единиц, особенно существенной представляется мысль о том, что правила Я.и. «выводимы» только при опоре на языковой стереотип, который преодолевается («опрокидывается») использованием лингвистических приемов, — поскольку некоторые исследователи феномена Я.и. считают, что Я.и. «не всегда состоит в отклонении от нормы, от стереотипа» (Перфильева Н.П., 2002. С. 77). Причем в доказательство этого соображения приводятся неубедительные примеры. Так, Н.П. Перфильева полагает, что «нет отклонений от стандарта, от стереотипа <...> в употреблении обращения в характеризующей и оценочной функциях» в сценарии Э. Рязанова и Э. Брагинского «Гараж»: *Неподкупная наша! Бескорыстная моя!»,* — не замечая, что в этих обращениях реализован типичный Антифразис (см.). Второй (и последний для подтверждения данной мысли) пример, приводимый указанным автором, представляет собой цепочку неполных предложений: *Очнулась. Взглянула. Обомлела — проспала! Вскочила, стала будить. Буркнул, отвернулся. Растолкала, подняла. Кинулась разогревать, накрывать, накручиваться. Позвала. Молчит. Заглянула — накрылся, храпит... Вскочила, помчалась.*

Отходит! Догнала, уцепилась, повисла... (Чудодеев В. Глаголы женского рода // ЛГ, 16 апр. 1980 г.) (Перфильева Н.П. Указ. Соч. С. 77).

Противоречие в рассуждениях указанного автора состоит в том, что, справедливо называя такую цепочку неполных предложений приемом, она приводит этот текст как доказательство того, что Я.и. «не всегда состоит в отклонении от нормы, от стереотипа» (Там же. С. 77). Между тем цепочка предложений такого рода являет собой двойное отклонение: от нейтрального варианта («нейтральной ступени») синтаксической нормы (стилистически значимый эллипсис) и от речевой (текстовой) нормы в узком смысле (обычной, статистически наиболее вероятной структуры текста).

3. Широкое понимание Я.и. может быть связано с ее рассмотрением в пространстве целого текста. Так Э.М. Береговская, сочувственно сославшись на ви́дение Я.и. Л. Витгенштейном («целое, состоящее из языка и тех видов деятельности, с которыми он сплетен») и И. Хейзингой («Все, что есть поэзия, выражается в игре...»), замечает: «Даже если понимать языковую игру в узколингвистическом смысле — она вездесуща и многолика. И потому она проникает во все сферы че-

ловеческой жизни, от бытовой сферы, где она существует в виде ходячей шутки или просто в виде отзвучий, «штучек-дрючек» <...>, до рекламного слогана, газетного фельетона, ораторской речи и поэтического произведения. Языковая игра вездесуща и потому, что освоила все языковые уровни — фонику, словообразование, лексику, синтаксис» (Береговская Э.М., 1999. С. 159—160). Далее она останавливается «на некоторых наименее известных формах языковой игры, связанных с принципами организации целого текста», среди которых выделяет приемы (она их называет принципами), «построение которых ориентировано на определенную букву/звук, морфему, синтаксическую структуру, функционально-стилистическую принадлежность, сочетаемость, темо-рематический баланс, тематику или прагматику»; и приемы, «для которых главными текстообразующими моментами являются соотношение длины стихотворных строк или направление чтения, перенос логического ударения, отраженный в пунктуации, или взаимозаменяемость отдельных частей...» (Береговская Э.М., 1999. С. 178—179).

4. Под Я.и. могут пониматься все явления такого рода, «когда говорящий «играет» с формой речи, когда свободное отношение к форме речи получает эстетическое задание, пусть даже самое скромное. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов (сравнения, метафоры, перифразы и т.п.)» (Русская разговорная речь, 1983. С. 172). Авторы указанной точки зрения (Е.А. Земская, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова) полагают, что Я.и. в разговорной речи «можно рассматривать как реализацию поэтической функции языка» чаще всего «в виде установки на комический эффект» (Там же. С. 172—173). Однако комизм хотя и «наиболее частая, но не единственная функция языковой игры в РР. Языковая игра может использоваться и как реализация эмотивной (экспрессивной) функции языка <...>, может выступать как средство «смягчения» речи <...>, может служить для более точной передачи мысли, для образной и выразительной передачи сообщения. И, наконец, языковая игра может иметь изобразительный характер — служить для имитации человека, чьи слова передает говорящий, или для наглядного изображения ситуации говорения». Соответственно указанные авторы выделяют две разновидности Я.и.: **балагурство**, не связанное с передачей содержания речи, и **острословие**, «когда необычная форма выражения связана с более глубоким выражением мысли говорящего и с более образной, экспрессивной передачей содержания» (Там же. С. 174—175).

И балагурство, и острословие реализуются в большом количестве стилистических приемов. Среди приемов балагурства указываются: прием рифмовки, фонетические деформации слов, «веселая грамматика» (разного рода преобразования морфологической формы слова), прием речевой маски.

Среди приемов острословия упоминаются прием стилевого контраста (см. Стилистический контраст), словообразовательная игра (см. Словообразовательная контаминация), нарушение законов сочетаемости слов, прием иронического возвеличивания или принижения (см. Антифразис, Ирония), перифрастические номинации (см. Перифраза), прием цитации (см. Цитата, Реминисценция), каламбуры и паронимическая аттракция (см. Каламбур, Парономазия) и др. (Указ. соч. С. 176—210).

Представленное выше понимание Я.и. оценивается иногда как слишком широкое. Так В.З. Санников заключает: «Вся художественная литература подпадает под него (имеется в виду определение Я.и., данное авторами «Русской разго-

ворной речи». — *А.С.*), поскольку нет автора, который не стремился бы к большей языковой выразительности» (Санников В.З., 1999, С. 15). Не давая определения понятия «языковая игра», В.З. Санников указывает, что «она основана на знании системы единиц языка, нормы их использования и способов творческой интерпретации этих единиц» (Санников В.З. Указ. соч. — С. 15).

5. На близких авторам «Русской разговорной речи» позициях стоят и некоторые другие исследователи, например, Н.А. Николина и Е.А. Агеева, которые полагают, что, «с точки зрения совокупности приемов реализации и их основной функциональной нагрузки (балагурство и острословие), языковая игра в современном художественном тексте не отличается от языковой игры в современной русской разговорной речи» (Николина Н.А., Агеева Е.А., 2000. С. 553). Эти авторы отмечают, что в современной (главным образом постмодернистской) прозе ведущими частными принципами реализации Я.и. «становятся выдвижение на первый план звуковой организации контекста и высокая степень интертекстуальности произведения» (Указ. соч. С. 553). Среди приемов звуковой организации текста указываются: Аллитерации (см.), Ассонансы (см.), повторы-отзвучия («***Бред*** *без* ***брода***. ***Буттер-бред***»); паронимическая аттракция; повторы, усиленные сходством или тождеством лексического или словообразовательного значения: контактные корневые повторы («***окрыляя*** *себя* ***крылаткой***»), изоструктурные повторы («*она не* ***переспросила****, а Дыл не* ***переответил***»); словотворчество (**«*косо-*** ***бреющий*** *полет ласточек*»).

Присущее постмодернистскому тексту «обнажение интертекста» проиллюстрировано на уровне словотворчества («***софийственно-прекраснодамно-ботичеллиево-модильяниевым существом***») и трансформаций фрагментов прецедентных текстов («*Души прекрасные* ***позывы***», «*Порадуемся на своем* ***боку***»). Упоминается также «игра на нарративном стереотипе» — отступления от повествовательной нормы, сформированной реалистической традицией (Там же. С. 558—561).

С точки зрения функциональной специфики Я.и. в постмодернистской прозе, отмечено, что она становится знаком непринужденного ведения речи и моделирует неофициальность повествования; «выступает как один из способов **ретардации** — замедления сюжетного действия»; знаменует собой особый тип повествования, для которого характерно «вытеснение субъективно-речевого плана персонажа субъектно-речевым планом повествователя» (Там же. С. 560).

6. Широкое понимание Я.и. может предполагать реализацию этого явления не только на всех уровнях языковой системы, но и в аспекте логических категорий. Так Т.В. Булыгина и А.Д. Шмелев приводят «пример языковой игры, в которой обыгрываются законы построения логически связного текста:

Я рассказываю только о том, что видел своими глазами. Или слышал своими ушами. Или мне рассказывал кто-то, кому я очень доверяю. Или доверяю не очень. Или очень не доверяю. Во всяком случае, то, что я пишу, всегда на чем-то основано. Иногда даже основано совсем ни на чем. Но каждый, кто хотя бы поверхностно знаком с теорией относительности, знает, что ничто есть разновидность нечто, а нечто это тоже что-то, из чего можно извлечь кое-что (Войнович)» (Булыгина Т.В., Шмелев А.Д., 1997. С. 447). В приведенном тексте комический эффект основан на отклонении от логической нормы (в данном случае от закона противоречия). Впрочем, к паралогике здесь присоединяется и собственно стилистический прием парономазии (повтора в узком контексте родственных и созвучных слов — в этом тексте местоимений «ничто», «нечто», «что-то», «кое-что»).

Заметим, что паралогический прием и в «чистом виде» (без содействия других приемов) может создавать комический эффект. Напр., на алогизмах построены следующие комические высказывания: *Пиво с утра не только вредно, но и полезно* (КП. № 24 — 25. 2001 г.); *Мужчина гоняется за женщиной, пока она его не поймает* (АиФ. № 32. 2001 г.); *Ничто во внешности мужчины не раздражает женщину так, как отсутствие денег* (ТД. № 36. 2001 г.); *Самым большим доказательством существования разумной жизни во вселенной является тот факт, что до сих пор никто ни разу не попытался с нами связаться* (ТД. № 23. 2001 г.). Вопрос заключается в том, можно ли высказывания, комизм которых обусловлен отклонением не от собственно языковой, а от логической нормы, рассматривать как Я.и.

7. Понимание Я.и. может быть широким по набору языковых средств, но ограниченным функцией выражения комического. Так, например, И.Н. Горелов и К.Ф. Седов, определяя Я.и. как «феномен речевого общения, содержанием которого выступает установка на форму речи, стремление добиться в высказывании эффектов, сходных с эффектами художественной словесности», и который «может затрагивать практически все уровни структуры языка», указывают, что «языковая игра имеет установку на комический эффект» (Горелов И.Н., Седов К.Ф., 2001. С. 180 — 181)[1]. Это ограничение весьма существенно, так как позволяет разграничить понятие Я.и. и стилистического приема (последний функционально не ограничен выражением категории комического).

Существенным является также указание на то, что «языковая игра может строиться не только на эксплуатации единиц различных языковых уровней. Некоторые ее разновидности затрагивают ролевую и стилевую дифференциацию речевой деятельности <...>. Особенно часто для подобных целей используется диалектная и просторечная языковые маски. Подражая говору сельских жителей или речи городских низов, языковая личность инкрустирует свои высказывания словечками, имеющими фонетические, морфологические и лексические признаки диалекта и просторечия. «*Ну, ня знаю, ня знаю, бряхать ня стану*»; «*Ну, ты вумная — а*»; «*Я его видел. — Korga? — Вчерась*» <...>. Другое средство создания комизма — прием стилевого контраста. Он основан на перемещении слов и выражений из одного стиля речи в другой. Для подобных целей чаще всего используются штампы канцелярски-делового языка, газетные клише и т.д. «*Пусть нам Коля осветит, как все было. И про свадьбу, и про отпуск*»; «*Мы постановили на воскресенье*» (гостей звать) <...>» (Указ. соч. С. 186 — 187).

Примеры, приведенные И.А. Гореловым и К.Ф. Седовым, демонстрируют Я.и. с языковыми единицами в аспекте их стилевой дифференциации. Примеров Я.и., достигаемой «путем нарушения ролевых стереотипов», указанные авторы не дают. Поэтому приведем примеры текстов, в которых комический эффект возникает в результате использования приемов, являющих собой отклонения от лингвоэтологической (речеповеденческой) нормы (стереотипа):

1) *На приеме у врача:*
— *Мне не нравится ваш кашель.*
— *Не могу ничего поделать — другого нету.*
(АиФ. № 24. 2002 г.)

[1] Мнения о том, что Я.и. имеет целью создание комического эффекта, придерживается и В.З. Санников (Указ. соч. С. 496 — 497).

2) — *Молодой человек, почему вы продаете доллары по цене в два раза выше курса Центробанка?*

— *А как вы хотели? Ручная работа, да еще в ночное время...* (КП, 7 июля 2001 г.).

В обоих случаях ответные реплики демонстрируют отклонение говорящего от предписанной ему ситуацией речевой роли: в первом случае — от роли пациента, во втором — от роли продавца фальшивых долларов. Вопрос заключается (как и в случае отклонений от логической нормы) в том, можно ли считать такого рода высказывания Я.и.

Если понимать речевую норму широко — не только как соответствие речи (текста) определенным вероятностно-статистическим параметрам, но и как ее соответствие ролевым (речеповеденческим) стереотипам и законам формальной логики, то намеренное отклонение от речевой нормы, дающее комический эффект (и — шире — эффект остроты), следует признать Я.и.

Труднее признать Я.и. высказывания (в том числе целые тексты), комизм которых основан на намеренном отклонении от нормы онтологической, т.е. обычного, стандартного «положения вещей», обычной «картины мира», как, напр., в следующих текстах.

— **Анекдот**: *Ржевский вышел на крыльцо, приосанился, вскочил в седло и понесся по дороге так, что пыль столбом. Проскакав две версты, он остановился.*

— *Мать честная, а лошадь-то где?*

Крепко выругавшись, Ржевский поскакал обратно. (АиФ. № 48. 2001 г.);

— **Комическая новость**: *Не так давно умерла у нас в городе редчайшая, буквально-таки единственная муха. Пригретая потеплевшей батареей, она решила, что наступила весна, и проснулась. Однако, обнаружив за окном снег, она скончалась от огорчения.* (Ком., 12—18 марта 2001 г.);

— **Комическое объявление**: *Вышел в свет двухтомник одностиший известного поэта Владимира Вишневского. В первом томе собраны избранные одностишия, во втором томе — содержание.* (ЛГ, 19—25 июня 2002 г.).

Комизм таких текстов достигается не «игрой» (трансформацией) формой и/или семантикой языковой / речевой единицы, а использованием параонтологических риторических приемов (см. Риторический прием).

8. Во многих словарях (терминологических, энциклопедических, толковых), дается объяснение термина **игра слов** (Я.и. при этом не упоминается), причем игра слов отождествляется с каламбуром. Каламбур в свою очередь определяется как «игра слов (франц. calembour), использование многозначности (полисемии), омонимии или звукового сходства слов с целью достижения комич. эффекта» (Леонтьев А.А., 1987. С. 145. Ср.: Ходакова Е.П., 1997. С. 174—175; Ахманова О.С., 1966. С. 188; Макаров В.И., Матвеева Н.П., 1993. С. 125; Большой толковый..., 1998. С. 373, 411; Словарь современного..., 1956. С. 699; Словарь иностранных..., 1997. С. 196; Большой энциклопедический..., 1994. С. 525; Энциклопедический..., 1984. С. 130 и др.).

Приведенный обзор точек зрения на феномен Я.и. позволяет сделать следующие выводы.

Если иметь в виду желательность системного использования терминов стилистики, то представляется целесообразным закрепить за терминами **языковая игра, игра слов, каламбур** (в их иерархической соотнесенности) следующие значения.

Языковая игра — творческое, нестандартное (неканоническое, отклоняющееся от языковой/стилистической/речеповеденческой/логической нормы) ис-

пользование любых языковых единиц и/или категорий для создания остроумных высказываний, в том числе — комического характера[2].

Игра слов — разновидность языковой игры, в которой эффект остро́ты достигается неканоническим использованием слов и фразеологизмов (трансформациями их семантики и/или состава).

Каламбур — разновидность игры слов, в которой эффект остро́ты (в основном — комической) достигается неканоническим использованием полисемантов, омонимов, паронимов, псевдосинонимов и псевдоантонимов[3].

Понятия **языковая игра** и **стилистический прием** пересекаются в том случае, если стилистический прием используется в людической (игровой) функции — функции создания нестандартного остроумного высказывания.

Лит.: **Арутюнова Н.Д.** Речь// Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М., 1966; **Береговская Э.М.** Принцип организации текста как игровой момент // Русская филология. Учен. зап. Смоленского гос. пед. ун-та. 1999 г. Смоленск, 1999; Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. СПб., 1998; Большой энциклопедический словарь. М., 1994. Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984; **Букирева Т.А.** Аспекты языковой игры: аномальность и парадоксальность языковой личности С. Довлатова: Дис. ... канд. филол. наук. Краснодар, 2000; **Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997; **Витгенштейн Л.** Философские исследования // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIV. М., 1985; **Горелов И.Н., Седов К.Ф.** Основы психолингвистики: Учебное пособие. М., 2001; **Гридина Т.А.** Ассоциативный потенциал онима в процессах языковой игры // Житниковские чтения: Динамический аспект лингвистических исследований. Материалы Всероссийской научной конференции. Челябинск, 21—23 апреля 1999 г.: В 2 ч. Челябинск, 1999. Ч.1; **Гридина Т.А.** Ассоциативный потенциал слова и его реализация в речи (явление языковой игры): Дис. ... докт. филол. наук. М., 1996; **Гридина Т.А.** Языковая игра как лингвокреативная деятельность // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: Материалы докладов и сообщений Всероссийской научной конференции 25—26 апреля 2002 / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2002; **Гридина Т.А., Коновалова Н.И.** Языковая игра с этикетными формулами: индивидуализация стереотипа // Культурно-речевая ситуация в современной России: вопросы теории и образовательных технологий: Тез. докл. и сообщ. всероссийск. науч.-метод. конф.; Екатеринбург, 19—21 марта 2000 г. Екатеринбург, 2000; **Гридина Т.А.** Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург, 1996; **Деррида Ж.** Письмо и различие. М., 2000; **Земская Е.А.** Активные процессы современного словопроизводства// Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000; **Леонтьев А.А.** Каламбур // Литературный энциклопедический словарь. М., 1987**; Макаров В.И., Матвеева Н.П.** От Ромула до наших дней. Словарь лексических трудностей художественной литературы. М., 1993; **Никитин М.И.** Игра слов как средство повышения информационной насыщенности рекламного текста // Международная конференция «Журналистика и культура русской речи на переломе тысячелетий». Москва,

[2] Остроумие — «2. Изобретательность в нахождении удачных, смешных или язвительных и метких выражений» (Словарь современного русского литературного языка. Т.8. М.-Л., 1959. Стлб. 1203).

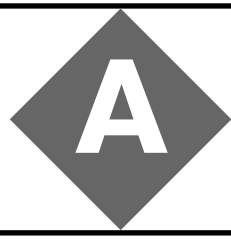
[3] На возможность построения каламбуров на основе псевдосинонимии и псевдоантонимии указал В.З. Санников (Указ. соч., С. 495).

18—19 апреля 2002 г. Материалы. М., 2002; **Николина Н.А.** «Словообразовательная игра» в художественном тексте // Язык. Культура, Гуманитарное знание. Научное наследие Г.О. Винокура и современность. М., 1999; **Николина Н.А., Агеева Е.А.** Языковая игра в структуре современного прозаического текста // Русский язык сегодня. Вып. 1. Сб. статей. М., 2000; **Перфильева Н.П.** Языковая игра с операциональной и прагматической позиций // Язык. Система. Личность. Языковая игра как вид лингвокреативной деятельности. Формирование языковой личности в онтогенезе: Материалы докладов и сообщений Всероссийской науч. конф. 25—26 апреля 2002 г. / Уральский гос. пед. ун-т. Екатеринбург, 2002; **Руднев В.П.** Словарь культуры XX века. М., 1997; Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М., 1983; **Санников В.З.** Русский язык в зеркале языковой игры. М., 1999; **Ходакова Е.П.** Каламбур // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; Словарь иностранных слов и выражений. М., 1997; Словарь современного русского литературного языка. Т. 5. М., 1956; **Хейзинга Й.** Homo ludens. М., 1992; **Янко-Триницкая Н.А.** Штучки-дрючки устной речи (Повторы-отзвучия) // РР. № 4. 1968.

А.П. Сковородников

ЯЗЫКОВЫ́Е СРЕДСТВА ВЫРАЗИТЕЛЬНОСТИ. То же, что Выразительные средства языка.

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ И НЕДОЧЕТЫ

АКЦЕНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки акцентологические.

АМФИБОЛИ́Я$_2$. То же, что Двусмысленность.

АНАХРОНИ́ЗМЫ ЛЕКСИЧЕСКИЕ — лексические ошибки, связанные с перенесением современного слова (или современного значения слова) на действительность прошлого или наоборот, немотивированное использование архаизмов (устаревших слов) в современной речи. В результате нарушения хронологической точности при употреблении слов, связанных с определенной исторической эпохой, искажается смысл высказывания.

Примеры лексических анахронизмов: *На экзамене он перепутал не только все мифы, но и* ***фамилии античных героев и богов***. В данном предложении следовало вместо слова «фамилии» употребить слово «имена», поскольку у мифологических персонажей фамилии отсутствовали.

В XVIII веке в Ленинграде *было закрыто несколько типографий*. Такое название города на Неве появилось после смерти В.И. Ленина в 1924 г. В XVIII в. город именовался Петербургом.

Эти факты красноречиво свидетельствуют о том, что президент ***ведает*** *о всех закулисных разговорах депутатов* (Труд, 8 сент., 1998 г.). Глагол «ведать» является архаизмом, эквивалентом которого в современном языке будет лексема «знать».

Следует иметь в виду, что в связи с изменениями в политической и экономической жизни общества в 90-х гг. XX в. вернулись в активное употребление такие слова, как *гимназия, лицей, дума, губерния, губернатор, гувернер, есаул* и др., т.е. они перестали быть архаизмами.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

Б

БЕДНОСТЬ СЛОВАРНОГО ЗАПАСА — Речевой недочет (см.), который заключается в том, что говорящий или пишущий, не обладая достаточным словарным запасом, ограничивает свою речь выражением элементарных смыслов, пользуется небольшим набором стилистических оттенков, часто повторяется и т.д. Данный речевой недочет связан с нарушением такого коммуникативного качества речи, как богатство на лексико-фразеологическом уровне. В результате этого недочета речь становится однообразной и невыразительной. Для количественного исчисления уровня лексического богатства речи существует специальный критерий — коэффициент лексического богатства. Он представляет собой отношение между разными словами и общим количеством слов в тексте: коэффициент лексического богатства = лексемы : общее количество слов в тексте. В идеале этот показатель должен стремиться к единице. Если же коэффициент богатства речи намного меньше единицы, то можно говорить о Б.с.з. человека.

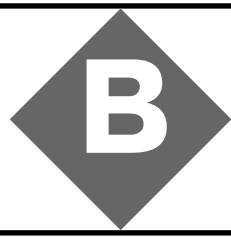
Словарное богатство речи отражает и информативную насыщенность текста, что зависит не только от выбора языкового материала, но и от насыщения его мыслями и чувствами автора. Семантическое богатство проявляется в разнообразии и обновлении словесных связей, т.е. в приобретении словом новых контекстуальных значений.

Частые повторы, неумение использовать в речи стилистически окрашенную лексику, незнание синонимических богатств русского языка, слабое владение фразеологическими ресурсами — основные показатели Б.с.з. говорящего.

В художественной литературе Б.с.з. может стать способом речевой характеристики героя. Например, словарный запас героини романа И. Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» Эллочки-людоедки составлял 32 слова.

Лит.: **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ВУЛЬГАРИЗАЦИЯ РЕЧИ – такое использование стилистически сниженной и нелитературной лексики (Жаргонизмов (см.), Арготизмов (см.), просторечных слов), а также слов с негативной эмоционально-экспрессивной окраской, которое не может быть оправдано контекстом или ситуацией высказывания и представляется неэстетичным или нарушающим Этико-речевую норму (см.). В последнее время В.р. отмечается как устойчивая тенденция современной общественно-речевой практики, она проявляется не только в разговорно-бытовой речи, но и в текстах СМИ, политических выступлениях, беллетристике. Напр.: *Если уж Чубайс решил возвращать народу долги, пусть отдает каждому две-три «Волги», что он гарантировал за свои* ***сраные*** *ваучеры* (Завтра. № 26. 1997 г.); *...политические* ***ворюги*** *и* ***«шестерки»*** *Немцов, Федоров и Гайдар* (Из речи депутата Госдумы); ***Хрен с ним****, со старым* ***маразматиком.*** *Доверенность адвокату отдана, могу и не приходить. Хотя, честно говоря, я был бы не прочь обозреть это военное* ***мурло****, обвинившее меня в дезертирстве с фронта, и выслушать его извинения. А в том, что старый* ***пердила*** *извинится, у меня сомнений не было* (Э. Рязанов).

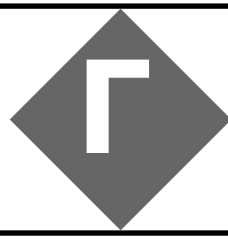
В последние десять-пятнадцать лет (в конце перестройки и в постсоветский период) в печать стали допускаться такие слова и выражения, которые раньше в принципе не могли быть употреблены публично. Чаще всего, это слова, традиционно заменяемые Эвфемизмами (см.), относящиеся к области физиологии человека и отношений между полами, Обсценная лексика (см.). Напр.: *Только сто рублей заработаем (может, возьмет за услугу?), они как* ***жопой*** *чуют – сбегаются* (МК. 28 окт. – 4 ноября 1999 г.); *– Как-то раз отвез он меня на берег Яузы, – рассказывает Алиса, там вода страсть какая грязная. Сначала заставил раздеться догола и танцевать. Потом говорит: «Полезай в воду». Я заплакала: не полезу! А он мне пистолет к виску: «Полезай, купайся». То ли пьяный был, то ли* ***обдолбанный****. Бил меня целый час, ногами... Потом говорит: «Сейчас застрелю тебя и* ***х...*** *кто найдет. Ты ж без паспорта,* ***говно****!»* (МК. 28 окт. – 4 ноября 1999 г.); *Значение этой системы для мирового проката еще вот в чем: режиссер, желающий, чтобы в его фильме персонажи* ***трахались*** *или матерились без особой художественной необходимости, т.е. просто так, для* ***оживляжа****, должен иметь в виду, что фильм от этого сильно проиграет и прежде всего финансово* (Ком. 3–20 янв. 1999 г.); *Только у меня наоборот: сердечное влечение боролось с рассудком и долгом. Сердце мне говорило: Тебя обидели, тебя сровняли* ***с говном****. Поди, Веничка, и напейся. Встань и поди напейся как* ***сука*** (В. Ерофеев).

Можно говорить также о широком использовании в публичной речи инвектив – оскорблений: *Жириновского пытались дружно урезонить спикер, другие депутаты, но безуспешно. Депутату от «Яблока» Анатолию Голову Жири-*

новский заявил: «Вон отсюда! Уймись, ***подонок****! Пошел вон, американский шпион, израильская* ***собака****,* ***тварь****!»* [КП, 13 марта 1998 г.]. См. также выше пример из повести Э. Рязанова и высказывание депутата Госдумы. Стилистически сниженные слова, употребление которых способствует В.р., носят название вульгаризмы, а также Дисфемизмы (см.) или Какофемизмы (см.).

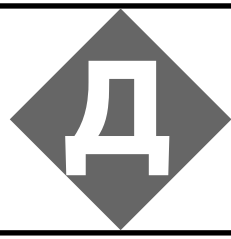
Лит.: **Арапова Н.С**. Эвфемизмы // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Виноградов С.И.** Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Граудина Л.К**. Эвфемизмы-дисфемизмы, парламентские и непарламентские выражения // Культура парламентской речи. М, 1994; **Жельвис В.И.** Поле брани: Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. М., 2001; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций: Словарь риторических приемов. Ростов-н/Д, 1999; **Крысин Л.П.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия (1985—1995). М., 2000.

А.В. Баринова

ГРАММАТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки грамматико-морфологические.

ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки грамматико-синтаксические.

ДВУСМЫ́СЛЕННОСТЬ, или **АМФИБОЛИЯ**$_2$ – неоднозначность фразы, высказывания; возможность двоякого понимания речи. Причиной возникновения ненамеренной Д. может стать неснятая полисемия (см. Неснятая полисемия). Например:

В кустах *Можайского района прошли профсоюзные собрания.* (Используя слово *куст*, автор имел в виду *групповое объединение предприятий*, но не учел основного смысла слова.)

Источником Д. может быть неоднозначность языкового выражения: одно и то же слово в языке может обозначать конкретный объект, абстрактный объект и целый класс объектов. Напр.:

Я ищу мужа. (Эта фраза может принадлежать и замужней женщине, у которой потерялся муж, и незамужней, желающей вступить в брак.)

Нередко причиной Д. становится неудачное синтаксическое построение предложения, фразы. Высказывание звучит двусмысленно при омонимическом выражении субъекта и объекта действия в той или иной падежной форме:

Учителю надо многое сказать. (Слово *учителю* может означать как объект, так и субъект действия, поэтому фраза имеет два смысла: *Надо, чтобы учитель многое сказал* и *Кто-то должен многое сообщить учителю*.

Неоднозначны и такие фразы:

Тебе трудно сказать «нет». (Можно по-разному понять эту фразу: *Ты с трудом говоришь «нет»*, или *Мне трудно тебе отказать*.); *Мы любовались портретом Репина.* (Невозможно понять, о чем идет речь: *о портрете кисти Репина* или *о картине, на которой изображен Репин*.); *На столе лежало письмо матери.* (Письмо, *написанное матерью* или *адресованное матери*.)

Причинами появления в высказывании Д. могут стать неудачный выбор лексических средств, речевая недостаточность:

Долг врача не отмахиваться от больного, а ***довести*** *его* ***до конца***. (Автор, видимо, хотел сказать, *что врач должен добросовестно выполнять свои обязанности,* ***доводить начатое дело до конца***. Однако в неграмотно построенном предложении в словах: *довести до конца* актуализировались значения: ***довести*** *– привести в какое-н. состояние, вызвать в ком-чем-н. какие-н. последствия;* ***до конца*** *– до кончины*. В результате получилась фраза с таким трагикомическим смыслом).

Д. может возникнуть при неправильном использовании союзов, союзных и соотносительных слов в сложноподчиненных предложениях. Напр.:

Навстречу нам выбежала собака хозяйки, которая тоже всегда радовалась нашему приходу. (Слово *которая* может относиться и к слову *собака*, и к слову *хозяйка*).

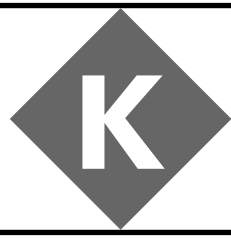
Для того чтобы избежать ненужной Д., следует учитывать экстралингвистическую ситуацию (обстоятельства, при которых происходит речевое общение), контекст и особенности восприятия речи конкретным адресатом. В противном случае эффект может быть непредсказуемый, даже комический:

Спортсмены и зрители тепло поздравили олимпийского чемпиона С. с 25-летием. Он ответил прыжком на 16 метров 98 сантиметров.

Д. может создаваться в речи намеренно, как художественный прием (см. Амфиболия$_1$) или как прием манипулятивного воздействия на аудиторию (см. Речевое манипулирование).

Лит.: **Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Лазаревич Э.А., Абрамович А.В.** Практикум по литературному редактированию. М., 1986; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций и Словарь риторических фигур: Учеб. пособие. Ростов н/Д,1994.

О.Н. Завьялова

КАКОЛО́ГИЯ (от греч. kakos — «плохой, испорченный» и logos — «слово») — понятие, не имеющее в лингвистической литературе однозначного определения. Иногда термин «К.»употребляется для обозначения ошибочного словоупотребления, представляющего сочетание не сочетающихся в языке слов. Например: *играть значение* вместо *играть роль; развить жизненный уровень* вместо *повысить жизненный уровень.*

В ином значении К. трактуется как нецелесообразное стечение звуков при образовании слов, словосочетаний, предложений, вызывающее нежелательные, часто грубые, непристойные ассоциации. Такую К. называют еще **какофонией**. Напр.:

Утек, подлец! ***Ужо постой****,*
Расправлюсь завтра я с тобой.
(А. Блок)

Письменные высказывания с орфографическими и пунктуационными ошибками обозначаются термином **какография.** Иногда К. называют любое нарушение языковой нормы.

К. необходимо отличать от Какэмфатона (см.).

Лит.: **Марузо Ж.** Словарь лингвистических терминов: Пер. с фр. М., 1960; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С**. Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.А. Кузнецова, И.В. Пекарская

КАКОФО́НИЯ. То же, что Неблагозвучие.

КАНЦЕЛЯРИ́Т, или **КАНЦЕЛЯРСКИЙ ШТАМП** — стилистически не мотивированное использование Канцеляризмов (см.), то есть употребление канцеляризмов в несвойственном им стилевом контексте (не в официально-деловых текстах) без стилистического задания.

Термин «К.» введен в научный обиход К.И. Чуковским. В книге «Живой как жизнь» он называет К. «болезнью речи», «недугом» (по образцу слов колит, дифтерит, менингит), причина возникновения которого в низком уровне речевой культуры и в бюрократизме общественных отношений (Чуковский К.И., 1963. С. 119).

Н.Я. Галь выделяет следующие приметы К.: «вытеснение глагола, то есть движения, действия, причастием, деепричастием, существительным (особенно отглагольным!), а значит — застойность, неподвижность. Из всех глагольных форм пристрастие к инфинитиву»; «нагромождение существительных в косвенных падежах, чаще всего — длинные цепи существительных в одном падеже — родительном»; «вытеснение активных оборотов пассивными, почти всегда более тяжелыми, громоздкими»; «несчетные придаточные предложения»; «обилие иностранных слов там, где их вполне можно заменить словами русскими» (Галь Н.Я., 1987. С. 14).

Приведем примеры неуместного использования канцеляризмов:

Политику кооперации краевая администрация считает самой приемлемой, но это не значит, что предприятиям региона таковая будет навязываться: сейчас у каждого свои соображения ***по поводу того****, как выжить* (Красноярский комсомолец, 7 февр. 1998 г.*).* Ср.: Политику кооперации краевая администрация считает самой приемлемой, но это не значит, что предприятиям она будет навязываться: сейчас у каждого свои соображения, как выжить.

Угольщиками Бородинского разреза ***будет принято решение по акции протеста*** (КГТРК, «Икс»). Ср.: Угольщики Бородинского разреза примут решение об акции протеста.

«Наблюдается вторжение «канцелярита» в такие речевые сферы, где его меньше всего можно было бы ожидать, например, в тексты школьных учебников по литературе, в надгробные надписи. Так традиционная проблема «канцелярита» из лингвостилистической перерастает в лингвоэтическую» (Сковородников А.П., 1993. С. 12).

Существование канцеляризмов «соответствует общим закономерностям эволюции современного общества, например, все большей автоматизации труда, внедрению компьютерных способов обработки, передачи и хранения информа-

ции» (Рахманин Л.В., 1997. С. 14). Однако плохо злоупотребление канцеляризмами там, где они неуместны, — в публицистике, в художественной литературе, в обиходном общении.

Не является К. намеренное употребление канцеляризмов в качестве Стилистического приема (см.).

Лит.: **Виноградов В.В.** Русская речь, ее изучение и вопросы речевой культуры // Проблемы русской стилистики. М., 1981; **Галь Н.Я.** Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора. М., 1987; **Рахманин Л.В.** Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997; **Романенко А.П.** Канцелярит: риторический аспект (О книге К.И. Чуковского «Живой как жизнь») // Риторика: специализированный проблемный журнал. 1997. № 1 (4); Русский язык в современном мире. М., 1974; **Сковородников А.П.** Вопросы экологии русского языка. Красноярск, 1993; **Чуковский К.И.** Живой как жизнь (О русском языке). М., 1963; **Шмелева Т.В.** Канцелярит и другие речевые недуги // Речевое общение: Специализированный вестник. Вып. 3 (11). Красноярск, 2000.

Г.А. Копнина

КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ — ошибки, состоящие в нарушении коммуникативно-прагматической нормы, понимаемой как совокупность прагматических условий эффективности коммуникативного акта (Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996. С. 26; Сковородников А.П. 1998. С. 11).

К К.-п.о. приводит несоблюдение таких Коммуникативных качеств (условий, критериев) речи (см.), как целесообразность, стилистическая уместность и выразительность, а также эстетическая приемлемость. Под целесоообразностью понимается организация высказывания или целого текста, соответствующая ситуации, в которой они возникают, и намерениям говорящего (пишущего). Стилистическая уместность понимается как функционально-стилистическая и эмоционально-экспрессивная адекватность языковых средств, используемых в высказывании (тексте), стилистической окраске этого высказывания или текста. Критерий эстетической приемлемости связан с «категорией прекрасного и ее частными проявлениями в языке и речи: благозвучием, изобразительностью, выразительностью, эстетически значимой ассоциативностью» (Сковородников. 1998. С. 15).

К наиболее частым нарушениям критерия целесообразности относят Неоправданное употребление заимствованых слов (см.), Плеоназм (см. Плеоназм$_2$), напр.: ***Культ веры в Бога**, как показывает нам Михаил Булгаков в своем романе, оказывается поруган в новом советском обществе* (из школьного сочинения) — слова «вера» и «культ» имеют близкое значение, поэтому одно из них — лишнее. К К.-п.о. относится также тавтология (см. Тавтология$_2$), напр.: *В этом плане у нас есть много интересных **наработок**, исследовательская **работа**, если можно так выразиться, идет очень продуктивно* (из доклада на конференции), следует исправить: *...исследования ...идут.* Применительно к звучащей речи журналистов (в том числе — ведущих), работающих в электронных СМИ, высокочастотными К.-п.о. следует считать слишком быстрый темп речи при нечеткой дикции и монотонном произнесении, а также невладение многими журналистами искусством задавать вопросы интервьюируемому.

Критерий стилистической уместности и выразительности чаще всего нарушается при употреблении Канцелярита (см.): *Местные жители* ***производят сбор*** *ягод смородины* (из речи радиожурналиста), следовало сказать: «Местные жители собирают ягоды смородины»; при использовании языковых средств без учета их эмоционально-экспрессивной и функционально-стилистической окраски, напр., Нативированное использование нелитературной лексики (см.).

Нарушение критерия эстетической приемлемости происходит, когда используются неблагозвучные слова и выражения, напр., Неудачные сокращения (см.), а также при неудачном создании изобразительно-выразительных средств, напр., метафор (см. Неудачное использование тропов): *Автоцентр «Камаз» —* ***в пропасть успеха*** *— без риска* (из радиорекламы). В данном примере неудачно использована метафора «пропасть успеха», обычно успех ассоциируется наоборот с вершиной, а пропасть — с неудачей. Кроме того, при необдуманном использовании некоторых слов могут возникнуть нежелательные ассоциации: *Некоторые губернаторы умеют держать регион, а* ***страдающие недержанием*** *региона вынуждены будут потесниться* (РТР. 1996. 12 окт.). В данном примере возникает нежелательная ассоциация с неприятным физиологическим проявлением.

Лит.: Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Львов М.Р**. Словарь-справочник по методике русского языка. [Изд.2-е]. М., 1997; **Сенкевич М.П**. Культура радио- и телевизионной речи. М.,1997; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. [Изд. 3-е]. М., 1993; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-метод. бюл. Красноярск, 1998. № 3; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. [Изд. 2-е]. СПб., 1997.

А.В. Баринова

КОНТАМИНА́ЦИЯ$_2$ — речевая ошибка, нецелесообразное, нецеленаправленное, немотивированное нарушение литературной нормы при образовании слов, словосочетаний, предложений, которое выражается в смешении на уровне одного высказывания конструкций разного типа. $К_2$ не имеет целью отступление от нормы для достижения прагматического эффекта. Например:

1. Нецелесообразное изменение состава фразеологизма: *Эта проблема* ***гроша выеденного*** *не стоит...* (ЦТ, 24 янв. 1993 г.) (См. правильный вариант: гроша ломаного или яйца выеденного не стоит).

2. Неправильное словоупотребление, возникающее в результате действия принципа контаминации в области словосочетания: словосочетание строится одновременно на основе двух разных синтаксических моделей, близких по значению и часто употребляющихся*: вести деятельность* (вести дело, работу + развить деятельность); *продвигать кого-н. по должности* (продвигать по служебной лестнице + повышать в должности*); С 1991 года велось судебное* ***разбирательство о том****, кому картины принадлежат* (КП, 1 окт. 1993 г.) (разбирательство в чём-л. + разговор о чем-л.); ***О достоинствах*** *этих сочинений* ***вы убедитесь сами*** (к/ф «Доживем до понедельника»). (Нормативно: «убедиться в чем — либо» или «судить о чем (ком) — либо»).

3. Синтаксическая контаминация-ошибка на уровне предложения — необдуманное, не оправданное ни синтаксическими нормами, ни целями высказывания объединение в одну единицу разных синтаксических моделей. Среди типов синтаксической $К_2$ (ошибки) наиболее частотными являются следующие:

А. Нарушение грамматической согласованности членов предложения: ***Народ*** *в Англии странный — ничего нашего* ***покупать не хотят*** (ЦТ, 16 февраля 1991 г.) (Нормативно: Народ в Англии странный — ничего нашего покупать не хочет). Представленный пример иллюстрирует рассогласование в числе.

Б. Конструкции, включающие в состав причастного оборота союз или союзное слово: *Плющ, который вьющийся по стене, украшает комнату, радует глаз* (из сочинения). (Нормативно: Плющ, вьющийся по стене, украшает комнату, радует глаз). Причиной $К_2$ служит функциональная близость причастного оборота и придаточной определительной части предложения. В данном случае наблюдается наложение причастного оборота на придаточное предложение.

В. Конструкции, включающие деепричастный оборот, не соотнесенный по смыслу с подлежащим: *Увидев варенье, у Димы потекли слюнки* (из сочинения). (Нормативно: *Когда Дима увидел варенье, у него потекли слюнки*).

Г. Конструкции, совмещающие подчинительную и сочинительную связи между двумя предикативными частями предложения: *Как только Троекуров велел позвать Швабрина, и через минуту заседатель стоял перед барином* (из сочинения). (Нормативно: *Через минуту после того, как Троекуров велел позвать Швабрина, заседатель стоял перед барином / Троекуров велел позвать Швабрина, и через минуту заседатель стоял перед барином*).

Д. Ошибки в построении сложноподчиненных предложений: *Как я уже говорила, что зона с осадками...* (Теленовости), *...Ничего не могло помешать, чтобы не выиграть первое место...* (Телеинтервью), *...Возникает вопрос о том, что почему, собственно...* (Доклад на конференции). (Нормативно: Как я уже говорила, зона с осадками...; Ничего не могло помешать им выиграть; Возникает вопрос: почему собственно...). Подобные ошибки связаны с изменением композиционного замысла в процессе речи, а вследствие этого — и переходом, «соскальзыванием» с одной грамматической модели на другую.

Е. К числу $К_2$ относятся также сложноподчинённые предложения, где 1) сочинительной связью объединяются член главной части предложения и придаточная часть*: В повести «Капитанская дочка» Пушкин показал людей с совершенно разными характерами, но которые имеют такие качества, как благородство* (из сочинения). (Нормативно: *В повести «Капитанская дочка» Пушкин показал людей с совершенно разными характерами, имеющими, однако, такие качества, как благородство*); 2) сочинительный союз *И* соединяет обособленное определение, выраженное причастным оборотом, и придаточное определительное: *Он увидел молодую девушку-грузинку, пришедшую за водой и которая поразила его своей красотой* (из сочинения). (Нормативно: *Молодая девушка-грузинка, пришедшая за водой, поразила его своей красотой*); 3) союз *И* соединяет придаточное времени и обособленное обстоятельство времени, выраженное деепричастным оборотом: *Когда гулял по городу и увидев несчастных детей-сирот, он задумал написать картину* (из сочинения).

Подобного рода ошибки связаны с объединением в целях экономии речевых усилий двух предложений в одно, при наложении их друг на друга. Подобная контаминация исходных предложений обусловлена наличием общего члена и

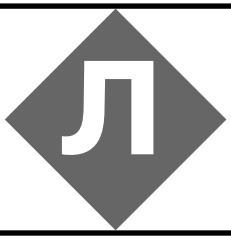
функциональной близостью единиц, в частности: задумал написать, когда гулял по городу + задумал написать, увидев несчастных детей-сирот.

$К_2$ встречается в разговорной речи людей, не овладевших литературной нормой. Причиной появления $К_2$ может также стать торопливость, небрежность в речи.

Другое терминологическое обозначение этого явления — какология (от kakos — плохой, испорченный и logos — слово) (см. Какология).

Лит.: **Ахманова О.С.** Словарь лингвистических терминов. М.; 1969 (ст. Какология); **Лаптева О.С.** Современная русская публичная речь в свете теории стиля // Вопросы языкознания. № 1. 1978; **Норман Б.Ю.** Синтаксис речевой деятельности**.** Минск, 1978; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982; **Шведова Н.Ю.** Активные процессы в современном русском синтаксисе. Словосочетание. М., 1966.

И.В. Пекарская

ЛЕКСИЧЕСКИЕ АНАХРОНИ́ЗМЫ. То же, что Анахронизмы лексические.

ЛЕКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки лексические.

ЛИНГВОЦИНИ́ЗМЫ — слова, обороты речи и целые высказывания, в которых нашел отражение цинизм индивидуального или социального мышления (мировоззрения). Цинизм индивидуального порядка выражается на уровне речи в высказываниях такого типа, как, например: 1) в газетной рубрике «Последние новости от ...» после характерного подзаголовка «Еще от одного знаменитого жмурца» (в жаргоне асоциальных групп «жмур», «жмурец», «жмурик» — покойник. См.: Быков В., 1993. С. 73) идет такой текст: *В августе текущего года, как известно, исполняется аккурат 20 лет с того скорбного дня, как всех нас покинул г-н Элвис Аарон Пресли (Как время-то бежит!..). По этому поводу* ***его вечнозеленая вдова*** *Присцилла дала добро на съемки очередного радикально нового высокохудожественного фильма об* ***ее уже давно скушанном червячками супруге*** (СГ, 22 июня 1997 г.); 2) *Святой Георгий сидел в пресс-баре и пил горькую. — Пошто закручинился Егорий? — Ох, Леш, не спрашивай.* ***Публика эта, туды ее в качель...*** *Совсем задразнили. Слыхал, небось, как прозвали-то меня?* ***Колченогий на беременной****. — Никакого уважения, — вежливо поддакнул я. — Но только,* ***Жор****, ты на себя-то глянь...* (КК, 29 июля 1989 г.); *«****Склещились!****» — такое впечатление возникло при виде целования Селезнева и Ельцина* (Зав., № 45.1997 г.).

Такого рода высказывания демонстрируют грубое нарушение этико-речевой нормы.

Некоторые слова и выражения, отражающие психологию технократизма, негуманность социального мышления в годы тоталитарного режима закрепились в общем употреблении: ***оргнабор, лимитчики, накопитель*** (помещение для ожидающих посадки в самолет), ***рабсила, человекоединица, человеческие ресурсы, принудительный ассортимент, бросить кого-либо на***... (назначить, направить на какую-либо работу) и некоторые другие. Писатель А. Битов выражения «***покорение природы***», «***отвоевать у природы***», «***кладовая природы***» охарактеризовал как «свидетельства человеческого разбоя, оставленные им в языке, как отпечатки немытых пальцев» (А. Битов. Птицы, или новые сведения о человеке). А. Солженицын, отмечая дегуманизацию языка публицистики 30-х гг., выделяет такие выражения, как «***расширение емкости трудовых колоний***», «***людской материал***», «***человеческое сырье***» (А. Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ). Показательна в этом смысле языковая рефлексия журналистов и юмористов: «*Социализм не общество* ***человеческого фактора*** (выделено мной. — *А.С.*), *а общество человека*» (М. Антонов. Так что же с нами происходит?); «*Только у нас в аэрофлоте людей могут загонять* ***в накопитель*** (выделено мной. — *А.С.*), *хорошо, что не в отстойник*» (М. Задорнов. Выступление по ЦТ 10 марта 1991 г.).

Примером лингвоцинизма, широко распространившегося в речевой практике 90-х гг. XX в., может служить калька с англо-американского — «***заниматься любовью***».

Лит.: **Быков В.** Русская феня. Словарь современного интержаргона асоциальных элементов. Смоленск, 1993; **Мокиенко В.М., Никитина Т.Г.** Толковый словарь языка Совдепии. СПб., 1998; **Сковородников А.П.** Об экологии русского языка // Филологические науки. № 5—6. 1992; **Он же.** Вопросы экологии русского языка (учебное пособие). Красноярск, 1993.

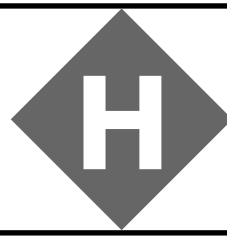
А.П. Сковородников

ЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки логические.

МНОГОСЛОВИЕ. То же, что Плеоназм$_2$.

МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Грамматико-морфологические ошибки.

НАНИЗЫВАНИЕ ПАДЕЖЕЙ — синтаксическая конструкция, состоящая из ряда слов (чаще всего, существительных, прилагательных или местоимений), стоящих в форме одного падежа, обычно родительного или творительного. Употребление конструкций такого рода свойственно официально-деловому стилю и используется в различных видах документов, в основном, юридических (законах, кодексах, указах и др.), длина такой конструкции может составлять в некоторых случаях до нескольких десятков словоформ, что часто приводит к затруднениям в понимании. Напр.: *Возмещение* ***расходов***, ***связанных*** *с предоставлением* ***льгот*** *по оплате* ***установки квартирных телефонов*** *и* ***абонентной плате*** *за пользование ими, позволить за счет* ***средств федерального бюджета***, ***выделяемого*** *федеральным органом* ***исполнительной власти***, *в которых военнослужащие (в том числе погибшие и умершие) и граждане, уволенные с военной службы, проходят (проходили) военную службу.* Иногда использование Н.п. приводит к двусмысленности высказывания, что является недопустимым в официально-деловом стиле и может рассматриваться как Речевой недочет (см.) в синтаксическом построении предложения: ***Сведениями, собранными социологической группой, делегатами*** *съезда была проявлена неудовлетворенность.* Следовало написать так: Делегаты съезда проявили неудовлетворенность сведениями, собранными социологической группой; *Проверка будет произведена* ***назначенной администрацией комиссией*** (нужно: Проверка будет произведена комиссией, которую назначила администрация).

Данную конструкцию иногда называют также цепочкой падежей.

Лит.: Культура русской речи: Учебн. для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Рахманин Л.В.** Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997; **Шварцкопф Б.С.** Официально-деловой язык / Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

А.В. Баринова

НАРУШЕНИЕ ГРАНИЦ ПРЕДЛОЖЕНИЯ — вид текстовых ошибок, которые заключаются в немотивированном расчленении единой синтаксической структуры на несколько интонационно-смысловых речевых единиц; отъединении какой-либо части высказывания, придании ей коммуникативной самостоятельности. Так, напр., в следующем тексте распространители сказуемого оказались оторваны от него — здесь налицо не мотивированная авторским контекстом и стилистическим заданием парцелляция, ведущая к нарушению структурно-языковой и коммуникативно-прагматической нормы: *Житель поселка Дубинино*

В.И. Худоногов возвращался из Красноярска домой. ***Вместе с семьей. На легковом автомобиле.*** *За несколько километров от Ачинска Валерий Иванович попал в ситуацию экстремальную — иначе не назовешь. Он вдруг увидел, как встречный «Москвич», перелетев на его полосу, стремительно начал приближаться...* (Из газеты).

С.Б. Донгак

НАРУШЕНИЕ КРИТЕРИЯ УМЕСТНОСТИ. См. Ошибки стилистические.

НАРУШЕНИЕ ЛЕКСИЧЕСКОЙ СОЧЕТАЕМОСТИ — разновидность лексических ошибок, заключающаяся в нарушении говорящим правил соединения слов в словосочетание в соответствии с их значением. Лексическая сочетаемость определяется семантикой слова, его эмоционально-экспрессивной окраской, принадлежностью к тому или иному стилю речи. При построении словосочетания слова должны подбираться в соответствии с присущим им в литературном языке значением и стилистическими особенностями. Если это правило нарушается, возникает ненормативное словосочетание: ***Разницы*** *в качестве продукции не найти не только принципиальной, но даже* ***микроскопической*** (чтобы исправить возникшую ошибку в словосочетании «микроскопическая разница», прилагательное со значением «видимый только в микроскоп» следует заменить на «мизерный», «незначительный» и т.п.). Данная разновидность лексической речевой ошибки представляет собой отклонение от языковой нормы с точки зрения точности выбора компонентов словосочетания или предложения: *Примерно такой* ***гимн поднят*** *всеми СМИ России по поводу выплаты долгов бюджетникам* (КР, 31 янв. 1998 г.). Гимн не может быть поднят, он может быть исполнен, сыгран (Ср.: поднять шум, крик, гвалт и т.п.). *Губернатор* ***обильно общался*** *с местными предпринимателями* (СГ, 8 дек. 1998 г.). Обильно поливают грядки, а общаться можно много, долго и т.п.

Сочетаемость слов определяется законом семантического согласования: компоненты словосочетания не должны иметь противоречащих сем (минимальных смысловых компонентов в структуре лексического значения слова). Напр., глаголы или прилагательные, обозначающие действие или свойство живого существа, в прямом (непереносном) значении могут сочетаться только с одушевленными существительными; глаголы со значением «потреблять пищу» сочетаются в прямом значении только с именами субъектов действия — существительными, обозначающими человека и животных. В противном случае либо нарушается норма и возникает ошибка, либо переосмысляется один из компонентов сочетания: *Весной* ***деревья оживают*** *и* ***пьют*** *воду своими корнями*. В этом случае речь идет о стилистическом приеме Олицетворения (см.).

Нарушение границ лексической сочетаемости может быть вызвано контаминацией (смешением, наложением) внешне похожих словосочетаний. Так, в выражении *удовлетворять современным потребностям* смешаны два словосочетания: «удовлетворять требованиям» и «отвечать потребностям». Примерами подобных контаминаций могут служить словосочетания: *предпринять меры* (правильно: принять меры — предпринять шаги), *заслужил известность* (правильно: приобрел известность — заслужил уважение), *не играет значения* (правильно: не играет роли — не имеет значения).

Ограничения лексической сочетаемости часто объясняются наличием в языке разных лексико-семантических вариантов одного и того же слова. К примеру, слово «глубокий» в значении «имеющий большую глубину, находящийся на большой глубине» обладает большими возможностями лексической сочетаемости (глубокая река, колодец, яма и т.д.). Однако это же слово в значении «достигший предела, полный» сочетается с ограниченным количеством существительных (глубокая осень, зима, ночь, покой, тишина, старость и т.д.). При этом ошибочными являются сочетания *глубокое лето*, *глубокое утро*, *глубокая зрелость*.

Причиной ограничения лексической сочетаемости иногда оказывается закрепление слова за устойчивыми выражениями. Напр., *бархатный сезон* — «осенние месяцы на юге». В данном выражении невозможно заменить слово «сезон» другим близким по смыслу словом, поскольку в таком случае будет разрушен устойчивый оборот.

При употреблении слов, которые имеют предельно ограниченные возможности лексических связей, нарушение границ лексической сочетаемости может стать причиной комического звучания речи: *отъявленные специалисты* (ср.: отъявленные негодяи), *достигнутые недостатки* (ср.: достигнутые успехи), *удрученные опытом* (ср.: удрученные несчастьем), *вопиющие достижения* (ср.: вопиющие нарушения) и т.п. В таких случаях искажается смысл фразы, наносится ущерб стилю.

В художественных и публицистических произведениях границы сочетаемости могут быть существенно расширены. Нарушение норм лексической сочетаемости в таком случае может стать ярким стилистическим приемом.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

НАРУШЕНИЕ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ. То же, что Ошибки в выборе порядка слов в предложении.

НАРУШЕНИЕ РАСПОЛОЖЕНИЯ ЧАСТЕЙ В СЛОЖНОМ ПРЕДЛОЖЕНИИ. См. Ошибки в построении сложного предложения.

НЕБЛАГОЗВУ́ЧИЕ, или **КАКОФО́НИЯ** (от греч. kakos — дурной и phone — звук) — нарушение Эвфонии (см.), состоящее в неоправданном употреблении звуков (их беспорядочном, хаотическом нагромождении, концентрации, скоплении, повторении одинаковых в звуковом отношении частей слов) и связанное с утратой эстетического вкуса (вызывающее отрицательную эстетическую реакцию у читателя или слушателя).

Н. создается:

1) скоплением гласных: *Далеко не в у**ю**тном помещении **ю**тилась **Ю**лия Сергеевна — учитель со стажем; **А у А**нны Карениной...*;

2) повторением одинаковых согласных:

*Ч**т**о-**т**о **т**аи**т** **т**ам **Т**аисья Ивановна?*

3) концентрацией шипящих: *Спра**ш**ивали ли вы себя во время очередной предвыборной кампании: как часто мы слы**ш**им ло**ж**ь, чувствуем фаль**ш**ь в замечательней**ш**их **ш**окирую**щ**их всех программах буду**щ**их губернаторов, мэров, депутатов и т.д. и т.п.;*

4) употреблением рядом или повторением одинаковых в звуковом отношении частей слова: *Доп**рос рос**лого парня продолжался*;

5) звукосочетанием на грани двух смежных слов, неприятным для слуха (см. Стык):

На горных главах луч палящий
***Кору ль ль**дяную растопил,*
***Земли ль** из сердца ключ шипящий*
Истоки тайные пробил?
(А. Майков)

6) случайным стечением звуков, при котором конец одного слова и начало следующего за ним или два стоящих рядом слова образуют новое слово, изменяющее смысл фразы (см. Сдвиг):

Ты не мучь напрасно взора,
*Не придет он, так **же вот** (живот)*
Как на зимние озера
Летний лебедь не придет.
(И. Уткин)

Часто нарушение эвфонии вызывает нежелательные, грубые, непристойные ассоциации (см. Какология). Например: *просрачивать* вместо *просрочивать*; *ксерить* вместо *ксерокопировать.*

Лит.: **Квятковский А.П.** Поэтический словварь. М., 1966; **Кожина М.Н**. Стилистика русского языка: Учеб. для студентов пед. институтов. М., 1993; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Хазагеров Т.Г., Ширина Л.С.** Общая риторика: Курс лекций; Словарь риторических приемов. Ростов н/Д, 1999.

А.А. Кузнецова

НЕМОТИВИРОВАННОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НЕЛИТЕРАТУРНОЙ ЛЕКСИКИ (жаргонизмов, диалектизмов, просторечной лексики и профессионализмов) в книжных стилях Литературного языка (см.) — это Стилистические ошибки (см.), являющиеся нарушением коммуникативно-прагматической нормы (см. Речевые ошибки) и обусловленные отсутствием у говорящего/пишущего четких представлений об этих нормах. Напр., немотивированное использование областных слов и выражений в языке газеты: *Приходят, когда вздумается, уходят, когда **схочется*** (ср. с литературным «захочется») (АиФ, 25 окт. 1998 г.)*; До прекращения движения по **зимнику** остается каких-то двадцать дней* (ср. с литературным «дорога по снегу») (Труд, 18 марта 1996 г.). Примеры неоправданного использова-

ния просторечной лексики (вульгаризмов): *Увидев, как Китано* ***отфигачил*** *веником по макушке своего помощника, Лена обескураженно покрутила пальцем у виска* (ср. «поколотил», «избил») (МК, 10-17 дек. 2003 г.).

Весьма частотны случаи немотивированного использования жаргонных слов. Напр.: *Четыре рождественские суперпрограммы на приобретение самых популярных моделей пейджеров. Контракт от 49 $. В подарок — новая* ***«убойная»*** *молодежная комедия ужасов «Рука-убийца» от концерна ВидеоСервис* (Афиша. № 1. 2000 г.); *Поглазеть на Земфиру, подышать уфимским «свежим ветром»* ***притрюхалась*** *вся* ***крутая*** *знать из хоть и покрытой тиной, но бездонной попс-заводи* (МК, 13—20 апр. 2001 г.).

К данному типу ошибок относят также неоправданное использование профессиональных слов и выражений: *Зеленин пришел к выводу, что для* ***пластики*** *необходимо использовать ткани самого пациента, не нарушая их физиологическую целостность* (МК, 29.10—05.11.1998 г.) (здесь «пластика» — пластическая операция); *Люки забиваются каучуком и без* ***разблачивания*** *крышек люков невозможно осуществлять контроль* (КП, 27.03.2003 г.) (ср. с литературным «разблокирования»).

Частая встречаемость этого типа речевых ошибок связана с общей тенденцией к Вульгаризации речи (см.), наблюдаемой в современной общественно-речевой практике.

Лит.: Культура русской речи: Учебн. для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993.; **Крысин Л.П.** Эвфемизмы в современной русской речи // Русский язык конца XX столетия. М., 2000; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Львов М. Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Сенкевич М.П.** Культура радио— и телевизионной речи, М., 1997; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-метод. бюл. Красноярск, 1998. № 3.

А.В. Баринова

НЕОПРАВДАННОЕ УПОТРЕБЛЕНИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ СЛОВ — лексико-стилистическая ошибка, связанная с немотивированным употреблением иноязычной лексики. Неоправданное введение в текст заимствованных слов наносит ущерб стилистической оформленности речи.

Так, например, использование заимствований вместо русских слов в художественной речи лишает ее выразительности и разнообразия: *В старину все деревенские новости* ***концентрировались*** *у колодца...* (вместо: *собирались у колодца*); *Я хорошо помнил* ***модуляции*** *ее голоса* (вместо: *как звучал ее голос*).

Злоупотребление заимствованными словами, имеющими ограниченную сферу употребления, нежелательно и в текстах других стилей. Часто авторы научных работ перегружают тексты иноязычными терминами, в то время как существуют термины и терминологические сочетания, более привычные и хорошо понятные читателям. Не оправданно, напр., использование непереведенных иноязычных терминов *импеданс* (вместо: *полное сопротивление*), *свип-генератор* (вместо: *генератор качающейся частоты*) и т.п.

Следует обращать внимание на мотивированность употребления заимствованных слов, если у них есть русские эквиваленты с точно таким же значением: *квалитетный — качественный*, *консалтинговый — консультативный*, *консенсус — согласие*, *эксклюзивный — исключительный*, *презентация — представление* и др. Нередко употребление заимствований отвлекает от истинного смысла высказывания. Так, напр., использование в речи слова *киллер* перестало восприниматься негативно и сделало убийство профессией.

В газетных и журнальных публикациях недопустимо употребление иноязычной лексики со специальным значением, непонятной широкому кругу читателей: *Зачем же нашему театру нужна эта* ***фрейдистско-культуртрегерская*** *окрошка, сваренная из озарений* ***клипового*** *мышления и откровений компьютерного* ***камлания;*** *Парламентарии Иркутской области запретили исполнительной власти продавать свою долю в* ***аффилированной*** *компании «Сиданко»-«РУСИА Петролеум».*

Грубые лексические ошибки возникают при употреблении заимствованных слов без учета их значения. Напр.: *Дружная игра нашей команды не позволила шведским хоккеистам добиться успеха в* ***дебюте*** *матча* (следовало написать: в начале матча).

С употреблением заимствованных слов может быть связана и речевая избыточность. В этом случае рядом с заимствованием используется русское слово, близкое по смыслу или полностью его дублирующее: *внешний антураж*, *свободные вакансии*, *хронометраж времени*, *сервисное обслуживание*, *единый монолит* и т.п.

Следует заметить, что часто заимствования приходят вместе с объектом (предметом), который они обозначают. В таком случае употребление таких слов оправданно. Напр., у таких слов, как *компьютер*, *Интернет*, *картридж*, *винчестер*, *риэлтор* и мн. др. просто не существует русских эквивалентов. Однако перегруженность текста такими словами является стилистическим недочетом, так как существенно затрудняет его восприятие, становится препятствием для понимания смысла.

Лит.: **Галь Н.** Слово живое и мертвое: Из опыта переводчика и редактора. М., 1979; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997.

А.В. Щербаков

НЕОПРАВДАННЫЙ ПРОПУСК СЛОВ ИЛИ ЧАСТЕЙ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. То же, что Неоправданный эллипсис.

НЕОПРАВДАННЫЙ ЭЛЛИПСИС — одна из Грамматико-синтаксических ошибок (см.), состоящая в пропуске одного или нескольких членов предложения, в результате чего возникают сложности в понимании смысла предложения. Напр.: *Он эгоист. Всего дороже собственная натура* (Из письменной работы учащегося) (пропущено местоимение «ему»); *Не сразу автор вводит Мастера в роман, предоставляя читателю познакомиться с характерами героев, противопо-*

ложных Мастеру (из сочинения) (пропущено слово «возможность» в устойчивом сочетании «предоставлять возможность»); *Человеку трудно оставить то, где он родился и вырос* (из сочинения) (ср.: «то место»). Иногда Н. э. может привести к комическому эффекту: *Делаем только срочные переломы* (из объявления на двери рентгенкабинета), вм.: «...снимки срочных переломов»; *За ударную работу меня наградили Доской почета* (из автобиографии), вм. «...мою фотографию поместили на Доску почета».

Н. э. следует отличать от эллипсиса как речевого явления, свойственного, главным образом, разговорной речи, а также от эллипсиса как стилистической фигуры (см. Эллипсис).

Лит.: **Алгазина Н.Н**. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; **Горбачевич К.С**. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; **Львов М.Р**. Словарь-справочник по методике русского языка М., 1997; **Сенкевич М.П**. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ОДНОРОДНОГО РЯДА. То же, что Ошибки в построении предложений с однородными членами.

НЕПРАВИЛЬНОЕ ПОСТРОЕНИЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ. См. Ошибки в построении простого предложения и Ошибки в построении сложного предложения.

НЕПРАВИЛЬНОЕ СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЕ – разновидность лексических ошибок, заключающаяся в употреблении слова в несвойственном ему значении.

Неправильный выбор слова делает речь неточной: *Несмотря на* ***приличный*** *боковой ветер, вода попадала туда, куда нужно* (СГ, 4 июля 1998 г.) (Вместо слова «приличный» лучше употребить прилагательное «сильный»; приличный — это «пристойный», «подобающий, уместный»). Н.с. может изменять значение высказывания: *Уже тогда отмечалась ее склонность к* ***суициду****. А в апреле 97-го она повздорила с ровесницей из-за каких-то сплетен. Ссора закончилась* ***убийством*** (ВК, 23 дек. 1997 г.). Очевидно, что вместо слова «суицид» («самоубийство») уместнее употребить, напр., слово «агрессия».

В таких случаях можно говорить об использовании слова без учета его семантики из-за незнания или из-за небрежного отношения к построению фразы.

Ошибки, связанные с Н.с., порождают неясность высказывания, искажают смысл, дают повод для двоякой интерпретации всего текста, а иногда приводят к абсурдности.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по

правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

НЕСНЯТАЯ ОМОНИМИЯ$_2$ — речевая ошибка (недочет), заключающийся в неоднозначности высказывания, фразы, возможности их двоякого понимания из-за употребления слов, имеющих Омонимы (см.), в контексте, не уточняющем значения этих слов. Н.о. затрудняет правильное понимание речи.

Напр.: *Наша шахматистка* ***отстала*** *от соперницы* ***в развитии***; *В этом году наш коллектив наладил творческий контакт с* ***НИМИ*** (вместо... *с Научно-исследовательским институтом молочной торговли и промышленности*).

Двусмысленность может возникнуть из-за омоформии (*И снова* ***простой*** — сущ. м.р. им. пад. или прилаг. м.р. ед.ч.?), омографии (***Все*** *это знали — всё* или *все*?), омофонии (***В схожести*** *двух разных растений выражается равноценность их свойств* — слышится *всхожесть*, и это провоцирует ошибочное понимание).

Лит.: **Ахманова О.С**. Словарь омонимов русского языка. 3-е изд. М., 1986; **Колесников Н.П.** Словарь омонимов рус.яз. М., 1978; **Арсеньева М.Г., Строева Т.В., Хазанович А.П.** Многозначность и омонимия. Л., 1966; **Виноградов В.В.** Об омонимии и смежных явлениях // ВЯ. № 5. 1966; **Касаткин Л.Л.** Омонимы // Краткий справочник по современному русскому языку. М., 1995; **Крысин Л.П.** Омонимы // Энциклопедический словарь юного филолога. М., 1984; **Михайловская Н.Г**. К проблеме межстилевой омонимии // РЯШ. № 4. 2002; **Ожегов С.И.** О критериях объективного определения омонимов // РР. 2003. № 1; **Шмелев Д.Н.** Омонимия // Языкознание: Большой энциклопедический словарь. М., 1998; **Шмелев Д.Н.** Омонимия. Омонимов словари. Омонимы // Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

О.Н. Емельянова

НЕСНЯТА́Я ПОЛИСЕМИ́Я$_2$ – нежелательная многозначность слова в предложении, фразе. Н.п. ведет к затруднениям в понимании смысла высказывания. При неудачном употреблении многозначного слова возникает двусмысленность высказывания (см. Двусмысленность): появляется возможность двоякого осмысления речи. Например: *Наше предприятие* ***представляло*** *научно-техническую выставку за рубежом.* (Слово *представляло* может означать *демонстрировало*, но может означать и *воображало, воспроизводило в мыслях*.)

Миллиарды людей ***теряются*** *из-за отсутствия информации в транспорте, на улице, в магазине.* (Слово *теряются* может быть понято и как *пропадают, исчезают*, и как *лишаются самообладания, уверенности — в незнакомом месте.*)

В оставшийся месяц года коллектив предприятия электрических сетей обязался работать с еще большим ***напряжением****.* (Автор, имея в виду *обязательство работать с еще большей сосредоточенностью и вниманием*, не учел, что в данном случае слово *напряжение* может быть понято и в другом его значении — *электрическое напряжение*.)

Ребенок требует ***ухода*** *матери.* (Скорее всего, фраза имеет смысл: *ребенок нуждается в заботе матери, в том, чтобы мать за ним ухаживала*, но возможно и другое понимание: *ребенок хочет, чтобы мать ушла*.)

Мы с мужем живем небогато, ***на одну зарплату****.* (Фраза может означать как то, что *только один из супругов получает зарплату*, так и то, что *у супругов нет других источников дохода, кроме зарплаты*.)

Люди увидели в нем ***доброго*** *руководителя.* (Слово *добрый* может иметь и значение *хороший*, и значение *делающий добро другим, отзывчивый*.)

Археологи заметили, что покойники из северного захоронения ***перекликаются*** *с покойниками из южного захоронения.* (Употребляя слово *перекликаться*, автор имел в виду его переносное значение: *быть сходным по каким-н. признакам*, однако прямое значение этого слова — *крича, давать знать о себе друг другу* — актуализировавшись, придало фразе абсурдный, комический смысл.)

В многозначных словах выделяются о с н о в н ы е (первичные) значения, характеризующиеся наибольшей частотностью и минимальной зависимостью от контекста, и н е о с н о в н ы е (вторичные) значения, менее частотные и всегда обусловленные контекстом. Если фраза построена без учета того, что многозначное слово, употребленное в переносном значении, может восприниматься адресатом в основном, прямом значении, в речи могут возникать непреднамеренные каламбуры, двусмысленность. Напр.: *При резком торможении автомобиля инерционный ремень* ***намертво*** *прижимает водителя или пассажира к спинке сиденья.*

М. Горький, редактируя рукопись начинающего автора, о предложении *«Дробью рассыпался пулемет»* иронически заметил: «Простодушный читатель может задуматься: как же это — стреляет *пулями*, а рассыпается *дробью*?» (Русские писатели о языке. Л., 1954. С. 704.) Выражение *рассыпаться дробью* употреблено автором в переносном значении, а контекст позволяет понять его в прямом значении.

При близком соседстве полисемичных слов возникает неуместный комизм: *Водопроводная* ***система*** *часто выходит из строя, а у ремонтников нет никакой* ***системы****.*

При употреблении многозначных слов неоправданный эллипсис (пропуск слова) нередко вызывает неясность высказывания. Напр.: *Наша шахматистка* ***отстала*** *от соперницы* ***в развитии****.* (Неуместный каламбур возник вследствие неоправданного пропуска зависимого слова при многозначном слове «развитие»: следовало сказать «в развитии фигур»).

Выбейте *мне мозги.* (Фраза покупателя у кассы в магазине.)

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Лазаревич Э.А., Абрамович А.В.** Практикум по литературному редактированию. М., 1986.

О.Н. Завьялова

НЕУДАЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИХ ПРИЁМОВ — не мотивированное авторским контекстом и стилистическим заданием употребление стилистических приемов, нарушающее структурно-языковую, коммуникативно-прагматическую или этико-речевую норму.

Напр., в статье, посвященной проблеме вымирания деревни, автор использует Парентезу (см.) и Умолчание (см.), создающие прием аллюзии, в оценочной (иронической) функции. Однако, учитывая тему статьи и окружающий контекст, иронию и юмор можно считать неуместными, так как в тексте нарушается этико-речевая норма (проявляется неуважение к одинокой бабушке):

Марс был пуст, точно выметен. Причем выметен, видно, мгновенно. Будто смерч прошел. Избы стояли незаколоченные, живые занавесочки еще покачивались на окнах. Колодцы открыты. Аккуратные поленницы сулили — только кому? — печной жар, спасение от подступающей зимы. Заметил даже свежий фикус и приличную швейную машинку, брошенную, видимо, впопыхах. Кажется, еще не придумали тогда нейтронной бомбы, а ее чумное действие стояло перед глазами: люди вымерли. У околицы единственная живая душа — бабушка с топором ***(что-то Раскольников задерживается...)*** *не прояснила картину: была глуха и равнодушна к всеобщему исчезновению из жизни. Да болтался на шесте труп ворона — пугало над Марсом. Да мелькнул в перелеске за деревней парнишка, что-то высматривающий на пустынной дороге. Никогда, ни до, ни после, мне не приходилось видеть таких пугающих следов бега от опостылевшей жизни* (РГ, 14 ноября 1998 г.).

В следующем примере парцелляция «разрывает» составное глагольное сказуемое, что ослабляет актуализацию последнего парцеллята.

Пока мы служим, страна может. Спать. Спокойно (ВК, 20 февр. 1998 г.).

Неудачный звуковой повтор, ведущий к нарушению акцентологической нормы, наблюдаем в заглавии:

*Налетай, торо****пись****, покупай живо****пись*** (МК, 6—13 сент. 2001 г.)

Неудачным может быть и нагромождение Стилистических фигур (см.). «Фигуры полезны главным образом тем, что устраняют скуку обыденной и всегда однообразно построенной речи и избавляют нас от речи вульгарной, — отмечал Квинтилиан. — Если пользоваться ими умеренно и когда этого требует существо дела, как бы посыпая речь приправой, то последняя станет приятнее; но если злоупотреблять фигурами, то речь потеряет эту самую прелесть разнообразия» (Античные теории языка и стиля, 1996. С. 278).

По мысли Феофраста, «однообразие и сплошное употребление фигур придает речи ребяческий и как бы поэтический характер. Поэтому это непригодно в серьезной речи. Представляется неуместным, чтобы человек, серьезно относящийся к делу, забавлялся словами и формой своей речи, уничтожал ее пафос, так как такая речь расхолаживает слушателя» (Античные теории языка и стиля, 1996. С. 277).

Стилистически мотивированное (уместное, целесообразное) использование приемов — необходимое условие эффективной речи, а формирование навыков удачного употребления приемов — одна из задач педагога-филолога.

См. также Неудачное использование тропов.

Лит.: Античные теории языка и стиля (Антология текстов). СПб., 1996; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Горбунов А.П.** Язык и стиль газеты (Из творческой лаборатории публициста). М., 1974; **Клушина Н.И.** Этические границы языковой игры // Журналистика в 2001 году: СМИ и вызовы нового века: Тезисы научно-практической конференции. Часть X. М., 2002. С. 6—8; **Москвин В.П.** Стилистика русского языка: Приемы и средства выразительной и образной речи (общая классификация). Волгоград, 2000; **Муравье-**

ва Н.В. Риторические средства: от практики к теории и обратно // Речевое общение: Специализированный вестник / Краснояр. гос. ун-т. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000; **Панов М.И.** Фигуры // Педагогическое речеведение: Словарь-справочник. М., 1998; **Суджин Е.М**. Некоторые явления в употреблении тропов в современных русских газетах (в культурологическом аспекте) // Пути и средства формирования языковой и речевой культуры: Сб. науч. тр. Иваново, 1999. С. 78—83.

Г.А. Копнина

НЕУДАЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ТРОПОВ — Речевые ошибки (см.), связанные со стилистически неоправданным использованием Тропов (см.). Неудачная образность — достаточно распространенная ошибка, которая может возникнуть из-за нагромождения Метафор (см.), Перифраз (см.), Эпитетов (см.), Сравнений (см.), создающих лишь орнаментальность в речи, перегружающих текст, что приводит к высокопарному звучанию, ложному пафосу и, как следствие, к неуместному комизму: *И если бурный ветер рвал на части и разносил по простору площади фразы скорби и слез, то он не сравнялся с восторгом побеждающей жизни, и сотни медных труб покрыли этим восторгом тысячеголовые толпы народа...; Двое, имя которым — команды, вышли на ледяную сцену, чтобы в стремительном диалоге, на языке хоккея поспорить, кто из них сильнее, умнее, мужественнее, благороднее; Монтажники пересекли экватор монтажных работ.*

Противоречивость тропов, соединенных в одно высказывание, ведет к нарушению единства образной системы: *Похмелье и налоги — два бремени в одном новогоднем флаконе; Дума — такие же люди: от цвета науки до бездарности. Слепок с большого общероссийского котла.*

Употребление тропов в жанрах, исключающих экспрессивность (напр., в протоколе, заявлении, отчете и т.д.), приводит к смешению стилей: *Следствием установлено, что самовольно отчужденный автомобиль вследствие нарушения угонщиком правил дорожного движения унес две молодые жизни; Дарам земли обеспечена хорошая сохранность.*

К неудачной образности может привести отсутствие объективного сходства, сближаемых в тропе предметов. Слова, используемые в тропах, должны сочетаться и в своем прямом значении. Примеры неудачных сравнений: *Лужков* ***многолик, как Янус****, и многорук, как Шива; Она была наивна как ребенок и* ***чувственна как лисица****; Выкрикивая наигранно-сладкие фразы, он был похож на* ***страуса, воркующего у своего гнезда****; Телецентр выглядит не просто большим, он подавляет,* ***как слон, зашедший в курятник****;* метафор: *Ребята очень любят музыку и танцы. Любят страстно, ненасытно. И каким же* ***половодьем разлилась*** *по стране, по селам* ***художественная самодеятельность!****;* ***Мглистый воздух****, как в раскаленной печи, и до того сух, что, кажется, вот-вот* ***рассыплется на миллион кусков****; Обезвредить преступника удалось только тогда, когда его* ***преступный интеллект дал течь****; Его сценический* ***язык чрезвычайно плотен****; Конечно, за универсальную качественную одежду от зарубежных производителей придется заплатить достойную цену. Однако, уверяем вас, эффект будет блестящий.* ***Глаза вашего сынишки и дочурки будят долго светиться яркой ребячьей радостью****;* ***Скоро новые «Газели» начнут топтать асфальт городских дорог****;* неудачные перифразы: *Как известно, в начале 2003 года Большой театр*

закроют на реконструкцию, которая продлится 3 года. Но это совсем не значит, что москвичи и гости города будут лишены удовольствия посещать спектакли ***этого высочайшего очага культуры****; Аргосскому царю Акрисию оракул предсказал, что он погибнет от руки своего внука. Чтобы избежать смерти, царь заточил свою дочь Данаю в медную башню, куда проник Зевс, просыпавшись золотым дождем.* ***От этого атмосферного явления и родился сын Данаи Персей****.*

При употреблении тропов, необходимо соблюдать закон эстетического соответствия сближаемых понятий. Стилистическая ошибка может возникнуть при несоответствии эстетической оценки сопоставляемых предметов: *Он стоял на* ***пьедестале почета*** *и сжимал медаль своими* ***грубыми, заскорузлыми пальцами*** *и не чувствовал металла...; Над селом Узянбаш, растирая онемевшие суставы, опускались сумерки; Наносомы доставляют про-ретинол А, мощное средство против морщин, глубоко в эпидермис, д****ействуя в самом сердце морщин****. Даже самые выраженные морщины заметно сокращаются; Тогда разгневанная женщина схватила в руку металлический прут, лежавший у печки, и с размаху ухнула по голове своего миленка. Тот, как подкошенный стебелек, рухнул на пол.*

Разрушение образного значения тропов (проявление основного, необразного значения слова) — одна из самых грубых стилистических ошибок, которая приводит к неуместному комизму, каламбуру: *28 сентября мы опубликовали в «толстушке» фотографии самых красивых девушек страны,* ***грудью положивших себе путь*** *в российский финал престижного международного конкурса «Супермодель Мира»;* ***Подземные богатыри*** *в четвертом квартале вышли на* ***более высокие рубежи****.*

Разрушению образного значения противоположна другая ошибка — «невольные тропы». В результате авторской небрежности в сознании читателя возникает образ, неоправданный контекстом. Наиболее частотны «неуправляемые» олицетворения: *Дешевое газовое* ***топливо*** *усиленно* ***шагает*** *по Белоруссии;* ***Ураган слизнул*** *с лица Москвы 100 тысяч деревьев; Если ваша* ***шуба попала под дождь****, повешайте ее на вешалку; Трудно сказать, по ошибке или с умыслом* ***залетают снаряды*** *на территорию дагестанских сел;* ***Лужниковское поле****, на котором со следующего сезона будут играть сразу две команды — «Спартак» и «Торпедо-Лужники», с раздвижной суперкрышей и переоборудованными трибунами уже в сентябре* ***переплюнет*** *все стадионы мира;* метафоры: ***История прически уходит корнями в глубокую древность****; Бархатные ручки — одно из главных орудий женщин. Мягкая, гладкая кожа рук и* ***безупречные ноготки сразят любого мужчину****;* метонимии: *В правительстве забастовка —* ***министры плюнули*** *на портфели;* синекдоха: *Инженерная* ***мысль проникла*** *в канализационную систему* и т.д. Неоправданно возникающая в подобных случаях «образность» придает высказываниям комизм, искажает его смысл.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М.,2001; **Горбунов А.П.** Язык и стиль газеты. М., 1974; **Муравьева Н.В.** Риторические средства: от практики к теории и обратно // Речевое общение. Вып. 2 (10). Красноярск, 2000; **Сенкевич М.П.** Практическая стилистика русского языка и литературное редактирование. М.,1980.

Т.Р. Петрат

НЕУДАЧНОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ФОРМУЛ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА — не мотивированное интенцией (намерением) говорящего/пишущего и контекстом и/или ситуацией употребление формул речевого этикета, нарушающее этико-речевую норму. Напр.:

Наконец, когда завтрак подходил к концу и подали инжир, генерал весьма развязно обратился ко мне:

— Вечером мы собираемся пообедать у меня, ***ты тоже приходи****, там поговорим.*

Подобное хамство показалось мне нестерпимым и заслуживающим возмездия (А. Уткин) — неуместное обращение на *ты* в официальной обстановке.

— Ба, ба, ба! *— вскричал он (Ноздрев) вдруг, расставив обе руки при виде Чичикова. —* ***Какими судьбами?***

Чичиков узнал Ноздрева, того самого, с которым он вместе обедал у прокурора и который с ним в несколько минут сошелся на такую короткую ногу, что начал уже говорить на «ты», хотя, впрочем, он со своей стороны не подал к тому никакого повода (Н. Гоголь) — неудачный выбор формул приветствия: «Ба, ба, ба!» и «Какими судьбами?», носящих фамильярный характер и допустимых в общении между близкими людьми.

Лит.: **Акишина А.А., Формановская Н.И.** Русский речевой этикет. М., 1978; **Введенская Л.А., Павлова Л.Г., Кашаева Е.Ю.** Русский язык и культура речи. Ростов н/Д, 2000; **Гольдин В.Е.** Речь и этикет. М., 1983; Культура русской речи / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Формановская Н.И.** Речевой этикет и культура общения. М., 1989.

Г.А. Копнина

НЕУДАЧНОЕ СЛОВООБРАЗОВАНИЕ, или **НЕУДАЧНЫЕ ОККАЗИОНАЛИЗМЫ** — такие новые слова или выражения, создаваемые говорящими и пишущими в процессе речевой коммуникации неосознанно или намеренно, которые противоречат законам русского словообразования, являются неблагозвучными, неудобопроизносимыми или содержат речевые ошибки. Напр.: *Vlanta Красноярский завод жалюзи — первенец* ***жалюзистроения*** (из рекламы в газете) — словосочетание «первенец жалюзистроения», построенное по аналогии с известными штампами советской эпохи, содержит неудобопроизносимое слово с ненормативным сочетанием (существительное «жалюзи» и глагол «строить» не сочетаются по смыслу); *Не тормози —* ***сникерсни*** (из телевизионной рекламы*)* — форма «сникерсни», созданная по существующей в русском языке модели образования глагольной формы повелительного наклонения (тормозни, крутани), не соотносится ни с одним русским глаголом и потому является неправильной, кроме того, сочетание трех согласных звуков: твердого <р> с мягкими <с> и <н> является не совсем благозвучным; ***Вкатывание*** *милиции на правовые рельсы может привести только к одной конечной станции: власти закона* — неологизм «вкатывание» нарушает нормы благозвучия; *Пусть* ***сгибнут*** *все, кто хоть единый раз / поднять посмел на человека руку* (М. Галесник) — нецелесообразно использование неологизма «сгибнуть», т.к. есть нормативные синонимичные глаголы: «погибнуть», «сгинуть».

Лит.: **Кожина** М.Н. Стилистика русского языка. М., 1993; Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Цейтлин С.Н.**, Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

НЕУДАЧНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ — разновидность Лексико-стилистических ошибок (см.), заключающаяся в неоправданном сокращении слов, словосочетаний, названий различных организаций, что приводит к образованию неблагозвучных аббревиатур и сокращений, затрудняет восприятие текста (высказывания).

Наиболее типичной ошибкой, возникающей в результате Н.с., является неблагозвучная аббревиатура. Свойственные русскому языку сочетаемость звуков и соотношение гласных и согласных могут нарушаться при создании сложносокращенных слов. Неблагозвучными могут быть аббревиатуры, в которых преобладают гласные или согласные звуки: ***ЦРМО*** (цех по ремонту металлургического оборудования), ***ЗППП*** (заболевания, передающиеся половым путем), ***ОНОТиУ*** (отдел научной организации труда и управления), ***ПЖРЭТ*** (производственный жилищный ремонтно-эксплуатационный трест). Нередко неблагозвучные сокращения рождают ложные ассоциации: ***Трикотажоптторг*** (объединение оптовой торговли трикотажными изделиями), ***ГРОБ*** (гражданская оборона), ***замкомпомордел*** (заместитель командира по морским делам).

Н.с. могут привести к нарушению в речи этического критерия, став неуместными. Так, например, для большой части населения оскорбительной является аббревиатура ***РПЦ*** (Русская Православная Церковь).

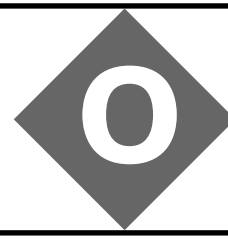
К Н.с. можно отнести случаи аббревиатурной омонимии, когда сокращенное название может быть расшифровано по-разному. Напр.: ***АО*** (акционерное общество, автономный округ, алкогольное опьянение), ***МТС*** (мобильные телесистемы, материально-техническое снабжение, машинно-тракторная станция). В подобных случаях требуется либо удачно организованный контекст, из которого было бы понятно, как именно необходимо читать сокращение, либо расшифровка при первом употреблении сокращенного наименования.

Иногда Н.с. могут вызывать комический эффект. К примеру, после переименования региональных управлений по борьбе с организованной преступностью в региональные управления по борьбе с организованной преступностью и коррупцией аббревиатура ***РУБОП*** сменилась на аббревиатуру ***РУБОПиК***. Причиной комизма стало совпадение финалии аббревиатуры с одним из деминутивных суффиксов русского языка *-ик*.

Во избежание ошибок, связанных с Н.с., необходимо пользоваться только общепринятыми сокращениями и аббревиатурами.

Лит.: **Алексеев Д.И., Гозман И.Г., Сахаров Г.В.** Словарь сокращений русского языка. М., 1977; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ ГРАММАТИКО-МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ — разновидность Речевых ошибок (см.), состоящих в неправильном образовании и использовании различных грамматических форм слов. К наиболее частым Г.-м.о. относятся:

1) нарушения в употреблении форм существительных:

а) неправильное образование форм множественного числа существительных, напр.: *Недавно мы закупили* ***компьютера*** (норма: компьютеры) (из разговорной речи)*; Прочие* ***слога*** *исполняются обычно ровной скороговоркой без заметной акцентировки* (норма: *слоги*) (из объяснения учителя на уроке);

б) выбор неправильного варианта формы рода, напр.: *Мы испекли пирожки с* ***повидлой*** (норма: ...с повидлом) (из детской речи)*; У меня* ***туфель*** *порвался* (норма: туфля) (из детской речи)*;*

в) неверное образование падежных форм: *в детском саде* (норма: ...саду) (из детской речи); *... бумажный российский рубль приравнивался к 0,77* ***грамм*** *чистого золота* (СвГ. 28 окт. — 4 ноября 1997 г.) (норма: ...0,77 грамма)*;*

г) нарушение норм склонения иноязычных фамилий: *Прочитаю письмо Павла* ***Глоба*** (норма: Глобы) (из телепередачи)*; Фильм снят по мотивам повести Аркадия и Георгия* ***Вайнер*** (норма: Вайнеров);

д) склонение неодушевленного существительного с прилагательным как одушевленного: *Эти действия не вдохновили на поддержку ни* ***городских, ни краевых властей*** (нужно: ...ни городские, ни краевые власти) (REN-TV, 10 окт. 2001 г.);

е) склонение существительного, являющегося иноязычным заимствованием и потому несклоняемого: *Продам дачу на Кузнецовском* ***плате*** (из частного объявления) (норма: плато).

2) неправильное употребление форм прилагательных;

а) неверное образование форм кратких прилагательных, напр.: *Федоров был* ***мужественен*** *и решителен* (из сочинения) (в книжной речи лучше: мужествен); *Ваш вывод* ***беспочвенен*** *и необоснован* (из частной беседы) (в книжной речи лучше: беспочвен);

б) ошибки при образовании степеней сравнения: *...город находится* ***в самом тяжелейшем*** *положении за последние пять лет* (Ком. 9 марта 1998 г.) (норма:...в самом тяжелом положении...)*; Младшего ребенка всегда* ***жальчее*** *остальных* (из частного разговора) (данное прилагательное не имеет нормативной формы сравнительной степени);

3) неправильное образование местоименных форм: *Вокруг* ***их*** *разыгрался спор* (из сочинения) (норма: вокруг них); *Сестра старше* ***него*** (из частного разговора) (норма: старше его)*; Разница между* ***ей*** *и впереди идущими спортсменами большая* (Радио России. 15 февр. 1999 г.) (норма: между ней...);

4) ошибки в склонении числительных: *На это было истрачено около* ***четыреста — пятьсот*** *долларов* (Новости ОРТ. 24 декабря 1997 г.) (норма: ...четырехсот-пятисот...); *Космонавты находились на орбите в течение* ***двести пятьдесят четверо*** *суток* (Новости РТР. 5 июля 1998 г.) (норма: ...двухсот пятидесяти четырех...);

5) неправильное образование глагольных форм;

а) ошибки в образовании личных форм глаголов: *Ветер* ***колыхает*** *листву* (из сочинения) (норма: колышет) ; *Им* ***двигает*** *чувство сострадания* (из сочинения) (норма: движет);

б) неверное образование видовых форм глаголов: *Институт* ***организовывает*** *подготовительные курсы* (из объявления) (норма: организует); ***Передавайте*** *им привет* (из частной беседы) (норма: передайте);

в) неправильное образование временных форм глаголов: *Брошюра* ***дает*** *знания об истории календаря,* ***научит*** *делать календарные расчеты быстро и точно* (из аннотации) (следует: ...даст.., научит... или... дает..., учит...); *Эти районы* ***были выделены*** *В.В. Белоусовым и* ***обозначаются*** *разными названиями* (Из ответа ученика на уроке) (следует: ...были выделены и обозначены...);

г) ошибки в образовании действительных и страдательных причастий: *Ручейки воды,* ***стекаемые*** *вниз, поразили нас* (из сочинения) (следует: стекавшие); *Игрушки,* ***выпускающиеся*** *нашей фабрикой, известны далеко за пределами страны* (Новости ОРТ. 14 янв. 1999 г.) (следует: выпускаемые);

д) ошибки при образовании деепричастий: ***Вышев*** *на сцену, артист поклонился* (из сочинения) (норма: выйдя); ***Пиша*** *диктант, нужно быть внимательным* (из письменного ответа ученика) (данная деепричастная форма в литературном языке отсутствует);

6) неправильное употребление наречий: *Он* ***тута*** *уже был* (из частной беседы) (норма: тут);

7) ошибки в употреблении предлогов: *Саша еще не вернулся* ***с*** *института* (из частного телефонного разговора) (норма: из института); *Федорова беспокоит тот факт, что слаба дисциплина* ***среди*** *бригады* (из сочинения) (норма: ...в бригаде);

8) ошибки в употреблении союзов: *Производить удары «ударной бабой» следует резко,* ***но*** *сильно* (КР. 21 апр. 1998 г.) (верно: резко и сильно);

9) ошибки, связанные с употреблением частиц: *Хорошо было бы, если бы на картине, которую выиграет слесарь или врач, колхозник или ученый, стояла* ***бы*** *подпись художника* (ВК. 13 июля 1996 г.) (последняя частица «бы» является лишней); *Преподаватель сказал, что я,* ***мол****, не буду сегодня спрашивать* (из частной беседы) (следует: ...сказал, что не будет сегодня спрашивать).

Г.-м.о. связаны обычно с нарушением закономерностей и правил грамматики. Иногда Г.-м.о. в речи возникают под влиянием просторечия и диалектов.

Лит.: Культура русской речи: Учебн. для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева, М., 1998; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ ГРАММАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ – разновидность Речевых ошибок (см.), возникающих при таком употреблении грамматических форм и таком синтаксическом построении предложений, которые приводят к нарушениям норм стилистики. Напр.: ***Под реализацию этих целей*** *Витте полностью реорганизовал вверенное ему министерство финансов* (СвГ. 28 окт. – 4 ноября 1997 г.) неправильно выбранный вариант управления (норма: для реализации) и неуместное использование не подходящего по своему значению отглагольного существительного придают данному предложению канцелярский оттенок (ср.: «для того чтобы достичь этих целей...»); *Нам пишет слушатель* ***с Владивостока*** (Радио России. 29 мая 1996 г.) – ошибка в управлении придает данному предложению просторечную окраску; ***Ихняя*** *религия – это собственность* (из школьного сочинения) – такая форма притяжательного местоимения является просторечной; *Все были* ***готовые*** *к походу* (из школьного сочинения) – ошибочный выбор полной формы прилагательного вместо краткой в качестве сказуемого придает предложению в целом просторечный характер.

Лит.: Культура русской речи / Учебн. для вузов. Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ В СОГЛАСОВАНИИ – разновидность Грамматико-синтаксических ошибок (см.), нарушение синтаксической координации между подлежащим и сказуемым, а также между определением и определяемым словом.

Существует несколько разновидностей нарушения синтаксической координации между подлежащим и сказуемым, к ним обычно относят:

1. Использование формы множественного числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном собирательным существительным, например: *Молодежь* ***собрались*** *в парке на митинг* (вместо: Молодежь собралась в парке на митинг); *Родня его* ***не любили*** (вместо: Родня его не любила).

2. Ошибочное использование формы множественного числа глагола-сказуемого при подлежащем, выраженном сочетанием «количественно-собирательное существительное + существительное в родительном падеже множественного числа»: *Большинство участников собрания* ***проголосовали*** *за предложенный проект* (следует: ...проголосовало...); *Стая лебедей* ***летели*** *из холодных стран в теплые края* (следует: Стая лебедей летела...).

3. Употребление сказуемого в форме 3-го лица (или среднего рода) независимо от рода и числа подлежащего (встречается обычно в предложениях, где сказуемое стоит перед подлежащим): *Чтобы приносить пользу Родине,* ***нужно****: ...смелость, знания, честность* (вместо.: ...нужны смелость, знания, честность); *Над диваном висит картина. Там* ***нарисовано*** *лес и береза* (следует: ...нарисованы лес и береза).

4. Ошибки в координации сказуемого с рядом однородных подлежащих, например: *На моем попечении* ***была*** *старая бабушка и мой маленький братишка*

(следует: ...были старая бабушка и мой маленький братишка); *Ни один завод, ни одна фабрика* ***не приступила*** *к работе* (вместо: ...не приступили).

Часто встречаются ошибки в согласовании между определением и определяемым словом: *Галина Уланова —* ***одна*** *из крупнейших представителей русской балетной школы* — здесь слово «представитель» ошибочно отнесено к существительным общего рода, тогда как оно является существительным мужского рода и поэтому не может быть согласовано с определением в форме женского рода — (следует: ...один из крупнейших представителей... или ...одна из крупнейших представительниц); *Памятник Пушкину сооружался на* ***собранными*** *народом деньги* — определение, выраженное причастием, не согласовано с подчиненным ему дополнением «деньги» в падеже (следует: ...на собранные народом деньги).

Нарушения норм согласования связаны либо с незнанием говорящими и пишущими некоторых правил грамматики, либо с недостаточной рефлексией в процессе речевой деятельности.

Лит.: **Алгазина Н.Н.** Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; **Горбачевич К.С**. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ СИНОНИМОВ — разновидность лексических ошибок, заключающаяся в неверном выборе одного из близких по значению слов. Обилие синонимов в русском языке требует особенно внимательного отношения к слову. Важно знать не только то, что сближает синонимы, но и то, чем они различаются, так как из множества близких по значению слов часто приходится выбирать единственное, которое в данном контексте будет лучшим и более точным. Ошибки, связанные с неправильным выбором синонима являются причиной неясности и неточности высказывания.

Неудачный выбор синонима является причиной смысловой неточности (в случае с семантическими, или идеографическими, синонимами) или стилистической погрешности слога (в случае со стилистическими синонимами). Так, в одной из газет было написано: *Теперь в нашей печати отводится значительное пространство для рекламы, и это нам не импонирует*. В данном случае вместо слова «пространство» лучше употребить его синоним — место (*Реклама занимает много места в нашей печати* или *Рекламе отводится значительное место в нашей печати*). Иноязычное слово «импонирует» также требует синонимической замены: *...и нам не* ***нравится*** *это*. Другой пример: вместо *Екатерина была* ***поставлена*** *на престол* лучше сказать *Екатерина была* ***возведена*** *на престол*.

Нередко в результате неточного выбора синонима нарушается лексическая сочетаемость (см.: Нарушение лексической сочетаемости): *Князь Андрей* ***искренне*** *влюбляется в Наташу* (искренно можно любить, а влюбляться — сильно, пламенно и т.п.); *Старый моряк вышел на прогулку в своем* ***нарядном*** *кителе* (о кителе лучше сказать *парадный*, нарядным может быть вид моряка).

Часто в речи встречается неоправданное нанизывание синонимов, что приводит к многословию: *Во время сессии трудно приходится тем студентам, у которых много пропусков и прогулов, пробелов и недоработок.* Нанизывание синонимов может привести к ошибкам в построении Градации (см.). Так, знаменитый русский адвокат А.Ф. Кони, описывая выступление плохого оратора, приводит пример: *Господа присяжные! Положение подсудимого перед совершением им преступления было* ***поистине адское****. Его нельзя не назвать* ***трагическим в высшей степени****. Драматизм состояния подсудимого был* ***ужасен****: оно было* ***невыносимо****, оно было* ***чрезвычайно тяжело*** *и, во всяком случае, по меньшей мере,* ***неудобно****.*

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ АКЦЕНТОЛОГИ́ЧЕСКИЕ — разновидность Орфоэпических ошибок (см.), связанная с нарушением норм ударения. Например: *краси́вее* при норме *краси́вее; вероисповеда́ние* при норме *вероиспове́дание; газопро́вод* при норме *газопрово́д; обеспече́ние* при норме: *обеспе́чение.*

Появление акцентологических ошибок обусловлено: 1) такими особенностями русского словесного ударения, как разноместность (способность ударения падать на любой слог слова и на разные морфемы) и подвижность (способность ударения перемещаться с одного слога на другой, с одной морфемы на другую при образовании грамматических форм слова); 2) воздействием диалектов, жаргонов, просторечия.

Наиболее частотными являются ошибки, вызванные взаимовлиянием различных типов ударений, так как в сознании говорящих находятся и слова с неподвижным ударением, и слова с подвижным ударением, поэтому ударение сдвигается с установленного для него нормой места. Так, неподвижное ударение превращается в подвижное: *арбузы́, блюда́, братье́в, верблюда́м, госпиталя́м* при норме: *арбу́зы, блю́да, бра́тьев, верблю́дам, го́спиталям;* и, наоборот, подвижное ударение превращается в неподвижное: *о́рденов, го́лубей, о коза́х, во́лнам, щеку́* при норме *ордено́в, голубе́й, о ко́зах, волна́м, ще́ку и др.*

Лит.: **Аванесов Р.И.** Русская литературная и диалектная фонетика: Учеб. пособие для студентов пед. институтов по спец. «Русский язык и литература». М., 1974; **Агеенко Ф.Л., Зарва М.В.** Словарь ударений русского языка: 82 500 словарных единиц. М., 2000; **Головин Б.Н.** Основы культуры речи. М., 1980; **Горбачевич К.С.** Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; **Лебедева Ю.Г.** Звуки, ударение, интонация: Учеб. пособие. М., 1974.

А.А. Кузнецова

ОШИБКИ В ВЫБОРЕ ПОРЯДКА СЛОВ В ПРЕДЛОЖЕНИИ — расположение слов в предложении, не соответствующее грамматическим нормам русского языка и приводящее к неправильному пониманию смысла предложения. Выделяется несколько типов ошибок, связанных с нарушением порядка слов. Во-первых, это изменение прямого порядка слов, т.е. постановка на первое место в предложении слов, в которых содержится новая или наиболее важная, по мнению автора высказывания, информация (в терминологии актуального синтаксиса — рема), тогда как при прямом порядке слов лексемы, содержащие эту информацию, ставятся после слов, сообщающих уже известные адресату сведения (в терминологии актуального синтаксиса — темы). Обычно при этом происходит перестановка подлежащего и сказуемого. Напр.: ***Моряком*** *я хотел бы стать, когда вырасту* (из письменной работы школьника); нормативный порядок слов: «Я хотел бы стать **моряком,** когда вырасту». *Студенты* ***четко*** *должны усвоить эти понятия* (из учебно-методической статьи), в данном предложении обстоятельство образа действия, выраженное наречием, формально относится не к той части составного именного сказуемого, с которой оно связано по смыслу, ср.: «Студенты должны **четко** усвоить эти понятия». Данный тип ошибок связан со стремлением автора высказывания особо выделить рему.

Другой тип ошибок в выборе порядка слов в предложении возникает при отрыве друг от друга однородных членов предложения: *Проверяйте деньги не отходя от кассы и правильность оформления билетов* (из объявления), в данном предложении однородные дополнения «деньги» и «правильность оформления билетов» оказываются оторванными друг от друга деепричастным оборотом, который по смыслу связан с каждым из них, следует: «Проверяйте **деньги** и **правильность оформления билетов** не отходя то кассы».

Иногда происходит отрыв частицы от того компонента предложения, к которому она относится (обычно частицы ставятся перед теми членами предложения, которые они должны выделять, но эта закономерность иногда нарушается): *В статье* ***всего*** *раскрываются две проблемы* (из письменной работы студента), ограничительная частица «всего» должна стоять перед подлежащим: «...**всего** две проблемы».

Следующая разновидность ошибок в выборе порядка слов в предложении связана с нарушением расположения слов в словосочетаниях, входящих в предложение. Так, согласно синтаксическим нормам построения словосочетания, управляемые члены предложения ставятся после управляющих, в случае нарушения этого правила могут возникнуть следующие ошибки: *Обучаемые знают, что надо самим уметь делать выводы, тем более, если они* ***дело имеют*** *с итоговыми тестами*и (из учебно-методической статьи), норма: «если они **имеют дело**». В соответствии с нормой, несогласованные определения обычно следуют за определяемым словом, иногда этот порядок слов в словосочетаниях нарушается, например: ***У Евгения Базарова*** *в речевом общении явно преобладает стратегия отстранения* (из научно-методической статьи), в данном предложении ошибка в выборе порядка слов совмещается с ошибкой в управлении, следует: «...в речевом общении **Евгения Базарова**»; *Требуются на работу танцовщицы в ночной клуб «Карамболь»* ***не старше 25 лет*** (объявление), несогласованное определение «не старше 25 лет» оказалось оторванным от определяемого слова, следует: «...танцовщицы **не старше 25 лет**».

Если к существительному относятся два согласованных определения, одно из которых выражено качественным прилагательным, а другое относительным,

то качественное прилагательное обычно предшествует относительному. Эта закономерность иногда нарушается, особенно в детской речи, например: *Я вам расскажу о* ***кленовом красном*** *листе*, следует: «...о **красном кленовом** листе»; *В углу бабушкиной комнаты стоит* ***дубовый старый*** *шкаф*, норма: «...**старый дубовый** шкаф».

Ошибки в выборе порядка слов в предложении следует отличать от Инверсии (см.).

Лит.: **Алгазина Н.Н**. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; **Горбачевич К.С**. Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; **Ковтунова И.И.** Современный русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения. М., 1976; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку. М., 1986; Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997. **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПРИЧАСТНЫМИ И ДЕЕПРИЧАСТНЫМИ ОБОРОТАМИ – это разновидность Грамматико-синтаксических ошибок (см.).

Сложности в построении предложений с причастными оборотами обычно связаны с выбором нужной формы причастия, с местом причастия или причастного оборота в предложении, с возможностью/невозможностью замены причастного оборота придаточной частью сложноподчиненного предложения и, наоборот, придаточной части причастным оборотом.

1) Довольно часто возникают ошибки вследствие неправильного согласования причастий с определяемым словом: *Длинноволосая блондинка познакомится с* ***мужчиной, ведущего*** *здоровый образ жизни, желательно с водительскими правами* (Из объявления о знакомстве. СГ. 8 июля 2000 г.) – здесь вместо формы творительного падежа причастия выбрана форма винительного падежа, очевидно, произошла Контаминация (см.) двух моделей подобных объявлений: «ищу мужчину, ведущего...» и «...познакомлюсь с мужчиной, ведущим...»; *На 2-м этапе продолжается исследование возможностей голосового аппарата, где* ***определяющим является*** *тренинговая работа* (из методической статьи) – здесь ошибка в согласовании причастия и определяемого существительного по роду (следует написать: ...определяющей является работа);

2) Иногда причиной подобных ошибок является невнимательное отношение к грамматическим признакам причастия – времени, виду, залогу и связанным с ними оттенкам значения: *Солевой раствор был необходим для дальнейших опытов,* ***проводящихся*** *в лаборатории* (из письменной работы ученика) – в данном примере необходимо выбрать форму страдательного причастия, ср.: «... опытов, проводимых в лаборатории»;

3) Также ошибки возникают при «отрыве» причастного оборота от определяемого слова: ***Полученные*** *студентами* ***знания, умения и навыки*** *в процессе освоения дисциплины «Информатика» позволяют вводить новые технологии в дисциплины коммуникативного цикла* (из методической статьи) – следова-

ло написать: Знания, умения и навыки, полученные студентами...; *На станции Красноярск не налажена должным образом работа по изъятию* ***лиц*** *из общественных мест,* ***занимающихся*** *бродяжничеством* (из протокола) — правильно: ...лиц, занимающихся бродяжничеством. Иногда перенесение причастного оборота в другую часть предложения необходимо для того, чтобы избежать двусмысленности: *Все ждали выступления представителя завкома, присутствовавшего на собрании* — неясно, на собрании присутствовал весь завком или только его представитель (следует: Все ждали выступления присутствовавшего на собрании представителя завкома);

4) Использование причастного оборота вместо придаточной определительной части сложноподчиненного предложения целесообразно в случае:

а) необходимости избежать повторения союзного слова (чаще всего слова *который),* напр.: *Автоматические приборы мартена показывают максимальную температуру,* ***которая*** *дозволена технологической инструкцией,* ***которая*** *была составлена техническим бюро* — следует: *температуру,* ***которая*** *дозволена технологической инструкцией, составленной техническим бюро;*

б) для устранения двусмысленности высказывания, возникающей в случае, когда союзное слово может быть соотнесено сразу с несколькими предшествующими ему словами, ср.: *Комиссия осмотрела* ***общежитие, которому*** *в свое время было уделено много средств и* ***внимания, которое*** *находится в бывшем гараже* — следует: *Комиссия осмотрела находящееся в бывшем гараже общежитие, которому в свое время было уделено много средств и внимания;*

5) Не соответствуют грамматическим нормам и подлежат исправлению предложения, в которых причастный оборот и определительная часть являются однородными: *Арестованный тревожился о семье,* ***взятой*** *под надзор полицией и* ***которую*** *он оставил без всяких средств к существованию,* следует:

Арестованный тревожился о семье, ***взятой*** *под надзор полицией и оставленной без всяких средств к существованию.*

Вызывает затруднение также употребление в современной общественно-речевой практике деепричастных оборотов. Главным требованием, о котором следует помнить при построении предложений с деепричастными оборотами, является то, что и деепричастие, и глагол-сказуемое должны обозначать действие, выполняемое одним и тем же субъектом, обозначенным подлежащим, или относиться к одному и тому же лицу: ***Зайдя*** *в кафе,* ***он встретил*** *приятеля;* ***Выступая*** *публично,* ***нужно говорить*** *громко и четко.*

При нарушении этого требования возникают грубые речевые ошибки: ***Играя*** *в нашем казино, у вас каждый день* ***есть шанс*** *выиграть главный приз — автомобиль* (из рекламы на «Авторадио из Красноярска») — сказуемое *есть* грамматически и по смыслу связано с подлежащим *шанс,* а деепричастие *играя* характеризует действия лица, названного местоимением *вы,* следовало сказать: *Играя в нашем казино, вы каждый день получаете шанс выиграть главный приз.*

Подобные ошибки в книжной речи чаще всего встречаются при следующих условиях:

1) когда подлежащее и сказуемое обозначают такое положение или состояние, которое не зависит от действующего субъекта, названного в предложении: ***Женившись*** *в первый раз,* ***сложности были*** *только вначале* (ВК. № 2, 1997 г.) — следует написать: *Когда я женился в первый раз...*;

2) когда сказуемое безличного предложения выражено возвратным глаголом в страдательном значении или кратким страдательным причастием: ***Покупая*** *макаронные изделия от фабрики «Краскон»,* ***вам гарантировано*** *качество* (из телерекламы) — следует: *При покупке макаронных изделий от фабрики «Краскон» вам гарантировано качество;*

3) в неопределенно-личных предложениях типа *Еще* ***находясь*** *в пути в комфортабельном вагоне, туристов по радио* ***знакомят*** *с городом, его историческими и архитектурными памятниками* — следует: *Туристов, находящихся в комфортабельных вагонах, еще в пути по радио* ***знакомят*** *с городом, его историческими и архитектурными памятниками;*

4) в безличных предложениях типа ***Имея*** *достаточный навык в работе машиниста, мне* ***хочется*** *дать несколько практических советов* — следует: Имея достаточный навык в работе машиниста, я хотел бы...

Норма не нарушается, если в составе сказуемого безличного предложения есть неопределенная форма глагола, с которой и соотносится деепричастие: ***Говоря*** *о достоинствах дипломного сочинения,* ***следует указать,*** *однако, и на отдельные его недостатки.*

Отмеченные выше речевые ошибки легко исправить, если заменить деепричастный оборот обстоятельством, выраженным иными сочетаниями слов, или обстоятельственной придаточной частью (чаще придаточной частью времени) сложноподчиненного предложения: вместо ***Подъезжая*** *к городу, начался сильный ветер* следует: *Когда я подъезжал к городу, ...*или *При подъезде к городу...*

Лит.: **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. М., 1956; **Голуб И.Б.** Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989; **Кохтев Н.Н., Голуб И.Б., Солганик Г.Я.** Практическая стилистика русского языка: Сб. упражнений. М., 1987; **Рахманин Л.В.** Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика». М., 1987; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ.

В построении простого предложения встречаются следующие ошибки: нарушение порядка слов; неоправданный пропуск одного из членов предложения, неточное употребление и местоименное дублирование членов предложения; нарушение синтаксических связей членов предложения (см. Ошибки в согласовании; Ошибки в управлении).

1. В русском языке относительно свободный порядок слов в предложении, связанный как с его грамматическим членением, так и с коммуникативным (актуальным членением предложения). Грамматическое членение диктует выбор определенного следования членов предложения. Коммуникативное членение предложения заключается в выделении темы (уже известной, менее важной информации) и ремы (новой или более важной информации). Можно назвать следующие ошибки, связанные с нарушением порядка слов:

а) Нарушение прямого порядка слов (т.е. помещение ремы на первое место в предложении): ***Моряком*** *я хотел бы стать, когда вырасту* (лучше: *Я хотел бы стать моряком, когда вырасту*); *Хоть* ***маленький*** *подарок, в нем заключается большая дружба* (лучше: *Хоть подарок маленький, в нем заключается большая дружба*). Эта группа относится к ошибкам только условно, так как изменение порядка слов обусловлено стремлением особо выделить рему. Предложения такого рода обычны в устной речи при наличии особого интонационного выделения (логического ударения). В письменной речи такие предложения представляются не вполне правильными, их использование можно отнести к Речевым недочетам (см.);

б) Нарушение нормативного порядка слов в словосочетаниях, не связанное с коммуникативным членением предложения: *Столяр сделал* ***этажерку*** *из дуба* ***с четырьмя ножками*** (правильно: *Столяр сделал из дуба этажерку с четырьмя ножками*). Неудачный порядок слов нередко становится причиной неуместного комизма и абсурдности высказывания: *Бабушка* ***восьми лет*** *отвезла внука на Кавказ* (вместо: *внука восьми лет*); *В универмаге проводится выставка-продажа товаров для мужчин* ***весенне-летнего сезона*** (вместо: *товаров весенне-летнего сезона*). Подобные речевые ошибки чаще всего встречаются в школьных сочинениях и наспех составленных объявлениях;

Нарушенный порядок слов часто затрудняет восприятие фразы, мешает правильному пониманию текста: *Текучесть кадров порождает невнимательное отношение администрации; Семь действующих платформ обслуживают несколько сот человек.* В подобных конструкциях подлежащее по форме не отличается от прямого дополнения, и поэтому рекомендуется на первое место ставить подлежащее (субъект действия, названного глаголом-сказуемым), а лишь затем дополнение (объект). Ср.: *Невнимательное отношение администрации порождает текучесть кадров; Несколько сот человек обслуживают семь действующих платформ*;

в) Отрыв частицы от того компонента предложения, к которому она непосредственно относится: *Веревка была длинная и* ***только*** *не достигала* ***одного угла*** (ср.: *...и не достигала только одного угла*); ***Особенно*** *на меня* ***сильное впечатление*** *произвел дневник Тани Савичевой* (ср.: *Особенно сильное впечатление на меня произвел...*); *В саду толпилась группа мальчиков,* ***также*** *среди них была и девочка в украинской рубашке* (ср.: *...среди них была также и девочка...*); *Вдруг слон* ***стал не*** *слушать хозяина* (ср.: *...не стал слушать хозяина*);

2. Немало речевых ошибок в построении синтаксических конструкций связано с немотивированным пропуском того или иного члена в составе предложения. Такие пропуски нарушают структуру предложения, а иногда искажают и его смысл.

а) Пропуск подлежащего: *Его храбрость, (?) постоять за честь и справедливость привлекают читателей; Языки огня стали ниже и бледнее, и (?) наконец утих; Вдруг он увидел, что (?) близко идет; Гринев ответил, что (?) честный дворянин; Кучер продолжал держать лошадь за повод, и вскоре (?) выбрались на тот берег.*

б) Пропуск сказуемого или его части: *Но вдруг из-за кустов (?) большой тигр; Павлуша был суеверный мальчик, но он был менее (?). чем другие.*

в) Пропуск дополнения: *Данко окинул счастливым взором (?) потом упал и умер.*

г) Пропуск определения: *Прокурор вынес решение (?) на три года в тюрьму.*

д) Пропуск обстоятельства: *Когда Тарас увидел сына, он велел его заманить(?) и там он убил его за предательство своей родины.*

3. Местоименное дублирование членов предложения: *Ставшая популярной вексельная программа банков* ***она*** *успешно работает уже на протяжении двух лет; Пьер Безухов* ***он*** *привез манифест; Герасима по приказанию барыни* ***его*** *привезли в Москву.*

4. К иным ошибкам в построении простого предложения относятся случаи нарушения синтаксических связей членов предложения (см.: Ошибки в согласовании и Ошибки в управлении).

Лит.: **Алгазина Н.Н.** Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б.** Упражнения по стилистике русского языка. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Культура речи. М., 1960; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. М., 1985; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

С.Б. Донгак

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ОДНОРОДНЫМИ ЧЛЕНАМИ — ошибки, заключающиеся в объединении логически неоднозначных, лексически или стилистически несопоставимых компонентов в перечислительном ряду; нагромождение элементов перечисления; неорганизованное построение перечисления; отсутствие согласования однородных членов и опорного (обобщающего) слова и др.

В зависимости от характера нарушений, возникающих при построении синтаксических конструкций с однородными членами, выделяются следующие типы ошибок:

1. Ошибки, возникающие в результате объединения в качестве однородных вещественно неоднородных (несопоставимых) понятий: *Он любил* ***живопись*** *и* ***квашеную капусту****; Он вернулся домой* ***с ребенком*** *и* ***с насморком****.* Объединение в перечислительном ряду слов, лексически далеких друг от друга, делает конструкцию стилистически и грамматически дефектной, нарушающей нормы современного русского языка. Однако при определенном стилистическом задании конструкции подобного рода могут использоваться в качестве экспрессивного средства (см. Зевгма; Силлепсис).

2. Ошибки, возникающие в результате объединения в качестве однородных членов видовых и родовых понятий: *Хозяин принес* ***плоскогубцы****,* ***инструменты****,* ***молоток*** *и* ***гвозди****; В зоопарке мы видели* ***птиц, страусов, слонов.***

3. Ошибки, возникающие при объединении в рамках перечислительной конструкции частично пересекающихся понятий, таких как: *женщины и врачи; трактористы и односельчане.*

4. Ошибки, возникающие при попарном сочетании несопоставимых по смежности понятий: ***Родители*** *и* ***друзья****,* ***руководители*** *и* ***соседи****,* ***коллеги*** *и* ***дети****, все присутствовали на юбилее.*

5. Ошибки, вызванные лексической несочетаемостью опорного слова (слова, с которым связаны все однородные члены) и одного из компонентов перечислительного ряда: ***Проявления*** *заботы и* ***помощи*** *порадовали всех.* Опорное слово *про-*

явления и один из компонентов управляемой цепочки (*помощи*) лексически не сочетаются друг с другом. Ср.: Проявления заботы и оказанная помощь порадовали всех.

6. Ошибки, заключающиеся в нарушении падежного согласования опорного (обобщающего) слова и однородных членов: *На заседании присутствовали избиратели из следующих районов:* ***Центральный, Железнодорожный, Советский*** *и др.* (Норма: *...из следующих районов: Центрального, Железнодорожного, Советского* и др.)

7. Ошибки, возникающие при использовании в перечислительном ряду двойных сопоставительных союзов (неудачное расположение союзов, образование неправильных пар союзов): *Деньги я могу* ***как держать*** *дома,* ***так и отдать*** *в банк;* Возможно: *Деньги я могу держать как дома, так и в банке.*

8. Ошибки, заключающиеся в объединении в качестве однородных элементов причастных или деепричастных оборотов с придаточными предложениями*: Девушка,* ***сидящая*** *у окна и* ***которая*** *хорошо пела, запомнилась всем.* Возможно: *Девушка, которая сидела у окна и хорошо пела...*

Недостатком является перегруженность перечислительного ряда однородными членами, затрудняющая понимание: *В кратчайшие сроки требуется обеспечить* ***увеличение*** *объема проектных работ,* ***увеличение*** *объема изыскательных работ,* ***улучшение*** *качества проектирования,* ***усовершенствование*** *техники, повышение уровня квалификации работников,* ***сокращение*** *сроков проектирования.*

Лит.: **Валгина Н.С.** Синтаксис современного русского языка. М., 1991; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Мучник Б.С.** Основы стилистики и редактирования. Ростов н/Д, 1997; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка и литературное редактирование. М., 1966.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ СЛОЖНОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ чаще всего связаны с неточным употреблением союзных средств, с нарушением соотношения видо-временных форм глаголов-сказуемых, а также с неправильным порядком слов в предложении.

Различаются ошибки в построении сложносочиненных и сложноподчиненных предложений.

А) К ошибкам в построении сложносочиненных предложений относятся случаи подмены одного союза другим, использования лишних союзов, тавтологического употребления союзов, а также объединения сочинительной связью разнотипных синтаксических структур.

Употребление противительных союзов *а, но* вместо соединительного союза *и*: *Тигр вскочил на спину слона, но задел лапами дрова,* ***но*** *дрова упали на него; Люди города Тура знали, что в их город придет эшелон с американским оружием для войны с вьетнамским народом,* ***а*** *люди города Тура задумали не пропустить этот эшелон с оружием.*

Употребление соединительного союза *и* вместо противительных союзов *но, а*: *Толстой показывает, что Иван Васильевич не может примириться с существующими порядками* ***и*** *остается пассивным; Ундина была огорчена изменой своего возлюбленного,* ***и*** *он ничего не понимал.*

Употребление лишнего союза, в том числе постановка рядом однозначных союзов: *Всем предприятиям было предложено представить заявки на потребное сырье, **но однако** некоторые из них своевременно этого не сделали.*

Тавтологическое употребление сочинительных союзов: *Искали его три дня, **но** все напрасно, **но*** (лишний союз) *потом нашли в степи без чувств.*

Неправильное употребление двойных повторяющихся разделительных союзов (будучи использованы при первой части, союзы опускаются или заменяются другими средствами связи при остальных частях предложения): *Вообще озера Литвы — это восьмое чудо света. Как они меняют свою окраску! **То** озеро становится черным, вздувается, **но** вот оно тихое, ласковое, нежное* (правильно: ***То** озеро становится черным, вздувается, т**о** вот оно тихое, ласковое, нежное*).

Объединение сочинительной связью разнотипных синтаксических единиц (простого и сложного предложения): *Ум тогда понимали **не только** как просвещенность, интеллигентность, **но и** с понятием «умный» связывалось представление о вольнодумстве* (правильно: *...но и как вольнодумство*); *На собрании речь шла **не только** об успеваемости в этой четверти, **но** мы говорили об отношении к учебе и к своим обязанностям* (правильно: *...но и об отношении к учебе и к своим обязанностям*).

Б) В построении сложноподчиненных предложений встречаются следующие ошибки:

Одновременное употребление подчинительных и сочинительных союзов в сложноподчиненных предложениях: ***Как только** перестал дождь, **и** мы отправились домой* (правильно: *Как только перестал дождь, мы отправились домой. Или: Перестал дождь, и мы отправились домой.*); ***Только** хозяин откинул руку назад, **но** вдруг из чащи леса вышел огромный тигр* (правильно: *Только хозяин откинул руку назад, как вдруг из чащи леса вышел огромный тигр*); ***Так как** птицы друзья человека, **и** школьники их берегут* (правильно: *Птицы — друзья человека, и школьники их берегут. Или: Так как птицы друзья человека, школьники их берегут*).

Пропуск соотносительных местоимений и наречий в главной части сложноподчиненного предложения: *В армии Петя стремился быть в опасных местах, он просился (?), где опаснее; Тогда председатель суда сказал, чтобы она назвала (?), кто дал ей это задание* (пропущенные слова: *туда, того*).

Пропуск союза: *Преданность его Маше Мироновой проявилась в том, (?) когда Маша была в руках злодеев, он спас ее* (пропущен союз *что*).

Употребление лишних союзов, в том числе постановка рядом однозначных союзов: *В каюте сидел мужчина, как показалось Алеше, **что*** (лишний союз) *он встретил его неприветливо; Автор пишет, **что будто бы** его теоретические положения проверены на практике* (правильно: *Автор пишет, что... Или: Автор пишет, будто бы...*).

Употребление одних союзов и союзных слов вместо других: *Шел третий урок, **как*** (вместо *когда*) *в окно класса заглянуло бледное солнышко; Когда опасность миновала, хозяин догадался, **за что*** (вместо *почему*) *слон не слушал его; Опыт новаторов получит широкое распространение лишь тогда, **если*** (вместо *когда*) *пропаганда его будет поставлена на должную высоту.*

Тавтологическое употребление союзов и союзных слов и загромождение сложного предложения придаточными: ***Когда** утром встали все казаки, Тарас*

очень удивился, ***когда*** *увидел, что среди казаков не было Андрия* (правильно: *Когда утром встали все казаки, Тарас очень удивился, что среди них не было Андрия*); *Добролюбов говорил,* ***что*** *многие молодые люди, вступающие в жизнь, задают себе эти вопросы,* ***что*** *то,* ***что*** *ты сейчас делаешь, это не то,* ***что*** *есть что-то лучшее, что-то необыкновенное, то,* ***к чему*** *ты должен стремиться* (правильно: *Добролюбов говорил о том, что многие молодые люди, вступающие в жизнь, задаются вопросами о своем предназначении и стремятся к чему-то лучшему и необыкновенному*).

Употребление разнотипных придаточных частей в качестве однородных: *Для замены кислотной линии просим дать указание: а)* ***о выделении*** *труб нержавеющей стали большого диаметра; б)* ***командировать*** *на наш завод опытного инженера-монтажника; в)* ***оплата*** *монтажной бригады должна производиться по расценкам, установленным для производств с повышенной вредностью* (правильно: *...просим дать указание: а) о выделении...; б) о командировании...; в) об оплате...*).

Объединение сочинительной связью членов простого предложения и придаточных частей сложноподчиненного предложения: *Он увидел молодую девушку-грузинку, пришедшую за водой и которая поразила его своей красотой* (правильно: *...пришедшую за водой и поразившую его своей красотой*); *Когда гулял по городу и увидев несчастных детей-сирот, он задумал написать картину* (правильно: *Гуляя по городу и увидев несчастных детей-сирот,...*).

Смещение конструкции (конец предложения дается в ином синтаксическом плане, чем начало): ***Последнее****, на чем я остановлюсь,* ***это на вопросе*** *об использовании цитат* (правильно: *... это вопрос об использовании цитат*); ***Главное****, чему необходимо уделить внимание,* ***это художественной стороне*** *произведения* (правильно: *это художественная сторона произведения*).

Нарушение порядка слов (отделение придаточной определительной части от определяемого слова): *Состоялся новый* ***спектакль*** *в Доме культуры, какого мы никогда прежде не видели* (правильно: *В Доме культуры состоялся новый спектакль, какого...*); *Магазин «Дамские штучки» дарит* ***скидки*** *своим покупателям, которые будут действовать в течение месяца* (правильно: *...дарит своим покупателям скидки, которые...*).

Общей ошибкой в построении всех типов сложных предложений является несоотнесенность видо-временных форм глаголов-сказуемых: *Вдруг ударил гром, засверкала молния, и женщины* ***кричали*** (вместо: *закричали*); *В сосновом лесу обычно бывает темно, еле-еле сквозь деревья* ***пробивался*** *луч солнца* (вместо: *пробивается*).

Лит.: **Алгазина Н.Н.** Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б.** Упражнения по стилистике русского языка. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Культура речи. М., 1960; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка. М., 1985; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. М., 1982.

С.Б. Донгак

ОШИБКИ В ПОСТРОЕНИИ СЛОЖНОГО СИНТАКСИЧЕСКОГО ЦЕЛОГО (ССЦ)

ССЦ представляет собой группу тесно взаимосвязанных по смыслу и грамматически предложений, раскрывающих одну микротему. ССЦ имеет, как правило, следующую композицию: зачин (начало мысли, формулировка темы), среднюю часть (развитие мысли, темы) и концовку (подведение итога микротеме ССЦ). Следует отметить, что данная композиция является характерной, типовой, но не обязательной. В зависимости от структуры целого произведения или его фрагментов возможны ССЦ без какого-либо из этих компонентов. ССЦ, в отличие от единичного предложения, имеет гибкую структуру, поэтому при его построении есть некоторая свобода выбора форм. Однако она не беспредельна. Ошибки в построении ССЦ часто встречаются в школьных сочинениях. В их числе:

1. Нарушение смысловой и грамматической спаянности частей ССЦ (в том числе неправильный выбор средств связи между предложениями, несоотнесенность видо-временных форм глаголов-сказуемых и др.).

2. Нарушение единства и замкнутости содержания.

3. Незаконченность мысли.

Среди названных ошибок можно выделить наиболее характерные для каждого из композиционных элементов ССЦ:

А) Неудачный зачин:

ССЦ начинается предложением, содержащим указание на предыдущий контекст, который в самом тексте отсутствует. Напр.: ***Эта роль революции*** *нашла отражение в лучших произведениях советских авторов; В фильме показана* ***также*** *эпоха Римской Империи; С особенной силой* ***этот эпизод*** *описан в романе...* Наличие указательных словоформ в данных предложениях отсылает к предшествующему тексту, таким образом, сами предложения не могут служить началом сочинения;

Б) Ошибки в построении средней части:

• Сближение относительно далеких мыслей в одном предложении: *Большую, страстную любовь она проявляла к сыну Митрофанушке и исполняла все его прихоти.* ***Она всячески издевалась над крепостными, как мать она заботилась о его воспитании и образовании****;*

• Отсутствие последовательности в мыслях; бессвязность и нарушение порядка предложений: *Из Митрофанушки Простакова воспитала невежественного грубияна. Комедия «Недоросль» имеет большое значение в наши дни. В комедии Простакова является отрицательным типом.* Или: *В своем произведении «Недоросль» Фонвизин показывает помещицу Простакову, ее брата Скотинина и крепостных. Простакова — властная и жестокая помещица.* ***Ее имение взято в опеку****;*

• Использование разнотипных по структуре предложений:

Общее поднятие местности над уровнем моря обусловливает суровость и резкость климата. Холодные, малоснежные зимы, сменяющиеся жарким летом. Весна коротка с быстрым переходом к лету. Ср., правильный вариант: *Общее поднятие местности над уровнем моря обусловливает суровость и резкость климата. Холодные, малоснежные зимы сменяются короткой весной, быстро переходящей в жаркое лето;*

• Использование структурно однообразных предложений:

Я провел лето в деревне. Я помогал бабушке по дому. Мы собирали ягоды и грибы в лесу. Мы ходили купаться на речку. Мы играли в разные игры. В данном

отрывке неудачным является повтор местоимений, ведущий к однотипности предложений. Изменить этот текст можно, например, следующим образом: *Я провел лето в деревне. Помогал бабушке по дому. Мы собирали ягоды и грибы в лесу, ходили купаться на речку, играли в разные игры;*

В) Неудачная концовка (дублирование вывода):

***Итак**, Простакова горячо и страстно любит сына, но своей любовью вредит ему. **Таким образом**, Простакова своей слепой любовью воспитывает в Митрофанушке лень, распущенность и бессердечие.*

Лит.: **Одинцов В.В.** Стилистика текста. М., 1980; **Солганик Г.Я.** Синтаксическая стилистика. М., 1991; **Солганик Г.Я.** Стилистика текста. М., 1997; **Фигуровский И.А.** Синтаксис целого текста и ученические письменные работы. М., 1961.

С.Б.Донгак

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАРАЛЛЕЛЬНЫХ СИНТАКСИЧЕСКИХ КОНСТРУКЦИЙ – разновидность Грамматико-стилистических ошибок (см.), связанных с употреблением одной параллельной синтаксической конструкции вместо другой (см.: Параллельные синтаксические конструкции).

Так, ошибочным является:

1) употребление конструкций с причастным оборотом вместо конструкции с придаточной определительной частью в тех случаях, когда нанизывание причастных оборотов делает предложение громоздким и тяжеловесным: *Вдали виднелись горы, **покрытые снегом, сверкавшим на солнце, играющем своими лучами** (возможно: Вдали виднелись горы, **покрытые снегом, которые сверкали на солнце, играющем своими лучами**);*

2) употребление конструкции с придаточной определительной частью вместо конструкции с причастным оборотом в тех случаях, когда такого рода употребление приводит к повтору союзного слова *который*: *В повестку дня встречи включены вопросы, **которые** связаны с развитием интеграционных процессов государств Содружества, **которые** касаются, в частности, формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы в рамках СНГ* (возможно**:** *В повестку дня встречи включены вопросы**, которые связаны с развитием интеграционных процессов в государствах Содружества**, **касающиеся, в частности, формирования общего рынка труда и регулирования миграции рабочей силы в рамках СНГ***);

3) употребление конструкции с деепричастным оборотом вместо конструкции с придаточной обстоятельственной частью в том случае, когда деепричастный оборот употребляется в безличном или неопределенно-личном предложении, а также включается в пассивную конструкцию: ***Прибыв в Хакасию,** президенту были отведены лучшие апартаменты (Прибыл – президент, а отвел апартаменты кто-то.* Возможно: ***Когда президент прибыл в Хакассию,** ему были отведены лучшие апартаменты).*

Лит.: **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. М., 1965; **Голуб И.Б**. Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976; **Сенкевич М.П**. Культура ра-

дио- и телевизионной речи. М., 1997; **Розенталь Д.Э**. Практическая стилистика русского языка. М., 1998.

А.А. Кузнецова

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ АНТОНИМОВ — лексические ошибки, которые заключается в стилистически необоснованном употреблении в речи слов с противоположным значением — антонимов.

Употребление антонимов оправданно в том случае, если оно отражает диалектическое единство противоположностей объективной действительности. Богатство и разнообразие антонимов, создавая неограниченные выразительные возможности языка, требует внимательного отношения к использованию контрастных слов в речи. Антонимические пары должны составляться логично. Недопустимо противопоставление несоотносимых понятий. Так, нелогичность такого противопоставления обыграна в драме А.П. Чехова «Три сестры»: ***Ольга*** — *На вас* ***зеленый*** *пояс! Милая, это нехорошо! ...* ***Наташа*** — *Да? Но ведь это* ***не зеленый****, а скорее* ***матовый****.*

Регулярность антонимичных отношений в языке не позволяет свободно изменять состав антонимической пары: *Опытный актер сумел вызвать у зрителей не только* ***смех****, но и* ***сострадание*** (ВК, 25 февр. 1998 г.). Слова «смех» и «сострадание» не составляют антонимической пары. Для слова «смех» антонимом является слово «слезы», а для слова «сострадание» — «равнодушие». ***Расширение*** *свободы выбора* ***уменьшает*** *нашу реальную свободу* (ВК, 20 мая 1997 г.). Слова «расширение» и «уменьшать» не являются антонимичными. В данном контексте вместо глагола «уменьшать» уместнее употребить глагол «ограничивать»: *Расширение свободы выбора ограничивает нашу реальную свободу.*

При употреблении антонимов в речи возможны ошибки в построении Антитезы (см.): *В третьей части произведения не* ***веселый****, но и не* ***мажорный*** *мотив заставляет слушателей задуматься* (ВК, 9 февр. 1997 г.). Антитеза требует четкости и точности в сопоставлении контрастных слов, а «не веселый» и «мажорный» не являются даже контекстуальными антонимами, поскольку не выражают разнополярных проявлений одного и того же признака предмета (явления).

Неоправданное употребление антонимов может стать причиной неудачных или немотивированных Оксюморонов (см.): *Правительственная комиссия, изучив положение угольной отрасли Кузбасса,* ***широко вскрыла узкие места*** *и недоработки в управлении шахтами...* (НТВ, «Сегодня», 19 мая 1998 г.). *По мнению командования войсками НАТО требуется* ***военное умиротворение*** *конфликта в Косово* (НТВ, «Сегодня», 12 июня 1998 г.).

Смысл высказывания может быть искажен употреблением вместо нужного слова его антонима: *До сих пор основная трудность положения русскоязычного населения в странах Прибалтики состоит не в отсутствии гражданства, а в* ***знании*** *языка* (Известия, 17 окт. 1997 г.). Очевидно, что вместо слова «знание» уместнее употребить слово «незнание».

Антонимам и антонимичным словам (т.е. словам с противоположными компонентами в структуре их значений, но принадлежащих разным частям речи) свойственна высокая степень одновременного употребления в тексте. Иногда их

столкновение в речи становится причиной комизма: ***В силу слабой*** *разработки вопроса представители администрации края так и не смогли ответить на законные требования северян* (СГ, 14 апр. 1998 г.).

Лит: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь антонимов русского языка. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ИНОЯЗЫЧНЫХ СЛОВ – разновидность Лексических ошибок (см.), состоящих в употреблении иноязычных слов без учета их семантики, в непонимании их значения, напр.: *Кому из Вашего окружения Вы более всего* ***импонируете*** *сейчас?* (РТР. 12 окт. 1997, из интервью), следовало сказать: кто Вам более всего импонирует, т.е. кто Вам нравится?, т.к. данное слово имеет значение «нравиться кому-л.» и употребляется обычно по отношению к основному действующему субъекту предложения как к адресату, в отличие от глагола «симпатизировать», который употребляется по отношению к основному действующему субъекту как активному деятелю в активном залоге, ср.: «Кому Вы симпатизируете?»; *Анакопийская пропасть находится самом в курортном* ***эпицентре****, в Новом Афоне* (Неделя. 1975), выделенное слово означает «центр какого-л. стихийного бедствия, чаще, землетрясения», поэтому следовало употребить слово «в центре».

Иногда О.в.у.и.с. могут возникать вследствие незнания их формообразования, что может приводить к Грамматико-морфологическим ошибкам (см.), напр.: *После ремонта столовая превратилась уютное помещение с удобной мебелью, красивыми* ***жалюзями*** (УЖ. 30 сент. 1998 г.)*; Продам дачу на Кузнецовском* ***плате*** (из частного объявления), слова «жалюзи» и «плато» (франц.) в русском языке являются неизменяемыми; *Приемники выключать не стоит, иначе вы потеряете хорошее настроение, даримое вам* ***мириадой*** *российских исполнителей* («Русская волна». 11 апр. 1999), выделенное слово имеет только форму множественного числа, поэтому следовало сказать «мириадами», кроме того, здесь можно говорить о неудачно использованной гиперболе, т.к. данное слово имеет значение «бесчисленное множество» и употребляется обычно в следующих сочетаниях: «мириады звезд», «мириады песчинок», «мириады насекомых» (см. Неудачное использование тропов).

Очень часто неточное знание семантики иноязычных слов приводит к многословию – плеоназму (см. Плеоназм$_2$), напр., *свободная* ***вакансия***, в то время, как «вакансия» и так уже означает «свободное место»; *самое* ***оптимальное*** *решение*, «оптимальный» означает «лучший, наиболее подходящий»; *промышленная* ***индустрия,*** индустрия значит «промышленность»; *памятный* ***сувенир***, слово «сувенир» означает «небольшой подарок, сделанный в память о каком-л. событии»; ***прейскурант*** *цен*, выделенное слово имеет значение «перечень товаров или услуг с указанием цен на них» и т.п.

Иногда использование новых, еще недостаточно известных заимствованных слов нарушает критерий целесообразности речи из-за того, что они могут быть непонятны некоторым людям, напр.: *В город приехало несколько крупных* ***трейдеров*** (РТР. 11 окт. 1997) (англ. trader — торговец); *Он носит* ***бадж*** *полицейского* (Радио «Маяк». 17 февр. 1992) (англ. badge — значок).

Лит.: Культура русской речи: Учебн. для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева, М., 1998; Русский язык конца XX века. М., 1996; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Научно-метод. бюл. Красноярск, 1998. № 3; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ МНОГОЗНАЧНЫХ СЛОВ — разновидность лексических ошибок, заключающаяся в использовании полисемичных (многозначных) слов в таком контексте, который не проявляет значения и допускает смысловую неоднозначность (двусмысленность) всей фразы.

Неустраненая контекстом многозначность (полисемия) является следствием неправильного словоупотребления: *За короткий срок он смог проявить себя как человек* ***грамотный*** (КР, 11 февр. 1998 г.). Слово «грамотный» имеет два значения: 1. «умеющий читать и писать, образованный», 2. «обладающий специальными знаниями в какой-либо области». В представленном примере многозначность не устранена контекстом, не понятно, в каком значении употреблено слово «грамотный».

Многозначные слова требуют к себе особого внимания, так как полисемия может стать причиной недоразумений или дать повод к неправильному толкованию высказывания. ***На костре*** *— лучшие люди села.* Эту фразу можно понять двояко: 1. Лучших людей села пригласили на пионерский праздник. 2. Лучших людей села собираются сжечь. *Ребенок требует* ***ухода*** *матери* (1. Ребенок нуждается в заботе матери. 2. Ребенок хочет, чтобы мать ушла). *Мы с мужем живем небогато,* ***на одну зарплату*** (1. Только один из супругов получает зарплату. 2. У супругов нет других источников дохода, кроме зарплаты).

У полисемичного слова имеются основное (первичное) значение, характеризующееся наибольшей частотностью и минимальной зависимостью от контекста, и неосновные (вторичные) значения, менее частотные и всегда обусловленные контекстом. Если фраза построена без учета этого обстоятельства, то возможно появление комического эффекта: ***Выбейте*** *мне мозги* (фраза покупателя у кассы в магазине мясных продуктов), *При резком торможении автомобиля инерционный ремень* ***намертво*** *прижимает водителя или пассажира к спинке сиденья.*

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М.,

1988; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ОМОНИМОВ — разновидность лексических ошибок, которая заключается в неудачном употреблении слов, совпадающих в звучании и/или написании, но различных по значению. При омонимии сталкиваются совершенно разные слова. Напр.: *брак* в значении «супружество» и *брак* — «испорченная продукция». Первое слово образовано от глагола *брати* с помощью суффикса -к (ср.: брать замуж), а омонимичное ему существительное *брак* заимствовано в конце XVII века из немецкого языка (нем. Brack — «недостаток» восходит к глаголу brechen — «ломать»). Бывают случаи, когда омонимия развивается из полисемии (многозначности), но и тогда возникающие слова утрачивают смысловое сходство и становятся самостоятельными лексическими единицами. Например: *свет* в значении «восход солнца, рассвет» и *свет* в значении «земля, мир, вселенная».

Омонимия, как явление парадигматических отношений в языке, внешне напоминает полисемию. Но у многозначных слов различные значения не изолированы друг от друга, а связаны, системны, тогда как омонимия находится за пределами системных связей в языке. В толковых словарях различные значения многозначных слов приводятся в одной статье, а омонимы — в разных.

Из-за неудачного употребления слов-омонимов могут возникать комичные высказывания (непреднамеренные каламбуры): *Археологи заметили, что покойники из северного захоронения* ***перекликаются*** *с покойниками из южного захоронения*. В разговорной речи в результате индивидуально-авторской омонимии также возможны неуместные каламбуры: *Летом количество пассажиров в электропоездах увеличивается из-за огородников и* ***садистов*** (в данном случае слово «садист» образовано от существительного «сад»); *В последнее время в цветочных павильонах можно встретить* ***рассадники*** (в данном случае рассадник — «ящик для выращивания рассады»).

Небрежное отношение к употреблению слова, имеющего омоним, может быть причиной неясности высказывания: *«Освобожден за беспринципность»*, *«Виноват брак»* (заголовки статей в газете).

Причиной неясности высказывания может стать внутрисловная антонимия (энантиосемия): *Врач решил* ***оставить*** *это лекарство* (неясно, что нужно сделать с лекарством: продолжать принимать или отказаться от лечения).

Причиной ошибок, связанных с омонимией, может быть употребление омографов (слов, которые пишутся одинаково, но произносятся по-разному): зАмок — замОк, мукА — мУка и т.п.); омофонов (слов, имеющих одинаковое произношение, но отличающихся написанием): луг — лук, компания — кампания; грамматических омонимов (слов, имеющих одинаковое произношение и написание в некоторых грамматических формах): семью (существительное «семья» в форме винительного падежа) — семью (числительное в форме творительного падежа); омоформов (совпадение в звучании речевых отрезков: *когда пришел на поле он, поля кипели журавлями — когда пришел Наполеон, поляки пели журавлями*). Примерами подобных неточностей могут быть следующие: ***Большая*** *часть*

выпускников осталась в деревне (бОльшая или большАя?), *Как же они туда* ***попадали***? (попадАли или попАдали?); *Можно ли быть равнодушным* ***ко злу***? (неясно: два слова или одно).

Случайная игра слов в результате омофонии встречается у А. Пушкина (*Слыхали* ***ль вы*** *за рощей глас певца любви…*; ***Души*** *прекрасные порывы…*), у М. Лермонтова (***С свинцом*** *в груди лежал недвижим я*), у В. Брюсова (***И шаг*** *твой землю тяготил*).

Следует отметить, что омофония не порождает двусмысленности в письменной речи. Для письменной речи серьезную трудность может представлять омография. Так, иногда очень значимым становится различение букв *е* и *ё*: ***Все*** *это знали* (все или всё?).

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ПАРОНИМОВ — разновидность лексических ошибок, заключающаяся в неразличении (смешении) в речи паронимов, то есть однокоренных слов, близких по звучанию, принадлежащих к одной части речи, но не совпадающих по значению, хотя и семантически близких. Напр.: *экономный — экономичный — экономический*, *одеть — надеть*, *главный — заглавный*, *лицо — личность*. Паронимы могут различаться приставками (***о****печатки* — ***от****печатки*, ***о****деть* — ***на****деть*), суффиксами (*безответ****н****ый — безответ****ственн****ый*, *дипломатич****н****ый — дипломатич****еск****ий*). Один элемент пары паронимов часто имеет непроизводную основу, а другой — производную (*груз — нагрузка*, *рост — возраст*).

Неразличение (смешение) паронимов в речи относится к неправильному словоупотреблению, что является грубой речевой ошибкой: *Вы уже ходили* ***вешаться***? (вместо: взвешиваться). Часто в речи смешивают паронимы «одеть» и «надеть»: ***Одень*** *пальто, а то на улице холодно* (вместо: надень пальто). Глагол «надеть», как правило, имеет при себе предлог «на» или позволяет мысленно его представить: надеть пальто (на кого-нибудь). Глагол «одеть» имеет при себе дополнение без предлога (одеть ребенка).

Смешение паронимов в речи зачастую происходит по той причине, что слова-паронимы имеют различную сочетаемость (см. Нарушение лексической сочетаемости).

Следует упомянуть о неправильном употреблении в речи однокоренных слов, которые не являются паронимами, т.е. не принадлежат одной части речи, но при этом являются однокоренными: *Арфа использовалась для аккомпанемента различным* ***сольным*** *инструментам*. В этом предложении вместо прилагательного «сольный» следует употребить причастие «солирующий».

Лит.: **Бельчиков Ю.А., Панюшева М.С.** Словарь паронимов современного русского языка. М., 1994; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Зани-

мательная стилистика. М., 1988. **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ В УПОТРЕБЛЕНИИ ТЕРМИНОВ И РЕДКИХ СЛОВ — разновидность лексико-стилистических ошибок, заключающаяся в неграмотном употреблении терминов и терминологичных словосочетаний. Так, ошибкой будет замена терминов словами с близким значением или описательными выражениями: *Гидрантная муфта* ***с управлением, приводимым в действие воздухом при помощи грузоупорной рукоятки оператора***... (надо: *гидрантная муфта с* ***пневмотической системой управления***...); *Коннотативные* ***возможности названий частей тела*** (лучше сказать: *коннотативный* ***потенциал соматизмов***).

Нередко термин может быть воспроизведен неверно, что также приводит к ошибкам. Напр.: *Движения водителя должны быть ограничены* ***привязным ремнем***. Поскольку термин «привязной ремень» используется в авиации, в данном предложении следует употребить термин «ремень безопасности». Путаница в терминах не только наносит ущерб стилю, но и свидетельствует о некомпетентности автора: *Отмечается* ***перистальтизм*** *сердца с последующей остановкой в фазе систолы*. В данном случае вместо термина «фибрилляция» употреблен термин «перистальтизм», которым можно характеризовать деятельность органов пищеварения.

Включение в тексты терминологической лексики, не относящейся к научному стилю, требует глубокого знания предмета изложения и внимательного отношения к смысловой точности употребляемых слов: *автомобили с* ***бронебойными*** *стеклами* (вместо*: с* ***пуленепробиваемыми*** *стеклами*).

Если перегруженность текста терминами и редко употребляемыми словами становится препятствием для восприятия, то это также является ошибкой, поскольку в подобных случаях терминологическая лексика не выполняет информативной функции. Напр.: ***Профицит*** *бюджета позволит увеличить* ***ассигнования*** *в виде* ***субвенций*** *и* ***трансфертов дотируемым*** *территориям*.

Недопустимо употребление в пределах одного текста слов-терминов, принадлежащих разным терминосистемам, напр.: *ренессанс* (сфера культуры и искусства) *технологии гидромеханизации на вскрышных работах* (сфера производства), *эскалация радости*.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ В УПРАВЛЕНИИ – разновидность Грамматико-синтаксических ошибок (см.), состоящих в выборе формы управляемого слова (существительного, местоимения), не соответствующей нормам синтаксиса. Данный тип ошибок характерен для детской речи и просторечия, но в последнее время все чаще стал встречаться в текстах СМИ и публичных выступлениях.

О. в у. могут быть различными:

1) употребление одной определенной падежной формы при управляющих словах с однотипным или синонимичным значением, напр., *заведующий* ***кафедры,*** вместо: *заведующий кафедрой* (ср.: директор фабрики, руководитель предприятия);

2) изменение управления слова под воздействием синонима или паронима, который выступает в качестве образца для первого, напр.: *Я* ***этим*** *очень рада*, вместо: *Я этому очень рада* (ср.: «Я этим очень довольна»); *Эта черта особенно* ***ему*** *характерна*, вместо: *Эта черта особенно для него характерна* (ср. «...ему свойственна»); *Они никак не могли прицепиться* ***за сани*** вместо *прицепиться к саням* (ср.: «уцепиться за что-н.»);

3) выбор ненормативного варианта падежной формы, связанный с ослаблением связи между управляющим и управляемым компонентами, при этом управляемый компонент выступает обычно не в объектном, а в обстоятельственном значении: *Недавно мы побывали* ***на*** *солевом* ***цехе*** вместо: *...в ...цехе*; *вернуться* ***с*** *командировки* вместо: *...из командировки*;

4) не соответствующее норме употребление лексически связанной синтаксической формы (суть явления синтаксической связанности состоит в том, что лексические нормы языка налагают запрет на употребление того или иного слова в данной форме, хотя по своему лексическому значению и морфологическим характеристикам это слово подходит для такого использования). Примеры: *лететь вертолетом, ехать машиной, плыть лодкой*; норма: *лететь самолетом, ехать поездом, плыть пароходом*;

5) Изменение связей слов в словосочетании, напр., устойчивое сочетание «быть к лицу» управляет формой дательного падежа, но в предложении «*Первый снег очень к лицу* ***земли***» форма «земли» отнесена непосредственно к существительному, определяет его, что приводит к ошибке.

Лит.: **Алгазина Н.Н**. Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; **Горбачевич К.С.** Нормы современного русского литературного языка. М., 1989; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку. М., 1986; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н**. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ ГРАММАТИКО-СИНТАКСИЧЕСКИЕ – разновидность Речевых ошибок (см.), нарушения в построении словосочетаний и предложений.

К таким ошибкам относятся:

1) Ошибки в согласовании (см.);

2) Ошибки в управлении (см.);

3) Нарушение границ предложения (см);
4) Ошибки в выборе порядка слов в предложении (см);
5) Ошибки в построении предложения с однородными членами (см.);
6) Ошибки в построении простого предложения (см.);
7) Ошибки в построении сложного предложения (см.);
8) Неоправданный эллипсис (см);
9) Ошибки в употреблении параллельных синтаксических конструкций (см.);
10) Ошибки в построении сложного синтаксического целого (см.).

Лит.: **Алгазина Н.Н.** Предупреждение ошибок в построении словосочетаний и предложений. М., 1962; **Арефьева С.А.** Виды синтаксических ошибок в ученических изложениях и сочинениях // РЯШ. № 3. 1998; **Грушевская М.И**. Ошибки школьников при конструировании словосочетаний и предложений // РЯШ. № 1. 1989; **Львов М. Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Сенкевич М.П**. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ ГРАММАТИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ – разновидность Речевых ошибок (см.), возникающих при таком употреблении грамматических форм и такой синтаксической организации предложений, которые приводят к нарушениям стилистических норм. При использовании тех или иных языковых средств в каком-либо тексте нужно обязательно учитывать Стилистическую окраску (см.) и этих языковых средств, и самого текста. Рассмотрим следующий пример. ***Закачка*** *мелодий на* ***сотовые*** (вывеска) – здесь сразу две О.г.-с.: во-первых, в слове «закачка», которое образовано от глагола, взятого из профессионального жаргона «закачивать» (записывать), с помощью разговорного суффикса «к», с точки зрения грамматико-стилистической нормы, целесообразнее было бы использовать слово «запись»; во-вторых, прилагательное «сотовые» заменяет собой целое словосочетание «сотовые телефоны», а такая своеобразная субстантивация характерна для разговорной речи, но текст данной вывески нельзя отнести к разговорному стилю, скорее он относится к официально-деловому, поэтому предложение в первоначальном варианте было бы уместным в разговорной речи, но не на вывеске. Еще пример: *Жуковский* ***осуществил перевод*** *«Слова о полку Игореве»* (из сочинения) – здесь использовано так называемое Расщепленное сказуемое (см.) – грамматическая конструкция «глагол + отглагольное существительное», характерная для официально-делового стиля, ее использование в школьном сочинении придает тексту канцелярскую окраску (см. Канцелярит), здесь лучше было написать так: «Жуковский перевел «Слово о полку Игореве». Следующий пример: *Разница между ей и лидирующими спортсменами большая* (Радио России. 29 мая 1996 г.) – ошибка в выборе падежной формы личного местоимения придает данному предложению просторечную окраску, согласно норме, нужно было использовать форму «ней». Грубопросторечными будут являться также формы притяжательных местоимений «ихний», «евоный», «ейный» («ёный»), используемые обычно малообразованными, малокультурными людьми или учащимися младших классов в силу незнания ими данных норм. Еще примеры: *Бомжи* ***обитаются*** *в основном на чердаках и в подвалах* (Ren-TV. 18 мая 2001 г.) – ошибочный выбор

возвратной формы невозвратного глагола придает предложению стилистически сниженную окраску, норма — «обитают»; *В конце спортивной* ***залы*** *стояли легкие кресла* (из сочинения) — использование устаревшего грамматического варианта формы родительного падежа слова «зал», относящегося в современном русском языке только к мужскому роду, придает предложению архаичную окраску.

Довольно часто к О.г.-с. приводит неправильное использование кратких и полных форм имен прилагательных. Рекомендации нормы здесь таковы: в основном полные формы обозначают постоянное, вневременное качество, краткие — временное, переменное состояние. В связи с тем, что краткие формы употребляются только в сказуемом, сравнение оттенков значения удобно производить, когда те и другие употребляются в сказуемом, ср.: *она веселая — она весела.* Полные и краткие формы отчетливо расходятся по употреблению в отдельных стилях языка. Краткие формы более книжны. Наоборот, полные прилагательные в качестве сказуемого имеют характер разговорности. Это различие обусловливает то, что прилагательные, обозначающие положительные качества, в краткой форме ярче, категоричнее выражают эти качества. Требуется замена полных форм краткими в следующих примерах: *Методика проведения данного эксперимента совсем не сложная; Твоя позиция* ***неправильная —*** подобное употребление полных форм прилагательных вместо кратких нередко встречается в ученических сочинениях и требует исправления. Вследствие такой резкой стилистической обособленности полных и кратких форм прилагательных, они не совместимы в качестве однородных членов предложения: *Комната* ***просторная и светла*** (правильно: ...просторная и светлая) *Моя подруга Лена* ***доброжелательная*** *и* ***весела*** (из ученического сочинения) — правильно: ...доброжелательная и веселая.

О.г.-с. чаще всего можно отнести к негрубым ошибкам (обозначение, принятое в школьной практике) или к Речевым недочетам (см.) за исключением тех случаев, которые оговорены выше.

Лит.: **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М, 1997; **Гвоздев А.Н.** Очерки по стилистике русского языка. М., 1956; **Голуб И.Б.** Грамматическая стилистика современного русского языка. М., 1989; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; **Кохтев Н.Н., Голуб И.Б., Солганик Г.Я.** Практическая стилистика русского языка: Сб. упражнений. М., 1987; **Рахманин Л.В.** Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка: Учеб. для вузов по спец. «Журналистика». М., 1987; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М, 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ ГРАММАТИЧЕСКИЕ — одна из разновидностей Речевых ошибок (см.), связанных с нарушением закономерностей и правил грамматики, т.е. неправильное образование и употребление форм слов — Грамматико-морфологические ошибки (см.) или неверное построение словосочетаний и предложений — Грамматико-синтаксические ошибки (см).

Иногда выделяют также Грамматико-стилистические ошибки (см.).

Лит.: **Бутакова Л.О.** Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи / Вестник Омского университета. Омск, 1998; Культура русской речи: Учебн. для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Львов М.Р**. Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Оценка знаний, умений и навыков учащихся по русскому языку. М., 1986; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских СМИ (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) / Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. Красноярск, 1998. № 3.

А.В. Баринова

ОШИБКИ ГРАФИЧЕСКИЕ — разновидность ошибок, связанных с графикой, т.е. средствами письменности данного языка, фиксирующими отношения между буквами на письме и звуками устной речи. К графическим средствам помимо букв относятся: различные приемы сокращения слов, использование пробелов между словами, прописных букв, абзацев, различных подчеркиваний и шрифтовых выделений.

О.г. относятся к неязыковым ошибкам, так как они не нарушают структуру языка и обусловлены незнанием или неточным знанием правил написания букв и других графических средств. Часто О.г. становятся различные описки и опечатки, вызванные невнимательностью пишущего или поспешностью написания.

К числу наиболее распространенных О.г. обычно относят:

1. неправильные, т.е. не соответствующие традиционному, общепринятому написанию, начертания букв.

2. пропуски букв, например: *...весь роман* ***стоится*** (следует: строится) *на этом конфликте*;

3. перестановки букв, например: *...новые наименования* ***пордуктов*** (следует: продуктов);

4. замены одних буквенных знаков другими, например, ***Лешендарное*** *ледовое побоище* (следует: легендарное Ледовое побоище);

5. добавление лишних букв: *Вот почему важно в любых,* ***дщаже*** *самых сложных, условиях* <...> (следует: даже);

6. неверная передача звука [j] на письме, например, *мойя* (вместо: моя);

7. написание очередной новой мысли не с «красной строки», отсутствие абзацев в тексте;

8. ошибки в графическом оформлении цитат, отсутствие одного из парных знаков кавычек при цитировании: Ломоносов определяет красноречие как искусство всякой данной материи красно говорить и тем преклонять других к своему об оном мнению»;

Иногда различные типы О.г. могут совмещаться друг с другом, например: ..., *что очень важно в профессии журналиста-****обосзевателя*** (вместо: обозревателя) — перестановка букв + замена одного буквенного знака другим.

Работа над предупреждением О.г. заключается в повышении внимательности учащихся во время занятий, сосредоточенности на выполняемом задании. Одним из главных средств развития графических знаний и умений является фонетико-графический разбор как вид звукобуквенного анализа (от звука к букве).

Лит.: **Гребенкина Р.Т**. Изучение в школе фонетики и графики русского языка. М., 1984; **Жедек П.С.** Вопросы теории и методики обучения фонетике, орфоэпии, графике и орфографии. Томск, 1992; **Иванова В.Ф.** Современный русский язык. Графика и орфография. М., 1978; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ КОММУНИКАТИВНО-ПРАГМАТИЧЕСКИЕ См. Коммуникативно-прагматические ошибки.

ОШИБКИ КОМПОЗИЦИОННО-ТЕКСТОВЫ́Е — ошибки, связанные с нарушениями требований к последовательности и смысловой связности изложения. Композиционно-текстовые ошибки могут относиться к зачину, к основной части изложения и к концовке.

Дефектным можно назвать зачин, в котором:

1) отсутствует логическая связь с основной частью изложения, или эта связь очень слабо выражена (зачин должен прежде всего подготавливать адресата к восприятию главной мысли, выраженной в основной части);

2) нагромождены лишние факты или неуместные абстрактные рассуждения;

3) неудачные смысловые переходы между предложениями затрудняют ориентацию адресата в теме изложения. Напр., заметка «*А через два десятка лет здесь будет горо-сад*» начинается так: «*Как известно, генеральный план нашего города разрабатывался еще ленинградскими проектировщиками. В этой связи глава города Петр Пимашков встретился на прошлой неделе с директором Санкт-Петербургского института урбанистики Владимиром Щетинским и советником председателя Госстроя России Александром Кривовым*» *(Из газет)*. Какова связь между двумя приведенными автором фактами, читателю остается только догадываться. Основная же часть материала посвящена перечислению мероприятий, необходимых для благоустройства города, которые предположительно будут предусмотрены в генеральном плане Красноярска.

Основная часть оказывается дефектной, если она:

1) содержит ненужные, не имеющие отношения к теме сведения, загромождающие изложение, делающие его запутанным и сумбурным, перегружена лишними и утомительными перечислениями, отвлекающими внимание адресата от главной мысли;

2) неоправданно растянута, содержит смысловые повторы, отличается многословием;

3) непоследовательна и хаотична (неумелое использование средств связности приводит к тому, что изложение получается путанным и неясным);

4) плохо раскрывает главную мысль, не выполняет основную задачу автора.

Напр., в информационной заметке с заголовком *«Стрессы приводят к суицидам»* после следующего зачина: *«Продолжается следствие по уголовному делу в отношении депутата горсовета Сергея Баякина. Сейчас он проходит психиатрическую экспертизу в краевом психоневрологическом диспансере»* основная часть текста повествует, во-первых, о том, что, по словам Баякина, условия содер-

жания и лечения в больнице хорошие, а во-вторых, что Баякин «*выразил обеспокоенность ростом числа нервно-психических расстройств как у взрослого населения, так и у детей, а также суицидов*». Основная часть текста распадается на два не связаных между собой смысловых ядра, основную мысль автора в этой заметке выделить невозможно. Кроме того, заметка имеет дефектный заголовок, никак не соотносящийся с содержанием материала.

Другая заметка, (под заголовком «*Волшебник Стрельников*»), начинается словами: «*Главный его талант — «шестое чувство». Он обострился после несчастного случая. Пережив клиническую смерть, Евгений Стрельников неожиданно почувствовал себя... латиноамериканцем*». Далее, после краткого обращения к одному эпизоду из жизни персонажа — рассказу о том, как Стрельников нашел дорогу в незнакомом латиноамериканском городе — автор неожиданно переключает свое повествование на... истории из жизни собак, услышанные им от Стрельникова, и две трети всего материала посвящает пересказу этих историй. Переход на другую тему в основной части оказывается совершенно не мотивированным.

Дефектная концовка не служит выводом из сказанного, не подводит итог выступления. Дефектной можно назвать концовку, если она:

1) содержит дополнительную, новую для адресата информацию, не связанную с основной мыслью автора;

2) отвечает лишь части материала (а другая часть при этом оказывается незавершенной);

3) совсем не мотивирована материалом. Напр., очерк «В полосе отчуждения», в котором речь идет о равнодушии некоторых людей к несчастью и заботам окружающих, заканчивается так:

«Когда я встречаюсь с людьми по долгу своей журналистской работы, то среди других вопросов часто задаю один — какое явление считаете вы самым страшным для современной общественной жизни любой страны?

— Равнодушие, апатию!

Каждому из нас жизнь отпускается в одном экземпляре, и никто другой не проживет ее за нас. Никто не свершит наших ошибок, не переживет наших звездных часов и не расплатится за то и другое».

К композиционно-текстовым недочетам относится **дефектная связь зачина и концовки.** По нормам построения текста концовка в той или иной форме должна возвращать к началу, в результате чего текст и получает свою завершенность. Если такого возврата нет, остается впечатление нечеткости, неясности изложения.

Лит.: Методические указания по литературному редактированию газетного текста. Екатеринбург, 1992; **Накорякова К.М.** Редактирование материалов массовой информации. М., 1982; **Свинцов В.И.** Смысловой анализ и обработка текста. М., 1979; **Сикорский Н.М.** Теория и практика редактирования. М., 1980.

О.Н. Завьялова

ОШИБКИ ЛЕКСИКО-СТИЛИСТИЧЕСКИЕ — разновидность Стилистических ошибок (см.), состоящая в неправильном выборе слова в зависимости от его Стилистической окраски (см.). В соответствии с двумя типами стилистической окраски (функционально-стилистической и эмоционально-экспрессивной) данный тип ошибок подразделяется еще на два вида:

1. Употребление слов, не соответствующих по своей функционально-стилистической окраске стилевой окраске высказывания или целого текста, например: *Во вступительном слове мы сразу* ***выкладываем*** *тезис, затем постепенно* ***раскручиваем*** *и углубляем его* (из научно-методической статьи), предложение взято из научного текста, поэтому в нем может использоваться только стилистически нейтральная общеупотребительная лексика, а глагол «выкладывать» в значении «представлять, сообщать» обладает разговорной окраской, поэтому является неуместным, помимо этого в данном предложении есть лексическая ошибка, слово «раскручивать» не совсем точно выражает необходимое значение, уместнее было бы использовать синоним «разворачиваем». Другой пример: *Вот и сейчас, в морозные дни, фермеры* ***вершат свое благородное дело*** (представляется неоправданным использование в стилистически нейтральном предложении патетического словосочетания «вершат благородное дело», можно было написать, напр., так: ...продолжают свою работу).

2. Использование слов без учета их эмоционально-экспрессивной окраски, не подходящей ко всему предложению или тексту в целом. Примеры: ***Рокировочка*** *намечалась изящная — Селезнев при поддержке Кремля берет власть в Подмосковье, а КПРФ взамен пропускает вперед провинциальную даму из «Единства». Жаль только, что народ рассудил иначе и <...> провалил* ***коммуняку*** (МК. 23 янв. 2000 г.) — использование в данном предложении слова с окраской пренебрежительности неуместно и к тому же является этико-речевой ошибкой, слово с уменьшительно-ласкательной окраской употреблено удачно и способствует созданию иронии. Еще один пример: *В Москву стареющая кинозвезда* (Чак Норрис. — *А.Б.*) ***заявилась*** *на открытие собственного клуба и казино «Беверли Хиллз», а также для проведения переговоров с финансовыми компаниями о расширении своей деятельности в России* (МК. 26 окт. 1996 г.) — слово со стилистической окраской неодобрения «заявиться» контрастирует со стилистически нейтрально окрашенным в целом предложением, особенно с его второй частью.

Лит.: **Анисимов Г.А.** О классификации речевых ошибок // Рус. язык в национальной школе. № 3. 1989; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. [Изд. 3-е]. М., 1993; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Сенкевич М.П**. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н**. Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ ЛЕКСИЧЕСКИЕ — Речевые ошибки (см.), заключающиеся в нарушении точности, ясности, логичности словоупотребления. К таким ошибкам относятся: употребление слова в несвойственном ему значении (употребление слова без учета его семантики), нарушение норм лексической сочетаемости, расширение и сужение значения слова, неразличение (смешение) паронимов, ошибки в употреблении омонимов, антонимов, синонимов, не устраненная контекстом многозначность (неснятая полисемия) и некоторые другие.

1. С нарушением точности и ясности речи связано неоправданное употребление эвфемизмов (слов, смягчающих резкость высказывания) при описании негативных явлений. Эвфемистичность речи можно объяснить стремлением автора

притупить критическую остроту фразы. Однако неточность речи в подобных случаях нередко искажает смысл высказывания: *Кризис в экономике, повлекший за собой обвал рубля, красноречиво свидетельствует о том, что прежнее правительство* ***недостаточно внимания*** *уделяло финансовой и банковской системам, предпочитая им политические игры* (Известия, 11 сент. 1998 г.). Следовало сказать: *Правительство* ***вместо решения*** *экономических проблем решало задачи политические*. Нередко употребление устойчивых эвфемистических сочетаний в прямом значении придают речи комическое звучание: *В результате атаки у мотоциклиста то, что ниже пояса, переломано* (СГ, 4 июля 1998 г.).

2. Неправильный выбор слова делает речь, во-первых, неточной: *Несмотря на* ***приличный*** *боковой ветер, вода попадала туда, куда нужно* (СГ, 4 июля 1998 г.) Вместо слова «приличный» лучше употребить прилагательное «сильный». Приличный — «пристойный», «подобающий, уместный». Во-вторых, может измениться значение высказывания: *Уже тогда отмечалась ее склонность к* ***суициду***. *А в апреле 97-го она повздорила с ровесницей из-за каких-то сплетен. Ссора закончилась* ***убийством*** (ВК, 23 дек. 1997 г.). Очевидно, что вместо слова «суицид» («самоубийство») уместнее употребить, например, слово «агрессия».

В таких случаях можно говорить об использовании слова без учета его семантики или об употреблении слова в несвойственном ему значении.

3. В результате смешения (неразличения) родовых и видовых понятий какое-либо понятие может быть расширено или сужено, то есть речь идет либо о расширении значения, либо о его сужении. В таком случае речь теряет соответствие требованиям логичности и точности. Часто в речи, особенно детской, словом «железо» обозначают «любой металл», тогда как «железо» — один из множества существующих металлов. Употребление родового понятия вместо видового (расширение значения) приводит к утрате конкретности высказывания и придает стилю речи официальную, канцелярскую окраску: ***Вал*** *маргинальной, люмпенизированной* ***среды*** *с деревенскими корнями... продолжает увеличиваться* (Изв., 30 июня 1998 г.). Речь идет не о среде, а о большом количестве людей из этой среды. Другой пример: *Для этого надо избегать* ***факторов риска****, которые одинаковы для многих хронических заболеваний* (Изв., 30 июня 1998 г.). Точнее и логичнее будет звучать эта фраза, если заменить «избегать факторов риска» на «заниматься профилактикой причин»: *Для этого надо заниматься профилактикой причин многих хронических заболеваний*.

4. Неразличение (смешение) паронимов в речи также относится к неправильному словоупотреблению: *В таких случаях я* ***взглядываю*** *в «Философский словарь»*. Глагол «взглянуть» обычно имеет при себе дополнение с предлогом «на» (взглянуть на кого-нибудь или на что-нибудь), а глагол «заглянуть» ('быстро или украдкой посмотреть куда-нибудь, взглянуть с целью узнать, выяснить что-нибудь'), который необходимо употребить в представленном предложении, имеет дополнение с предлогом «в».

5. Путаница в употреблении омонимичных слов также относится к неправильному словоупотреблению: *Было решено* ***оставить*** *именно этот вариант программы* (Труд, 29 окт. 1998 г.). Из контекста неясно, что же было решено: отклонить программу или наоборот принять.

6. Лексической ошибкой является неправильный выбор контрастного слова при противопоставлении: *Опытный актер сумел вызвать у зрителей не только* ***смех****, но и* ***сострадание*** (ВК, 20 мая 1997 г.). Слова «смех» и «сострадание» не со-

ставляют антонимической пары. Для слова «смех» антонимом является слово «слезы», а для слова «сострадание» — «равнодушие».

7. При неправильном словоупотреблении могут возникнуть ошибки в выборе синонима: *Имя этого драматурга* ***знакомо*** *во многих странах*. Вместо слова «известно» в предложении ошибочно употреблен его синоним «знакомо».

8. Не устраненная контекстом многозначность может быть результатом неправильного словоупотребления: *За короткий срок он смог проявить себя как человек* ***грамотный*** (КР, 11 февр. 1998 г.). Слово «грамотный» имеет два значения: 1. «умеющий читать и писать, образованный», 2. «обладающий специальными знаниями в какой-либо области». В представленном примере многозначность не устранена контекстом, не понятно, в каком значении употреблено слово «грамотный».

Ошибки, связанные с неправильным словоупотреблением порождают неясность высказывания, искажают смысл, дают повод для двоякой интерпретации всего текста, а иногда приводят к абсурдности.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Занимательная стилистика. М., 1988; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учеб. пособие. СПб., 1997.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ ЛОГИЧЕСКИЕ (паралогизмы, алогизмы) — ошибки, связанные с нарушением логической правильности речи, возникающие в результате нарушения законов логики. Логические ошибки могут допускаться как в пределах одного предложения, суждения, так и на уровне целого текста.

1. Ошибки в суждениях.

Неграмотное, невнимательное построение предложения может стать причиной непроизвольного сопоставления (противопоставления) двух логически неоднородных (различных по объему и по содержанию) понятий. Такие ошибки возникают вследствие несоблюдения логического закона тождества:

Окраска чирков отличается от других уток. (Автор этого высказывания сравнивает окраску с утками. Нужно: *Окраска чирков отличается от окраски других уток.*)

Для описания или характеристики объекта в высказываниях могут быть использованы взаимоисключающие понятия. Такие ошибки возникают вследствие нарушения логического закона противоречия:

Предатель вобрал в себя ноги и лежал невредим с разбитой головой. (Возможно: ...живой, но с разбитой головой.)

Незнание значения слова может стать причиной нарушения третьего закона логики — закона исключенного третьего:

«Г-н Ж у р д е н. ...А теперь я должен открыть вам секрет. Я влюблен в одну великосветскую даму, и мне хотелось бы, чтобы вы помогли написать ей записочку, которую я собираюсь уронить к ее ногам.

У ч и т е л ь ф и л о с о ф и и. Конечно, вы хотите написать ей стихи?

Г — н Ж у р д е н. Нет, нет, только не стихи.

У ч и т е л ь ф и л о с о ф и и. Вы предпочитаете прозу?

Г — н Ж у р д е н. Нет, я не хочу ни прозы, ни стихов.

У ч и т е л ь ф и л о с о ф и и. Так нельзя: или то, или другое.

Г-н Журден. Почему?

У ч и т е л ь ф и л о с о ф и и. По той причине, сударь, что мы можем излагать свои мысли не иначе, как прозой или стихами.

Г-н Журден. Не иначе, как прозой или стихами?

У ч и т е л ь ф и л о с о ф и и. Не иначе, сударь. Все, что не проза, то стихи, а что не стихи, то проза» (Мольер. Мещанин во дворянстве).

Употребление слова без приведения достаточных на то оснований — нарушение четвертого закона логики (закона достаточного основания): *В конце июля они увидят фильм «Трактир на Пятницкой», поставленный по одноименной повести Н. Леонова «Ждите моего звонка».* (Слово одноименный в этом предложении лишнее.)

Логические ошибки нередко возникают при неправильном построении однородного ряда. В перечислении может произойти наложение объемов понятий, если в его основу легли разные критерии выбора объектов. Напр.: *В уютном и теплом зрительном зале собрались труженики и интеллигенция совхоза.* (возможно: *...труженики, в том числе — интеллигенция...*)

Особая группа ошибок выделяется в построении определения. Логический закон тождества требует соразмерности субъекта (определяемого слова) и предиката (определения). При нарушении этого требования могут возникать грубые логические ошибки. Такая ошибка допущена, например, в определении: *«Несовершеннолетний — гражданин, которому на момент совершения преступления не исполнилось 18 лет».*

2. Ошибки в тексте.

Вследствие нарушения логического закона тождества может произойти подмена одного суждения другим:

— Так бы и сказала, — заметил Мартовский Заяц. — Нужно всегда говорить то, что думаешь.

— Я так и делаю, — поспешила объяснить Алиса. — По крайней мере я всегда думаю то, что говорю ...а это одно и то же.

— Совсем не одно и то же, — возразил Болванщик. — Так ты чего доброго скажешь, будто «Я вижу то, что ем» и «Я ем то, что вижу», — одно и то же (Л. Кэрролл).

Распространенной логической ошибкой является необоснованное противопоставление в речи:

Предметом повествования Н. Минха являются времена, достаточно отдаленные, что позволяет предположить не чересчур молодой возраст автора. Однако темпераментностью, свежестью минховские страницы привлекают к себе внимание (Из газет).

Хотя дата новых выборов должна быть назначена не позднее, чем за месяц до этого срока, Ученый Совет уже принял соответствующее решение и избрал комиссию по выборам (УЖ, 2001, 2 марта).

Трудно понять ход авторской мысли в этих текстах. Логически не связанные суждения противопоставлены друг другу необоснованно. Иногда в речи два суждения относительно одного и того же объекта могут противоречить друг дру-

гу. Такая ошибка — результат нарушения второго закона логики (закона противоречия): *В соревновании нет побежденных, ибо выигрывают все. Но тем не менее один коллектив выходит победителем, а другой, естественно, — побежденным* (Из газет); *Внешне японцы спокойны, но тренер Я. Мацудайра, явно нервничая, гладит и гладит ладошкой неизменные свои талисманы — плюшевых слона и тигра* (Из газет); *Было исполнено 26 вокальных номеров, в том числе три танцевальных номера* (Из газет); *На стенах очень плотно были развешаны картины, которые стояли и на полу, и в каждой жил свой мир, тот самый, что восхитил однажды художника* (КР, 30 марта 1996); *Вы знаете, Шура, — зашептал Паниковский, — я очень уважаю Бендера, но я вам должен сказать: Бендер — осел! Ей-богу, жалкая, ничтожная личность!* (Ильф, Петров); *Несмотря на свою молодость, он завоевал большой авторитет как специалист и хороший человек.*

Третий закон логики нарушается, как правило, в тех случаях, когда игнорируется необходимость выбора между двумя альтернативными суждениями:

В статье В.В. Воровского «Мир и реакция», предназначенной для газеты «Пролетарий» содержались такие фразы: *«...Но две суверенные власти не могут существовать в одном государстве. Они могут существовать в нем лишь при условии беспощадной борьбы...»* (К.М. Накорякова. Редактирование материалов массовой информации).

Одно из двух высказанных суждений противоречит другому: в альтернативе «две суверенные власти не могут существовать в одном государстве» — «две суверенные власти могут существовать в одном государстве» лишь одно суждение может быть истинным.

Нарушение закона достаточного основания происходит в тех случаях, когда между суждениями устанавливаются логически неверные причинно-следственные связи. Напр.: *Прошу оставить меня сверхсрочником на продовольственном складе, так как я очень полюбил море*; *С завтрашнего дня он уходит на пенсию. Ему уже известна программа чествования: ведь не каждый способен проработать на одном месте сорок лет; Отсутствие спортивной площадки приводит к тому, что некоторые подростки портят стены, бьют стекла; Сейчас принято почему-то учить детей, пусть кончают техникум, вузы. Все, что угодно, лишь бы человек не работал руками, забывая о том, что все в мире преходящее. Остаются лишь творения человеческих рук, ума.*

Лит.: **Берков В.Ф., Яскевич Я.С., Павлюкевич В.И.** Логика. Минск, 1997; **Накорякова К.М.** Редактирование материалов массовой информации. М., 1982; **Рузавин Г.И.** Логика и аргументация. М., 1997; **Уемов А.И.** Логические ошибки. Как они мешают правильно мыслить. М., 1958.

О.Н. Завьялова

ОШИБКИ ОРФОГРАФИЧЕСКИЕ — ошибки, связанные с нарушением норм орфографии (правописания).

О.о. могут быть нескольких типов, каждый из которых связан с особым разделом орфографии:

1. Ошибки в написании гласных и согласных букв. К наиболее распространенным относят ошибки в написании:

а) безударных гласных в корне, проверяемых ударением: *в**а**да, п**о**рной, м**а**рской* (норма: *в**о**да [ср.: в**о**ды], п**а**рной [ср.: п**а**р], м**о**рской [ср.: м**о**ре]*);

б) непроверяемых безударных гласных в корне: *в**а**кзал, с**а**бака, м**а**роз* (норма: в**о**кзал, с**о**бака, м**о**роз);

в) гласных после *шипящих* и *ц*: ж**ы**л, ц**ы**фра, ш**о**л, щ**ю**плый (норма: ж**и**л, ц**и**фра, ш**е**л, щуплый);

г) гласных в приставках *пре—* и *при-*: пр**и**одолеть, пр**и**красный, пр**е**бежать (норма: пр**е**одолеть, пр**е**красный, пр**и**бежать);

д) гласных в падежных окончаниях существительных: *к тет**и**, о Мари**е**, в тетрад**е*** (норма: *к тет**е**, о Мари**и**, в тетрад**и***);

е) гласных в личных окончаниях глаголов: стро**ю**т, кол**я**т, воз**ю**т (норма: стро**я**т, кол**ю**т, воз**я**т);

ж) гласных в суффиксах существительных, прилагательных, глаголов: *поро**ж**ик, серебр**е**ный, бесед**ы**вать* (норма: *поро**е**к, серебр**я**ный, бесед**о**вать*);

з) звонких и глухих согласных на конце и в середине слова: зу**п**, ду**п**, э**г**замен, шу**п**ка (норма: зу**б**, ду**б**, э**к**замен, шу**б**ка);

и) согласных в приставках на *-з*, *-с*: *бе**з**причинный, и**з**сохнуть* (норма: *бе**с**причинный, и**с**сохнуть*);

*к) двойных согласных: килогра**м**, га**лл**ерея, арти**л**ерия (норма: килограм**м**, га**л**ерея, арти**лл**ерия);*

л) твердых и мягких согласных: *во**зм**и, бан**ь**тик, пес**ь**ня* (норма: *воз**ь**ми, ба**нт**ик, пе**сн**я);*

*м) ь после шипящих: туч**ь**, мы**ш**, навзни**ч** (норма: ту**ч**, мыш**ь**, навзнич**ь**);*

н) разделительных *ь* и *ъ*: *о**бе**зд, от**ъи**скать, медве**же**го* (норма: об**ъ**езд, о**ты**скать, медвеж**ь**его).

2. Ошибки в слитном, раздельном или дефисном написании слова: Алм<u>аа</u>та, в_старь, п<u>о</u>дорожному, красн<u>о</u>белый (норма: Алма-Ата, *<u>вс</u>тарь, по-дорожному, красно-белый).*

3. Ошибки в написании строчных и прописных букв*: **к**иев, **мхат**, **М**асленица* (норма: ***К**иев, **МХАТ**, **м**асленица*).

4. Ошибки при переносе слова с одной строки на другую: <u>я-м</u>а, <u>на-</u>двязать, <u>кос-</u>тный (норма: яма, над-вязать, кост-ный).

5. Ошибки в графических сокращениях: существительное — *су.*, *суще.*, сельскохозяйственный — *сель.-хозяй.* (норма: сущ., с.-х.) и т.п.

Лит.: **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1988; **Леонтьев М.И.** Орфографические ошибки учащихся и борьба с их повторением. М., 1963; **Текучев А.В.** Методика русского языка в средней школе. М., 1980; **Михайлов М.М.** О классификации ошибок в письменных работах учащихся. М., 1963.

А.А. Кузнецова

ОШИБКИ ОРФОЭПИЧЕСКИЕ – ошибки, связанные с нарушением норм литературного произношения и обусловленные воздействием, во-первых, диалектов, жаргонов, просторечия; во-вторых, письма (так называемого побуквенного произношения).

Различают акцентологические ошибки (см.) и собственно произносительные ошибки.

Среди последних выделяются:

1. Ошибки в области гласных:

а) произношение в безударных слогах на месте буквы *о* гласного [о] вместо редуцированного звука [а]: *вода — в[о]да, нога — н[о]га, собака — с[о]бака, голова — г[о]л[о]ва* при норме*: в[а]да, н[а]га, с[а]бака, г[а]л[а]ва;*

б) произношение на месте букв е, я в первом предударном слоге звука [э] вместо [и^{э}] (среднего между [и] и [э], но ближе к [и]): *погляди — пог[л'э]ди, пятак — [п'э]так, привязал — при[в'э]зал, несу — [н'э]су* при норме *пог[л'и^{э}]ди, [п'и^{э}]так, при[в'и^{э}]зут, [н' и^{э}]су;*

в) произношение на месте сочетаний букв -ао и -оо в предударных слогах (кроме первого) краткого [ъ]: *на одного — [нъ]дного, на операции — [нъ]перации* при норме: *н[аа]дного ;н[аа]перации;*

г) утрата гласного, находящегося между одинаковыми согласными: *папиросы — [пп]иросы, попадать — [пп]адать, благоговеть — бла[гг]оветь и др.;*

2. Ошибки в области согласных:

а) произношение фрикативного «г» [h]: *гора — [h]ора, город — [h]ород; год — [h]од* при норме *[г]ора, [г]ород, [г]од;*

б) произношение фрикативного «г» [h] вместо [к] на конце слова и в середине слова перед глухими согласными (кроме слова *бог*, где литературное произношение допускает [h]): *пирог — пиро[h], друг — дру[h]; остригся — остри[h]ся, доктор — до[h]тор* при норме *пиро[к], дру[к]; остри[к]ся, до[к]тор;*

в) произношение [у] вместо [ф]: *здоров — здоро[у], травка — тра[у]ка, все — [у]се, всего — [у]сего;*

г) произношение сочетаний [дн], [дл], [тл] раздельно с двумя размыканиями, между которыми слышится слабый гласный элемент типа [ъ]: *дни — [дън]и, длинный — [дъл]инный, тлеет — [тъл]еет;*

д) произношение [чн] в словах *конечно — коне[чн]о, скучно — ску[чн]о, яичница — яи[чн]ица, пустячные — пустя[чн]ые, прачечная — праче[чн]ая, очечник — оче[чн]ик* при норме: коне[ш]но, ску[ш]но, яи[ш]ница, пустя[ш]ные, праче[ш]ная, оче[ш]ник;

е) буквенное произношение сочетаний с непроизносимыми согласными: *чувство — чу[вств]о, солнце — со[лнц]е* при норме *ч[ус]тво, с[он]це;*

3. Ошибки в отдельных грамматических формах:

а) произношение в им. пад. мн. ч. у существительных м. и ср. р. в безударных позициях на месте буквы *я* звуков [іи] вместо [іь]: *крылья — кры[л'іи]; перья — пе[р'іи], колосья — коло[с'іи];*

б) произношение у существительных им. п. мн. ч. с безударным окончанием [*а]* гласного [ы] : *ворота — ворот[ы], окна — окн[ы];*

в) произношение на месте буквы *г* в окончаниях род. пад. ед. ч. м. и ср. р. — ого, -его звука [г] вместо [в]: *старого — старо[г]о, богатого — богато[г]о, синего — сине[г]о;*

г) произношение [с'а] на месте постфикса — сь после гласных: *взялась — взяла[с'а], неслась — несла[с'а], бралась — брала[с'а];*

4. Ошибки, связанные с произношением слов иноязычного происхождения:

а) произношение безударного [о] в словах, полностью освоенных русским языком: *бокал — б[о]кал, вокзал — в[о]кзал, аромат — ар[о]мат* при норме *б[а]кал, в[а]кзал, ар[а]мат;*

б) произношение твердого согласного перед <э> в словах, полностью освоенных русским языком: *тема — [тэ]ма, термин — [тэ]рмин, музей — му[зэ]й* при норме *[т′э]ма, [т′э]рмин, му[з′э]й;*

в) произношение мягких согласных перед <э> в таких словах, как: *бизнес — биз[н′э]с, сервис — [с′э]рвис, агент — а[г′э]нт* при норме *биз[нэ]с, [сэ]рвис, а[гэ]нт*.

Лит.: **Аванесов Р.И.** Русское литературное произношение. М., 1972. **Горбачевич К.С.** Нормы современного русского литературного языка. М., 1981. **Розенталь Д.Э.** Культура речи М., 1960.

А.А. Кузнецова

ОШИБКИ ПУНКТУАЦИОННЫЕ представляют собой нарушения пунктуационных норм, неправильную расстановку знаков препинания.

П.о. бывают трех типов:

1) в том месте предложения, в котором, согласно пунктуационным нормам, должен стоять какой-л. знак препинания, он отсутствует, например, *Филимоново столица молока* (щитовая реклама) (в соответствии с нормой, между подлежащим «Филимоново» и сказуемым «столица» в данном случае должно стоять тире); *Как подлинный художник он обладал способностью видеть то, чего другие не замечали* (Cosmopolitan. Ноябрь 2001 г.) (в данном предложении отсутствует запятая после приложения «как подлинный художник», которое, согласно пунктуационным нормам, должно обособляться в предложении) этот тип пунктуационной ошибки является следствием недостаточного знания пунктуационных правил;

2) вместо одного знака препинания, который должен ставиться по норме, стоит другой: *Катод, это такой раскаляющийся волосок, который поставляет электроны* (Э. Успенский) (согласно норме, между подлежащим «катод» и сказуемым «волосок» должно стоять тире, а не запятая, как в данном примере); *Статья вышла в 1983 г., время повышенного интереса к истории родного языка* (из письменной работы студента) — в данном предложении есть пояснительный член «время повышенного интереса к истории родного языка», перед которым лучше поставить тире, а не запятую, этот пример отступления от пунктуационной нормы можно рассматривать как негрубую ошибку или Речевой недочет (см.), поскольку постановка запятой в данном случае все-таки возможна, хотя и нежелательна;

3) знак ставится, хотя не должен ставиться по норме, он оказывается лишним, происходит так называемая гиперкоррекция, перестраховка: *Он был рассеян и угрюм, потому, что постоянно погружен в свои мысли* (из школьного сочинения) — здесь между главным и придаточным предложением запятая должна ставиться всего один раз: или перед союзом «потому что», или внутри него, но не дважды, как в данном примере; *Может, это был шорох кошки, а, может быть, шум дождя* (из школьного сочинения) — в данном предложении союз *а* входит в состав вводного оборота «а может быть» и поэтому не должен отделяться от него запятой.

Лит.: Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Львов М.Р**. Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд. М., 1997; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. [Изд. 3-е]. М., 1993; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; Русский язык: Энциклопедия. М., 1979; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. № 3. Красноярск, 1998; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. [Изд. 2-е]. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ РЕЧЕВЫЕ — немотивированные отступления от норм литературного языка; нарушения правильности литературной речи.

Традиционно речевые ошибки выделяются в соответствии с типами норм, определяемых согласно уровням языка. Такие речевые ошибки делятся на следующие типы:

1) Орфоэпические ошибки (см. Ошибки орфоэпические), связанные с нарушением норм произношения в современном русском языке, несоблюдением законов русской фонетики; в них также включаются Акцентологические ошибки (см.), заключающиеся в неправильной постановке ударения; 2) Лексические ошибки (см.), вызванные незнанием лексического значения слов и особенностей их сочетания; сюда иногда относят и искажение устойчивых оборотов (фразеологизмов), в частности, смешение (контаминацию) компонентов близких по значению фразеологизмов (см. Ошибки фразеологические); 3) грамматические ошибки, которые в соответствии с тремя основными разделами грамматики можно разделить на:

а) Словообразовательные ошибки (см.); б) Грамматико-морфологические ошибки (см.); в) Грамматико-синтаксические ошибки (см.).

Кроме того, выделяются также Стилистические ошибки (см.), связанные с употреблением в высказывании или тексте языковых единиц (слов, словосочетаний, предложений), обладающих Стилистической окраской (см.), не соответствующей стилистической окраске данного высказывания или текста в целом.

Стилистические ошибки имеют особый статус в традиционной классификации, т.к. соотносятся не с каким-либо одним, а со всеми уровнями языковой системы. В школьной практике термин «стилистические ошибки» часто используется для обозначения всего комплекса речевых ошибок, что представляется неточным, т.к. стилистические ошибки, на наш взгляд, являются разновидностью речевых ошибок.

Выделяется еще целая группа ошибок, которые также не могут быть соотнесены ни с одним из языковых уровней. Это так называемые неязыковые ошибки (по классификации М.Р. Львова), относящиеся к форме речи (устной или письменной): Орфографические ошибки (см.) — нарушение правил правописания; Пунктуационные ошибки (см.) — неправильная постановка знаков препинания; каллиграфические ошибки — неправильное начертание букв; Графические ошибки (см.) — описки, пропуски букв, замены их и пр.; ошибки в чтении — неправильное прочтение отдельных слов или их элементов, а также ошибки, свя-

занные с содержанием или структурой текста: Фактические ошибки (см.) — искажения содержания, неверная передача фактов реальной действительности, и композиционные ошибки — ошибки в построении связного текста.

В работах последних лет наметилась возможность нового подхода к классификации О.р. Он связан с выделением двух новых аспектов речевой культуры (помимо традиционного собственно нормативного): коммуникативного и этического (см. Культура речи). В соответствии с этими тремя аспектами предлагается новая типология норм: структурно-языковые нормы, коммуникативно-прагматические нормы и этико-речевые нормы. Классификация О.р., построенная на основании такой типологии, выделяет соответственно:

1) ошибки, связанные с нарушением структурно-языковых норм, напр., ошибки Орфоэпические (см.), Лексические (см.), Словообразовательные (см.) и др.; 2) ошибки, связанные с нарушением коммуникативно-прагматических норм, напр., Плеоназм (см.) и Тавтологию$_2$ (см.); Смешение стилей (см.), Неоправданное употребление заимствованных слов (см.), Фактические ошибки (см.) и некоторые др.; 3) ошибки, связанные с нарушением этических норм, в том числе правил речевого этикета.

Данная классификация пока не получила широкого распространения.

Лит.: Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; **Львов М.Р**. Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд. М., 1997; **Сенкевич М.П**. Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. 3-е изд. М., 1993; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм): Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-метод. бюл. Красноярск, 1998. № 3; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. 2-е изд. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ (ошибки словообразования) — одна из разновидностей Речевых ошибок (см.), нарушение словообразовательных норм русского языка.

К ним относят:

1. Неправильное использование аффиксов, например: *Они осмотрели место происшествия и* ***зафотографировали*** *его* (норма: сфотографировали);

2. Образование по нормативным словообразовательным моделям новых слов (так называемое словосочинительство). Напр.: *Вон пошел* ***фотоаппаратчик*** (из детской речи) (норма: фотограф) (ср.: наладчик, смазчик, подрядчик). Иногда созданные в результате словосочинительства слова оказываются весьма удачными и могут рассматриваться как результат проявления творческого начала в речи (особенно детской), напр.: *Я сейчас тесто* ***помуковлю*** (по аналогии с «посолю»).

3. Изменение звучания незнакомого для носителя языка слова, связанное со стремлением наделить это слово внутренней формой. Напр.: *Мне папа для физкультуры купил новые* ***красотки*** (вм. кроссовки). К этому типу нарушений от-

носится и так называемая «народная этимология»: ***полуумный*** (вм. полоумный), ***спинжак*** (вм. пиджак), ***гульвар*** (вм. бульвар), ***полуклиника*** (вм. поликлиника) и др.

4. Неверное образование различных грамматических форм слова напр.: *Он землю* ***пахает*** (вм. пашет); *Резвая детвора* ***играется*** *в ароматной зелени* (глагол «играть« не имеет нормативной формы возвратного залога); *Одеяло* ***мокнуло*** *под дождем* (вм. мокло).

В целом словообразовательные ошибки достаточно редки, встречаются в основном в детской речи либо в просторечии.

Лит.: **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ОШИБКИ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ. То же, что Стилистические ошибки.

ОШИБКИ ФАКТИЧЕСКИЕ — разновидность неязыковых ошибок, заключающаяся в том, что говорящий или пишущий, недостаточно хорошо владея информацией по обсуждаемой теме, приводит факты, противоречащие действительности, например: *«Столица США — Нью-Йорк», «Ленский вернулся в свое имение из Англии»*. Фактическая ошибка может состоять не только в полном искажении (подмене) факта, но и в его преувеличении или преуменьшении, напр.: *«Маяковский — вдохновитель народа в борьбе с интервенцией»; «Много сил и энергии отдает детям директор школы: построена школа, которая каждый год выпускает около тысячи учеников»*. О.ф. отражают низкий уровень знаний, поэтому работа по исправлению и предупреждению ошибок такого рода связана с повышением интеллектуального и культурного уровня. Говорящий или пишущий в своих рассуждениях должен использовать только достоверную информацию.

Лит.: Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990; Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1985; **Фоменко Ю.В.** О принципах классификации ошибок в письменных работах школьников // РЯШ. 1973. № 1; **Черемисин П.Г.** К вопросу о классификации речевых ошибок в сочинениях учащихся средней школы // РЯШ. 1973. № 2.

А.Н. Смолина

ОШИБКИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ — ошибки, заключающиеся в формальном и/или содержательном отклонении от норм построения и употребления фразеологических единиц. Незнание точного значения Фразеологизма (см.), его лексико-грамматического состава, экспрессивно-стилистических особенностей, сферы употребления, сочетаемости, невнимательное отношение к образной природе фразеологического оборота часто приводят к различным речевым ошиб-

кам. Фразеологизмы обладают рядом особенностей (воспроизводимость, сложность состава, постоянство состава, непроницаемость, устойчивость грамматического строения, строго закрепленный порядок слов), игнорирование которых может привести к ошибкам.

В конкретных речевых ситуациях состав фразеологизма может изменяться по-разному. Встречается немотивированное **расширение состава фразеологического оборота** в результате употребления уточняющих слов. Напр.: *Выступление этого талантливого артиста стало* ***главным гвоздем концертной программы*** (КР, 16 марта 1997 г.). В этом предложении фразеологизм дополнен словом «главный». *Когда Монику перевели* ***от дальнейшего греха подальше*** *в Пентагон...* (Комок, 31 марта 1999 г.). Фразеологический оборот «от греха подальше» расширен при помощи вставки слова «дальнейший», что привело к комическому эффекту. Нередко встречаются сочетания плеонастического характера (избыточные с точки зрения смысла), образованные из фразеологизмов и определений к их компонентам: *потерпеть полное фиаско* (вместо: потерпеть фиаско), *случайная шальная пуля* (вместо: шальная пуля), *веселый гомерический смех* (вместо: гомерический смех).

Ошибкой считается неоправданное **сокращение фразеологизма** в результате пропуска одного или нескольких компонентов: *Успехи правоохранительных органов в раскрытии преступлений* ***желают много лучшего*** (СГ, 19 мая 1997 г.). В данном предложении заключено две ошибки: сокращен фразеологизм «оставляют желать лучшего» (пропущено слово) и расширен состав фразеологизма (вставлено слово «много»).

Нередко в речи происходит **искажение лексического состава фразеологического оборота путем замены одного из элементов**: *В результате бездеятельности руководства финансовая ситуация предприятия стала* ***расходиться по всем швам*** (Труд, 19 июля 1998 г.). Искажен фразеологизм «трещать по всем швам». Такие ошибки в одних случаях объясняются синонимическим сходством слов (*Взять на себя* ***львиную часть*** *ответственности*: часть — доля), в других — смешением паронимов (однокоренных слов, принадлежащих одной части речи, но имеющих разное значение): ***Приподнять занавес*** *над этой темной историей попытались коллеги-телевизионщики, вооружившись кинокамерами* (МК, 23 окт. 1997 г.). В данном примере смешаны паронимы «занавес» и «завеса». В результате замены одного из компонентов фразеологизма могут возникнуть ложные ассоциации: *На подобных концертах классической музыки я всегда* ***испытываю всеми фибрами души*** *подлинное наслаждение* (ВК, 7 апр. 1998 г.). Существует фразеологизм «чувствовать всеми фибрами души». Замена глагола в данном случае порождает ложные ассоциации.

Фразеологической ошибкой считается и **изменение грамматических форм**, употребление которых в устойчивых сочетаниях закреплено традиционно: *заморить червячков* (правильно: заморить червячка), *семи пядей во лбах* (правильно: семи пядей во лбу). В этих случаях произошла замена формы единственного числа существительного на форму множественного числа. Не допускается и замена предлогов: *с полной мерой* (правильно: в полной мере).

К грубым ошибкам, связанным с употреблением фразеологизмов, относится **разрушение их образной структуры**, что случается в неудачно организованном контексте: *Этому, безусловно талантливому, артисту* ***палец в рот не клади****, а дай только посмешить зрителя* (ГН, 11 нояб. 1997 г.). Если образность вступает в конф-

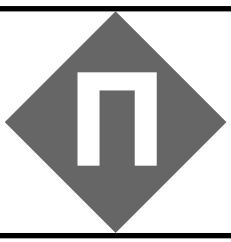
ликт с содержанием, то возможно появление комизма: *Мы сегодня собрались, чтобы* ***проводить в последний путь*** *своих старших товарищей* (из выступления на выпускном вечере в школе). Фразеологизм «проводить в последний путь» имеет значение «участвовать в похоронах». В представленном контексте метафоричность значения фразеологизма контрастирует с содержанием предложения.

Одной из разновидностей фразеологических ошибок является **контаминация** (смешение, наложение) **элементов разных устойчивых сочетаний**: *предпринять меры* (ср.: принять меры — предпринять шаги), *удовлетворять потребностям* (ср.: удовлетворять требованиям — отвечать потребностям), *не играть значения* (ср.: не играть роли — не иметь значения), *под скорую руку* (ср.: на скорую руку — под горячую руку). В результате контаминации двух фразеологизмов речь может стать нелогичной.

Лит.: **Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И.** Словарь фразеологических синонимов русского языка / Под ред. В.М. Мокиенко. Ростов н/Д, 1996; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б.** Упражнения по стилистике русского языка. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд. испр. и доп. М., 1997; **Розенталь Д.Э.** Практическая стилистика русского языка: Учебник для вузов по спец. «Журналистика». М., 1987; **Розенталь Д.Э.** Справочник по правописанию и литературной правке. М., 1996; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение: Учебное пособие. СПб., 1997; Фразеологический словарь русского литературного языка: В 2 т. / Сост. А.И. Федоров. М., 1997; Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. 4-е изд., стереотип. М., 1986.

А.В. Щербаков

ОШИБКИ ЭТИКО-РЕЧЕВЫЕ. То же, что Этико-речевые ошибки.

ПЛЕОНА́ЗМ$_2$ (от греч. pleonasmos — избыток, излишество) — речевой недочет, состоящий в немотивированном коммуникативной целью многословии, избыточности языковых средств для выражения данного содержания. П$_2$ утяжеляет изложение мысли, делает его менее ясным и эстетически значимым в отличие от плеоназма как стилистического приема (см. Плеоназм$_1$). П$_2$ может проявляться как в словосочетаниях (1), так и в полупредикативных (2) и предикативных (3) сочетаниях:

1) ***в апреле месяце*** (достаточно ***в апреле***), ***памятный сувенир*** (достаточно ***сувенир***), ***устранение имеющихся недостатков*** (достаточно ***устранение недостатков***), ***своя автобиография*** (достаточно ***автобиография***), поступательное движение вперед (достаточно ***поступательное движение***), ***свободная вакансия*** (достаточно ***вакансия***);

2) ***приборы, служащие для измерения***... (Ср.: ***измерительные приборы***); *сократить* ***время, затрачиваемое на изготовление*** (Ср.: ***сократить время на изготовление***); ***требования, предъявляемые к работнику***... (Ср.: ***требования к работнику***);

3) *все эти особенности можно установить с разной степенью точности, в зависимости от цели,* ***с которой делается расчет, и способа, которым он производи***тся (вместо ***в зависимости от цели и способа расчета***); ***Главным и основным*** в ***подъеме промышленной индустрии является повышение производительности труда и развитие производительных сил*** (вместо ***Главное в подъеме промышленности — повышение производительности труда***); Зоя Михайловна со всей ответственностью ***подходит к исполнению своих обязанностей*** (вместо ...***исполняет свои обязанности***); ***Есенин любил природу. Много стихов он написал о природе*** (вместо ***Есенин любил природу и посвятил ей много стихов***).

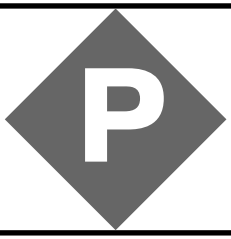
$П_2$ довольно часто встречается в устной разговорной речи, в текстах канцелярского стиля и даже в публицистике. Напр.: «...*независимо от* ***религиозного вероисповедания***» (ЦТ, 28 февр. 1993 г.). Ср.: *независимо от вероисповедания*; «***кладбище погребенного энтузиазма***» (КК, 31 марта 1990 г.). Ср.: *кладбище энтузиазма*; «*выражаю* ***признательность и благодарность***» (КГ, 18 дек. 1993 г.). Ср.: *выражаю признательность/благодарю*; *...В вузах, где есть военная кафедра,* ***сроки периода обучения*** *и занятий военными науками не совпадают* (ВМ, 18 окт. 2002 г.). Ср.: *сроки обучения*; *Валентина организовала в школе* ***кружок любителей изучать немецкий язык***... (ЗС, 19 янв. 1973 г.). Ср.: *кружок любителей немецкого языка.*

В художественной литературе $П_2$ может использоваться намеренно как средство речевой характеристики персонажа. Напр.: *Разгоняю я народ, а на берегу на песочке* ***утоплый труп мертвого человека****... Может,* ***этот утоплый покойник сам утоп****, а может, тут дело Сибирью пахнет. Может, тут* ***уголовное смертоубийство*** (А. Чехов).

Лит.: **Бутакова Л.О.** Опыт классификации ошибок, свойственных письменной речи // Вестник Омского университета. № 2. 1998; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998; Русский язык: Энциклопедия. М., 1997; **Сковородников А.П.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методич. бюллетень. Вып. 7. Красноярск-Ачинск, 1998.

А.П. Сковородников

ПУНКТУАЦИОННЫЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки пунктуационные.

РАСЩЕПЛЕННОЕ СКАЗУЕМОЕ — составное именное сказуемое, именную часть которого составляет отглагольное существительное: *оказывать помощь, производить проверку, осуществлять контроль*. Содержание Р.с. может быть передано глаголом, от которого образуется существительное, являющееся именной частью Р.с.: *помогать, проверять, контролировать.* Употребление Р.с. в любом функциональном стиле кроме официально-делового и иногда научного, в которых его использование является нормой, рассматривается как стилистическая ошибка, Канцелярит (см.), напр.: *Вы* ***осуществляете прослушивание*** *радиостанции «Русская волна»* (вм. Вы слушаете...); *Жуковский* ***осуществил перевод*** *«Слова о полку Игореве»* (вм. Жуковский перевел...). В некоторых случаях (в официальных жанрах публицистики) Р.с. придают высказыванию книжный характер: *принимать участие (участвовать); бороться (вести борьбу); давать советы (советовать); брать на себя заботу (заботиться).*

Лит.: Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. 3-е изд. М., 1993; **Рахманин Л.В.** Стилистика деловой речи и редактирование служебных документов. М., 1997; **Розенталь Д.Э., Теленкова М. А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985; **Сковородников А.П.** Об экологии русского языка // Филол. науки. 1992. № 5—6; **Чуковский К.И.** Живой как жизнь. Разговор о русском языке. М., 1962; **Шварцкопф Б.С.** Официально-деловой язык // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996.

А.В. Баринова

РЕЧЕВА́Я (ЯЗЫКОВА́Я, ВЕРБА́ЛЬНАЯ) АГРЕ́ССИЯ — форма речевого поведения, нацеленного на оскорбление или преднамеренное причинение вреда человеку, группе людей, организации или обществу в целом. Р.а. мотивирована агрессивным состоянием говорящего и зачастую преследует цель вызвать или поддержать агрессивное состояние адресата. Поэтому Р.а. является нарушением Этико-речевой нормы (см.). Основываясь на существующих классификациях, можно перечислить следующие виды Р.а.:

1) активная прямая Р.а. — словесное поношение кого-л. или чего-л., оскорбление или унижение кого-л.; высказывание угроз, деструктивных пожеланий в чей-либо адрес; призывы к агрессивным действиям, насилию;

2) активная непрямая Р.а. — распространение злостной клеветы или сплетен о ком-либо;

3) пассивная прямая Р.а. — отказ разговаривать с другим человеком, отвечать на его вопросы и т.д.;

4) пассивная непрямая Р.а. — отказ дать определенные словесные объяснения, демонстративное молчание.

Активная прямая Р.а. — довольно распространенное явление современной речевой действительности. В повседневном бытовом общении и в публичных выступлениях Р.а. встречается одинаково часто. Покажем это на примерах, взятых из художественных и газетных текстов. *Вы шулер и подлец!* (М. Лермонтов); *Что он вор — никто этого не думал, кроме тебя, халда! — Вы сами, сударыня, халда, корова вы этакая, позвольте вам сказать* (М. Горький); *Ах, это ты, сволочь? Это тебе не нравится Советская власть?* (А. Солженицын); *Отпусти, подонок, мразь, сволочь* (Кунин); *Гад!.. — выговорила она с перекошенным лицом. — Гад, паскуда продажная!* (Бражин); *Они кричали: «Ваш Ельцин паразит. Ваш Горбачёв — гад...* (Изв., 9 апр. 1992 г.); *Извини за тон, Бурлаку, не выношу дешевку. Ау, да не бойся ты коммунистов. Мелкая ты сошка, кому нужен! Живи себе и кропай что-нибудь про Лолиту с Сашей — вот твой достойный удел и таких же «бурлаков». Вы везде приспособитесь, хитрющенькие мои...*

Вот, собственно, и все, куколка ты моя. Трус угодливый. Класс позвоночных есть такой — пресмыкающиеся (КГ, № 41, 1996).

К активной прямой Р.а. относится высказывание угроз в чей-либо адрес:

Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня... Я ему покажу кузькину мать! (А. Чехов); *Если ты, сявка неучёная... на её [Аллы Сергеевны] уроке хоть слово вякнешь, — по стенке размажу. Понял, засранец?* (Кунин).

Разновидность активной прямой Р.а. — вербальное выражение злых, деструктивных пожеланий в чей-либо адрес (смерти, увечий, разрушений и т.д.): *Чтоб вы сдохли все!* (Кунин).

К этой же группе относятся выступления, в которых содержится прямой призыв к агрессивным действиям против предмета речи (призыв к ликвидации и т.п.).

Нередко автор агрессивно вводит предмет речи в сферу адресата и побуждает его совершить неагрессивное, но прямо или косвенно выгодное адресату действие. Такой вид речевого воздействия является манипулятивным (см. Языковое манипулирование).

Р.а. в текстах СМИ — это прежде всего средство манипулирования массовым сознанием. Тот или иной предмет речи можно представить так, чтобы вызвать или поддержать агрессивное состояние у аудитории и сформировать к нему негативное отношение: *И что же теперь, когда спустили воду в пруду, и на липком дне — только мятые банки от пива, мокрый башмак Собчака, драный лиф Новодворской? Туда, на это липкое дно, осторожно, с одышкой, спустился близорукий Примаков и лазает там в мокрой тине. Что-то передает Маслюкову, о чем-то просит Геращенко. И они втроем, как Дуремары, таскают гнилой мешок, в котором — мокрые гайки, гнутые велосипедные колеса и рыжий, из конского волоса, парик Чубайса* (Зав., № 38, сентябрь, 1998).

Для создания и закрепления в сознании аудитории дискредитирующего образа (портрета-обличения) в текстах СМИ могут использоваться такие разновидности Р.а., как наклеивание ярлыков; обыгрывание имени объекта Р.а.; нагнетание отталкивающих сравнений и ассоциаций; смакование непривлекательных и неприятных для объекта Р.а. деталей, подробностей, обстоятельств и мн. др. Напр.: *Что бы вы сказали, если бы несвежий кусок мяса, который вы не смогли доесть, не дожевали, выкинули куда-то в траву, где его несколько дней грызли собаки, обсиживали мухи, обклевывали вороны, — если бы этот кусок вам снова при-*

несли на тарелке? Нечто подобное испытали люди, узнав о повторном назначении Черномырдина (Зав., № 34, август, 1998); *Если бы Гайдар был грибом, он был бы свинушкой* (Зав., № 38, сентябрь, 1998).

Одним из способов выразить агрессивное отношение к предмету речи является дисфемизация (см. Дисфемизм).

Активная прямая Р.а. может быть открытой (эксплицитной) и скрытой (имплицитной). Тексты, содержащие открытую Р.а., имеют явную агрессивную направленность, содержат прямые выпады, угрозы или оскорбления. Скрытая Р.а. интересна тем, что ее цели адресантом маскируются (например, под простое информирование), а языковые средства подбираются таким образом, чтобы вызвать у адресата негативные чувства и эмоции по отношению к объекту.

Публичное самобичевание и словесное самоунижение — самая безобидная для окружающих разновидность активной прямой Р.а.

Активная непрямая Р.а. — преднамеренный оговор, злословие, распространение клеветы, недоброжелательных домыслов:

Г. N. *Вы в размышленьи.*

С о ф ь я. *Об Чацком.*

Г. N. *Как его нашли на возвращеньи?*

С о ф ь я. *Он не в своём уме.*

Г. N. *Ужели с ума сошёл?*

С о ф ь я (помолчавши). *Не то, чтобы совсем...*

Г. N. *Однако есть приметы?*

С о ф ь я (смотрит на него пристально). *Мне кажется.*

Г. N. *Как можно в эти леты!*

С о ф ь я. *Как быть!* (В сторону) *Готов он верить! А, Чацкий! Любите вы всех в шуты рядить,*

Угодно ль на себя примерить?

...

Г. N. *Ты слышал?*

Г. D. *Что?*

Г. N. *Об Чацком?*

Г. D. *Что такое?*

Г. N. *С ума сошёл.*

Г. D. *Пустое.*

Г. N. *Не я сказал, другие говорят* (Грибоедов, «Горе от ума»).

Активная непрямая Р.а. в текстах СМИ стала причиной многих шумных судебных процессов в последние годы.

Пассивная прямая Р.а., как правило, является выражением пренебрежения к инициатору общения, демонстрацией негативного к нему отношения или протеста против его поведения: «Одной из форм речевой грубости является молчание в ответ на вопрос покупателя. Ср. например: (Мужчина и женщина стоят перед прилавком; женщина обращается к продавщице)

Ж. *Девушка, сколько стоит эта шапка?*

М. (Молчит, не отвечает).

Ж. (Обиженно обращается к своему спутнику). *Трудно ответить!!! Боже мой! Какая военная тайна! Я её два раза спросила!!!»* (Русский язык конца XX столетия).

Пассивной непрямой Р.а. можно считать, напр., нежелание вмешаться и пресечь словесные оскорбления в чей-либо адрес, расцениваемое как молчали-

вое согласие с агрессором, одобрение его поведения. Способом давления на политического противника могут оказаться многозначительное молчание, т.е. временный отказ от выступлений и публицистических высказываний политиков.

Лит.: **Бережная Т.М.** Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986; **Бэрон Р., Ричардсон Д.** Агрессия. М., 1997; **Михальская А.К.** Русский Сократ: Лекции по сравнительно-исторической риторике: Учеб. пособие для студентов гуманитарных факультетов. М., 1996; Речевая агрессия и гуманизация общения в средствах массовой информации. Екатеринбург: УрГУ, 1997; **Сковородников А.П.** Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 2. Красноярск-Ачинск, 1997; **Шарифулин, Б.Я.** Языковая экспансия, языковая агрессия, языковая демагогия // Проблемы развития речевой культуры педагога. Томск, 1997; Русский язык конца XX столетия (1985—1995) / Под ред. Е.А. Земской. М., 1996.

О.Н. Завьялова

РЕЧЕВО́Е (ЯЗЫКОВО́Е) МАНИПУЛИ́РОВАНИЕ — вид речевого воздействия, используемый для скрытого внедрения в психику адресата целей, желаний, намерений, отношений или установок, не совпадающих с теми, которые имеются у адресата в данный момент. В основе Р.м. лежат такие психологические и психолингвистические механизмы, которые вынуждают адресата некритично воспринимать речевое сообщение, способствуют возникновению в его сознании определенных иллюзий и заблуждений, провоцируют его на совершение выгодных для манипулятора поступков. Принципиальной и существенной отличительной чертой Р.м. является сокрытие манипулятором истинной цели воздействия на адресата.

Для Р.м. характерна ориентация не на убеждение, а на внушение; основным ее «инструментом» являются психологически точные апелляции к эмоциональной сфере адресата, ориентированные на использование его психических нужд для достижения определенных целей.

Иллюзия самостоятельности сделанных реципиентом выводов создается в результате особой организации речи: ключевые компоненты смысла в ней зачастую имплицируются, субъективная точка зрения преподносится в качестве «исходной очевидности», выводы навязываются адресату в завуалированном виде, высказывания перегружаются оценочной лексикой. Р.м. является одной из форм проявления речевого насилия, характерными признаками которого являются неаргументированность оценок и суждений; использование предвзятых категоричных формулировок, ссылок на недостоверную или неопределенную информацию вместо подкрепления заявлений логически и фактически обоснованными аргументами; однобокая и тенденциозная интерпретация фактов; низкая степень информативности текста; доминирование в речи оценочных и императивных реплик.

Нередко в манипулятивных целях авторы прибегают к языковой агрессии — недоброжелательным, злобным вербальным нападкам на человека, группу людей, партию, организацию или целый политический (экономический) строй, — стараясь очернить оппонента в глазах своей аудитории, нарушая тем самым нормы общечеловеческой и риторической этики (см. Речевая агрессия).

В целом можно утверждать, что Р. м. может осуществляться на трех основных уровнях («ярусах») речи: фактическом, логическом и языковом. На фактическом уровне в манипулятивных целях тщательно дозируется и нередко искажается информация, важная для составления адекватного представления о характере того или иного явления или события. На логическом уровне в манипулятивной речи допускаются нарушения законов логики, используются различные приемы ложной аргументации (см. Ложная аргументация). Спектр же приемов Р.м. на языковом уровне довольно широк: от преднамеренной дезориентации адресата посредством закрепления за ключевыми словами не свойственных им ранее Коннотаций (см.), — до тонкой, виртуозной игры слов, создания желаемого впечатления при помощи средств языковой выразительности — Тропов (см.), Стилистических (риторических) фигур (см.) и т.д.

Все известные приемы манипулятивного воздействия при помощи языка описать в словарной статье не представляется возможным (см. Баранов А.Н., Бережная Т.М., Кочубей Н.Ю., Кульман А.Д., Сковородников А.П., Стриженко А.А. и др.). Сложность описания Р.м. состоит в том, что далеко не всегда удается разгадать истинные цели и мотивы манипулятора, выявить и учесть все экстралингвистические и паралингвистические факторы речевой ситуации — те прагматические составляющие речи, которые делают каждое высказывание уникальным и неповторимым. Одна и та же реплика в различных обстоятельствах может иметь совершенно неодинаковые последствия для психики адресата, иметь различный коммуникативный статус. Важно уметь разграничить обычные приемы языковой выразительности и Р.м. как явление. Тем не менее, можно выделить несколько основных типологических групп приемов скрытого речевого воздействия, в большинстве случаев в своей совокупности придающих высказыванию манипулятивный характер.

Р.м. может осуществляться как в межличностном общении, так и в массовой коммуникации. Реклама, предвыборные политические кампании, идеологическая пропаганда — сферы, в которых Р.м. направлено на формирование у массовой аудитории определенных вкусов, потребностей, убеждений, предрассудков, стереотипов сознания, выгодных для манипулятора. Р.м. общественным сознанием при помощи средств массовой информации — одна из наиболее актуальных и наименее изученных проблем современной культуры речевого общения.

Набор общих фраз, оформленных в виде морально-этических или политических лозунгов, использование популярных клише позволяют манипулятору ввести аудиторию в заблуждение, скрыть истинные мотивы своего поведения и достигнуть желаемой цели. Напр.: — *Граждане! — сказал Остап, открывая заседание. — Жизнь диктует свои законы, свои жестокие законы. Я не стану говорить вам о цели нашего собрания — она вам известна. Цель святая. Отовсюду мы слышим стоны. Со всех концов нашей обширной страны взывают о помощи. Мы должны протянуть руку помощи, и мы ее протянем. Одни из вас служат и едят хлеб с маслом, другие занимаются отхожим промыслом и едят бутерброды с икрой. И те и другие спят в своих постелях и укрываются теплыми одеялами. Одни лишь маленькие дети, беспризорные дети, находятся без призора. Эти цветы улицы, или, как выражаются пролетарии умственного труда, цветы на асфальте, заслуживают лучшей участи. Мы, господа присяжные заседатели, должны им помочь. И мы, господа присяжные заседатели, им поможем* (И. Ильф, Е. Петров). В этой речи использован прием т.н. «блистательной неопределенности», заключающийся в том, чтобы, не оперируя конкретными фактами и не упоминая о своих пря-

мых намерениях, сыграть на эмоциях адресата, создать у него необходимое манипулятору впечатление о ситуации.

Многие приемы Р.м. демонстрирует современная телевизионная реклама. Воздействие на сознание аудитории обеспечивается, напр., благодаря созданию в тексте пресуппозиции (компонента смысла предложения, который воспринимается как очевидный, истинный, известный адресату): *В отличие от обычного мыла, мыло «Сейфгард» убивает в два раза больше бактерий* (из телевизионной рекламы); *После стирки обычным порошком на одежде остаются ворсинки и катышки...* (из телевизионной рекламы); *Нанесите шампунь на влажные волосы и мойте голову, как обычным шампунем* (инструкция на флакончике шампуня). (Подразумевается, что предлагаемый товар, как минимум, необычен и уникален).

Для публицистики характерна тенденция к упрощению подаваемой информации. Тексты СМИ строятся зачастую таким образом, чтобы подвести сложные (политические, экономические и др.) явления под доступный, запоминающийся, но одновременно вульгаризированный и искаженный образ с целью создать в сознании адресата определенные, заданные установки на восприятие реальной действительности. Одним из таких способов схематизации является проведение «аналогий», «параллелей», «наложение» в тексте на рассматриваемое событие или явление «нужных» ассоциаций. Напр.: *Вообще глупо воевать с олигархами, с Думой. Сегодня более страшная угроза — приход к власти третьей силы, как это случилось в Германии в начале 30-х годов. Тогда президент Гинденбург сформировал правительство, которое не поддерживали все фракции бундестага. Чем это обернулось для немцев, известно. В 1933 г. Гинденбург вручил канцлерский жезл Гитлеру, потому что фашисты оказались единственной силой, готовой взять на себя ответственность за ситуацию в стране. Если Кремль не извлечет из истории никаких уроков, события приобретут необратимый характер. Победа Лебедя в Красноярске — первая ласточка* (АиФ, № 19, май 1998); *Когда страна переживает трудный период, одни политики работают в меру сил, чтобы трудности преодолеть. Другие предпочитают трудности использовать, чтобы спекулируя на них, самим добраться до власти. Главное в этой тактике — как можно больше критиковать и как можно больше обещать. Именно таким образом в 1933 году пришел к власти в Германии Адольф Гитлер. И именно таким способом сегодня пытается стать президентом России Геннадий Зюганов* (Из статьи под заголовком «Зюг хайль». Газета «Не дай бог!» от 25 мая 1996 г.). Проведение некорректных параллелей между политическими ситуациями в современной России и Германии 30-х годов, и, соответственно, между Лебедем и Гитлером, Зюгановым и Гитлером используется авторами текстов для того, чтобы «помочь адресату яснее увидеть положение вещей», т.е. попросту направить ход его мыслей в заданном направлении.

Категоричные, безапелляционные заявления предвыборной кампании, не сопровождающиеся какими-либо доказательствами и содержащие в себе логически не обоснованные противопоставления, создают видимость жесткой альтернативы, дилеммы. Манипулятор стремится вызвать у адресата иррациональное беспокойство, страх перед неверным принятием решения, вынуждая его принять навязываемую точку зрения. Напр.: *Каждый, кто не будет голосовать за Ельцина, подыграет Зюганову, а если в этом усомнится, то пусть прочтет эту статью заново до выборов. После выборов будет поздно. Если бы предстояло, допустим, выбирать только между Лебедем и Явлинским, вопрос не был бы таким острым. Но когда идет выбор между коммунизмом и свободой, благодушие преступно. Подумайте о своих детях* (ВК, 29 мая 1996 г.).

Побуждение к определенному действию или его прекращению может выражаться косвенно, путем указания на преимущества одного и/или ошибочность или нецелесообразность другого поведения. Такие выступления часто оформляются в виде советов и предостережений. Напр.: *Пока шахтеры сидят на дорогах и требуют у правительства денег на зарплату, одновременно происходят две очень неприятные для забастовщиков вещи. Во-первых, конкуренты оперативно перехватывают у бастующих контракты на поставку угля, а во-вторых, в результате простоев даже те шахты, которые могли бы протянуть еще некоторое время, приходят в негодность.<...> Самое печальное, что ни к чему хорошему это в принципе не приведет. Из законов физики известно, что если в одном месте чего-то прибавится, то в другом непременно убавится. Хорошо (хотя чего уж тут хорошего), сегодня правительство выдрало кусок из рук милиционеров с пенсионерами и отдало его угольщикам. Угольщики прожуют — но рядом с шахтой стоит, например, металлургический комбинат, где рабочие тоже очень давно не видели зарплаты. Услышав чавканье соседей, посмотрев на их довольные лица («как мы лихо вздрючили Кремль!»), металлурги спросят: а мы-то чем хуже? А в том, что рельсов в России на всех хватит, можно и не сомневаться...* (МК, 24 мая 1998 г.)

В приведенном тексте можно проследить две мысли автора, внушаемые адресату: во-первых, действия шахтеров осуждаются как невыгодные и для них самих, и для всей страны; во-вторых, утверждается как само собой разумеющееся, что выплатить долги шахтерам можно только в том случае, если «выдрать кусок из рук милиционеров с пенсионерами» (и тогда поведение шахтеров будет оцениваться не только как неразумное, но и как, мягко говоря, эгоистичное). Таким образом, автор настойчиво наталкивает читателя на мысль о необходимости прекращения вредных действий шахтеров, ни словом не упоминая о справедливости их требований.

Для достижения запланированного эффекта в целях Р.м. используются приемы лексической интерпретации событий (явлений). Искусный подбор слов может способствовать актуализации в сообщении тех или иных оттенков их значений, придавая высказыванию дополнительную смысловую нагрузку и незаметно корректируя представления адресата в заданном направлении. Напр., для дискредитации политического оппонента могут подбираться слова, содержащие в своей семантике негативный оценочный компонент или получающие отрицательный оценочный компонент в контексте: *По данным из администрации президента, планируется назначение С. Кириенко главой Сбербанка РФ для продолжения им финансовых манипуляций на внешнем и внутреннем рынках...* (Зав., сентябрь, № 38). В этом высказывании из двух значений слова «манипуляции» (основного — «сложные действия» и переносного — «махинации, мошенничество» стало доминировать второе, вызывающее в сознании адресата негативные ассоциации).

В манипулятивных целях информирование адресата нередко сопровождается «лексической интерпретацией» фактов: *Как сообщают источники из Грозного, генерал Лебедь, выезжавший на празднование годовщины своего предательства российских интересов, договорился с «руководством ичкерийцев» о синхронизации действий для дальнейшего углубления кризиса на Кавказе с переносом этого кризиса на правительство, что должно повлечь за собой «крушение федерального центра...* (Зав., 1998, № 35).

Р.м. является нарушением этической нормы, характерным для современных средств массовой информации.

Лит.: **Баранов А.Н.** Что нас убеждает? // Знание. Лекторское мастерство. М., 1990; **Бережная Т.М.** Современная американская риторика как теория и практика манипулирования общественным сознанием: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1986; **Булыгина Т.В., Шмелев А.Д.** Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997; **Доценко Е.Л**. Психология манипуляции. М., 1996; **Кочубей Н.Ю.** Лингвистические средства пропагандистского воздействия (на материале правой прессы Франции): Дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1989; **Кульман А.Д.** Методы и приемы семантической обработки информации в буржуазной пропаганде: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1979; **Николаева Т.М.** «Лингвистическая демагогия» // Прагматика и проблемы интенсиональности (Сборник научных трудов). М., 1988; **Сковородников А.П.** Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 2. Красноярск-Ачинск, 1997; **Стриженко А.А.** Средства речевого воздействия в буржуазной пропаганде: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982; **Стриженко А.А.** Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980; **Федосюк М.Ю.** Выявление приемов «демагогической риторики» как компонент полемического искусства // Тезисы научной конференции «Риторика в развитии человека и общества» (13—18 января 1992 г.). Пермь, 1992; **Шерковин Ю.А.** Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973; **Шиллер Г.** Манипуляторы сознанием. М., 1980; Язык как средство идеологического воздействия: Сб. обзоров. М., 1983.

О.Н. Завьялова

РЕЧЕВОЙ ШТАМП (от лат. stampa — печать) — некогда образные слова и выражения, потерявшие свою яркость и выразительность в силу большой частотности употребления. Их неоправданное использование является речевым недочетом, нарушающим коммуникативно-прагматическую норму.

Р.ш., являясь словами и оборотами речи со стертой семантикой и потускневшей эмоциональной окраской, лишают речь конкретности, индивидуальности, простоты и поэтому оцениваются негативно. Напр.: *Дежурный по городу примет ваш звонок и отправит в* ***«горячие точки»*** *корреспондентов «КП-Красноярск» с наказом «выслушать, разобраться, помочь»* (КП, 11 окт. 2002 г.) (Ср.: ...и отправит туда, где идет война...) ; *Хронические заболевания суставов — остеохондрозы и артрозы — настоящий* ***бич человечества*** (КП, 18 окт. 2002 г.) (Ср.: ...остеохондрозы и артрозы — часто встречаемое заболевание; *Судя по высказываниям Сергея Степашина,* ***«зеленый свет»*** *проекту обеспечен* (АиФ. № 37. 2002) (Ср.: ...проект может быть осуществлен)*; Правительство было расширено и крем, получивший название «СОФЬЯ», <...> начал* ***победное шествие*** *по стране, потом перешагнул и ее границы* (АиФ. № 37. 2002) (Ср.: крем... стал популярен в нашей стране и за рубежом)*; В 40-е годы XX века* ***на ниве вампиризма*** *трудился некий Джон Джорш Хейг* (Сибирский календарь. 12 сент. 2001 г.) (Ср.: В 40-е годы XX века вампиром был некий Джон...).

Со временем Р.ш. устаревают и перестают употребляться. Примерами «старых» штампов могут служить сочетания слов *зеленое золото* (о чае), *белое золото* (о хлопке), *ожерелье из бетона и асфальта* (кольцевая дорога), *красной нитью проходит*.

Р.ш. иногда называют неоправданное использование стандартных выражений с канцелярской окраской (см. Канцелярит).

Уменьшение воздействующей силы часто употребляемых слов и выражений объясняется явлением адаптации (привыкания). Адаптация к определенному способу выражения, по мнению Л.А. Киселевой (Киселева Л.А., 1978. С. 131—133), с одной стороны, увеличивает число языковых штампов, с другой стороны, она создает стимулы для поисков говорящими более действенных выразительных, экспрессивных средств, приводящих к обогащению прагматической системы языка.

Р.ш. необходимо отличать от языковых стандартов — Клише (см.) — готовых, воспроизводимых в речи средств выражения, которые лаконично выражают какую-либо мысль и положительно оцениваются говорящими.

Лит.: **Адамушко Н.И.** Тропы, языковые стандарты и штампы в газетном комментарии // Стилистика текста. Тезисы всерос. лингв. конф. (23—27 июня 1992). Якутск, 1992; **Винокур Т.Г.** Штамп речевой // Языкознание: Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Киселева Л.А.** Вопросы теории речевого воздействия. Л., 1978; **Костомаров В.Г.** Русский язык на газетной полосе. Некоторые особенности языка современной публицистики. М., 1971; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Матвеева Т.В.** Речевой штамп // Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под. ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. М., 2003; **Никитина С.Е., Васильева Н.В.** Экспериментальный системный толковый словарь стилистических терминов. Принципы составления и избранные словарные статьи. М., 1996; **Розенталь Д.Э.** К итогам обсуждения вопроса о штампах // Вестник Московского университета. Сер. «Журналистика». 1968. № 6; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1976.

Г.А. Копнина

РЕЧЕВЫЕ НЕДОЧЕТЫ — нарушения неимперативных норм (т.е. обычно имеющих варианты). Это чаще всего стилистические нарушения, такие, как нарушения функционально-речевых закономерностей, вызванные незнанием стилевых черт разных функциональных стилей и нарушением их норм, несоответствие стилистической окраски высказывания его содержанию. К Р.н. также относятся стилистические погрешности, связанные с неумелым владением ресурсами русского языка, с бедностью словарного запаса и с недостаточно развитым языково-стилистическим чутьем. Напр.: *Он сразу побежал к месту* 477, *спасаясь от удушья* ***посредством намоченного пиджака*** (СТ. 24 апр. 2002 г.) — данное словосочетание более уместно было бы в тексте делового документа, это Канцелярит (см.) (лучше: ...с помощью намоченного пиджака); *Во вторник в Воррентоте, США, при взлете небольшой самолет столкнулся с лосем. Лось от полученных травм скончался на месте* (СГ. 14 апр. 2002 г.) — здесь использование клише, свойственных жанру криминальной хроники, по отношению к животному создает некий комизм, ср.: ...животное погибло; *И все же в глубине души каждый из нас потихоньку убеждает себя: это бандитские* ***разборки****, это* ***«бытовуха»*** *после* ***«технаря»*** (Ориентир. 5—12 ноября 2003 г.) — неуместное и избыточное использование жаргонизмов; *Еще очень большие богатства морей остаются* ***втуне*** (Радио России. 19 сент. 2001 г.) — немотивированное использование устаревшего слова с высокой стилистической окраской, лучше: ...не используются.

Речевыми недочетами принято считать также погрешности в построении как отдельного предложения, так и целого текста, напр.: *Проверяйте* ***деньги****, не отходя от кассы, и* ***правильность оформления билетов*** (объявление в железнодорожной кассе) — неоправданная инверсия (Ср.: Проверяйте деньги и правильность оформления билетов, не отходя от кассы); недочетом можно также считать неправильное употребление прямой, косвенной и несобственно-прямой речи: *Преподаватель сказал, что* ***я, мол, не буду*** *сегодня спрашивать* (из разговорной речи) — неверная передача косвенной речи (ср.: ...что он не будет сегодня спрашивать).

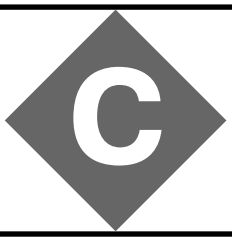
Кроме того, речевыми недочетами также называют фоностилистические погрешности, нарушения благозвучности речи: ***Изображения*** *писателей-классиков,* ***изготовленные изостудией,*** *были выполнены безвкусно* (Радио России. 3 июня 1996 г.); ***Четкий пас Пасечника четко*** *использовал Тарханов* (ОРТ. 5 мая 1995 г.).

В школьной практике недочеты иногда называют негрубыми ошибками.

Лит.: **Горбачевич К.С.** Нормы современного русского литературного языка: Пособие для учителей. М., 1981; **Кожина М.Н.** Стилистика русского языка. М., 1993; Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Мучник Б.С.** Культура письменной речи: Формирование стилистического мышления: Пособие для учащихся 10—11 классов средних школ, гимназий. М., 1996; **Его же.** Основы стилистики и редактирования: Учеб. пособие для средней и высшей школы. Ростов н/Д, 1997; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М.,1997.

А.В. Баринова

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки речевые.

СИНТАКСИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Грамматико-синтаксические ошибки.

СЛОВА-ПАРАЗИТЫ — разновидность лексико-стилистических ошибок, которая заключается в употреблении слов и словосочетаний, не несущих в тексте смысловой нагрузки и засоряющих речь, напр.: *типа, так сказать, это, как его, как бы, так, на самом деле, значит, вот, все такое, понимаешь* и т.п.

Большинство этих слов имеют, как правило, модальное значение в правильно организованном контексте, но употребленные в неудачно сконструированной фразе они становятся преградой для точного понимания смысла сказанного: *Они, **так сказать**, собрались, **так сказать**, посовещаться, но договориться, **так сказать**, не смогли.* Иногда употребление слов-паразитов может быть причиной комизма или полностью менять смысл фразы: *Мы **как бы** умные люди...* (слово «как бы» имеет значение 'подобно', 'словно'); *Находясь в заключении, он **типа** раскаялся.*

С.-п. служат своеобразным заполнением пауз во время обдумывания очередной фразы в условиях спонтанной речи, что, однако, является речевым недочетом: *Правительство, **э-э-э**, решило начать подготовку к, **э-э-э**, проведению очередного, **ну-у**, в общем, повышения размера минимальной заработной платы.*

Среди С.-п. выделяется группа слов, имеющих жаргонное, арготическое или просторечное происхождение: *типа, в натуре, блин, на фиг, прикинь* и т.п. Использование этих слов в речи нарушает ее стилистическое единообразие, что является отклонением от нормы.

Лит.: **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Голуб И.Б., Розенталь Д.Э.** Книга о хорошей речи. М., 1997; Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. Л.К. Граудиной и Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 1997.

А.В.Щербаков

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки словообразовательные.

СМЕШЕНИЕ СТИЛЕЙ$_2$. См. Стилистические ошибки.

СТИЛЕВОЙ РАЗНОБОЙ. То же, что Смешение стилей$_2$.

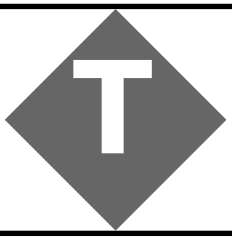
СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ – разновидность Речевых ошибок (см.), нарушений стилистической нормы, ошибки, связанные с употреблением слов, словоформ и синтаксических конструкций без учета их стилистической окраски. Примеры: 1. *Надо объединить для решения этих задач все здоровые силы общества. Это и будет самой надежной гарантией для предотвращения в будущем разрушительных конфликтов и **разборок*** (из предвыборного обращения) (использование жаргонизма из воровского жаргона «разборки» неуместно в тексте подобного рода). 2. *Продукция предприятия пользуется спросом особенно в тех местах, где большую часть года **верховодят** морозы* (Новости ОРТ. 3 марта 1999 г.) («верховодят морозы — неуместная метафоризация в тексте деловой тональности). 3. *Особый интерес представляют **сборища,** на которых вместе с ребятами присутствует их классный руководитель* (слово с негативной стилистической

окраской «сборища» в данном предложении употреблено неуместно). Все приведенные примеры представляют собой результат несоблюдения такого коммуникативного качества хорошей речи, как уместность. Существует также С.о., называемая смешением стилей, она возникает, когда в тексте или высказывании одной стилистической окраски появляются иностилевые элементы: *Павел решил разыскать тех, кто в* ***пламенные годы войны*** *вместе с оккупантами* ***творил*** *свои* ***грязные дела*** *на территории Украины* — высокая лексика здесь контрастирует с разговорным оборотом «грязные дела».

К С.о. относят помимо этого ошибки, связанные с несоблюдением качеств богатства и чистоты речи: это речевые нарушения, связанные с Бедностью словарного запаса (см.), Речевые штампы (см.), употребление Слов-паразитов (см.). Кроме того, к стилистическим ошибкам относятся: Немотивированное использование нелитературной лексики (см.): Неудачное использование тропов (см.), Канцелярит (см.) и др.

Лит.: **Анисимов Г.А.** О классификации речевых ошибок // РЯНШ. № 3. 1989; **Голуб И.Б.** Стилистика русского языка. М., 1997; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике русского языка. М., 1997; **Сенкевич М.П.** Культура радио- и телевизионной речи. М., 1997; **Цейтлин С.Н.** Речевые ошибки и их предупреждение. СПб., 1997.

А.В. Баринова

ТАВТОЛО́ГИЯ$_2$ — одно из значений многозначного слова «тавтология» (от греч. tautologia из tauto — то же самое + logos — слово), вид речевых ошибок, состоящий в непреднамеренном и не оправданном стилистическим контекстом повторении в пределах одного или соседних предложений одних и тех же или однокоренных, близких по звучанию слов. Напр.: 1) ***Резко повысилась*** *роль России, а в ней самой* ***резко повысилась*** *власть, что очень важно* (ЛГ, 28 авг. 1991 г.); 2) *Что бы ни говорили политологи и звездочеты,* ***рост*** *авторитета Александра Руцкого в российском обществе неизменно* ***растет*** (ЛГ, 10 сент. 1993 г.); 3) *Неудивительно, что тут же стали рождаться новые планы, как* ***с большей пользой использовать*** *планируемую достопримечательность* (КП, 8 мая 2001 г.); 4) *Относительно данного замечания* ***следует*** *сказать* ***следующее*** (Из выступления в дискуссии). Т$_2$ довольно легко устраняется с помощью синонимических замен. Напр., содержание последнего предложения можно было бы выразить так: *Относительно данного замечания необходимо (нужно) сказать следующее.*

Специалисты в области филологического образования отмечают, что Т$_2$ «очень частая и устойчивая ошибка на всех этапах обучения языку», причины ко-

торой: «психологическая — тенденция к повторному использованию слова, языковая — бедность словаря, неумение пользоваться синонимами» (Азимов Э.Г., Щукин А.Н., 1999. С. 350).

Термин «тавтология» в пейоративном значении иногда используется расширительно, как «неоправданная избыточность выражения», например: «*Более лучшее положение* (в форме *лучшее* уже заключено значение сравнительной степени). *Самые высочайшие вершины* (в форме *высочайшие* уже заключено значение превосходной степени)» (Розенталь Д.Э., Теленкова М.А., 1985. С. 352). В таком значении термин «тавтология» совпадает с одним из значений термина «плеоназм» (см. Плеоназм$_2$).

Лит.: **Азимов Э.Г.** Словарь методических терминов (теория и практика преподавания языков). СПб., 1999; **Андреева Ф.Т.** Некоторые пути устранения тавтологии // РЯШ. № 3. 1975; **Лопатин В.В.** О тавтологических ошибках // РЯШ. № 3. 1964; **Львов М.Р.** Словарь-справочник по методике преподавания русского языка: Пособие для студентов педагогических вузов и колледжей. М., 1999; **Розенталь Д.Э., Теленкова М.А.** Словарь-справочник лингвистических терминов: Пособие для учителя. М., 1985; **Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П.** Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1998.

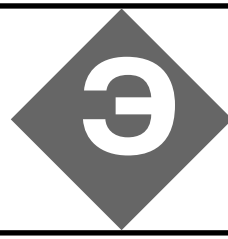
А.П. Сковородников

Ф

ФАКТИЧЕСКИЕ ОШИБКИ. То же, что Ошибки фактические.

Ш

ШТАМП РЕЧЕВОЙ. То же, что Речевой штамп.

ЭТИКО-РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ – это нарушения этических, в частности, этикетных норм при построении устной или письменной речи (монолога или диалога). Этико-речевые нормы, в свою очередь, входят в понятие риторического (речевого) идеала, представления о котором извлекаются из национальной философии, национальных речевых традиций, а также из универсальных (общечеловеческих) постулатов речевого общения и правил речевого этикета.

Э.-р.о. совершаются тогда, когда говорящий или пишущий игнорирует этико-эстетический компонент речевой культуры, который в русской речевой традиции «подразумевает особую роль категорий гармонии, кротости, смирения, миролюбия, негневливости, уравновешенности, радости, а реализуется в диалогическом гармонизирующем воздействии, риторических принципах немногословия, спокойствия, правдивости, искренности, благожелательности, ритмической мерности, отказе от крика, клеветы, сплетни, осуждения ближнего» (Михальская А.К., 1996. С. 400). Прагматические постулаты речевого общения (напр., известные максимы П. Грайса, Дж. Лича) тоже в значительной своей части имеют этический характер. Таковыми являются: максима полноты информации; максима качества (Говори правду!); максима такта (Соблюдай интересы другого! Не нарушай границ его личной сферы!); максима великодушия (Не затрудняй других!); максима одобрения (Не хули других!); максима скромности (Отстраняй от себя похвалы!); максима согласия (Избегай возражений!); максима симпатии (Высказывай благожелательность!) (Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В., 1985. С. 26–27). Несоблюдение этих максим, во многом перекликающихся с основными концептами русского риторического идеала, также ведет к этико-речевым ошибкам.

Так, с этической точки зрения, ненормативным является речевое общение, в котором общающиеся «награждают» друг друга словесными ярлыками, что является проявлением речевой агрессии, недоброжелательности. Ср. ярлыки современной прессы: *фашисты, красно-коричневые, маргиналы, национал-патриоты, экстремисты, гомо-советикус, воинствующие почвенники, демшиза, демпапуасы* и т.д. Совершенно очевидно, что нельзя признать допустимыми с точки зрения речевой этики газетные контексты, когда по отношению к оппонентам применяются инвективы, напр.: *«соплежуй», «выблядки», «говноед»* и т.п. Или ситуации, когда учителя обращаются к своим воспитанникам: *«Ой, тупари, вы меня заколебали!»; «Ты почему, тунеядец, не пришел кабинет убирать?»; «Ну, Катенька, что ты мне хрюкнешь на этот раз?»* и т.п.

Вообще, с этической точки зрения недопустимы никакие высказывания, унижающие человеческое достоинство, выражающие высокомерное и тем более циничное отношение к человеческой личности, его национальной принадлежности, культуре, религии и т.д. Так, примерами грубых нарушений этико-речевой нормы являются следующие высказывания: 1. *«В августе текущего года, как известно, исполняется аккурат 20 лет с того скорбного дня, когда всех нас покинул г-н Элвис*

Аарон Пресли (Как время-то бежит!..). По этому поводу его вечнозеленая вдова Присцилла дала добро на съемки очередного радикально нового высокохудожественного фильма об ее уже давно скушанном червячками супруге». (СГ, 22 июля 1997 г.); 2. *«Святой Георгий сидел в пресс-баре и пил горькую. — Пошто закручинился, Егорий? — Ох, Леш, не спрашивай. Публика эта, туды ее в качель...Совсем задразнили. Слыхал, небось, как прозвали-то меня? Колченогий на беременной»* (КК, 29 июля 1989 г.); 3. *«Старая перечница»* — заголовок заметки о женщине по имени Элизабет Израэл, старейшей жительнице Земли. (ЭГ. № 7. 2001 г.) и т.п. (см. Лингвоцинизмы).

По мнению некоторых исследователей, этический компонент культуры речи предполагает, в частности, «определение нормативности заимствований литературного языка из разного рода жаргонов и арго» (Ширяев Е.И., 1996. С. 35) на предмет отделения этически и эстетически неприемлемого «жаргонного мусора» от удачных находок, способных войти в литературный язык (Ширяев Е.Н. 1996. С. 37). Совершенно очевидно, что этически неприемлемы жаргонные слова и обороты, делающие речь вульгарной, как, напр., в следующем тексте: «Да *не будут пиарщики хоть сколько-нибудь грамотно разводить электорат, потому что электорат-то этот самого многоразового использования — поимели спереди, подстраивайся сзади. Не нужна красивая обертка, какашку народ схавает и так, вразвес. «Пожалте к столу, господа, жрать подано!»* (Ком. № 38, 2002 г.).

Неэтичным по своей природе является Речевое манипулирование (см.) — неявные (маскируемые) попытки навязать адресату с помощью демагогии или других приемов какую-либо идею, точку зрения, оценку и т.п. — поскольку такое поведение не согласуется с принципами искреннего и благожелательного отношения к собеседнику (в широком смысле этого слова) и с максимами качества, полноты информации и такта. Речевое манипулирование получило широкое распространение в средствах массовой информации — электронных СМИ, газетах, рекламе. «Персуазивность как признак газетного дискурса выражается в сознательном, намеренном воздействии на когнитивно-ментальную сферу читателя с целью добиться нужного манипулятору результата» (Виноградов С.И., 1996. С. 281—282). Напр., манипулятивными являются следующие газетные тексты:

1. *«Говорухин не захотел заметить, что коммунизм, фашизм, национал-патриотизм — это одно и то же»* (Изв., 16 сент. 1993 г.). Манипулятивным является постановка в ряд однородных членов предложения и отождествление по содержанию разных явлений (по-видимому, с целью дискредитации идеи патриотизма).

2. *«За победу над коммунизмом человечество наградило Горбачева Нобелевской премией»* (ЦТ, 25 дек. 1996 г.). Здесь манипулятивно использовано существительное «человечество» с целью популяризации названного политика (слово «человечество», кроме обобщенного значения «люди», имеет еще значение «человеческий род; человеческое общество». См. БТСРЯ, 1998. С. 1470).

3. *«Рынок труда — под контролем»* (КР, 11 дек. 1999 г.). Это заголовок заметки о безработных, которые именуются «высвобождаемыми работниками». Как видим, «неприятные» социальные явления («безработица», «безработные») называются не прямо, а косвенно, с помощью эвфимизмов.

К области речевой этики относится речевой этикет. Поскольку «знаки речевого этикета обладают ситуативно обусловленным значением» (Балакай А.Г., 2002. С. 18), социально и стилистически дифференцированы и образуют разветвленные синонимические ряды (см.: Формановская Н.И., 1982. С. 6—12), часто возникают ошибки в выборе адекватной этим условиям этикетной речевой формулы. Особенно часто речевые ошибки возникают при выборе Ты/Вы форм обще-

ния. Е.Н. Ширяев приводит такой пример: «Одно тогда чрезвычайно высокопоставленное лицо в телевизионной передаче обращалось к корреспонденту и к своему, также именитому, но рангом ниже, собеседнику на «ты» по имени (Игорь, Руслан), в то время как и корреспондент, и второй собеседник обращались к этому лицу исключительно на «вы» и по имени и отчеству (Геннадий Иванович). Грубое нарушение этики общения здесь несомненно, что не преминула отметить одна из газет» (Ширяев Е.Н. 1996. С. 36). Вообще в области обращений этикетная норма нарушается достаточно часто. В этом отношении показателен эпизод, описанный в газете «Известия»: *Выхожу я как-то из маршрутного такси, и тут же ко мне обращается высокий мужчина с чемоданчиком в руках: «Мамуля, как пройти в гостиницу «Байкал»? Показала «сыночку» дорогу и свернула во двор к прачечной. Там гуляла с собачкой маленькая старушка. «Дочуня, — спросила она у меня, — который теперь час?» Ответив на ее вопрос, я отправилась по своим делам. А когда потом подошла к остановке, там было много народу, и к появившемуся троллейбусу все ринулись толпой. Я тоже. «Пошевеливайся, бабуля!» — сказал кто-то сзади, подпихивая меня в дверь по ступенькам. Так и не разглядев новоявленного «внука», я вдруг рассмеялась* (Иванова А. Как нас теперь называть? Изв., 11 марта 1985 г.).

Просчеты в выборе этикетных речевых форм могут быть менее заметными, но не менее прагматически существенными. Так, напр., в разговоре с человеком старше вас (по возрасту, званию, общественному положению) из двух формул: «Советую вам прочитать эту книгу» и «В этой книге вы найдете для себя много интересного» — безусловно, предпочтительна вторая.

На уровень этичности общения оказывают существенное влияние не только коммуникативная компетентность общающихся, но и их личностные качества. Э.-р.о. чаще совершают люди, которым свойственны вспыльчивость, раздражительность, прямолинейность, себялюбие, упрямство, обидчивость, мстительность, пристрастность, придирчивость, лживость, лицемерие, беспринципность, апломб, амбициозность, высокомерие, заносчивость, самонадеянность, самовлюбленность, тщеславие, хвастливость, пренебрежительность, бесцеремонность, эгоцентризм и некоторые другие негативные качества. Тем не менее критическое отношение к своим речевым поступкам, самоконтроль и самодисциплина дают возможность минимизировать их отрицательное воздействие на культуру общения.

Лит.: **Арутюнова Н.Д., Падучева Е.В.** Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике: Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985; **Балакай А.Г.** Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Орел, 2002; **Виноградов С.И.** Язык газеты в аспекте культуры речи // Культура русской речи и эффективность общения. М., 1996; Культура русской речи: Учебник для вузов / Под ред. проф. Л.К. Граудиной и проф. Е.Н. Ширяева. М., 1998; **Михальская А.К.** Основы риторики: мысль и слово. М., 1996; **Сковородников А.П.** Об экологии русского языка // ФН. 1992. № 5—6; **Он же.** О состоянии речевой культуры в российских средствах массовой информации (опыт описания типичных нарушений литературно-языковых норм) // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 7. Красноярск: КрасГУ, 1998; **Он же.** Языковое насилие в современной российской прессе // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методич. бюллетень. Вып. 2. / Краснояр. гос. ун-т. Красноярск-Ачинск, 1997; **Формановская А.И.** Употребление русского речевого этикета. М., 1982.

А.П. Сковородников

Предметный указатель

ВЫРАЗИТЕЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЯЗЫКА И РЕЧИ

Аве́рсия
Автоло́гия
Авторская речь
Авторское обновление фразеологизмов
Адина́та. То же, что Импоссибилия
Аккумуля́ция
Актуализа́ция
Аллего́рия
Аллитера́ция
Аллойо́за, или Аллойо́зис
Аллю́зия
Алоги́зм
Амплифика́ция
Амфиболи́я$_1$
Анадипло́зис, или Подхват
Анаколу́ф
Анантапо́дотон, или Анантаподатон
Анапо́датон, или Анаподотон
Ана́строфа
Ана́фора
Анаэпи́фора
Антана́класис, или Антана́класса
Антикли́макс
Антимета́бола
Антипо́фора
Антите́за
Антифра́зис
Антиэ́ллипсис
Анто́нимы
Антономазия, или Антономасия
Апозиопе́зис (Апосиопе́зис), или Апозиопе́за (Апосиопе́за)
Апокойну́
Апо́копа
Апостро́ф. То же, что Риторическое обращение
Апоф(т)е́гма
Арготи́змы
Архаи́змы
Аси́ндетон
Ассона́нс
Астеи́зм
Афори́зм

Библеи́змы
Благозву́чие, или Эвфони́я
Буквализация метафоры. См. Реализация метафоры

Варвари́змы
Включение
Вопросно-ответный ход
Восходящая градация. То же, что Климакс
Вставна́я констру́кция, или Паренте́за (Паренте́зис)
Выдвиже́ние
Выразительность речи
Выразительные средства языка

Гемина́ция
Гендиа́дис
Гипа́ллага, или Гипа́ллаг
Гипербо́л(он)
Гипе́рбола
Гипо́фора
Гистеролоогия, или Гистеропротерон
Гно́ма
Гомеоло́гия
Града́ция
Грамматический троп
Графо́н
Гротéск

Делибератúвный вопрос
Диа́копа. То же, что Тме́зис
Диалектизмы
Диалогизация монологической речи
Диате́за
Диа́фора
Дило́гия. То же, что Амфиболи́я$_1$
Дисфеми́зм, или Какофеми́зм
Единонача́тие. То же, что Анафора

Жаргони́змы

Заи́мствования
Звуковой повтор
Звуковой символи́зм. См. Звукоизобразительность
Звукоизобрази́тельность
Зву́копись
Звукоподража́ние, или Ономатопе́я
Зе́вгма

Игра слов. См. Языковая игра
Идио́ма, или Идиомати́ческое выражение
Изобразительно-выразительные средства языка. См. Выразительные средства языка
Изобразительность речи. См. Образность
Изо́колон
Иллеи́зм
Именительный темы. См. Сегментированная синтаксическая конструкция
Импоссиби́лия

Инве́рсия
Иносказа́ние
Инструмента́вка
Интернационали́змы. То же, что Интернациона́льные слова
Интернациона́льные слова
Интимиза́ция повествования
Ирóния
Истори́змы

Какофеми́зм. То же, что Дисфеми́зм
Какэмфато́н
Каламбу́р
Канцеляри́змы
Катахре́за, или Катакреза
Ки́клос. То же, что Кольцо
Кли́макс, или Восходящая градация
Клише́
Книжная лексика
Кольцевой повтор. То же, что Кольцо
Кольцо
Конверге́нция стилистическая. То же, что Стилистическая конверге́нция
Конкатена́ция
Коннота́ция
Контамина́ция$_1$
Контраст стилистический. То же, что Стилистический контраст
Корре́кция
Косвенная речь
Крылатые слова и выражения

Лексика просторечная. То же, что Просторечная лексика
Лито́та

Макарони́ческая речь
Ма́ксима
Медитати́вный вопрос
Мейо́зис
Металóгия
Мета́фора
Метони́мия
Ми́мезис, или Ми́месис
Многозначность. То же, что Полисеми́я
Многосоюзие. То же, что Полиси́ндетон

Нагромождение. См. Амплифика́ция
Нейтральные средства языка
Неологи́змы
Неснята́я омонимия$_1$
Неснята́я полисеми́я$_1$
Несобственно-авторская речь. То же, что Несобственно-прямая речь
Несобственно-прямая речь, или Несобственно-авторская речь
Нисходящая града́ция. То же, что Анти-кли́макс

Обманутое ожидание
Обновление, или Разложение фразеологизма. См. также Авторское обновление фразеологизмов
Образность
Обрамление. То же, что Кольцо
Обратное олицетворение
Обращение риторическое. То же, что Риторическое обращение
Общеупотребительная лексика. См. Нейтральные средства языка
Окказионали́змы
Оксю́морон, или Окси́морон
Олицетворе́ние, или Персонифика́ция
Омонимия и смежные явления
Омóнимы. См. Омонимия и смежные явления
Ономатопе́я. То же, что Звукоподража́ние
Остране́ние, или Остраннéние

Палиндро́м, или Палиндро́мон, или Перевёртень
Парадиастола
Парадóкс
Пара́лепсис
Паренте́за. То же, что Вставна́я конструкция
Паро́дия
Паро́нимы
Парономáзия
Парцелля́ция
Перечисление
Пери́од
Периоди́ческая речь. То же, что Пери́од
Перифра́з(а), или Парафра́з(а), Перифра́зис, или Перифра́сис
Перку́рсия
Плеона́зм$_1$
Плóка
Повтор, или Повторение
Подтекст
Подхват. То же, что Анадиплóзис
Позиционно-лексический повтор
Поли́птотон
Полисеми́я, или Многозначность
Полиси́ндетон
Полупрямая речь
Постоянный эпи́тет. См. Эпи́тет
Поэти́змы
Прерванно-продолженное, или Прерванно-возобновленное высказывание
Прокатале́псис. См. Гипóфора
Пролéпсис, или Пролéпс. То же, что Синтаксическая антиципа́ция
Прономина́ция. См. Антономáзия
Просаподóсис. То же, что Кольцо
Просопопе́за, или Просопопе́зис, или Прозопопе́зис
Просторечная лексика

Прямая речь

Разговорная лексика
Разложение идио́мы. См. Обновление фразеологизма
Расширение. То же, что Амплификация
Реализация метафоры, или Буквализация метафоры
Реди́ф
Редупли́кация
Реминисце́нция
Репри́за. То же, что Повтор
Ретарда́ция
Риторическая фигура
Риторический вопрос, или Эроте́ма
Риторический прием
Риторическое восклицание
Риторическое обращение, или Апостро́ф
Ро́ндо. То же, что Кольцо

Сегментированная синтаксическая конструкция
Сенте́нция
Си́ллепсис, или Си́ллепс
Си́мвол
Симпло́ка
Си́мфора. См. Мета́фора
Сине́кдоха
Синкри́зис
Синонимиза́ция. См. Синонимический повтор
Синони́мический повтор
Синони́мический ряд. См. Синонимический повтор
Сино́нимы
Синтаксическая антиципа́ция
Синтаксический параллели́зм
Сканди́рование
Словообразовательная контамина́ция
Смешение стилей, или Столкновение стилей$_1$
Смещенная конструкция. См. Анаколу́ф
Солеци́зм
Сравнение
Стилизация
Стилистическая конверге́нция
Стилистическая окраска. См. Коннота́ция
Стилистическая фигура
Стилистическая функция речевой единицы
Стилистические ресурсы языка
Стилистический контраст
Стилистический прием
Стилистический эффект
Стилистическое значение. См. Коннотация
Стык. То же, что Анадипло́зис

Тавтоло́гия$_1$
Тме́зис
Трансформация фразеологизма. То же, что Авторское обновление фразеологизма, или Обновление или разложение фразеологизма
Троп

Умолчание
Упрежде́ние
Усече́ние. То же, что Апо́копа
Усеченная синтаксическая конструкция. То же, что Апозиопе́зис
Устаревшие слова

Фигура речи. То же, что Стилистическая фигура
Фигура умолчания. То же, что Умолчание
Фо́ника
Фразеологи́змы
Фракта́та

Хиа́зм

Цentóн
Цепочка номинативных предложений
Цепочка эпи́тетов. См. Эпитет
Цита́та

Чужая речь

Эвфеми́зм, или Эвфими́зм
Эвфони́я. То же, что Благозвучие
Эзо́пов язык
Экзоти́змы
Экспле́ция
Экспресси́вное бессоюзие
Экспресси́вность речи
Экспресси́вные средства языка. См. Выразительные средства языка
Э́ллипсис
Эмоциональность речи
Эмфа́за
Эна́ллага. См. Гипа́ллага
Эна́нтиосеми́я
Эпана́лепсис
Эпано́д, или Эпано́дос
Эпи́граф
Эпимо́на
Эпистрофа́. То же, что Эпи́фора
Эпи́тет
Эпи́тет постоянный. См. Эпи́тет
Эпифоне́ма
Эпи́фора
Эроте́ма. То же, что Риторический вопрос
Этимологиза́ция

Языковая игра
Языковы́е средства выразительности. То же, что Выразительные средства языка

РЕЧЕВЫЕ ОШИБКИ И НЕДОЧЕТЫ

Акцентологи́ческие ошибки. То же, что Ошибки акцентологические
Амфиболи́я$_2$. То же, что Двусмысленность
Анахрони́змы лекси́ческие
Бедность словарного запаса
Вульгариза́ция речи
Грамматико-морфологические ошибки. То же, что Ошибки грамматико-морфологические
Грамматико-синтаксические ошибки. То же, что Ошибки грамматико-синтаксические
Грамматико-стилистические ошибки. То же, что Ошибки грамматико-стилистические
Двусмысленность, или Амфиболи́я
Каколо́гия
Какофо́ния. То же, что Неблагозвучие
Канцеляри́т, или Канцеля́рский штамп
Коммуникати́вно-прагмати́ческие ошибки
Контаминация$_2$
Лекси́ческие анахрони́змы. То же, что Анахрони́змы лекси́ческие
Лексические ошибки. То же, что Ошибки лексические
Лингвоцини́змы
Логические ошибки. То же, что Ошибки логические
Многословие. То же, что Плеона́зм$_2$
Морфологи́ческие ошибки. То же, что Грамматико-морфологические ошибки
Нани́зывание падежей
Нарушение границ предложения
Нарушение критерия уместности. См. Ошибки стилистические
Нарушение лексической сочетаемости
Нарушение порядка слов в предложении. То же, что Ошибки в выборе порядка слов в предложении
Нарушение расположения частей в сложном предложении. См. Ошибки в построении сложного предложения
Неблагозвучие, или Какофо́ния
Немотиви́рованное испо́льзование нелитературной лексики
Неоправданное употребление заимствованных слов
Неоправданный пропуск слов или частей предложения. То же, что Неоправданный э́ллипсис
Неоправданный э́ллипсис
Неправильное построение однородного ряда. То же, что Ошибки в построении предложений с однородными членами
Неправильное построение предложения. См. Ошибки в построении простого предложения и Ошибки в построении сложного предложения
Неправильное словоупотребле́ние
Неснята́я омонимия́$_2$
Неснята́я полисемия́$_2$
Неудачное использование стилистических приемов
Неудачное использование тро́пов
Неудачное использование формул речевого этикета
Неудачное словообразование, или Неудачные окказионали́змы
Неудачные сокращения
Ошибки акцентологи́ческие
Ошибки в выборе порядка слов в предложении
Ошибки в построении предложений с однородными членами
Ошибки в построении предложений с причастными и деепричастными оборотами
Ошибки в построении простого предложения
Ошибки в построении сложного предложения
Ошибки в построении сложного синтаксического целого
Ошибки в согласовании
Ошибки в употреблении анто́нимов
Ошибки в употреблении иноязычных слов
Ошибки в употреблении многозначных слов
Ошибки в употреблении омо́нимов
Ошибки в употреблении параллельных синтаксических конструкций
Ошибки в употреблении паро́нимов
Ошибки в употреблении сино́нимов
Ошибки в употреблении те́рминов и редких слов
Ошибки в управлении
Ошибки грамматико-морфологические
Ошибки грамматико-синтаксические
Ошибки грамматико-стилистические
Ошибки грамматические
Ошибки графические
Ошибки коммуникати́вно-прагматические. То же, что Коммуникати́вно-прагмати́ческие ошибки
Ошибки композицио́нно-текстовы́е
Ошибки лексико-стилистические
Ошибки лексические
Ошибки логические
Ошибки орфографи́ческие
Ошибки орфоэпи́ческие
Ошибки пунктуацио́нные
Ошибки речевые
Ошибки словообразовательные
Ошибки стилистические. То же, что Стилистические ошибки
Ошибки фактические
Ошибки фразеологи́ческие

Ошибки этико-речевые. То же, что Этико-речевые ошибки
Плеоназм$_2$
Пунктуационные ошибки. То же, что Ошибки пунктуационные
Расщепленное сказуемое
Речевая (Языковая, Вербальная) агрессия
Речевое (Языковое) манипулирование
Речевой штамп
Речевые недочеты
Речевые ошибки. То же, что Ошибки речевые
Синтаксические ошибки. То же, что Грамматико-синтаксические ошибки
Слова-паразиты
Словообразовательные ошибки. То же, что Ошибки словообразовательные
Смешение стилей$_2$. См. Стилистические ошибки
Стилевой разнобой. То же, что Смешение стилей$_2$
Стилистические ошибки
Тавтология$_2$
Фактические ошибки. То же, что Ошибки фактические
Штамп речевой. То же, что Речевой штамп
Этико-речевые ошибки

Справочное издание

Энциклопедический словарь-справочник
Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты

Подписано в печать 25.11.2011 г.
Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.
Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11
E-mail: flinta@mail.ru, Web Site: www.flinta.ru